Сергей Михайлович

СОЛОВЬЕВ

История России

с древнейших времен

Annotation

«Учебная книга русской истории», положенная в основу настоящего издания, является кратким изложением главного труда жизни знаменитого историка С. М. Соловьева – 29-томной «Истории России». Как известно, над «Историей России», охватывающей период от зарождения русской государственности до «золотого века» Екатерины II, Соловьев работал около тридцати лет, вложив в этот фундаментальный труд весь свой незаурядный опыт и многогранный талант.

Эта книга – первый, но важный шаг к знакомству с наследием крупнейшего историка России. Ее страницы шаг за шагом ведут читателя по пути, когда-то начертанному для себя ее автором: «Выучиться самому, чтобы быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университетский курс русской истории и дать средство другим знать основательно свою историю».

- Сергей Михайлович Соловьев
  -
  -
  - Глава I. Состояние страны, известной теперь под именем России, до половины IX века по Р. Х.
  - Глава II. Призвание Рюрика с братьями и общие черты деятельности первых князей русских
  - Глава III. Княжение Олега, Игоря Рюриковича, Ольги и Святослава Игоревича
  - Глава IV. Усобицы между сыновьями Святослава и княжение Владимира Святославича
  - Глава V. Усобицы между сыновьями Владимира и княжение Ярослава Владимировича
  - Глава VI. События при сыновьях Ярослава I Владимировича
  - Глава VII. События при внуках Ярослава I Владимировича
  - Глава VIII. События от смерти Владимира Мономаха до взятия Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского
  - Глава IX. От взятия Киева войсками Андрея Боголюбского до кончины Михаила Юрьевича

- Глава X. Княжение Всеволода III Юрьевича
- Глава XI. События от кончины Всеволода III до нашествия татар
- Глава XII. Нашествие татар
- Глава XIII. Внутреннее состояние русского общества от половины IX до половины XIII века
  - 1. Общий взгляд на события описанного времени
  - 2. Значение князя
  - 3. Дружина и войско
  - 4. Города
  - 5. Торговля
  - 6. Сельское народонаселение
  - 7. Законодательство
  - 8. Церковь
  - 9. Просвещение
- Глава XIV. От Батыева нашествия до кончины Александра Ярославича Невского
- Глава XV. Княжение братьев Невского, Ярослава и Василия
- Глава XVI. Судьба Юго-Западной России после татарского нашествия
- Глава XVII. Борьба между сыновьями Александра Невского
- Глава XVIII. Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрия Даниловича Московского
- Глава XIX. Иоанн I Данилович Калита
- Глава XX. События при сыновьях Иоанна Калиты
- Глава XXI. Димитрий Иоаннович Донской
- Глава XXII. Василий Димитриевич
- Глава XXIII. Василий Васильевич Темный
- Глава XXIV. Внутреннее состояние русского общества от половины XIII до половины XV века
  - 1. Главные явления означенного времени
  - 2. Татарское влияние
  - 3. Дружина
  - 4. Города
  - 5. Сельское народонаселение
  - 6. Казаки
  - 7. Торговля

        - 8. Богатство народа, его домашний быт
        - 9. Церковь
        - 10. Состояние нравственности народной
        - 11. Просвещение
    - Глава XXV. Княжение Иоанна III Васильевича
        -
        - 1. Покорение Новгорода и Вятки
        - 2. Власть Иоанна в Рязани
        - 3. Покорение Твери
        - 4. Присоединение удела Верейского
        - 5. Отношения Иоанна к родным братьям
        - 6. Брак Иоанна на греческой царевне и следствия этого брака
        - 7. Спадение татарского ига
        - 8. Союз Москвы с Крымом
        - 9. Подчинение Казани и завоевание Перми
        - 10. Войны с Литвою и Ливониею
        - 11. Отношения Москвы к другим государствам европейским
        - 12. Кончина и завещание Иоанна III
        - 13. Внутренняя деятельность Иоанна III: вызов иностранных мастеров
        - 14. Издание Судебника
        - 15. Дела церковные
    - Глава XXVI. Княжение Василия Иоанновича
        - 1. Отношения Василия к боярам и дело о разводе
        - 2. Войны с Литвою
        - 3. Войны с Крымом и Казанью
        - 4. Присоединение Пскова, Рязани и северских княжеств
    - Глава XXVII. Царствование Иоанна IV Васильевича Грозного
        - 1. Правление великой княгини Елены
        - 2. Правление боярское
        - 3. Воспитание Иоанна и его первые самостоятельные действия
        - 4. Принятие царского титула и женитьба Иоаннова
        - 5. Пожары московские; Сильвестр и Адашев
        - 6. Покорение Казани

        - 7. Покорение Астрахани
        - 8. Отношения к народам прикавказским и к Крыму
        - 9. Война с Швециею и Ливониею
        - 10. Разрыв Иоанна с Сильвестром и Адашевым
        - 11. Отъезд князя Курбского и его следствия
        - 12. Опричнина
        - 13. Война с Ливониею и Польшею
        - 14. Войны с Крымом и Турциею
        - 15. Несчастная война с Баторием и шведами
        - 16. Сношения с Англиею
        - 17. Строгановы и Ермак
        - 18. Кончина Иоанна
        - 19. Внутренние распоряжения Иоанна IV: распоряжения его относительно местничества и военного устройства
        - 20. Распоряжения относительно городского и сельского народонаселения
        - 21. Дела церковные
        - 22. Издание нового Судебника
        - 23. Литература и книгопечатание
    - Глава XXVIII. Царствование Феодора Иоанновича
        - 1. Смуты в начале царствования Феодорова
        - 2. Правление Бориса Годунова и его борьба с Шуйскими
        - 3. Сношения с Польшею
        - 4. Война шведская
        - 5. Сношения с Австриею и Англиею
        - 6. Отношение к Крыму, Турции, Персии и Грузии
        - 7. Утверждение в Сибири
        - 8. Закрепление крестьян
        - 9. Учреждение патриаршества
        - 10. Убиение царевича Димитрия и смерть царя Феодора
    - Глава XXIX. Царствование Бориса Годунова
        - 1. Избрание на престол Годунова
        - 2. Сношения царя Бориса с державами европейскими и азиатскими
        - 3. Окончание борьбы с Кучумом сибирским
        - 4. Распоряжение Бориса относительно крестьян и просвещения

        - 5. Начало смуты; доносы и опалы
        - 6. Голод и разбои
        - 7. Появление Самозванца
        - 8. Успехи Самозванца в Польше
        - 9. Меры Годунова против Лжедимитрия
        - 10. Вступление Лжедимитрия в московские пределы
        - 11. Смерть Бориса и провозглашение Лжедимитрия царем
    - Глава XXX. Царствование Лжедимитрия
    - Глава XXXI. Царствование Василия Иоанновича Шуйского
        - 1. Причины новых смут
        - 2. Восстание южных областей в пользу самозванца
        - 3. Борьба Шуйского с Болотниковым и появление второго Лжедимитрия
        - 4. Самозванец в Тушине
        - 5. Успехи тушинцев на севере
        - 6. Восстание народа на севере против тушинцев
        - 7. Борьба Москвы с Тушином
        - 8. Движение князя Скопина-Шуйского
        - 9. Вступление польского короля в пределы Московского государства и следствия этого вступления для Тушина
        - 10. Торжество Скопина и смерть его
        - 11. Сведение царя Василия с престола
    - Глава XXXII. Междуцарствие
        - 1. Провозглашение царем королевича Владислава
        - 2. Посольство Филарета Никитича и князя В. В. Голицына к королю; вступление поляков в Москву; отъезд Жолкевского и переговоры великих послов с панами под Смоленском
        - 3. Поведение Салтыкова и Андронова в Москве; восстание восточных городов против Владислава и смерть второго Лжедимитрия
        - 4. Первое общее восстание против поляков
        - 5. Причины неудачи первого ополчения
        - 6. Сожжение Москвы
        - 7. Заточение Филарета и Голицына и взятие Смоленска
        - 8. Смерть Ляпунова

        - 9. Взятие Новгорода шведами и появление третьего самозванца
        - 10. Троицкие грамоты
        - 11. Минин и Пожарский
        - 12. Пожарский в Ярославле
        - 13. Пожарский в Москве
        - 14. Очищение Китай-города и Кремля от поляков
        - 15. Неудачный поход короля Сигизмунда против Москвы и избрание царя Михаила Феодоровича Романова
    - Глава XXXIII. Царствование Михаила Феодоровича
        - 1. Посылка в Кострому за Михаилом и подвиг Сусанина
        - 2. Царское венчание Михаила и война с Заруцким
        - 3. Война с казаками
        - 4. Война и безуспешные переговоры с Польшею; сношения с Австриею
        - 5. Сношения с Турциею и Персиею; война и мир со Швециею
        - 6. Война с Польшею и Деулинское перемирие
        - 7. Патриарх Филарет Никитич и его значение
        - 8. Сношения с Швециею, Англиею и Франциею
        - 9. Вторая польская война
        - 10. Взятие Азова казаками
        - 11. Королевич Вальдемар
        - 12. Самозванец Луба
        - 13. Деятельность Михаила и Филарета для восстановления опустошенного государства
        - 14. Иностранные промышленники
        - 15. Сельские жители; распространение русских владений в Сибири
        - 16. Исправление книг
        - 17. Просвещение и литература
    - Глава XXXIV. Состояние Западной России в конце XVI и в первой половине XVII века
        - 1. Иезуиты в Литве и мысль об унии
        - 2. Братства
        - 3. Причины, заставившие некоторых епископов желать унии

        - 4. Епископы подчиняются папе
        - 5. Брестский собор 1596 года
        - 6. Борьба православных с униатами и католиками; распространение просвещения
        - 7. Казаки и их восстания против польского правительства
    - Глава XXXV. Царствование Алексея Михайловича
        - 1. Правление Морозова
        - 2. Никон
        - 3. Уложение
        - 4. Мятеж в разных городах и патриаршество Никона
        - 5. Богдан Хмельницкий и присоединение Малороссии
        - 6. Война с Польшею
        - 7. Война с Швециею
        - 8. Смуты в Малороссии по смерти Богдана Хмельницкого и вторая война с Польшею
        - 9. Раскол и падение Никона
        - 10. Соловецкое возмущение
        - 11. Бунт Разина
        - 12. Смуты малороссийские, война турецкая и кончина царя Алексея
        - 13. Подготовка к преобразованию в царствование Алексея Михайловича; Симеон Полоцкий
        - 14. Ордин-Нащокин
        - 15. Матвеев
        - 16. Ртищев
    - Глава XXXVI. Царствование Феодора Алексеевича
        - 1. Перемены при дворе в начале царствования
        - 2. Война и перемирие с турками
        - 3. Уничтожение местничества
        - 4. Славяно-греко-латинская академия
    - Глава XXXVII. Общий обзор внутреннего состояния Московского государства
        - 1. Определение Московского государства
        - 2. Отношение его к Востоку и Западу
        - 3. Правление
        - 4. Дьяки
        - 5. Приказы

        - 6. Государственные доходы. Войско
        - 7. Города и села
        - 8. Церковь
        - 9. Нравы и обычаи
    - Глава XXXVIII. Двоевластие
        - 1. Избрание в цари Петра Алексеевича
        - 2. Царица Наталья и царевна Софья
        - 3. Стрелецкий бунт
        - 4. Раскольничье движение
        - 5. Гибель Хованского
        - 6. Внутренние распоряжения Софьи
        - 7. Мир с Польшею
        - 8. Крымские походы
        - 9. Нерчинский договор
        - 10. Детство и воспитание царя Петра
        - 11. Низвержение Софьи
    - Глава XXXIX. Царствование Петра Великого
        - 1. Деятельность Петра в первые пять лет по удалении Софьи
        - 2. Азовские походы
        - 3. Кораблестроение кумпанствами
        - 4. Снаряжение великого посольства
        - 5. Заговор Цыклера
        - 6. Поездка Петра за границу
        - 7. Стрелецкий бунт
        - 8. Возвращение Петра из-за границы
        - 9. Бритье бород и перемена платья
        - 10. Стрелецкий розыск
        - 11. Паткуль
        - 12. Начало Северной войны, поражение под Нарвою
        - 13. Успехи русских в Ливонии; основание Петербурга
        - 14. Действия Карла в Польше; бунт в Астрахани; затруднительное положение Петра; Альтранштедтский мир
        - 15. Карл приближается к русским границам; Булавинский бунт
        - 16. Сражение при Добром и Лесной; измена Мазепы

        - 17. Полтавская битва и успех русских в прибалтийских областях
        - 18. Война турецкая
        - 19. Продолжение Северной войны; разлад Петра с союзниками, путешествие его во Францию
        - 20. Окончание Северной войны
        - 21. Война персидская и кончина Петра Великого
    - Глава XL. Внутренняя деятельность Петра Великого
        - 1. В отношении к Церкви
        - 2. Чины
        - 3. Городские жители
        - 4. Сельское народонаселение
        - 5. Иностранцы
        - 6. Законодательство
        - 7. Управление
        - 8. Войско
        - 9. Финансы
        - 10. Полиция
        - 11. Промышленность и торговля
        - 12. Просвещение
        - 13. Нравы и обычаи
        - 14. Важнейшие деятели Петровского времени
        - 15. Престолонаследие
    - Глава XLI. Царствование императрицы Екатерины I
    - Глава XLII. Царствование Петра II Алексеевича
        - 1. Меншиков
        - 2. Долгорукий
        - 3. Дела внешние
        - 4. Дела внутренние
        - 5. Малороссия
    - Глава XLIII. Царствование Анны Иоанновны
        - 1. Попытки верховников
        - 2. Падение верховников
        - 3. Немецкая партия
        - 4. Бедствия бироновского времени
        - 5. Внутренние распоряжения правительства
        - 6. Дела внешние

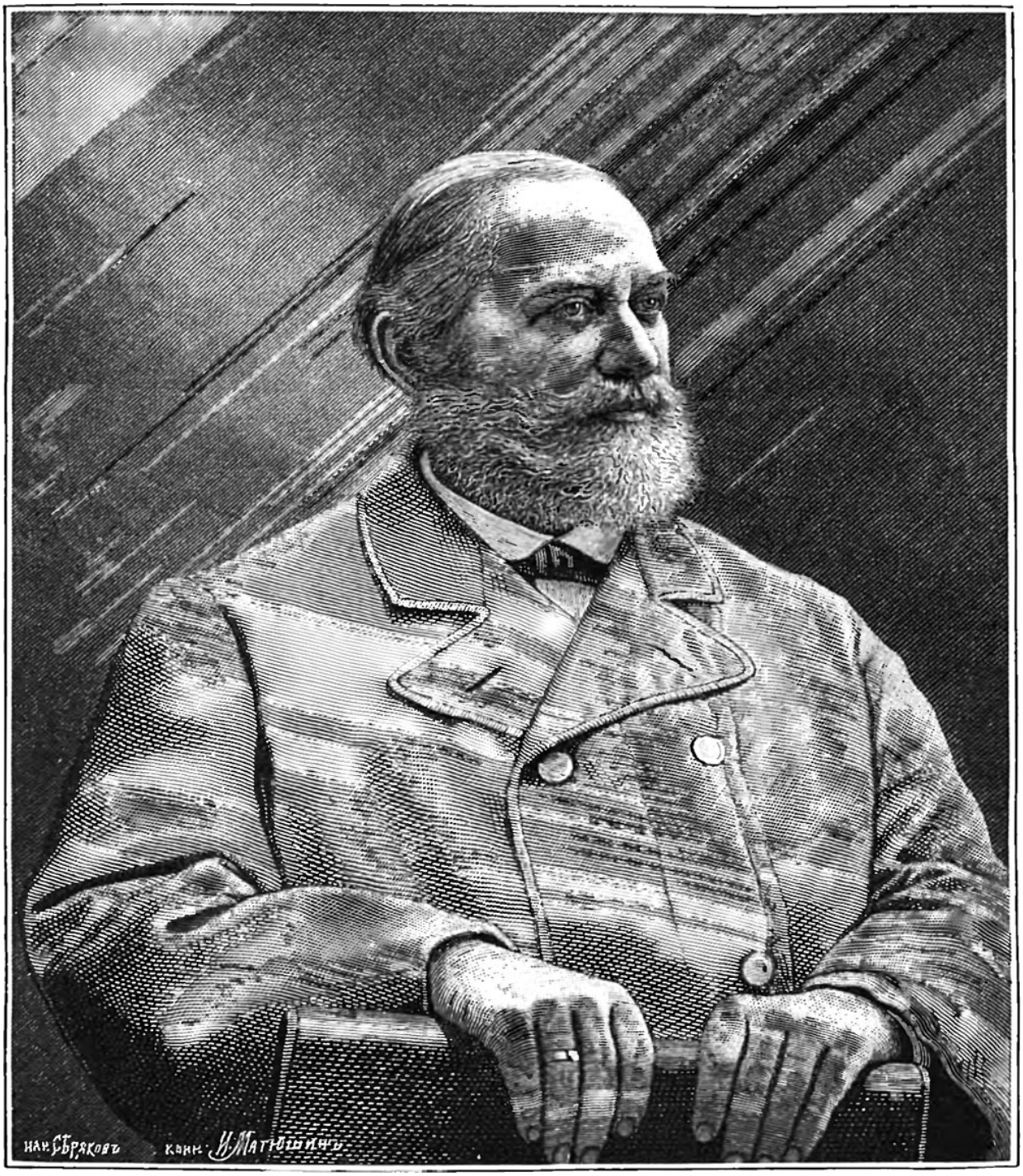
        - 7. Бирон-правитель и кончина императрицы
    - Глава XLIV. Правление Бирона и Анны Леопольдовны
    - Глава XLV. Царствование Елисаветы Петровны
        - 1. Лейб-компания и движения против иностранцев
        - 2. Престолонаследие и главные действующие лица в царствование Елисаветы
        - 3. Дела внешние
        - 4. Внутренние распоряжения
    - Глава XLVI. Царствование Петра III Федоровича
    - Глава XLVII. Литература от Петра Второго до Екатерины II
        - 1. Общий характер. Кантемир
        - 2. Ломоносов
        - 3. Труды русской истории
        - 4. Сумароков
        - 5. Театр
    - Глава XLVIII. Царствование Екатерины II
        - 1. Внутреннее неустройство. Мирович
        - 2. Дела курляндские
        - 3. Волнения в Польше
        - 4. Первая турецкая война
        - 5. Первый раздел Польши и мир с Турциею
        - 6. Чума и бунт московский
        - 7. Пугачев
        - 8. Вооруженный нейтралитет
        - 9. Присоединение Крыма
        - 10. Войны – вторая Турецкая и Шведская
        - 11. Перемены в Польше и второй раздел ее
        - 12. Третий раздел Польши
        - 13. Отношение к революционной Франции
        - 14. Персидская война
    - Глава XLIX. Внутренняя деятельность Екатерины II
        - 1. Общий характер и наиболее влиятельные люди
        - 2. Наказ к сочинению нового Уложения
        - 3. Обращение к Сенату; указ о взяточничестве; новые штаты. Ордена
        - 4. Учреждения для управления губерний
        - 5. Финансы

        - 6. Дворянство
        - 7. Города
        - 8. Сельское народонаселение; иностранные колонисты
        - 9. Уничтожение гетманства и Запорожья
        - 10. Меры относительно духовенства
        - 11. Меры относительно раскола
        - 12. Меры для умножения и сохранения народонаселения
        - 13. Меры для народного воспитания
        - 14. Литературная деятельность Екатерины
        - 15. Общий характер литературы екатерининского времени
        - 16. Сумароков, Фонвизин, Державин
        - 17. Исторические труды
    - Глава L. Царствование императора Павла Петровича
        - 1. Миролюбивое расположение императора
        - 2. Причины войны с Франциею
        - 3. Поведение Австрии и Пруссии
        - 4. Союз пяти держав против Франции
        - 5. Действия турецко-русской эскадры
        - 6. Суворов
        - 7. Торжество Суворова в Италии над Моро и Макдональдом
        - 8. Неприятности Суворова от австрийского правительства
        - 9. Действия русских в Южной Италии
        - 10. Победа Суворова при Нови и поход его в Швейцарию
        - 11. Разрыв России с Австриею и Англиею
        - 12. Мир с Франциею и приготовления к войне с Англиею
        - 13. Внутренняя деятельность императора Павла
    - Глава LI. Царствование Александра I
        - 1. Две первые войны с Франциею
        - 2. Война шведская
        - 3. Войны турецкая и персидская
        - 4. Причины третьей французской войны
        - 5. Барклай де Толли и Багратион
        - 6. Пожертвования русских в отечественную войну
        - 7. Смоленск
        - 8. Кутузов

        - 9. Бородино
        - 10. Оставление Москвы русскими и занятие ее французами
        - 11. Кутузов в Тарутине; партизаны и народная война
        - 12. Выход французов из Москвы
        - 13. Битва при Малоярославце и бедственное отступление французов по Смоленской дороге
        - 14. Переправа через Березину и очищение России от врагов
        - 15. Заграничная война 1813 года
        - 16. Война 1814 года
        - 17. Венский конгресс и Ватерлоо
        - 18. Священный союз и конгрессы: Троппауский, Лайбахский и Веронский; дела польские; восстание греков и кончина императора Александра
    - Глава LII. Внутренняя деятельность императора Александра I
    - Глава LIII. Царствование императора Николая Павловича (до 1850 г.)
        - 1. Вопрос о престолонаследии и смута 14 декабря
        - 2. Внутреннее распоряжение правительства
        - 3. Дела внешние: персидская война
        - 4. Война турецкая
        - 5. Война с польскими повстанцами
        - 6. Следствия польского восстания
        - 7. Уничтожение унии
        - 8. Отношения к Турции
        - 9. Венгерская война
    - Иллюстрации

Сергей Михайлович Соловьев
История России с древнейших времен

* * *



Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – крупнейший и самый знаменитый историк России, ректор Московского университета (1871–1877), ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности (1872).

Около 30 лет С. М. Соловьев неустанно работал над своей «Историей России с древнейших времен», славой его жизни и гордостью российской исторической науки. Последний, 29-й том вышел в 1879 г., уже после смерти автора. На тех же материалах и источниках, исходя из тех же научных установок, С. М. Соловьев написал и адаптированную для широкого чтения «Учебную книгу русской истории» (первое издание 1859 г.), занимательный экскурс в отечественную историю – от древнерусских времен до царствования Николая I.

Труды С. М. Соловьева, вошедшие в золотой фонд русской исторической науки, отличаются основательностью концепций, обоснованностью аргументов, весомостью доводов, ясностью мысли, четкостью формулировок. Поэтому им выпала особая «научная судьба»: долгая книжная жизнь и широкий круг благодарных читателей.

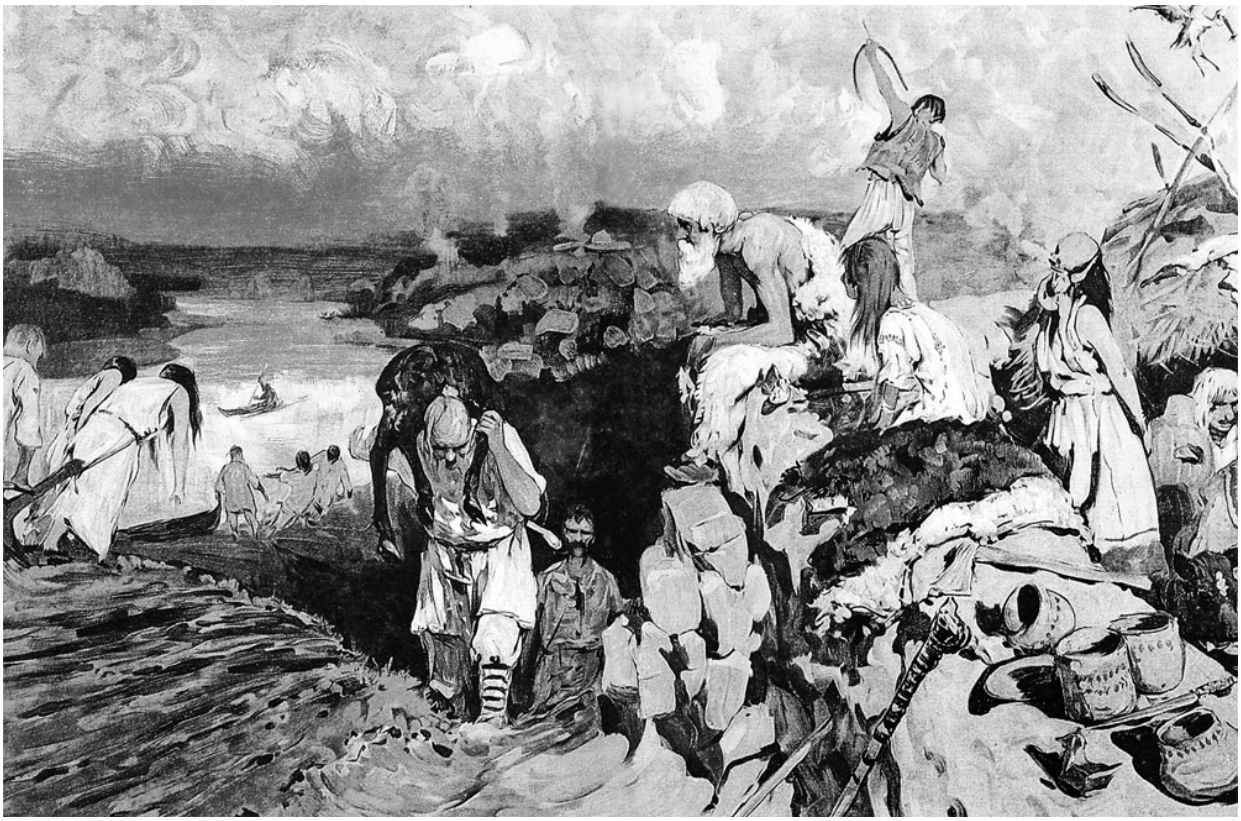
Глава I. Состояние страны, известной теперь под именем России, до половины IX века по Р. Х.

Взглянем на карту России: вот, начиная от того места, где оканчиваются Уральские горы, до Каспийского моря находится большое ровное степное пространство, как будто широкие ворота из Азии в Европу. На этом месте и на восток от него живут еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать в плен соседей, но теперь этим народам час от часа становится труднее вести такую жизнь, потому что сильное государство русское не допускает их разбойничать; некоторые из них даже отказались от кочевой жизни и стали заниматься земледелием. Но в древности в этой обширной стране, которую мы теперь называем Европейскою Россиею, не было государства, не было сильного оседлого народа, и потому кочевые народы двигались свободно с востока на запад, занимали южную часть нынешней России и, собравшись иногда большими толпами, шли дальше, опустошали Европу Южную и Западную. Древние образованные народы, греки и римляне, знали этих кочевников, живших в нынешней России, сначала под именем скифов, потом – сарматов, почему и страна называлась то Скифиею, то Сарматиею. После Рождества Христова здесь столкнулось много разноплеменных народов, двигавшихся в разные стороны, преимущественно с востока на запад, из Азии в Европу; сильнее других было движение гуннов и аваров. Когда это движение поутихло, кочевые народы схлынули, то в стране обозначилось ясно племя оседлое, на большом пространстве раскинувшееся: то были славяне.

Когда пришли сюда славяне – неизвестно; известно только то, что они пришли с юго-запада, с берегов Дуная, вытесненные оттуда каким-то сильным врагом. Они поселились по рекам Западному Бугу, Днестру, Днепру и рекам, в него впадающим, далее на севере поселились по Западной Двине и около озера Ильмень, на востоке поселились по Оке. Разделялись они на несколько племен, друг от друга независимых; племена делились на роды; каждый род жил отдельно на своем месте, под властью своего родоначальника или князя, имел свои обычаи;

селения укреплялись, огораживались, и такие огороженные селения назывались городами. Занимались славяне преимущественно земледелием. Поклонялись божествам физическим, явлениям природы: главным божеством у них был Перун, бог грома и молнии; поклонялись также солнцу под разными именами (Дажбога, Волоса), огню, ветру. Верили в загробную жизнь, думали, что души умерших могут есть, пить, и потому считали обязанностью угощать их. Общественного богослужения, храмов, жрецов у них не было; старшины или родоначальники были и жрецами, приносили жертвы.

Все пространство нынешней Европейской России к северу, северо-востоку и северо-западу от жилищ славянских было занято племенами финскими; на Волге, в нынешней Казанской губернии, жили болгары, народ турецкого племени; на западе, по Неману и в нижних частях Западной Двины, жила литва, к югу от нее жили ятвяги, народ неизвестного происхождения.



С. В. Иванов. Сцена из жизни восточных славян

Так как славянские племена жили отдельными небольшими родами, разбросаны были на обширных пространствах и ссорились между собою, то были слабы, не могли действовать вместе, заодно, собирать вдруг все свои силы для отпора врагам; нападут враги на одно племя, другие ему не помогают, и каждое порознь подчиняется чужому народу. Так славянские племена, которые жили на юго-востоке, по Днепру, по рекам, в него впадающим с востока, и по Оке, должны были платить дань козарам, народу, жившему на Дону, Волге и в Крыму. Народ этот был смешан из разных племен; между козарами можно было также найти людей разных вер – христианской, еврейской, магометанской, языческой, и главный начальник народа, каган, исповедовал веру еврейскую. Жизнь вели козары полуоседлую: у них были города, но летом жители оставляли их и откочевывали в степи.

Глава II. Призвание Рюрика с братьями и общие черты деятельности первых князей русских

В то время, когда южные славянские племена платили дань козарам, северные не могли защищаться от норманнов, жителей Швеции, Норвегии и Дании, которых славяне называли варягами и русью. Эти варяги покорили себе славян северных, живших в нынешних Новгородской и Псковской губерниях, покорили также соседние финские племена. Чрез несколько времени племена эти, как славянские, так и финские, собрались вместе и выгнали варягов, но когда после этого стали управляться сами, то никак не могли мирно улаживаться; опять каждый род стал жить отдельно и силою разделываться с другими родами. Тогда племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, послали они за море к варягам-руси сказать им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». На этот зов в 862 году собрались три князя варяго-русских, три брата – Рюрик, Синеус и Трувор и пришли с родными своими. Рюрик утвердился в Новгороде, у славян, живших по Ильменю; Синеус – среди финского племени на Белоозере; Трувор – у славян, живших в нынешней Псковской губернии, в городе Изборске. Скоро Синеус и Трувор умерли, и Рюрик стал княжить один; владения его стали называться Русью. Рюрик умер в 879 году, оставив малолетнего сына Игоря, и княжить стал родственник его Олег.

В. М. Васнецов. Варяги

С утверждения Рюрика князем среди северных племен славянских и финских начинается русская история, потому что этим положено основание русскому государству. Несколько северных племен славянских и финских соединились под властью одного князя; чрез это у них прекратились междоусобия, силы их собрались в одно, а поэтому они стали сильнее всех других племен; князья их, преемники Рюрика, воспользовались этою силою и покорили себе все другие племена, которые, живя отдельно друг от друга, не могли сильно и долго сопротивляться. Таким образом племена, жившие прежде отдельно, соединились вместе, составили один народ русский. Вследствие соединения племен в один народ князья этого народа, пользуясь соединенными силами его, отражают степные, кочевые народы, не дают им грабить и пленять славянские племена, брать с них дань, как бывало прежде. Мало того, князья пользуются соединенными силами племен для того, чтобы предпринимать походы на Греческую империю, на Константинополь; вследствие этих походов завелись и мирные,

торговые сношения с греками; русские стали ездить в Константинополь, познакомились там с христианством православного восточного исповедания и стали принимать его. Таким образом христианство явилось и усилилось сперва на юге русских владений, ближайших к Греции, а потом отсюда распространилось и по всем этим владениям.

Итак, в деятельности первых русских князей мы замечаем три главные стороны: 1) покорение племен славянских, соединение их под одну власть; 2) борьбу с степными, азиатскими народами; 3) войны и сношения с Грециею, вследствие которых распространяется христианство.

Глава III. Княжение Олега, Игоря Рюриковича, Ольги и Святослава Игоревича

Преемник Рюрика Олег слыл в народных преданиях вещим, то есть мудрым, хитрым. Собравши войско из подвластных ему племен славянских и финских, нанявши варягов, Олег пошел из Новгорода на юг и обложил данью племена славянские, жившие по Днепру и по впадающим в него рекам с востока и запада, также по Бугу, Днестру и около Карпатских гор. Городок Киев, бывший в земле славянского племени полян, Олег нашел во владении двоих варягов, братьев Аскольда и Дира, которые пришли еще с Рюриком, но потом отправились на юг и засели в Киеве; Олег убил их и остался сам жить в Киеве, который очень ему понравился. В 907 году, собравши войско из всех подчиненных ему племен, он ходил в лодках Днепром и морем на Константинополь, взял с греков дань и заключил с ними договор о том, как решать дела между греками и русскими, которые будут жить в Константинополе для торговли.

Олег умер в 912 году; преемником его был Игорь, сын Рюриков, известный своими неудачными походами на греков и несчастною смертию; славянское племя древляне, жившие на западе от Киева, в нынешней Волынской губернии, убили его за то, что он хотел взять с них двойную дань (945 г.). При Игоре были уже в Киеве христиане, была у них церковь Св. Ильи, а потому неудивительно, что жена Игорева, Ольга, управлявшая после мужа за малолетством сына своего Святослава, поехала в Константинополь и приняла христианство в 957 году. Ольга, подобно Олегу, слыла в народных преданиях необыкновенно мудрою: она объехала землю свою и повсюду делала разного рода распоряжения, особенно насчет сбора дани.

Сын Игоря и Ольги Святослав представляется в народных преданиях князем необыкновенно храбрым, который, набравши дружину подобных себе храбрецов, искал повсюду завоеваний, искал их в дальних богатых землях и оставался жить там, а своею землею пренебрегал. Святослав покорил жившее по Оке славянское племя

вятичей, еще до сих пор остававшееся независимым; ходил на козар, победил их, взял их главный город на Дону, Белую Вежу. В 967 году по приглашению греческого императора Никифора, прислaвшего ему денег, Святослав пошел на дунайских болгар, завоевал их землю и остался в ней жить, а между тем в степях на юге от Киева появился сильный кочевой народ под именем печенегов. Эти печенеги в отсутствие Святослава чуть было не взяли Киева, где жила старая Ольга с маленькими внуками, детьми Святослава. Услыхав о нападении печенегов, Святослав приехал в Киев и прогнал их, но не хотел остаться на Руси, объявил матери, что Киев ему не нравится, а нравится богатая торговлею Болгария Дунайская. Мать просила его побыть в Киеве только до ее смерти, которая скоро и последовала. Тогда, раздавши русские владения троим еще несовершеннолетним сыновьям своим: Ярополку – Киев, Олегу – землю древлянскую и Владимиру – Новгород, Святослав отправился в свою любимую Болгарию. Но болгары приняли его враждебно, а с другой стороны поднялся на него греческий император Иоанн Цимиский с многочисленным войском. Несмотря на необыкновенную храбрость, Святослав не мог осилить этого войска и должен был помириться с императором на условии оставить Болгарию. На возвратном пути он был убит печенегами при днепровских порогах в 972 году.

Глава IV. Усобицы между сыновьями Святослава и княжение Владимира Святославича

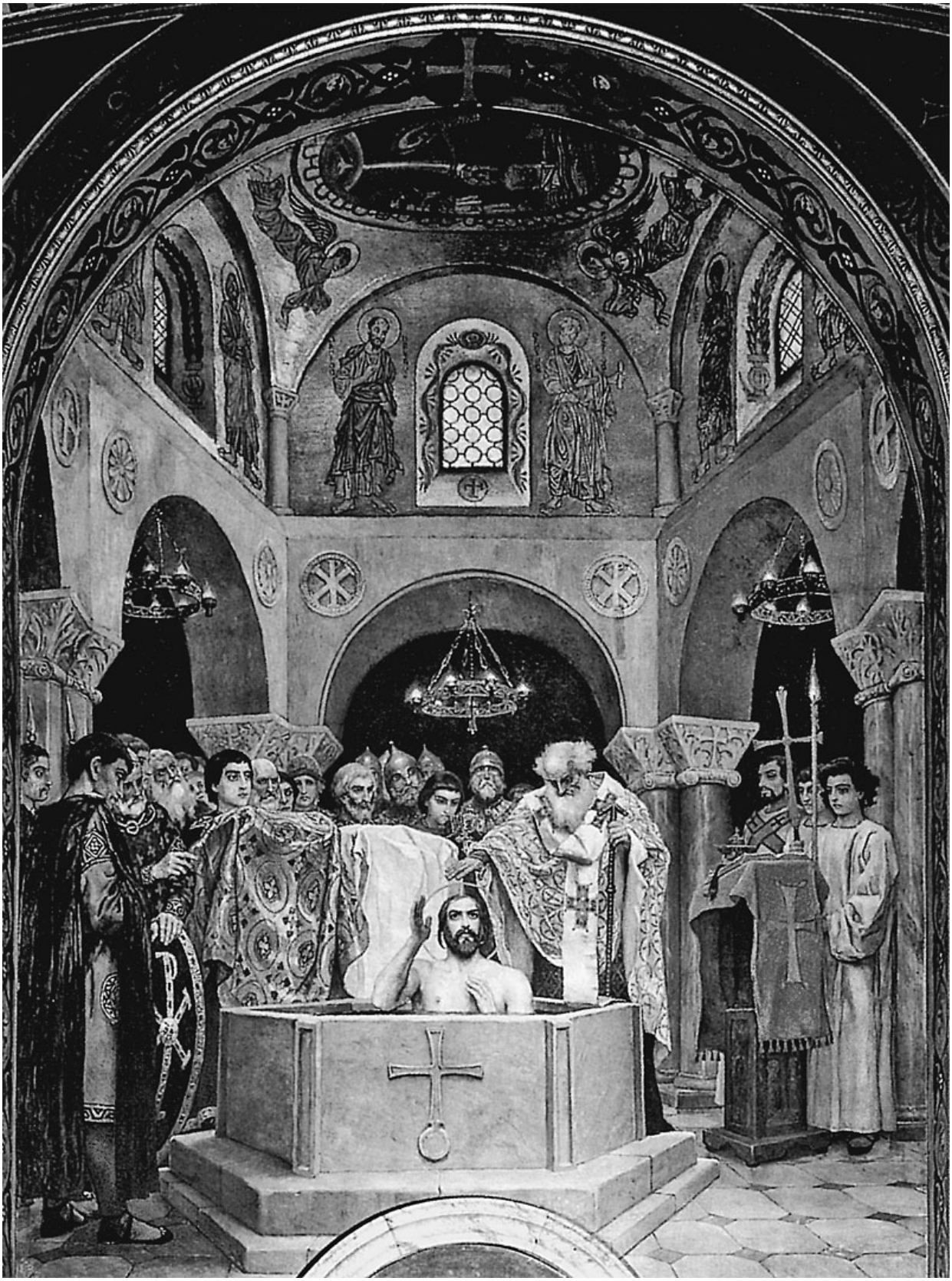
До сих пор было по одному князю на Руси; теперь, как скоро стало их трое – Ярополк, Олег и Владимир, – то и начинаются между ними усобицы. Ярополк пошел на Олега, и тот погиб в битве с братом; земля древлянская была присоединена к Киеву. Услыхав об этом, Владимир Святославич, князь новгородский, испугался и ушел за море к варягам, а Ярополк присоединил и Новгород к своим владениям, но Владимир возвратился с варягами, занял опять Новгород, Полоцк и пошел на Ярополка. Владимир был в это время еще молод, и потому сильное влияние на него имел дядя с материной стороны, Добрыня; при Ярополке главным советником был воевода Блуд, который передался на сторону Владимира, напугал своего князя и присоветовал ему отдаться в руки младшему брату, но Владимир велел убить Ярополка. Таким образом, опять на Руси остался один князь.

Владимир, живя с малолетства на севере, был мало знаком с христианством и когда по смерти Ярополка утвердился в Киеве, то показал себя ревностным приверженцем языческой религии, поставил изукрашенные идолы на холме, куда собирался народ для жертвоприношений; однажды вздумали даже принести человека в жертву, кинули жребий, жребий пал на христианского мальчика, варяга, но отец его не выдал сына и погиб вместе с ним от разъяренной толпы язычников. Будучи сначала ревностным язычником, Владимир следовал и языческим обычаям, вел жизнь невоздержную, имел много жен. Но мало-помалу языческая ревность остыла, и Владимир начал думать о перемене религии; с разных сторон приходили к нему предложения на этот счет, потому что Русь была окружена разноверными народами – жидами у козар, магометанами (в Болгарии Волжской), христианами. Владимир должен был склониться на сторону христианства; бояре, которых он посылал в разные стороны разузнать о разных верах, какая лучше, говорили ему: «Мы не можем забыть той красоты, которую видели в Константинополе: всякий человек, как отведает раз сладкого,

уже не будет больше принимать горького; так и мы здесь, в Киеве, больше не останемся»; другие говорили ему: «Если бы дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; она была мудрее всех людей».

Святой равноапостольный князь Владимир. Фрагмент иконы. Новгород, первая треть XV в.

Началась война с греками. Владимир пошел на греческий город в Крыму Корсунь (или Херсонес, бывший подле нынешнего Севастополя) и, когда город долго не сдавался, дал обет, что если возьмет город, то примет христианство; город сдался, и Владимир послал к греческим императорам Василию и Константину требовать себе в супружество сестру их, царевну Анну, с угрозою, что если не пришлют сестры, то он возьмет и Константинополь, как взял Корсунь. Императоры отвечали, что не могут выдать сестры за язычника; тогда Владимир послал сказать им, что примет христианство; и действительно, когда Анна приехала в Корсунь, то он крестился со многими боярами.



В. М. Васнецов. Крещение князя Владимира

Возвратясь в Киев с священниками греческими, Владимир крестил сыновей своих и велел истребить идолов; духовенство ходило по городу и учило народ, после чего великий князь объявил, чтобы на другой день все некрещеные киевляне шли к реке креститься, а кто не явится, тот покажет себя противником князя; все крестились. После крещения киевлян духовенство ходило крестить народ на севере до Новгорода и Ростова. Но на севере христианство принялось не так скоро, как на юге, где оно было уже давно известно; язычество долго было еще сильно в Ростове и странах окрестных, населенных финскими племенами; из славянских племен вятичи, жившие в стороне от главной речной дороги днепровской, как были после всех покорены, так после всех приняли и христианство. На западе, в стране Волынской, христианство было распространено при участии самого Владимира, который ходил туда с духовенством. Тотчас после крещения народа в Киеве начали отбирать детей у лучших людей и отдавать духовенству для научения грамоте, для утверждения в вере.

Кроме похода на Корсунь Владимир предпринимал и другие походы: подчинил окончательно те славянские племена, которые по отдалению своему от главного водного пути днепровского пользовались всяким случаем, чтобы отказываться от платежа дани; были войны и с чужими народами, ятвягами и болгарами, но важнее всех были оборонительные войны с печенегами, которые часто приходили опустошать землю, бить, уводить в плен людей. Вот почему эти войны Владимира, которые он вел против печенегов для защиты от них земли, очень занимали народ и об них сохранялась память в украшенных воображением преданиях. Надобно вспомнить, что до основания русского государства страны эти были всегдашнею и беззащитною жертвою степных варваров, подобных печенегам. Чтоб загородить дорогу варварам на Русь, Владимир строил городки по границе, или украйне, населял их лучшими, храбрейшими людьми из подчиненных ему племен: так ясны были и на первых порах выгоды соединения племен в одно государство, которое располагало общими силами для защиты страны.

Владимир умер 15 июля 1015 года. Церковь причла его к лику святых как равноапостольного; в народе осталась о нем память как о государе чрезвычайно добром, милостивом.

Глава V. Усобицы между сыновьями Владимира и княжение Ярослава Владимировича

Борис и Глеб. Икона, XIV в.

После Владимира осталось двенадцать сыновей, и вот по смерти его начинаются усобицы, точно так же как начались они по смерти Святослава, точно так же как в это время велись они в других государствах славянских – Польском, Чешском (Богемском): и здесь видим желание старших князей изгнать, умертвить, изувечить младших братьев. Старший сын Владимира Святополк убил сначала самых младших братьев своих – Бориса, князя ростовского, и Глеба – муромского, которые казались ему опаснее других, потому что и отец их очень любил, и дружина по смерти Владимира звала Бориса княжить в Киев, но тот не согласился, не желая поднять рук на старшего брата. После Бориса и Глеба Святополк убил и третьего брата, Святослава, князя древлянского, и стал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси». Но Ярослав, князь новгородский, предупредил его, собрал войско из варягов и новгородцев и разбил Святополка у Любеча. Тот бежал к тестю своему Болеславу, королю польскому, который вступился за него и разбил Ярослава на берегах Буга. Ярослав бежал в Новгород и хотел было бежать дальше, за море, к варягам, но новгородцы не пустили его и дали ему другое войско, с которым он опять пошел на Святополка. Тот между тем успел поссориться с Болеславом, который ушел к себе в Польшу, и Святополк вышел против Ярослава с толпами печенегов; злая битва была дана на реке Альте, на том месте, где был убит Борис. Святополк потерпел поражение, бежал и пропал без вести; в народе сохранилась о нем самая черная память как о русском Каине: прозвище ему было *окаянный,* тогда как убитые им Борис и Глеб, причтенные Церковью к лику святых, представлялись как образец братской любви.

Ярослав после Альтской битвы сел в Киеве, но недолго сидел здесь спокойно: на него вооружился брат его Мстислав, княживший в Тмутаракани (по всем вероятностям, в нынешней Тамани), завоеванной Святославом. Собравши войско из народов прикавказских, ясов и касогов, Мстислав пошел против Ярослава и разбил его у Листвена; Ярослав опять принужден был бежать в Новгород, но Мстислав не хотел отнимать Киева у старшего брата, хотел только прибавки земель к своей старой волости Тмутараканской; и братья разделили между собою южные русские волости Днепром: что было на западе от Днепра,

досталось Ярославу, который сел в Киеве, а что было на востоке от Днепра, досталось Мстиславу, который сел в Чернигове. Но Мстислав скоро умер, не оставя детей; Ярослав взял себе его земли и владел, таким образом, всеми русскими волостями, кроме Полоцкого княжества, которое Владимир Св[ятой] отдал сыну своему Изяславу, а теперь княжил тут сын этого Изяслава Брячислав. Брячислав также вооружился было против дяди Ярослава, но успокоился, когда Ярослав дал ему два города (Витебск и Усвят).

Кроме этих усобиц в княжение Ярослава были войны с финскими племенами в области Северной Двины; на берегу Чудского озера Ярослав основал город, который назвал по своему христианскому имени (Юрий) Юрьевым (нынешний Дерпт). Ярослав воевал с поляками, возвратил от них землю Хорватскую (нынешнюю Галицию), захваченную Болеславом при Святополке. При Ярославе была последняя война с греками, которые поссорились с русскими купцами и убили одного из них; войну эту вел старший сын Ярослава Владимир с переменным счастьем, и через три года заключен был мир. Печенеги, напавшие на Киев в 1036 году, потерпели сильное поражение, после чего перестали нападать на Русь.

Ярослав умер в 1054 году, оставив по себе память князя умного и храброго, распространившего христианство и грамотность в народе; он много накупил книг, которые читал часто, днем и ночью; собрал много писцов, которые переводили книги с греческого на славянский язык и много переписали книг; строил церкви, определял к ним священников, которым давал содержание из собственных доходов. При нем в Новгороде было сделано то же, что в Киеве при Владимире: князь велел собрать детей и учить их. Ярославу приписываются первые писаные законы, так называемая «Русская Правда».

Глава VI. События при сыновьях Ярослава I Владимировича

Ярослав оставил пятерых сыновей, и опять после его смерти видим усобицы, как прежде видели по смерти Святослава и Владимира, но теперь первая усобица не оканчивается единовластием одного брата вследствие истребления или бездетной смерти других; сыновья Ярослава оставляют многих детей, которые продолжают усобицы отцовские и передают их своим детям; князья размножаются все больше и больше, и усобицы между ними продолжаются много лет. Эти продолжительные ссоры и бывавшие по временам мирные сношения между многими князьями дают нам возможность узнать, как эти князья смотрели друг на друга, за что ссорились. Отчего происходило, что как скоро после государя оставалось несколько сыновей, то они непременно начинали ссориться и воевать друг с другом?

Узнаем, что не было определено законом, как по смерти отца младшим братьям вести себя в отношении к старшему. Закон не определял, что младшие братья обязаны повиноваться старшему великому князю точно так же, как повинуются ему все остальные подданные. Говорилось, что младшие братья должны слушаться старшего, как отца, старший должен любить младших, как детей, но это было очень неопределенно: как скоро младшим казалось, что старший обходится с ними не как с сыновьями, что больше хочет добра собственным детям, то и считали себя вправе вооружаться против старшего, а средства к тому они имели: у каждого было свое княжество, своя волость, в которой он распоряжался совершенно независимо от великого князя; кроме того, подле в степях кочевали хищные орды, готовые всегда, по первому призыву становиться под знамена враждующих князей и пользоваться этим случаем, чтоб опустошать русскую землю.

Владели князья русскою землею все сообща, не разделяясь. Старший, или великий, князь владел старшим княжеством, старшим столом, как тогда выражались, Киевом; другие князья владели другими волостями по старшинству; ни великий князь, ни младшие князья не владели своими волостями вечно и не передавали их своим детям, но

когда умирал великий князь в Киеве, то его место заступал не старший его сын, а старший брат, родной, двоюродный, троюродный, или старший племянник, вообще старший в целом роде княжеском, причем и другие князья передвигались таким же образом по старшинству из одной волости в другую, из худшей в лучшую. Эта передвижка не могла происходить правильно, и отсюда новые ссоры и войны. Обыкновенно требовалось, чтоб князь занимал волость *по отчине и дедине:* например, если князь умирал, не достигнув старшинства в роде и стола киевского, то сын его не мог быть после великим князем киевским и оставался навсегда владельцем одной какой-нибудь волости.

Из пятерых сыновей Ярославовых старший, Изяслав, был великим князем, владел Киевом и Новгородом; второй, Святослав, владел Черниговом, Тмутараканью и землями по Оке, страною вятичей, Рязанью, Муромом; третий, Всеволод, владел Переяславлем Южным, или Русским (так называли его в отличие от построенного после Переяславля Залесского); кроме того, Всеволод владел землями по Волге, также Ростовом, Суздалем, Белоозером; четвертый, Вячеслав, получил Смоленск; пятый, Игорь, владел Владимиром Волынским. Полоцк оставался в отдельном владении у потомков Изяслава, сына св. Владимира. Но после Ярослава остался еще внук Ростислав, сын старшего сына Ярослава, Владимира, умершего при жизни отцовской.

Так как наследником великого княжения был старший в роде и, следовательно, дядя имел всегда преимущество перед племянником, то Ростислав не получил старшего стола киевского; и так как волости княжеские не были наследственны, то Ростислав не получил даже и Новгорода, где княжил отец его при жизни Ярославовой: он должен был довольствоваться тем, что дадут ему дядья. Когда один из них, Вячеслав Ярославич, князь смоленский, умер, то на его место перешел младший, Игорь, из Владимира Волынского, несмотря на то что у Вячеслава остались сыновья, а Владимир Волынский отдали Ростиславу Владимировичу. Но он не был доволен этою волостью, набрал себе дружину, ушел с нею на восток в степь и овладел Тмутараканью. Отсюда стал он ходить войной на окрестные народы, но греки отравили его; после него остались сыновья Володарь и Василько.

Между тем в степях произошло обыкновенное там явление: пришел с востока новый хищный кочевой народ – половцы, победил

печенегов и стал, подобно им, нападать на Русь. Великий князь Изяслав с братьями пошел против половцев, но был разбит и прибежал в Киев; киевляне потребовали у него оружия и лошадей, чтоб опять идти на половцев, но он им отказал; тогда они выгнали его. Изяслав получил помощь от польского короля Болеслава Смелого и занял опять Киев, но ненадолго: он поссорился с братом своим, Святославом черниговским, который вместе с третьим братом, Всеволодом, выгнал его опять из Киева, сам стал здесь княжить, а Всеволод из Переяславля перешел на его место в Чернигов. Святослав княжил недолго в Киеве; после его смерти Изяслав опять пришел в Русь с польскою помощью, Всеволод уступил ему Киев, а сам остался в Чернигове.

Б. А. Чориков. Изяслав принят братом Всеволодом, который предложил ему мир

В это время было в живых только два сына Ярослава, Изяслав и Всеволод, трое других – Святослав, Вячеслав и Игорь – умерли, но у них остались сыновья, которым дядья не хотели давать волостей на Руси. Тогда двое из этих молодых князей – Олег Святославич и Борис

Вячеславич – ушли в Тмутаракань, возвратились оттуда с толпами половцев и выгнали дядю Всеволода из Чернигова. Великий князь Изяслав заступился за брата и пошел с ним на племянников, с которыми сразился близ Чернигова, на Нежатине Ниве. Племянники были побеждены, Борис Вячеславич пал в битве, но был убит также и великий князь Изяслав (1077 г.).

Великій князь
Владіміръ всея
Володічьмиамаи

Великий князь Владимир Мономах Портрет из «Титулярника», 1672 г.

По смерти Изяслава великим князем сделался брат его Всеволод, последний из сыновей Ярослава. Перешедши в Киев, он отдал Чернигов сыну своему Владимиру Мономаху; старший сын покойного Изяслава, Святополк, княжил в Новгороде, откуда потом перешел в Туров, поближе к Киеву, где должен был сесть по смерти дяди Всеволода, как требовал обычай; другому Изяславову сыну, Ярополку, великий князь отдал Владимир Волынский, но здесь прежде княжил Игорь Ярославич, потом Ростислав Владимирович; сын Игоря Давид и сыновья Ростислава – Рюрик, Володарь и Василько – также хотели утвердиться на Волыни; по этой причине княжение Всеволода, старика слабого, было очень беспокойно. Но у Всеволода был сын, знаменитый Владимир Мономах, лучший из князей Древней Руси, оставивший по себе самую добрую память в народе как образец князя, по тогдашним понятиям: он был набожен, каждый день вставал до света и ходил к обедне, не мог молиться без слез, был гостеприимен, щедр к дружине, к духовенству, к бедным, но вместе с тем был хороший хозяин, сам смотрел за всем в доме и потому, несмотря на щедрость, в доме его всегда было много всякого добра; был ласков, прост в обхождении со всеми, не терпел пышности; будучи необыкновенно храбр, беспрестанно воевал с половцами, защищал от них русскую землю, но не одна война занимала его: каждый день после обедни он садился думать с дружиною о делах, потом судил жителей своего княжества, и судил справедливо; когда другие князья ссорились друг с другом, Мономах старался мирить их, отвращал таким образом усобицы.

Глава VII. События при внуках Ярослава I Владимировича

По смерти Всеволода (случившейся в 1093 году), киевляне хотели, чтоб великим князем был Мономах, но он объявил, что не нарушит обычая, по которому великое княжение переходило к старшему в роде. «Если я сяду в Киеве, – говорил он, – то будет у меня война с Святополком Изяславичем, потому что отец его сидел в Киеве прежде моего отца»; и Святополк стал княжить в Киеве, а Мономах остался в Чернигове. Новый великий князь нисколько не был похож на Мономаха: это был человек корыстолюбивый и властолюбивый, не храбрый и не умный. В самом начале княжения своего необдуманно, вопреки советам Мономаха и умных старых бояр вступил он в войну с половцами и потерпел два поражения. Эта беда, постигшая Русь, ободрила Олега Святославича, который все скрывался в Тмутаракани: он нанял половцев и напал с ними на Чернигов, Мономах уступил ему этот город, удовольствовался Переяславлем, но война этим не кончилась, ибо Олег, ожесточенный долгим изгнанием, несправедливостью дядей, не доверял двоюродным братьям, не хотел с ними вместе воевать половцев; усобица дошла и до далекого северо-востока, потому что Олег, выгнанный двоюродными братьями Святополком и Мономахом из Чернигова, ушел в землю муромскую и ростовскую и воевал там с сыновьями Мономаха.

А. Д. Кившенко. Долобский съезд князей – свидание князя Владимира Мономаха с князем Святополком

Потерпевши неудачу на севере, Олег согласился наконец ехать на общий съезд княжеский в Любече. Съехавшиеся князья говорили: «Зачем губим русскую землю, поднимая сами на себя ссору? Станем лучше жить единодушно и не дадим половцам разносить русскую землю». Для прекращения всяких споров князья решили, чтоб каждый владел тем, чем владел отец его: поэтому великий князь Святополк и Мономах остались при своем, один в Киеве, другой в Переяславле. Олегу с братьями, Давидом и Ярославом, отдали владения отца их, то есть Чернигов с вятичами, Рязанью, Муромом и Тмутараканью; княжество Владимиро-Волынское разделилось: собственная Волынь осталась за Давидом Игоревичем, а западная часть, Галиция, или Чермная Русь, отдана была Ростиславичам – Володарю и Васильку (брат их Рюрик уже умер).

Таким образом, на любецком съезде была прекращена усобица на востоке, в области Черниговской, потому что дети Святославовы, несправедливо выгнанные, получили теперь владения, именно те земли, которыми владел отец их, получили, таким образом, в роду значение отцовское. Но не прекратились усобицы на западе, в области Владимиро-Волынской, поделенной между Давидом Игоревичем и Ростиславичами. Давид Игоревич боялся, что Ростиславичи отнимут у него и его половину, особенно боялся он самого храброго и предприимчивого из них, младшего: Василька; нашлись люди, которые наговорили ему, что Ростиславичи в союзе с Мономахом хотят выгнать Святополка из Киева и его, Давида, из Владимира Волынского. Прямо с любецкого съезда Давид заехал в Киев к Святополку, представил ему опасность, грозившую им обоим от Василька, напугал его, и тот согласился схватить Василька и выдать Давиду, который повез его в свои владения и там ослепил.

Так как это злодейство было самым дерзким нарушением княжеского решения жить дружно, которое они объявили в Любече, то Мономах с Олегом и Давидом Святославичами немедленно пошли с войском к Киеву на Святополка; но мачеха Мономаха и митрополит уговорили их прекратить ссору с Святополком, и так как он складывал всю вину на Давида, то князья и поручили ему наказать последнего. Святополк выгнал Давида, но захотел выгнать и Ростиславичей, чтоб взять всю Владимиро-Волынскую область себе, но это ему не удалось, потому что Ростиславичи оборонялись храбро. Наконец и войны за Владимиро-Волынскую область прекращены были на втором княжеском съезде, бывшем в Витичеве, близ Киева, в 1100 году. Здесь решено было: у Давида за его злодейство отнять Владимир Волынский и отдать сыну великого князя Ярославу. Таким образом, при Святополке на двух съездах княжеских окончены были усобицы, происходившие на востоке за область Черниговскую и на западе за область Владимиро-Волынскую. Усобицы эти, как мы видели, начались при великом князе Изяславе Ярославиче вследствие того, что сыновья не наследовали волостей после отцов своих, а дяди не хотели давать земель осиротелым племянникам.

Когда таким образом все успокоилось и на востоке и на западе, Мономах воспользовался миром между князьями и уговорил их соединенными силами ударить на половцев. Вследствие этого

предпринимались два похода в степи; во второй из них русские князья доходили до самого Дона и нанесли сильное поражение *поганым,* как называли тогда половцев. Память об этих славных походах сохранилась на Руси в поэтических преданиях, в которых прославлялся главный герой их – Мономах.

Святополк умер в 1113 году. После него по старшинству в роде великое княжение должно было принадлежать Святославичам черниговским, потому что их отец был старше отца Мономахова, но киевляне решительно не захотели иметь князем Олега Святославича, которого не любили особенно за то, что он наводил половцев на русскую землю, и хотели непременно, чтобы княжил у них Мономах, на деле давно уже превосходивший всех князей достоинствами и подвигами. Когда киевляне дали ему знать о смерти Святополка и просили его приехать к ним княжить, то он отказался по тем же самым причинам, по каким отказался и прежде, по смерти отца своего Всеволода, именно, чтобы не нарушить обычая, не подать повода к усобицам; но когда в Киеве узнали об отказе Мономаха, то здесь вспыхнуло восстание, и киевляне опять послали сказать Мономаху, что если он не придет к ним княжить, то будет большая беда и он отдаст за нее ответ Богу.

Тогда Мономах приехал в Киев и стал великим князем; Святославичи затаили на время обиду, потому что им нельзя было идти против Мономаха, самого храброго и самого могущественного князя, к которому народ питал такое сильное расположение. Один из полоцких князей, именно князь минский, осмелился начать войну с Мономахом, но был взят в плен; так же дурно кончил и князь волынский Ярослав, сын прежнего великого князя Святополка: он начал ссориться с соседями своими, Ростиславичами, князьями галицкими, вступил в союз с поляками, прогнал жену свою, внучку Мономахову; великий князь выгнал его из Волыни; Ярослав воротился было с поляками, венграми и чехами (богемцами), но был убит при осаде города.

Глава VIII. События от смерти Владимира Мономаха до взятия Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского

По смерти Мономаха, случившейся в 1125 году, киевский стол прямо занял уже старший сын его Мстислав; соперников опять ему быть не могло: он был похож на отца, был любим народом; кроме того, племя Мономахово было сильнее всех других племен, или линий княжеских, сильнее обширностью и богатством волостей: Мстислав владел Киевом, Новгородом и Смоленском, в Новгороде княжил сын его Всеволод, в Смоленске – другой, Ростислав; братья Мстиславовы княжили: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей на Волыни, Юрий в Ростовской и Суздальской земле. Пользуясь своею силою, Мстислав приобрел себе еще княжество Полоцкое: он взял в плен всех князей полоцких и отправил их в Грецию в изгнание, а в Полоцке посадил сына своего Изяслава.

Сильные владениями, Мономаховичи при Мстиславе были сильны братским единодушием, тогда как между Святославичами черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третий брат, Ярослав Святославич, который, по обычаю, как старший в племени, и должен был княжить в Чернигове, но племянник его Всеволод Ольгович выгнал его из Чернигова, и Ярослав должен был удовольствоваться северо-восточными владениями своего племени – Рязанью и Муромом; от него пошли князья рязанские и муромские. В Галиции сын Володаря Ростиславича Владимирко соединил все земли под одною своею властию.

По смерти Мстислава Владимировича, случившейся в 1132 году, начинаются усобицы и в самом потомстве Мономаха: и прежде мы видели усобицы между племянниками и дядьми, но прежде эти усобицы происходили оттого, что дядья обижали племянников, не давали им волостей, а теперь, по смерти Мстислава Владимировича, наоборот, усобицы происходят оттого, что племянники, сыновья

старшего брата, обнаруживают попытку отнять у младших дядей старшинство и стол киевский.

По смерти Мстислава, по обычаю, в Киев перешел княжить из Переяславля старший по нем брат Ярополк; в Переяславль же должен был перейти следующий за Ярополком брат Вячеслав, но вместо того Ярополк перевел туда из Новгорода племянника своего Всеволода Мстиславича; дядья, и особенно самый деятельный из них Юрий Владимирович, восстали за это на племянников, Мстиславичей; враждою между Мономаховичами воспользовались Святославичи черниговские, вспомнили свою обиду, что лишены были старшинства и Киева сперва в пользу Мономаха, а потом сыновей его, и вооружились; таким образом, к усобице между племянниками и дядьями в потомстве Мономаха присоединилась еще усобица между Мономаховичами и Ольговичами (ибо в потомстве Святослава Ярославича главную роль играет линия сына его Олега). Этою же усобицею, ослаблением сил у Мономаховичей воспользовались князья полоцкие, возвратились из Греции и заняли свои прежние владения.

Б. А. Чориков Коронация Мстислава Владимировича Великого

Когда умер Ярополк Владимирович в 1139 году и старший над ним брат его Вячеслав Владимирович занял Киев, то мимо дядей не мог принять на себя главной роли: дядя Юрий ростовский никак не хотел допустить его до этого. Пользуясь такими обстоятельствами, Всеволод Ольгович прокняжил в Киеве до самой смерти своей и хотел, чтоб

после него княжил здесь родной брат его Игорь Ольгович. Но киевляне этого не хотели; они не любили вообще Ольговичей как чужих князей и не отличавшихся такими привлекательными качествами, как Мономах и многие из его потомков; кроме того, княжа в Киеве, Всеволод Ольгович не умел приобрести народной любви, позволяя чиновникам своим притеснять жителей. И вот как скоро Всеволод умер и брат его Игорь хотел княжить на его месте, то киевляне отказались повиноваться ему, несмотря на то что он обещал им назначить чиновников, каких они сами захотят. Они объявили своим князем Изяслава Мстиславича, который выгнал Ольговичей из Киева, причем Игорь Ольгович был взят в плен; после киевляне выразили свою ненависть к Ольговичам тем, что убили Игоря, хотя он уже постригся в монахи.

Изяслав Мстиславич стал княжить в Киеве, но не мог княжить покойно, потому что занял старший стол по тогдашним понятиям незаконно, мимо дядей: дядя Юрий ростовский два раза выгонял его из Киева, и напоследок Изяслав, чтоб избавиться от него, должен был призвать в Киев самого старшего дядю своего, неспособного Вячеслава, покаяться пред ним, объявить, что согрешил, осмелившись мимо него занять старший стол. Вячеслав, довольный честью старшинства, отдал все управление Изяславу, но Юрий не был доволен этою сделкою и требовал непременно, чтоб в Киеве княжил один Вячеслав, чтобы Изяслава при нем не было. На это требование никто не хотел согласиться, ни Вячеслав, ни Изяслав, ни киевляне, которые, увидавши разницу между Изяславом и Юрием, очень невзлюбили последнего. Юрий был разбит и должен был отказаться от надежды одолеть храброго племянника. Во время этой усобицы дяди с племянником в постоянном союзе с Изяславом Мстиславичем был венгерский король Гейза II, женатый на сестре его; постоянным же союзником Юрия Владимировича был галицкий князь Владимирко Володаревич, успевший только хитростью и обманом, к которым прибегал в крайности, удержаться на своем столе против соединенных сил Изяслава и Гейзы. Владимирко умер, оставив княжество свое нераздельным сыну Ярославу по прозванию Осмомысл.

Недолго после Владимирка жил и Изяслав Мстиславич: он умер в 1154 году. Старше Вячеслав принял к себе в сыновья и в правители Киевского княжества вместо Изяслава другого брата его, Ростислава, князя смоленского, после чего скоро умер. Ростислав, князь добрый и

набожный, не был похож на брата храбростью и распорядительностью; он проиграл сражение против старшего тогда между черниговскими князьями Изяслава Давыдовича (двоюродного брата Всеволода Ольговича), бросил Киев и бежал в старую свою волость – Смоленск. Изяслав Давыдович сел было в Киеве, но принужден был уступить его Юрию Долгорукому. На этот раз Юрий остался княжить в Киеве до самой смерти своей, случившейся в 1157 году. Ростислав Мстиславич, оставшийся по смерти Юрия старшим в потомстве Мономаха, позволил занять Киев опять Изяславу Давыдовичу. Но на Волыни княжил сын знаменитого Изяслава Мстиславича Мстислав Изяславич, храбростию и деятельностию похожий на отца: когда Изяслав Давыдович поссорился с галицким князем Ярославом, то Мстислав соединился с последним, выгнал Изяслава Давыдовича из Киева и посадил здесь дядю Ростислава, а по смерти его сам сел в Киеве. Но, занявши Киев, Мстислав Изяславич находился в таком же положении, как прежде отец его, ибо не был старшим в потомстве Мономаха: старшим был двоюродный дядя его Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, княживший, подобно отцу, на севере, в земле Ростовской. Подобно отцу, Андрей не хотел видеть в Киеве племянника своего Мстислава и, воспользовавшись неудовольствием, которое тот возбудил против себя в князьях южных, послал против него большое войско в 1160 году. Мстислав не мог сопротивляться соединенным силам одиннадцати князей. Киев был взят и страшно разграблен.

Глава IX. От взятия Киева войсками Андрея Боголюбского до кончины Михаила Юрьевича

Казалось, что возобновятся старые времена, когда отец Андрея, Юрий, боролся с отцом Мстислава, Изяславом, но вышло иначе. Андрей, рожденный и воспитанный на севере, приходил на юг во время усобицы отца своего с Изяславом Мстиславичем, когда уже ему было за тридцать лет, отличился здесь большою отвагою, но с самого начала показывал нерасположение к югу, и когда отец его Юрий, утвердившись окончательно в Киеве, хотел, чтоб Андрей поместился подле него в Вышгороде, то Андрей вопреки воле отцовской ушел из Вышгорода на север и стал там княжить. Теперь, вооружившись против Мстислава Изяславича во имя прав своих за старшинство, Андрей не повел сам войска к Киеву, и когда этот город, к которому у прежних князей было непреодолимое стремление, был взят его войском и соперник изгнан, то Андрей не приехал в столичный город отцовский и дедовский, отдал Киев брату Глебу, а сам остался на севере, оттуда распоряжаясь делами на юге как старший и сильнейший князь.

Таким образом, со времен Андрея Боголюбского выступает на главную сцену вместо Южной Северная Россия с своими особенностями в природе страны, в характере народонаселения и в отношениях политических, отчего и русская история должна была с этих пор принять особенный характер. На севере, в княжестве Боголюбского и отца его Юрия, главным городом был Ростов Великий, за ним второе место по старшинству занимал Суздаль, большая часть других городов была построена в позднейшее время, особенно при Юрии Долгоруком, между ними была и Москва, о которой в первый раз упоминается в летописи в 1147 году. Жители Ростова, как жители других старших русских городов, Киева, Новгорода, Полоцка, Смоленска, в важных случаях сходились по звону колокола на совещания, или веча, решали тут дела, и приговору этих вечей повиновались города младшие, или *пригороды*.

Так, когда Андрей без воли отцовской приехал с юга на север, то ростовцы взяли его к себе в князья вопреки распоряжению Юрия, который хотел, чтоб Андрей остался на юге, а север назначал младшим своим сыновьям – Михаилу и Всеволоду. Но Андрей не остался жить в Ростове, а утвердил свое пребывание во Владимире (Залесском, на реке Клязьме), городе новом, не привыкшем решать дела свои на вечах самостоятельно, в котором, следовательно, власть княжеская не могла встретить для себя препятствия; потом Андрей выгнал из своего княжества младших братьев и племянников от умершего старшего брата Ростислава Юрьевича, выгнал и старых бояр отцовских; делал он это, говорит летописец, желая быть самовластцем. Хотел он быть самовластцем не на одном севере, но и во всей Руси и потому переменил обращение свое с другими князьями. До сих пор младшие смотрели на великого князя только как на старшего в роде, а не как на государя, и потому он должен был обращаться с ними по-родственному, как с братьями только, не требовал безусловного повиновения. Но Андрей начал смотреть на дело иначе, и это обнаружилось вот по какому случаю.

Брат его Глеб умер в Киеве; сыновья князя Ростислава Мстиславича, князья смоленские, выпросили у Андрея Киев и окрестные города себе, Андрей согласился, и Роман Ростиславич сел в Киеве, а младшие его братья – по другим городам. Но скоро Андрею дали знать, что брат его Глеб умер не своею смертию, и указали на некоторых бояр киевских как на отравителей его. Андрей потребовал, чтоб Ростиславичи выдали ему этих бояр, но те не послушались; тогда Андрей велел им идти вон из Киевской области и особенно сердился на одного из них, Мстислава Ростиславича, самого храброго, который из детства никого не боялся, кроме Бога одного. Ростиславичи не послушались, не вышли из Киева; мало того, Мстислав опозорил посланника Андреева и велел сказать великому князю: «Мы признали тебя старшим, а ты стал обходиться с нами не как с князьями, а как с подручниками: так Бог нас рассудит». Андрей опять послал большое войско на юг, но на этот раз оно долго без всякого успеха стояло под стенами Вышгорода, где засел Мстислав Ростиславич, и, наконец, обратилось в бегство. Скоро после этого приближенные к Андрею люди, ожесточенные его строгостью, составили заговор и убили его в 1174 году.

Б. А. Чориков. По смерти Андрея, собралось во Владимире народное вече и избрало на престол Ярополка и Мстислава Ростиславичей, племянников Андреевых

Смертью Андрея хотели воспользоваться недовольные его правлением бояре и ростовцы, хотели выбрать себе такого князя,

который бы не подражал Андрею, а вел себя по старине; они выбрали не сына Андреева Юрия и не братьев его Михаила и Всеволода, законных наследников и по старшинству, и по распоряжению Юрия Долгорукого: они выбрали Мстислава и Ярополка Ростиславичей, племянников Андреевых от старшего брата, Ростислава, давно умершего, которые по тогдашним понятиям не имели при жизни дядей права на престол и, будучи обязаны за свое возвышение боярам и ростовцам, должны были поступать во всем по их желанию.

Ростиславичи, изгнанные, как мы видели, Андреем с севера, жили в Чернигове вместе с дядьми своими Михаилом и Всеволодом, также изгнанными. Получив приглашение от бояр и ростовцев, они поехали на север, но дядья также поехали туда, не желая отказываться от своих прав. Бояре и ростовцы не хотели и слышать о Юрьевичах – Михаиле и Всеволоде, но владимирцы приняли к себе Михаила как своего законного князя.

Владимирцы должны были сделать это, потому что в случае торжества ростовцев они должны были отказаться не только от первенства, которое дал им Андрей, утвердивши у них свое пребывание, но даже и от независимости, потому что ростовцы, озлобленные против них за предпочтение, оказанное их городу Андреем, говорили: «Владимир – наш пригород, там живут наши холопы, каменщики, сожжем их город и посадим у них своего посадника». Бояре и ростовцы со своими князьями Ростиславичами осадили Михаила во Владимире; владимирцы оборонялись семь недель; наконец, доведенные до крайности голодом, отказались от Михаила, но удерживали по крайней мере независимость, потому что старший из Ростиславичей Мстислав сел княжить в Ростове; младший его брат Ярополк – во Владимире.

Но владимирцы недолго могли быть покойны: дружина Ярополкова, набранная в Южной Руси, где он прежде жил, грабила народ, который особенно был выведен из терпения тем, что сам князь стал грабить великолепную церковь Богородицы, построенную во Владимире Андреем Боголюбским. Владимирцы жаловались ростовцам, но те на словах были только за них, а на деле были рады их беде; тогда владимирцы сговорились избавиться от Ростиславичей и призвали опять Михаила. На этот раз Михаил разбил Ростиславичей, выгнал их и утвердил свой стол во Владимире, а брат его Всеволод сел

в Переяславле Залесском, также младшем городе; старший, Ростов, был покинут. Это было в 1175 году, а в следующем 1176 году Михаил умер.

Глава X. Княжение Всеволода III Юрьевича

По смерти Михаила владимирцы и переяславцы присягнули брату его Всеволоду и детям его (здесь в первый раз упоминается о присяге и детям), но ростовцы и большая часть бояр опять вызвали к себе прежнего князя своего Мстислава Ростиславича. Всеволод разбил Мстислава, после чего Ростов окончательно должен был уступить свое место Владимиру. Всеволод вел себя точно так же, как брат его Андрей Боголюбский. Он не дал волостей племянникам, подчинил себе Рязань, Новгород, распоряжался Киевом. В южной Руси продолжались прежние усобицы между Мономаховичами и Ольговичами. Всеволод поддерживал в Киеве своих, Мономаховичей, но не хотел и окончательного низложения Ольговичей, чтоб не дать слишком большой силы Мономаховичам; заводил ссоры и между самими Мономаховичами.

С Ольговичами вели борьбу за Киев Ростиславичи смоленские, из которых старший, Рюрик, был посажен Всеволодом в Киеве; но самым знаменитым из них по храбрости был сын Мстислава Ростиславича Храброго Мстислав Удалой, князь торопецкий, бывший, подобно отцу, образцом старого южнорусского князя: он не думал об усилении себя и детей своих на счет других князей, не думал об умножении своих волостей, но заботился только о том, как бы прославить себя воинскими подвигами, любил решать споры битвами, в которых видел суд Божий; с дружиною своею, славною также храбростью, он переезжал из одного конца русских владений в другой, являлся всюду, где только нужно было защитить слабого от сильного и поддержать старину.

Этим характером своим Мстислав Удалой представлял противоположность характеру Всеволода III, который в свою очередь был образцом большей части потомков своих, князей северных, был очень осторожен, не охотник до решительных действий, до решительных битв, которыми можно было вдруг выиграть, но можно вдруг и потерять, уступчив в тех случаях, где видел успех неверный, но постоянен в стремлениях к достижению цели, а цель эта, как у него, так и у потомков его, – приобресть как можно больше владений, усилить

себя на счет всех других князей, подчинить их себе; это-то стремление Всеволода III и потомков его и было средством к утверждению единовластия в России.

Так разнились между собою князья из разных линий Мономахова потомства – Ростиславичи, потомки Мстислава Великого, и Юрьевичи, потомки Долгорукого, но мы видели, что у Мстислава Великого был сын старше Ростислава, знаменитый Изяслав Мстиславич, у которого был сын Мстислав Изяславич, выгнанный из Киева войсками Боголюбского. У этого Мстислава, который должен был ограничиться Волынским княжеством и умер тут, был сын Роман. В этой линии княжеской блестящие способности, храбрость и деятельность были наследственны: Роман Мстиславич, похожий на отца и деда, обратил свое внимание не на Киев, уже потерявший прежнее значение, но на запад, на богатое княжество Галицкое, и успел утвердиться здесь, когда линия князей галицких, Ростиславичей, пресеклась Владимиром, сыном Ярослава Осмомысла.

Б. А. Чориков. Великий князь Всеволод назначает наследником второго сына своего Георгия

Но здесь, в Галиче, были очень сильны бояре, сильнее, чем в других княжествах русских, и Роман, чтоб утвердиться здесь, должен был действовать против них жестокими средствами, истреблять их. Роман был убит в войне с поляками, оставив по себе дурную память между боярами галицкими и славную – в преданиях народных за свои подвиги в войнах с половцами, ятвягами и литвою. По смерти Романа

осталось двое малолетних сыновей – Даниил и Василько. Бояре выгнали их и начали призывать на Галицкое княжество то того, то другого из соседних владетелей, и пошла борьба за Галич между князьями русскими – Мономаховичами и Ольговичами, также между поляками и венграми.

В то же время на северо-западе, на берегах Балтийского моря, среди дикой чуди, платившей дань князьям полоцким, утвердились немцы. Монах Мейнгард, получивший потом от папы сан епископа, стал обращать туземцев ливонских в католицизм; так как они оказывали сильное сопротивление, то третий после Мейнгарда епископ, Альберт, построивший город Ригу, основал в 1201 году орден Рыцарей Меча, чтоб держать туземцев постоянно в повиновении и распространять владения рижской церкви. Полоцкие князья были так слабы, что не могли сопротивляться рыцарям и должны были уступить им все свои владения в Ливонии.

В таком положении находилась Россия в конце княжения Всеволода. Он послал управлять Ростовом старшего сына Константина, а пред смертью сделал распоряжение, чтоб Константин, ставши великим князем, переехал во Владимир, а Ростов отдал второму сыну, Юрию. Но Константин не был доволен таким распоряжением и требовал от отца, чтоб тот кроме Владимира дал ему и Ростов. Всеволод рассердился, лишил Константина великого княжения и отдал его второму сыну, Юрию, после чего умер в 1212 году.

Глава XI. События от кончины Всеволода III до нашествия татар

Константин Всеволодович не мог спокойно сносить того, что старшинство досталось мимо него младшему брату, и потому тотчас по смерти отца начинаются между ними усобицы. Но эти усобицы сначала ограничивались мелкими действиями, до тех пор пока не вступил в дело князь южный, знаменитый Мстислав Мстиславич Удалой, а вступился он в дело опять по поводу Новгорода. У Константина и Юрия Всеволодовичей был еще третий брат, Ярослав, княживший в Переяславле Залесском. Это был самый деятельный и предприимчивый из сыновей Всеволода III, он не упускал случая делать приобретения. Новгородцы позвали его к себе княжить, а он захотел утвердить над ними свою власть навсегда. Для этого он выехал из Новгорода, засел в Торжке и не стал пропускать в Новгород съестных припасов, отчего там сделался голод. Напрасно новгородцы упрашивали его возвратиться в Новгород: он ничего не хотел слушать, задерживал бояр и купцов новгородских. В это время приезжает в Новгород Мстислав Удалой, созывает вече и говорит: «Не быть Торжку Новгородом, а Новгороду Торжком!» Новгородцы и Мстислав целовали друг другу крест – не расставаться ни в животе, ни в смерти, и Мстислав говорил: «Либо отыщу людей и волости новгородские, либо головою повалю за Новгород». И действительно выступил против Ярослава; тот начал отступать на восток. В ссоре между сыновьями Всеволода III Ярослав держал сторону брата Юрия против Константина; теперь Юрий был за него, а Мстислав вступил в союз с Константином.

К. В. Лебедев. Мстислав Удалой въезжает на вече и избавляет новгородцев от грозившего им голода

На реке Липице произошла битва, Мстислав победил, заставил Юрия отказаться от старшинства и Владимира и вместо него посадил Константина. Но Константин недолго был великим князем: в 1219 году он умер, и Юрий опять получил старшинство и сел во Владимире, а дети Константина стали княжить в Ростове.

Юрий счастливо продолжал борьбу с болгарами и мордвою; в земле мордовской он довел границы своих владений до устья Оки в Волгу, где построил Нижний Новгород. В то время как на северо-востоке распространялись русские владения на счет варваров, на юго-западе надобно было защищать старый русский Галич от чужих народов. Венгры овладели им, начали притеснять православную веру. И тут, как везде, на помощь притесненным явился Мстислав Удалой, прогнал венгров и стал княжить в Галиче, выдав дочь за Даниила Романовича, который, выросши в бедах, в гонениях, окреп духом и телом и обещал идти по следам отцовским и дедовским. Но бояре галицкие, желая управлять сами, не хотели иметь у себя такого князя, как Даниил, и потому уговорили Мстислава выдать другую дочь за венгерского королевича и отдать ему Галич. В других княжествах южной Руси было спокойно, Мономаховичи не ссорились с Ольговичами, когда в 1224 году прибежали в Киев половцы и объявили о новом, неслыханном враге.

Глава XII. Нашествие татар

В степях на северо-запад от Китая жили издавна два кочевых народа – монгкулы и тата. В первой четверти XII века один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингисхана, великого хана, начал покорять себе других ханов, сделался мало-помалу единственным повелителем обоих народов и замыслил посредством их покорить себе весь мир. В 1224 году двое полководцев его прошли обычным путем кочевых орд – между Каспийским морем и Уральскими горами, вошли в землю половцев и поразили их. Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, стал упрашивать зятя и других князей русских подать ему помощь. Князья съехались в Киев на совет и решили идти навстречу татарам. 16 июня произошла между ними битва на реке Калке; половцы, бывшие вместе с русскими, первые обратились в бегство и дали победу татарам; поражение было страшное, какого не бывало от начала русской земли, погибло восьмеро князей и семьдесят богатырей. Татары пошли следом за бежавшими русскими, но, опустошивши несколько волостей, возвратились от Днепра назад в степи, и долго после этого не было о них слышно на Руси.

Б. А. Чориков. Битва при Калке. Князь Галицкий Мстислав, проиграв сражение при Калке, спасается бегством за Днепр, 1224 г.

Здесь в 1228 году умер Мстислав Мстиславич Удалой, после чего начинаются опять войны и усобицы за Галич; враги со всех сторон поднялись на Даниила Романовича. Три раза он должен был брать Галич с бою: два раза у венгров, третий раз у князя Михаила черниговского. От врагов внешних он успел наконец избавиться, но трудно ему было сладить с врагами внутренними, с боярами, которые поднимали крамолу за крамолой, сносясь с его врагами, замышляя

убить его. В области Днепровской происходили по-прежнему усобицы между Мономаховичами и Ольговичами; этими усобицами захотел воспользоваться самый деятельный из северных князей Ярослав Всеволодович переяславский; он успел опять утвердиться в Новгороде, а теперь задумал овладеть Киевом и действительно овладел им, но пробыл недолго на юге: с севера пришли страшные вести о втором татарском нашествии.

В 1227 году умер Чингисхан; ему наследовал сын его Угедей (Октай), который отдал племяннику своему Батыю страну между Яиком (Уралом) и Днепром, то есть прежние кочевья половецкие. В 1236 году этот Батый, собравши 300 000 войска, вошел в землю болгарскую, опустошил ее, а в следующем году татары явились в рязанских пределах и потребовали от тамошних князей десятины от всего, от людей и от скота. «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше», – отвечали князья. Батый взял Рязань, опустошил всю страну, потом, двигаясь далее на север, разбил войско великого князя Юрия у Коломны, сжег этот город, сжег Москву и 3 февраля 1238 года осадил Владимир, откуда великий князь выехал на Волгу собирать войско. 7 февраля Владимир был взят и сожжен, причем погибло все семейство великокняжеское. От Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов, и пленили всю страну Поволжскую, в один февраль месяц взяли четырнадцать городов. 4 марта татары встретились с великим князем Юрием, который стоял на реке Сити; после злой битвы русские полки побежали, сам великий князь был убит. От Сити татары пошли к юго-западу, взяли Торжок и, не дошедши 100 верст до Новгорода, остановились, боясь приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь. На этой дороге Батый был задержан семь недель у города Козельска, жители которого упорно отбивались и перебили 4000 неприятелей; татары взяли наконец Козельск, истребили всех его жителей и прозвали его злым городом.

Оборона Козельска. Миниатюра из Никоновской летописи, XVI в.

В 1239 году татары из степей половецких явились в южной России, сожгли Переяславль, Чернигов, а в 1240-м сам Батый осадил Киев; жители долго и упорно защищались под начальством боярина Димитрия, – присланного к ним князем Даниилом галицким; наконец 6 декабря Батыю удалось овладеть Киевом, после чего он двинулся на запад и опустошил Волынь, откуда князь Даниил бежал в Венгрию. Боярин Димитрий, взятый в плен в Киеве и пощаженный за храбрость, видя опустошение русских земель, стал говорить Батыю: «Будет тебе здесь воевать; время идти на венгров; если же еще станешь медлить, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее». Батый послушался и в 1241 году перешел Карпатские горы; татары опустошили Венгрию, Силезию, Моравию, но не шли дальше, потому что сильные полки чешские (богемские) и австрийские загородили им дорогу. Батый возвратился в свои приволжские степи, и соседняя Россия должна была признать его владычество, платить ему дань. С этих пор южная, днепровская Русь, вконец опустошенная татарами, окончательно сходит со сцены, и жизнь русская сосредоточивается на севере.

Глава XIII. Внутреннее состояние русского общества от половины IX до половины XIII века

1. Общий взгляд на события описанного времени

Если мы сравним известия летописи о быте славянских племен до половины IX века с известиями о событиях на Руси XI и XII веков, то увидим великую разницу, происшедшую именно вследствие призвания князей, собравших племена в один народ. Племенные названия исчезают; не встречаем больше названий: поляне, древляне, северяне, кривичи, меря; эти названия заменяются названиями областей, от имени главного, стольного города происшедшими: киевляне, владимирцы, черниговцы, смольняне, ростовцы, и все эти области, при видимом разделении, связаны между собою, жители их понимают, что составляют один народ русский, живут все в одной земле русской, хотя в тесном смысле Русью продолжает называться Киевское княжество.

Каждая область имела своего князя, независимого в делах внутреннего управления, но князья эти владели русскою землею сообща и меняли свои княжества, подвигаясь по старшинству к главному столу, киевскому; вследствие этого области находились в тесной связи: смерть киевского князя была событием одинаковой важности как для киевлянина, так и для черниговца, и для смольнянина, и для отдаленного ростовца и новгородца, ибо она влекла за собою перемены в их родных областях; самые усобицы княжеские за старшинство, за обладание Киевом, укрепляли сознание о единстве земли, потому что вследствие их дружины северные стремились на юг, южные – на север; несмотря на огромное расстояние областей русских, например Волыни от Ростова или Новгорода, жители их принимали участие в делах друг друга благодаря этой нераздельности княжеского рода.

2. Значение князя

Название князя на Руси принадлежало только членам Рюрикова потомства и не отнималось ни у кого из них ни в каком случае; старший между ними назывался великим князем. Князь был призван для того, чтобы княжить и владеть, по словам летописи; он заботился об утверждении порядка в земле, о деле военном, о законах. Князь обыкновенно был главным вождем во время войны и верховным судьей во время мира, он наказывал преступников, его двор был местом суда, его слуги были исполнителями судебных приговоров. Князь собирал дань с жителей своей области; кроме того, в его пользу шли пошлины, которые брались при продаже товаров, с обвиненных при решении дел судебных; наконец, большой доход князьям приносили принадлежавшие им земли, населенные рабами: на этих землях князья устраивали себе дворцы, где складывались всякого рода вещи, нужные в хозяйстве, – мед, вино, медь, железо и т. п. Эти земли, доставлявшие множество съестных припасов, давали возможность князьям угощать беспрестанно дружину, духовенство, иногда всех жителей городских.

3. Дружина и войско

Подле князя видим дружину, с которою он обо всем советуется, ходит в походы, за данью, охотится, пирует; из членов дружины назначал князь правителей в города, или посадников, воевод для городовых полков, или тысяцких, приставников при разных делах, или тиунов; хороший князь по тогдашним понятиям ничего не щадил для дружины, что получал, все издерживал на нее, ничего не откладывал собственно для себя, потому что с храброю, преданною дружиною никогда не мог быть беден.

Дружиннику было хорошо при князе: он был его советником *(думцем),* получал от него обильное содержание, и денежное жалованье, и доходные места, а если ему что-нибудь не нравилось, то мог свободно переходить от одного князя к другому: это не считалось изменою, ибо князья владели сообща русскою землею. Не будучи привязан к одному какому-нибудь князю, дружинник не был привязан и к одному какому-нибудь княжеству, но сопровождал князя, в службе которого ему нравилось, из одного княжества в другое. Это движение не давало дружинникам возможности усиливаться в качестве постоянных богатейших землевладельцев; не могли они усилиться и как посадники, правители волостей, городов, потому что с самого начала князья – потомки Рюрика чрезвычайно размножаются, вследствие чего все сколько-нибудь значительные города и волости находятся в управлении самих князей, а не посадников их.

Сначала, при первых князьях, дружины наполняются преимущественно варягами, но скоро потом они являются вполне туземными, хотя доступ в них постоянно был открыт всякому чужестранцу, известному своею храбростию. Дружина разделялась на старшую – боляр, или бояр, советников, думцев князя по преимуществу, и на младшую – людей молодых летами и подвигами (гриди, гридьба); в состав дружины входила также собственная прислуга князя (отроки, детские, пасынки, дворяне). Войско составлялось из дружины и полков, собираемых из остального народонаселения, городского и сельского; ополчения разделялись на конницу и пехоту и располагались пятью отделами: большой полк, два

крыла – правое и левое, передовой полк и сторожевой, которого обязанность состояла в наблюдении за неприятелем.

4. Города

Городом называлось огороженное укрепленное место, устроенное для защиты от неприятеля: сюда в случае вражьего нападения укрывалось все окрестное народонаселение с семействами и пожитками. В самом городе жил князь или посадник его, окруженный дружиною, под стенами города селились люди промышленные, сначала, разумеется, те, которых изделия всего нужнее были для дружины, мастера оружейные; потом, если город находился на выгодном месте, на большой реке, на торговом пути, то число жителей и богатство их увеличивались; так явились большие города на Руси: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, но жители, селившиеся подле других небольших городов, занимались обыкновенно земледелием; каменные стены у городов были редкостью, большею частью стены были деревянные.

Когда князь предпринимал что-нибудь, то в совет свой вместе с дружиною призывал и городских старцев; так было при первых князьях, но потом, после Ярослава I, видим, что князья созывают всех городских жителей на вече и предлагают им какое-нибудь предприятие, обыкновенно поход; граждане соглашаются или не соглашаются. Особенно значение веча поднялось во время княжеских усобиц, когда города получили возможность выбирать между несколькими князьями-соперниками, выбирать того, кто был ласковее и уступчивее; сила веча зависела также от многочисленности и богатства жителей: были сильные веча в Киеве, Новгороде, Полоцке, Смоленске, Ростове; маленькие же города или пригороды своего веча не имели, а исполняли то, что решат веча больших городов.

Особенно сильно было вече в Новгороде Великом: во-первых, по богатству и многочисленности жителей, во-вторых, потому что князья менялись очень часто вследствие усобиц, происходивших на юге, и новгородцы могли выбирать из многих; в-третьих, так как главная сцена действия была на юге, князья бились все около Киева и ближайших к нему городов, то новгородцы могли безопасно менять князей и заключать с ними ряды, или договоры: князья, занятые на юге, не имели средств и охоты ходить с большим войском к далекому Новгороду и заставлять его жителей исполнять свою долю. Но на

северо-востоке, где единственный большой старый город, имевший вече, Ростов, упал при сыновьях Юрия Долгорукого и остались одни малые города, не имевшие прежде вечей, там о вечах, об условиях горожан с князьями, уже не слыхать. Жители городские разделялись на десятки, каждый под начальством своего десятского, десятские зависели от сотских, начальников сотен, а сотские в свою очередь зависели от тысяцкого, или воеводы городового.

5. Торговля

Города богатели от торговли; так как самая сильная торговля в древней России производилась на пространстве между Балтийским и Черным морями, на этом водном пути, который соединял Северную Европу с Южною, то самыми богатыми городами были те, которые находились на оконечностях этого пути, – Киев на юге и Новгород на севере; Киев преимущественно торговал с Грециею, был складкою южных европейских и азиатских товаров, а Новгород торговал с скандинавскими и германскими народами; кроме Киева и Новгорода еще два города по выгодному положению своему на том же пути вели большую торговлю: Смоленск и Полоцк. Богатство городов выражалось особенно в многочисленности и богатстве церквей, которые были почти исключительными тогда общественными зданиями.

6. Сельское народонаселение

В селах жили или свободные земледельцы, или *челядь,* рабы, принадлежащие владельцам земель; свободные сельские жители управлялись своими старостами.

7. Законодательство

И. Я. Билибин. Суд во времена Русской Правды

Князья были призваны для *правды,* для суда справедливого, беспристрастного, и потому одною из главных забот первых князей был устав земский, о котором они думали с дружиною, старцами городскими и епископами. Ярославу I приписывается писаный устав, известный под именем Русской Правды. Этот устав первыми строками своими указывает на государство, только что родившееся, в котором еще ясны следы прежнего быта племен, когда они жили порознь, каждый род особо. Так, в случае убийства убийца по Русской Правде наказывался не государственною властию по закону, а должны были мстить ему ближайшие родственники убитого: брат должен был мстить за брата, сын за отца, отец за сына, дядя за племянника; если же после

убитого не оставалось близких родственников, которые бы за него отомстили, то убийца платил князю пеню, *виру,* за простого человека вдвое меньше, чем за члена дружины или слугу княжеского, за женщину вполовину меньше, чем за мужчину. Дети Ярослава отняли у родственников убитого право мстить убийце смертию, а положили, что он должен откупаться деньгами. Когда не было ясных свидетельств преступления, то употреблялось испытание железом, водою, а потом ввелись и судебные поединки.

8. Церковь

С самого начала сильное влияние на смягчение нравов, на распространение лучших понятий в обществе оказала новая религия – христианство. Но благодетельное влияние свое христианство успешнее могло оказывать на юге, где оно принялось скорее, на севере же и на северо-востоке язычество еще крепко держалось: здесь проповедники христианства подвергались мученической смерти, как, например, св. Леонтий в Ростове, св. Кукша у вятичей; здесь являлись волхвы и возмущали народ против новой религии, пользуясь особенно физическими бедствиями, голодом. Однажды волхв явился в Новгороде, стал говорить перед народом, что все знает, что может ходить по воде, как посуху; народ поверил ему, и когда епископ вышел на площадь с крестом в руках, то на его стороне стал только князь с дружиною, все же остальные новгородцы стали на стороне волхва; епископа спасла от погибели только решительность князя, который подошел к волхву и разрубил его топором; народ, видя, что старые боги не умели защитить своего слугу, разошелся.

Христианство торжествовало видимо, но в народе, особенно в низшем его слое, языческие предания и представления были еще очень сильны: духовенство постоянно жалуется на языческие обычаи, на двуверие народа, который был наполовину христианским, а наполовину оставался при прежних верованиях. Если мы теперь в низшем слое народонаселения встречаем еще много языческих преданий и представлений, то что же было в XII веке?

Касательно управления русская Церковь зависела от константинопольского патриарха, который поставлял для нее митрополитов и произносил окончательные приговоры в делах церковных. Митрополиты были обыкновенно греки; из русских были только: при Ярославе I – Иларион, русский и поставленный собором русских епископов без ведома патриарха; потом при Изяславе Мстиславиче – Климент, поставленный также в России без ведома патриарха, но некоторые епископы не соглашались на его поставление. После этой попытки патриарх продолжал присылать митрополита в Киев из Константинополя, но с согласия великого князя. Митрополит с своей стороны поставлял епископов во все епархии, но опять с согласия

тамошних князей; новгородцы избирали своих архиепископов, или владык, жребием. Для содержания главных, или любимых, церквей, также домов архиерейских некоторые князья давали десятую часть (десятину) из своих доходов, давали села, слободы, иногда целые города.

Преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Икона, XIII в.

Для упрочения христианства нужно было, чтоб оно распространялось не словом только, но самым делом, чтобы новые русские христиане увидали в лучших людях действие христианства и в этом действии признали превосходство новой религии над старою. Такое влияние на молодое русское общество производили монахи, из которых особенно прославились монахи Киевского Печерского монастыря.

Основателем монастыря был св. Антоний родом из города Любеча; он был на Афонской горе, постригся там, возвратился в отечество и поселился в Киеве в пещере на берегу Днепра в княжение Изяслава Ярославича. Слух о подвигах его суровой монашеской жизни скоро разнесся по Киеву, и около него собралась братия; из этой братии знаменитее всех своими подвигами был св. Феодосий, в ранней молодости бросивший богатый дом отцовский, для того чтобы жить суровою монастырскою жизнию. Ставши игуменом Печерского монастыря после Антония, Феодосий был защитником притесненных, у себя в келье ходил за больным монахом, писал поучения монахам и князьям, по ночам отправлялся спорить с жидами; знаменитый повсюду, он отличался смирением необыкновенным. Кроме Антония и Феодосия Печерский монастырь выставил ряд проповедников христианства, епископов, летописцев; в нем видели, как проходил монашеский искус один из князей черниговских, Святослав (Святоша) Давыдович, как он рубил дрова, был привратником и служил при трапезе братской. Для содержания своего и в это уже время монастыри имели недвижимые имущества; до нас дошла в подлиннике грамота великого князя Мстислава Владимировича (1128–1132 годов) новгородскому Юрьеву монастырю на волость; это древнейшая подлинная грамота, до нас дошедшая.

9. Просвещение

С распространением христианства распространялась и грамотность: человек благочестивый, который хотел быть крепок в вере, хотел побольше знать о божественном, должен был читать, приобретать книги для собственной духовной пользы и пользы других. Князья и простые люди, священники и монахи обращались к архиереям и знаменитым игуменам с разными вопросами, особенно их занимавшими; те должны были отвечать им, иногда письменно; эти ответы, имевшие всеобщую занимательность, переписывались, распространялись и таким образом дошли до нас. Новых русских христиан занимал вопрос: зачем Христос воплощался – ведь и евреи знали единого истинного Бога? Это нужно было объяснить, и вот еще при Ярославе первый киевский митрополит из русских, Иларион, писал об этом.

В Киев приходили христиане римского исповедания; русским людям хотелось знать, какая разница между этим исповеданием и греческим. И католики тоже христиане, а между тем греки их не любят, называют их веру неправою. И вот появились сочинения, показывавшие эту неправоту, между прочим и ответ св. Феодосия на вопрос великого князя Изяслава о вере латинской. Из поучений, написанных для князей, особенно замечательно поучение митрополита Никифора Владимиру Мономаху, из которого мы узнаем об образе жизни этого знаменитого князя. Записывались поучения, которые говорили архиереи в церквах всему народу: так, записано было простое краткое поучение новгородского епископа Луки Жидяты о том, как должен вести себя христианин; записаны одушевленные, красноречивые проповеди Кирилла, епископа туровского, содержащие в себе объяснения прославления разных евангельских событий; поучения св. Феодосия Печерского, из которых мы узнаем о нравах того времени.

Кроме поучений, принадлежащих духовным лицам, до нас дошло поучение, написанное Владимиром Мономахом для своих детей, которых он учит быть благочестивыми, правосудными, никого не убивать, держать свое слово, не зарывать добра в землю, в доме за всем смотреть самим, чтоб гости не осмеяли обеда; вышедши на войну, не надеяться на воевод, а за всем смотреть самим; во время дороги не

давать слугам своим обижать жителей; ласкать иностранцев всякого звания, потому что они разносят добрую и дурную славу; учиться всему доброму; в заключение Мономах рассказывает детям о своих трудах. Охота к паломничеству, к путешествиям в Святую землю распространилась в это время между русскими людьми, и вот дошло до нас описание одного из таких путешествий, совершенного игуменом Даниилом. От этого же времени дошло до нас сочинение другого Даниила: «Послание Даниила Заточника к князю Юрию Владимировичу Долгорукому»; сочинение это наполнено изречениями житейской мудрости того времени, собранными, как говорит сам автор, из многих книг.

Самые старинные исторические песни и сказки, дошедшие до нас уже в измененном виде, содержат рассказы о подвигах богатырей времени св. Владимира, о борьбе их с степными народами, которая больше всего занимала народ. После св. Владимира эта борьба продолжалась, больше всех князей приобрел в ней славы Владимир Мономах, и поэтому в летописях мы встречаем следы народных поэтических сказаний о подвигах Мономаха против половцев. От позднейшего времени дошло до нас в целости поэтическое сказание о несчастном походе северских князей, Игоря Святославича с братьями, на половцев – «Слово о полку Игореве». Особенная храбрость этих князей, их ревность добыть себе славы в борьбе с погаными, их великодушие, по которому они не захотели покинуть в беде простых людей, заслуженная поэтому народная любовь к этим князьям, любопытные подробности похода, необыкновенная удача вначале, необыкновенное бедствие в конце, наконец, удивительное спасение Игоря из плена – все это должно было возбудить внимание народа к событию, которое и стало предметом поэтического сказания.

Наконец, от описываемого времени дошли до нас летописи, то есть погодные записки о событиях; дошли они до нас в виде сборников, составленных из разных летописей, написанных в разных местах разными лицами, но предание сохранило нам имя древнейшего летописца, монаха Киево-Печерского монастыря преподобного Нестора. С половины XI века мы замечаем в летописях явные следы, что события записываются современниками и даже очевидцами; до этого же времени события записаны по устным преданиям. До нас дошли в целости и в отрывках летописи, написанные в Киеве,

Новгороде, на Волыни, в Полоцке, в области Черниговской, в области Ростовской или Суздальской. Влияние этих различных местностей отразилось на характере летописного рассказа: так, летописи южные – Киевская и Волынская – отличаются живостию, полнотою рассказа, в них описываются не только действия исторических лиц, но и приводятся речи их, отчего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская летопись отличается краткостию и силою. Рассказ суздальского летописца сух, не имея силы новгородской речи, и вместе многоглаголив без художественности речи.

Глава XIV. От Батыева нашествия до кончины Александра Ярославича Невского

К счастью для России, после Батыева нашествия оставался в живых самый деятельный, предприимчивый и распорядительный из сыновей Всеволода III, Ярослав. Узнавши о погибели старшего брата Георгия, он приехал из Киева во Владимир, очистил церкви от трупов, собрал людей, оставшихся в живых после татар, утешил их. О сопротивлении татарам нечего было и думать; надобно было другим средством предохранить опустошенную страну от нового опустошения, и Ярослав отправился в Орду к Батыю, который раскинул стан свой на берегу Волги; чрез несколько времени великий князь поехал к великому хану в Татарию, где и умер в 1246 году.

Великій князь
Александръ
Ярославичь Невскій

Великий князь Александр Ярославич Невский. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

В то время как на востоке русские князья принуждены были признать над собою власть татарских ханов, ездить к ним в степь кланяться и обдаривать их, западные русские области, Новгород и Псков, подвергаются сильным нападениям с трех сторон: со стороны шведов, ливонских рыцарей и Литвы. Шведский владетель Биргер, побуждаемый папскими посланиями, вздумал идти на русских крестовым походом для обращения их в католицизм. В Новгороде в это время княжил сын Ярославов Александр. Узнавши, что шведы пришли в устье Ижоры в Неву, Александр с небольшою дружиною выступил против неприятеля и 15 июля 1240 года нанес ему сильное поражение, за что получил прозвание Невского. Шведы ушли, но в том же году уехал из Новгорода и Александр, рассорившись с его жителями, потому что вел себя с ними, подобно отцу и деду. А между тем немцы ливонские взяли Изборск, разбили псковичей и стали владеть во Пскове вместе с изменником Твердилою Ивановичем. Немцы не довольствовались Псковом, но стали завоевывать и новгородские области: в тридцати верстах от Новгорода не было проезда купцам. В такой беде новгородцы опять послали за Александром Ярославичем; тот приехал, очистил от немцев и Новгородскую область, и Псков и 5 апреля 1241 года одержал над немцами знаменитую победу на льду Чудского озера, почему она и слывет Ледовым побоищем; немцы должны были заключить мир и отступились от всего ими захваченного. Оставались литовцы, которых толпы опустошали новгородские владения; Александр три раза поразил их.

Так прославился Александр в своей молодости отбитием трех врагов от границ русских. Но по смерти отца начиналась для него другая, печальная деятельность. По смерти Ярослава великим князем во Владимире стал брат его Святослав; Александр Невский с храбростью древних южных князей соединял холодную рассудительность князей северных; он бился храбро со шведами, немцами и Литвою, потому что видел возможность одолеть их; сопротивляться татарам он не видел никакой возможности и потому употреблял все средства, чтоб не раздражить ханов против России.

По смерти отца он поехал к Батыю вместе с братом Андреем, а между тем в отсутствие их на Руси произошла важная перемена: один из младших братьев их, Михаил прозвищем Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава великое княжение и сам заступил его место. Этот поступок Михаила очень замечателен, потому что московский князь действует тут только по праву сильного, презирая все прежние родовые права: он вооружается против дяди, не будучи старшим из племянников. Михаил скоро погиб в битве с литовцами еще до возвращения старших братьев из Орды, где Александра утвердил хан на столе киевском и новгородском, Андрею же дал великое княжение Владимирское; дядя Святослав остался и на этот раз в стороне, но и Андрей недолго княжил во Владимире: изгнанный татарами в 1252 году, он принужден был бежать в Швецию, а великое княжество Владимирское получил Александр Невский. После Андрей возвратился в отечество и получил от брата Суздаль.

Ставши великим князем, Александр Ярославич больше всего хлопотал о том, чтоб сдерживать своих подданных от восстаний против татар, с которыми они не были в силах бороться. Еще при Ярославе татары сделали первую перепись народа в России для сбора дани. По смерти Батыя при брате его Берке была вторая перепись: приехали татарские посланники, сочли всю землю, поставили десятников, сотников, тысячников, темников (начальников над 10 000), не считали только духовенства. В это время в Новгороде уже образовались две стороны: сторона лучших и сторона меньших людей (аристократическая и демократическая). Лучшие соглашались на перепись, но меньшие не хотели; насилу Александр мог уговорить их. Но когда успокоились новгородцы, поднялись волнения на востоке: здесь народ был выведен из терпения насилиями татарских откупщиков дани, которые и были выгнаны из Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля.

Полки татарские уже посланы были пустошить за это Россию; тогда Александр, чтоб отмолить людей от беды, поехал в четвертый раз в Орду и успел в своем деле, но это было уже последнее его дело: на возвратном пути он умер в Городце Волжском 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой, за правоверную веру». Сохранение русской земли от татарского нашествия на востоке,

подвиги за веру и землю против шведов, немцев и Литвы на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его виднее всех князей от Мономаха до Димитрия Донского.

Глава XV. Княжение братьев Невского, Ярослава и Василия

Александру Невскому наследовал по старине брат его Ярослав Ярославич, князь тверской. Новый великий князь, поступая в Новгороде подобно своим предшественникам, возбудил против себя новгородцев, которые его выгнали, но он не хотел оставить этого дела так: стал собирать полки и послал в Орду с просьбою о помощи на новгородцев, которых выставил противниками татар. Хан отправил уже войско к Ярославу, и Новгороду грозила большая беда, но он был спасен родным братом Ярослава, Василием, князем костромским, который поехал в Орду, сказал хану, что новгородцы правы, и воротил с дороги татарское войско. Ярослав с одними своими силами не мог сладить с новгородцами, должен был прислать к ним с поклоном и стал у них княжить на всей их воле.

В княжение Ярослава, именно в 1266 году, кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилетие татарского ига; в этом году, говорят летописи, умер хан Берке и была ослаба Руси от насилия татарского; Берке был первый хан, который переменил языческую веру на магометанство. На западе, у Новгорода и Пскова, по-прежнему шли войны с Литвою и немцами. В Литве в это время произошли усобицы, вследствие которых прибежал в Псков один из князей литовских, именем Довмонт, принял крещение под именем Тимофея и был посажен псковичами княжить. Псковичи не ошиблись в своем выборе: отличаясь христианскими добродетелями, Довмонт отличался с тем вместе храбростью, оборонял Псков от Литвы и от немцев, предпринимал удачные походы и внутрь земли неприятельской. Он участвовал и в знаменитом походе новгородцев в Ливонию под начальством семи князей; у Раковора (Везенберга) русские встретились с немецким войском, а после страшного побоища, какого не видали ни отцы, ни деды, русские победили, потерявши, однако, много убитыми.

В 1271 году умер великий князь Ярослав; ему наследовал на великом княжении брат Василий Ярославич костромской. Казалось бы, что он будет жить в согласии с новгородцами, которых спас прежде от беды, но вместо того Василий тотчас же начинает войну с

новгородцами, требует, чтоб они уничтожили выгодный для них договор с прежним великим князем Ярославом. Таким образом, оказалось, что Василий и прежде вступался за Новгород для того только, чтоб не дать усилиться брату своему Ярославу, ибо теперь все великие князья хлопочут только о том, как бы скорее усилить свое княжество на счет других, и обыкновенно с этою целию нападают на Новгород: Василий успел сесть в Новгороде на всей своей воле с помощью татар, но не имел времени предпринять ничего более для усиления Костромского княжества, ибо умер в 1276 году.

Глава XVI. Судьба Юго-Западной России после татарского нашествия

После татарского нашествия старинная Русь, Киевская область, потеряла последние силы: Киев сделался ничтожным городом, в котором едва насчитывалось домов с двести; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости человеческие; литовцы свободно гуляли по Приднепровью, истребляя и последнее, что осталось после татар; защищаться было некому. Народ разбегался или в северо-восточные русские области или на запад, где в уголке прикарпатском уцелело еще русское княжество, поддержанное знаменитым Даниилом Романовичем.

Но и в этом уголке, несмотря на татарское опустошение, доканчивалась старинная усобица между Мономаховичами и Ольговичами; Мономахович Даниил Романович должен был бороться с Ольговичем Ростиславом, сыном Михаила черниговского. Во время татарского нашествия оба они, и Даниил и Ростислав с отцом, скрывались в Польше, но, как только татары схлынули, начали воевать друг с другом; война эта кончилась в 1249 году битвою на реке Сане, где Ростислав потерпел от Даниила совершенное поражение с союзниками своими, венграми и поляками. Так кончилась последняя усобица между Мономаховичами и Ольговичами на юго-западе.

Даниил окончательно утвердился на галицком столе, но от Батыя с Волги пришел к нему грозный зов, и Даниил отправился в Орду. Тяжко было южному князю, в котором рассудительность не преобладала над чувствами, как у северных князей, тяжко было правнуку Изяслава, который привык везде честь свою брать, тяжко было Даниилу унижаться пред степным варваром, становиться перед ним на колени, пить кумыс. Хан отпустил его ласково, но эта ласка показалась Даниилу злою обидою, и все плакали от досады, когда Даниил, возвратившись домой, рассказал о ласке татарской: «злее зла честь татарская», говорит по этому случаю летописец южный.

Не могши никак помириться с мыслью, что должно остаться подданным хана, Даниил начал хлопотать, как бы свергнуть татарское иго. С одними средствами своего Галича да Волыни, где княжил брат

Даниилов Василько, этого сделать было нельзя, – надобно было вступить в союз со всеми соседними европейскими государствами и предпринять крестовый поход на татар, общих врагов всего христианства; но о крестовом походе в союзе с католическими державами нельзя было думать без соединения с папою, и потому Даниил завел сношения с Римом насчет этого соединения. Папа очень обрадовался, прислал Даниилу венец королевский, писал в разные стороны о необходимости крестового похода против татар; но так как послания папские не имели никакого следствия, то Даниил скоро прервал сношения свои с Римом, удержав, однако, титул королевский, и стал думать, как бы собственными средствами избавиться от татар. Для этого он начал укреплять города, не позволял ханским воеводам утверждаться в низовьях Днестра и вступил в явную войну с слабым воеводою Куремсою; но когда вместо Куремсы пришел другой сильный воевода, Бурундай, то Даниил увидал невозможность бороться с татарами и принужден был по их требованию разорить укрепления своих городов.

Б. А. Чориков. Даниил Галицкий и ляхи

Но если Даниил не имел успеха в борьбе с татарами, зато был счастлив в войнах с другими своими соседями. В это время Литва начала усиливаться благодаря ослаблению русских княжеств и единовластию, которое начал утверждать в ней князь Миндовг, варвар хитрый и жестокий, не разбиравший средств для достижения своих

целей; несмотря на то, Даниил счастливо воевал с ним, и по смерти Миндовга сын его Воишелк признал свою зависимость от брата Даниилова, Василька волынского. Так же удачно шла война с ятвягами, которые наконец обещались служить Даниилу и строить города в земле своей. Такие успехи прославили Даниила среди соседей, которые искали его союза и помощи; вследствие этого Даниил принимал участие в борьбе венгров с чехами за Австрию, которой престол был тогда праздный; по уговору с венгерским королем сын Даниилов Роман женился на сестре умершего австрийского герцога Фридриха и в приданое брал Австрию; но венгерский король обманул Романа, не дал ему помощи против чешского короля Оттокара, и Даниил должен был отказаться от надежды посадить сына своего на австрийский престол.

Кроме военных подвигов король Даниил славился также своею правительственною распорядительностию: после татарского опустошения он успел привести свою землю в цветущее состояние: населил, обстроил города, усилил промышленность, торговлю. Но должно заметить, что Даниил, желая населить города свои, наполнил их, подобно соседям своим, князьям польским, чужестранцами: немцами, поляками, армянами, жидами; от этого городское население Галицкого княжества, богатое и сильное, но чуждое русской народности, не имело патриотизма, не могло содействовать к поддержанию независимости Галиции. Даниил умер между 1264 и 1266 годами, почти в одно время с Александром Невским. Между этими знаменитыми современниками есть сходство, но есть и важное различие, показывающее именно, что один был южный, а другой северный князь.

Даниил, оскорбленный унижением, которое он претерпел в Орде, не мог помириться с мыслью о необходимости татарского ига; Александр, не менее Даниила храбрый и славный своими победами, но более расчетливый, осторожный и благоразумный, признал тяжкую необходимость только дарами и поклонами отмаливать людей своих от беды татарского нашествия; то, что Даниил должен был отказаться от своих надежд свергнуть иго, должен был срыть свои крепости, служит лучшим оправданием поведения Александрова.

По смерти короля Даниила Галицкая земля разделилась между троими его сыновьями, Львом, Мстиславом и Шварном, а Волынь осталась по-прежнему за дядею их, Васильком Романовичем. В Литве

сын Миндовгов, Воишелк, пошел в монахи и отдал все свои владения Шварну Даниловичу, женатому на его сестре. Но Шварн скоро умер бездетным, и литовцы опять вызвали Воишелка из монастыря для управления княжеством. Воишелк был убит братом Шварна, Львом Даниловичем, который хотел приобрести себе Литву, но не получил успеха в этом деле, и литовцы выбрали себе князя из своего народа. Из князей восточной стороны Днепра соперник Даниилов князь Михаил Всеволодович черниговский вместе с боярином своим Феодором скончался в Орде мученическою смертию, не желая изменить христианству.

Глава XVII. Борьба между сыновьями Александра Невского

По смерти всех сыновей Ярослава Всеволодовича старшинство, великое княжение Владимирское, досталось старшему сыну старшего из них, Димитрию Александровичу, князю переяславскому. Следуя примеру своих предшественников, Димитрий начал с того, что захотел усилиться на счет Новгорода, но точно так, как прежде Василий Ярославич костромской, боясь усиления старшего брата, Ярослава Ярославича тверского, заступился за Новгород и остановил стремления Ярослава, так точно теперь младший брат Димитрия, Андрей Александрович, князь городецкий, вооружается против старшего брата и, мало того, что хочет остановить усиление последнего, – хочет добыть себе старшинство, ибо старые понятия о праве старшинства теперь все более и более ослабевают.

Андрей отправляется в Орду, задаривает хана, получает ярлык на великое княжение и войско татарское против Димитрия; остальные князья русские также соединяются с Андреем против Димитрия. Последний не мог сопротивляться и убежал за Балтийское море. Татары, приведенные Андреем, опустошили Россию, но как скоро они ушли к себе в степь, Димитрий возвратился из-за моря с наемными войсками; Андрей опять уехал в Орду за татарским войском, но в это время Орда разделилась: на берегах Черного моря раскинулась Орда Ногаева, независимая и враждебная Золотой, или Волжской. Димитрий обратился сюда к хану Ногаю и с помощью его полков осилил Андрея. Но Андрей вместе с другими князьями опять отправился в Золотую Орду, взял здесь войско и на этот раз окончательно низложил Димитрия, который должен был отказаться от великого княжения и скоро после того умер (1294 г.).

И княжение Андрея не было спокойно, князья разделились: одни держали сторону Андрея, другие были против него. В это время, когда старшие Александровичи истощали свои силы в усобице, усиливалось княжество Московское, которым владел младший сын Невского, Даниил. Этот Даниил сперва был в союзе с Андреем против Димитрия, но потом, когда Димитрий был низложен и умер, Даниил вместе с

сыном Димитрия, Иваном переяславским, и Михаилом Ярославичем тверским вооружается против Андрея; тот же самый Даниил удачно воевал с князем рязанским, взял его в плен; наконец, Даниилу удалось усилить свое княжество важным приобретением: племянник его, Иван Димитриевич переяславский, умирая бездетным, отказал свое княжество Даниилу, ибо северные князья смотрят теперь на себя как уже на полновластных владельцев своей области, которою могут распоряжаться по произволу, тогда как прежде области находились в общем родовом владении и судьба их зависела от распоряжения целого рода княжеского.

Великий князь Андрей Александрович не хотел допустить, чтоб московский князь таким образом усилился благодаря новым понятиям и обычаям, но безуспешно. В 1303 году умер Даниил Александрович московский. Старший сын его Юрий также имел в виду, как бы только усилить свое княжество: он не отдал Переяславля дяде Андрею и оторвал Можайск от Смоленского княжества.

Глава XVIII. Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрия Даниловича Московского

Когда умер Андрей Александрович в 1304 году, то великое княжение Владимирское принадлежало по старшинству тверскому князю Михаилу Ярославичу, но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий Данилович московский был так же силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому хотел быть сам великим князем владимирским. Соперники отправились в Орду покупать ярлык на великое княжение; Михаил осилил на этом аукционе, наддал больше и возвратился великим князем.

Сердясь на Юрия и за соперничество, и за то, что Юрий и ему не отдавал Переяславля, Михаил два раза нападал на Юрия, подступал к Москве, но без успеха; подобно предшественникам своим, Михаил старался также усилиться на счет Новгорода; наместники его теснили новгородцев, а когда те не хотели сносить их обид, то Михаил прекратил подвоз съестных припасов в Новгород, принудил его этим заплатить 1500 гривен, и наместники тверские по-прежнему стали притеснять новгородцев.

Юрий с своей стороны также хлопотал о том, как бы усилить свое княжество всякими средствами: он убил отцовского племянника, князя рязанского, удержал за собой рязанскую волость Коломну, заставил братьев своих выехать из Москвы в Тверь, значит, не хотел дать им уделов. В таком положении находились дела, когда в 1313 году умер хан Тохта и престол его занял молодой племянник его Узбек. Михаил должен был ехать в Орду, чтоб взять ярлык от нового хана; этим отсутствием решились воспользоваться новгородцы, чтоб с помощью московского князя избавиться от притеснения тверского, как прежде от притеснений отца Михайлова, Ярослава, избавились с помощью Василия костромского, от притеснения Димитрия Александровича переяславского избавились с помощью Андрея городецкого. Новгородцы послали в Москву звать к себе князя Юрия; тот поехал к

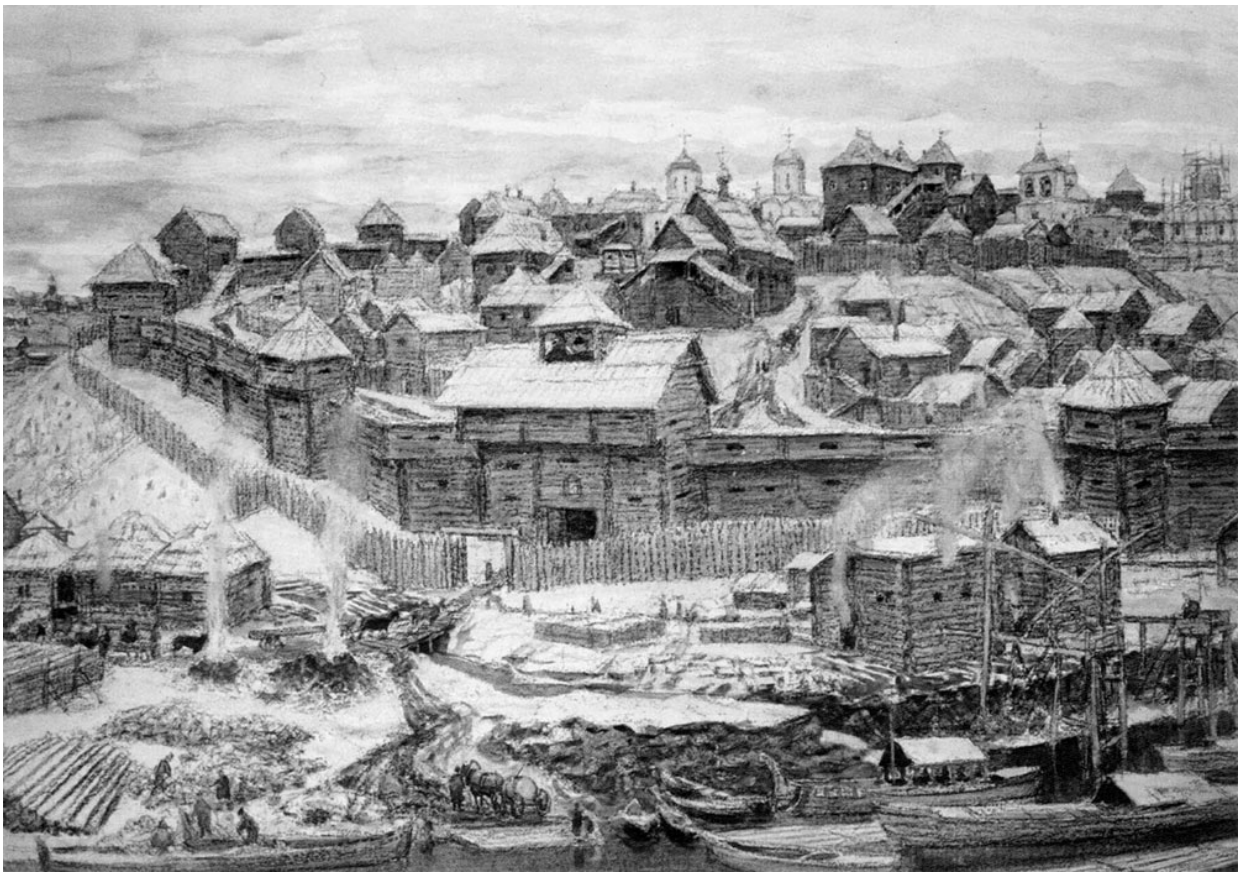
ним и был принят с радостью. Но недолго они радовались: хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими, а между тем Михаил возвратился из Орды и поразил новгородцев, решившихся ему противиться; Новгороду грозила большая беда, как вдруг пришел Юрий московский из Орды.

Юрий недаром жил в Орде: он не только оправдался в обвинениях Михайловых, но умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его Кончаке, которую при крещении назвали Агафьею. Ханский зять возвратился в Россию с послом татарским Кавгадыем и начал войну с Михаилом. Последний разбил его в 40 верстах от Твери, в селе Бортеневе, взял в плен жену его, брата Бориса, многих князей и бояр; Юрий убежал в Новгород; новгородцы и псковичи взяли его сторону и пошли с ним на Михаила; у Волги соперники встретились, но битвы не было: они условились идти в Орду и там решить спор. В это время жена Юрьева умерла в Твери в плену: пронесся слух, что ее отравили. Такой слух был выгоден для Юрия; он отправился в Орду с Кавгадыем, многими князьями, боярами и новгородцами жаловаться хану на Михаила. Кавгадый сильно подкреплял эти жалобы, и Михаил был вызван к хану в 1319 году; его осудили и убили варварским образом за Тереком, недалеко от Дербента, куда хан переселился для охоты.

Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение; тверские князья, дети Михайловы, из которых старшим был Димитрий Михайлович по прозванию Грозные Очи, на время смирились перед Москвою, но, когда Юрий отправился в Новгород защищать его от врагов, Димитрий Михайлович поехал в Орду с обвинениями на Юрия; последний также поехал в Орду; соперники встретились, и Димитрий убил Юрия. Хан за это самоуправство велел убить Димитрия, но великое княжение отдал брату его Александру Михайловичу. Таким образом, на этот раз Тверь вышла все же победительницею из борьбы.

Глава XIX. Иоанн I Данилович Калита

Юрию в Москве наследовал также брат, Иоанн Данилович по прозванию Калита (мешок, сумка для денег). Остальные братья Калиты умерли еще при жизни Юрия, следовательно, он владел Московским княжеством один. Управляя Москвою при жизни Юрия, который беспрестанно был в отлучках, Калита успел сделать для своего княжества важное приобретение: еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал жить во Владимир. Калита умел приобресть расположение преемника Максимова, Петра, который поэтому живал в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней. Выбор святого мужа казался внушением Божиим, и новый митрополит, Феогност, уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева. Это утверждение престола митрополичьего в Москве имело важное значение: оно давало ей вид главного города всей русской земли, ибо князей было еще много и один не успел еще подчинить себе всех других, а митрополит был один; кроме того, престол митрополичий способствовал возрастанию и обогащению Москвы, ибо в нее со всех сторон приезжали лица, имевшие нужду до верховного святителя русской Церкви; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого жил. Другие князья предвидели следствия утверждения митрополичьего престола в Москве и сердились, но помочь было уже нельзя.



А. М. Васнецов. Кремль при Иване Калите

Но в то время как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, в Твери случилось происшествие, которое было гибельно и для князя, и для княжества. В 1327 году приехал туда ханский посол Чолхан, или Щелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и, по обыкновению всех послов татарских, позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Тверичи вышли из терпения, встали на татар и всех их истребили вместе с Чолханом. Узбек очень рассердился, узнав об участи Чолхановой; этим воспользовался Калита, поехал в Орду и возвратился оттуда с 50 000 татарского войска; Александр бежал в Псков, и Тверское княжество было страшно опустошено. Калита и брат Александров, Константин Михайлович, поехали в Орду: Узбек дал великое княжение Калите, Константину Михайловичу дал Тверь и отпустил их с приказом искать князя Александра. Князья и новгородцы послали в Псков уговаривать Александра, чтоб ехал в Орду, иначе всем им придется пострадать за него от татар. Александр хотел ехать в Орду,

но псковичи не пустили его, говоря: «Не езди, господин, в Орду; что б ни случилось, умрем с тобою вместе». Видя, что псковичи обещались умереть за Александра, и боясь потерпеть неудачу под Псковом, Калита уговорил митрополита Феогноста отлучить от Церкви Александра и весь Псков, если они не исполнят требования князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья! Не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование». Псковичи со слезами отпустили Александра в Литву, потому что он пришелся им по сердцу своею добротою.

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза приутихла, возвратился к жене в Псков, жители которого приняли его с честью и посадили у себя на княжение. Десять лет спокойно княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери и беспокоился насчет будущности детей своих. «Если умру здесь, – говорил он, – то что будет с детьми моими? Все знают, что я выбежал из княжества моего и умер на чужбине, так дети мои будут лишены своего княжества». Псков же по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его. В 1336 году Александр послал в Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли как-нибудь умилостивить хана, и, узнавши, что есть надежда на успех, поехал к Узбеку, вымолил прощение и возвратился с ярлыком на великое княжество Тверское, которое Константин Михайлович должен был ему уступить.

Великій кнзь
Іоаннъ Іоанновичь

Великий князь Иван I Данилович. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью: в 1339 году Калита отправился в Орду; по его внушению Александр получил приказ явиться туда же и по приезде был убит вместе с сыном Феодором. Калита же возвратился из Орды с великим пожалованием и честью; Тверское княжество досталось опять Константину Михайловичу, который называется собирателем и восстановителем Тверской волости.

Прежде когда великий князь задумывал усиливаться, то находил препятствие этому в других князьях, начиная с родных братьев, но теперь московский князь так усилился, что самовластные поступки его в других княжествах не встречали ниоткуда сопротивления; ни один князь не мог соперничать с Калитою ни в России, ни в Орде, ибо ни у одного не было столько денег, как у Калиты. Вельможи московские позволяли себе разного рода насилия в Ростове, разогнали многих из его жителей в другие страны; Тверь также терпела насилия от Москвы по смерти Александра. Новгородцы, избавленные Москвою от беды, которою грозила им Тверь в борьбе этих двух княжеств, были постоянно за Москву; но как скоро Калита осилил Тверь, то спешил показать новгородцам, что переменилось только имя и что ни один сильный великий князь не будет их другом. Уже давно новгородцы привыкли откупаться деньгами от великих князей, с которыми не могли сладить, а деньги теперь были очень нужны князьям, ибо с деньгами можно было все сделать в Орде. Калита требовал денег с новгородцев и за отказ опустошил их владения, строил слободы на их землях, посылал рать свою в Двинскую область, которою очень дорожили новгородцы, получая оттуда серебро и дорогие меха. Но если в Ростове, Твери и Новгороде не были довольны Калитою, то очень довольны были им в Московской и Владимирской великокняжеской области: с началом его княжения наступила здесь великая тишина, о татарах не было слышно; тишина эта и внешняя безопасность дали князю возможность заняться устроением порядка и внутренней безопасности, истреблением вредных для общества людей, живущих на чужой счет.

Калита умел воспользоваться обстоятельствами, тем, что приготовлено было для Москвы Даниилом и Юрием, дал

современникам почувствовать первые добрые следствия единовластия и потому перешел в потомство с именем первого собирателя русской земли. Собственно, Калита завоеванием не приобрел ничего и в этом отношении не может называться собирателем земли русской, но он копил деньги и скупал небольшие княжества у князей их, например Белоозеро, Галич.

Глава XX. События при сыновьях Иоанна Калиты

Калита московский умер в 1341 году, поделивши свое княжество вместе с имением движимым между тремя сыновьями и женою. Старший сын его Симеон вместе со всеми другими князьями русскими отправился в Орду, но соперничество других князей с богатым и сильным князем московским было невозможно, хан объявил Симеона великим князем владимирским, и «все князья русские даны были под руки Симеона», говорят летописи. Итак, исполнилось то, чего боялись князья еще со времен Мстислава Храброго: они перестали считаться полноправными родственниками великого князя и стали его *подручниками,* подчиненными. Сын Калиты заставил князей почувствовать перемену: доказательством служит прозвание *Гордый,* которое они ему дали; с новгородцами поступал он так же, как и предшественники его: ходил к ним войною и заставил дорого купить мир.

Со стороны татар во владениях Симеона было спокойно точно так же, как и при отце его; Симеон пять раз ходил в Орду и всякий раз возвращался оттуда с большою честью и пожалованием. С востока было покойно, но зато на западе поднимался опасный враг: то была Литва. Мы видели, что Гедимин занят был подчинением себе областей западной России; сын его Ольгерд обратил внимание и на восточную. Ольгерд, по отзыву летописца, был очень умен, говорил на разных языках, не любил забав, а занимался делами день и ночь, был воздержан, хмельного не пил, от этого приобрел великий разум и смысл, коварством своим многие земли повоевал и увеличил свое княжество. Ольгерд начал войну с Симеоном походом под Можайск; не надеясь одолеть Симеона одними своими силами, Ольгерд хотел погубить Московское княжество посредством татар и отправил брата своего к хану просить у него помощи против Симеона. Но московский князь представил хану, как и для самих татар будет опасно могущество Ольгерда, если он усилится покорением восточной России; хан послушался, задержал брата Ольгердова и выдал его Симеону, что заставило Ольгерда просить мира у московского князя. С другой

стороны, важною помощью для восточной России было то обстоятельство, что Ольгерд постоянно отвлекался на западе опасною для него борьбою с немецким орденом в Пруссии.

Псковичи в это время вели постоянно войны с ливонскими немцами; не получая помощи от великого князя из далекой Москвы, они должны были обращаться к ближайшему великому князю, литовскому, взяли к себе в князья Ольгердова сына Андрея, но тот не стал жить у них сам, а хотел управлять Псковом через наместников; псковичи не были этим довольны и выгнали литовских наместников, чем нажили себе нового врага в Литве. Новгород боролся со шведами, которых король Магнус опять вздумал предпринять крестовый поход против Новгорода с целью обращать русских в католицизм. Магнус овладел было Орешком, но новгородцы взяли этот город обратно. Во время шведской войны новгородцы, нуждаясь в помощи псковитян, признали полную независимость Пскова от Новгорода: положено было, что посадникам новгородским во Пскове ни сидеть, ни судить, псковичей на суд в Новгороде не вызывать ни по каким делам, Пскову называться не пригородом, но младшим братом Новгорода. Осталась зависимость только в церковном отношении, ибо архиепископ новгородский был вместе и псковским, но и тут положено, что судья от владыки по церковным делам будет во Пскове пскович же, а не новгородец.

В 1353 году умер великий князь Симеон от морового поветрия, которое под именем *черной смерти* свирепствовало тогда в России. Симеон, не имея детей, отказал удел свой и все движимое и недвижимое имение жене, по смерти которой все это переходило к брату Симеонову, Иоанну. Это обстоятельство важно в том отношении, что два удела Московского княжества соединились теперь в один и таким образом сила князя Иоанна Иоанновича увеличилась вдвое; третий сын Калиты, Андрей, умер тотчас после Симеона; уже по смерти его родился сын его Владимир, который получил только один удел отцовский. В духовной грамоте своей Симеон наказывал братьям, чтоб они слушались владыки Алексея митрополита и старых бояр, которые отцу их и им добра хотели.

У брата Симеонова Иоанна явился соперник в искании великого княжения Владимирского: то был Константин Васильевич, князь суздальский, происходивший по одним известиям от Андрея

Ярославича, брата Александра Невского, по другим – от Андрея Александровича, сына Невского. Константин не имел никакого права на великое княжение, потому что ни отец, ни дед его не были великими князьями, но он искал великого княжения не по старым родовым правам, а по новому обычаю, по которому всякий князь считал себя вправе, когда был отважен, богат и силен. Константин был отважен, но не был так богат и силен, как московский князь, который потому получил ярлык в Орде и удержался великим князем, несмотря на то что богатые новгородцы, недовольные московскими князьями, хлопотали в Орде за Константина.

В правление Иоанна, кроткого, тихого и милостивого князя, как называет его летописец, произошло в Москве следующее замечательное событие. Когда на севере князья перестали переезжать из одного княжества в другое, а оставались всегда в одном, то вместе с ними уселась и дружина, отчего бояре должны были приобрести большее значение как постоянные знатные и богатые обыватели княжества, могшие передавать свое значение и детям своим. Большее значение должен был приобрести и тысяцкий как воевода городовых полков, имевший ближайшее, непосредственное отношение к жителям города: он мог теперь отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, мог передать ее сыну. Еще при Симеоне Гордом боярин Алексей Петрович Хвост поднял крамолу против великого князя, был изгнан, лишен своих волостей; все три брата, князья Симеон, Иоанн и Андрей, поклялись не принимать к себе мятежного боярина, ни детей его; и, несмотря на то, Алексей Петрович явился тысяцким в княжение Иоанна, но в 1357 году Алексей Петрович был тайно убит, и пошел слух, что убили его другие бояре; в городе от этого встал сильный мятеж, и большие бояре московские должны были отъехать в Рязань; но, когда все утихло, великий князь перезвал к себе опять из Рязани двоих бояр: Михаила и зятя его, Василия Васильевича Вельяминова, который получил должность тысяцкого.

Глава XXI. Димитрий Иоаннович Донской

В 1359 году умер Иоанн московский, 33 лет от роду, оставив малолетних сыновей Димитрия и Ивана и малолетнего же племянника Владимира Андреевича. Казалось, что ранняя смерть Иоанна будет гибельна для Москвы, ибо малютка-сын его мог ли хлопотать в Орде, мог ли бороться с другими князьями? И действительно, когда все князья явились в Орде и недостало одного московского, то хан отдал великое княжение Владимирское суздальскому князю Димитрию Константиновичу. Но Москва была уже так сильна, что и такое неблагоприятное обстоятельство, как малолетство князя, не могло повредить ей. Бояре московские, привыкшие быть боярами сильнейших князей всей Руси, не хотели сойти на низшую степень или отъехать к новому великому князю, в новое княжество, где ничто не было им известно и обеспечено; они начали стараться добыть ярлык своему князю.

Дмитрий Донской. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

Малютка Димитрий отправился в Орду, но там нельзя было ничего добиться при сильной смуте, когда один хан сменял другого; наконец Орда разделилась между двумя ханами – Абдулом, именем которого правил сильный вельможа Мамай, и Мюридом. Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык Димитрию. Бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих – Димитрия, Ивана и двоюродного брата их Владимира Андреевича и выступили с ними на Димитрия Константиновича; этот князь не мог противиться московским полкам и покинул Владимир. Одиннадцатилетний Димитрий московский занял старинную столицу великокняжескую, и когда приехал сюда к нему посол от хана Абдула с ярлыками, то он принял его с честью и отпустил с дарами. Это рассердило Мюрида, который, чтоб отомстить Димитрию московскому, прислал новый ярлык на Владимир Димитрию суздальскому. Тот обрадовался и сел на другой раз во Владимире, но сидел очень недолго, потому что Димитрий московский опять пришел на него с большим войском, выгнал из Владимира, осадил в Суздале и заставил отказаться от великого княжения. После, когда Димитрию Константиновичу выслали в третий раз ярлык из Орды, то он уже не хотел вступать в борьбу с Москвою и даже выдал дочь свою за ее князя.

Отделавшись от соперника, Димитрий московский тотчас же дал почувствовать свою силу князьям слабейшим: он привел в свою волю князя ростовского, а князя стародубского и галицкого выгнал из их княжеств. Между тем моровая язва сильно опустошила Россию, умерло много князей, в том числе молодой брат Димитрия московского Иван; великий князь присоединил его удел к своему, что произошло совершенно спокойно, тогда как в других княжествах за выморочные уделы между князьями пошли усобицы; так, встала усобица между Димитрием Константиновичем суздальским и братом его Борисом за Нижний Новгород. Четырнадцатилетний великий князь московский вступился за Димитрия и заставил Бориса уступить ему Нижний. Тут он действовал не одним светским оружием, но и духовным, ибо митрополит Алексей постоянно поддерживал политику московского князя и старался утвердить его силу: он отнял епископию нижегородскую у суздальского владыки; и в то же время послом от московского князя явился в Нижнем преподобный Сергий, игумен

Радонежский; он позвал Бориса Константиновича в Москву, и когда тот не послушался, то Сергий по приказу митрополита и великого князя московского запер все церкви в Нижнем.

Москва хотела утвердить свое влияние и в Тверском княжестве, пользуясь тамошними усобицами, но тверской князь Михаил Александрович, деятельный и смелый, не хотел уступить Москве без борьбы. Разумеется, он не мог противиться собственными силами и потому обратился к зятю своему (сестрину мужу) Ольгерду литовскому; следовательно, на эту вторую борьбу Твери с Москвою мы должны смотреть, собственно, как на борьбу московского князя с литовским по поводу тверского князя. У Ольгерда, по словам летописца, был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход; этою-то хитростию он и забрал города и волости, и Димитрий московский узнал о замыслах Ольгерда, когда уже тот стоял на границе с братом Кейстутом, молодым сыном его Витовтом, своими сыновьями, Михаилом тверским и полками смоленскими. Димитрий не успел собрать войска, велел пожечь посады московские и заперся в каменном Кремле, только что построенном. Ольгерд не мог взять Кремля, но страшно опустошил окрестности Москвы, и Димитрий должен был помириться с Михаилом, уступив ему все у него захваченное. Но когда Ольгерд ушел, отвлекаемый на западе немцами, то московский князь, отдохнувши, вооружился опять против тверского и опустошил его княжество; Михаил опять бросился в Литву, Ольгерд опять вместе с ним осадил Москву, но, узнав, что на помощь ей собирается войско в Перемышле, заключил перемирие с Димитрием и возвратился назад.

Не видя большой пользы от союза с Ольгердом, Михаил поехал в Орду и вывез оттуда ярлык на великое княжение Владимирское, но Димитрий взял во Владимире и по всем городам этого княжества присягу с жителей не передаваться Михаилу; и действительно, владимирцы не пустили к себе этого князя. Чтоб отнять у Михаила всякую надежду на Орду, Димитрий сам поехал туда, задарил там всех, пожалован был великим княжением Владимирским и отпущен с большою честью; в это же время находился в Орде сын Михаила тверского Иван, наблюдавший за выгодами отца; этот Иван задолжал здесь 10 000 рублей; Димитрий московский заплатил долг и взял Ивана с собой в Москву, где он сидел, пока отец не выкупил его. Таким

образом, тверской князь принужден был задолжать в Орде, а московский имел средства выкупить его: значит, борьба была неравная, и московский князь как богатейший имел всегда возможность восторжествовать над соперниками. Не получив помощи от Орды, Михаил в третий раз повел Ольгерда на Москву; на этот раз Димитрий приготовился, встретил Ольгерда с сильным войском у Любутска, заставил его бежать и заключил перемирие.

Дмитрий Донской и Тимофей Вельяминов. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Но усобицы в Твери и внутренние смуты в Москве повели опять к войне московского князя с тверским. Михаил тверской ссорился с своим родственником, удельным князем кашинским; тот, не будучи в состоянии бороться с Тверью собственными силами, прибегал под покровительство Димитрия московского; с другой стороны, и Михаил нашел внутри самой Москвы врагов Димитрию. В 1374 году умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, и великий князь не назначил другого на это важное место. Сын покойного Иван, вероятно надеявшийся получить отцовское место и обманутый в своей надежде, сговорился с другим недовольным, купцом Некоматом, оба бежали к тверскому князю и успели побудить его снова искать великого княжения Владимирского.

Михаил отправил их в Орду, а сам поехал в Литву, и когда Некомат вынес ему ярлык из Орды, то он объявил войну московскому князю. Но он обманулся в своих расчетах: ни татары, ни Литва ему не помогли; осажденный в Твери Димитрием, он должен был заключить мир на всей воле московского князя; независимый великий князь тверской, не утрачивая титула «великий князь», обязался считать себя младшим братом Димитрия, равным удельному московскому, Владимиру Андреевичу: когда великий князь московский или брат его выступят в поход, то и тверской князь обязан садиться на коня; если пошлют воевод, то и он обязан послать своих воевод; Михаил должен был согласиться, чтоб княжество Кашинское было независимо от Тверского. Важное условие постановлено относительно татар; из него уже видно, какая большая перемена произошла во взгляде князей на татарские отношения. «Будем ли мы в мире с татарами, – говорил Димитрий, – дадим ли выход или не дадим – это зависит от нас: если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдем на них, то и тебе идти с нами вместе».

Наконец, Михаил должен был отказаться от союза с Литвою и даже обязался воевать с нею, если она нападет на московского князя. Иван Вельяминов, уехавший в Орду, вздумал было потом возвратиться в отечество, но на дороге был схвачен, приведен в Москву и торжественно казнен. Народ, которого толпы присутствовали при казни, плакал «о благородстве его и о величестве его». Как действительно знаменит был этот боярский род, видно из того, что за

родным братом казненного, Николаем Вельяминовым, была замужем родная сестра великой княгини московской, дочь великого князя нижегородского. Во время войны с Тверью и Литвою, которые занимали преимущественно внимание Димитрия, у него была война и с великим князем рязанским, Олегом Ивановичем, в 1371 году; война эта окончилась также счастливо для московского князя, воевода которого, Димитрий Михайлович Волынский-Боброк, нанес Олегу жестокое поражение. В Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линиями, рязанскою и пронскою; эта борьба помогала Москве точно так, как в Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими.

Скоро после мира с Тверью московский князь избавился от опасного врага, который поддерживал Михаила тверского: в 1377 году умер Ольгерд; великим князем стал сын его, Ягайло, который не походил на отца, был недалек, ленив, бесхарактерен, любил удовольствия. По наговору любимца своего он начал ссоры с дядею, Кейстутом, князем Трокским; сперва Кейстут осилил его и отнял великое княжение, но потом Ягайлу коварством удалось захватить Кейстута и сына его Витовта; Кейстут был умерщвлен, Витовту посчастливилось убежать в Пруссию, к немцам, которых он поднял против Ягайлы. Эти усобицы отняли у литовских князей средства враждебно действовать против Москвы и дали последней возможность обратить все свое внимание на восток, на татар. Димитрий вырос в неповиновении хану, два раза в детстве своем ходил он отнимать Владимирское княжение у Димитрия суздальского, у которого был ярлык ханский.

Княжество Московское постоянно усиливалось, тогда как Орда видимо ослабевала вследствие внутренних смут, усобиц и ничтожные ханы, подчиненные могущественным вельможам, свергаемые ими, теряли все более и более свое значение, переставали внушать страх.

От страха перед татарами начал отвыкать русский народ и потому, что со времен Калиты перестал испытывать их нашествия и опустошения; возмужало целое поколение, которому чужд был трепет отцов пред именем татарским; московский князь, находившийся во цвете лет, в самом полном развитии сил, был представителем этого нового поколения. С малолетства привык Димитрий действовать иначе, нежели действовали дед, дядя и отец его; в детстве с оружием в руках

добыл он себе великое княжение Владимирское; потом, выросши, не выпускал из рук оружия, выдержал опасную борьбу с Литвою, Тверью, Рязанью и вышел из нее победителем с полным сознанием своих сил. Неудивительно, что такой князь решился первый поднять оружие против татар.

Князья пограничных княжеств, Рязанского и Нижегородского, перестали терпеливо сносить татарские нападения и прогоняли разбойников; великий князь московский заботливо сторожил от них берега Оки; по окончании борьбы с Литвою и Тверью он впервые после татарского ига начал наступательное движение на восток, на страну волжских болгар, или на Казань, и заставил князей ее заплатить себе дань. В 1377 году московские и нижегородские войска были поражены татарским царевичем Арапщею на реке Пьяне по самонадеянности воевод, но эта самая самонадеянность уже показывала, что на Руси перестали бояться татар и получили выгодное понятие о своих собственных силах. В следующем 1378 году Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Димитрия московского, но тот вышел навстречу к Бегичу и поразил его на реке Воже.

Наконец, в 1380 году Мамай решился двинуться сам со всеми своими силами, чтоб наказать Димитрия; Ягайло литовский обещал также соединиться с ним; великий князь рязанский Олег, которого пограничное княжество больше всех других страдало от татар, испуганный союзом Орды с Литвою, не надеясь, чтоб Димитрий осмелился вступить с ними в борьбу, вошел в переговоры с Мамаем и Ягайлом. Но Димитрий не испугался: собравши как можно больше войска в своих областях и в областях князей подручных, подкрепленный нравственно благословением и увещанием св. Сергия, игумена троицкого, Димитрий выступил в поход, переправился за Дон и 8 сентября при устье Непрядвы, на Куликовом поле, дал татарам битву, которая была решена в пользу русских засадным отрядом, находившимся под начальством князя Владимира Андреевича и боярина Волынского-Боброка.

Битва на реке Пьяне. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением; победителей погибло так много, что летописец говорит: «Оскудела совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей русской земле». Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско, с тем чтоб идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан заяицкий (зауральский) Тохтамыш, выгнал его и овладел Золотою Ордою.

Тохтамыш отправил к русским князьям послов, известил их о своем воцарении, князья приняли послов с честью, отправили своих послов с дарами для нового хана, но сами к нему не поехали с поклоном. Тохтамыш сердился и думал о том, как бы заставить русских вспомнить о своих недавних повелителях. В 1382 году внезапно с большим войском перевезся он через Волгу и пошел к Москве, наблюдая большую осторожность, чтоб в русской земле не узнали о его походе. Эта осторожность показывала лучше всего перемену, произведенную Куликовскою битвою: хан надеется иметь успех, только напавши врасплох на московского князя, боится встретить его приготовленным в чистом поле, употребляет осторожность, хитрость, орудие слабого, и тем самым обнаруживает слабость Орды перед новым могуществом Руси. Великий князь Димитрий, узнавши о приближении татар, не мог собрать достаточного числа войска, потому что области его оскудели народом после Куликовской битвы, и потому уехал на север собирать полки.

Тохтамыш осадил Москву, не мог взять ее силою, взял коварством и опустошил, но, узнавши, что великий князь собирает полки на севере, а брат его Владимир Андреевич стоит с войском на западе, тотчас ушел назад. Несчастьем Москвы спешил воспользоваться тверской князь Михаил и поехал в Орду за ярлыком; это заставило Димитрия отправить в Орду сына своего Василия с боярами; Тохтамыш был удобрен, но для этого Димитрий должен был наложить тяжелую дань на свои области, и без того уже опустошенные.

Кроме татар после Куликовской битвы Димитрий воевал с Олегом рязанским; силою нельзя было принудить к миру этого смелого и

любимого своим народом князя, и потому отправился в Рязань троицкий игумен св. Сергий, он тихими и кроткими речами склонил Олега к миру с Москвою. Были ссоры у Димитрия и с двоюродным братом его Владимиром Андреевичем; до нас дошли любопытные договоры между двоюродными братьями, показывающие перемену в отношениях между князьями; младший брат обязывается держать княжение старшего честно и грозно, служить ему без ослушания, а старший обещается кормить его по его службе: прежние родственные отношения заменяются служебными. Владимир обязался не домогаться московской отчины Димитриевой и великого княжения Владимирского не только при жизни самого Димитрия, но и при сыновьях его; впервые дядя признал старшинство племянника и обязался служить ему. Подобно предшественникам своим, Димитрий ходил войною на новгородцев и взял с них деньги за мир; причиною похода были разбои новгородской вольницы на Волге. Псковичи продолжали воевать с немцами.

Б. А. Чориков. Великий князь Дмитрий Донской утверждает новый порядок наследования

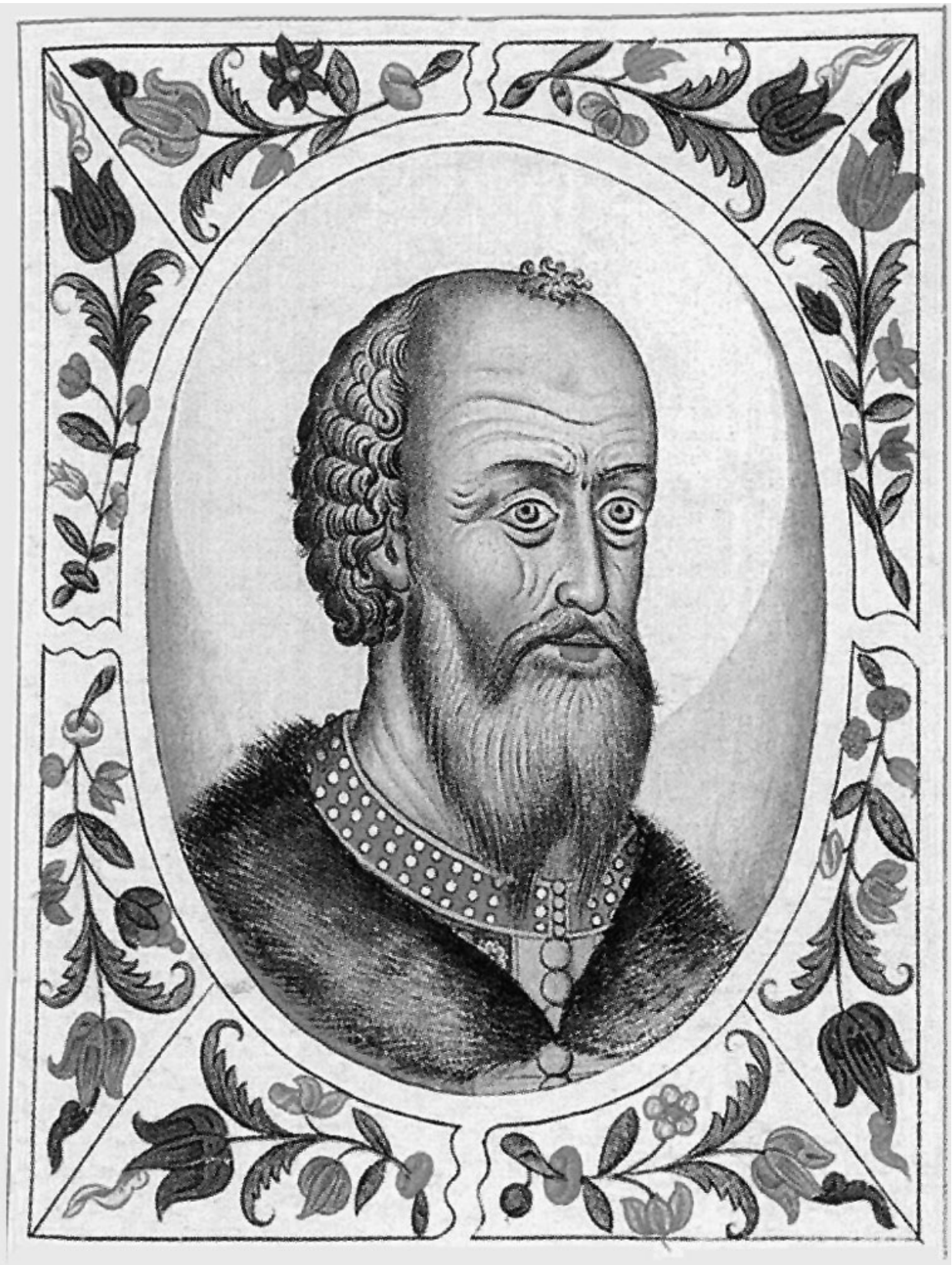
Димитрий, прозванный Донским за куликовскую победу, умер в 1389 году, еще только 39 лет от рождения. Дед, дяди и отец Димитрия в тишине приготовили средство к борьбе открытой с татарами; Димитрий

умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть приготовленные силы и дать им вовремя надлежащее употребление. Богатое событиями княжение Димитрия, протекшее с начала до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные событиями княжения предшественников; куликовская победа сильно поразила воображение современников, надолго осталась в памяти потомства, и победитель Мамая получил подле Александра Невского самое видное место между князьями новой северо-восточной Руси. Важные следствия деятельности Димитрия обнаруживаются в его духовном завещании; в нем встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовет своею вотчиною; Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля и не стесняется тем, что хан может дать ярлык кому-нибудь из них.

Глава XXII. Василий Димитриевич

Сын Донского, Василий Димитриевич, в самом начале княжения своего показал, что главною целью его будет увеличение своего княжества на счет других, собирание русской земли. Через год после того как посол Тохтамышев посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий поехал в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович, двоюродный дед московского князя по матери; с другой стороны, Василий преклонил на свою сторону бояр нижегородских, которые и выдали ему своего князя.

По тому же ярлыку кроме Нижнего Василий приобрел Городец, Муром, Мещеру, Тарусу. Но у Бориса нижегородского оставалось двое племянников, сыновья Димитрия Константиновича, следовательно, родные дядья по матери московскому князю. Последний не оставил их спокойно княжить в Суздальской области, они выбежали оттуда в Орду добиваться ярлыков на отчину свою и долго беспокоили Василия вместе с сыновьями Бориса Константиновича; потомки их не отставали от своих притязаний и при сыне Василия, но при внуке его все должны были вступить в службу московскую. Василий хотел было приобрести также и владения Новгорода Великого в области Северной Двины; это ему не удалось, зато он утвердил свое влияние в Пскове, который с этих пор начинает принимать князей от руки великого князя московского. В Твери по смерти Михаила Александровича, знаменитого соперника Донского, знаменитого установлением внутреннего порядка в своем княжестве, начались усобицы: наследник Михаила великий князь тверской по обычаю хотел привести в свою долю младших братьев. Великий князь московский не мог воспользоваться усобицами тверскими по причине дел татарских и литовских.



Василий I Дмитриевич. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

В конце XIV века для Азии повторились времена Чингисхана: сын небогатого чагатайского князька Тимур, или Тамерлан, начал в половине века поприще свое мелким грабежом и разбоями, а в 1371 году владел уже землями от Каспийского моря до Маньчжурии. Ему был обязан Тохтамыш престолом Золотой Орды, но не хотел быть благородным, вооружился против Тамерлана, потерпел поражение и принужден был спасаться бегством в лесах болгарских, и Тамерлан вошел в русские пределы, взял Елец, пленил его князя, опустошил окрестную страну. Нападение не было нечаянное, и Василий Димитриевич имел время приготовиться; он собрал большое войско и стал на границах своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался врага: простоявши 15 дней в земле Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерлан вышел из русских пределов в тот самый день, когда москвичи встретили образ Богородицы, принесенный из Владимира; образ этот остался с тех пор в Москве, в Успенском соборе как главнейшая святыня столицы.

После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю. Несколько ханов переменилось в ней, а Василий не думал не только ездить сам к ним на поклон, но даже не посылал никого; на требование дани отвечал, что княжество его стало бедно людьми, не на ком взять выхода, тогда как татарская дань шла в казну великокняжескую; наконец, обращение с татарами переменилось: над послами и купцами ордынскими начали смеяться в областях московских, мстить им за прежнее разными притеснениями.

В это время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заправлял князь Едигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями, наконец решился напомнить о себе. Но подобно Тохтамышу, и Едигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; только от хитрости и тайны ждал он успеха: в 1408 году он дал знать Василию, что хан со всею Ордою идет на Литву, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве. Василий Димитриевич, застигнутый врасплох, оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича да братьев своих, а сам уехал в Кострому. Едигей осадил Москву, разослал отряды в разные стороны для опустошения областей великокняжеских и хотел зимовать под столицей, надеясь взять ее голодом, но из Орды

пришли дурные вести: кто-то напал там на хана, и Едигей принужден был спешить домой, взявши с москвичей 3000 рублей за отступление, ибо москвичи не знали, что он отступает поневоле.

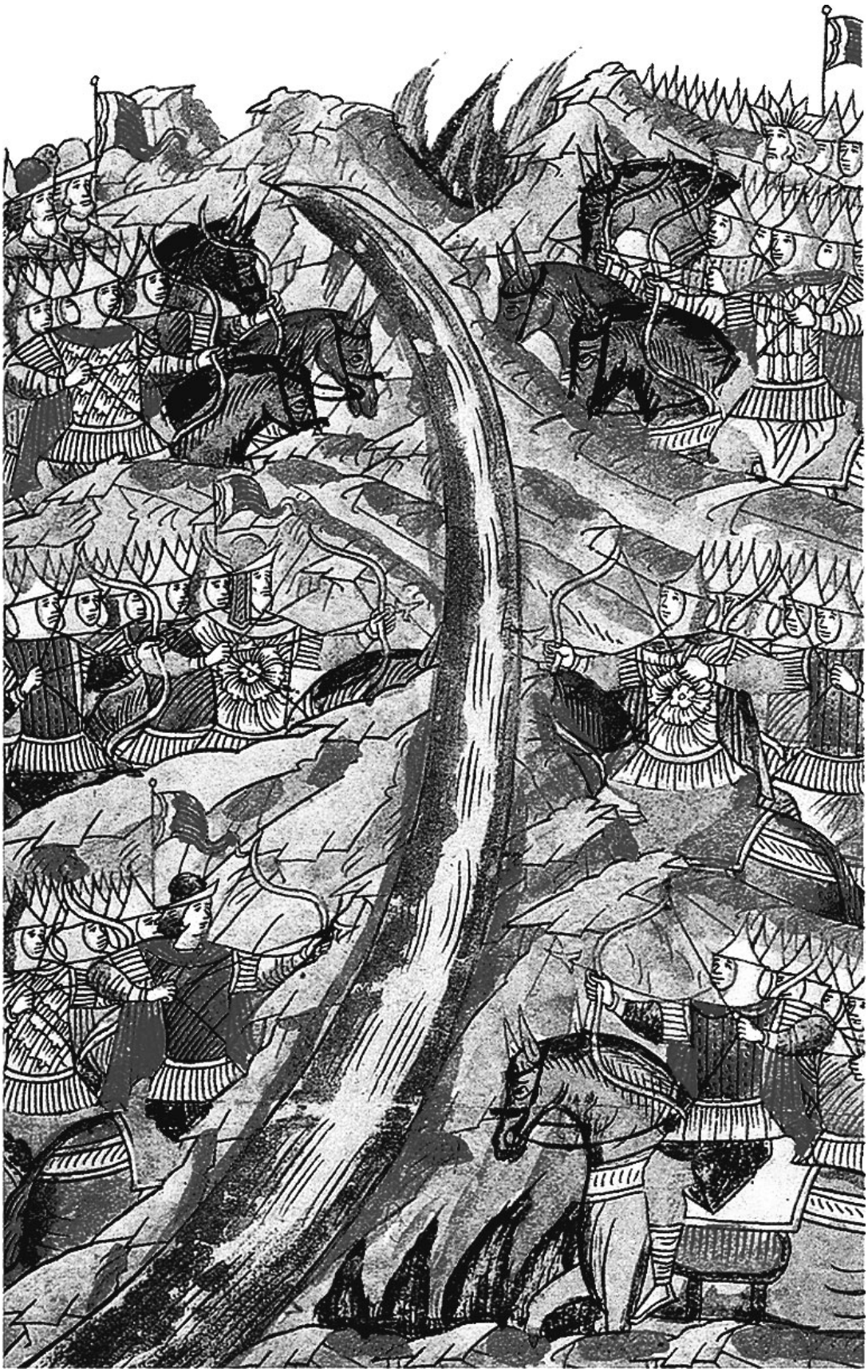
Ослабленные татары могли вредить России только внезапными разбойническими нападениями; опаснее была Литва, которая домогалась завоеваний прочных. Ягайло, угрожаемый немецким орденом, под покровительство которого отдался Витовт, примирился с двоюродным братом. В это время шел важный для Восточной Европы вопрос о том, кто будет мужем молодой польской королевы Ядвиги, дочери короля Людовика; польские вельможи заставили Ядвигу отдать свою руку Ягайлу литовскому, потому что тот обещал принять католицизм сам и со всем литовским народом и соединить навеки свои владения, т. е. Литву и Русь, с Польшею.

Он исполнил обещание, заставил тех литовцев, которые еще не приняли христианства по православному исповеданию, принять его по латинскому, но вследствие этого в областях литовско-русских стали теперь друг подле друга два враждебных исповедания, что послужило неодолимым препятствием к внутреннему прочному слиянию западной, литовской России с Польшею, хотя Ягайло и преемники его сильно старались поддержать внешнее их соединение.

Свадьба великого князя Литовского Ягайло и польской королевы Ядвиги. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Но если Ягайлу и полякам хотелось присоединить Литву к Польше, то литовцам не хотелось потерять своей самостоятельности, и они поддерживали замыслы Витовта, который, заставив Ягайла признать себя великим князем литовским в зависимости от Польши, тяготился этою зависимостью и хотел получить для себя независимую королевскую корону. Этот-то Витовт, стремясь, с одной стороны, к самостоятельности и королевскому титулу в Литве, с другой – стремился увеличить свои владения на востоке на счет областей русских, несмотря на то что родная дочь его, Софья, была замужем за Василием Димитриевичем, великим князем московским. В Смоленске в это время происходили усобицы между князьями вследствие всеобщего тогда стремления великих князей заставить служить себе удельных, слабейших. Этим воспользовался Витовт и захватил Смоленск обманом, выставивши себя посредником между его князьями; старший из этих князей, Юрий, с помощью рязанского великого князя Олега отнял было Смоленск у Витовта, но ненадолго; когда Юрий уехал в Москву просить Василия Димитриевича о помощи, Витовт подступил к Смоленску и овладел им окончательно с помощью тамошних бояр.

Но одного Смоленска было мало Витовту: он обратил свои властолюбивые виды на Новгород Великий и на самую Москву. Принявши в свое покровительство изгнанного Тохтамыша, он взялся доставить ему Золотую Орду с условием, чтоб тот помог ему овладеть Москвою. Но возвратить Тохтамышу престол ордынский Витовту не удалось, потому что он потерпел страшное поражение от Едигея на берегах Ворсклы в 1399 году. Отдохнувши от этого поражения, Витовт напал на Псковскую область; новгородцы и псковичи послали просить помощи в Москву, и Василий Димитриевич объявил войну тестю; три раза полки московские сходились с литовскими, но битвы не было, потому что и Витовт и Василий отличались одинаковою осторожностью. Витовт был, таким образом, удержан от дальнейших замыслов на восточную Россию; река Угра, на которой встретился он в последний раз с великим князем московским, назначена была границею между литовскими и московскими владениями; так эта граница была близка от Москвы! Но здесь был последний предел распространения литовских владений в русских областях.



Стояние на Угре. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Василий Димитриевич умер в 1425 году. Главными советниками его были сначала боярин Федор Андреевич Кошка, а потом сын его Иван.

Глава XXIII. Василий Васильевич Темный

Василий Димитриевич оставил одного малолетнего сына, Василия, под опекою матери его Софьи Витовтовны. До сих пор не было усобиц в роде князей московских: мы видели, что двоюродный брат Донского, Владимир Андреевич, без борьбы уступил старшинство племяннику Василию Димитриевичу, но этот брат Донского был, во-первых, брат двоюродный, во-вторых, не мог занять старшего стола по *отчине:* отец его не был великим князем московским и владимирским; у Василия же Димитриевича были родные братья, из которых старший по нем был Юрий Димитриевич звенигородский и галицкий (Галича костромского).

Этот князь, считая себя по старине полноправным наследником старшинства, отказался признать старшинство племянника Василия Васильевича, отказался признать новый порядок престолонаследия от отца к сыну. Несмотря на то, молодой Василий начал княжить в Москве, ибо у Юрия не было средств силою вытеснить его оттуда. Чтоб избежать войны, дядя и племянник согласились ехать в Орду и положиться на решение хана; в Орде благодаря ловкости боярина московского Ивана Димитриевича Всеволожского хан объявил, что великим князем должен быть Василий, но Юрий не хотел успокоиться на ханском решении и, возвратясь домой, ждал только благоприятного для себя случая начать борьбу с племянником. Этот случай скоро представился.

Василий Васильевич, будучи в Орде, дал обещание боярину своему Всеволожскому жениться на его дочери, но по приезде в Москву мать великого князя Софья Витовтовна никак не согласилась на этот брак и настояла, чтоб сын обручился на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича. Тогда рассерженный боярин Иван Димитриевич отъехал из Москвы к князю Юрию и начал поднимать его на племянника; в то же время сыновья Юрия, приехавшие на свадьбу к великому князю, были оскорблены Софьею Витовтовною, и это послужило предлогом к войне. Василий Васильевич, праздновавший свою свадьбу, вовсе не был готов к войне, выступил против дяди с

наскоро собранными нестройными толпами, был разбит наголову и взят в плен.

П. П. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого на свадьбе Василия Темного

Юрий вступил в Москву и сел на столе великокняжеском, племяннику же Василию отдал в удел Коломну по совету любимца своего, боярина Морозова, но как скоро Василий приехал в этот город, то начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, дворяне, потому что, говорит летописец, не привыкли они служить галицким князьям: дружина так уже привыкла теперь к преемству престола от отца к сыну, что старший в роде, дядя, считался каким-то чужим князем, служить которому было унизительно, тогда как молодой сын покойного великого князя уже считался великим князем. Увидавши, что около Василия в Коломне собралось большое войско, с которым не сладить, сыновья Юрия,

Василий Косой и Димитрий Шемяка, в припадке досады и злости убили боярина Морозова за то, что присоветовал отцу их возвратить Василию Васильевичу свободу и дать удел. Убегая отцовского гнева, убийцы уехали из Москвы; тогда Юрий, видя себя оставленного всеми, послал к племяннику звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только пятью человеками. Он заключил с Василием Васильевичем договор, в котором обязался не принимать к себе сыновей – Косого и Шемяку и признал племянника старшим братом.

Понадеявшись на обещание дяди, Василий отправил войско против Косого и Шемяки, но те разбили москвичей; узнавши, что Юрий не сдержал обещания, что полки его помогали Косому и Шемяке, великий князь опять начал войну с дядею, которая опять кончилась для него несчастливо: он принужден был бежать из Москвы и собирался уже в Орду, как вдруг узнал о скоропостижной смерти Юрия и о том, что сын последнего, Василий Косой, занял престол московский по новому обычаю, потому что по старине старшинство в роде по смерти Юрия принадлежало Василию Васильевичу как сыну старшего брата. Но Косой, оставленный даже и родными братьями, Шемякою и Димитрием Красным, не мог удержаться в Москве. Лишенный и великого княжения, и удела своего – Звенигорода, Косой не переставал однако ж воевать с Василием Васильевичем, опустошая его области; наконец был разбит, взят в плен и ослеплен.

Во время этой усобицы умерли и три остальные сына Донского, дядья Васильевы; двое из них умерли бездетны, а третий, Андрей, оставил двоих сыновей: Ивана, князя можайского, и Михаила, князя верейского.

Борьба великого князя с двоюродными братьями возобновилась по поводу дел татарских. В 1437 году хан Улу-Махмет, изгнанный из Золотой Орды братом своим, засел в опустелой от русских набегов Казани, поставил себе город на новом месте и в 1439 году явился нечаянно под Москвою. Великий князь не успел собраться с силами и уехал за Волгу; хан стоял 10 дней под Москвою, взять ее не мог, но наделал много зла русской земле. В 1445 году татары Улу-Махметовы опять появились на русских границах, и великий князь вышел против них с небольшим войском, всего тысячи с полторы, потому что полки других князей не успели собраться; подле Суздаля сошлись русские с

татарами и потерпели сильное поражение, сам великий князь попался в плен и был отведен в Казань. Татары не пошли дальше, и хан отправил посла к Шемяке, который принял его с большою честью и отправил с ним вместе в Казань своего посла уговаривать Улу-Махмета, чтобы не отпускал Василия на великое княжение. Но так как послы эти долго не приезжали в Казань, то хан, думая, что посол его убит Шемякою, вошел в переговоры с своим пленником и согласился отпустить его в Москву за известную сумму денег; кроме того, с Василием выехало много татар, которых он принял в свою службу.

Приезд этих неприятных гостей и тяжелые подати, наложенные для того, чтобы собрать обещанные хану деньги, возбудили неудовольствие, которым спешил воспользоваться Шемяка: он начал сноситься с великим князем тверским Борисом и князем можайским Иваном Андреевичем, сообщил им слух, который носился тогда об условиях Василия с ханом Махметом, именно шла молва, будто великий князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам брал себе Тверь. Князья тверской и можайский поверили и согласились действовать заодно с Шемякою, в пользу которого составился в Москве заговор. В 1446 году заговорщики дали знать союзным князьям, что Василий поехал на богомолье в Троицкий монастырь. Шемяка и можайский князь ночью 12 февраля овладели врасплох Москвою, схватили мать и жену великого князя, казну его разграбили, верных бояр перехватали, и в ту же ночь князь можайский отправился к Троице с большою толпою вооруженных людей, схватил там Василия, вовсе не ожидавшего беды, и привез его в Москву; здесь его ослепили, сказавши ему такие вины: «Зачем привел татар на русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и язык их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам; наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?»

Шемяка отослал слепого (Темного) Василия в Углич и провозгласил себя великим князем, но не мог удержаться в Москве с своими малочисленными приверженцами; большинство было за Василия. Приверженцы его, и убежавшие в Литву (как то: князь Василий Ярославич серпуховской, брат жены Васильевой, князь Оболенский, Басенок), и оставшиеся в московских областях, как то: князья Ряполовские и многие дети боярские, явно действовали в его пользу; Шемяка, особенно по настоянию епископа Ионы, назначенного

в митрополиты, решился освободить Василия и дал ему в удел Вологду, взявши клятву не искать великого княжения. Но приверженцы Василия ждали только его освобождения и толпами кинулись к нему; игумен Кириллова Белозерского монастыря разрешил его от клятвы, данной Шемяке, и Василий с своими приверженцами отправился к Твери, которой князь Борис Александрович обещал ему помочь с условием, чтоб он обручил своего старшего сына и наследника Ивана на его дочери Марье: жениху было тогда только семь лет; Василий согласился и с тверскими полками пошел на Шемяку к Москве, а с другой стороны шли туда же из Литвы князь Василий Ярославич серпуховской с товарищами своего изгнания. Шемяка вместе с князем Иваном можайским выступил против Василия, но в его отсутствие Москва так же внезапно и легко была захвачена приверженцами последнего, как прежде приверженцами Шемяки, который, узнавши о потере столицы, не бившись с Василием, убежал в Каргополь и заключил мир с Василием в 1447 году, отказавшись от великого княжения и от некоторых своих волостей.

Но мир не был продолжителен; везде: в Великом Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы – Шемяка заводил крамолы, хотел возбудить нерасположение к Василию. Тот отдал свое дело на суд духовенству, которое отправило к Шемяке грозное послание. Послание это замечательно тем, что в нем духовенство вооружилось прямо против старого порядка престолонаследия; укоряя отца Шемякина, князя Юрия, за то, что он не по праву искал великого княжения под племянником, духовенство грозило проклятием Шемяке, если он не будет исполнять условий договора, заключенного им с великим князем. Шемяка не послушался увещаний духовенства и несколько раз возобновлял войну; лишенный своего удела, Галича костромского, он скрылся в Новгороде Великом и продолжал оттуда нападать на земли великокняжеские; наконец, в 1453 году он умер в Новгороде от отравы, присланной из Москвы. Сын Шемяки, Иван, ушел в Литву, где дали ему волости.

Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставались еще другие удельные князья, от которых Василий хотел избавиться; он начал с союзника Шемякина, князя Ивана можайского, который не послушался митрополита, два раза звавшего его на помощь к великому князю против татар; можайский князь не мог бороться с московским, убежал в

Литву, и удел его присоединен к Москве. Потом великий князь за какую-то неизвестную нам крамолу велел схватить в Москве и заточить брата жены своей, серпуховского князя Василия Ярославича, которого удел также был присоединен к Москве. Таким образом, из всех уделов Московского княжества остался только один – Верейский, где княжил Михаил Андреевич, ведший себя так спокойно, что не мог возбудить никакого опасения со стороны великого князя. Так кончилась усобица между князьями московскими, потомками Калиты. Вместо того чтоб раздробить, ослабить это княжество, отнять у него приобретения прежних князей, она кончилась тем, что Василий Васильевич, вовсе не превосходивший своих предшественников личными достоинствами и к тому еще слепой впоследствии, уничтожил уделы (кроме одного) в Московском княжестве и удержал приобретения отцовские и дедовские: так новый порядок вещей уже был крепок в Московском княжестве, так отвыкли здесь повиноваться удельным князьям мимо сына великого князя.

Б. А. Чориков. Жители Можайска требуют милосердия у великого князя Василия Темного

Но в то время как в Московском княжестве происходила эта усобица между правнуками Калиты, усобица первая и последняя, в это время что же делали великие князья, давние соперники московских, князь рязанский и тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться на счет Москвы? Они были так слабы, что им не приходило и на мысль подобное предприятие, им оставалось на

выбор – подчиниться московским или литовским великим князьям, смотря по тому, которые из них возьмут верх. Когда усиление Московского княжества было приостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанский князь почел нужным примкнуть к Литве и заключил с Витовтом договор, в котором отдался ему на службу; князья Пронский, Новосильский, Одоевский и Воротынский сделали то же самое. Таким образом, чего с одной стороны не успевали сделать князья московские, то с другой доканчивали литовские, отнимая независимость у князей восточной Руси, заставляя их вступать к себе в службу. Но когда Витовт умер, и Литва ослабела от междоусобий, тогда тот же рязанский князь Иван Федорович примкнул к Москве и, умирая, отдал маленького сына на руки великому князю Василию: последний перевез малютку вместе с сестрою к себе в Москву, а в Рязань и другие города княжества послал своих наместников. И тверской великий князь также сначала колебался между союзом московским и литовским, но под конец предпочел союз с Василием Темным.

Но если во время усобиц московских Рязань и Тверь колебались между Москвою и Литвою, то Новгород Великий хотел быть самостоятельнее; новгородцы следовали правилу признавать победителя своим князем, а между тем давать у себя убежище и побежденному, но это, разумеется, не нравилось победителю. Мы видели, что они держали Шемяку до самой его смерти, несмотря на увещания митрополита Ионы не сообщаться с отлученным от Церкви князем. Новгородцы должны были ждать мести от Василия, и действительно, в 1456 году великий князь выступил против Новгорода, и воеводы его, князь Стрига-Оболенский и Федор Басенок, разбили новгородцев, которые принуждены были купить мир за 10 000 рублей. Но на этот раз великий князь не довольствовался одними деньгами и заставил новгородцев отказаться от права раздавать грамоты на вече без участия великого князя или его наместников, заставил их принять свою великокняжескую печать и присягнуть, что не будут принимать никого из враждебных ему князей. Во Пскове власть московского князя утвердилась еще более.

Литва не мешала Василию утверждать свою власть в Рязани, Новгороде и Пскове. Страшный Витовт умер в 1430 году; великим князем в Литве провозглашен был родной брат Ягайлов, Свидригайло Ольгердович, который хотел непременно возвратить Литве

независимость от Польши; началась усобица между братьями; поляки выставили Свидригайлу соперника в брате Витовта, Сигизмунде Кейстутовиче, который согласился признать свою зависимость от короны польской. Вследствие этого произошло разделение: Литва стала за Сигизмунда, русские области остались верны Свидригайлу, и усобица между ними не прекращалась. Ягайло умер в 1434 году, и поляки выбрали себе в короли сына его Владислава III, который после получил и престол венгерский. В Литве жестокий и безнравственный Сигизмунд был убит вследствие заговора, и поляки прислали на его место молодого Казимира Ягайловича, брата короля Владислава, в качестве наместника польского, но литовцы провозгласили его великим князем. В 1444 году Владислав, король польский и венгерский, пал в битве с турками при Варне, и это событие повело опять к соединению Литвы с Польшею, ибо поляки выбрали Казимира себе в короли. Затруднительно было положение этого короля между стремлениями поляков присоединить к себе некоторые литовские области, Волынь, Подолию, и между стремлениями литовцев удержать в целости свои владения и свою независимость от Польши; иногда дело доходило до явного разрыва, и больших усилий стоило Казимиру отвратить кровопролитие, а с другой стороны, дела немецкого ордена отвлекали его внимание на запад.

Понятно, что при таких обстоятельствах Литва не могла воспользоваться московскими усобицами, помешать Василию Темному собрать московские уделы и усилить свою власть в соседних княжествах. В последнее время своей жизни Василий думал нанести окончательный удар Новгороду Великому; только архиепископ новгородский Иона, пользовавшийся всеобщим уважением, успел удержать его от похода, уговаривая обратить все свое внимание на татар, врагов христианства, которые действительно не переставали нападать на русские области.

В 1462 году умер Василий Васильевич, оставив престол великокняжеский старшему сыну Иоанну, которого еще при жизни своей объявил великим князем и соправителем: все грамоты писались от имени двоих великих князей. Димитрий Донской первый решился благословить старшего сына великим княжением Владимирским, потому что не боялся ему соперников ни из Твери, ни из Нижнего; Василий Дмитриевич не решился благословить сына своего

утвердительно Владимиром, зная о притязаниях брата своего Юрия. Василий Темный не только благословляет старшего сына своего отчиною, великим княжением, но считает область великого княжества Владимирского неразрывно соединенною с Московским княжеством, вследствие чего Владимир и другие города его области смешивает с городами московскими. Кроме Иоанна у Василия осталось еще четверо сыновей: Юрий, Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой, которым всем он дал уделы, но старший, Иоанн, получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе, не говоря уже о значении городов и величине областей. Таким образом, старшему даны были все средства держать младших под своей рукою.

Глава XXIV. Внутреннее состояние русского общества от половины XIII до половины XV века

1. Главные явления означенного времени

С половины XIII до половины XV века главные явления были, во-первых, отделение России западной от восточной: западная, истощенная усобицами и опустошенная кочевыми ордами, не могла сохранить своей самостоятельности, собраться в одно целое собственными средствами и должна была подчиниться князьям литовским, а потом вместе с Литвою соединилась с Польшею, Галицкое же королевство непосредственно подчинилось Польше. Русь северо-восточная, имевшая более свежих сил, с которыми недавно выступила на историческую сцену и тотчас же приобрела явный перевес над западною, – Русь северо-восточная могла самостоятельно, собственными средствами собраться, составить одно государство.

Разумеется, ей помогли в этом разные благоприятные обстоятельства: нашествие Батыево не повторялось, татары откочевали далеко, ханы, получая дань и дары от князей, не принимали никакого участия во внутренних делах России, вовсе не понимали того, что там делается: вместо того чтоб поддержать усобицы, не давать сильнейшим князьям усиливаться на счет других, они поступали наоборот, принимали и отпускали от себя с великою честью и с пожалованиями князей, которые давали им больше денег, не предугадывая, что это самые опасные для них князья. На западе опасных соседей также не было у северо-восточной Руси: Литва не пошла дальше Угры, не могла овладеть ни Новгородом, ни Псковом, ибо сначала сдерживалась немецким орденом, а потом усобицами и затруднительными отношениями к Польше. Наконец, к счастью для северо-восточной Руси, в Ярославе Всеволодовиче и его потомстве она имела князей деятельных и благоразумных, неуклонно стремившихся к одной цели – усилиться на счет других, примыслить к своему отдельному княжеству как можно больше волостей, заставить других князей сделаться из родственников слугами.

А. М. Васнецов. Двор удельного князя

В старой, юго-западной Руси мы видели, что князья владели землею сообща, целым родом, переменяя волости по старшинству, в новой же, северо-восточной Руси хотя Владимир с своею областью и считается собственно великим княжением, но великие князья не живут более в нем, остаются в своей вотчине: тверские – в Твери, московские – в Москве; в старину род княжеский сохранял свое единство и потому имел одного старшего, великого князя; теперь же этого единства больше нет, и потому является несколько великих князей: так называется московский князь, и тверской, и рязанский, и нижегородский. В старину, при единстве княжеского рода, великому князю наследовал не сын его, но старший по нем в целом роде, дядя имел преимущество перед племянником, имел для племянника значение отца; если и были попытки племянников, сыновей от старшего брата, отнимать старшинство у дядей, младших братьев отцовских, то попытки эти были неудачны, встречали неодобрение в обществе как дело преступное, греховное; теперь же на севере все эти

старые предания ослабели: племянники с успехом вооружаются против дядей, отнимают у них великое княжение Владимирское, младшие братья отнимают старшинство у старших; великие князья стараются передать великое княжение своим сыновьям, минуя братьев, стараются заставить последних отказаться от своих прав в пользу племянника. Так как от старых родовых представлений и названий еще не освободились, новые еще не выработались отчетливо, то употребляются странные выражения: дядя, например, обязывается считать племянника старшим братом, отцом! Дядья, разумеется, противятся, не хотят отказываться от своих прав, но их сопротивление напрасно, ибо против них идет теперь целое общество, что так ясно обнаружилось во время борьбы Василия Васильевича с дядею Юрием: все ратные люди бросились к молодому Василию в Коломну, не желая служить галицкому князю, дяде, старшему в роде; духовенство вооружается против поступка Юрьева, как против греха, сравнивает его с грехом праотца Адама, захотевшего быть равным Богу. Таким образом, новый порядок престолонаследия утвердился на самом деле, но не по закону; мы теперь знаем, что после императора наследник – старший сын его, ибо таков закон империи, но в XV веке закона не было, и потому, чтоб упрочить престолонаследие за сыном, великий князь должен был прибегать к самому Делу; так, Василий Васильевич при жизни своей назвал сына своего Иоанна великим князем, присоединяя имя его к своему собственному во всех грамотах.

Из XIV и XV веков до нас дошло много духовных завещаний и договорных грамот княжеских, из которых можем видеть, как постепенно, но очень медленно происходила перемена прежних, родовых отношений между князьями на новые, служебные: сюда относятся выражения, что младший должен держать старшего *честно и грозно,* обязан служить ему, а тот обязан кормить его по его службе; младшие, удельные князья не имели права непосредственно сноситься с ханом, *знать Орду,* как тогда выражались. В завещаниях князья обыкновенно дают большое значение женам своим: отказывают им богатые волости, приказывают сыновьям во всем слушаться матери, которой дается право в случае смерти одного сына разделять его удел между оставшимися в живых; поэтому князья-братья начинали договоры свои так: «По слову и благословению матери нашей». Такое значение матерей имело религиозное основание: «держи мать свою в

чести и материнстве, как Бог сказал», говорят князья сыновьям в завещаниях; поэтому и духовенство во имя религии подтверждало эти приказания.

2. Татарское влияние

И теперь в новой, северной Руси вступление великого князя на престол сопровождалось обрядом посажения, с тем, однако, различием, что теперь сажал на стол посол татарский, в чем ясно выражалась зависимость князя от хана. Как же велика была эта зависимость? При описании первых времен татарского ига говорится, что Батый поставил наместников (баскаков) своих по всем городам русским; в известии о перечислении для наложения поголовной дани говорится, что численники поставили десятников, сотников, тысячников, темников (десятитысячников).

Под 1266 годом летописец уже говорит, что притеснения татарские ослабели; потом не находим уже больше известий о баскаках на севере: после 1375 года не упоминается более о перечислении – знак, что ханы по разным причинам начали оказывать полную доверенность великим князьям и что последние взяли на себя доставку дани в Орду. Таким образом, чрез удаление баскаков, численников и сборщиков дани, к концу XIII века князья освобождались совершенно от татарского влияния на свои внутренние распоряжения, но и во время присутствия баскаков мы не имеем основания предполагать большого влияния их на внутреннее управление.

С. В. Иванов. Баскаки

Как скоро исчезли татарские численники, то прекратилась и несправедливая подушная дань, разная для всех, следовательно, легкая для богатых, тяжелая для бедных; князья стали брать дань по *силе,* то есть по средствам плательщиков; дань бралась с *сох* (количество земли, обрабатываемое известными средствами, например с помощью трех лошадей) и с промыслов, которые приравнивались к сохе (например, невод считался за соху, кузница также); в случае нужды, при запросах из Орды, бралась дань и с членов дружины, смотря по их доходам. Кроме выхода, или дани, в Орду были еще другого рода издержки на татар, *ордынские тягости и проторы,* как тогда говорили. Таков был ям (от татарского слова – ям – дорога) – обязанность доставлять подводы татарским чиновникам; содержание послов ханских и их многочисленной хищной свиты; наконец, поездки князей в Орду, где должно было дарить хана, жен его, вельмож и всех сколько-нибудь значительных людей; неудивительно, что у князей иногда недоставало на все это денег и они должны были входить в долги. Дань шла в казну

княжескую тогда только, когда не было запросов из Орды, то есть когда можно было не удовлетворять этим запросам; постоянные же доходы княжеские состояли по-прежнему в пошлинах торговых, судных и доходах с земельной частной собственности.

3. Дружина

Князья на севере перестают переходить из одного княжества в другое, постоянно сидят в одном, которое усиливают на счет других; это обстоятельство дает возможность и членам дружины оставаться в одной области и приобретать здесь значение постоянных богатейших землевладельцев и наследственно пользоваться правительственными должностями. Вместе с усилением московского князя усиливаются московские бояре, им выгодно удержать эту силу навсегда за своим князем, и они действительно хлопочут об этом, подкрепляемые митрополитами: так, в малолетство Димитрия Донского они удержали за ним великое княжение Владимирское. Дружинники, бояре, дети боярские и слуги вольные по-прежнему удерживали право свободного перехода от одного князя к другому; дружинникам слабейших князей выгодно было переходить в дружину сильнейших, чем они еще более усиливали последних: так, мы видели, поступили бояре нижегородского князя, передавшиеся московскому; они не считали себя изменниками, потому что во всех договорах княжеских повторялось: «боярам и слугам нашим вольным воля». Как усилилось значение бояр московских, видно из того, что великие князья нижегородский, тверской искали родственных союзов с ними. Но это усиление не было опасно для великого князя: ни одна знатная фамилия долго не сохраняла своего могущества, ибо ко двору московскому беспрестанно приезжали новые знатные и богатые выходцы и теснили старых; чем сильнее становился московский князь, тем большее число людей находило выгодным вступать к нему в службу; притом же эти пришельцы, люди новые, окруженные новыми лицами, новыми явлениями, не имели на что опереться, не могли действовать обдуманно и дружно.

Скоро начали стекаться отовсюду в Москву князья, лишенные своих владений, и Рюриковичи русские, и Гедиминовичи литовские, и оттесняли старых московских бояр от первых мест; князья Рюриковичи приезжали лишенные уже своих княжеств, уделов; за ними оставалось несколько земель в этих уделах, земель раздробленных и дробившихся все более и более с умножением детей княжеских, которые все получали участки в отцовском владении; Гедиминовичи же литовские

приезжали вовсе без земель и получали их по милости великих князей московских; все эти князья, следовательно, не были сильны, не были опасны. За службу свою дружинники получали от великих князей волости и села в кормление. Кроме дружины в состав войска входили по-прежнему полки из городского и сельского народонаселения.

4. Города

В городах, которые как стольные города великокняжеские занимают теперь главное место, в Москве, Твери, Рязани, Нижнем, Суздале, даже в знаменитом Владимире, мы не встречаем больше вечей и того участия горожан в делах, какое встречали прежде в Киеве, Чернигове, Смоленске, Ростове; усобицы между князьями продолжаются по-прежнему, но города не принимают в них участия как прежде, их голоса не слышно; ни один князь не собирает веча для объявления горожанам о походе или о каком-нибудь другом важном деле, ни один князь не заключает ни о чем договора с ними. Под именем веча теперь летописцы разумеют незаконное мятежное собрание народа, собравшихся летописцы называют мятежниками, крамольниками. Очень дурно отзываются московские летописцы и о вечевом быте Новгорода, обнаруживают к нему отвращение. Мы видели, что новгородцы, не будучи в состоянии защищать свою вольность силою от великих князей, выкупали ее деньгами; за деньги великие князья оставляли новгородцев жить по старине, подтверждая эту старину договорами, из которых самый древний, дошедший до нас, относится ко временам великого князя Ярослава Ярославича; договоры эти заключались от имени владыки, посадника, тысяцкого, сотских, от всех старейших и от всех меньших, от всего Новгорода; князь раздавал правительственные места Новгородской области только новгородцам; без посадника не раздавал мест и грамот; не мог управлять Новгородом, не находясь в Новгороде; без вины, по своему произволу не мог никого лишить должности; не мог судить никого без посадника. Уже давно, по всем вероятностям во второй четверти XII века, новгородцы стали сами себе выбирать посадника и тысяцкого и поместили посадника подле князя при суде и раздаче мест, хотя при этом князь не потерял влияния при избрании посадника и не лишился права требовать его смены, объявивши только вину его. В прежнее время великие князья, не имея возможности сами жить или часто бывать в Новгороде, посылали туда вместо себя одного из родственных себе князей, но потом великие князья, особенно московские, посылали в Новгород наместников своих из бояр.

А. М. Васнецов. Новгородский торг

В городах юго-западной Руси в это время кроме русского народонаселения видим немцев, жидов и армян; во время литовского владычества жиды получили здесь большие выгоды; тогда же русские города начали получать право немецкое, магдебургское, по которому горожане освободились из-под ведомства воевод, судей и всяких чиновников великокняжеских и во всех делах расправлялись перед своим начальником, который носил название войта. Полоцк, имевший одинакий быт с Новгородом Великим и другими старыми русскими городами, сохраняет этот быт и при князьях литовских: он заключает договоры с Ригою, с магистром ливонским; по грамоте короля Казимира бояре, мещане, дворяне и все жители полоцкие должны были собираться для рассуждения о городских делах на том же самом месте, где прежде издавна сходились; мещане, дворяне и чернь не могли собирать сеймов без бояр; казну берегли сообща выборные из всех городских сословий, из бояр, мещан, дворян и черни.

5. Сельское народонаселение

Пустых земель было много, народу мало, и потому князья старались перезывать в свои области поселенцев из других областей, давая им на несколько лет свободу от всяких податей. Крестьяне свободно переходили от одного землевладельца к другому, но они могли оставить землю, или отказываться, как тогда называли, только в известный срок, по преимуществу осенью, по окончании полевых работ: за две недели до Юрьева дня и неделю спустя после него. Встречаются также случаи, когда князья запрещали переход крестьян в пользу известного землевладельца; например, великий князь Василий Темный пожаловал Троицкий Сергиев монастырь, запретив переход крестьянам одного из сел, принадлежавших этому монастырю. Землевладельцы получали от князей право суда над поселившимися на их землях крестьянами, кроме случаев уголовных. Но кроме переходного, свободного сельского народонаселения по-прежнему видим народонаселение несвободное, принадлежащее землевладельцам.

6. Казаки

В конце первой половины XV века в первый раз встречаем название *казаков,* именно рязанских. Под этим именем у предков наших разумелись вообще люди бездомовные, бессемейные, принужденные добывать себе пропитание работой у чужих людей; таким образом, казак значил то же самое, что работник, батрак, и в этом отношении казаки противополагались *земским людям,* имеющим постоянное место жительства и собственность. Соседство с степью, не бесплодною, но привольною для житья, орошаемою рыбными реками, влекло туда самых отважных из этих бездомовников, казаков, к ним присоединялись и поневоле все те, которым нельзя было остаться в обществе, которых закон преследовал за беспорядочную, преступную жизнь, наконец, беглые холопы.

Из таких-то людей образовалось военное пограничное население, известное преимущественно под именем казаков. Казаки эти имели важное значение, потому что, как люди отважные, они пролагали пути к населению пустых степных пространств; выход в казаки был легок русскому человеку, потому что, уходя в степь, он не уходил в чужую сторону, не переставал быть православным русским человеком, и в степи среди казаков он находил своих же; казаки признавали над собою власть правительства русского, но повиновались ему только тогда, когда это было им выгодно; в большей зависимости от правительства находились те казаки, которые жили недалеко от границ, под руками правительства, в меньшей – те, которые удалялись в глубь степей, но таких в описываемое время еще не могло быть много, потому что в степях еще были сильны татары.

Ополчение великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. Лубок XVII в.

7. Торговля

Самым значительным торговым городом на Руси после упадка Киева оставался Новгород Великий; от этого он был и самым богатым городом; в Новгород приезжало много немцев для торговли, новгородские купцы ездили торговать в Любек, Готландию, в Стокгольм, как видно из договоров, которые они заключали с немцами, с Ганзою. После Новгорода значительную заграничную торговлю вели Псков, Смоленск, Полоцк; немцы привозили сюда хлеб, соль, овощи, сельди, сукно, полотно, металлы и металлические вещи, пергамен, вино, пиво; вывозили меха, кожи, сало, воск, лес и восточные произведения: жемчуг, шелк, дорогие ткани. На юге Киев, несмотря на опустошение татарское, по удобству положения и по старой привычке привлекал к себе купцов иностранных, итальянских. Немцы ездили на Волынь и в Галицию; галичане и подольцы торговали в Молдавии, Бессарабии, Венгрии; русские купцы ездили также торговать в Судак (Сурож) и Феодосию (Кафу), в Грецию и Турцию.

На северо-востоке Нижний Новгород благодаря своему выгодному положению уже начинает быть известен как богатый торговый город, вследствие чего суздальские князья и перенесли в него свой стол; в Нижний кроме татар приезжали торговать и армяне; армяне и литовские купцы приезжали также в Москву; татарские купцы приезжали в русские города обыкновенно вместе с послами. Главным препятствием для торговли, кроме татарских опустошений, были еще разбои, производившиеся в больших размерах, особенно по Волге; эти разбои производились преимущественно новгородцами.

8. Богатство народа, его домашний быт

Богатые торговлею города, Новгород и Псков, славились прочностью своих укреплений, обилием каменных церквей; церкви эти были небольшие, строились скоро, иногда очень неискусно; мастера, строившие церкви, были русские, но расписывали церкви греческие мастера или русские ученики греков; из русских славился особенно Андрей Рублев. Владыки начинают строить для себя палаты каменные в Новгороде и Москве; наконец, вводятся кое-где в употребление *звонящие* часы. Домашний быт отличался по-прежнему простотою. Князья, строившие города, церкви, богато их украшавшие, спали на соломе; в завещаниях московских князей упоминается об иконах, дорогих платьях, цепях, редко о дорогом оружии, о нескольких сосудах столовых, и все это в таком небольшом количестве, что не могло занимать много места, легко могло быть спрятано, собрано, увезено.

Но если так было у князей, то чего же мы должны искать у простых людей? У них, кроме самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось в церквах как местах, наименее подвергавшихся пожарам и разграблениям. Это отсутствие мебели, домашних украшений и удобств помогало нашим предкам равнодушнее переносить частые пожары и неприятельские нашествия: если жизнь и свобода были спасены, то об остальном нечего было много тужить, дорогого было так мало, что его легко было унести с собою, небольшие же деревянные дома легко было вновь построить по необыкновенной дешевизне материала.

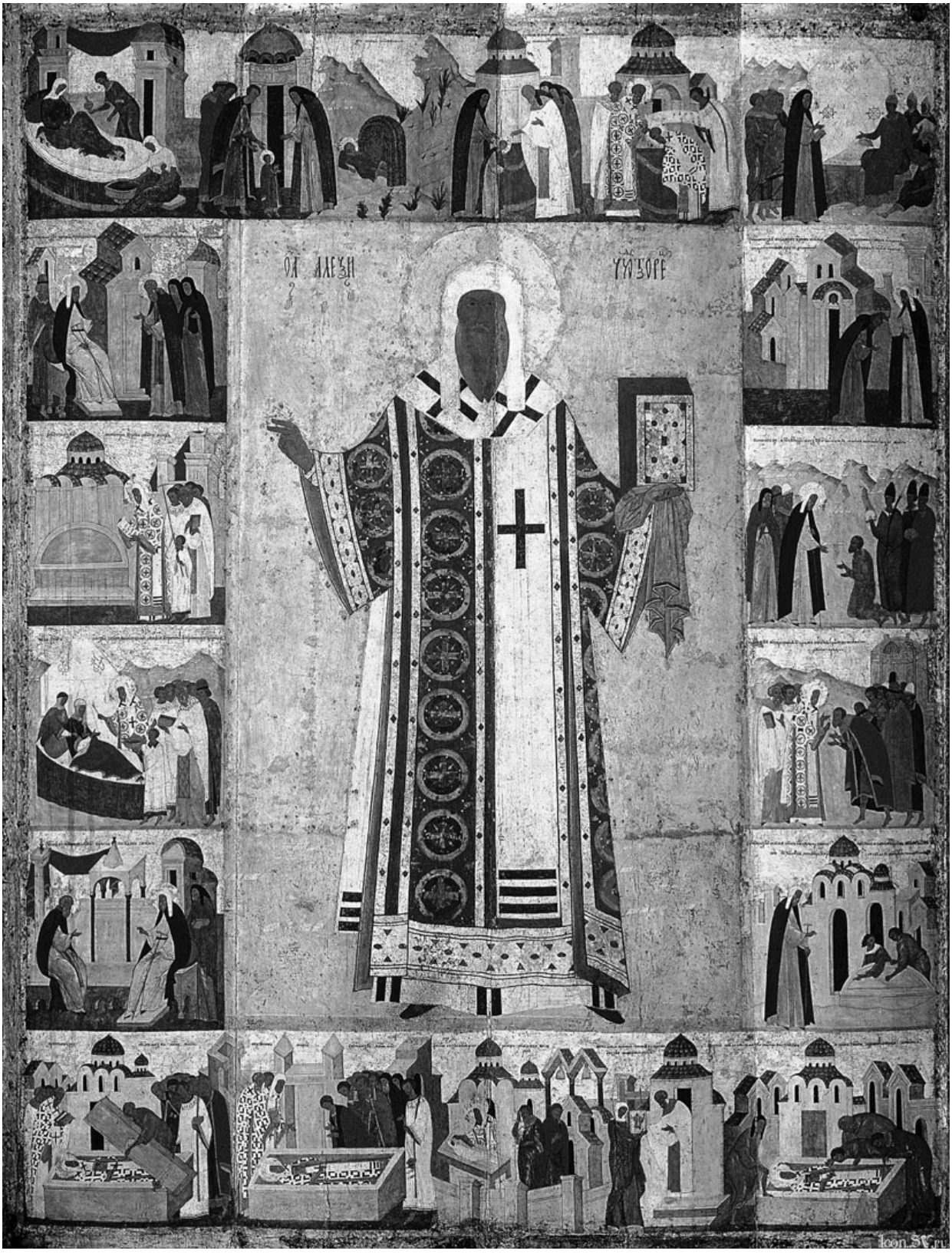
9. Церковь

Прежде упоминалось о сильном сопротивлении, которое христианство встретило на севере от финского язычества, от волхвов; теперь же такого сопротивления мы больше не видим: христианство распространяется между карелами на северо-западе, между зырянами, или пермяками, на северо-востоке. Апостолом зырян был св. Стефан, который приготовился к своему подвигу тем, что изобрел азбуку и перевел нужнейшие для богослужения книги на язык зырянский. Как св. Стефан заботился о новообращенных, которых был первым епископом, видно из «Плача земли Пермской» по нем, помещенного в житии его: «Теперь мы лишились защитника, который Богу молился о душах наших, а перед князем и вельможами был нашим защитником, избавлял нас от насилий, работы и чиновнических грабежей; сами новгородцы разбойники слов его слушались и не воевали нас».

Деятельность главных архиереев русской Церкви, митрополитов всей Руси, становится теперь заметнее, чем прежде, во-первых, потому, что совершается великий переворот в судьбах отечества, устанавливается единовластие, причем должно было духовенство решительно высказаться и высказалось в пользу единовластия; во-вторых, теперь митрополиты выбираются из русских, а не из греков, которые не могли принимать так к сердцу русские интересы, не могли как чужеземцы иметь такого сильного влияния на князей и народ. Кроме того, были еще другие важные дела, в решении которых духовенство должно было принимать сильное участие, таковы были дела татарские, литовские, греческие.

Так как Киев и вообще южная Русь потеряла свое главное значение, которое перешло к Руси северной, то и главные пастыри русской Церкви, митрополиты, должны были обратить особое внимание на север и тамошних князей: они начинают ездить туда по нескольку раз, а митрополит Максим окончательно переехал на житье из Киева во Владимир. Преемник Максима, св. Петр, родом русский из Волыни, избрал своим пребыванием Москву и тем много способствовал усилению ее на счет всех других княжеств; Петр ездил в Орду и был там принят с большою честью, ибо татары уважали служителей всех религий; когда наложена была дань на русских,

духовенство было освобождено от нее, и ханы давали нашим митрополитам ярлыки, или грамоты, которыми подтверждалась свобода духовенства от всяких поборов в пользу татар. Преемником св. Петра был грек Феогност; как до сих пор митрополиты должны были обращать особенное внимание на север и наконец утвердиться здесь, так теперь они должны были обратить одинаковое же внимание и на юго-запад, ибо здесь русские области соединились теперь под властью одного могущественного князя – литовского; вот почему Феогност не раз ездил на Волынь и жил там долгое время. Преемником Феогноста был св. Алексей из знатного московского рода Плещеевых, которые выехали в Москву из Чернигова. Алексей много помогал московским князьям, особенно Димитрию Донскому, при утверждении их могущества, потому что князья, которые осмеливались противиться московским князьям, имели против себя и митрополита; так, Алексей наложил проклятие на некоторых князей, которые обещали великому князю московскому выступить вместе с ним против татар и не исполнили обещания; наложил проклятие на смоленского князя, который помогал Ольгерду против Москвы; кроме этой деятельности внутри России св. Алексей ездил в Орду и своим влиянием на хана спасал Россию от беды, которою грозили ей татары.



Дионисий. Святитель Алексей митрополит Московский. Икона, XV в.

Но если митрополит всея Руси, москвич, живший в Москве, так помогал московскому князю усиливаться, то, конечно, это не могло нравиться литовским князьям; от этого у них родилось желание иметь для подвластных им русских областей особого митрополита в Киеве, который бы находился под их влиянием. Ольгерд жаловался константинопольскому патриарху, что митрополит Алексей помогает московскому князю в его завоевательных замыслах, не ездит в Литву и Киев, освобождает от присяги перебежчиков из Литвы в Москву; Ольгерд требовал другого митрополита для подвластных ему и союзных русских княжеств. В Константинополе исполнили это требование и поставили митрополитом для юго-западной Руси Киприана, родом из южных славян, но с тем чтобы по смерти престарелого Алексея он был митрополитом и всея Руси; потом, однако, по смерти св. Алексея, в Константинополе согласились поставить особого митрополита для Москвы, Пимена; по смерти последнего Киприан соединил под своею властью обе русские церкви, что было легко сделать, когда великий князь московский Василий Димитриевич жил согласно с тестем своим Витовтом литовским. Но когда последовал между ними разрыв, то преемнику Киприанову, греку Фотию, невозможно стало удержать за собою Киев: Витовт настоял, чтоб в 1415 году собор юго-западных русских епископов сам собою посвятил в киевские митрополиты Григория Цамблака, ученого болгарина, ибо константинопольский патриарх не соглашался на это. Цамблак умер в 1419 году; в это время вражда к Москве остыла в Витовте, все внимание его было поглощено делами польскими, и он не хлопотал об избрании преемника Цамблаку, вследствие чего Фотий опять получил в управление Церковь южнорусскую.

По смерти Фотия усобицы великого князя московского Василия Васильевича с дядею и потом с двоюродными братьями долго мешали назначению нового митрополита; наконец был избран рязанский епископ Иона; но когда он приехал в Константинополь для поставления, то нашел, что там уже посвящен был для России митрополит Исидор, грек. Исидор, приехавши в Москву, стал собираться на собор, созванный в Италии для соединения церквей восточной и западной. Самое уже место собора в стране неправославной возбудило подозрение в Москве. Великому князю

Василию Васильевичу не хотелось, чтоб Исидор ехал в Италию; когда же он не мог отклонить митрополита от этого путешествия, то сказал ему: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от св. Владимира, а нового, чужого не приноси, мы не примем». Исидор обещал крепко стоять в православии, но не исполнил своего слова, на соборе Флорентийском подписал соединение с западною Церковью и возвратился в Москву в звании папского легата, велел на литургии поминать папу вместо патриархов восточных, а после литургии читать народу грамоту о соединении церквей, о принятии римского учения насчет происхождения Св. Духа и другие новизны. Тогда великий князь велел посадить его под стражу, а сам созвал духовенство и велел ему рассмотреть дело; духовенство решило, что Исидор поступает несогласно с божественными правилами и преданиями, а между тем он успел бежать из заключения.

После свержения Исидорова Иона рязанский был поставлен в митрополиты собором русских епископов; впрочем, великий князь дал знать греческому императору, что русская Церковь этим нисколько не разрывает тесной связи своей с греческою Церковию и всегда будет сохранять православие. С этих пор митрополиты у нас постоянно избирались из русских архиереев и не посылались на посвящение в Константинополь к патриарху. При митрополите Ионе произошло окончательное отделение юго-западной русской Церкви от северо-восточной; с этих пор были постоянно два особых митрополита – один в Москве, другой в Киеве.

Относительно власти митрополита в грамоте, составленной по взаимному согласию великого князя Василия Димитриевича и митрополита Киприана, положено, что все лица, принадлежащие к Церкви, подчиняются суду митрополита; из этой грамоты узнаем, что митрополит имел своих бояр и слуг, которые в случае войны выступали в поход под начальством особого митрополичьего воеводы, но под знаменем великокняжеским; слуг великокняжеских и людей, платящих дань в казну великокняжескую, митрополит не имел права ставить в священники или в дьяконы, потому что этим наносился ущерб службе и казне: здесь причина, почему в духовное звание поступали только люди из того же звания. Из слуг своих митрополит посылал для управления своими селами (в волостели), для суда церковного (в десятники).

Митрополиты для обсуждения важных вопросов созывали соборы из епископов; епископы в своих епархиях созывали соборы из подведомственного им духовенства; кроме того, митрополиты для исправления нравственности в народе писали послания к духовенству и мирянам. Особенное внимание не только митрополитов русских, но и патриархов константинопольских во второй половине XIV века обратили на себя Новгород и Псков вследствие появившейся там ереси стригольников; еретики отвергали необходимость священников, упрекая последних в дурном поведении; утверждали, что миряне могут учить вере, что не должно молиться за умерших; ересь эта прекратилась в первой половине XV века.

Монастыри продолжают сохранять свое важное значение. Чем был в старину Печерский монастырь для Киева, тем был Троицкий Сергиев монастырь для Москвы. Основателем этого монастыря был Варфоломей, в иночестве Сергий, сын ростовского выходца, поселившегося в Радонеже. Сергий в молодости еще удалился в дремучий лес и долго жил здесь один, но не мог утаиться: иноки стали собираться к нему; Сергий своими руками строил кельи, носил дрова из леса и колол их, носил воду из колодезя к каждой келье, готовил кушанье на всю братию, служил всем, как раб. Это-то смиренное служение прославило Сергия по всем областям русским и дало ему то значение, с каким мы уже встречали его в княжение Димитрия Донского. Из монастыря Сергиева выведены были другие монастыри сподвижниками, учениками и учениками учеников Сергиевых; из этих монастырей особенно важен в нашей истории монастырь Белозерский, основанный св. Кириллом, славным святостью жизни и поучениями, в которых он напоминал князьям об их обязанностях.

Монастыри в описываемое время имели еще то важное значение, что были проводниками гражданской жизни в диких пустынях: монахи расчищали леса, заводили пашню, привлекали к себе народонаселение; монастыри были гостиницами для странников, во время голода кормили бедных. Средства к тому монастыри получали от своих сел и деревень, которые дарили им князья и другие богатые люди – на помин душам своим и своих родителей, как тогда выражались. Несмотря на укоренившийся обычай отдавать села и деревни монастырям, уже возникал вопрос: следует ли монахам владеть ими? И митрополит Киприан думал, что не следует. Сначала в монастырях каждый монах

имел свое особое хозяйство, но с конца XIV века начало вводиться общее житие.

10. Состояние нравственности народной

Нравы народа становились заметно грубее, потому что русские все более и более удалялись от европейских христианских народов и находились в постоянном сообщении только с азиатскими, нехристианскими народами, от которых нечего было заимствовать хорошего. Кроме того, были и другие причины огрубения нравов: шли усобицы между князьями, но шли они не за право на старшинство, как прежде, а за то, какому князю быть сильнее всех других, отнять у всех других волости, подчинить себе всех других; о правах нет уже более речи; старых родовых прав никто более не уважает, новые еще не утвердились на место старых; силе поэтому открылась полная свобода действовать. Сильный при первом удобном случае прибегал к насилию, слабый, чтоб спастись от сильного, прибегал к хитрости, коварству, ехал в Орду, льстил, унижался пред ханом, его женами и вельможами. Народ находился в положении тяжелом, ему не было покоя и от чужих, татар и Литвы, и от своих: сильные князья, желая привести в свою волю слабых, притесняли их подданных; когда в каком-нибудь княжестве начинались усобицы, то народ убегал из него в другие области; когда усобицы стихали, народ возвращался.

Таким образом, народ жил в постоянном страхе пред своими и чужими, не было безопасности, без которой не могут успевать ни промышленность, ни торговля, и жизнь не украшалась ни наукою, ни искусством. При этой бедности жизни были доступны человеку одни грубые удовольствия, которые не могли способствовать смягчению нравов, а только вели к усилению нескромности, которая выражалась и на деле, и в словах. Женщина для сохранения скромности должна была избегать общества, предавшегося таким удовольствиям; отсюда укоренился обычай, что жены и дочери значительных и богатых людей укрывались в теремах, не появляясь в мужских обществах, отчего мужчины еще более грубели в своих нравах, ибо не сдерживались присутствием женщины.

М. П. Клодт. Терем царевен

Обличения нравам времени слышались из уст святых мужей, отшельников, но людей, которых будил их голос, очищал от грязи житейской, было немного; для немногих избранных монастырь, церковь служили приютом, спасением от грубости нравов, утешением в бедах жизни, но для большинства единственным развлечением и утешением в бедах жизни оставался пьяный пир, сопровождавшийся бранью и драками, а иногда и убийствами.

11. Просвещение

При таком состоянии общества литература не могла процветать. Нигде не встречаем мы известий об образованности князей и вельмож. Но грамотность по-прежнему сохранялась в сословии духовном; епископы продолжали говорить народу поучения в церквах. Из этих проповедников особенно замечателен был Серапион, епископ владимирский: он в своих проповедях призывал к покаянию, указывая на страшные бедствия, удручавшие Русь. Особенно замечательно из слов его то, где он говорит против привычки приписывать общественные бедствия женщинам, которых считали ведьмами, и губить их за это.

От времени до времени являлись люди, которые не только словом, но и делом, святою, исполненною чудес жизнию возбуждали всеобщее внимание, благотворно действовали на общество; подвиги этих святых мужей записывались и передавались в наставление потомству; путешественники ко Святым Местам описывали чудеса природы и искусства, которые они встречали на пути. Кроме путешествий ко Святым Местам дошло до нас описание путешествия во Флоренцию, составленное одним из спутников митрополита Исидора; другой спутник Исидора, монах Симеон Суздалец, составил описание Флорентийского собора.

Продолжали переводить с греческого, но большая часть этих переводов сделана была не в России, а на Афонской горе, в русском и сербском монастырях.

Б. А. Чориков. Дмитрий Донской и Пересвет

Что касается до литературы светской, то до нас дошли от описываемого времени исторические песни, сказания и летописи. Так, в песне рассказана смерть Шевкала в Твери; эта песня замечательна тем, что в ней описывается поведение татарских баскаков в городах русских. Как прежде содержанием исторических песен и сказаний служили подвиги князей и богатырей против печенегов и половцев, так теперь с XIII века содержанием сказаний служит борьба с татарами на востоке, с немцами и Литвою на западе. Сказания, относящиеся к борьбе с татарами, начинаются рязанским сказанием о нашествии Батыя, описываются подвиги и гибель рязанских князей, гибель княгини Евпраксии, которая, услыхав об убиении мужа своего, князя Федора, Батыем, бросилась вместе с малюткою-сыном с высоких хором и убилась до смерти; рассказывается о необыкновенной храбрости и гибели боярина рязанского Коловрата. Составилось несколько сказаний о знаменитой Куликовской битве, из которых одно носит явные следы подражания «Слову о полку Игореве»; но ни одно из этих северных сказаний не может сравниться поэтическими красотами с «Словом о

полку Игореве». Нашествие Тохтамыша на Москву послужило также предметом особого сказания; известия о Тамерлановом нашествии вошли в повесть о чуде от Владимирской иконы Богородицы: здесь говорится, что к выходу из русских владений побудил Тамерлана сон, в котором явилась ему на воздухе жена, запрещавшая ему идти далее на русскую землю. Составилось сказание о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича (Донского), царя русского: это похвальное слово, в котором почти исключительно выставляются нравственные достоинства Димитрия с тою целию, чтоб цари научились подражать ему. Это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведение описываемого времени.

В борьбе на западных границах со шведами, немцами и Литвою прославились два князя – Александр Невский и Довмонт Псковский, поэтому подвиги их описаны в особых украшенных сказаниях. Летописи по-прежнему составлялись в разных городах – в Ростове, Твери, Москве, Новгороде и Пскове.

Глава XXV. Княжение Иоанна III Васильевича

Счастливый потомок целого ряда умных, деятельных, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда собрание русской земли в одно государство могло почитаться уже оконченным. Общество так образовалось, что власти государевой ниоткуда не могло быть сильного противодействия – ни со стороны духовенства, ни со стороны бояр, ни со стороны городов. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского, ждали только первого движения со стороны великого князя московского, чтоб подчиниться ему; Орда падала сама собою от разделения и усобиц. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри раздором между Польшею и Литвою, занят извне делами Пруссии, Богемии, Венгрии, власть его ограничена вельможами и сеймом, и он не может мешать Москве усиливаться, не может бороться с ее могущественным неограниченным государем и уступает ему целые области. Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых он явился истинным правнуком Всеволода III и Калиты, истым князем северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми можно было много выиграть, но и много потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие – вот отличительные черты в характере Иоанна III.

Великий князь Иван III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1584 г.

1. Покорение Новгорода и Вятки

Василий Темный как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, и только увещание архиепископа Ионы да скоро потом случившаяся смерть помешали ему нанести Новгороду последний удар. Чего не успел сделать отец, то готов был исполнить сын. Новгородцы понимали опасность своего положения, видели, что против Иоанна III не будет им помощи ни от кого из северных русских князей, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским, и не понапрасну, потому что под его властью находились все княжества юго-западной Руси; к этому князю отъезжали из северо-восточной Руси все князья недовольные, лишенные волостей, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского, православного князя и поддаться литовскому, католику, казалось большей части новгородцев изменою православию.

И прежде не один раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы, ибо от Москвы не было еще тогда такой опасности, но теперь нашлись люди, особенно между вельможами, которые считали необходимым поддаться литовскому великому князю, чтоб сохранить свой прежний быт. Во главе этих людей, преданных Литве, стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака; мать их Марфа, женщина с сильным характером, имела большое влияние над детьми и заправляла всем.

Под влиянием литовской стороны в Новгороде начали оскорблять Иоанновых наместников, утаивать пошлины, следующие великому князю. Последний несколько раз отправлял в Новгород послов, требуя, чтоб жители его исправились, но не получал никакого удовлетворения. В Новгород приехал литовский князь Михаил Олелькович (т. е. Александрович), выпрошенный приверженными к Литве вельможами, которые взяли наконец верх на вече посредством подкупленных ими людей и отдали Новгород под покровительство короля Казимира.

Казимир заключил с новгородцами договор как с вольными людьми, обязался оставить ненарушимым весь их старый быт и защищать их от великого князя московского. Последний, узнавши об этом, выступил в поход летом 1471 года; он вел большое войско, с ним были тверичи и псковичи, а к новгородцам не приходило помощи ниоткуда, король Казимир не трогался, и князь Михаил Олелькович уехал из Новгорода. Передовой отряд московского войска нанес новгородскому войску сильное поражение на берегах реки Шелони; в числе пленников, доставшихся победителям, находился сам посадник Борецкий, которого Иоанн велел казнить.

Несмотря на это, литовская сторона все еще была сильна и приготовилась защищаться, но когда вздорожал хлеб, то простой народ поднялся на вельмож, укоряя их, зачем они привели великого князя на Новгород; вследствие этого архиепископ Феофил с знатными людьми поехал бить челом Иоанну, который расположился станом на устье Шелони; великий князь согласился дать мир новгородцам с условием, чтоб они заплатили ему 15 500 рублей и обязались не отдаваться вперед Литве, не брать к себе оттуда князей и архиепископов своих посылать на посвящение только в Москву.

В старые годы, при ослаблении власти княжеской в Новгороде вследствие постоянной борьбы многих князей-соперников, образовались здесь партии, также постоянно боровшиеся между собою; боярин, имевший средства платить многочисленным *вечникам* (крикунам на вече), мог отважиться на все, мог отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбления; иногда целые улицы, целые части города (концы) враждовали друг с другом, отстаивая того или другого вельможу; сила решала споры, предводитель победившей стороны достигал должности посадника и в этом звании позволял себе мстить тем гражданам, которые были против него. Что оставалось побежденным и слабым? Молчать и ждать благоприятных обстоятельств, ждать усиления своей стороны, ждать возможности собираться на вече в большом числе, низложить соперников и поступить с ними по их же примеру.

Так бывало прежде, когда великий князь был далеко, а наместников мало слушались. Но теперь, когда великий князь хотел и мог восстановить свое значение верховного судьи, теперь стороне угнетенной не нужно было долго дожидаться удобного случая к

низложению врагов своих: она могла требовать защиты и суда от великого князя. Так, когда посадник Ананьин с некоторыми другими боярами напал на враждебных ему людей и даже на целые улицы, пограбил их и побил несколько человек, то обиженные послали жаловаться на него в Москву. Вследствие этих жалоб Иоанн в 1475 году приехал в Новгород и потребовал на суд обвиненных; суд был по старой форме, в присутствии владыки и старых посадников, и найдено, что обвиненные действительно виновны; тогда великий князь велел сковать их и отправить в Москву. Многим понравилось искать защиты от обид на суде великокняжеском, и когда Иоанн возвратился в Москву, то и туда новгородцы начали ездить к нему на суд. Иоанн видел, что пришло время нанести последний удар.

Б. А. Чориков. Уничтожение Новгородской республики в 1478 г.

Однажды приехали в Москву двое послов новгородских и назвали Иоанна *государем,* тогда как прежде новгородцы называли великого князя только *господином.* Иоанн воспользовался этим и тотчас послал спросить новгородцев: на каком основании они называют его государем, какого хотят государства, хотят ли, чтоб у них был один суд государев? Новгородцы отвечали, что они не хотят ничего нового, хотят, чтоб все оставалось по старине. Но Иоанн говорил: «Я не хотел у них

государства, сами присылали, а теперь запираются, выставляют меня лжецом», – и объявил поход под Новгород. На этот раз Иоанн осадил Новгород без битвы; владыка Феофил явился просить мира, спрашивал, как великий князь хочет жаловать свою отчину. «Хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас в Москве, – отвечал Иоанн, – вечевому колоколу в Новгороде не быть, и государство все нам держать». Новгородцы, подумавши, согласились и 13 января 1478 года присягнули Иоанну как самовластному государю. Новгород, однако, не вдруг мог забыть свой прежний быт: происходили волнения, вследствие которых несколько тысяч лучших граждан были переведены в города восточной России, а на их место в Новгород переселены дети боярские и купцы из Москвы и других восточных городов. Колония новгородская Вятка, пользуясь отдаленным положением своим, хотела также быть независимою, позволила себе в некоторых случаях не слушаться великого князя: в 1489 году Иоанн отправил против нее большое войско под начальством князя Даниила Щени; вятчане принуждены были покориться и выдали троих главных зачинщиков неповиновения, которые и были повешены, остальные же лучшие люди были выселены и получили поместья на южной границе государства, а купцы поселены в Дмитров. Псков удержал на время свою старину, потому что постоянно старался угождать великому князю, покорностью утишать гнев его.

2. Власть Иоанна в Рязани

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени, потому что на самом деле беспрекословно подчинялась распоряжениям великого князя московского. Рязанский великий князь Василий, взятый малюткою в Москву при Василии Темном, вырос здесь и женился на сестре великого князя Иоанна. Василий умер, оставя двоих сыновей, Ивана и Феодора; последний, умирая бездетным, отказал свой удел дяде, великому князю московскому; старший, Иван, умер, оставя пятилетнего сына Ивана под опекою матери и бабки; эта бабка, великая княгиня Агриппина, слушалась во всем брата своего Иоанна III.

3. Покорение Твери

Вполне независимым великим княжением была Тверь; ее великий князь Михаил Борисович находился в мире и союзе с Иоанном до конца 1484 года; в это время в Москве узнали, что тверской князь начал держать дружбу с Казимиром литовским и женился на его внучке; в договоре с королем Михаил обязался стоять с ним заодно против всех без исключения. Это обстоятельство было явным нарушением обязательств, заключенных прежде с московским князем, и потому последний объявил Михаилу войну, которая началась опустошением Тверской области; Тверь одна не могла воевать с Москвою, литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был просить мира. Иоанн дал мир, потому что не любил ничего делать с одного раза, а приготовлял верный успех исподволь. Бояре тверские начали переезжать в Москву на службу к Иоанну, не могши сносить обид от него, потому что в спорах за земли между москвичами и тверичами если москвичи обижали, то тверичи не находили никакой управы, если же тверичи обижали, то Иоанн с бранью и угрозами посылал к тверскому князю, ответам его не верил, суду быть не позволял. Михаил Борисович опять завел сношения с Литвою; в Москве узнали об этом и стали собирать войско; испуганный Михаил напрасно присылал бить челом Иоанну, тот не хотел ничего слышать и осадил Тверь; Михаил ночью убежал в Литву, и Тверь присягнула Иоанну в 1485 году.

4. Присоединение удела Верейского

После Василия Темного кроме уделов, которые он раздал меньшим сыновьям своим, оставался еще один удел, Верейский, принадлежавший Михаилу Андреевичу, внуку Димитрия Донского. Этот старик Михаил Андреевич уступал всем требованиям Иоанна, отдавал все, чего только тот ни просил, и таким образом не представлял никакого предлога к присоединению Верейского удела к Москве. Предлог, однако, нашелся: великая княгиня, жена Иоаннова, выдав замуж племянницу свою за сына Михаила, Василия, дала ей в приданое некоторые вещи, которые потом понадобились Иоанну; узнавши, что они у Василия верейского, Иоанн рассердился, послал забрать у него все женино приданое, причем грозил посадить его в тюрьму вместе с женою; молодой князь испугался и убежал в Литву. Тогда Иоанн отобрал Верею у старика Михаила за вину сына его и хотя отдал назад, но только в пожизненное владение; по смерти Михаила Верея присоединена была к Москве.

5. Отношения Иоанна к родным братьям

С другими удельными князьями московскими, родными братьями своими, Иоанн жил мирно до 1472 года, когда умер старший из них по нем Юрий Васильевич дмитровский; Иоанн присоединил его удел к Москве, не давши ничего братьям; те рассердились, на этот раз, однако, дело кончилось перемирием, причем Иоанн дал братьям некоторые волости. Но потом неудовольствия возобновились, когда великий князь нарушил право бояр, членов дружины, переходить свободно от одного князя к другому; один из князей, находившихся в службе Иоанна, Оболенский-Лыко, недовольный великим князем, отъехал, по обычаю, из Москвы к брату Иоаннову князю Борису волоцкому. Но великий князь велел тайно схватить Оболенского и в оковах отвезти в Москву. Князь Борис, услыхав об этом, послал к брату Андрею углицкому с жалобою на старшего брата, и удельные решили защищать свои права. Собравши большое войско, они двинулись к литовским границам, чтоб там удобнее пересылаться с королем Казимиром; войско их сильно опустошило русские области, чрез которые проходило. Занятый войною татарскою, великий князь не мог развлекать своих сил еще войною с братьями и потому исполнил все их требования. Через десять лет после этого, осенью 1491 года, Иоанн велел братьям отправить воевод своих на помощь крымскому хану, на что имел полное право по договорам; князь Борис послал свои полки, но князь Андрей не послал. За это ослушание великий князь велел схватить Андрея, когда тот приехал в Москву; сыновья его были также схвачены и заключены в оковы, удел присоединен к Москве.

6. Брак Иоанна на греческой царевне и следствия этого брака

Кроме ссор с братьями Иоанна сильно беспокоила смута, происходившая в собственном его семействе. Иоанн в первый раз был женат на Марии Борисовне, дочери великого князя тверского, которая умерла в 1467 году. От этого брака Иоанн имел сына Иоанна, которого он, по примеру отца, назвал великим князем, так что грамоты писались от имени двоих великих князей, двоих Иоаннов. Но не прошло еще двух лет от смерти Марии, как началось сватовство великого князя на царевне греческой. После взятия Константинополя турками брат убитого на стенах его императора Константина, Фома Палеолог, нашел с семейством убежище в Риме; после него осталось здесь двое сыновей и дочь Софья, которую папа Павел II и предложил в супружество московскому великому князю, без сомнения желая воспользоваться случаем завязать сношения с Москвою и утвердить здесь свою власть посредством Софьи. Предложение было принято; в 1472 году Софья приехала в Москву и обвенчалась с великим князем. Кардинал, приехавший с нею, завел спор с митрополитом о необходимости для русской Церкви соединиться с Римом, но не мог переспорить русского книжника Никиту Поповича, которого выставил против него митрополит; и Софья не думала благоприятствовать видам папы, ее деятельность была обращена на другое. Племяннице греческого императора не нравилось, что муж ее, великий князь московский, не имел еще вполне царственного положения, был окружен боярами, которые не забыли еще недавней старины, когда они при малейшем неудовольствии могли отъехать от одного князя к другому, был окружен князьями, которые хорошо помнили, что они одного происхождения с великим князем и очень недавно были еще князьями владетельными. Эти князья и бояре заметили, что после брака на Софье Иоанн переменил с ними обращение, окружил себя небывалым прежде величием, заставил их держаться в почтительном от него отдалении, стал взыскателен и строг, отчего и получил прозвание Грозного. Князья и бояре приписали такую перемену Софье и сильно ее невзлюбили. Эта

нелюбовь особенно обнаружилась, когда возник вопрос о престолонаследии.

Б. А. Чориков. Венчание великого князя Ивана III с греческой царевной Софьей Палеолог

В 1490 году умер Иоанн Молодой, старший сын великого князя, он был уже женат на Елене, дочери господаря молдавского Стефана, и оставил малолетнего сына Димитрия. Но у старого великого князя

Иоанна был сын от Софьи, Василий, и вот рождался вопрос: кому наследовать великое княжение, сыну или внуку? Враждебные Софье вельможи стали на сторону Елены и сына ее Димитрия, и сначала им удалось одержать победу: Василий, обвиненный в заговоре против отца, был посажен под стражу; приверженцы его, люди все незнатные, казнены; великий князь удалился и от жены, которую стал подозревать в злых умыслах, и торжественно венчал внука Димитрия на великое княжение. Но торжество врагов Софьи было непродолжительно: она успела опять сблизиться с мужем, и следствием было, что страшная опала постигла две самые знатные фамилии, особенно близкие к великому князю и потому более других враждебные Софье, – князей Патрикеевых, литовских выходцев, потомков Гедимина, и родственников их, князей Ряполовских-Стародубских, потомков Всеволода III: Ряполовскому отрубили голову, Патрикеевых, отца и сына, постригли в монахи. После этого великий князь стал обнаруживать нерасположение ко внуку Димитрию, сблизился с сыном Василием, объявил его сначала великим князем Новгорода и Пскова, а потом посадил под стражу Димитрия и мать его Елену, а Василия провозгласил великим князем и самодержцем всея Руси.

7. Спадение татарского ига

Кроме влияния на дела внутренние Софья Фоминична, как говорят, требовала от мужа, чтоб он перестал быть татарским данником. Татарское царство в это время делилось на три независимые орды – Золотую, Казанскую и Крымскую. Хан Золотой Орды Ахмат не был доволен Иоанном за то, что тот не ехал к нему с поклоном и не удовлетворял его требованиям относительно дани; притом же польский король Казимир, не имея средств прямо бороться с Иоанном, подстрекал Ахмата, чтоб тот нападал на Московское государство и таким образом отвлекал внимание Иоанна от запада на восток.

А. Д. Кившенко. Иван III разрывает ханскую грамоту

Ахмат в 1472 году напал на московские границы со стороны Оки и, сжегши Алексин, удалился назад. В 1480 году, услыхавши о восстании братьев великого князя и сговорившись с Казимиром литовским

действовать заодно, Ахмат опять напал на московские владения, теперь уже со стороны реки Угры, и обнаруживал намерение идти далее, к самой Москве; Иоанн, сам крайне осторожный и уговариваемый двумя приближенными вельможами, Ощерою и Мамоном, опасался дать битву хану и хотел удалиться в северные области. Оставя войско на берегу Оки, он приехал в Москву, где был встречен сильным негодованием народа; митрополит и особенно ростовский архиепископ Вассиан уговорили Иоанна без боязни встретить Ахмата и дать ему битву. «Зачем боишься смерти? – говорил ему Вассиан, – ведь ты не бессмертен; а без року нет смерти ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки: увидишь, уклоню ли я лицо свое пред татарами!» Иоанн поехал опять к войску и завел переговоры с ханом; в это время получил он грамоту от Вассиана, который опять в сильных выражениях увещевал его не слушаться людей, советующих избегать битвы. Иоанн прервал переговоры, а между тем наступила осень, река Угра стала, и таким образом открывалась возможность татарам переправиться на другой берег; Иоанн велел своему войску отступать к Боровску, обещая дать битву татарам в окрестностях этого города; войско не отступало, а бежало, пораженное страхом, но татары не преследовали его, ибо начались лютые морозы, которые отняли у плохо одетых татар всякую возможность идти далее на север, где еще они должны были сражаться с войском московским. 16 ноября Ахмат ушел назад в степи, где в начале 1481 года был настигнут врасплох и убит Иваком, ханом Тюменской Орды.

8. Союз Москвы с Крымом

Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков Чингисхановых; после Ахмата остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарского оружия. Еще в княжение Василия Темного стала известна Крымская Орда, составленная Едигеем из улусов черноморских, но сыновья Едигеевы погибли в усобицах, и родоначальником крымских ханов был Ази-Гярей, от которого все его потомки назывались Гиреями. Сын Ази-Гиреев, Менгли-Гирей, по причине жестокой наследственной вражды с ханами Золотой Орды почел полезным для себя сблизиться с великим князем московским, чтоб вместе действовать против общих врагов; в случае изгнания от этих врагов Менгли-Гирей выговорил себе убежище у московского государя, который охотно принимал к себе татарских ханов для увеличения своего войска. Менгли-Гирей должен был готовить себе убежище на всякий случай и потому еще, что в 1475 году Крым был завоеван турками; Менгли-Гирей остался ханом, но в качестве подручника султанова и боялся, что в Константинополе могут когда-нибудь сменить его. Вражда Ахматовых сыновей с Менгли-Гиреем продолжалась, и московские войска ходили на помощь крымским; в 1502 г. Менгли-Гирей напал на последнего Ахматова сына, Шиг-Ахмета, и нанес его Орде тяжелый, окончательный удар; Шиг-Ахмет убежал в Польшу и там умер в темнице. Так окончилось существование Золотой Орды.

9. Подчинение Казани и завоевание Перми

Незадолго перед тем потеряла свою независимость и Орда Казанская. С начала своего княжения Иоанн все воевал с Казанью, несколько раз высылал против нее большое войско, которое, однако, возвращалось без значительных успехов; так шли дела до самой смерти хана Ибрагима, когда начались усобицы в Казани между двумя сыновьями его, Алегамом и Магмет-Аминем. Магмет-Аминь приехал в Москву, назвал Иоанна отцом себе и просил у него войска на старшего брата; это войско отправилось в 1487 году, осадило Алегама в Казани, и тот принужден был сдаться; на его место был посажен Магмет-Аминь как подручник великого князя московского. Иоанн распространил свою власть и на отдаленном северо-востоке, в странах, лежащих по обе стороны Уральских гор: в 1472 г. покорена Пермь; потом московские воеводы совершили несколько удачных походов за Уральские горы, в югорскую землю; русские суда явились на Иртыше и на Оби; дикие вогуличи принуждены были отказаться от нападений на русские области.

10. Войны с Литвою и Ливониею

Но важнее были дела на западе, где московский великий князь впервые после тяжелых времен Витовтовых начинает наступательное движение и высказывает мысль, что все западные русские волости должны принадлежать ему как потомку св. Владимира, а не князьям литовским. Не имея средств вести открытой войны с Москвою, король Казимир в сношениях своих с Новгородом и Ордой обнаруживал явную вражду к Иоанну и этим заставлял последнего принимать свои меры, искать союзников против Литвы: так, отправляя послов своих в Крым, он обыкновенно наказывал им стараться, чтоб Менгли-Гирей не заключал мира с Казимиром. Повод к неприязненным столкновениям между Литвою и Москвою подавали мелкие пограничные князья, большею частью потомки черниговских, из которых одни находились в зависимости от Москвы, другие – от Литвы; продолжая старые родовые усобицы, они беспрестанно ссорились между собою, переходили из литовского подданства в московское; так поступали князья Воротынские, Белевские.

Казимир жаловался, но войны не было до самой смерти его, случившейся в 1492 году; Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру – Литва. Иоанн немедленно послал воевод своих на Литву, настоял, чтоб и Менгли-Гирей послал туда же своих татар. Литве было трудно отбиваться от Иоанна и от Менгли-Гирея вместе; вельможи ее стали думать о мире с Москвою и, чтобы склонить Иоанна к уступкам, решили предложить ему брачный союз одной из дочерей его с великим князем Александром. Иоанн отвечал, что не хочет слышать о сватовстве до заключения мира, а для этого Литва должна уступить ему все его приобретения, которые увеличивались все более и более, ибо князья не переставали переходить из литовского подданства в московское с своими отчинами и воеводы Иоанновы не переставали забирать города Александровы; наконец литовский князь прислал в Москву великих послов и заключил мир на всей воле Иоанновой; город Вязьма, князья Новосильские, Одоевские, Воротынские и Белевские отошли к Москве с вотчинами; в договорной грамоте московский князь был написан государем всея Руси: Иоанн первый начал употреблять этот титул во

внешних сношениях, что очень не нравилось великим князьям литовским и королям польским, имевшим за собою много русских владений.

В 1495 году Александр женился на Елене, дочери Иоанновой, причем дал тестю обещание не принуждать жены к принятию римско-католического исповедания; Иоанн требовал также, чтоб Александр устроил для Елены домовую православную церковь в самом дворце, но Александр не хотел исполнять этого требования, также перестал называть тестя государем всея Руси и не хотел, чтоб при Елене оставались московские бояре. Все это повело к размолвке между тестем и зятем, а возобновившийся переход князей из литовского подданства в московское повел к открытой войне: так, перешел князь Бельский на том основании, что православные терпят в Литве большую нужду от католиков; за Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского, а именно князь Василий Иванович, внук Шемяки, и сын приятеля Шемякина, Ивана Андреевича можайского, князь Семен Иванович; Шемячич поддался с своими волостями – Рыльском и Новгородом Северским, князь Семен поддался с Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любечем; поддались и другие князья, менее значительные, – все по причине гонения за веру. Иоанн послал объявить Александру, что принял в службу можайского с Шемячичем, и в то же время послал складную грамоту, или объявление войны.

Война началась счастливо для Москвы. 14 июля 1500 года московское войско под начальством князя Даниила Щени встретилось у Дорогобужа, на речке Ведроше, с литовским войском, которое было под начальством гетмана князя Константина Острожского; благодаря тайной засаде, решившей дело, московские воеводы одержали решительную победу: гетман князь Острожский и другие литовские воеводы попались в плен; за ведрошскою победою следовала победа под Мстиславлем, где литовцы потеряли также много людей. После этого война продолжалась еще несколько лет; в ней принял участие ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг, который благодаря своей артиллерии разбил псковское и московское войско под Изборском, но потом русские ответили ему сильным поражением под Телмедом; в третьем сражении, на берегах озера Смолина, немцы, несмотря на малочисленность свою сравнительно с русскими, бились отчаянно,

устояли на месте, и Плеттенберг со славою отступил к своим границам, но со славою бесполезною, ибо орден не мог бороться с Московским государством даже в союзе с Польшею и Литвою. Александр литовский, сделавшийся по смерти брата, Яна Альбрехта, и королем польским, должен был просить мира у тестя; при посредничестве венгерского посла заключено было перемирие на шесть лет – от 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года; Александр уступил тестю земли всех князей, поддавшихся Москве, – стародубского, Шемячича и других. В то же время заключено было перемирие и с Ливонским орденом.

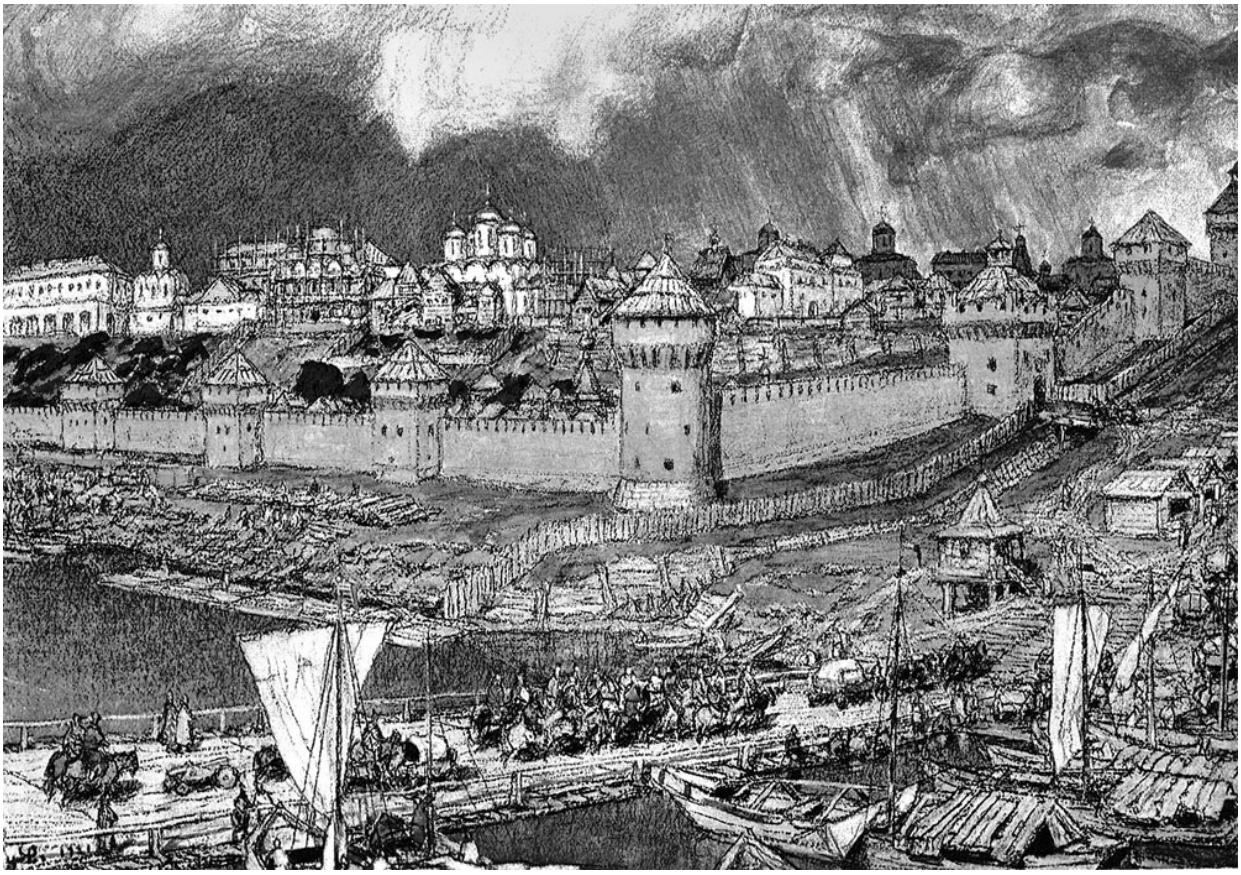
11. Отношения Москвы к другим государствам европейским

Кроме Литвы и Ливонского ордена на западе в Иоанново княжение велась еще война с Швециею в союзе с королем датским в 1496 году; война эта велась с переменным счастьем и кончилась, когда союзник московский, король датский, стал и королем шведским. В угоду тому же союзнику своему, королю датскому, врагу Ганзы, Иоанн велел схватить в Новгороде всех немецких купцов, отнять у них товары, гостиные дворы, божницу; этим был нанесен сильный удар торговле Новгорода и его благосостоянию. Кроме Дании при Иоанне начались сношения с австрийским домом, Венециею и Турциею; сношения с императором Фридрихом и сыном его Максимилианом кончились ничем по недостатку общих интересов; в Венецию Иоанн отправлял послов для вызова нужных ему мастеров; с султанами сносился для того, чтоб доставить русским купцам больше удобств в турецких владениях.

12. Кончина и завещание Иоанна III

Счастливый во все продолжение жизни своей, Иоанн перед смертью был огорчен печальною вестию, что подручник его, хан казанский Магмет-Аминь, свергнул это подручничество; Иоанн не мог наказать изменника: он умер 27 октября 1505 года на 67-м году от рождения, пережив вторую жену свою, знаменитую Софью, двумя годами. В завещании своем Иоанн поделил волости между пятью сыновьями: Василием, Юрием, Димитрием, Симеоном и Андреем, но старшему Василию дал 66 городов, и притом самых значительных, тогда как всем остальным четверым сыновьям вместе дал только 30 городов; право чеканить монету получил только один великий князь. Наконец, Иоанн III в своей духовной окончательно решает вопрос о выморочных уделах. «Если кто-нибудь из сыновей моих, – говорит он, – умрет, не оставив ни сына, ни внука, то удел его весь идет сыну моему Василию, а меньшие братья в этот удел не вступаются». Чтоб утвердить новый порядок престолонаследия, Иоанн при жизни своей заставил сыновей своих Василия и Юрия заключить договор, по которому Юрий обязался в случае смерти Василия не искать великого княжения под сыном его.

13. Внутренняя деятельность Иоанна III: вызов иностранных мастеров



А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

Прекращение дани, или *выхода,* в Орду, приобретение обширных и богатых земель, внутреннее спокойствие, благоприятствовавшее мирным промыслам и торговле, – все это увеличивало доходы Иоанна не в пример пред его предшественниками, и это увеличение доходов дало ему средства окружить себя царскою пышностью и украсить свою столицу Москву, до тех пор бедный город, наполненный почти исключительно небольшими и незатейливыми деревянными избами. Главным украшением города считался соборный храм, но Москва не могла похвастаться и своим Успенским собором, который, будучи построен при Калите, уже так обветшал, что своды тронулись, а потому

должно было подпирать здание толстыми деревянными столпами. В 1472 году эту ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но когда стали сводить своды, то здание рухнуло. Великий князь послал в Италию искать искусного архитектора, и привезли из Венеции Аристотеля Фиораванти, болонского уроженца, который согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья. В 1475 году начал Аристотель свои работы и в 1479-м кончил построение Успенского собора, и до сих пор существующего. Кроме Успенского собора другими мастерами были построены соборы Архангельский и Благовещенский, каменный дворец великокняжеский, несколько красивых башен; митрополит и богатые люди строили себе также каменные дома, и таким образом Москва, т. е. собственно Кремль, приняла другой вид. Отправляя послов своих к иностранным дворам европейским, Иоанн наказывал им добывать мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли отделить золото и серебро; добывать также мастера хитрого, который бы умел к городам приступать, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера, который бы умел большие сосуды делать и кубки, да чеканить бы умел и писать на сосудах; да лекаря доброго, который бы умел лечить внутренние болезни и раны. Судьба иностранных лекарей была незавидна в это время в Москве: одного умертвили за то, что не вылечил сына великокняжеского Иоанна Молодого; другого – за то, что не вылечил одного татарского князька.

14. Издание Судебника

В 1497 г. дьяку Владимиру Гусеву поручено было составить судебный устав, или Судебник. Здесь прежде всего определено, кто и как должен судить. Судья (боярин или сын боярский) не может судить один; при нем должны быть дворский, староста и лучшие люди; судьи, их тиуны и люди не должны брать *посула* (взятки). За двукратное воровство, разбой, душегубство, ябедничество, святотатство, похищение людей, подмет, зажигательство назначена смертная казнь. О наследстве определено так: если человек умрет без духовного завещания и не будет у него сына, то все имение и земля идут дочери, а не будет дочери, то наследует ближайший родственник.

15. Дела церковные

Русская Церковь во время Иоанна III боролась с опасною ересью жидовствующих. Эта ересь, отвергавшая таинство Св. Троицы, божество Иисуса Христа, необходимость воплощения, почитания угодников Божиих, икон, монашества, явилась в Киеве в половине XV века, а может быть, и ранее. Глава или член общества киевских еретиков жид Схария приехал из Киева в Новгород вместе с князем Михаилом Олельковичем и насадил здесь ересь. Первыми учениками Схарии были два священника, Дионисий и Алексей, наружное благочестие которых обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси; еретики отличались ученостью, имели книги, каких не было у православного духовенства, которое потому сначала и не могло успешно бороться с еретиками. Слава благочестивой жизни и мудрости двоих главных еретиков новгородских – Дионисия и Алексея достигла до того, что обратила на них внимание великого князя, когда он приехал в Новгород в 1480 году, и оба они взяты были в Москву; здесь они скоро распространили свое учение и между людьми знатными; в числе принявших это учение были симоновский архимандрит Зосима, дьяк Федор Курицын, известный своею грамотностью и способностями; наконец, невестка великого князя Елена, мать наследника престола. Когда новгородский архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде и начал преследовать там еретиков, то они бежали в Москву, где жили без всякого стеснения. Видя такое послабление еретикам в Москве, Геннадий призвал на помощь Иосифа, игумена и основателя Волоколамского монастыря.

Иосиф Санин, сын московского служилого человека, еще до двадцатилетнего возраста успел испытать свои силы в безмолвном иночестве, а потом поступил в монастырь Пафнутия Боровского. Избранный по смерти Пафнутия в игумены Боровского монастыря, Иосиф уже не был доволен его уставом и хотел ввести строжайший; когда братия не согласилась на это, то Иосиф оставил Пафнутиев монастырь и основал собственный в лесах волоколамских с самым строгим общежительным уставом. Такого-то человека, неутомимого в подвигах, строгого к себе и другим, способного неуклонно стремиться к своей цели, несмотря ни на какие препятствия, вызвал Геннадий на

борьбу с ересью, которая усиливалась все более и более. В 1489 году был посвящен в митрополиты тайный соумышленник еретиков симоновский архимандрит Зосима; по свидетельству Иосифа Волоцкого, в домах, на дорогах, на рынке все – иноки и миряне – с сомнением рассуждали о вере, основываясь на словах еретиков; Иосиф писал против них обличительные слова, собрание которых известно под именем *Просветителя,* требовал, чтоб архиереи отказались от всякого сообщения с митрополитом Зосимою; последний принужден был отречься от митрополии; но ересь не ослабевала, потому что находила себе подпору в самом дворце, в великой княгине Елене, на стороне которой были самые могущественные вельможи. Действуя против еретиков, следовательно, против Елены, Иосиф, естественно, должен был стать на сторону Софьи и ее сына, торжество которых над Еленою и ее приверженцами необходимо давало торжество православным над еретиками. Иосиф нашел доступ к великому князю и убедил его принять строгие решительные меры против еретиков: в конце 1504 года созван был собор, следствием которого было то, что главные из еретиков были сожжены, другие разосланы в заточение. Впрочем, удар, нанесенный ереси собором 1504 года, хотя был силен, однако не был окончательным, как увидим впоследствии.

Кроме борьбы против ереси жидовствующих Иосиф Волоцкий участвовал еще в решении важного вопроса о том, следует ли монастырям владеть населенными имениями. Вопрос этот становился все важнее и важнее, потому что служилые, или ратные, люди, которых число правительство старалось увеличивать, получали свое содержание от населенных земель, от наследственных (отчин) и жалуемых государем во временное владение (поместий); государю нужно было, чтоб таких земель, которые он мог раздавать в поместья, было как можно больше в его распоряжении; вместе с тем государю нужно было, чтоб служилые люди не уменьшали своих отчин, не уменьшали, таким образом, и средств к существованию и службе, а ратные люди уменьшали их, потому что имели обычай раздавать часть своих земель на помин души по монастырям. Вопрос о том, следует ли монастырям владеть селами, был поднят на соборе знаменитым отшельником Нилом Сорским (так названным по обители его на реке Соре, в 15 верстах от Кириллова Белозерского монастыря). Нил требовал, чтоб монахи жили по пустыням и кормились своими трудами; он смотрел на монастыри

как на общества людей, отрекшихся от мира и потому не могущих заниматься ничем мирским. Нила поддерживали пустынники белозерские, но Иосиф Волоцкий смотрел на монастырь как на общество, из которого должны выходить правители церковные. «Если у монастырей сел не будет, – говорил Иосиф, – то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять архиереев?» Мнение Иосифа Волоцкого превозмогло на соборе, и великий князь оставил дело, но вопрос не затих, как увидим после.

Кроме этих дел русская Церковь занималась при Иоанне III мерами для исправления нравственности духовенства и для просвещения его; новгородский архиепископ Геннадий, узнавши по опыту во время появления ереси жидовствующих, как необходимо просвещение для поддержания православия, поднял вопрос о необходимости училищ для духовенства.

Глава XXVI. Княжение Василия Иоанновича

1. Отношения Василия к боярам и дело о разводе

Мы познакомились с Василием Иоанновичем в то время, когда он вступил в борьбу за престол с племянником своим Димитрием. Мы видели, что во время этой борьбы вельможи стояли на стороне Димитрия, на стороне же Василия и его матери Софьи стояли люди незначительные по происхождению и сану, дети боярские и дьяки; видели также, что на стороне Василия стоял знаменитый противник жидовствующих Иосиф Волоцкий. Василий восторжествовал; противная ему сторона, лишенная вождей своих, Патрикеевых и Ряполовских, не могла по смерти Иоанна III обнаружить никакого движения против Василия в пользу Димитрия, и этот несчастный князь умер в тесном заключении в 1509 году. С торжеством Василия, разумеется, должны были восторжествовать люди, бывшие ему преданными во время жизни отца его; взявши престол с бою против сильных врагов, против вельмож, Василий не мог питать к ним расположения, должен был смотреть на них враждебно, удаляться от них; если вельможи жаловались и на Иоанна III, что он переменил обращение с ними, и приписывали перемену эту внушениям великой княгини Софьи, то еще больше стали жаловаться на сына Софьи: по их отзывам, при Иоанне III было им еще легко, Иоанн III еще советовался с ними и позволял противоречить себе, но Василий не допускал противоречий и решал дела без бояр у себя в комнате, с своими приближенными людьми, которыми были дворецкий Шигона Поджогин да человек пять дьяков, хотя по форме дела были отдаваемы на обсуждение совета из бояр, или, как тогда называли, *думы*. Таким образом, Василий, по словам одного умного и наблюдательного иностранца, Гёрберштейна, кончил то, что начато было отцом его, и властью своею над подданными превосходил всех монархов в целом свете, имел неограниченную власть над жизнью, имуществом людей светских и духовных; из советников его, бояр, никто не смел противоречить или противиться его приказанию. Первое место между боярами занимал сначала князь Василий Холмский, но, как видно, он пошел по следам Патрикеевых, потому что скоро был заключен в

тюрьму; боярину Берсеню отрезали язык за то, что он вздумал жаловаться на великого князя и на перемены, произведенные, по его мнению, Софьею; митрополит Варлаам был свергнут.

Великий князь Василий III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1584 г.

Но был еще жив сын знаменитого отца и сам знаменитый своим высокоумием, на которое жаловался Иоанн III, князь Василий Патрикеев, постриженный при Иоанне III под именем Вассиана, прозвище ему было *Косой.* Великий князь Василий, вероятно считая его безвредным для себя, позволил ему жить в Москве, в Симонове монастыре, и ласкал его как старца умного, начитанного и знатного по своему происхождению. Иночество не укротило Патрикеева, он продолжал ожесточенную борьбу с Иосифом Волоцким, который не переставал утверждать, что против оставшихся еретиков, жидовствующих, должны быть приняты самые строгие меры. Монахи Кириллова и вологодских монастырей и во главе их Вассиан Косой опровергали это мнение Иосифа. Иосиф умер в 1515 году; Вассиан Косой пережил его и продолжал воевать с его мнениями; так, он продолжал утверждать, что монастырям не должно владеть селами, причем нашел себе единомышленника в знаменитом Максиме Греке. Великий князь Василий просил афонские монастыри послать ему ученого монаха, способного исправить старые переводы церковных книг и сделать новые, и вследствие этой просьбы приехал в Москву Максим, албанский грек, путешествовавший по Европе, учившийся в Париже, Флоренции, Венеции. Максим оказал большие услуги русскому просвещению: переводил, исправлял книги, писал против разных суеверий, против сочинений, которые распространяли в народе разные сказки, наконец, сблизившись с Вассианом Косым, писал о том, что не следует монахам владеть селами. Но Максим и Вассиан не успели дать силы своему мнению, потому что оба подверглись беде по делу о разводе великого князя.

Великий князь Василий был женат на Соломониде из рода Сабуровых и не имел от нее детей. Таким образом, престол должен был достаться после него брату его Юрию Ивановичу. Но Василий жил очень недружно с этим братом и считал его и другого брата, Андрея, неспособными к управлению государством. Кроме того, если люди, которые не любили Василия, радовались, что место его заступит князь не столько строгий, умный и деятельный, то люди, всем обязанные Василию, должны были ждать для себя большой беды в случае беспотомственной смерти великого князя, ибо все преданные ему люди возбудили к себе сильную вражду в людях, недовольных им, а в том

числе и вражду братьев великокняжеских. Между самыми преданными Василию людьми находился и митрополит Даниил, взятый на митрополию из игумнов Иосифова Волоцкого монастыря и уже по этому самому неприятный Вассиану Косому и всей его стороне. Даниил разрешил великому князю развестись с Соломонидою и жениться во второй раз на Елене Васильевне, дочери литовского выходца князя Глинского.

Этот поступок Василия, разумеется, возбудил новое сильное негодование в людях, уже и прежде им недовольных; сильно вооружился против развода Вассиан Косой, и Максим Грек его поддерживал. Лишившись благосклонности великого князя вследствие этого сопротивления разводу, Вассиан и Максим были обвинены в церковных преступлениях и оба заточены; Вассиан умер в заточении, Максим пережил и великого князя, и митрополита.

2. Войны с Литвою

Такова была в княжение Василия борьба партий, служившая продолжением борьбы, начатой при отце его. Враги внешние надеялись, что эта борьба будет сильнее, опаснее для Василия, и хотели воспользоваться ею; великий князь литовский Александр и ливонский магистр Плеттенберг ждали с часу на час известий об усобицах в Москве и держали войско наготове. Но они обманулись в своих ожиданиях; в Москве все было тихо. Скоро сам Александр литовский умер (в 1506 году), и Василий московский хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литвы и западной России с Москвою; он послал сказать сестре своей, королеве Елене, чтоб она уговаривала литовцев признать его, Василия, своим государем. Но Елена отвечала, что королем польским и вместе великим князем литовским уже назначен брат Александров, Сигизмунд Казимирович. Впрочем, эта перемена в Литве не обошлась без сильной смуты и усобиц, которою в свою очередь хотел воспользоваться великий князь московский.

Любимцем покойного короля Александра был князь Михаил Глинский, проведший долгое время за границею, умевший везде приобрести расположение умом, образованностью, искусством в деле ратном. Сильная привязанность короля Александра к Глинскому, могущество и богатство последнего возбудили зависть и вражду в остальных панах литовских. Новый король Сигизмунд был уже предубежден против князя Михаила и явно склонялся на сторону врагов его. Тогда Глинский удалился от двора в свои имения и завел пересылку с великим князем московским, который обещал ему помощь на всех его неприятелей. В 1507 году начались неприятельские действия вступления московских полков в литовскую землю; Глинский волновал Русь и соединился с войсками Васильевыми; Сигизмунд не видел возможности кончить с успехом эту войну и решился прекратить ее важным пожертвованием с своей стороны, именно уступил Василию в вечное владение приобретения Иоанна III. Вечный мир, или *докончание,* как тогда называли, было заключено в сентябре 1508 года, причем Глинским и их приятелям выговорен был свободный выезд из Литвы в Москву.

Понятно, что Михаил Глинский не мог быть доволен этим миром: он потерпел полную неудачу в своих замыслах, принужден был покинуть родную страну, отказаться от богатых владений, за которые великий князь московский не мог вознаградить его ни обширными волостями, ни важным значением при дворе своем. Вот почему даровитый, ловкий и деятельный Глинский употреблял все усилия к возвращению себе прежнего положения, для чего должна была служить новая война Москвы с Литвою. Обстоятельства были благоприятны; Альбрехт, маркграф бранденбургский и вместе магистр Тевтонского ордена, готовился к войне с королем польским; император, другие князья немецкие и ливонские поддерживали Альбрехта. Поводом к войне послужил слух о неприятностях, которым подвергается сестра великого князя Елена в Литве, и старание короля Сигизмунда возбудить крымских татар против Москвы. Война началась в 1512 году; три раза Василий осаждал Смоленск, только в 1514 году 29 июля этот крепкий город принужден был к сдаче. Глинский надеялся, что великий князь отдаст ему Смоленск, но обманулся в своей надежде и, видя, что ему нечего больше ждать от Москвы, завел сношения с королем Сигизмундом, который охотно принимал его опять к себе в службу, но переговоры эти были открыты, Глинский схвачен и в оковах отвезен в Москву. Торжество взятия Смоленска было помрачено сильным поражением, которое потерпели московские войска у Орши 8 сентября 1514 года: здесь князь Константин Острожский, начальствовавший снова полками литовскими, отомстил москвичам за ведрошское поражение. Но король не мог извлечь для себя никакой пользы из оршинской победы, не мог возвратить себе Смоленска, приобретение которого для Василия служило достаточным вознаграждением за все потери. После оршинской битвы война продолжалась еще семь лет без всякого замечательного успеха с обеих сторон. Наконец в 1522 году заключено было перемирие, причем Смоленск остался за Москвою до заключения вечного мира, но вечного мира между Москвою и Литвою не увидят ни шестнадцатый, ни первая четверть семнадцатого века именно благодаря Смоленску, который обе стороны могли уступить навеки только в самой крайности.

3. Войны с Крымом и Казанью

Во время литовской войны Василий был в союзе с Альбрехтом, курфюрстом бранденбургским и великим магистром Тевтонского ордена, которому помогал деньгами для войны с Польшею; король Сигизмунд с своей стороны не щадил денег, чтоб поднимать на Москву крымских татар. Столько выгодный для Иоанна III союз с Крымом кончился в начале княжения сына его: Менгли-Гирей не боялся более остатков Золотой Орды, не видал беспокойства со стороны Турции, в Москве вместо знаменитого своим могуществом и счастьем Иоанна княжил молодой сын его, окруженный опасностями, не могший еще внушить варварам уважения и страха; притом Менгли-Гирей устарел, ослабел и был окружен толпою хищных сыновей, родственников и князей. Эта хищная толпа с жадностью бросилась на Сигизмундовы подарки, обещая ему за них опустошить московские владения, но крымцам было еще выгоднее брать подарки с обоих государств, Московского и Литовского, обещать свою помощь тому, кто больше даст, обещать помощь, а на самом деле, взяв деньги с обоих, опустошать владения обоих, пользуясь их взаимною враждою. С этих пор сношения обоих государств с крымцами представляют задаривание разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами.

Б. А. Чориков. Великий князь Василий Иванович обновляет союз с Крымом

Великий князь московский пытался было сдержать крымцев другим средством, именно старался заключить союз с султаном турецким, который как верховный повелитель мог запретить крымскому хану вторгаться в Россию, но султан постоянно отклонял предложение союза со стороны государя московского, потому что у

России с Турциею не могло быть никаких общих выгод; напротив, уже и в это время обнаруживались причины, которые должны были повести к сильной борьбе между этими государствами, а именно: Московское государство, усилившись, начало наступательное движение на татарские владения, обломки Батыева царства; но султан как глава магометанского мира не мог равнодушно видеть магометанские земли под зависимостью христианского государя, считал своею обязанностью защищать их от Москвы; на предложение тесного союза со стороны Василия султан прямо отвечал требованием, чтоб великий князь не трогал Казани; разумеется, великий князь не мог исполнить этого требования: какая же после того могла быть дружба у султана с государем московским?

Мы видели, что перед самою смертью Иоанна III казанский хан Магмет-Аминь изменил Москве, и потому первым делом Василия было смирить мятежника. Первый поход московского войска под Казань был неудачен; но когда в Москве начали готовиться ко второму, Магмет-Аминь прислал просить мира на прежних условиях, получил его и сохранял до самой смерти своей, последовавшей в 1518 году. Магмет-Аминь умер, не оставив детей, и рождался вопрос – кому быть ханом в Казани? Вопрос важный и трудный по отношениям к Крыму, потому что сын и преемник Менгли-Гирея, Магмет-Гирей, сильно хлопотал о том, чтоб все татарские владения находились в руках одного рода Гиреев крымских, чему, разумеется, Москва должна была препятствовать всеми силами. Великий князь Василий отдал Казань родовому неприятелю Гиреев, Шиг-Алею, внуку Ахматову, жившему в России. Но Шиг-Алей возбудил к себе нерасположение в вельможах казанских, которые составили против него заговор, снеслись с Крымом, и когда в 1521 году брат Магмет-Гиреев, Саип-Гирей, явился с крымским войском у Казани, то город сдался ему без сопротивления, и Шиг-Алей должен был уехать в Москву. В то же время Магмет-Гирей устремился к берегам Оки, опрокинул московских воевод и достиг до самой Москвы, а с другой стороны новый казанский хан, Саип-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимирскую, соединился с братом. Великий князь, застигнутый врасплох, уехал из Москвы на Волок Ламский собирать войско; впрочем, хан, обязанный своим успехом одной нечаянности, не мог долго оставаться под Москвою и удалился к Рязани; не могши взять и этого города, он вышел из русских

владений, выведши из них огромное количество пленных. Московский князь не мог отомстить крымскому хану, мог только предпринять меры осторожности против будущих нападений, но мог справиться с ближайшим соседом своим, казанским ханом: Гиреи были изгнаны из Казани, и великий князь послал туда ханом Еналея, брата Шиг-Алеева.

4. Присоединение Пскова, Рязани и северских княжеств

Таковы были внешние войны в княжение Василия; внутренних не было, потому что без войны присоединил Василий к Москве Псков, Рязань и северские княжества. Во Пскове граждане беспрестанно ссорились с наместниками великокняжескими по очень простой причине: наместники хотели поступать по московскому обычаю; псковичи московского обычая не знали и жаловались на притеснения. В конце 1509 года великий князь приехал в Новгород, вызвал туда на суд наместника псковского князя Репню-Оболенского, посадников и купеческих старост; когда посадники оказались виноватыми в глазах великого князя, то он задержал их, а псковичам послал сказать: «Если хотите прожить в старине, то должны исполнить две мои воли: чтоб у вас веча не было и колокол вечевой был бы снят, да быть у вас двоим моим наместникам: иначе много у меня силы готовой, и кровопролитие взыщется на тех, кто государевой воли не исполнит». Псковичи проплакали весь этот день и всю ночь, а на рассвете другого дня собрали в последний раз вече и сказали посланнику великокняжескому: «Волен Бог да государь в городе Пскове, в нас и в колоколе нашем; мы на государя рук поднять не хотим». 13 января 1510 года сняли вечевой колокол у Св. Троицы (соборная церковь во Пскове) и повезли к великому князю в Новгород; триста семейств лучших людей выведено было из Пскова в Москву, на их место приехали триста же купеческих семейств из десяти московских городов.

Рязань была присоединена также без больших затруднений. Мы видели, что Иоанн III распоряжался Рязанью во время малолетства великого князя ее Ивана Ивановича. Василий продолжал распоряжаться ею таким же образом. Когда великий князь рязанский вырос, то увидал себя не больше как наместником великого князя московского; ему оставалось на выбор: или добровольно сойти на степень служебного князя, или попытаться возвратить себе прежнее значение; он решился на последнее. Василию московскому дали знать, что великий князь рязанский вошел в сношения с крымским ханом; тогда Василий в 1517 году вызвал его в Москву, где его схватили и посадили под стражу, но в

1521 году, пользуясь нашествием Магмет-Гирея, рязанский князь успел убежать из Москвы и скрыться в Литву. С рязанцами, которые отличались смелым, беспокойным характером, было поступлено так же, как с новгородцами и псковичами: многочисленными толпами переселяли их в другие области.

В земле северской, признавая над собою верховную власть московского князя, владели два Василия, один – Семенович, внук Ивана можайского, князь стародубский, и другой – Иванович, внук Шемяки, князь Новгорода Северского. Эти князья давно уже питали друг к другу непримиримую ненависть и, не смея затевать явных усобиц, доносили друг на друга великому князю московскому. Шемячичу удалось выгнать своего врага из его отчины, которая была присоединена к Москве; но скоро после того Шемячич сам был позван в Москву и заключен в темницу, обвиненный в сношениях с Литвою.

Последний собиратель русской земли, великий князь Василий Иванович, умер в 1533 году, оставя двоих маленьких сыновей, Иоанна и Юрия; старшему, Иоанну, которого отец благословил на великое княжение, было только три года.

Глава XXVII. Царствование Иоанна IV Васильевича Грозного

1. Правление великой княгини Елены

Опека над малолетними сыновьями и управление государством во имя старшего из них принадлежали вдове Василиевой великой княгине Елене Васильевне. Тотчас после похорон Василия правительнице донесли уже о крамоле, поднятой некоторыми вельможами в пользу дяди великокняжеского Юрия Ивановича, которого по этому поводу схватили и посадили под стражу. В это время главными советниками Елены были двое вельмож: родной дядя ее, известный уже нам князь Михаил Глинский, который по случаю брака великого князя Василия на его племяннице был освобожден из темницы и приближен ко двору; вторым приближенным к правительнице лицом был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Глинский и Оболенский не могли ужиться в мире друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними: она выбрала Оболенского, и Глинский, обвиненный в властолюбивых замыслах, был схвачен и посажен в прежнюю свою темницу, где скоро и умер. Между вельможами происходило сильное волнение: некоторые из них бежали в Литву, другие были схвачены за соумышленничество с беглецами. Скоро потерял свободу и другой дядя великого князя, Андрей Иванович, князь старицкий. Нашлись люди, которые постоянно ссорили Андрея с Еленою: правительнице наговаривали, что Андрей недоволен, сердит на нее; Андрею говорили, что в Москве хотят его схватить; когда Елена послала звать Андрея в Москву для совещания о делах государственных, то он не поехал, сказавшись больным, а между тем из Старицы дали знать в Москву, что Андрей собирается бежать в Литву. Елена послала войско перехватить его; узнавши об этом, Андрей выехал из Старицы и бросился в новгородские области, где возмутил многих помещиков. Настигнутый войском великокняжеским, которое было под начальством любимца правительницы князя Телепнева-Оболенского, Андрей не вступил в битву и согласился ехать в Москву вместе с Оболенским, понадеявшись на обещание последнего, что там не сделают с ним ничего дурного, но Елена сделала строгий выговор Оболенскому, зачем давал обещание без ее ведома, и велела заключить Андрея в оковы.

Московские смуты возбудили надежды в короле польском Сигизмунде: он переменил тон в сношениях с малолетним государем

московским, и в 1534 году началась война с Литвою. Война эта, ведшаяся с переменным счастьем, не ознаменована была ничем важным и кончилась перемирием в 1537 году. В Москве спешили этим перемирием, чтоб иметь возможность управиться с Казанью и Крымом. Вследствие смены ханов, вследствие разных противоположных влияний, русского и крымского, в Казани образовались партии, из которых каждая ждала удобного случая низложить партию противную. В то время когда Москва была занята литовскою войною, крымская сторона в Казани увидела удобный случай свергнуть московского подручника Еналея; состоялся заговор, Еналей был убит, и ханом провозглашен Сафа-Гирей, царевич крымский, который тотчас же стал нападать на русские владения, а угрозы крымского хана удерживали правительство московское от решительных действий против Казани.

2. Правление боярское

В таком положении находились дела, когда скончалась правительница в апреле 1538 года, и правление за продолжившимся малолетством великого князя должно было перейти теперь в руки бояр. По отстранении Патрикеевых, Ряполовских и Холмских первое место между вельможами московскими занимали князья Шуйские, потомки тех суздальско-нижегородских князей, которые были лишены своих отчин великим князем Василием Димитриевичем, так долго не хотели покориться своей участи и только при Иоанне III вступили в службу московскую. Способности, энергия и честолюбие были наследственными в этом знаменитом роде; главою его в описываемое время был князь Василий Васильевич, который при великом князе Василии отличился защитою Смоленска от Литвы, причем обнаружил способность свою к мерам решительным и суровым. В седьмой день по кончине Елены Шуйские уже распорядились насчет ее любимца: князь Овчина-Телепнев-Оболенский и сестра его, мамка маленького великого князя, были схвачены и заточены, и заточение это было так жестоко, что Оболенский не мог перенести его.

Против Шуйского-Рюриковича поднялся было князь Иван Бельский-Гедиминович, родня, следовательно, Патрикеевым, но Шуйские были сильнее: несмотря на то что на стороне Бельского стоял митрополит Даниил, Бельский был заключен; митрополит остался нетронутым, но ненадолго: когда князь Василий Шуйский умер и значение его перешло к брату его князю Ивану, то новый правитель свергнул Даниила, на место которого был возведен Иоасаф. Этот митрополит недолго оставался на стороне Шуйского: в 1540 году он успел распорядиться так, что князь Бельский был освобожден, и Шуйский, застигнутый врасплох, должен был покинуть правление, которое перешло теперь к Бельскому и митрополиту Иоасафу. Правители поспешили освободить из темницы двоюродного брата Иоаннова, князя Владимира старицкого, сына несчастного Андрея, и возвратить ему отцовский удел. Несмотря на это, сторона их все была слаба в сравнении с стороною Шуйского, приверженцы которого составили заговор: Шуйский в начале 1542 года явился из Владимира в Москву с вооруженным отрядом; Бельский был схвачен, заточен на

Белоозеро и там умерщвлен, главные советники его разосланы; митрополит Иоасаф свергнут с бесчестием, и на его место возведен Макарий. Иван Шуйский недолго жил после этого; власть перешла в руки к родственнику его князю Андрею Михайловичу Шуйскому. Этому новому правителю показался опасен Федор Семенович Воронцов, который успел приблизиться к молодому государю и понравиться ему; в присутствии Иоанна Шуйские и советники их напали на Воронцова, чуть-чуть не убили его и послали в дальнюю ссылку, несмотря на просьбы великого князя.

3. Воспитание Иоанна и его первые самостоятельные действия

Иоанну исполнилось тогда уже 13 лет. Ребенок имел блестящие дарования, природу восприимчивую, легко увлекающуюся, страстную; эти последние качества если не были произведены, то, разумеется, были развиты до высшей степени воспитанием, обстоятельствами детства его. По смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах; перед глазами ребенка происходила борьба партий, и мы видели, в каких формах происходила эта борьба: прибить, оборвать противника, сослать его, умертвить с бесчестием верховного пастыря Церкви, митрополита, – вот чем оканчивалось дело; у ребенка-сироты отнимали людей самых к нему близких, которых он любил; перед ним нагло оскорбляли их, потом заточали, замучивали; перед ним Шуйские и друзья их позволяли себе оскорблять память отца его и матери, ибо мы знаем, как вельможи не любили великого князя Василия и вторую жену его.

Иоанн тем более оскорблялся этим, что хорошо понимал свое значение, понимал, что он государь, ибо те же самые люди, которые так оскорбляли его, пугали, не обращая никакого внимания на его слезы и просьбы, – те самые люди при известных церемониях, например при посольском приеме, стояли перед его престолом в виде покорных слуг. Таким образом, ребенок привыкал видеть в вельможах врагов своих, но удерживать их, бороться с ними на деле не мог; бессильный гнев, раздражение, досада оставались внутри его и портили его природу: ребенок затаивал месть до удобного случая; но как же он будет мстить своим врагам, как будет поступать с людьми ему неприятными? Разумеется, точно так же, как они сами приучили его, а они приучили его к насилиям, к немедленной, бессудной расправе с неприятными людьми. Как только Иоанн начал подрастать, в нем уже обнаружились дурные наклонности, он находил удовольствие мучить животных, а люди, которые должны были смотреть за ним, не останавливали его, позволяли ему делать все, что он хотел. Но скоро Иоанн принялся и за людей, и первою жертвою его был вельможа-правитель князь Андрей Шуйский. Озлобленный поступком Шуйского с Воронцовым, Иоанн

решился напасть врасплох на правителя, и в конце 1543 года, будучи тринадцати лет, он велел схватить его и убить. Родственники и приверженцы его подверглись опалам и казням впоследствии; не избежал казни и прежний любимец Иоанна, Воронцов, явившийся снова при дворе после казни Шуйского и хотевший занять его место, быть правителем, но Иоанн хотя по молодости не мог усердно заниматься делами, однако не хотел терпеть, чтоб кто-нибудь осмелился обнаружить желание располагать его волею, и, по примеру отца, стал приближать к себе людей незнатного происхождения – дьяков.

4. Принятие царского титула и женитьба Иоаннова

Вынесши из своего детства горькое чувство вражды к людям, которые похищали его права и неуважительно обходились с ним, смотря поэтому подозрительно на всех вельмож своих, Иоанн только и думал о том, как бы упрочить свою власть.

В начале 1547 года, будучи 16 лет, Иоанн короновался, но мало этого – принял титул царя, с которым соединилось понятие о власти более обширное, чем с прежним титулом великого князя. Скоро после Иоанн женился; выбор его пал на девушку из одного из самых знатных и древних московских боярских родов, именно на Анастасию Романовну, дочь умершего Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, предков которого мы видели на первом месте в княжение Василия Димитриевича, а брат его боярин Михаил Юрьевич был одним из близких людей к отцу Иоаннову великому князю Василию.

5. Пожары московские; Сильвестр и Адашев

В феврале 1547 года была царская свадьба; в апреле были два сильных пожара в Москве, а 21 июня вспыхнул такой страшный пожар, какого еще никогда не бывало в Москве, народу сгорело 1700 человек! Царь с царицею, братом и боярами уехал в село Воробьево. Но этим беда не кончилась: бояре сказали царю, что Москву сожгли злонамеренные люди, сожгли чародейством; царь велел разыскать дело; бояре собрали народ на площадь и стали спрашивать: кто зажигал Москву? В толпе закричали, что зажигали волшебством княгиня Анна Глинская с своими сыновьями. Чернь говорила это потому, что Глинские, родственники царя по матери, были самыми близкими к нему людьми; прислуга Глинских, пользуясь силою господ своих, притесняла простой народ, а Глинские ее не унимали. Родной дядя царский, князь Юрий Васильевич Глинский, услышавши о себе и о матери своей такие речи в народе, поспешил скрыться в Успенский собор, но бояре, злобясь на Глинских за их силу при царе, подожгли чернь; та бросилась в собор, убила Глинского, перебила множество его людей, разграбила двор; мало того, толпы черни явились в селе Воробьеве у дворца царского с криком, чтоб государь выдал им бабку свою княгиню Анну Глинскую и другого сына ее, Михайлу. Иоанн в ответ велел схватить крикунов и казнить; на остальных напал страх, и они разбежались.

Пожар и народное волнение произвели сильное впечатление на молодого царя, страстная природа которого была именно способна быстро принимать впечатления. Из молодого человека, преданного удовольствиям, он сделался набожен, серьезен, неутомим в занятиях делами государственными. Не доверяя по-прежнему людям знатным, он приблизил к себе священника придворного Благовещенского собора Сильвестра и Алексея Федоровича Адашева, ложничего своего, человека очень незначительного происхождения. Сильвестр как лицо духовное, как человек, отличавшийся пред другими нравственною чистотою, имел особенно сильное влияние на улучшение нравственности Иоанна. Прошло года два после пожаров; Иоанн, пылкий, не умевший сдерживать своих мыслей и чувств, захотел торжественно, пред целым народом, пред целою Россиею объявить, что он сам начал править государством, а потому прежние беспорядки и

насилия, бывшие следствием управления боярского, не повторятся более. Для этого в 1550 году он приказал приехать в Москву выборным из городов, и когда они съехались, то Иоанн в воскресный день вышел с крестами на Лобное место (возвышение на Красной площади) и после молебна обратился к митрополиту с описанием всех беспорядков, бывших во время его малолетства, во время управления боярского, объявил, что он нисколько не виноват в слезах и крови, пролитых в это время; потом, обратясь к народу, просил его забыть все прошлое, обещая с этих пор быть для всех судьею и защитником. В этот же день царь поручил Алексею Адашеву принимать просьбы от бедных и обиженных и выбирать судей справедливых. В том же году Иоанн занялся составлением нового Судебника, ибо старый Судебник деда его оказался недостаточным; а в следующем 1551 году царь созвал церковный собор, подал архиереям описание всех беспорядков церковных, для прекращения которых потребовал их содействия.

6. Покорение Казани

В это время, как молодой царь занимался такими важными делами внутренними, внимание его было обращено также на татарские царства – Казань и Крым. Мы видели, что в конце правления Елены оба этих царства соединились под властью одного дома Гиреев и потому стали очень опасны для Москвы. Сафа-Гирей казанский опустошал области Муромскую и Костромскую; Саип-Гирей крымский подходил к Оке со всею ордою. Но в Казани боролись друг с другом партии крымская и московская. Последней скоро помогло то обстоятельство, что, когда в Москве государь вырос и с чрезвычайным усердием стал заниматься делами правления, в Казани хан Сафа-Гирей умер, оставив престол сыну-младенцу. Дело кончилось тем, что казанцы отослали своего маленького хана в Москву и приняли к себе Шиг-Алея. Но Шиг-Алей, покорствуя Москве, возбудил против себя сильную ненависть в Казани. Ненависть к Алею и в то же время невозможность избавиться от него, невозможность бороться с Москвою внушили казанцам мысль подчиниться вполне царю московскому, лишь бы он вывел от них Шиг-Алея. Иоанн согласился, вывел Алея и отправил в Казань наместника своего, князя Микулинского. Все дело шло хорошо, казанцы спокойно начали присягать царю московскому, как вдруг трое знатных людей распустили слух, что русские идут, с тем чтоб всех их истребить. Народ взволновался, не пустил Микулинского в город, послал к ногаям просить себе в цари одного из тамошних владельцев и получил Едигера-Магмета.

Тогда Иоанн решился покончить с Казанью. 16 июня 1512 года он выступил в поход, но в самом начале пути получил весть, что крымский хан с большим войском идет к московским границам; Иоанн решил переправиться через Оку и встретить хана, но пришла весть, что крымцы не могли взять Тулы, были побиты на вылазке и бежали назад в степь. Избавившись таким образом от крымцев, Иоанн продолжал поход и 23 августа осадил Казань. У осаждающих было 150 000 войска и 150 пушек, но осажденные, несмотря на то что защищались только деревянными стенами, выставили отчаянное сопротивление, и только 2 октября Казань была взята приступом после страшной резни. С великим торжеством возвратился Иоанн в Москву – как завоеватель

татарского царства. Этот подвиг, свершенный с большими усилиями и трудностями, высоко поднял Иоанна в глазах современников и потомков, ибо это было первое завоевание, и, что всего важнее, завоевание татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей славное время первых князей-завоевателей. Впечатление, произведенное событием, усиливалось еще потому, что взятие Казани было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека: подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских. Наконец, взятие Казани было важно в том отношении, что открыло для русской торговли все течение Волги, дало возможность русским людям селиться на юго-востоке, в безлюдной, но богатой, плодоносной стране, орошаемой Волгою и ее притоками.

7. Покорение Астрахани

В области Казанского царства по обеим сторонам Волги, западной (горной) и восточной (луговой), жили разные дикие народы: черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры. После падения Казани эти народы долго не хотели подчиняться московскому владычеству; нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтоб усмирить их. В этой войне против Москвы принимали участие ногаи, подущаемые турецким султаном, который никак не мог равнодушно сносить того, что магометанские владения достаются христианам, и потому хотел, чтоб все ближайшие к Москве магометанские народы дружно и постоянно враждовали против нее.

Г. И. Угрюмов. Взятие Казани Иваном Грозным

Но к счастью для Москвы, народы эти не были способны к такому дружному и постоянному действию; ногайские князья ссорились друг с другом, и стоило одному из них вооружиться против Москвы, как другой враждебный ему князь начинал заискивать расположения московского государя. Один ногайский князь, Юсуф, был врагом Москвы. Другой, Измаил, – ее союзником. В 1553 году Измаил прислал просить Иоанна, чтоб он защитил его от астраханского царя Ямгурчея и посадил бы на его место в Астрахани прежде выгнанного оттуда царя Дербыша, жившего теперь в России. Вследствие этой просьбы весною

1554 года 30 000 русского войска под начальством князя Юрия Пронского поплыло Волгою под Астрахань и безо всякого труда овладело этим городом, где на место бежавшего Ямгурчея был посажен Дербыш. Новый хан обязался быть под рукою царя московского и платить ему дань, но недолго был ему верен, вступил в союз с Крымом и враждебными России ногаями, за что в 1556 году был изгнан, и Астрахань окончательно присоединена к Москве. Таким образом, русские люди утвердились и на устьях Волги. Из астраханского кремля московский воевода легко наблюдал за ногаями, которые просили только позволения кочевать безопасно под Астраханью, ловить рыбу на Волге и торговать беспрепятственно, а непрестанные усобицы между ними ручались и за будущую безопасность русского владычества в Астрахани.

8. Отношения к народам прикавказским и к Крыму

Утверждение на устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, то и бросились к нему с просьбами союза, свободной торговли в Астрахани, некоторые – с предложением подданства и, таким образом, незаметно волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на юго-восток, к Кавказу и за него. Крымский хан, не умевши помешать утверждению русского господства в Казани и Астрахани, сильно сердился, нападал на московские украйны; чтоб отвлечь его от этих нападений, Иоанн посылал свои легкие отряды Доном и Днепром опустошать крымские владения; начальник малороссийских казаков князь Димитрий Вишневецкий перешел из литовской службы в московскую и также действовал против крымцев.

9. Война с Швециею и Ливониею

Но не война с Крымом главным образом занимала внимание Иоанна: взоры его после взятия Казани были преимущественно устремлены на запад. Здесь сначала занимала его война с Швециею, начавшаяся в 1554 году вследствие пограничных ссор. Война эта не была ознаменована никакими важными действиями; шведский король, знаменитый Густав Ваза, начал ее, обнадеженный в помощи польской и ливонской, но помощь эта не приходила, и престарелый король принужден был искать мира в Москве. Царь позволил шведским купцам ездить чрез Россию в Индию и Китай, с тем чтоб русские купцы могли ездить из Швеции в Любек, Антверпен, Испанию, Англию и Францию.

Так, высказывалось стремление начать деятельные торговые связи с Западною Европою, но эти связи должны были зависеть от произвола соседних приморских государств, обыкновенно враждебных России; своих гаваней на Балтийском море у Московского государства не было. Это запертое положение было тем более нестерпимо, что чувствовалась сильная потребность в просвещении, которое начало тогда сильно распространяться в Западной Европе, а людей, которые бы могли принести это просвещение в Москву, ученых и художников, не пропускали враждебные соседи: они боялись, что Московское государство, и без того уже для них опасное, будет гораздо страшнее, если приобретет просвещение. Больше других боялось Москвы самое слабое из соседних государств – Ливонское; ливонцы более других хлопотали о том, чтоб науки не проникали в Москву, но этими поступками они, разумеется, усиливали только в московском правительстве желание приобресть балтийские берега и ускоряли, следовательно, падение своего государства.

Б. А. Чориков. Взятие Нарвы при Иване Грозном

Еще в 1547 году Иоанн отправил в Германию саксонца Шлитте с поручением набрать там как можно более ученых и ремесленников. Шлитте набрал с лишком сто человек и привез уже их в Любек, как ливонское правительство представило императору Карлу V опасность, какая может произойти от этого для Ливонии и других соседних стран, и достигло того, что Карл дал магистру Ливонского ордена полномочие не пропускать в Москву ни одного ученого и художника. Иоанн, занятый тогда важными делами на востоке, не мог отомстить Ливонии за это недоброжелательство, но когда потом, в 1554 году, ливонские послы приехали в Москву с просьбою о продолжении перемирия, то царь велел объявить им, что они прежде должны заплатить ему дань за Юрьевскую (Дерптскую) область, что они обязаны сделать по старым договорам с великими князьями русскими. Епископ дерптский обещал выплатить все недоимки и не исполнил обещания. Тогда в 1558 году русское войско вступило в Ливонию и страшно опустошило ее; были взяты Нарва, Нейгауз, Дерпт и другие, менее значительные города числом до 20.

Не будучи в состоянии противиться Москве собственными силами, магистр Кетлер обратился к соседним государствам с просьбою о помощи. Швеция и Дания, кроме бесполезного ходатайства за Ливонию

пред царем, не оказали никакой помощи, но Польша вступилась в дело. В ней царствовал в это время сын Сигизмунда I, Сигизмунд II Август; в 1559 году между ним и ливонским правительством заключен был договор, по которому король обязался защищать орденские владения от Москвы, и таким образом к войне ливонской присоединилась еще война польская.

10. Разрыв Иоанна с Сильвестром и Адашевым

Но в то время как в Ливонии шла эта знаменитая борьба, которая должна была решить самый важный вопрос для Московского государства, вопрос о непосредственном соединении с Западною Европою, – в это время во дворце московского царя произошла большая перемена. Мы видели, что Иоанн успокоился душевно, когда взял в свои руки правление и нашел в Сильвестре и Адашеве помощников, на достоинство нравственное и верность которых вполне полагался. Но скоро между ним и Сильвестром стали происходить неприятные столкновения. Сильвестр, привыкнув к тому, что Иоанн руководился его наставлениями относительно нравственного поведения своего, хотел, чтоб он слушался его в делах политических.

Так, например, Сильвестр с единомышленниками своими требовал, чтоб царь после завоевания Казани и Астрахани приступил к завоеванию третьего татарского царства, Крымского, но Иоанн понимал всю трудность завоевать Крым, отдаленный от Московского государства обширными степями, понимал всю невозможность удержать завоевание по этому самому отдалению и потому еще, что надобно было бороться с Турциею, которой в это время трепетала вся Европа. Иоанн хорошо понимал, что для того, чтоб Россия могла не бояться Востока, нужно было прежде всего усвоить себе западное просвещение, и поэтому Иоанн обратил все свое внимание на войну ливонскую, на приобретение прибалтийских областей. Сильвестр, раздосадованный тем, что Иоанн не принимает его мнения, начал толковать, что все неприятности, которые после того постигли царя, были наказанием Божиим за его упрямство, за то, что он продолжал воевать с Ливониею вопреки советникам своим; понятно, как тяжело становилось Иоанну иметь подле себя такого человека.

Кроме того, Сильвестр сблизился с вельможами, неприятными Иоанну по прежнему их поведению во время его малолетства, и при всех столкновениях их с царем брал их сторону; наконец, Сильвестр и Адашев с своими приверженцами соперничали с братьями царицы Романовыми и перенесли свою вражду на саму царицу, что, разумеется, не могло не оскорблять Иоанна, нарушая его мир семейный. Но все эти неприятные столкновения с Сильвестром не могли бы еще произвести

охлаждения царя к нему, если б одно несчастное событие не навело Иоанна на мысль, что Сильвестр и Адашев не имеют усердия к нему и его семейству. В 1553 году Иоанн опасно занемог, написал духовную и потребовал, чтоб двоюродный брат его князь Владимир Андреевич и бояре присягнули сыну его младенцу Димитрию; но Владимир Андреевич отказался присягать, выставляя собственные права свои на престол по смерти Иоанна и стараясь составить для себя партию; и когда некоторые верные Иоанну и семейству его вельможи вооружились за это против Владимира, то Сильвестр принял сторону последнего, а отец Алексея Адашева, Федор, прямо объявил, что они не хотят служить Романовым, родственникам царицы, которые будут управлять государством во время малолетства Димитрия. Больной Иоанн из своей спальни слышал, как в другой комнате бояре кричали: «Не хотим служить младенцу: нами будут владеть Романовы!» Иоанн выздоровел, и понятно, что он уже смотрел теперь другими глазами на Сильвестра и Адашева, хотя еще несколько лет оказывал им прежнюю доверенность в делах, но охлаждение царя к ним все более и более увеличивалось вместе с увеличением вражды между ними и царицею Анастасиею.

Наконец, в 1560 году последовало удаление Адашева и Сильвестра от двора; Адашев отправлен был воеводою в один из городов ливонских и там умер, Сильвестр удалился сначала в Кириллов Белозерский монастырь, а потом перемещен в Соловецкий. Вскоре после удаления Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасия: Иоанн остался одинок, не было более подле него людей, которых он любил и уважал, которые бы поддерживали его нравственно. Чтоб уйти от горя и одиночества, он стал предаваться развлечениям, шумным пирам; и страсти, развитые дурным воспитанием и заснувшие было с 1547 года, теперь пробудились; приверженцы Сильвестра и Адашева не хотели безмолвно смотреть на падение своей стороны, на перемену в поведении Иоанновом, хлопотали о возвращении вождям своим прежнего значения, – и некоторые из них были казнены, другие сосланы, с иных взяты письменные обещания не отъезжать в чужие земли.

11. Отъезд князя Курбского и его следствия

Вельможам, находившимся в Москве, трудно было отъехать; легче было сделать это воеводам, находившимся на границах в Ливонии; этим удобством воспользовался один из самых знаменитых воевод, князь Андрей Михайлович Курбский, и отъехал в Литву к королю Сигизмунду Августу, который принял его с честью. Курбский был в числе самых ревностных приверженцев Сильвестра и Адашева и вместе с этим пользовался особенным расположением Иоанна. Но когда Сильвестр и Адашев были удалены, когда опалы и козни постигли родственников и друзей их, то Курбский, боясь того же и себе, решился отъехать. Курбский принадлежал к числу образованнейших, начитаннейших людей своего времени; он не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном, и написал к нему укорительное письмо. Иоанн не выдержал и отвечал.

Краткое сказание Андрея
Курбского о житии и о
делех великого князя
Московского

Широко великое и многое хвалящее тво
рение прия и выбрать и понять
обе широты его и составить словеса о
нем коротце и нецелом и первое
сего славного и простого обоих
не было недостойно. Начнем же
о толиких словеса хвалящи
сего сложим. Широтою и высотою
и глубиною. Широтою убо
есть обычая. и имени и добрых
дел его обема сказатися. коли бо
писати вздумаем словеса многа
обыкновения ради. Паче же
ревнующе и завидующе бывших
похвалами и бывших

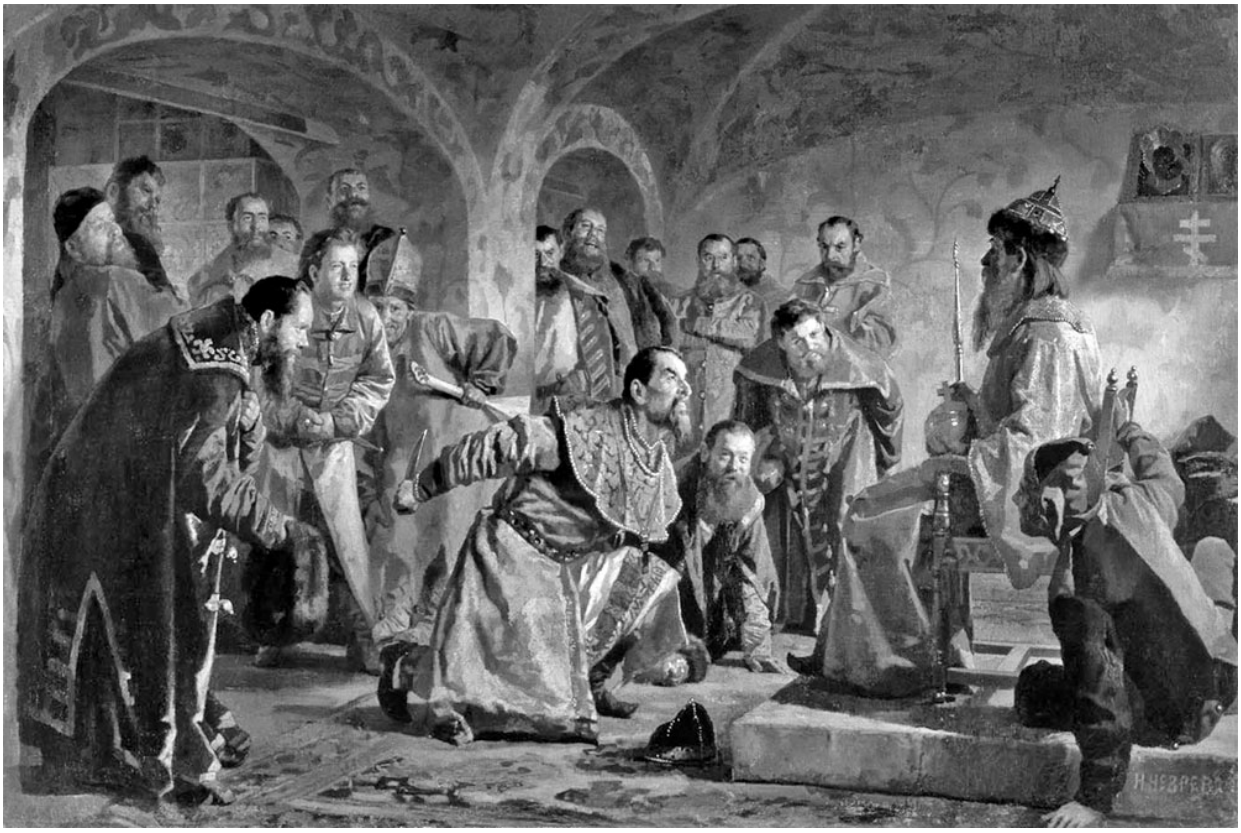
Рукопись послания А. Курбского Ивану Грозному

Началась любопытная переписка, из которой мы узнаем, как бояре и особенно князья смотрели на новый порядок вещей, установленный московскими государями, дедом и отцом Иоанновыми. Курбский в своих письмах вооружался против этого порядка, настаивал, что государь, по старине, должен обо всем советоваться с боярами, которые имеют право отъезжать от него; Иоанн в своих ответах защищал новый порядок, выставлял превосходство его пред старым. Кроме писем к Иоанну Курбский в Литве написал еще сочинение о современных событиях с целью оправдать, возвеличить свою сторону и обвинил во всем Иоанна; сочинение это так же любопытно для нас, как и переписка с царем.

Отъезд Курбского и переписка с ним дорого стоили Иоанну: приверженцы падшей стороны, Сильвестра и Адашева, не захотели беспрекословно сносить гонения: один из самых знаменитых между ними отъехал к враждебному государю, явился предводителем полков его в войне с Москвою и, что всего хуже, осмелился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщении. Курбский был представителем целой стороны; он упрекал Иоанна не за одного себя, но за многих. Если еще можно удержать вельмож от отъезда в Москве, во внутренних областях государства, то как удержать их на границе? Кого послать с войском? Но и внутри, если они уже так ожесточены и так их много, то где безопасность? Мысль: «Врагов много, я не в безопасности, нужно принять меры для спасения себя и своего семейства, в случае неудачи этих мер нужно приготовить убежище на чужбине», – эта мысль стала теперь господствующею в голове Иоанна.

12. Опричнина

Он стал готовиться к борьбе; прежде всего нужно было испытать силы противников, узнать, найдут ли они защиту в народе или выдаст их народ. 3 декабря 1564 года царь со всем семейством и казною выехал из Москвы в Александровскую слободу и ровно через месяц прислал в Москву две грамоты: в одной жаловался на вельмож и на духовенство, которое заступается за вельмож, не дает царю наказывать их за дурные дела, вследствие чего царь оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться; в другой грамоте, написанной к купцам и ко всем остальным жителям Москвы, царь писал, чтоб они ничего не опасались, гнева и опалы на них никакой нет. Когда эти грамоты были прочтены, то народ пришел в отчаяние: как ему остаться без царя? Кто защитит его от врагов?



Н. В. Неврев. Опричники

Все начали упрашивать митрополита, чтоб уговорил Иоанна не покидать государства, а за изменников они не стоят и сами их истребят, пусть государь правит как ему угодно. Иоанн согласился принять снова правление с условием, что будет расправляться с своими изменниками по своей воле и учредит *опричнину,* т. е. новый особый двор из людей, вполне ему преданных, на содержание которых должны быть назначены особые города и волости; в самой Москве взяты были в опричнину некоторые улицы и слободы, и в них ведено было жить только тем боярам, дворянам и приказным людям, которые были назначены в опричнину, а прежние обыватели переведены на другие улицы. Управление государством поручено было старым боярам, которые назывались *земскими;* только в случае военных вестей и дел чрезвычайной важности бояре эти приходили с докладом к государю. Таким образом, государство разделилось на две части – *опричнину* и *земщину,* между которыми, разумеется, не могло быть дружественных отношений, потому что опричнина учреждалась вследствие подозрительности и вражды царя к правителям земским. Опричнина представляла целую толпу временщиков, которые пользовались своим положением, пользовались доверенностью к ним царя, чтоб угнетать земщину безнаказанно.

Начались казни: несколько вельмож было умерщвлено, с других взято обязательство не отъезжать за порукою многих лиц разного звания. Враги Москвы хотели воспользоваться этою враждою царя к вельможам своим, и знатнейшим из этих вельмож вручены были грамоты от короля польского с приглашением перейти на его сторону. Дело это открылось и подало повод к новым казням. Митрополит Филипп не хотел равнодушно смотреть на такое кровопролитие и при встрече с царем в церквах обличал поведение его и опричников. Упреки святого мужа наводили раздумье на Иоанна; это раздумье было страшно опричникам, и они постарались оклеветать Филиппа; он был лишен митрополии и сослан в заточение в Тверской Отрочь монастырь, где впоследствии был задушен одним из самых приближенных опричников, Малютою Скуратовым. Это было в 1569 году; в том же году погиб и двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич, замышлявший, как говорят, поддаться королю польскому.

В следующем 1570 году разгромлен был Новгород Великий, ибо царю донесли, что новгородцы также хотят передаться Сигизмунду

Августу. По связи с делом новгородским были в Москве новые казни, и в числе казненных видим любимцев Иоанновых: Басманова, Вяземского. В 1571 году князь Иван Мстиславский дал запись, в которой говорил, что вместе с товарищами своими навел на Москву крымского хана; Мстиславский был прощен за поручительством 285 человек.

Подозрительность Иоанна к боярам земским увеличивалась все более и более, так что он прибегнул к странному средству: поставил над ними великим князем всея Руси Симеона Бекбулатовича, крещеного татарина, касимовского хана, а сам назывался государем, князем московским; княжение Симеона, впрочем, было недолговременно. Что Иоанн действительно считал себя и детей своих непрочными на престоле московском, доказательством служит завещание его, написанное в 1572 году. Здесь, обращаясь к сыновьям своим, Ивану и Феодору, царь говорит, что он изгнан от бояр ради их самовольства и скитается по странам; уговаривает сыновей, чтоб они не разделялись до тех пор, пока старший, Иван, не сломит всех крамол и не утвердится на престоле; просит сыновей поминать его, если даже в гонении и изгнании будут. Это завещание важно тем, что в нем Иоанн совершенно подчиняет младшего сына старшему, младший должен был страдать до крови и до смерти, но не прекословить старшему; младший не должен был также думать ни о какой самостоятельности в своем уделе.

13. Война с Ливониею и Польшею

В то время как эти печальные явления происходили внутри Московского государства, на западе шла важная война ливонская, соединившаяся, как мы видели, с войною польскою. Союз с Польшею не принес магистру Кетлеру никакой выгоды: русское войско продолжало опустошать Ливонию, брать города, разбивать малочисленные немецкие отряды, которые осмеливались выходить к нему навстречу. Орденские владения распадались: эзельский епископ продал этот остров датскому королю Фридриху II, который отдал его брату своему Магнусу: ревельцы поддались Швеции; наконец, в 1561 году Кетлер уступил Ливонию Польше, а сам взял себе Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с вассальными обязанностями к Польше; война у Москвы с Литвою началась, по обычаю, опустошительными набегами, но в начале 1563 года сам Иоанн с большим войском и нарядом (артиллериею) двинулся к литовским границам и взял Полоцк – город, важный сам по себе и особенно по отношению к Ливонии, по торговой связи его через Двину с Ригою; большая победа, одержанная литовцами недалеко от Орши, на реке Уле, у села Иванцева, не могла вознаградить короля за лишение Полоцка, и он просил перемирия, уступал все города и земли, занятые московскими войсками.

Для решения этого важного вопроса – мириться с королем или нет? – Иоанн созвал большой, небывалый собор. До сих пор государи советовались о делах с вельможами; в делах важных призывалось на совет, в *думу,* и знатнейшее духовенство, но теперь в 1566 году Иоанн велел собрать духовенство, бояр, дворян, помещиков с западных литовских границ как людей, которым знакомы местные отношения, дьяков, знатнейших купцов московских и смольнян, предложил им условия, на которых хочет помириться с королем, и спрашивал их совета. Собор отвечал, что надобно добывать всю Ливонию, и война продолжалась; только в 1570 году заключено было перемирие на три года. Между тем Иоанн видел, как трудно овладеть приморскими городами Ливонии, и потому, чтоб облегчить это дело, хотел дать Ливонии немецкого правителя, который бы вошел в вассальные отношения к царю московскому, как герцог курляндский к польскому

королю. Он предложил датскому принцу Магнусу, владетелю Эзеля, быть таким королем ливонским. Магнус согласился, в 1570 году приехал в Москву и объявлен был женихом племянницы царской, дочери казненного Владимира Андреевича Старицкого.

14. Войны с Крымом и Турциею

Обративши все свое внимание на Ливонию, Иоанн хотел быть спокоен со стороны Крыма. Но Крым не мог оставить его в покое, тем более что султан турецкий никак не хотел отказаться от намерения отнять у московского царя Казань и Астрахань, а польский король подарками побуждал хана напасть на московские украйны, да и сами татары понимали, что опасно для них давать усиливаться Иоанну на счет польского короля; вельможи крымские на совете говорили хану: «Помириться тебе с московским – значит короля выдать; московский короля извоюет, Киев возьмет, станет по Днепру города ставить, и нам от него не пробыть. Взял он два юрта бусурманских, взял немцев; теперь он тебе подарки дает, чтоб короля извоевать, а когда короля извоюет, то нашему юрту от него не пробыть. Он и казанцам шубы давал; но вы этим шубам не радуйтесь: после того он Казань взял». Султан Селим решился наконец исполнить давнее намерение турецкого правительства – отнять у московского царя магометанские юрты – Казань и Астрахань; летом 1569 года паша Касим выступил в поход с 17 000 турок, с ним соединился хан крымский с 50 000 татар; положено было идти к Переволоке, т. е. к тому месту, где Дон находился в ближайшем расстоянии от Волги, соединить эти две реки каналом и потом взять Астрахань. Достигши Переволоки, турки начали было рыть канал, но не могли окончить этого дела и пошли к Астрахани, под которою Касим хотел зимовать, но войско этого не хотело и взволновалось, особенно когда узнали о приходе московских воевод в Астрахань с большим войском, и Касим принужден был бежать назад степью, причем сильно истомил свое войско.

Б. А. Чориков. Царю Ивану Грозному вручают военные трофеи, взятые у Девлет-Гирея князем Воротынским

Иоанн избавился от турок, но не избавился от крымского хана, который не переставал требовать Казани с Астраханью и в 1571 году с 120 000 войска напал на московские украйны врасплох; проведенный изменниками, он переправился через Оку, явился перед Москвою и сжег ее, уцелел один Кремль; говорят, при этом пожаре погибло народу до 800 000 человек; кроме того, татары вывели пленными 150 000 человек. Хану понравились такие походы, и в следующем 1572 году с

таким же большим войском он опять переправился через Оку, но был настигнут московским воеводою князем Михаилом Ивановичем Воротынским на берегу Лопасни; здесь произошло несколько сильных схваток, которые все окончились неудачно для хана, и он принужден был бежать назад, потерявши много войска.

15. Несчастная война с Баторием и шведами

Между тем в западной России происходили важные события. Мы видели, что со времен Ягайла поляки хлопотали об окончательном слиянии Литвы и западной России с Польшею, но встречали в Литве постоянное сопротивление своим намерениям. Полякам особенно хотелось прикрепить себе благословенные природою русские области: Подолию, Волынь, Малороссию, и за эти-то области у них шли сильные распри с литовцами. При бездетном и безродном Сигизмунде Августе, которым оканчивалася ягеллонская династия, вопрос о соединении Литвы с Польшею поднялся с новою силою и решен был на Люблинском сейме в 1569 году. Литовцы сначала и тут сильно упорствовали, но потом должны были согласиться на соединение (унию), когда увидали, что не поддерживаются русскими, а русским было все равно, быть ли в соединении с Литвою или Польшею, ибо литовские вельможи вели себя в отношении к русскому народонаселению вовсе не так, чтоб могли заслужить его привязанность.

Правление теперь неразрывно соединенных Польши и Литвы объявлено избирательным, и когда Сигизмунд Август умер, то взоры очень многих, особенно в литовско-русских православных областях, обратились к Москве. Давши знать Иоанну о смерти Сизигмунда Августа, паны польские и литовские тут же объявили ему о желании своем видеть второго его сына, царевича Феодора, королем польским и великим князем литовским. Но Иоанн не хотел давать сына в короли, хотел сам быть королем, и не столько хотел быть королем польским, сколько великим князем литовским без Польши. Иоанн медлил, не отправлял своих послов на сейм, не хотел унизиться до ласкательств и задаривания вельмож, а французский посол не щадил ни лести, ни обещаний и успел составить сильную сторону, которая провозгласила королем Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX. Но Генрих недолго нацарствовал в Польше: получив известие о смерти брата, он тайком убежал из Польши во Францию, и в Польше опять должны были начаться выборы.

На этот раз Иоанн отправил своего посланника с грамотами к знатнейшим панам с обещаниями наград в случае его избрания, но

одних обещаний частным лицам было мало; когда послы других соискателей распространились насчет выгод, какие Польша и Литва получат от избрания, никто не слыхал, какие выгоды получат они от избрания царя московского. Избран был Стефан Баторий, воевода трансильванский (1575 г.).

Между тем Иоанн упорно продолжал войну в прибалтийских областях; здесь к войне с поляками присоединилась и война со шведами, ибо царь хотел также добыть и Ревель с другими эстонскими городами. В 1577 году ревельцы отбили русских от стен своих, но сам царь совершил удачный поход в Ливонию: город за городом сдались царю и его воеводам, с одной стороны, королю Магнусу – с другой. Но с отбытием царя дела переменились. Поляки и шведы взяли верх, в 1578 году нанесли русским сильное поражение близ Вендена, причем погибло четверо царских воевод; король Магнус, уже женившийся на царской племяннице, передался полякам. Следующий 1579 год долженствовал быть решительным для Ливонии: Иоанн готовился к новому походу; в Псков уже привезли тяжелый наряд (артиллерию), назначенный для осады Ревеля, но этот наряд получил другое назначение: враг явился на русской почве.

Стефан Баторий, вступая на престол, обещал возвратить Литве области, завоеванные у нее московскими государями, и хотел сдержать обещание. Кроме личных достоинств, достоинств полководца искусного, средства к успеху у Батория были: искусная, закалившаяся в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество пред врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения, наконец, над врагом, в искусстве ратном далеко отставшим от западных соседей своих, ибо до сих пор почти во всех значительных битвах в чистом поле русские войска оставались побежденными. Иоанн думал, что война, предпринятая за Ливонию, будет ведена в Ливонии, и потому отправил большое войско туда, но Баторий летом 1579 года осадил Полоцк и взял его после упорного сопротивления, взял крепость Сокол также с страшною резнею; в 1580-м взял Велиж, Усвят, Великие Луки.

С другой стороны шведский полководец Делагарди вошел в Карелию, взял Кексгольм и удачно действовал против русских владений в Эстонии. В 1581 году Баторий взял крепость Остров и осадил Псков,

под стенами которого и остановились его успехи. Псков славился как первая крепость в Московском государстве, ибо в продолжение целых веков главною заботою псковичей было укрепление своего города, подверженного беспрестанным нападениям немцев; теперь обветшавшие укрепления были возобновлены, город снабжен артиллериею, воеводою был князь Иван Петрович Шуйский, человек энергический, способный вдохнуть мужество в войско. Все приступы Батория были отбиты. Но зато с другой стороны удачно действовали шведы: Делагарди взял Нарву, где погибло 8000 русских, взял русские города Иван-город, Ям, Копорье. В таком положении находились дела, когда начались мирные переговоры с Баторием при посредничестве папского посла иезуита Антония Поссевина.

Иоанн, угрожаемый опасною войною с Баторием, отправил к папе Григорию XIII посла с грамотою, в которой жаловался на Батория и объявлял желание быть с папою и императором германским в согласии на всех недругов. Григорий воспользовался случаем и отправил в Москву иезуита Антония Поссевина, которому наказал внушить московскому государю мысль о необходимости принять католическое исповедание. Но Поссевин, поговоривши с Иоанном, увидал, что мало надежды склонить его к принятию католицизма, и потому во время мирных переговоров явно держал сторону Батория. Переговоры эти, ведшиеся в деревне Киверова Гора, недалеко от Запольского яма, кончились в январе 1582 года тем, что заключено было перемирие на 10 лет, причем Иоанн уступил Баторию все свои завоевания в Ливонии, равно как и Полоцк. Поссевин, приехавший в Москву по заключении перемирия, настоял, чтоб царь имел с ним разговор о вере, но разговор этот кончился ничем: Иоанн никак не убедился в необходимости принять католицизм.

16. Сношения с Англиею

В 1583 году заключено было трехлетнее перемирие и с шведами, за которыми остались русские города Ям, Иван-город, Копорье. Иоанн потерял надежду получить какой-либо успех в войне с европейскими народами до тех пор, пока русские не сравняются с ними в искусстве ратном. Иоанн не оставлял мысли о возвращении прибалтийских берегов, но был убежден, что достигнуть этого можно было только в союзе с каким-нибудь европейским государством, которое бы снабдило Россию плодами западного искусства.

Эта мысль всего яснее видна из переговоров Иоанна с Елисаветою, королевою английскою. Еще в 1553 году один из английских кораблей, отправившихся для открытия новых стран на севере и новых рынков для сбыта английских товаров, явился в устье Северной Двины, вследствие чего заведена была торговая связь у англичан с русскими. Иоанн дал большие права английским купцам и находился в дружеских отношениях с знаменитою королевою Елисаветою, у которой надеялся найти убежище в случае, если враждебные вельможи изгонят его из России. В 1582 году он завел переговоры с Елисаветою о союзе России с Англиею против Польши и готов был уступить англичанам право исключительной торговли в России, – что, по его собственным словам, было тяжелее дани, – лишь бы только приобресть союз европейского государства против Польши и Швеции, отнявших у него Ливонию. Но Англия не имела никакой причины начинать войну с Польшею и Швециею за Московское государство, и потому переговоры кончились ничем.

17. Строгановы и Ермак

Таким образом, мы видим, что, сколько войны Иоанна IV были удачны на востоке, столько же были неудачны на западе; на востоке он является завоевателем царств, на западе он не только теряет все свои завоевания, не только должен отказаться от любимой мысли приобресть гавани на Балтийском море, но и должен был уступить шведам старинные русские города. Это происходило оттого, что Россия XVI века превосходила народы восточные и отставала от народов западных в просвещении и ратном искусстве. Так и в то время, когда Иоанн терял земли на западе, на востоке русские люди перешли через Уральские горы и положили начало утверждению своему в Северной Азии. По обширности пустынных земель в России князья наши издавна с большою охотою уступали большие земельные участки людям, бравшимся населить их, и давали большие права этим населителям.

Б. А. Чориков. Послы Ермаковы бьют челом Ивану Грозному

В 1558 году богатый землевладелец и промышленник Григорий Строганов выпросил у Иоанна IV пустые земли по реке Каме на 146 верст, с тем чтоб поставить здесь городок для обереганья от варварских орд, призвать людей, завести хлебопашество и соляные варницы, что все и было исполнено. Утвердившись по эту сторону Уральских гор, Строгановы обратили внимание и на земли зауральские, на Сибирь, и так как сибирский султан Кучум действовал враждебно против Московского государства, то Строгановы просили у царя позволения поставить крепости по реке Тоболу и по рекам, в нее впадающим, сторожей нанимать, пушки держать на свой счет, железо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владеть. Иоанн дал им и на это право, право вести не только оборонительную, но и наступательную войну с сибирским султаном.

Но для войны нужно было войско, и войско нашлось. Число казаков в донских степях увеличивалось; уходя все дальше и дальше в степь, они все более и более слагали с себя зависимость от государства, и, нападая на врагов России, ногаев, крымцев, они в то же время не щадили и своих, русских: разъезжая по Волге, грабили суда царские, разбивали персидских и бухарских послов и купцов русских. Царь принужден был выслать против них воевод с большим войском; казаков ловили и казнили, другие разбежались, и одна толпа их под начальством атамана Ермака Тимофеева отправилась вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу и согласилась с радостью. 1 сентября 1581 года Строгановы – Семен, брат Григория, с двумя племянниками Максимом и Никитою – отпустили на сибирского султана казаков, придавши к ним ратных людей из городков своих – литовцев, немцев (пленных), татар и русских; всего войска было 850 человек.

Ермак, плывя преимущественно по рекам, добрался благополучно до сибирской страны и начал удачно действовать против татар, не имевших огнестрельного оружия. Хан Кучум, не успевший остановить казаков ни войском, ни засеками, бросил свой город Сибирь, который занят был Ермаком; храбрый родственник Кучума, Маметкул, который старался вредить завоевателям нечаянными нападениями, был разбит и взят в плен. Лето 1582 года Ермак употребил на покорение городков и улусов татарских по рекам Иртышу и Оби и, возвратившись в Сибирь, послал в Москву известить царя о покорении сибирской земли. Иоанн

послал за это казакам свое полное большое жалованье, а для принятия у них сибирских городов отправил воевод своих. Это распоряжение царя относительно Сибири было последнее: он не дождался вестей о судьбе Ермака.

В. Г. Шварц. Иван Грозный у тела убитого им сына

18. Кончина Иоанна

Страшная жизнь, какую вел Иоанн, страшная болезнь, которою страдал он, должны были состарить его преждевременно; неудачи последних войн также не могли не действовать разрушительно на его здоровье; наконец, сюда присоединялось невоздержание всякого рода, против которого не могло устоять и самое крепкое телосложение. После смерти Анастасии Иоанн женился шесть раз, причем два раза без венчания церковного. В седьмой раз он был женат на Марье Федоровне Нагой, от которой имел сына Димитрия, но перед смертью он думал развестись с нею и сватался на англичанке, родственнице королевы Елисаветы. Привычка давать волю гневу и рукам не осталась без страшного наказания: в конце 1581 года, рассердившись за что-то на старшего сына своего Иоанна, царь ударил его, и удар был смертельный. Не с большим через два года умер и сам Иоанн, 18 марта 1584 года, на 54-м году жизни.

19. Внутренние распоряжения Иоанна IV: распоряжения его относительно местничества и военного устройства

Долговременное царствование Иоанна IV кроме характера государя, его отношений к вельможам и важной воинской деятельности на востоке и западе замечательно и внутренними правительственными распоряжениями. Иоанн обратил свое внимание на явление, которое, коренясь в народном быту, усиливалось все более и более и представляло правительству сильные затруднения, особенно во время войны, – то было *местничество*. Мы видели, как долго у нас княжеский род сохранял единство; такие же понятия о родовом единстве господствовали и между членами частных родов, а вследствие этого человек, подвигавшийся вперед на службе, с тем вместе подвигал, возвышал целый род свой, иногда чрезвычайно обширный, состоявший из многих фамилий, и человек, понижавшийся на служебном поприще, с тем вместе понижал целый род свой, целому роду наносил бесчестье, или поруху, как тогда говорили. Отсюда главною заботою каждого служилого человека при назначении его на службу в младших товарищах с кем-нибудь или под начальством чьим-нибудь было осведомиться, можно ли ему быть в младших товарищах или в подчинении у известного лица без унижения своему роду, и если узнавал, что нельзя, то подавал просьбу, что вместе с таким-то быть не может.

Например, князь NN назначался в младших товарищах с князем MM; но князь NN узнал, что в одном из прежних походов дед его, князь NN, занимал высшее место пред дедом князя MM и, следовательно, род NN был выше рода MM, потому теперь князь NN никак уже не хотел быть ниже князя MM, ибо не хотел взять на себя ответственности перед целым родом своим, который он понизил бы, если бы согласился быть ниже MM: тогда все члены рода MM стали бы пользоваться этим случаем, чтоб выставлять свое преимущество пред членами рода NN. Средством для служилых людей узнавать, когда, кто, с кем прежде был в какой службе, были *разрядные* книги, куда вписывались все служебные назначения и все местнические случаи, к которым подавали

повод эти назначения. Разрядные книги велись самим правительством и частными людьми именно на случай местнических споров. Местничались воеводы по полкам, по городам, местничались царедворцы в придворных церемониях, местничались женщины за столом у царицы.

Иоанн ограничил число случаев, когда воеводы разных полков могли местничаться; потом уничтожил право молодых служилых людей знатного происхождения местничаться с воеводами менее знатного происхождения; право местничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами. При Иоанне положено основание постоянному войску учреждением стрельцов; для безопасности южных степных границ устроена станичная и сторожевая служба: отряды вооруженных людей должны были стоять на известных местах в степи, на сторожах, сменяя друг друга; другие отряды, или станицы, должны были разъезжать по степи в определенных направлениях и наблюдать, не покажутся ли где татары.

20. Распоряжения относительно городского и сельского народонаселения

Еще в малолетство Иоанна Грозного, во время боярского правления, произошла важная перемена в управлении городском и сельском: жители городские и сельские получают от правительства позволения сами ловить, судить и казнить воров и разбойников, для чего должны ставить себе в головах детей боярских, присоединяя к ним старост, десятских и лучших людей. Иоанн, получая беспрестанные жалобы на притеснения, которые позволяли себе наместники и волостели в городах и селах, стал давать жителям городским и сельским право выбирать себе правителей, которые потому и назывались *излюбленными* старостами, а те деньги, которые они давали прежде наместникам, доставлять в казну. Относительно холопей Иоанн ограничивал число случаев, в которых свободный человек становился холопом.

21. Дела церковные

В 1551 году Иоанн созвал собор церковный и подал архиереям длинный список беспорядкам, для прекращения которых требовал их содействия. Собор вследствие этого требования постановил, чтобы сто священников выбрали себе старосту, лучшего человека, который собирал бы их для совещаний о делах духовных. Собор постановил также выбирать добрых священников, дьяконов и дьяков, благочестивых и грамотных, и у них в домах устроить училища. Для больных и престарелых собор определил по всем городам устроить богадельни мужские и женские. На соборе 1551 года был поднят опять важный вопрос о церковных недвижимых имуществах, и тут в первый раз решились постановить границу увеличению этих имуществ, а именно было определено, что вперед архиереи и монастыри не имеют права покупать вотчин без царского согласия; потом собор 1573 года определил: в большие монастыри, где вотчин много, вперед вотчин не давать по душе, можно давать вотчины только бедным монастырям с дозволения государева; наконец, собор 1580 года уничтожил и это исключение в пользу бедных монастырей. Кроме этих вопросов русскую Церковь Иоаннова времени занимала борьба с ересями: с ересью Матвея Башкина, который не признавал Иисуса Христа равным Богу Отцу, и с ересью Феодосия Косого, который учил, что Христос – простой человек.

22. Издание нового Судебника

В 1550 году Иоанн велел составить новый Судебник. Так как в это время явилась сильная потребность в мерах против злоупотреблений правителей и судей, то эта потребность не могла не выразиться и в Судебнике Иоанна IV, чем этот Судебник вообще и отличается от Судебника Иоанна III. Например, подобно Судебнику Иоанна III, новый Судебник запрещает судьям дружить, мстить и брать взятки, но не ограничивается одним общим запрещением, а грозит определенным наказанием в случае ослушания.

23. Литература и книгопечатание

Царствование Иоанна IV отличается также усилением литературной деятельности. Борьба Иоанна с вельможами своими не ограничивалась одними насильственными средствами, она велась также и пером, ибо Иоанн отвечал Курбскому на его укорительные послания. Иоанн славился между современниками своею начитанностью, своим искусством говорить и писать, слыл «словесной премудрости ритором». Кроме ответов Курбскому до нас дошло еще замечательное по своей силе обличительное послание Иоанна в Кирилло-Белозерский монастырь.

А. М. Васнецов. Печатный двор на Никольской улице в Москве

Курбский, ученик Максима Грека, не уступал Иоанну в словесной премудрости. Мы видели, что кроме посланий к Иоанну Курбский написал еще историю своего времени под заглавием «История князя

великого московского». Найдя в Литве русскую православную веру, окруженную сильными врагами, католиками и протестантами, Курбский начал стараться о том, чтоб дать русским средства к успешной борьбе с врагами, дать сочинения отцов восточной Церкви в русском переводе, сам начал учиться по-латыни и переводил Златоуста, Дамаскина, написал историю Флорентийского собора. Другой ученик Максима Грека, Зиновий Отенский, боролся в Московском государстве с ересью Феодосия Косого, написал на нее опровержение.

Кроме этих полемических сочинений религиозного и политического содержания от времен Иоанновых дошли до нас и другие любопытные литературные памятники. Таков Домострой, написанный знаменитым священником Сильвестром. Под именем Домостроя разумеется собрание правил житейской мудрости, домашнего семейного благочиния, изложение обязанностей к Богу, духовным пастырям, к царю и ближнему вообще. По мысли и старанию митрополита Макария составлен был громадный сборник, известный под именем Макарьевских Миней: в 12 больших книгах собраны толкования на Евангелие, Деяния и Послания Апостольские, сочинения отцов Церкви, известные в славянских переводах, также жития святых. Ко временам же Иоанновым относится составление Степенной Книги – изложения церковных и гражданских событий русской истории с религиозной точки зрения. Составление летописей продолжалось по-прежнему; до нас дошли два рода летописей от описываемого времени: одни – составленные по приказанию и под надзором правительства, другие – составленные частными людьми.

К царствованию Иоанна относится и введение книгопечатания в Московском государстве. Первая типография в Москве была заведена в 1563 году; начали заниматься книгопечатанием два мастера: дьякон Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец; в 1564 году они окончили печатание первой книги – Деяний Апостольских. Напечатавши в 1565 году Часовник, первые мастера принуждены были бежать из Москвы в Литву по обвинению в ереси, но книгопечатание продолжалось и без них в Московском государстве.

Глава XXVIII. Царствование Феодора Иоанновича

1. Смуты в начале царствования Феодорова

И по смерти Иоанна IV государство находилось в таком же положении, как и по смерти отца его: хотя сын Иоаннов Феодор вступил на престол и возрастным, но был младенец по способностям, не мог управлять государством, следовательно, нужна была опека, регентство, и открывалось поприще для борьбы за это регентство. Но так как младенчество Феодора было постоянно и он умер, не оставя кровных последников, то борьба бояр за регентство в его царствование получает уже новое значение: здесь должны были выставиться не могущественнейшие только роды боярские, но будущие династии царские. Из князей Гедиминовского литовского рода большим почетом пользовалась фамилия князей Мстиславских; при смерти Иоанна князь Иван Федорович Мстиславский занимал первое место между боярами, но ни он, ни сын его князь Феодор не отличались значительными способностями и энергиею. Между князьями Рюриковичами по-прежнему первое место занимала фамилия Шуйских. Опала, постигшая эту фамилию при совершеннолетии Иоанна, не могла сломить ее, и князь Иван Петрович Шуйский защитою Пскова от Батория сильно поднял славу фамилии; он пользовался особенным расположением горожан московских, купцов и простых людей.

И. Штенглин. Портрет царя Федора Иоанновича

Но подле княжеских фамилий Рюриковских и Гедиминовских являются две старые боярские фамилии, приблизившиеся к престолу чрез родство с царями, – фамилия Романовых-Юрьевых и Годуновых: боярин Никита Романович Юрьев был родной дядя царя Феодора по

матери; боярин Борис Федорович Годунов был родной брат жены царя Феодора царицы Ирины.

Феодор утвердился на престоле не без смут: как по смерти великого князя Василия началась немедленно смута по поводу удельного князя, так и теперь смута началась также по поводу удельного князя, брата Феодорова, Димитрия, хотя этот удельный и был младенец. Приверженные Феодору вельможи, опасаясь неприязненных движений со стороны приверженцев Димитрия, удалили этого маленького князя с матерью и родственниками ее, Нагими, в Углич, город, назначенный Димитрию в удел отцом его. Но смута этим не прекратилась: Богдан Бельский, вельможа, славившийся умом, ловкостью во всяких делах, беспокойный, честолюбивый, склонный к крамолам, возбудил против себя и вельмож и народ, который взволновался, осадил кремль и успокоился только тогда, когда узнал, что Бельский сослан в Нижний. 31 мая 1584 года Феодор венчался на царство. Сначала самое сильное влияние на дела имел боярин Никита Романович, но уже в августе 1584 года он тяжело занемог, а в апреле 1586 года умер, и на его место правителем стал брат царицы Борис Годунов.

2. Правление Бориса Годунова и его борьба с Шуйскими

Но утверждение на месте правителя не могло обойтись для Годунова без борьбы с людьми, которые считали за собою большие права на занятие этого места. Образовались две враждебные партии: во главе одной стоял Годунов, во главе другой – первенствующий боярин князь Иван Мстиславский с князьями Шуйскими, Воротынскими и другими вельможами. Годунов осилил враждебную себе партию: князь Мстиславский был пострижен в монахи. Воротынских и других его приверженцев разослали по городам, но Шуйские, искусно действуя через других, остались нетронутыми; Годунов с своими приверженцами сильно на них сердился; они со своей стороны держались крепко и ни в чем ему не уступали, купцы и все простые люди московские стояли за них. Митрополит Дионисий хотел быть посредником: он позвал Годунова и Шуйских к себе, умолял помириться, и они послушались его увещаний. Но в то время как бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа купцов; князь Иван Петрович Шуйский, вышедши от митрополита, подошел к купцам и объявил им, что они, Шуйские, с Борисом Федоровичем помирились; тут из толпы выступили два купца и сказали ему: «Помирились вы нашими головами: и вам от Бориса пропасть, да и нам погибнуть». В ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы неизвестно куда. Этот поступок Годунова с купцами воспламенил снова вражду между ним и Шуйскими, которые придумали самое удобное средство сломить в корню могущество Годунова, убедивши царя Феодора развестись с неплодною Ириною и вступить в новый брак; князь Иван Петрович Шуйский, другие бояре и купцы московские согласились и подписались просить государя о разводе; митрополит также был согласен действовать заодно с ними. Но Годунов узнал о замысле врагов и постарался уговорить Дионисия не начинать дела.

Б. А. Чориков. Царь Федор Иоаннович делает правителем Бориса Годунова

Отклонив беду, Годунов не хотел долго оставлять в покое Шуйских: летописцы говорят, что он научал людей их обвинить господ своих в измене; вследствие этого в 1587 году Шуйских и друзей их перехватали и сослали в заточение. Знатных купцов московских пытали и казнили. Видя пытки и казни, митрополит Дионисий не хотел терпеть и стал говорить царю о неправдах Годунова, но Годунов оклеветал

митрополита пред царем: Дионисий был свергнут и заточен, и на его место возведен Иов, архиепископ ростовский, человек, вполне преданный Годунову. После падения Шуйских и свержения Дионисия никто уже не смел восставать против Годунова, который был признан правителем и внутри России, и в чужих государствах.

Годунов величался конюшим и ближним великим боярином, наместником царств Казанского и Астраханского; правительствам иностранным давалось знать, что если они хотят получить желаемое от московского правительства, то должны обращаться к шурину царскому, вследствие чего Годунов переписывался и передаривался с императором немецким, королевою английскою, ханом крымским, принимал у себя послов от государей. Этому значению Годунова соответствовали большие доходы, которые он получал с целых областей и городов.

3. Сношения с Польшею

В то время, когда в Москве воцарился Феодор и пред его глазами боролся за правительство Годунов с Шуйскими, в Польше оканчивал свое царствование Баторий, который до самой смерти своей, последовавшей в 1586 году, не переставал грозить Москве войною. Но как ни страшен был Баторий, сильнейшая, по-видимому, опасность начинала грозить Москве после его смерти, когда кандидатом на польский престол явился Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна и по матери родной племянник последнего из Ягеллонов, Сигизмунда Августа. Этот Сигизмунд, если б избран был в короли польские, то по смерти отца соединял бы под своею властью и Польшу и Швецию, соединял бы, таким образом, силы двух самых опасных для России государств. Вот почему Годунов начал сильно хлопотать, чтоб помешать избранию Сигизмунда: он отправил на сейм в Польшу великих послов, которым наказал стараться, чтоб избран был в короли царь Феодор, или если уже этого нельзя, то стараться об избрании эрцгерцога Максимилиана Австрийского, брата немецкого императора Рудольфа.

В Литве очень хотели избрания Феодора, но и здесь понимали, как это трудно, и главное затруднение состояло в различии вероисповеданий: поляки не могли согласиться иметь королем некатолика, Феодор не мог переменить своей веры; кроме того, московские послы приехали на сейм без денег, которые были необходимы для составления себе сильной партии. Вследствие этих причин Феодор, имевший сначала большой успех, потом был отстранен, и две партии, австрийская и шведская, каждая провозгласила королем своего кандидата: австрийская – Максимилиана, а шведская – Сигизмунда, но Сигизмунд осилил противника и утвердился на польском престоле.

4. Война шведская

В Москве, однако, напрасно беспокоились насчет опасности, которою грозило возведение на польский престол шведского королевича. Русские в 1590 году начали войну с Швециею, которая была для них удачна: Ям, Иван-город и Копорье, отнятые шведами при Иоанне IV, теперь опять перешли к русским, и поляки не помогли шведам. В конце 1592 года умер король шведский Иоанн; король польский Сигизмунд стал и королем шведским, но ненадолго: он был ревностный католик, а шведы – протестанты; во время кратковременного пребывания своего в Швеции для коронования Сигизмунд возбудил против себя народ явною враждою к протестантизму, явным нарушением условий, данных государственным чинам пред коронацией.

Когда Сигизмунд возвратился в Польшу, правителем Швеции остался дядя его Карл, который успел приобресть любовь народную и готовился отнять шведский престол у племянника. В таких обстоятельствах и Сигизмунд и Карл – оба желали поскорее окончить войну с Москвою, вследствие чего в 1595 году заключен был вечный мир между Россиею и Швециею, по которому Россия получила Ям, Иван-город, Копорье и Корелу.

5. Сношения с Австриею и Англиею

Из других европейских государств Россия в царствование Феодора сносилась с Австриею, которая хлопотала о том, чтоб московский государь помог ей против турок, и Годунов в 1595 году отправил императору Рудольфу огромное количество разных мехов ценою на 45 000 рублей. Английская королева Елисавета хлопотала о торговых выгодах для своих подданных в России и потому величала Годунова своим кровным любительным приятелем. Одним из послов Елисаветы к Феодору был Флетчер, оставивший чрезвычайно любопытное описание Московского государства.

6. Отношение к Крыму, Турции, Персии и Грузии

И при Феодоре московское правительство должно было постоянно обращать внимание на юг, где из Крыма ежечасно ждали нападения разбойничьих шаек и где Турция не переставала грозить отнятием завоеваний Иоанна IV. Летом 1591 года крымский хан Казы-Гирей подошел к самой Москве, но здесь встретил сильное царское войско, после сшибок с которым, продолжавшихся целый день, ушел ночью назад в степь. Но за этот неудачный поход татары вознаградили себя внезапным нападением на рязанские, каширские и тульские земли в 1592 году: на этот раз вывели они так много пленных из России, что и старые люди не помнили подобной войны от поганых.

Война с Австриею отвлекла татар от московских украйн; она же мешала и султану турецкому обращать большое внимание на Москву, хотя он и не переставал враждебно смотреть на нее по причине жалоб ногайских владельцев на притеснения от Москвы, и особенно по причине донских казаков, которые беспрестанно приходили под Азов и на море громили турецкие корабли. Вражда, хотя и не открытая, с Турциею скрепила дружественную связь Москвы с Персиею, которой шах Аббас Великий также враждовал с Турциею. В это время границы московские сходились с персидскими вследствие подданства царю единоверного кахетинского князя Александра в 1586 году; из Москвы отправились в Кахетию монахи, священники, иконописцы, чтоб восстановить христианство среди народа, окруженного иноверцами; послано было и войско для защиты Александра, но оно потерпело сильную неудачу в битве с горцами.

7. Утверждение в Сибири

Удачнее шли дела за Уральскими горами. Здесь, несмотря на то что Ермак, проложивший дорогу в Сибирь, погиб в 1584 году вследствие нечаянного нападения на него Кучума, торжество последнего не было продолжительно. Новое правительство московское высылало в Сибирь воеводу за воеводой, которые утверждали здесь русское владычество построением городов.

8. Закрепление крестьян

Из внутренних дел в царствование Феодора самыми важными были: закон об укреплении крестьян и учреждении патриаршества. И в это время в России земли было гораздо больше, чем жителей; богатые землевладельцы имели возможность большими льготами переманивать к себе вольных крестьян с земель бедных отчинников, которые владели наследственными землями, и помещиков. Но если для значительных землевладельцев было выгодно льготами перезывать к себе крестьян от менее значительных, то эти выгоды должны были столкнуться с выгодами государства.

Одною из самых главных потребностей государства было умножение войска, возможность иметь его всегда наготове в значительном количестве; основу войска составляли дворяне и дети боярские, получавшие за свою службу поместья, с которых они должны были содержать себя и по призыву государеву являться на службу *конны, людны и оружны,* по тогдашнему выражению, т. е. на коне, с известным количеством людей и в полном вооружении. Но эта возможность содержать себя и являться на службу в требуемом виде зависела от дохода, который получал помещик с своего земельного участка, а доход этот зависел от населения земли; чтоб иметь возможность всегда нести требуемую службу, служилый человек должен был иметь на своей земле – постоянное народонаселение; а мог ли он иметь его, когда богатый сосед переманивал у него крестьян большими льготами? Государство, давши служилому человеку землю, должно было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог. Вот почему издан был закон, по которому крестьяне не могли более покидать раз занятых ими земель.

9. Учреждение патриаршества

Главный архиерей русской Церкви в царствование Феодора переменил звание митрополита на звание патриарха. Хотя восточная русская, или московская, Церковь уже с половины XV века была независима от константинопольской, но все же она управлялась только митрополитом, который считался ниже патриарха, подчиненным патриарху. Возвышение северо-восточной русской Церкви как самостоятельной и цветущей требовало уравнения ее с старшими церквами, которые страдали под игом неверных, нуждались в ее помощи. Государь так рассуждал с духовенством и вельможами об этом деле:

«Восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатиею Божиею все больше расширяется, и потому я хочу устроить в Москве превысочайший престол патриаршеский». Духовенство и вельможи похвалили мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить к делу с согласия всей Церкви восточной. В 1588 году приехал в Москву старший из патриархов, Иеремия константинопольский, ему предложили остаться в Московском государстве, быть патриархом всероссийским, но жить во Владимире, ибо он не знает русского языка и обычаев, да и митрополита Иова неприлично изгнать из Москвы. Иеремия не согласился на это предложение, но согласился посвятить в патриархи всероссийские Иова, что и было исполнено в 1589 году.

10. Убиение царевича Димитрия и смерть царя Феодора

Такова была внешняя и внутренняя деятельность в царствование Феодора, т. е. деятельность правителя Годунова. Достигнув первенства между всеми вельможами, Годунов должен был думать о будущем, и будущее это было для него страшно, тем страшнее, чем выше было его положение настоящее: у Феодора не было сына, при котором бы Годунов как дядя мог надеяться сохранить прежнее значение, по крайней мере прежнюю честь; преемником бездетного Феодора долженствовал быть брат его Димитрий, удаленный в Углич. Димитрий рос при матери и ее родственниках Нагих, которые питали враждебные чувства к людям, подвергнувшим их изгнанию, и в этих враждебных чувствах к Годунову и ко всей его партии воспитали ребенка. И вот в мае 1591 года разнеслась по государству весть, что царевич Димитрий погиб в Угличе от убийц, подосланных Годуновым, и что эти убийцы умерщвлены жителями Углича.

Убиение царевича Дмитрия. Иллюстрация XIX в.

Для розыска про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, Андрей Клешнин (приверженец Годунова, которому приписывают главное распоряжение насчет убийства) и Крутицкий митрополит Геласий. Следствие было произведено недобросовестно: следователи спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обратили внимания на противоречия и на открытие главных обстоятельств. Несмотря на то, патриарх Иов на соборе из духовенства и вельмож объявил, согласно показанию свидетелей, что смерть царевича приключилась судом Божиим и что угличане невинно умертвили несколько человек, на которых Нагие указали как на убийц Димитрия. Вследствие этого царицу Марью постригли под именем Марфы и заточили в пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан – одних казнили смертию, другим резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым.

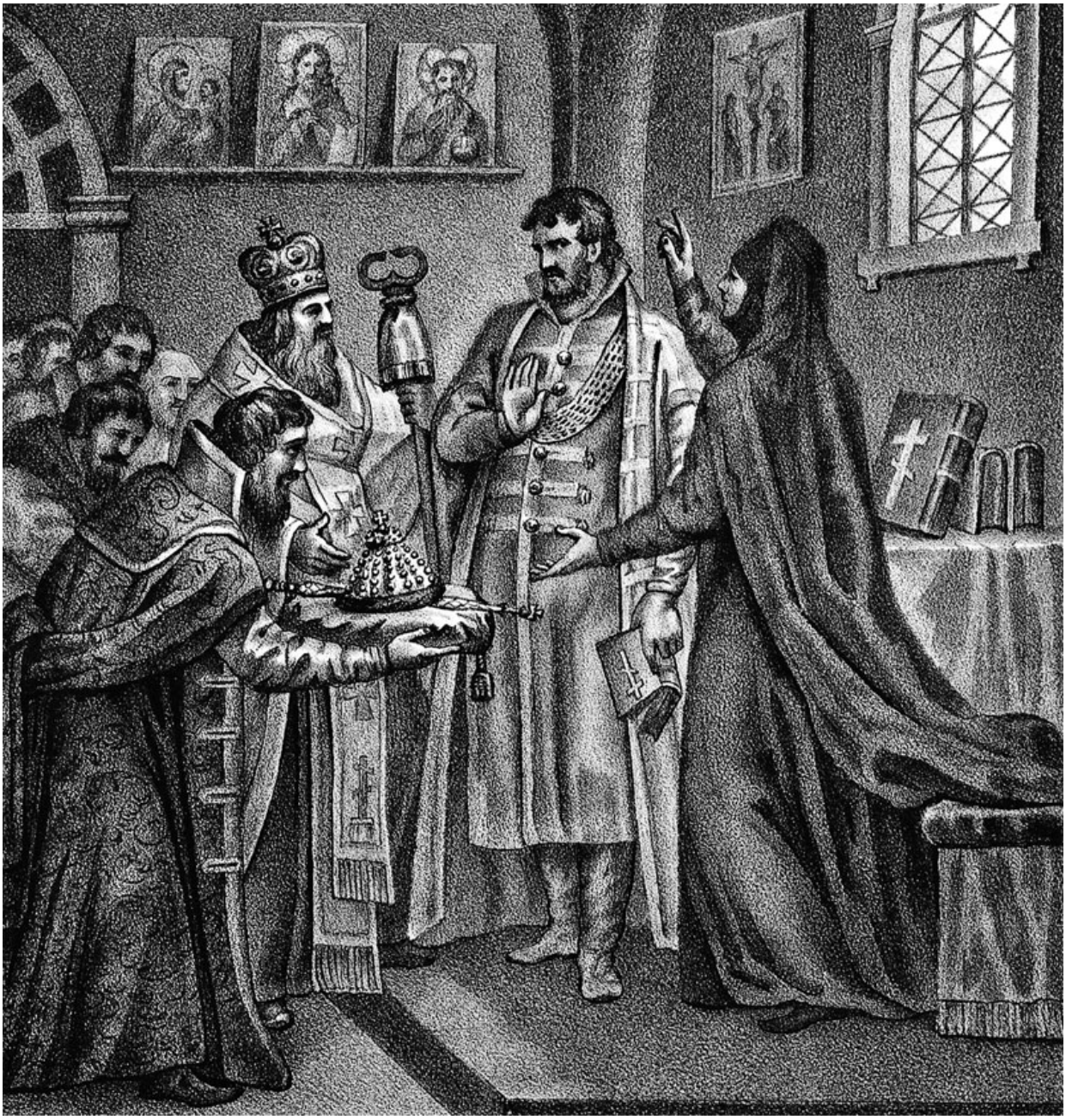
Через год после угличского происшествия у царя родилась дочь Феодосия, но в следующем году ребенок умер; через пять лет по смерти дочери, в январе 1598 года, скончался сам Феодор.

Глава XXIX. Царствование Бориса Годунова

1. Избрание на престол Годунова

На вопрос патриарха и бояр: «Кому приказываешь царство?» – умирающий Феодор отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет». По смерти Феодора поспешили присягнуть жене его, царице Ирине, чтоб избежать междуцарствия. Но Ирина отказалась от престола, уехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры. Несмотря на то, дела производились ее именем, действительно же во главе правления стоял патриарх; ему, следовательно, принадлежал и первый голос в деле царского избрания, а Иов был самый ревностный приверженец Годунова.

Итак, за Годунова был патриарх, за Годунова было долголетнее пользование царскою властью при Феодоре, доставлявшее ему большие средства, повсюду правительственные должности занимали люди, всем ему обязанные; при Феодоре он сам и родственники его приобретали огромное богатство, также и могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то обстоятельство, что сестра его признавалась царицею правительствующею: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправился в Новодевичий монастырь просить царицу, чтоб благословила брата на престол, просили и самого Годунова принять царство, но он отказался, ибо хотел быть избран в цари всею Россиею, собором, на котором бы находились выборные изо всех городов, советные люди, как тогда говорили.



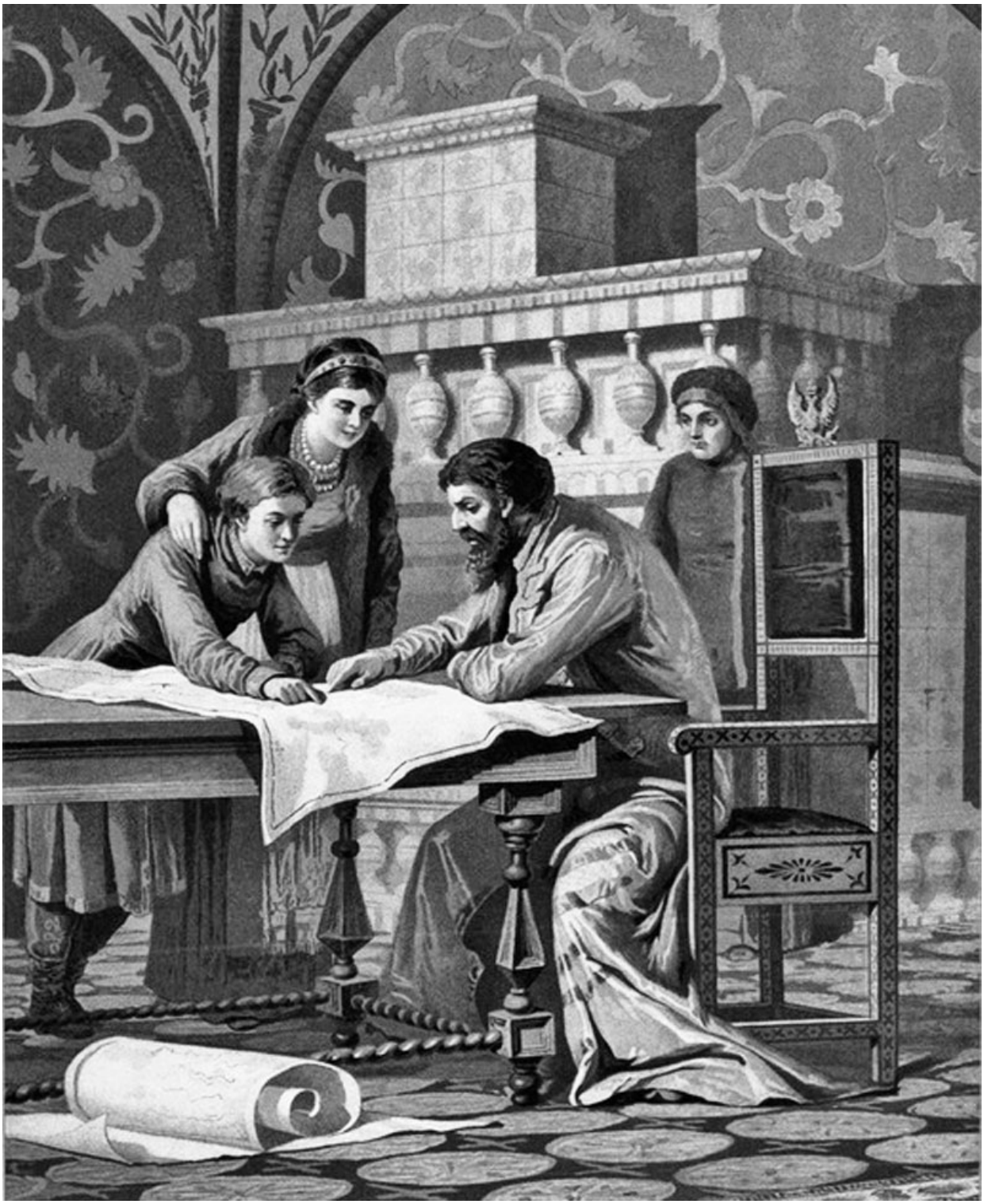
Б. А. Чориков. Избрание Бориса Годунова в цари

На соборе большинство составляли духовенство и дворянство второстепенное, которые были давно за Годунова или шли за мнением патриарха. 17 февраля 1598 г. на соборе патриарх объявил, что, по его мнению, также по мнению всего духовенства, бояр и всех москвичей, мимо Бориса Феодоровича Годунова другого государя искать нечего, и советные люди отвечали, что их мнение такое же. Отправились опять к Годунову, который жил вместе с сестрою в Новодевичьем монастыре, и

опять получили отказ. Тогда патриарх пошел в монастырь с крестным ходом и со множеством народа; патриарх с духовенством и боярами вошли в келью к царице и долго упрашивали ее со слезами, стоя на коленях, чтоб благословила брата на царство; на монастыре и около монастыря народ, стоя на коленях, вопил о том же. Царица наконец благословила, и Годунов принял царство. Говорят, будто народ пригнан был неволею, – грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взыскивать деньги.

2. Сношения царя Бориса с державами европейскими и азиатскими

Так был избран в цари Борис Годунов. Царствование его относительно западных, самых опасных соседей, Польши и Швеции, началось при самых благоприятных обстоятельствах: эти державы, так недавно грозившие Москве страшным союзом своим под одним королем, теперь находились в открытой и ожесточенной вражде; шведы отказались повиноваться Сигизмунду польскому и провозгласили королем своим дядю его Карла, в котором Сигизмунд, разумеется, видел похитителя своего престола. Оба государства, и Швеция и Польша, вследствие этого искали союза с Борисом, который, подобно Иоанну IV, не спускал глаз с Ливонии, считая прибалтийские берега необходимыми для своего государства.



А. Д. Кившенко. Борис Годунов и дети

Приобресть эту желанную страну или часть ее было теперь легко, но для этого было средство прямое, решительное: заключить тесный

союз с королем шведским и действовать с ним вместе против Польши. Но Годунов по характеру своему не был способен к средствам решительным, прямым и открытым. Он думал, что Швеция уступит ему Нарву, а Польша – Ливонию или часть ее, если только он будет грозить Швеции союзом с Польшею, а Польше – союзом с Швециею, но этими угрозами он только раздражал и Швецию и Польшу, а не пугал их, обнаруживая политику мелочную, двоедушную. Он боялся войны: сам не имел ни духа ратного, ни способностей воинских, воеводам не доверял и потому хлопотал, чтоб Ливония сама поддалась ему, для чего поддерживал неудовольствие ее жителей против польского правительства, но эти средства, не подкрепляемые действиями прямыми и решительными, не вели ни к чему. Чтоб иметь наготове вассального короля для Ливонии, как Иоанн IV имел Магнуса, Борис вызвал в Москву шведского принца Густава, племянника королю Карлу: Годунов хотел также выдать за этого Густава дочь свою Ксению; но Густав не захотел отказаться от протестантизма и был отослан в Углич.

Нужно было искать другого жениха Ксении между иностранными принцами, и жениха нашли в Дании: принц Иоанн, брат короля Христиана, согласился ехать в Москву, чтоб быть зятем царским и князем удельным. Иоанн был принят в Москве с большим торжеством, очень ласково от будущего тестя, но скоро потом сделалась у него горячка, от которой он и умер на двадцатом году жизни.

Отношения к Крыму были благоприятны: хан, живший не в ладу с султаном турецким, принуждаемый принимать участие в войнах последнего и видя, с другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить врасплох на ее украйны, ибо в степях являлись одна за другою русские крепости, должен был смириться и соглашаться с московскими послами, которые объявили, что государь их не боится ни хана, ни султана, что рати его бесчисленны. Но если отношения к Крыму видимо принимали благоприятный оборот, то иначе шли дела за Кавказом: рано еще, не по силам было Московскому государству бороться в этих далеких краях с могущественными турками и персиянами. Александр кахетинский, признавая себя слугою Бориса, сносился в то же время с сильным Аббасом, шахом персидским, и позволил сыну своему Константину принять магометанство, но и это не помогло: Аббас хотел совершенного подданства Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и

брата за преданность Москве. Преступление было совершено; с другой стороны, в Дагестане русские вторично утвердились было в Тарках, но турки вытеснили их отсюда, а кумыки перерезали при отступлении: 7000 русских пало вместе с воеводами, и владычество Москвы исчезло в этой стране.

3. Окончание борьбы с Кучумом сибирским

В Закавказье Москва не могла защищать единоверцев своих от могущественных народов магометанских, зато беспрепятственно утверждалась ее власть за Уральскими горами. В Сибири Кучум был еще жив и не переставал враждовать против русских. В 1598 году за ним погнался воевода Воейков, нашел Кучума на реке Оби и поразил; семейство Кучума попалось в плен к русским, старик сам третий ушел в лодке вниз по Оби. В этой решительной битве у русских было 400, а у Кучума 500 человек войска! Лишенный всех средств противиться далее, Кучум ушел к ногаям и был там убит.

Русские продолжали строить города в Сибири, заводить хлебопашество; кроме служилых людей и хлебопашцев в новопостроенные сибирские города переводились из других городов и купцы: проводились дороги.

4. Распоряжение Бориса относительно крестьян и просвещения

Что касается внутренних распоряжений Годунова в Европейской России, то он определил, сколько крестьянин должен платить землевладельцу и сколько работать на него, позволил временно переход крестьян от мелких землевладельцев к мелким же, но не к богатым, чтоб последние не могли переманивать крестьян от бедных.

Годунов старался облегчить народ от податей, старался о распространении просвещения. Он хотел созвать из-за границы ученых людей и основать школы, где иностранцы учили бы русских людей разным языкам. Но духовенство не согласилось на это. Тогда Борис придумал другое средство: уже давно был обычай посылать русских молодых людей в Константинополь учиться там по-гречески; теперь царь хотел сделать то же относительно других стран и языков: выбрали несколько молодых людей и отправили их учиться – одних в Любек, других в Англию, некоторых во Францию и Австрию. Борис очень любил иностранцев, составил из немцев, преимущественно из ливонцев, отряд войска; немцы эти получали большое жалованье и поместья; покровительствовал иностранным купцам, иностранных медиков своих держал, как бояр.

Такое расположение царя к иностранцам, убеждение в превосходстве их над русскими относительно просвещения, убеждение в необходимости учиться у них возбудило в некоторых русских желание подражать иностранцам и начать это подражание со внешнего вида: и свои и чужие говорят о пристрастии русских к иноземным обычаям и одеждам во время Годунова, о введении обычая брить бороды.

5. Начало смуты; доносы и опалы

Для большинства русского народа Борис в два первых года своего царствования оставался таким же, каким был во время правления своего при царе Федоре, т. е. «наружностью и умом всех людей превосходил, много устроил в Русском государстве похвальных вещей; старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не мог искоренить; был он светлодушен, милостив и нищелюбив, но в военном деле был неискусен. Цвел он добродетелями, и если б зависть и злоба не помрачили его добродетелей, то мог бы древним царям уподобиться. Он принимал доносы от клеветников на невинных, отчего возбудил против себя негодование вельмож всей русской земли; отсюда поднялось на него много бед, которые и привели его к погибели».

Таким образом, по свидетельству современников, вся беда для Годунова произошла оттого, что он не мог уподобиться древним царям, не имел достаточно величия духа, чтоб, восшедши на престол, позабыть все старые боярские свои вражды, унизился до страха пред своими прежними соперниками, страдал мелкою болезненною подозрительностью; этою подозрительностью и враждою он раздражил против себя вельмож, которые и были виновниками его падения. Первая опала от подозрительного Бориса постигла Богдана Бельского, известного нам по смуте в начале царствования Феодора, сосланного вследствие этой смуты и возвращенного из ссылки Годуновым.

Царь послал Бельского строить в степи город Борисов; Бельский, будучи очень богат, не щадил издержек для угощения ратных людей, строивших город, бедным из них давал деньги, платье и этим заслужил от них громкие похвалы. Это старание Бельского приобрести народную любовь, – старание, увенчавшееся успехом, возбудило подозрительность и злобу Бориса, тем более что Бельский был человек действительно подозрительный; Бельского схватили и сослали в один из дальних городов в тюрьму. Подозрительность Бориса разыгралась. Желая знать, что говорят о нем знатные люди и не умышляют ли чего-нибудь дурного, он начал поощрять холопей к доносам на господ своих. Доносчики получали награды, и язва эта быстро разлилась, заразила людей всех званий; следствиями доносов были пытки, казни, заточения;

ни при одном государе таких бед никто не видал, говорят современники.

Подан был донос на Романовых от дворового человека одного из них, Александра Никитича. Романовых забрали под стражу вместе со всеми родственниками и приятелями их, пытали, пытали и людей их, но не могли ничего сведать. В 1601 году старшего из Романовых, Федора Никитича, постригли под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь; жену его Аксинью Ивановну, урожденную Шестову, также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов; Александра Никитича Романова сослали к Белому морю, Михайлу Никитича – в Пермскую область, Ивана Никитича – в Пелым, Василия Никитича – в Яренск; мужа сестры их, князя Бориса Черкасского, с женою и с племянником ее, сыном Федора Никитича, маленьким Михаилом (будущим царем), – на Белоозеро. Только двое из братьев пережили свое несчастье – Филарет и Иван Никитич; остальные померли от жестокости приставов, отправленных с ними в места заточения.

6. Голод и разбои

В то время как доносчики свирепствовали в Москве, страшное физическое бедствие постигло Россию: от сильных неурожаев в продолжение трех лет, с 1601 до 1604, сделался голод небывалый, к которому присоединилось еще моровое поветрие. За голодом и мором следовали разбои: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки, чтоб вооруженною рукою кормиться на счет других. Преимущественно эти шайки составлялись из холопей, которыми наполнены были дома знатных и богатых людей. Во время голода, найдя обременительным для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли их от себя; число этих холопей, лишенных приюта и средств к пропитанию, увеличилось еще холопями опальных бояр, Романовых и других, ибо этих холопей Годунов запретил всем принимать к себе.

Б. А. Чориков. Голод при царе Борисе Годунове

Эти люди, из которых многие были привычны к военному делу, шли к границам, в северскую украйну (нынешние губернии Орловская,

Курская, Черниговская), которая уже и без того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать неприятельские действия против государства; еще царь Иоанн IV, желая умножить народонаселение этой страны людьми воинственными, способными защитить ее от татар и поляков, позволял преступникам спасаться от наказания бегством в украинские города. Вследствие всего этого теперь, после голода, образовались в украйне многочисленные разбойничьи шайки, от которых не было проезда не только по пустым местам, но и под самою Москвою; атаманом их был Хлопка Косолап. Царь выслал против них войско под начальством воеводы Ивана Басманова, который сошелся с Хлопкою под Москвою; разбойники бились отчаянно и убили Басманова; несмотря на то, царское войско одолело их; полумертвого Хлопку взяли в плен, товарищей его, пробиравшихся назад в украйну, ловили и вешали, но в украйне было много им подобных – черная роль ее только что начиналась, начинали ходить слухи о Самозванце.

7. Появление Самозванца

В последних годах XVI века появился в Москве бойкий, смышленый, грамотный молодой человек, сирота, сын галицкого служилого человека Богдана Отрепьева Юрий. Он проживал во дворах вельмож, подозрительных царю, а поэтому сам сделался подозрителен. Беда грозит молодому человеку, он спасается от нее пострижением под именем Григория, скитается из монастыря в монастырь, попадает, наконец, в Чудов и поступает даже к патриарху Иову для книжного письма. Но здесь дерзкие речи, что он будет царем на Москве, навлекли на него новую беду; царь Борис велел одному дьяку сослать Отрепьева в Кириллов Белозерский монастырь, но дьяк не исполнил царского приказа, молодой монах убежал из Чудова монастыря и после долгих странствований по разным местам пробрался за литовскую границу в сопровождении двух других монахов.

В польских владениях он скинул с себя монашескую рясу, поучился немного в школе города Гащи, потом побывал у казаков запорожских и, наконец, поступил в службу к польскому вельможе князю Адаму Вишневецкому, которому при первом удобном случае открыл, что он московский царевич Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, спасенный от убийц, подосланных Годуновым, которые вместо него убили другого, подставленного ребенка.

8. Успехи Самозванца в Польше

Вишневецкий поверил, и весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними панами, которые начали принимать Отрепьева с царскими почестями; у одного из них, сандомирского воеводы Юрия Мнишка, жившего в Самборе. Самозванцу очень понравилась дочь Марина. Мнишки были ревностные католики; принятие католицизма всего более помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство польское и особенно могущественных иезуитов; Лжедимитрий позволил францисканским монахам обратить себя в католицизм. В начале 1604 года Мнишек привез Лжедимитрия в Краков, где папский нунций Рангони представил его королю Сигизмунду. Король находился в большом затруднении: с одной стороны, ему хотелось помочь Самозванцу и таким образом завести смуту в Московском государстве; с другой стороны, страшно было нарушить перемирие, оскорбить могущественного Годунова, который мог жестоко отомстить Польше за свою обиду наступательным союзом с Швециею. Сигизмунд решился употребить такую хитрость: он признал Отрепьева московским царевичем, хотя и не публично, назначил ему ежегодное содержание, но не хотел помогать ему явно войском от имени правительства польского, а позволил вельможам частным образом помогать царевичу. Вести дело поручено было Мнишку, который с торжеством привез царевича в Самбор, где тот предложил руку свою Марине. Предложение было принято, но свадьба отложена до утверждения Димитрия на престоле московском.

9. Меры Годунова против Лжедимитрия

Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украйнах Московского государства; следовательно, сильная помощь ждала Самозванца впереди. Московские беглецы, искавшие случая безопасно и с выгодою возвратиться в отечество, первые приехали к нему и провозгласили истинным царевичем; донские казаки, стесненные при Борисе более чем когда-либо прежде, откликнулись также немедленно на призыв Лжедимитрия. Как скоро Лжедимитрий объявился в Польше, то слухи об нем начали с разных сторон приходить в Москву. Борис объявил прямо боярам, что это они подставили Самозванца, и начал принимать меры против страшного врага, которого нельзя было сокрушить одною военною силою. Отправлены были грамоты в Польшу к королю, вельможам, воеводам пограничным с объявлением, что тот, кто называет себя царевичем Димитрием, есть беглый монах Отрепьев. В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче; патриарх проклял Гришку Отрепьева со всеми его приверженцами и разослал по областям грамоты с известием об этом проклятии и с увещанием не верить спасению царевича.

Но средства эти оказались тщетными: северская украйна волновалась от подметных грамот Лжедимитриевых; воеводы царские прямо говорили, что «трудно воевать против природного государя» (т. е. против Димитрия); в Москве на пирах пили здоровье Димитрия.

10. Вступление Лжедимитрия в московские пределы

В октябре 1604 года Лжедимитрий вошел в области Московского государства. Северские города начали ему сдаваться, не сдался один Новгород Северский, где засел воевода Петр Федорович Басманов, любимец царя Бориса. Борис выслал войско под начальством первого боярина, князя Мстиславского, который сошелся с войсками Самозванца под Новгородом Северским; несмотря на малочисленность своего войска в сравнении с войском царским, Самозванец разбил Мстиславского, ибо у русских, пораженных сомнением – не сражаются ли они против законного государя? – не было рук для сечи, как говорят очевидцы. Так как Мстиславский был ранен в битве, то вместо него начальствовать над войском был прислан князь Василий Иванович Шуйский.

Самозванец 21 января 1605 года ударил на царское войско при Добрыничах, но, несмотря на храбрость необыкновенную, потерпел поражение вследствие многочисленности пушек в царском войске. Годунов сильно обрадовался, думал, что дело с Самозванцем кончено, но радость его не была продолжительна, ибо скоро пришли вести, что Самозванец не истреблен, а усиливается; 4000 донских казаков явились к нему в Путивль, где заперся он, а между тем московские воеводы ничего не сделали, не пользовались своею победою.

11. Смерть Бориса и провозглашение Лжедимитрия царем

В таком нерешительном положении находились дела, когда 13 апреля 1605 года умер царь Борис скоропостижно. После него остался сын Феодор, которого все свидетельства единогласно осыпают похвалами как молодого человека, наученного всякой премудрости, ибо действительно отец успел дать ему хорошее по времени и по средствам образование. Жители Москвы спокойно присягнули Феодору. К войску вместо Шуйского, отозванного в Москву, отправлен был Басманов, прославившийся защитою Новгорода Северского. Но Басманов увидал, что ничего нельзя было сделать с войском, которое и прежде не имело рук от недоумения, а теперь еще более – было ослаблено нравственно вследствие смерти Бориса. Видя это, видя, что воеводы самые способные, могшие придать одушевление войску, не хотят Годунова, Басманов решился изменить сыну своего благодетеля и вместе с князьями Голицыными (Васильем и Иваном Васильевичами) и Михаилом Глебовичем Салтыковым 7 мая объявил войску, что истинный царь есть Димитрий, и полки без сопротивления провозгласили его государем.

Самозванец двинулся по дороге в Москву, где 1 июня Плещеев и Пушкин возмутили народ и свели с престола царя Феодора; скоро приехали в Москву из стана Самозванца князья Василий Голицын и Василий Масальский, свергнули патриарха Иова, разослали в заточение Годуновых и родственников их и зверски умертвили царя Феодора Борисовича и мать его, царицу Марью; царевна Ксения Борисовна осталась в живых и после была пострижена под именем Ольги.

Глава XXX. Царствование Лжедимитрия

20 июня 1605 года Лжедимитрий с торжеством въехал в Москву. Богдан Бельский, снова возвращенный в Москву, торжественно с Лобного места свидетельствовал перед народом, что новый царь есть истинный Димитрий. Но другое втихомолку свидетельствовал князь Василий Шуйский: он поручил одному купцу и одному лекарю разглашать в народе, что новый царь – самозванец. Басманов узнал о слухах, узнал, от кого они идут, и донес царю. Шуйский был схвачен, и Лжедимитрий отдал дело на суд собору из духовенства, вельмож и простых людей; собор осудил Шуйского на смерть; уже был он выведен на место казни, как прискакал гонец с объявлением помилования; Шуйского вместе с братьями сослали в галицкие пригороды, но, прежде нежели они достигли места ссылки, их возвратили в Москву, отдали имение и боярство.

Лжедмитрий I. Портрет из замка Мнишков в Вишневце. Нач. XVII в.

Марина Мнишек. Портрет из замка Мнишков в Вишневце. Нач. XVII в.

Известить области о восшествии на престол нового царя должен был патриарх; так как Иов был свергнут, то на его место возвели рязанского архиепископа Игнатия, родом грека, который первый из архиереев признал Лжедимитрия истинным царем. Но признание Игнатия не могло окончательно утвердить нового царя на престоле; это могло сделать только признание матери, царицы Марфы. Ее привезли в Москву, Лжедимитрий встретил ее в селе Тайнинском, имел свидание

наедине, в шатре, после чего народ был свидетелем взаимных нежностей матери и сына. Вскоре по приезде матери Лжедимитрий венчался на царство по обыкновенному обряду, причем объявлены были милости мнимым родственникам царским, гонимым при Годунове, Нагим и Романовым. Филарет Никитич Романов был сделан ростовским митрополитом.

Не проходило дня, в который бы царь не присутствовал в думе, где удивлял бояр здравым смыслом, находчивостью при решении трудных дел, начитанностью; указывая на невежество бояр, он обещал позволить им ездить в чужие земли для образования; объявил, что хочет держать народ в повиновении не строгостью, но щедростью. Если и на Годунова сильно жаловались за то, что он очень любил иностранцев, отчего началось подражание иностранным обычаям, то гораздо больше поводов к подобным жалобам подавал Лжедимитрий, который, побывав сам на чужой стороне, пристрастился к тамошним обычаям и по живости природы своей не мог сообразоваться с церемонною, сидячею жизнью прежних царей.

Желание как можно скорее видеть невесту свою в Москве, равно как желание быть в союзе с католическими державами для общей войны против турок, заставляли Лжедимитрия дорожить дружбою польского короля Сигизмунда, но он не хотел для этой дружбы жертвовать выгодами своего государства: так, в угоду королю он не только не хотел отказаться от титула царя, но еще принял титул императора, объявил, что не уступит ни клочка русской земли Польше; в сношениях с папою Лжедимитрий также уклонялся от обязательства ввести католицизм в Московское государство. Несмотря на то, приезд в Москву Марины Мнишек со множеством поляков, которые вели себя дерзко, женитьба царя на польке некрещеной возбуждали неудовольствие в Москве, которым спешил воспользоваться князь Василий Шуйский вместе с другими боярами.

Шуйский по горькому опыту знал, что нельзя подвинуть народа против царя одним распущением слухов о самозванстве, знал, что большинство московского народа предано Лжедимитрию как государю доброму и ласковому, и потому начал действовать с большою осторожностью. Особенно надеялся он на осьмнадцатитысячное войско, собранное под Москвою царем для предполагавшегося похода на Крым; для безопасности же от большинства москвичей, преданных

Лжедимитрию, заговорщики положили по первому набату броситься во дворец, с криком: «Поляки бьют государя!» – окружить царя как будто для защиты и убить его. Несмотря, однако, на эту осторожность и хитрость, умысел легко мог бы не иметь успеха, если бы заговорщикам не помогла необыкновенная доверчивость Лжедимитрия, который смеялся над поляками, уведомлявшими его о народном волнении, не хотел принимать никаких доносов от немецких телохранителей и пренебрег всеми мерами осторожности.

17 мая 1606 года около четырех часов утра раздался набат в Москве, и толпы заговорщиков хлынули на Красную площадь, где уже сидели на конях бояре. Шуйский повел народ в Кремль «на злого еретика», как он выразился. Лжедимитрий проснулся от набата и выслал Басманова справиться, в чем дело. Басманов в отчаянии прибежал назад к царю, крича, что вся Москва собралась на него. Когда уже бояре вошли во дворец, то Басманов вышел к ним и стал уговаривать их не выдавать народу Лжедимитрия, но был убит. Лжедимитрий увидел, что сопротивление бесполезно, выскочил из окна и разбился. Стрельцы, стоявшие на карауле, подняли его, привели в чувство и приняли было его сторону, но заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим семейства стрельцов, если они не хотят нам выдать обманщика». Стрельцы испугались и сказали боярам: «Спросим царицу: если она скажет, что он не сын ей, то Бог в нем волен». Сам Лжедимитрий требовал, чтоб спросили мать его или вывели его на Лобное место и дали объясниться с народом. Но объясниться ему не дали; пришел князь Голицын и сказал, что царица Марфа называет своим сыном того, который убит в Угличе, а от этого отрекается. Тогда Лжедимитрия убили, и труп его вместе с трупом Басманова выставили на Красной площади в маске с дудкою и волынкою. Между тем другие толпы народа били поляков. Тесть самозванца Мнишек с родственниками, равно как послы королевские, приехавшие на свадьбу, были спасены боярами, Марину также не тронули и отвезли из дворца к отцу.

Б. А. Чориков. Смерть Дмитрия Самозванца

Тот, кто назывался царем Димитрием, был убит; начали думать об избрании нового царя. Виднее всех бояр московских по уму, энергии, знатности рода были два князя, Василий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын; оба имели сильные стороны, но Голицын не мог с успехом бороться против Шуйского, который гораздо больше выдался вперед в последнее время; он был первым обличителем самозванца, главою заговора, вождем народа против злого еретика. Для людей,

совершивших последний переворот, кто мог быть лучшим царем, как не вождь их в этом деле? Бояре хотели созвать выборных из всех городов, чтоб по совету всей земли избран был государь такой, который был бы всем люб. Но Шуйский не хотел дожидаться собора, не будучи уверен, что собор кончится в его пользу, ибо дело истребления самозванца, которым он прославился, было дело чисто московское, да и не все москвичи его одобряли. 19 мая утром на Красной площади толпился народ, точно так же как и 17 мая.

Вышли бояре и духовенство и предложили избрать патриарха (ибо Игнатий был свергнут как приверженец Лжедимитрия) и разослали грамоты для созвания советных людей из городов на собор, который должен избрать государя. Но в народе закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Этому крику никто не смел противоречить, и Шуйский был провозглашен царем, после чего в патриархи был избран Гермоген, митрополит казанский.

Глава XXXI. Царствование Василия Иоанновича Шуйского

1. Причины новых смут

Вступивши на престол, Шуйский целовал крест, что ему, «не осудя истинным судом с боярами своими, никого смерти не предавать, вотчин, двор и имения у братьев, жены и детей преступника не отнимать, если они не виноваты, доносов ложных не слушать, но исследовать всякое дело как можно обстоятельнее, а ложных доносчиков казнить, смотря по вине, какую возвели на другого». Разослана была по областям грамота от имени бояр и всех людей московских с известием о гибели Лжедимитрия и возведении на престол Шуйского. В этой грамоте говорилось, что Гришка Отрепьев овладел царством с бесовской помощью, всех людей прельстил чернокнижеством.

Но эта странная грамота могла произвести только недоумение в жителях областей: недавно извещали их из Москвы, Годунов свергнут истинным царем Димитрием; теперь уверяют, что этот Димитрий был обманщик, злодей, еретик и чернокнижник; объявляют, что он погиб за свое злодейство; но как погиб – это остается тайной; объявляют, что избран новый царь; но и кем? – неизвестно; советные люди из областей не участвовали в избрании Шуйского: новый царь сел на престол тайком земли, с нарушением формы уже священной, по которой царь, по наследству вступающий на престол, должен был выбирать по совету всей земли, а не одних москвичей. Таким образом, известительная грамота Шуйского порождала только неудовольствие и недоверчивость; не доверяя человеку, который без ведома всех сел на престол, не знали, кому теперь верить, и наступило *Смутное* время.

Но если в областях были недовольны, то много недовольных было и в Москве. Народ был недоволен тем, что с воцарением Шуйского бояре стали иметь гораздо больше власти, чем сам царь; некоторые из бояр были недовольны, потому что сами хотели быть на престоле; другие не хотели видеть царем Шуйского по прежним отношениям; люди, участвовавшие в погибели Лжедимитрия и провозгласившие царем Шуйского, были недовольны, потому что Шуйский был скупой старик и не осыпал их милостями. Но все эти недовольные не могли отважиться прямо на свержение Шуйского, ибо некого было выставить лучшего на его место. Для всех недовольных нужен был предлог к

восстанию, нужно было лицо, во имя которого можно было действовать, лицо столь могущественное, чтоб могло свергнуть Шуйского, и вместе столь ничтожное, чтоб не могло быть препятствием для достижения каждому своей цели; одним словом, нужен был самозванец: Шуйского можно было свергнуть только так, как свергнут был Годунов.

Но кроме недовольных московских, желавших иметь предлог к восстанию против Шуйского, самозванец чрезвычайно понравился казакам, которые увидали в нем средство мучить государство и жить безнаказанно на его счет; еще при жизни Лжедимитрия терские казаки (жившие на реке Терек) провозгласили одного из своих, муромца Илью Коровина, царевичем Петром, сыном царя Феодора Иоанновича, которого будто бы Годунов подменил на девочку Феодосию. Но кроме этого царевича Петра скоро явился опять и дядя его, царь Димитрий.

2. Восстание южных областей в пользу самозванца

17 мая, когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и поляков, один из приверженцев Лжедимитрия, Молчанов, успел скрыться из дворца, из Москвы и направил путь к литовским границам, везде распуская по дороге слухи, что он царь Димитрий, спасающийся от убийц. В самой Москве в народе пошли слухи о возможности этого спасения; маска, надетая на лицо мертвого Лжедимитрия, подала повод к толкам, что тут скрывалась подстановка; тем более могли верить в спасение Димитрия жители областей, которые ничего не знали.

Сам Шуйский видел, что ему нельзя разуверить народ касательно слухов о спасении Лжедимитрия и что гораздо благоразумнее вооружиться против прав его, дабы самозванец, и спасшийся, по мнению некоторых, от убийц, оставался все же самозванцем. Для этого Шуйский велел с большим торжеством перенести из Углича в Москву мощи царевича Димитрия и сам нес их всею Москвою до Архангельского собора, прославляя святость невинного младенца, падшего под ножами убийц, но в Москве помнили очень хорошо, что этот же самый Шуйский объявил, что царевич умертвил сам себя в припадке падучей болезни.

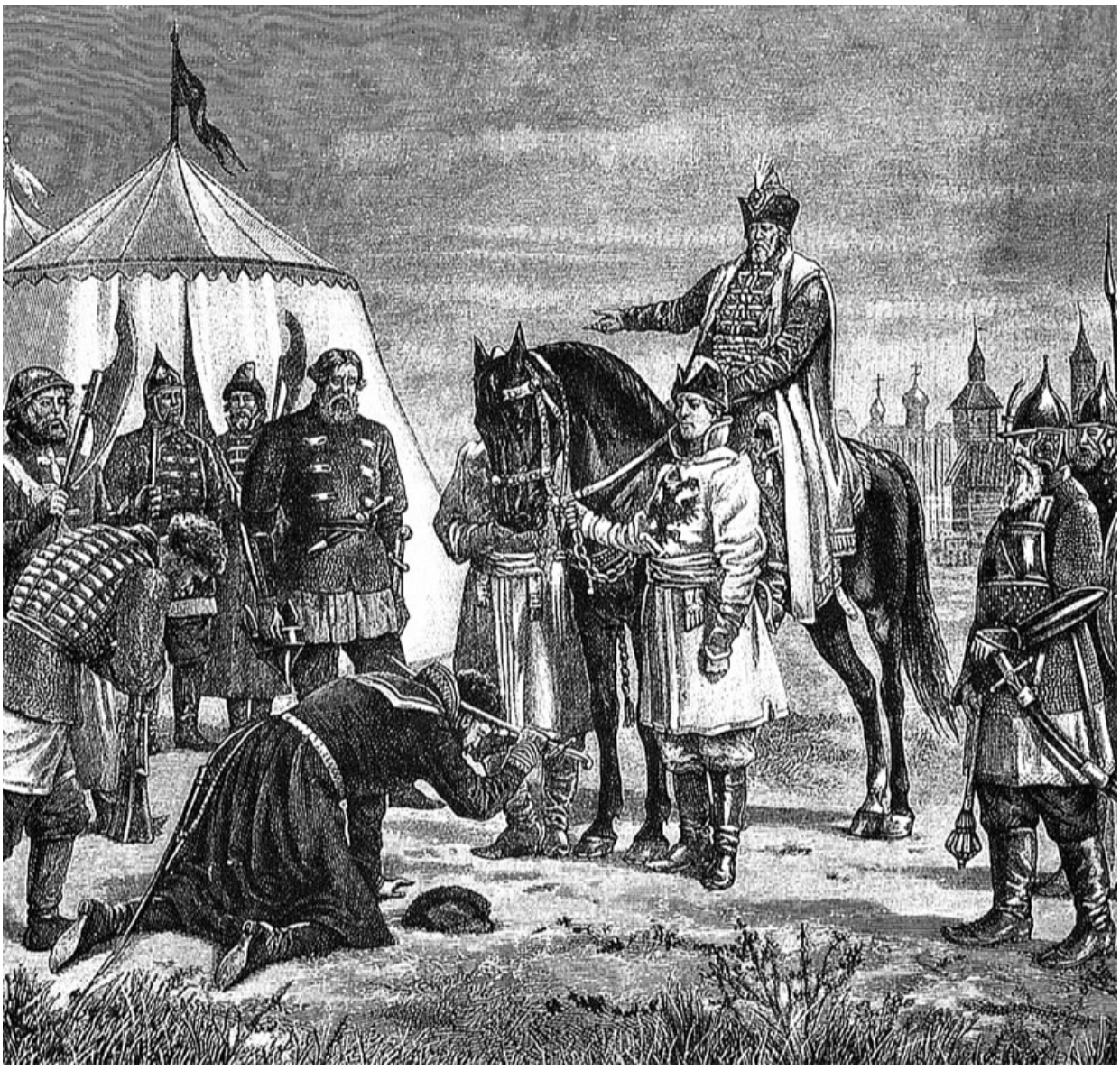
Шуйскому не верили. Народ был в недоумении; опять, как при появлении первого самозванца, он был поражен нравственным бессилием, ибо человек недоумевающий, неуверенный не способен к действию твердому и решительному. Но в то время как у добрых были отняты таким образом руки, у злых, обрадовавшихся смуте, руки развязывались на злые дела. Возмутилась северская украйна по призыву путивльского воеводы, князя Григория Шаховского; там, в северской стране, подле Шаховского начинает играть важную роль Иван Болотников, прежде бывший холопом и теперь недавно возвратившийся из татарского плена. Болотников обратился к подобным себе, обещая волю, богатство и почести под знаменами Димитрия, и под эти знамена начали стекаться преступники, спасшиеся в украйну от наказания, беглые холопи и крестьяне, казаки; к ним приставали в городах посадские люди и стрельцы. Они начали в

городах хватать воевод и сажать их в тюрьмы; крестьяне и холопи начали нападать на господ своих, мужчин убивали, жен и дочерей заставляли выходить за себя замуж.

Царские войска, высланные против Болотникова, были поражены, боярский сын Пашков возмутил Тулу, Венев и Каширу; воевода Сунбулов и дворянин Прокофий Ляпунов возмутили княжество Рязанское. На востоке, по Волге, в Перми, Вятке, восстали также крестьяне, холопи, инородцы; поднялась за Лжедимитрия и отдаленная Астрахань.

3. Борьба Шуйского с Болотниковым и появление второго Лжедимитрия

Болотников переправился за Оку, снова разбил царских воевод в семидесяти верстах от Москвы, беспрепятственно приблизился к самой столице и стал в селе Коломенском, подметными письмами поднимая московскую чернь против высших сословий. Царствование Шуйского казалось конченым, но дворяне, соединившиеся с Болотниковым, Ляпунов и Сунбулов с товарищами, увидали, с кем у них общее дело, и поспешили отделиться; они предпочли снова служить Шуйскому и явились с повинною в Москву, где были приняты с радостью и награждены. Тверь, Смоленск остались верны царю Василию и прислали своих ратных людей к нему на помощь.



А. П. Сафонов. Иван Болотников перед царем Василием Шуйским

Племянник царский, молодой даровитый воевода князь Михаила Васильевич Скопин-Шуйский, поразил Болотникова благодаря особенно отступлению от него Пашкова с дворянами. Болотников принужден был бежать на юг и заперся в Туле, куда пришли к нему казацкий самозванец Лжепетр и Шаховской. Тогда Шуйский принял меры решительные: он собрал до 100 000 человек войска и в мае 1607 года сам повел его осаждать Тулу. Осажденные писали в Польшу к друзьям Мнишека, чтоб те выслали им непременно какого-нибудь Лжедимитрия, и второй Лжедимитрий наконец явился. Какого он был

происхождения – носились разные слухи, но верного между ними не было ни одного; известно об нем только то, что он был человек умный, грамотный и глубоко развращенный. Он открылся жителям Стародуба, те провозгласили его тотчас же государем, и вся северская страна последовала их примеру. Около самозванца начала собираться дружина, умножавшаяся выходцами из Литвы; но с этою малочисленною дружиною Лжедимитрий не мог идти на освобождение Тулы, и участь ее была решена: удручаемые голодом, осажденные принуждены были сдаться; Шаховского сослали в пустынь на Кубенское озеро, Болотникова утопили, Лжепетра повесили.

4. Самозванец в Тушине

Шуйский с торжеством возвратился в Москву, а между тем самозванец усиливался: к нему пришел из Литвы знаменитый наездник Лисовский, спасающийся от смертной казни, которая грозила ему в отечестве, пришло несколько знатных панов, из которых князь Рожинский сделался гетманом у самозванца; пришли казаки запорожские, донские – последние под начальством Заруцкого. Но казакам было мало одного самозванца; у них явилось их несколько под разными именами, все сыновья и внуки Иоанна Грозного. Эти мелкие самозванцы пропадали без вести, а главный начал успешно свои действия.

Весною 1608 года самозванец с гетманом своим Рожинским двинулся к Волхову, поразил здесь царское войско и поспешно пошел к Москве, где в это время шли переговоры о мире между боярами и послами короля польского: заключено было трехлетнее перемирие, с тем что Шуйский отпускает в Польшу Мнишека с дочерью и всех задержанных после убиения самозванца поляков, а король обязывается отозвать всех поляков, поддерживающих второго самозванца, и вперед никаким самозванцам не верить и за них не вступаться; Юрию Мнишеку не признавать зятем второго Лжедимитрия, дочери своей за него не выдавать, и Марине не называться московскою государынею. Посланники королевские послали сказать Рожинскому и товарищам его об этих условиях перемирия, но те отвечали, что ничьего приказа слушаться не хотят. 1 июня Лжедимитрий приблизился к Москве и расположился станом по Волоколамской дороге, в селе Тушине, между реками Москвою и Всходнею.

В битве под самою Москвою на реке Ходынке самозванец потерпел неудачу; несмотря на то, и для Шуйского мало было утешительного в будущем: ни один поляк не оставлял тушинского стана – напротив, приходили один за другим новые отряды, между прочими пришел Ян Сапега, староста усвятский, которого имя вместе с именем Лисовского получило такую знаменитость в нашей истории. Но нужнее всех этих подкреплений для самозванца было присутствие Марины в его стане. Узнав, что в исполнение договора Мнишек с дочерью отпущены в Польшу, Лжедимитрий послал перехватить их на

дороге, что и было исполнено; старый Мнишек решился продать дочь *Тушинскому вору* за богатые обещания, и Марина волею-неволею должна была играть роль царицы в Тушине, роль незавидную, потому что вор обходился с нею очень грубо.

5. Успехи тушинцев на севере

Если со стороны поляков было такое явное нарушение договора, если вор утверждался в Тушине с польскою помощью, то Шуйскому естественно было обратиться с просьбою о помощи ко врагу Польши и короля ее Карлу IX шведскому, тем более что последний уже давно предлагал эту помощь. Царь отправил племянника своего, князя Скопина-Шуйского, в Новгород, где он и начал переговоры со шведами относительно вспомогательных войск. Но в то время как шведы еще только обещали пособить Шуйскому, поляки самозванцевы действовали в пользу своего союзника под Москвой и на севере. Сапега, хотевший действовать отдельно, пошел к Троицкому монастырю и осадил его вместе с Лисовским. Сапега и Лисовский думали скоро управиться с монастырем, но встретили сильное сопротивление: все приступы их были отбиты, осадные работы уничтожены, причем монахи ревностно помогали ратным людям, составлявшим гарнизон укрепленного монастыря.

Б. А. Чориков. Осада Троице-Сергиевой лавры ляхами

Троицкий монастырь благодаря религиозному одушевлению защитников святого места, защитников гроба чудотворцева от хищных иноверцев держался, но многие другие города северные достались в руки тушинцам, захваченные врасплох среди смуты, недоумения, сомнений, овладевших гражданами. Так, захвачены были Суздаль, Владимир, Переяславль Залесский, Ростов; в последнем городе тушинцы захватили митрополита Филарета и отослали его самозванцу, который велел провозгласить его патриархом.

Ростовские беглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшие из которых, покинув дома, разбежались, остальные отправили повинную в Тушино. Двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплох, увлекаемые примером других городов, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда.

6. Восстание народа на севере против тушинцев

Но скоро из этого недоумения жители городов и сел были выведены поведением тушинцев, которые прежде всего думали о деньгах, врывались в домы знатных людей, в лавки к купцам, брали товары без денег, обижали народ на улицах, поборам не было конца. Услыхав об этих насилиях, жители отдаленных северных городов, еще не занятых тушинцами, начали пересылать друг другу грамоты с убеждением поразмыслить, повременить присягою Димитрию; Лжедимитрием, самозванцем, вором они его не называют, ибо не знают на этот счет ничего верного. Если положение городских жителей было тяжко, то еще тягостнее было положение сельских жителей: казаки не знали меры своим неистовствам, вследствие чего крестьянские восстания против тушинцев вспыхнули в разных местах; начали один за другим восставать против них и города.

7. Борьба Москвы с Тушином

В это время, когда северные города, выведенные из терпения насилиями тушинцев, изгоняют их, истребляют воевод, верных Лжедимитрию, как врагов Московского государства (ибо вопрос о государях, о законности того или другого из них по-прежнему не решен для жителей городов), снаряжают ратных людей на помощь этому государству, царь московский Василий продолжает бороться с соседом своим, царем тушинским. Мы видели, что сначала под знамена самозванца собрались люди из самых низких слоев народонаселения: крестьянин шел к самозванцу для того, чтоб не быть больше крестьянином, чтоб получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но теперь, когда подле старой столицы, Москвы, поднялась другая столица, Тушино, со своим особым царем, у которого был свой двор, свое войско, свое управление, то сильное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел из Москвы в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком; подьячий шел, чтоб сделаться думным дворянином; наконец, люди значительные, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным обстоятельствам когда-либо или скоро подвинуться к высшим чинам, шли в Тушино, где тотчас получали желаемое.

Было два царя, московский и тушинский, оба нуждались в слугах, и вот нашлось много людей, которым показалось выгодным удовлетворять требованиям обеих сторон и получать двойную плату. Некоторые, поцеловавши крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест Лжедимитрию и, взявши у него жалованье, возвращались назад в Москву; Шуйский принимал их ласково, давал награды за раскаяние, но скоро узнавал, что эти раскаявшиеся опять отправились в Тушино требовать жалованья от самозванца. Такие люди получили название *перелетов,* от легкости, с какой переходили из Москвы в Тушино и обратно. Собирались родные и знакомые, обедали вместе, а после обеда одни отправлялись во дворец к царю Василию, а другие ехали в Тушино.

Шуйского вообще не любили в Москве, но добрые граждане не хотели менять его на какого-нибудь боярина, тем менее на царя тушинского, ибо хорошо знали, чем грозит торжество вора. Вот почему

попытки свергнуть Шуйского не удавались, хотя царь жил в постоянной тревоге. Но зато и тушинский царь не был более спокоен; вся зима 1608–1609 годов прошла в смутах и бунтах, что и мешало вору действовать решительно против Москвы; на весну взбунтовались войсковые слуги, поставили сами себе начальников, ходили по областям и грабили, а к господам своим в Тушино не хотели возвратиться; для укрощения бунтовщиков надобно было выслать целые роты; притом силы самозванца были разделены, разные отряды его войска действовали в разных местах.

Под Москвой поэтому происходили битвы частные, но мелкие. Летом 1609 года произошла значительная битва между речками Ходынкою и Химкою: сначала поляки было победили, но потом русские оправились и прогнали их. Эта битва была последним важным делом между Москвою и Тушином, потому что с двух сторон союзники и враги шли избавить Москву от Тушина.

8. Движение князя Скопина-Шуйского

От Новгорода шел к Москве князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский с 5000 шведов, которых прислал на помощь царю Василию король Карл IX; шведы были под начальством генерала Делагарди; в благодарность за эту помощь Шуйский должен был уступить Швеции город Корелу с уездом и обязался вечным союзом против Польши. Весною 1609 года Скопин начал наступательные движения на тушинцев, очистил от них Старую Русу, Торопец, Торжок, Порхов, Орешек, воевода которого, Михайла Глебович Салтыков, приверженец обоих самозванцев, ушел в Тушино. Поразив тушинцев в двух битвах, Скопин приближался к Москве, куда с другой стороны, с востока, шел боярин Шереметев, также приводя города в подданство царю Василию. Таким образом, север очищался, и главные рати Шуйского с востока и запада сходились к Москве, чтоб под ее стенами дать решительный бой царю тушинскому. Самозванец был сильно встревожен, но гроза поднималась над ним еще с другой стороны.

9. Вступление польского короля в пределы Московского государства и следствия этого вступления для Тушина

В начале царствования Шуйского королю польскому Сигизмунду, угрожаемому дома сильным возмущением подданных, было не до Москвы. Но возмущение это окончилось торжеством короля, который имел теперь возможность заняться делами внешними, а между тем в дела Московского государства вмешалась Швеция, держава, ему враждебная, и Шуйский заключил с Карлом IX вечный союз против Польши.

Б. А. Чориков. Свидание князя Михаила Шуйского со шведским полководцем Делагарди

При таких обстоятельствах Сигизмунд не мог оставаться более в покое; с другой стороны, послы польские, возвратившиеся из Москвы, уверяли короля, что бояре за него, что стоит только ему показаться с войском в пределах московских, как бояре заставят Шуйского отказаться от престола и провозгласят царем королевича Владислава,

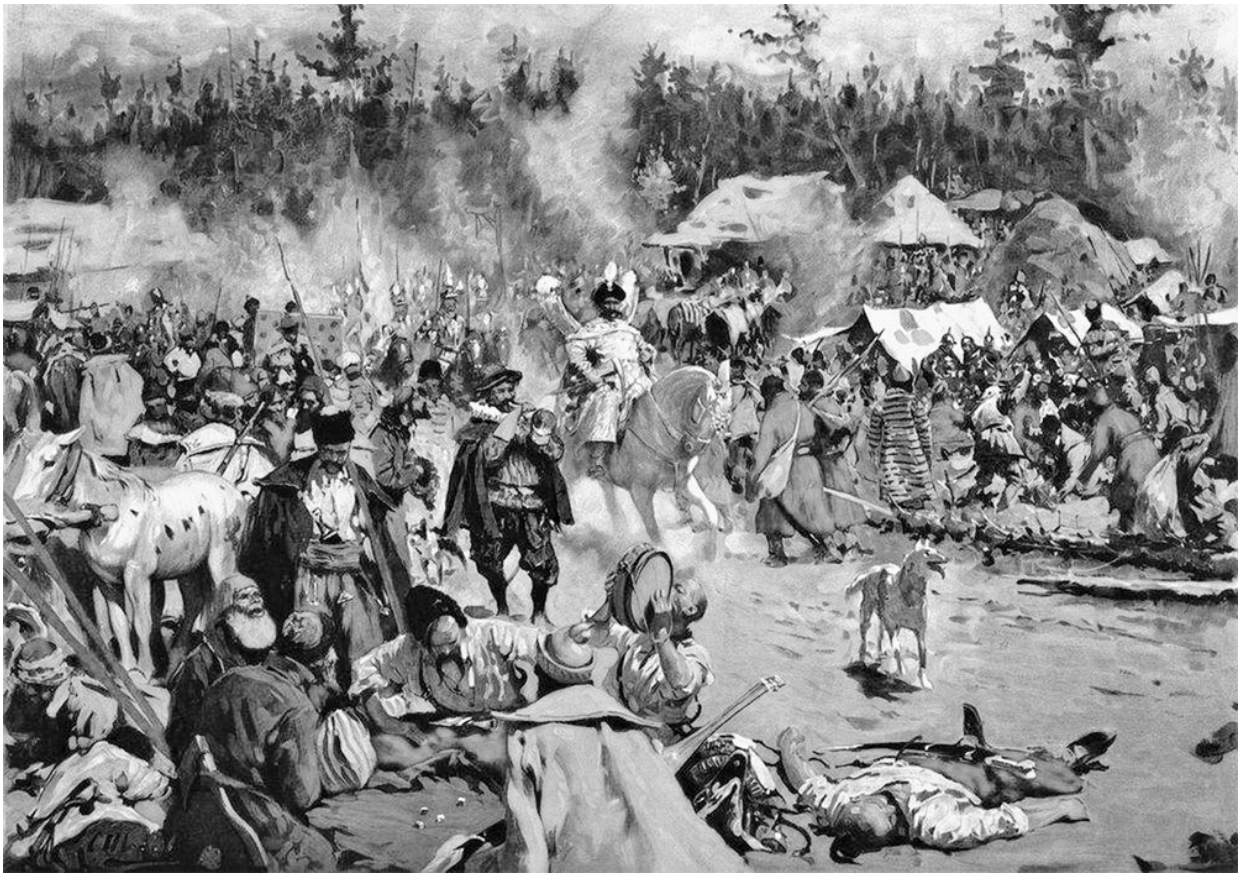
сына Сигизмундова. Но, имея власть сильно ограниченную, король Сигизмунд не мог заботиться только о своих фамильных интересах; он прежде всего должен был дать обещание сенату и сейму, что в предстоящей войне с Москвою будет заботиться только о выгодах государства польского.

Вот почему Сигизмунд спешил приобрести для Польши какое-нибудь важное место в московских владениях. Таким местом был Смоленск, издавна предмет спора между Москвою и Литвою. Сигизмунда уведомляли, что воевода смоленский Шеин и жители охотно сдадутся ему; особенно торопил короля Лев Сапега, канцлер литовский, и 21 сентября 1609 года король стоял под стенами Смоленска. Сигизмунд послал в Смоленск грамоту, в которой писал, что пришел не для пролития крови русской, но для защиты русских людей и будет стараться больше всего о сохранении православной русской веры. Но смольнян нельзя было обмануть подобными увериениями; как соседи Литвы, они хорошо знали, что в ней делается, как там Сигизмунд из ревности к католицизму позволял притеснять православную русскую веру; они отвечали королю, что у них дано обещание: за православную веру, за святые церкви и за царя всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. С самого начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступ был отбит, подкопы не удавались.

Не Смоленск, но Тушино испытало на себе весь вред от королевского похода: когда здесь узнали об этом походе, то началось сильное волнение; поляки кричали, что Сигизмунд пришел затем, чтоб отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своею кровью и трудами. Приехали в Тушино послы Сигизмундовы с требованием, чтоб все поляки оставили Лжедимитрия и соединились с войском королевским. Начались переговоры, сопровождавшиеся сильными волнениями; от этих переговоров зависела вся будущность Лжедимитрия, а между тем на него, называвшегося царем, никто не обращал внимания; польские вожди, поставленные в неприятное положение, срывали на нем сердца, бранились с ним, грозили побоями. Тогда Лжедимитрий решился бежать из Тушина и вечером, переодевшись в крестьянское платье,

уехал в Калугу. После отъезда самозванцева Рожинскому с товарищами ничего больше не оставалось, как вступить в соглашение с королем.

Но в Тушине было много русских: что им было теперь делать? Двинуться за самозванцем они не могли: поляки бы их не пустили; да и трудно им было надеяться, что самозванец успеет поправить свои обстоятельства. Они не могли решиться просить помилования у Шуйского, променять положение верное на участь, еще неизвестную даже и в случае помилования. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход – вступить в соглашение с королевскими послами, которые убеждали их отдаться под покровительство Сигизмундово. Они приняли это покровительство и отправили своих уполномоченных под Смоленск, к королю.



С. В. Иванов. В Смутное время

31 января 1610 года послы от русских тушинцев были торжественно представлены королю; явились люди разных чинов: тут был и боярин Михайла Глебович Салтыков; тут были князья и дьяки;

между дьяками первое место занимал Грамотин, человек самой подозрительной нравственности, но грамотный, ловкий, смышленый делец; тут был и Федор Андронов, бывший московский кожевник, поднявшийся в Смутное время, умевший приблизиться к первому Лжедимитрию, умевший найти почетное место и при втором в Тушине. Эти люди объявили, что согласны признать царем московским сына королевского Владислава, и написали условия: неприкосновенность православной русской веры; неприкосновенность прав высших сословий; перемена законов зависит от бояр и всей земли; никого не казнить, не осудя прежде с боярами и думными людьми; людей великих чинов невинно не понижать, а меньших людей возвышать по заслугам.

В этом последнем условии сказалось влияние дьяков и людей, подобных Андронову, которых было много в тушинском стане; незнатные, выхваченные бурями Смутного времени снизу наверх, хотят удержать свое положение и требуют, чтоб новое правительство возвышало людей низших сословий по заслугам, которые они ему окажут. Выговорено было и другое любопытное условие, в котором видно влияние Салтыкова и других приверженцев первого Лжедимитрия, видно влияние долгого пребывания русских в Тушине вместе с чужеземцами, – выговорено, что для науки вольно каждому из народа московского ездить в другие государства христианские. Но, выговорив для себя свободный выезд за границу, тушинцы вытребовали, чтоб переход крестьянский был запрещен и чтоб король не давал вольности холопям.

Между тем в Тушине продолжалось волнение; Марина тайком убежала из стана сперва к Сапеге, который снял осаду Троицкого монастыря в начале 1610 года и расположился в Дмитрове; отсюда уже Марина отправилась в Калугу к мужу, который не терял еще надежды, поддерживаемый преимущественно казаками. Наконец, в первых числах марта 1610 года Рожинский зажег тушинский стан или, скорее, город и пошел по дороге к Волоколамску. Так Москва без битвы освободилась от Тушина; скоро и Сапега оставил Дмитров и двинулся также к Волоколамску, вследствие чего князь Скопин мог беспрепятственно вступить в Москву.

10. Торжество Скопина и смерть его

Знаменитому воеводе было не более 24 лет от роду. В один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы приобретали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, желавших земле успокоения от смут; в то время как старый нелюбимый дядя его Василий не мог ничего сделать для государства, сидя в осаде, и вследствие этого бездействия исчезал для земли, самая видная, царственная деятельность принадлежала Скопину: с его именем для добрых граждан связана была надежда на избавление, на лучшее будущее. Наружность и характер Скопина много содействовали также приобретению любви народной: это был красивый молодой человек, обнаруживший светлый ум, зрелость суждения не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и осторожный вместе, ловкий в обхождении с иностранцами; кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше.

Таков был человек, которому, по-видимому, суждено было очистить Московское государство от воров и поляков, поддержать колебавшийся престол старого дяди, примирить русских людей с фамилиею Шуйских, упрочить ее на престоле царском, ибо по смерти бездетного Василия голос всей земли не мог не указать на любимца народного. Но если граждане спокойные, найдя себе точку опоры в племяннике царском, для блага земли и самого Скопина должны были терпеливо дожидаться кончины царя Василия, чтоб законно возвести на престол своего избранника, чистого от нареканий в искательствах властолюбивых, то не хотел спокойно дожидаться этого Ляпунов, не умевший сдерживать своих порывов, не сознававший необходимости средств чистых для достижения цели высокой, для прочности дела. Ляпунов отправил к Скопину посланников, которые поздравили его царем от имени Ляпунова и подали грамоту, наполненную укоризнами против царя Василия. В первую минуту Скопин разорвал грамоту и велел схватить присланных, но потом позволил им упросить себя и отослал их назад в Рязань, не донеся в Москву. Этим воспользовались, чтоб заподозрить Скопина в глазах дяди.

21 марта 1610 года Скопин с Делагарди имел торжественный въезд в Москву и был встречен москвичами с восторгом. Царь Василий

встретил племянника также очень ласково, но иначе вел себя брат царский, князь Димитрий Иванович Шуйский, который считал себя наследником престола и, увидав себе страшного соперника в Скопине, возненавидел его. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегал Михаила, уговаривал его как можно скорее оставить Москву и выступить к Смоленску против Сигизмунда, положение которого было вовсе не блестящее: Смоленск не сдавался, северские города нужно было брать с большими усилиями, со страшною резнею. Рожинский с тушинскими поляками, остановившийся в Иосифовом Волоколамском монастыре, умер там; после его смерти поляки были вытеснены из монастыря русскими и шведскими их союзниками, причем должны были покинуть русских, выведенных ими из Тушина, и в том числе митрополита Филарета, который, таким образом, получил возможность уехать в Москву. Одна часть этих тушинских беглецов ушла к Лжедимитрию в Калугу, другая решилась соединиться с королем, но самозванец и Сигизмунд оба не много выигрывали от этой помощи; первый видел московские отряды под самою Калугою, а король, который поспешил под Смоленск с малыми силами в надежде на смуты, терзавшие Московское государство, теперь должен был бояться неравной борьбы с врагами сильными и раздраженными. Видя опасность, он попытался было войти в переговоры с московским царем, но Василий, ободренный благоприятным оборотом дел, отклонил их. Счастье, впрочем, улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 апреля князь Скопин на пиру у князя Воротынского занемог кровотечением и после двухнедельной болезни умер. Пошел общий, хотя неосновательный, слух об отраве, и преступление было приписано князю Димитрию Шуйскому, подозревали и самого царя Василия. Смерть Скопина и это подозрение были гибельны для Шуйского, ибо один Скопин был крепкою связью между царем и народом, поддерживая в последнем надежду на лучшее будущее. Но теперь будущее для народа нисколько уже не связывалось с фамилиею Шуйских: царь Василий стар и бездетен, брата его Димитрия и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли в отравлении племянника. Когда, таким образом, смертью Скопина порвана была связь русских людей с Шуйскими, когда взоры многих невольно и тревожно обращались в разные стороны, ища опоры для будущего, раздался голос, призывавший к выходу из тяжелого положения: то был голос

знакомый, голос Ляпунова. Рязанский воевода поднимается против Шуйского, требует его свержения, в Калуге заводит переговоры с самозванцем, в Москве совещается с князем Василием Васильевичем Голицыным, который сильно желает занять престол по свержении Шуйского.

11. Сведение царя Василия с престола

В то время когда уже Ляпунов поднял восстание в Рязани, войско московское вместе с вспомогательным шведским отрядом выступило против поляков по направлению к Смоленску. Кто же был главным воеводою? Князь Димитрий Шуйский, обвиняемый в отравлении племянника, не любимый и без того за гордость, презираемый за изнеженность!

Король, узнав о выступлении этого войска, отправил навстречу к нему гетмана Станислава Жолкевского, который напал на Шуйского 24 июня при деревне Клушине и благодаря особенно измене иностранных союзников Шуйского разбил последнего наголову. После этой победы Жолкевский, провозглашая царем королевича Владислава, пошел к Москве, а с другой стороны спешил к ней из Калуги самозванец, надеявшийся, что москвичи в крайности скорее поддадутся ему, чем признают царем польского королевича. Захар Ляпунов, брат Прокофия, уже волновал Москву; 17 июля толпы народа собрались на Красной площади, отсюда за теснотою места двинулись за Москву-реку, к Серпуховским воротам, и здесь бояре и всякие люди приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, потому что кровь многая льется, в народе говорят, что он государь несчастлив, и не хотят его города украинские, которые отступили к вору.

Василий должен был согласиться с этим приговором, выехал из дворца в свой прежний боярский дом. Но этим не удовольствовались: 19 июля Захар Ляпунов с товарищами насильно постригли его в монахи и свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его; двоих братьев посадили под стражу.

Б. А. Чориков. Царь Василий Иванович Шуйский вступает в монашество

Глава XXXII. Междуцарствие

1. Провозглашение царем королевича Владислава

По свержении Шуйского во главе правительства стала дума боярская; все должны были присягать – до избрания нового царя повиноваться боярам. Но где было взять нового царя? Большинство, и большинство огромное, не хотело поляка Владислава, чернь благоприятствовала Лжедимитрию, но знатные и средние люди не хотели о нем и слышать как о воре, царе казацком. Патриарх Гермоген требовал избрания царя из вельмож русских, предлагал им князя Василия Васильевича Голицына или четырнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича.

Но это желание выбрать царя из своих не могло на этот раз осуществиться: в Можайске стоял гетман Жолкевский, требуя, чтоб Москва признала царем Владислава, а в селе Коломенском стоял Лжедимитрий.

Временному правительству московскому не было возможности отбиваться от Жолкевского и Лжедимитрия вместе, особенно когда у последнего были приверженцы между низшим народонаселением города, некогда было созывать собор для избрания царя всею землею, надобно было выбирать из двоих готовых искателей престола, Лжедимитрия и Владислава. Узнавши, что приверженцы Лжедимитрия хотят впустить его войско тайно в Москву, первый боярин, князь Мстиславский, послал сказать Жолкевскому, чтоб тот шел немедленно под столицу. Когда он подошел под Москву, то начались переговоры между ним и боярами. Жолкевский объявил, что он согласен только на те условия избрания Владислава, которые были приняты русскими тушинцами под Смоленском, но так как бояре требовали, чтоб королевич принял православие до приезда своего в Москву, то это условие положено было передать на решение короля.

27 августа происходила торжественная присяга московских жителей королевичу Владиславу, но чрез два дня после этой присяги приехал из-под Смоленска Федор Андронов с письмом от короля, который требовал от гетмана, чтоб Московское государство было упрочено за ним самим, а не за сыном его. Вслед за Андроновым

приехал поляк Гонсевский с подробнейшим наказом для гетмана, но не только сам гетман, даже и Гонсевский, узнав положение дел, счел невозможным исполнить желание короля, которого одно имя, по собственному признанию поляков, было ненавистно московскому народу. Жолкевский не обнаружил ни в чем намерений королевских, исполнил свое обещание, данное боярам, отогнал самозванца от Москвы опять в Калугу и начал настаивать на скорейшем отправлении послов к Сигизмунду для испрошения Владислава в цари и для окончательного улажения дела.

Это посольство давало гетману случай удалить из Москвы подозрительных людей, на которых патриарх указывал народу как на достойных занять престол. Жолкевский уговорил Голицына принять на себя посольство: удалив из Москвы, отдавши в руки королевские искателя престола, гетман удалил с тем вместе самого видного по способностям и деятельности боярина, с остальными легче было управиться. Михаил Феодорович Романов был еще очень молод, его нельзя было включить в посольство, и потому Жолкевский постарался, чтоб послом от духовенства назначили отца Михайлова, митрополита Филарета, как человека, соединявшего в себе высокость сана с знатностью происхождения, чего не имели другие архиереи.

2. Посольство Филарета Никитича и князя В. В. Голицына к королю; вступление поляков в Москву; отъезд Жолкевского и переговоры великих послов с панами под Смоленском

Филарет и Голицын отправились под Смоленск к королю; Жолкевский остался под Москвою с небольшим своим войском, остался в положении очень опасном: он видел, что русские только вследствие крайней необходимости согласились принять на престол иноземца и никогда не согласятся принять иноверца, а Сигизмунд никогда не согласится позволить сыну принять православие.

Но самозванец помогал гетману: из страха пред простым народом, который не переставал обнаруживать расположение свое к Лжедимитрию, бояре сами предложили Жолкевскому ввести польское войско в Москву; патриарх сначала сильно этому противился, но потом уступил, и ночью с 20 на 21 сентября поляки тихо вступили в Москву. Жолкевский для собственной выгоды хотел предотвратить всякое враждебное столкновение между поляками и русскими: решение распрей между ними предоставлено было равному числу судей из обоих народов, суд был беспристрастный и строгий. Гетман привлек к себе стрельцов обходительностью, подарками и угощениями, подружился с патриархом. Несмотря, однако, на все эти приязненные отношения и ловкие меры, Жолкевский знал, что восстание вспыхнет при первой вести о нежелании короля отпустить Владислава в Москву, знал, что эта весть может прийти очень скоро, и потому поспешил уехать из Москвы, оставя на свое место Гонсевского. Гетман взял с собою к королю сверженного царя Василия Шуйского с двоими его братьями из опасения, чтоб они смут не наделали.

Двое других подозрительных лиц, Филарет и Голицын, были уже под Смоленском во власти короля, в совете которого было решено не отпускать Владислава в Москву на том основании, что он еще молод, требует искусного воспитания, которое трудно получить в Москве, по той же молодости не способен успокоить внутренние волнения; выбранный по необходимости, будет свержен при первом удобном случае, а главное побуждение к свержению уже готово – иноверие.

Положено было не отказывать русским прямо в королевиче, но манить обещаниями, оставляя правление за королем. На этом основании паны объявили великим послам Филарету и Голицыну, что король не может отпустить своего пятнадцатилетнего сына в Москву, хочет прежде сам успокоить Московское государство, после чего паны начали настаивать на самом важном для Польши – чтоб Смоленск сдался на имя королевское.

Послы никак не хотели на это согласиться, требовали, чтоб Владислав немедленно был отпущен в Москву, ибо только такой немедленный приезд его туда уничтожит недоверчивость и прекратит все смуты. Время проходило в бесполезных спорах, причем паны, раздражаемые самою несправедливостью своих требований, позволяли себе жесткие выходки против послов. Приезд гетмана Жолкевского под Смоленск нисколько не подвинул дела. Видя непреклонность главных послов, обратились к второстепенным, обещаниями склонили некоторых изменить своему делу, бросить главных послов и отправиться в Москву, чтоб там действовать в пользу короля. Хотели поколебать и думного дьяка Томилу Луговского, суля милости королевские, предлагали ему ехать под Смоленск и уговаривать его жителей к сдаче. Но Томила остался непреклонен и отвечал: «Как мне это сделать и вечную клятву на себя навести? Не только Господь Бог и люди Московского государства мне за это не потерпят, и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках, и мне первому соблазн ввести? По Христову слову лучше навязать на себя камень и вринуться в море. Присланы мы к королевскому величеству не о себе промышлять и челом бить, но о всем Московском государстве».

3. Поведение Салтыкова и Андронова в Москве; восстание восточных городов против Владислава и смерть второго Лжедимитрия

Но не все так думали, как Томила Луговской. Первый боярин, князь Мстиславский, принял от короля сан конюшего; другие писали униженные письма к литовскому канцлеру Льву Сапеге, чтоб похлопотал об них у короля; многие отправились сами к королю под Смоленск бить челом о милостях: до нас дошло множество грамот Сигизмундовых, жалованных разным русским людям на поместья, звания, должности. Таким образом, временное правительство московское, дума боярская, молча согласилось признать короля правителем до приезда Владислава; большая часть бояр, впрочем, этим и ограничивалась, но не ограничивался этим Михаила Глебович Салтыков, который прямо вел дело к тому, чтоб царем был провозглашен не Владислав, а Сигизмунд.

Но одного Салтыкова было мало, а потому в Смоленском стане признали полезным принять услуги и другого рода людей, именно тех тушинцев, которые готовы были на все, чтоб только выйти из толпы. Виднее всех этих людей был Федор Андронов; он умел приблизиться к королю и к его советникам до такой степени, что король приказал московским боярам сделать его государственным казначеем. Андронов в этом новом звании служил верою и правдою королю; все требования Гонсевского он исполнял беспрекословно; лучшие вещи из казны царской были отосланы к королю; некоторые взял себе Гонсевский; Андронов постарался также, чтоб на всех главных местах управления посажены были его тушинские товарищи.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядом с собою в думе торгового мужика Андронова с важным званием казначея; особенным бесчестием для себя считали они то, что этот торговый мужик осмеливался говорить против старых бояр – Мстиславского, Воротынского, – распоряжался всем, пользуясь полной доверенностью короля и Гонсевского. Но если сердились Мстиславские, Воротынские, Голицыны, то еще больше сердился на Андронова боярин Салтыков,

который за свою преданность королю хотел играть главную роль и должен был, однако, делиться властью с торговым мужиком.

А. М. Васнецов. Гонцы. Ранним утром в Москве. Из серии «Смутное время»

Между этими людьми немедленно же началось соперничество, они доносили друг на друга канцлеру Льву Сапеге, причем каждый выставлял свои заслуги королю и королевству польскому в прошедшем, свое радение для будущего; так, Салтыков писал Сапеге: «Пусть король идет в Москву не мешкая, распустив слух, что идет на вора в Калуге. Как будет король в Можайске, то отпиши ко мне сейчас же, а я бояр и всех людей приведу к тому, что пришлют бить челом королю, чтоб пожаловал в Москву, государство сына своего очищал и на вора наступал». Но Салтыков встречал сильное сопротивление своим замыслам в патриархе, который, блюдя за выгодами Церкви, никак не хотел согласиться на призвание короля в Москву. Народ стоял на стороне патриарха, и, чем яснее обнаруживались замыслы Сигизмунда и его русских клевретов, тем сильнее становилось волнение в пользу вора калужского.

По подозрению в сношениях с Лжедимитрием поляки посадили под стражу князя Андрея Голицына (брата Василия Васильевича), Ивана Михайловича Воротынского и Засекина. Казань и Вятка явно присягнули самозванцу и разослали грамоты по другим городам, убеждая их сделать то же самое. Но города переписывались о присяге Лжедимитрию, когда уже его не было в живых: 11 декабря он был убит крещеным татарином Петром Урусовым, который поклялся отомстить ему за служилого татарского царя касимовского, умерщвленного по приказу Лжедимитрия.

4. Первое общее восстание против поляков

Смерть вора была вторым поворотным событием в истории Смутного времени, считая первым вступление короля Сигизмунда в пределы Московского государства, – вступление, поведшее, с одной стороны, к уничтожению тушинского стана, с другой – к свержению Шуйского. Теперь, по смерти самозванца, у короля и московских приверженцев его не было более предлога требовать дальнейшего движения Сигизмундова в русские области. Лучшие люди в Москве и по областям, которые согласились призвать царем Владислава только из страха покориться казацкому царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков.

Как только в Москве узнали, что вор убит, то русские люди обрадовались и стали друг с другом говорить, как бы всей земле, всем людям соединиться и стать против литовских людей, чтоб они из земли московской вышли все до одного. Салтыков и Андронов писали к Сигизмунду, что патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит: если королевич не крестится в христианскую веру и все литовские люди не выйдут из московской земли, то королевич нам не государь; такие же слова патриарх и в грамотах писал во многие города, а москвичи всякие люди хотят стоять против поляков.

Но и тут, при всеобщей готовности стоять против поляков, первый двинулся Ляпунов в Рязани. И другие города начали опять переписываться друг с другом, увещевать друг друга стать за веру православную, вооружиться на поляков, грозящих ей гибелью. Первые подали голос жители волостей смоленских, занятых, опустошенных поляками. Смольняне писали, что они покорились полякам, дабы не лишиться православного христианства и не подвергнуться конечной гибели, и, несмотря на то, подвергаются ей: вера поругана, церкви разорены, все разграблено. Москвичи, получив эту грамоту, разослали ее в разные города с приложением собственной увещательной грамоты. Области поднялись на этот призыв к соединению для защиты веры, собирались под знамена служилые люди, дворяне и дети боярские, горожане складывались и давали им содержание.

5. Причины неудачи первого ополчения

Несмотря, однако, на сильное одушевление и ревность к очищению государства от врагов иноверных, предприятие не могло иметь успеха по двум причинам: во-первых, потому что во главе его становился Ляпунов, человек страстный, не могший принесть свои личные отношения в жертву общему делу. Выдвинутый бурями Смутного времени на высокое место, стремясь страстно к первенству, Ляпунов ненавидел людей, которые загораживали ему дорогу, опираясь на свое прежнее значение, на значение своих предков. Ставши главным вождем ополчения, он не только не хотел сделать никакой уступки людям знатным, но находил особенное удовольствие унижать их, величаясь перед ними своим новым положением, и тем самым возбуждать негодование, вражду, смуты. Другою, еще более важною причиною неуспеха было то, что Ляпунов, издавна неразборчивый в средствах, и теперь, при восстании земли для очищения государства, для установления порядка, подал руку – кому же? – врагам всякого порядка, людям, жившим смутой, – казакам. С ним соединились казаки, бывшие под начальством Заруцкого, Просовецкого, князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого – все тушинских бояр и воевод. Трубецкой и Заруцкий приглашали отовсюду казаков, обещая крепостным людям волю и жалованье.

6. Сожжение Москвы

В это время, когда и дворяне, и казаки с разных сторон, с разными целями спешили к Москве, Салтыков с товарищами предложил боярам просить короля, чтоб отпустил Владислава в Москву; к великим послам Филарету и Голицыну написать, чтоб отдались во всем на волю королевскую, а к Ляпунову – чтоб не затевал восстания. Бояре согласились, но не согласился Гермоген. «Положиться на королевскую волю, – говорил он, – значит целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и Литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех идти под Москву и помереть за православную веру».

Салтыков начал бранить Гермогена и вынул даже нож; но патриарх, перекрестив его, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем!» Таким образом, приказ послам положиться во всем на волю королевскую был отправлен за подписью одних бояр, без патриарховой. На этом основании Филарет и Голицын отказались исполнить приказ; они говорили: «Отпускали нас патриарх, бояре и все люди Московского государства, а не одни бояре; теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный, без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже».

А. М. Васнецов. У Мясницких ворот Белого города

Видя непоколебимость этого начального человека, поляки посадили его под стражу, никого не велели пускать к нему, всем русским людям в Москве запретили ходить с оружием, а сами сильно вооружались, предвидя осаду. 19 марта 1611 года, во вторник на Страстной неделе, поляки начали принуждать извозчиков, чтоб шли помогать им тащить пушки на башню. Извозчики не согласились, начался спор, крик; немцы, находившиеся в польской службе, думая, что началось народное восстание, ринулись на толпу и стали бить русских; поляки последовали примеру немцев, и началась страшная резня безоружного народа в Китай-городе, где погибло до 7000 человек; но в Белом городе русские имели время собраться, вооружиться, прогнали неприятеля в Кремль и Китай, причем важную помощь народу оказал князь Димитрий Михайлович Пожарский, прославившийся при Шуйском защитою Зарайска от Лжедимитрия. Загнанные в Кремль и Китай-город, обхваченные со всех сторон

восставшим народонаселением, поляки зажгли Москву в нескольких местах, и весь город, кроме Кремля и Китая, выгорел.

Но поляки торжествовали недолго среди пепла и развалин московских: 25 марта, в понедельник на Святой неделе, ополчение Ляпунова, Заруцкого и других воевод, в числе 100 000 человек, подошло к Москве и осадило неприятеля, который вскоре был приведен в бедственное положение по недостатку съестных припасов.

П. П. Чистяков. Патриарх Гермоген в темнице отказывается подписать грамоту

7. Заточение Филарета и Голицына и взятие Смоленска

В то же время под Смоленском паны вымогали на послах Филарете и Голицыне, чтоб они согласились впустить поляков в Смоленск; те не согласились, и 12 апреля их схватили, ограбили и отправили в заточение в Мариенбург, в Пруссию. 3 июня Смоленск был взят приступом после геройского сопротивления жителей, которое сами поляки сравнивают с сопротивлением сагунтинцев. Шеина пытали, отправили в оковах в Литву. Радость о взятии Смоленска была неописанная в Литве и Польше; думали, что этим взятием все кончено; забыли, что в Москве горсть поляков осаждена многочисленным неприятелем.

Вместо того чтоб тотчас же идти к ним на помощь, король принужден был распустить войско и отправился на сейм в Варшаву, куда повезли и пленного царя московского Василия Шуйского с братьями; давши народу варшавскому невиданное зрелище – торжественный въезд пленного московского царя. Шуйских заключили в Гостынском замке, где Василий Иванович с братом Димитрием скоро умерли.

8. Смерть Ляпунова

Осажденные в Москве поляки остались без помощи и были спасены только раздором, господствовавшим в стане осаждавших. 30 июня 1611 года «Московского государства разных земель царевичи (татарские), бояре, окольничие и всякие служилые люди, которые стояли за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую веру, приговорили и выбрали всею землею бояр и воевод: князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого, Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина Прокофья Петровича Ляпунова, чтоб они строили землю и всяким земским и ратным делом промышляли; если же они всяких земских и ратных дел делать не станут, то всею землею вольно их переменить, а на их место выбрать других, поговоря со всею землею».

Но между этими избранными троеначальниками была великая ненависть и гордость, ни один не хотел быть меньше другого, всякий хотел один владеть. Ляпунов попрекал Трубецкому и Заруцкому Тушином, от гордости его отецким детям много позора было: не только дети боярские, но и сами бояре должны были приходить к нему на поклон и стояли у его избы долгое время, никого к себе прямо не пускал, а к казакам был очень жесток, и за то была на него ненависть большая. Этой ненавистью воспользовался Пжсевский, чтоб погубить Ляпунова, который был ему опаснее всех других воевод, как воевода дворянский, а не казацкий и как человек, который превосходил своих товарищей способностями и энергиею.

На одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Заварзина; Заварзин начал стараться, как бы освободить товарища, и выпросил у Гонсевского позволение повидаться с ним и переговорить. Гонсевский воспользовался этим случаем, велел написать грамоту от имени Ляпунова, в которой тот писал во все города: «Где поймают казака – бить и топить». Под руку Ляпунова искусно было подписано на грамоте, которую пленный казак отдал Заварзину, а Заварзин, возвратившись в стан, показал ее казакам. Казаки, по обычаю своему, собрались в круге, куда вызвали Ляпунова, и стали кричать, что он изменник; Ляпунов отрекался, что он грамоты не писал; начался спор и кончился тем, что Ляпунов лежал мертвый под

казацкими саблями; с ним вместе убили Ивана Никитича Ржевского, который был Ляпунову большой недруг, но тут, видя его правду, за него стал и умер с ним вместе.

Со смертью Ляпунова дворяне остались без вождя во власти казаков; многие из них были побиты, многие изувечены, другие разъехались по домам; нашлись и такие, которые купили у Заруцкого воеводства и разные другие должности и отправились по городам наверстывать заплаченные деньги; казаки ездили по дорогам станицами, грабили и побивали.

9. Взятие Новгорода шведами и появление третьего самозванца

В то время, когда казаки убийством Ляпунова и разогнанием лучших дворян остановили успехи ополчения под Москвою, на северо-западе Новгород Великий достался в руки шведам. После Клушинского сражения Делагарди отступил со своим отрядом на северо-запад, и когда Москва присягнула врагу короля его, Владиславу польскому, то начал враждебно действовать против русских, забирать их города. Но когда произошло восстание против Владислава и поляков, то вожди ополчения завели сношения со шведами насчет избрания в цари одного из сыновей Карла IX.

Переговоры затянулись, потому что и шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов, а между тем в Новгороде происходили смуты, ссоры между воеводами, подавшие Делагарди надежду овладеть городом. Надежда исполнилась: в ночь на 16 июля по указанию одного изменника шведы вошли в Новгород так, что никто не видал, общего сопротивления не было, частные геройские сопротивления не помогли: в одном месте выставили сильное сопротивление стрелецкий голова Гаютин, дьяк Теленищев, Орлов и казачий атаман Шаров с сорока казаками; в другом – софийский протопоп Аммос, погибший в пламени со всеми своими товарищами. Новгород покорился шведам с условием, что один из сыновей королевских будет царем русским, но обязался признать покровителем своим самого короля.

В Новгороде были шведы, в Псковской области явился новый самозванец, Лжедимитрий; подмосковное ополчение Трубецкого и Заруцкого продолжало осаду, битвы происходили здесь с переменным счастьем: литовский гетман Ходкевич, пришедший осенью на помощь к осажденным, не мог ничего сделать и отступил после нескольких не очень удачных для себя сшибок; неудача его происходила оттого, что у него было всего 2000 войска, да и это войско делилось на партии. Бояре, осажденные вместе с поляками в Кремле, видели, что только немедленное прибытие короля или королевича с войском может спасти их, и потому отправили к Сигизмунду новое посольство, составленное

из князя Юрия Никитича Трубецкого и Михайлы Глебовича Салтыкова, готовых удовлетворить всем требованиям королевским.

Но русские люди в областях ждали спасения не от короля из Польши и не от казаков, стоящих под Москвою: гибель Ляпунова открыла им глаза насчет казаков, и они решились покончить с ними. Так, жители Казани писали пермичам: «Под Москвою, господа, поборника по Христовой вере Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили, но мы согласились: быть всем в соединеньи, за Московское и Казанское государство стоять, дурного ничего друг над другом не делать, быть всем по-прежнему, казаков в города не пускать, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст на Московское государство государя, а выбрать нам государя всею землею; если же казаки станут выбирать государя одни по всей воле, то нам такого государя не хотеть».

10. Троицкие грамоты

Таким образом, смерть Ляпунова не привела в отчаяние русских людей; нравственные силы народа были напряжены по-прежнему, и по-прежнему раздавались увещания к единодушному стоянию за веру отцовскую. Прежде призывал к восстанию за веру начальный человек, патриарх; теперь не было его слышно из темницы кремлевской, но вместо грамот патриарших шли призывные грамоты от властей Троицкого Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Смиренный и уступчивый, когда дело шло о нем самом, Дионисий шел впереди, обнаруживал необыкновенную твердость, когда дело шло о благе общем, о служении страждущим.

Когда Москва была разорена и казаки свирепствовали в окрестных областях, толпы беглецов, изломанных, обожженных, истерзанных, с разных сторон устремились к Троицкому монастырю. Приведенные в отчаяние множеством этих несчастных, монахи, слуги и крестьяне монастырские не знали что делать; Дионисий воодушевил их и заставил подавать деятельную помощь несчастным: монастырь Троицкий превратился в больницу и богадельню, а в келье архимандричьей сидели писцы борзые, сочиняли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли.

11. Минин и Пожарский

В октябре 1611 года увещательная троицкая грамота явилась в Нижнем Новгороде; когда в соборной церкви протопоп прочел ее пред всем народом, то земский староста (градский глава) мясной торговец Кузьма Минич Сухорукий начал говорить: «Если мы захотим помочь Московскому государству, то нечего нам жалеть имения, не пожалеем ничего: дома свои продадим, жен и детей заложим и будем бить челом, кто бы вступился за православную веру и был у нас начальником». Положено было скликать служилых людей и собирать деньги им на жалованье.

Но прежде чем скликать ратных людей, надобно было найти воеводу. В это время в Суздальской области жил воевода известный князь Димитрий Михайлович Пожарский, долечивавшийся от ран, полученных им при разорении Москвы. Минин снесся с ним, уладил дело и сказал народу, что не за кем больше посылать, кроме князя Пожарского. На просьбу нижегородцев Пожарский отвечал: «Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну сбирать». Когда нижегородцы отвечали, что у них нет на примете такого человека, то Пожарский сказал: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай». Тогда нижегородцы стали бить челом Кузьме, чтоб принялся за дело; Минин отказывался до тех пор, пока нижегородцы не сдались на всю его волю, пока не написали приговора, что не пожалеют ничего для великого дела.

12. Пожарский в Ярославле

Как скоро разнеслось везде, что нижегородцы поднялись и готовы на всякие пожертвования, то ратные люди стали собираться к ним отовсюду. Пожарский с нижегородцами разослал повсюду грамоты, в которых говорилось: «Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идем на помощь Московскому государству; к нам приехали из многих городов дворяне, и мы приговорили имение свое и домы с ними разделить, жалованье им дать. И вам бы, господа, также идти на литовских людей поскорее. От казаков ничего не опасайтесь: как будем все в соборе, то всей землей совет учиним и ворам ничего дурного сделать не дадим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и на поляков идти вместе, чтоб казаки по-прежнему рати не разогнали». Так кончился 1611 год и начался 1612-й.

М. И. Песков. Обращение Кузьмы Минина к нижегородцам

Неизвестный художник. Князь Д. М. Пожарский принимает московских послов

Весть о новом ополчении добрых граждан встревожила одинаково и осажденных поляков в Москве, и осаждающих казаков. Поляки прислали к Гермогену русских людей, которые стали его уговаривать отписать к нижегородскому ополчению, чтоб не ходило под Москву; Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского государства, а вы, изменники, будьте прокляты». Скоро после этого Гермоген скончался (17 февраля 1612 года) от недостатка в пище.

В то время как добрые граждане приговорили пожертвовать всем для успокоения государства, казаки подмосковного стана приговорили присягнуть третьему, псковскому самозванцу и послать отряды на север, чтоб мешать нижегородскому ополчению. Но Пожарский предупредил казаков и в первых числах апреля занял Ярославль,

важный пункт, обеспечивающий соединение с северными областями. Скоро пришла весть, что подмосковное ополчение отказалось от третьего самозванца, который был схвачен в Пскове, но ополчение Пожарского должно было надолго остановиться в Ярославле: во-первых, надобно было подождать ратных людей, шедших из отдаленных областей, потом нужно было выгнать казацкие шайки, разбойничавшие в северных уездах, нужно было обезопасить себя и от шведов, занимавших Новгород. С казаками управились силой; шведов положено было манить переговорами насчет избрания одного из их королевичей в цари русские.

Для прекращения внутренних смут, споров между начальными людьми о старшинстве вызван был в посредники бывший ростовский митрополит Кирилл, которому и удалось утишить распри. Но когда все уладилось и ополчение готово было выступить из Ярославля, Пожарский чуть-чуть не погиб от ножа убийцы вследствие казацкого заговора.

13. Пожарский в Москве

Понятно, с каким чувством после этого Пожарский и все ополчение должны были выступать в поход под Москву, где под видом союзников должны были встретить убийц. К счастью, число казаков под Москвой очень уменьшилось: Заруцкий с преданными ему казаками покинул стан, взял в Коломне Марину с маленьким ее сыном Иваном, которого она имела от тушинского вора, и пошел на юго-восток, к степям, приволью казаков и самозванцев. Число поляков, сидевших в Кремле и в Китай-городе, также очень уменьшилось: многие из них самовольно оставили службу и ушли в Польшу; уехал и Гонсевский, на место которого принял начальство Струсь.

Э. Э. Лисснер. Освобождение Кремля от поляков

Но зато опять шел к Москве гетман Ходкевич; Пожарский упредил его и 18 августа подошел к Москве. Трубецкой с казаками требовали,

чтоб новое ополчение стало с ними вместе; но ратные люди, пришедшие с Пожарским, помнили участь Ляпунова и объявили: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

Вечером 21 августа явился под Москву и Ходкевич. Чтоб загородить ему дорогу в Кремль, русское войско стало по обоим берегам Москвы-реки – Пожарский на левом, Трубецкой на правом, 22-го числа гетман напал на Пожарского, но был отбит; 24-го он двинулся по правой стороне реки к Кремлю; казаки в решительную минуту отказались биться и ушли в свой стан, но троицкий келарь Авраамий Палицын успел уговорить их вступить в дело; тогда общими усилиями дворян и казаков, и особенно благодаря смелому движению Минина с отборным отрядом, дело кончилось в пользу русских: Ходкевич был отбит и ушел к литовским границам, не успев снабдить осажденных съестными припасами.

14. Очищение Китай-города и Кремля от поляков

22 октября казаки пошли на приступ и взяли Китай-город. В Кремле поляки держались еще месяц, терпя страшный голод, заставлявший есть человеческое мясо; наконец сдались на условии, чтоб им была оставлена жизнь. Сперва были выпущены из Кремля бояре – князья Мстиславский, Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом Феодоровичем; потом вышел Струсь с товарищами, а 27 ноября ополчение и народ с торжеством вошли в очищенный от врагов Кремль. Трубецкой и Пожарский после отбития Ходкевича жили согласно и вместе управляли делами, потому что Пожарский, не будучи нисколько похож на Ляпунова, отличался скромностью и уступил Трубецкому первенство как старшему по чину: Трубецкой был боярин, а Пожарский – стольник. Но казаки Трубецкого не давали покоя дворянам Пожарского; пропивая и проигрывая все получаемое, казаки были постоянно бедны, постоянно требовали жалованья и волновались в случае отказа, кричали, что побьют начальных людей; едва между ними и дворянами не дошло до боя.

15. Неудачный поход короля Сигизмунда против Москвы и избрание царя Михаила Феодоровича Романова

Ратные люди, думая, что с очищением Кремля все кончено, начали разъезжаться из Москвы, как вдруг пришла весть, что сам король Сигизмунд идет с войском к столице. В Москве сильно испугались, ибо ни войска, ни съестных припасов в достаточном количестве для осады не было. Страх, впрочем, был непродолжителен: король с тем небольшим войском, какое у него было, не мог даже взять и Волоколамска и ушел назад в Польшу.

Отступление Сигизмунда дало досуг заняться избранием царя всею землею. Разосланы были грамоты по городам, чтоб присланы были в Москву духовные власти и выборные из дворян, детей боярских, торговых, посадских и уездных людей; чтоб выбраны были лучшие люди, крепкие и разумные, и чтоб духовенство и эти выборные договорились в своих городах накрепко и взяли у всяких людей полные договоры насчет царского избрания. Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. Положили прежде всего не выбирать иностранцев, выбирать своих, русских; тут начались козни, смуты и волнения: всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели сами престола, подкупали и засылали; образовались партии, но ни одна из них не брала верх; наконец, произнесено было имя, которое согласило всех, имя Михаила Феодоровича Романова.

21 февраля 1613 года был последний собор: каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека – Михаила Феодоровича. Пошли несколько духовных лиц и один боярин на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь, кого он хочет в цари. «Михаила Феодоровича Романова», – был ответ.

Глава XXXIII. Царствование Михаила Феодоровича

1. Посылка в Кострому за Михаилом и подвиг Сусанина

Провозгласивши царем шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, собор назначил несколько знатных духовных и светских лиц ехать к нему и от имени всех чинов просить, чтоб был государем и ехал в Москву. 13 марта послы приехали в Кострому, где в Ипатьевском монастыре жил тогда Михаил с матерью, монахинею Марфою Ивановною, 14-го числа соборные послы дошли в монастырь крестным ходом вместе со всеми костромичами.

Г. И. Угрюмов. Призвание на царство Михаила Романова

Услыхавши от послов предложение идти в Москву и царствовать, Михаил отказался. Марфа Ивановна говорила: «Сын мой в несовершенных летах, и люди Московского государства измалодушествовались, прежним государям – царю Борису, Лжедимитрию и Василию Шуйскому присягали и потом изменили;

кроме того, Московское государство разорено вконец: прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели; и будущему царю чем служилых людей жаловать, свой двор содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в плену у польского короля, который, узнавши об избрании сына, отомстит за это на отце».

Соборные послы отвечали, что избран Михаил по Божьей воле, а три прежних государя садились на престол по своему желанию, неправо, отчего во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, грозили, что в случае отказа Бог взыщет на нем окончательное разорение государства; наконец Марфа Ивановна благословила сына принять престол.

Слова соборных послов, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства наказались и пришли в соединение, – эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом русские люди научились, к чему ведут смуты, несогласия и междоусобие; они имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и будут теперь в состоянии поддержать нового государя, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала Марфа. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстановлявшего порядок, показывал всего лучше подвиг Сусанина.

Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в Костроме, отряд врагов, узнавши об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить соперника Владиславова; в этих поисках враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

2. Царское венчание Михаила и война с Заруцким

2 мая 1613 года Михаил выехал в Москву, 11 июля происходило царское венчание: в этот день князь Димитрий Михайлович Пожарский пожалован был в бояре, а на другой день, в царские именины, Кузьма Минин пожалован был в думные дворяне. Милостей, льгот народу новый государь не мог дать для торжества своего царского венчания: ратные люди били челом, что поместья и вотчины у них от долгой войны запустели, служить им не с чего, а в казне царской денег и в житницах запасов не было, служилым людям жалованья дать было нечего.

Царь и духовенство от имени собора разослали грамоты по городам с просьбою помочь государству в его тяжелой нужде, а между тем надобно было вести упорную войну с врагами внутренними и внешними. Заруцкий с Мариной и сыном ее засел в Астрахани, сносился с персидским шахом, призывал к себе казаков и татар. Старые казаки, сознаваясь, что по горло ходят в крови христианской, хотели покаяться и служить государству, а молодые, желая достать себе зипунов, по их выражению, шли к Заруцкому. Но жители Астрахани, выведенные из терпения жестокостями Заруцкого, восстали против него, и он должен был запереться от них в астраханской крепости, или кремле; город на Тереке отложился также от Заруцкого, и тамошний воевода отправил на помощь к астраханцам войско под начальством Хохлова, а из Москвы шел воевода князь Одоевский с большим войском: Заруцкий не стал дожидаться Одоевского и ушел из Астрахани, Хохлов бросился за ним, нагнал и нанес сильное поражение, после чего Заруцкий направил путь на Яик, но посланные Одоевским стрельцы настигли его и принудили сдаться 25 июня. Пленников отправили в Москву: здесь Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили, а сама Марина умерла в тюрьме.

3. Война с казаками

Избавились от Заруцкого, успокоена была Астрахань, но казаков осталось еще много внутри государства: почти не было ни одной области, которая бы не страдала от их опустошений. Об этих опустошениях летописец говорит, что и в древние времена таких мук не бывало; особенно отличался между казаками атаман Баловень. 1 сентября 1614 года государь объявил на соборе, что воры-казаки православных христиан бьют и жгут разными муками, доходов собирать не дают, собранную казну в Москву провезти от них нельзя: так как с ними быть? Духовенство, бояре и всяких чинов люди приговорили: послать к ворам уговаривать их, чтоб от воровства отстали.

И послан был суздальский архиерей да боярин князь Лыков с тем, что если казаки увещаний не послушаются, то Лыкову собрать войско и промышлять над ними. Скоро Лыков дал знать государю, что казаки от воровства не отстают, унять их никак нельзя, стали воровать пуще прежнего; прискакал и другой гонец с вестью, что казаки собрались большими толпами и идут прямо на Москву. Действительно, казаки явились под Москвой и стали по Троицкой дороге, но из Ярославля шел за ними по следам князь Лыков; казаки обошли Москву и бросились бежать к югу по Серпуховской дороге, но были настигнуты царскими воеводами и побиты наголову.

4. Война и безуспешные переговоры с Польшею; сношения с Австриею

Кроме казаков надобно было разделываться с литовскими людьми. Царские воеводы безуспешно осаждали Смоленск; за Лисовским, опустошавшим юго-западные границы, пошел в погоню князь Пожарский, но слег от тяжкой болезни, истомленный невероятно быстрой погоней за самым неутомимым из наездников; тогда Лисовский мог свободно бросаться по всему государству, пробираясь между городами, опустошая все на пути. С той же чудесной быстротой действовали на отдаленном севере черкасы, или казаки малороссийские; они опустошали Двинскую область, но и сами все погибли от тамошних жителей. Во время этих военных действий шли продолжительные, хотя и бесплодные переговоры о мире.

В сентябре 1615 года отправились к литовской границе, под Смоленск, великие полномочные послы – бояре князья Иван Воротынский и Алексей Сицкий; они должны были съехаться с польскими уполномоченными, все с знакомыми людьми – гетманом Ходкевичем, канцлером Львом Сапегою и Александром Гонсевским; посредником был посол императора немецкого Еразм Ганделиус, славянин родом. Но долгие переговоры, сопровождавшиеся укорами и оправданиями с обеих сторон, кончились ничем по причине, которую высказал посредник Ганделиус, говоривший так московским послам: «Вы называете своего государя, а польские послы называют государем вашим своего королевича, и у одного государства – дало два государя; тут между вами огонь и вода: чем воду с огнем помирить?» Воду с огнем не помирили, и уполномоченные разъехались.

Ганделиус не мог ничего тут сделать, да и не хотел, как видно. Вообще сношения с австрийским двором при царе Михаиле не имели прежнего дружественного характера, австрийский двор находился в родстве и дружбе с Сигизмундом польским и счел нужным переменить тон в сношениях с разоренным Московским государством, которое уже не могло более присылать богатых мехов в Вену; притом здесь не были убеждены, что новый царь может утвердиться на престоле после таких смут, и потому не хотели смотреть на него, как смотрели на его

предшественников, а Михаил не хотел позволить уменьшения своей чести, и потому сношения у московского двора с австрийским скоро прекратились.

5. Сношения с Турциею и Персиею; война и мир со Швециею

Гораздо деятельнее происходили сношения с Турциею, которая, враждуя с Польшей за набеги запорожских казаков, была естественной союзницей Москвы, но дружественным переговорам московских послов в Константинополе постоянно мешали донские казаки, которые подобно запорожцам и вместе с ними нападали морем на турецкие владения, а султан, считая донцов подданными царя московского, сердился на последнего.

Не было никаких препятствий для дружественных сношений с Персиею, и шах Аббас Великий в конце 1617 года по просьбе царя прислал ему серебра в слитках на 7000 рублей. Но более чем где-либо участия новый государь московский нашел на далеком Западе, у морских держав Англии и Голландии; разумеется, это участие было корыстное: внутренние смуты в Московском государстве и опустошения, причиняемые войною польскою и шведскою, вредили их торговле, им выгодно было успокоить Московское государство и в награду приобрести здесь еще большие торговые выгоды.

В августе 1614 года в Москву приехал давно уже известный здесь английский купец Джон Мерик со значением посла и предложил свое посредничество в примирении Москвы с Швециею, причем просил для английских купцов вольной торговли и позволения ездить Волгою в Персию, а рекою Обью – в Индию. Ему отвечали, что государь уже дал английским купцам позволение торговать всякими товарами беспошлинно, что же касается до других выгод, то об этом начнутся переговоры, когда кончится шведское дело. Мерик отправился в Новгород, который, как мы видели, покорился шведам с условием, чтоб один из сыновей королевских был его государем.

Король Карл IX умер, и в июне 1613 года преемник его Густав Адольф известил новгородцев об отправлении брата своего Карла Филиппа в Выборг, куда должны явиться уполномоченные от Новгорода и от всего Русского царства для решения дела насчет избрания Карла Филиппа в цари, но в Русском царстве был в это время уже свой природный царь, вследствие чего московские

уполномоченные не явились в Выборг; Карл Филипп, с своей стороны, не захотел быть государем одного Новгорода, и Густав Адольф велел объявить новгородцам, чтоб они присягали прямо ему, королю; новгородцы отказывались, длили время, терпели сильные притеснения, налоги от шведов, а между тем шли военные действия между шведскими и московскими войсками. Действия эти были неудачны для русских в чистом поле; Делагарди оттеснил князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого от Бронниц, причем у русских погибло много людей; Густав Адольф сам взял Гдов и в июле 1615 года осадил Псков, но взять его не мог.

Король желал мира, потому что опасался королей польского и датского, внутренних смут и терпел недостаток в деньгах; в Москве также сильно желали мира, и переговоры между уполномоченными с обеих сторон открылись в январе 1616 года в сельце Дедерине при посредничестве Джона Мерика и голландских послов. Здесь не могли окончить дела; съехались вторично в селе Столбове (между Тихвином и Ладогою) и здесь при посредстве одного Мерика в феврале 1617 года заключили вечный мир, по которому шведы возвратили царю Михаилу Новгород, Русу, Порхов, Гдов, Ладогу, но удерживали за собою Иван-город, Ям, Копорье и Орешек да, кроме того, должны были получить 20 000 рублей денег.

6. Война с Польшею и Деулинское перемирие

Царь спешил заключением мира с Швециею, потому что должен был употребить все свои силы для борьбы с более опасным врагом. В сентябре 1617 года выступил против Москвы Владислав вместе с гетманом Ходкевичем. Страх напал на воевод московских, когда они узнали, что сам королевич при войске. Дорогобужский воевода сдал свой город Владиславу как царю московскому; Вязьма была также покинута своими воеводами и сдалась.

А. М. Васнецов. В осадное сиденье. Троицкий мост и башня Кутафья

Но не сдалась Калуга, защищенная князем Димитр[ием] Михайловичем] Пожарским, не сдался Можайск, 1617-й и две трети 1618 года прошли без решительных действий с обеих сторон. Только в

сентябре 1618 года Владислав решился двинуться прямо к Москве. Узнав об этом, царь Михаил созвал собор из духовенства, бояр и всяких чинов людей и объявил, что он, прося у Бога милости, обещался против недруга своего Владислава стоять, на Москве в осаде сидеть и с польскими людьми биться; и они бы, митрополиты, бояре и всяких чинов люди, за православную веру, за него, государя, и за себя с ним в осаде сидели, а на королевичевы прельщенья не сдавались. Всяких чинов люди отвечали, что они дали обет Богу за православную веру и за него, государя, стоять и с врагами биться, не щадя голов своих.

И тут же сделаны были все распоряжения, кому защищать разные части Москвы. Опять пошли из Москвы грамоты по городам, чтоб жители их усердно помогали государству в настоящей беде людьми и деньгами.

Не один Владислав приближался к Москве: шел на нее с юга малороссийский гетман Конашевич Сагайдачный, разоривши на пути своем города Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь. 20 сентября королевич стал в знаменитом Тушине, Сагайдачный соединился с ним, и в ночь на первое октября поляки повели приступ к Москве, но потерпели неудачу у Арбатских и Тверских ворот. После этой неудачи начались переговоры о мире; уполномоченные съезжались сначала под Москвою, на реке Пресне (теперь Пресненские пруды), потом, когда Владислав перешел к северу, на Переяславскую дорогу, то переговоры производились в самой Москве; наконец, положено было съехаться в деревне Деулине (от Троицы в 3 верстах), где 1 декабря заключили перемирие на 14 лет и 6 месяцев с уступкой Польше Смоленска и Северской земли, причем Владислав не отказался от прав своих на московский престол; уполномоченные положили это дело на суд Божий; условились также разменяться пленными с обеих сторон.

Эта размена происходила в июне месяце 1619 года в 17 верстах от Вязьмы, на реке Поляновке. Здесь поляки возвратили митрополита Филарета Никитича, боярина Шеина, Томилу Луговского; князь же Василий Васильевич Голицын умер на дороге в Гродно. Филарет по приезде в Москву был посвящен в патриархи.

7. Патриарх Филарет Никитич и его значение

С возвращением Филарета Никитича начинается двоевластие в Московском государстве: в грамотах писались два *великих государя* – Михаил Феодорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич; все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, однако опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягкосердечном Михаиле. До приезда Филарета этой малоопытностью и мягкосердечием молодого царя воспользовались люди, которым по заслугам их не следовало быть близко у престола: таковы были двое братьев Салтыковых – Борис и Михайла, которые только и делали, что себя и родню свою богатили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб при государской милости, кроме себя, никого не видеть.

Они из личных целей расстроили брак государя с Марьею Ивановной Хлоповой, но когда возвратился Филарет Никитич, то поднял это дело, обнаружил преступление Салтыковых и сослал их в ссылку. Люди, преданные Салтыковым, жаловались на строгость Филарета, но другие превозносили его именно за то, что он избавил землю от своеволия временщиков, держал в милости и защищал достойных людей. Филарет Никитич сперва хотел женить сына на иностранной принцессе, и по этому поводу велись переговоры с дворами датским и шведским, но дело не состоялось потому, что иностранные принцессы не соглашались на перемену веры, чего непременно требовали в Москве.

Тогда государь в 1623 году женился на княжне Марье Владимировне Долгоруковой, но молодая царица в тот же год умерла, и на следующий год царь женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, дочери незначительного дворянина.

8. Сношения с Швециею, Англиею и Франциею

Что касается до внешних сношений, которыми должен был заняться Филарет Никитич, то прежде всего надобно было задарить крымского хана, хотя сделать это было очень трудно вследствие истощения казны после войны польской. Нужно было уладить и отношения к ногаям, которые в Смутное время отстали от Москвы; астраханский воевода князь Львов успел привести их под царскую руку и выручил множество русских пленных. С Швециею была большая дружба: Густав Адольф, враждуя с Польшею и будучи занят трудной борьбою в Германии, заискивал расположение царя Михаила, старался представить ему, что католический союз папы, государей Габсбургского дома и короля польского грозит гибелью не одним протестантским владетелям, но также и Московскому государству, что если паписты одолеют шведскую землю, то начнут стараться об искоренении греческой веры.

«Когда мы видим, – писал Густав Адольф Михаилу, – когда мы видим, что соседний двор горит, то нам надобно воду носить и помогать гасить, чтоб свое уберечь; пора уже вашему царскому величеству подумать, как соседям помочь и как свое уберечь». Шведские послы утверждали, что Густав Адольф со своим войском – передовая стена Московского государства, передовой полк, бьющийся в Германии за Русское царство. Вследствие этого уверения в дружбе и общности интересов шведам было позволено покупать в России беспошлинно хлеб, крупу, смолу, селитру. В 1631 году впервые явился при московском дворе шведский резидент.

Дружественные отношения к Швеции были следствием Столбовского мира, который был заключен при посредстве Англии. Но услуги Англии этим не ограничились: во время похода Владиславова на Москву король Иаков прислал царю взаймы на военные издержки 20 000 рублей. Вследствие этого Джон Мерик, приехавший опять в Москву в 1620 году, счел себя вправе просить дороги Волгою в Персию. Государь велел собрать знатнейших купцов московских и спросить их: «Если дать английским купцам дорогу в Персию, то не будет ли от этого вам убытка?» Почти все отвечали, что им будет убыток, англичане отобьют у них всю торговлю, потому что им нельзя соперничать с

богатыми англичанами, но если англичане будут платить большие пошлины или разом дадут большие деньги в казну, оскудевшую от войны, то им, купцам, для блага государственного на время и потерпеть можно. Но как скоро бояре намекнули Мерику о пошлинах, то он сейчас же и прекратил дело, ибо англичанам хотелось беспошлинной торговли через Россию с Персиею.

Отделались от англичан; явились французы с теми же требованиями. Еще в 1615 году царь отправил во Францию своего посланника с объявлением о своем восшествии на престол и просьбою о помощи против поляков и шведов. Король Людовик XIII отпустил посланника ни с чем, но осенью 1629 года приехал в Москву в первый раз французский посол де Ге Курменен с предложением союза и с просьбою о дозволении французским купцам ездить в Персию чрез Московское государство. «Царское величество, – говорил Курменен, – начальник над восточною страною и над греческою верою, а Людовик, король французский, начальник в южной стране, и когда царь будет с королем в дружбе и союзе, то у царских недругов много силы убудет; император немецкий с польским королем заодно – так царю надобно быть заодно с королем французским. Король французский и царское величество везде славны, других таких великих и сильных государей нет, подданные их во всем им послушны, не так как англичане и брабантцы; что хотят, «то и делают, что есть дешевых товаров скупят в испанской земле да и продают русским дорогой ценой, а французы будут продавать все дешево». Несмотря, однако, на эти обещания, бояре отказали послу в персидской торговле, говоря, что французы могут покупать персидские товары у русских купцов. Такой же отказ получили голландские и датские послы.

9. Вторая польская война

Но главное внимание московского двора было обращено на отношения польские. На Деулинское перемирие согласились в Москве, не имея средств с успехом вести войну, желая отдохнуть хотя немного, собраться с силами и освободить отца государева из заточения, но долго оставаться в том положении, в какое царь Михаил был поставлен Деулинским перемирием, было нельзя: Владислав не отказался от прав своих на московский престол, польское правительство не признало Михаила царем, не хотело сноситься с ним, называть его в грамотах – и это при беспрерывных сношениях двух соседних государств!

П. Рубенс. Конный портрет короля Польши Владислава Вазы

Русские никак не могли войти в подобные отношения, требовали, чтоб начальники литовских пограничных городов называли в своих грамотах великого государя Михаила Феодоровича; те отказывались, но одного отказа было мало: некоторые из них осмеливались называть Михаила уничижительным полуименем, порочить его избрание, грозили самозванцем. При таких оскорблениях в Москве ждали только удобного случая к разрыву.

Когда в 1621 году приехал в Москву турецкий посланник грек Фома Кантакузин с предложением от султана Османа воевать вместе Польшу, то Филарет Никитич отвечал ему: «Перемирие с польским королем сын мой велел заключить только для меня; неправды поляков и московского разоренья забыть нам нельзя; мы того только и смотрим, чтоб в чем-нибудь польский король мир нарушил: тогда сын мой пошлет на него рать». Действительно, государи созвали собор из духовенства, бояр и всяких чинов людей, говорили о неправдах искони вечного врага Московскому государству, Сигизмунда короля, и о том, что теперь самое благоприятное время к войне с ним, потому что турки и шведы предлагают союз свой. Собор бил челом государям, чтоб они за святые Божии церкви, за свою государскую честь и за свое государство против недруга своего стояли крепко, а они, бояре и служилые люди, рады биться: торговые же люди рады давать деньги.

Вследствие этого решения уже начали собирать войско, как пришла весть, что предприятие султана Османа против Польши кончилось неудачно, почему и в Москве отложили войну, но не переставали готовиться к ней. Видели несостоятельность русского войска и положили нанять иноземцев, более искусных; мало того, сделали шаг решительный, чего при прежних государях не бывало: велели русских ратных людей учить иноземному строю, послали за границу покупать оружие, приговаривать людей, умеющих обходиться с пушками, лить ядра.

В апреле 1632 года умер в Польше король Сигизмунд, наступило междуцарствие, избирательный сейм; в Москве хотели воспользоваться этим, двинуть немедленно же воевод, давно уже готовых, но вот один из этих воевод, боярин князь Димитрий Мамстрюкович Черкасский, бьет челом на другого, на боярина князя Бориса Михайловича Лыкова:

«Князь Борис Михайлович со мной в товарищах быть не хочет, говорит, будто мной люди владеют и обычай у меня тяжел и что он передо мною стар, служит государю сорок лет, лет с тридцать ходит сам по себе, а не в товарищах». Государи приказали Лыкову заплатить Черкасскому бесчестье 1200 рублей, но в поход этих воевод не послали, послали славного защитой Смоленска боярина Михаила Борисовича Шеина и Артемья Измайлова с 32 000 войска и 158 пушками, с приказанием идти под Смоленск; другие воеводы выступили из разных других городов.

Война началась счастливо: 23 города сдались русским воеводам. Шеин с Измайловым осадили Смоленск, который отбивался 8 месяцев и готов был уже сдаться по недостатку припасов, как получил помощь: в эти 8 месяцев дела в Польше устроились, в короли был избран сын умершего Сигизмунда, Владислав, первым делом которого было идти на помощь Смоленску с 23 000 войска. В то же время крымцы, подущенные поляками, опустошали московскую украйну; тогда многие ратные люди, бывшие в войске Шеина, услыхав, что татары воюют их поместья и вотчины, разъехались из-под Смоленска.

25 августа 1633 года король Владислав пришел под этот город, сбил русских с выгодного положения их и отрезал Шеину московскую дорогу. С конца октября русские начали терпеть недостаток в съестных припасах; в стане у них господствовали смута и беспорядок: иноземный полковник Лесли в глазах Шеина застрелил другого иноземного полковника, Сандерсона, и остался безнаказанным. Наконец в январе 1634 года Шеин, угнетаемый голодом, холодом и сильной смертностью в полках, вошел в сношения с королем и согласился отступить от Смоленска, оставив весь обоз и артиллерию во власти поляков; 19 февраля русские выступили из обоза своего с унизительною церемониею: должны были преклонять знамена перед королем.

Жестокая участь ждала Шеина и товарищей его в Москве: Филарета Никитича уже не было в живых (он умер 1 октября 1633 года); бояре получили опять большую силу, а бояре были жестоко оскорблены Шеиным, который, прощаясь с государем при отправлении в поход под Смоленск, хвастался своими заслугами и говорил, что в то время, как он служил, другие бояре за печью сидели. Теперь припомнили это оскорбление и осудили Шеина на смерть, приписавши

смоленское несчастье его измене. Отрубили голову и второму воеводе, Измайлову, также сыну его; других воевод сослали в Сибирь.

Выпустивши Шеина из-под Смоленска, король двинулся к Белой, надеясь легко взять этот город, но вышло иначе. Надменные смоленским успехом, поляки отложили всякую осторожность; этим воспользовались русские и сделали удачную вылазку, в которой погибло много поляков, терпевших, с другой стороны, от голода и болезней, а между тем приходили вести, что турецкое войско приближается к границам Польши. В таких обстоятельствах королю нужно было как можно скорее заключить мир с Москвою, мир вечный, который бы упрочил за Литвою приобретения Сигизмундовы. Польские паны первые прислали к боярам; предложение было принято очень охотно, и назначен съезд полномочным на реке Поляновке, там же, где был прежде съезд для размена пленных, и здесь 17 мая 1634 года заключен был вечный мир: русские уступили все города, отданные в Деулине, кроме Серпейска, кроме того заплатили 20 000 рублей; за это Владислав отказался от всех прав своих на московский престол и согласился признать за московскими государями царский титул. В начале 1635 года для закрепления мира присягою королевскою отправился в Польшу великий посол князь Львов-Ярославский, которому удалось уговорить поляков отпустить в Москву тела бывшего царя Василия Ивановича Шуйского, брата его Димитрия и жены последнего. Тело царя Василия с торжеством было принесено в Москву и погребено в Архангельском соборе.

10. Взятие Азова казаками

После второй польской войны не было больше войны в царствование Михаила, ибо разрыва с Турциею постарались избежать. С этою державою происходили постоянные сношения, во время которых московские послы должны были терпеть неприятности за то, что донские казаки не переставали нападать на турецкие владения и громить турецкие корабли. В 1637 году казаки задумали взять Азов, важную турецкую крепость при устье Дона, с жителями которой у них были беспрестанные войны. Взявши с собой 1000 человек запорожских казаков, донцы 21 апреля выступили к Азову в числе 4400 человек. В это время проезжал через их землю в Москву турецкий посланник грек Кантакузин, они его остановили и, заподозрив в сношениях с азовцами, убили.

18 июня Азов был занят казаками; истребив всех жителей, кроме греков, освободив пленных христиан, завоеватели засели в городе и послали весть в Москву о своей победе. Царь отвечал: «Вы сделали дурно, что турецкого посла побили самовольством: нигде не ведется, чтоб послов побивать, и Азов взяли вы без нашего царского повеления». К султану царь писал: «Казаки Азов взяли воровством, они издавна воры, беглые холопи и нашего царского приказанья ни в чем не слушают; вам бы, брату нашему, на нас не досадовать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим».

Но ссоры с турками трудно было избежать: осенью крымцы опустошили московскую украйну, и хан писал в Москву, что нападение сделано по приказу султана за взятие Азова казаками. Персидская война и смерть султана Мурада долго не позволяли туркам действовать против казаков; только в мае 1641 года султан Ибрагим 1-й двинул под Азов 200 000 войска, но казаки с отчаянным мужеством отразили 24 приступа и принудили турок снять осаду.

Казаки прислали весть о своем торжестве и вместе о жалком положении. «Мы наги, босы и голодны, – писали они, – запасов, пороху

и свинцу нет, от этого многие казаки хотят идти врознь, а многие переранены». Они просили, чтоб государь принял от них Азов. 3 января 1642 года Михаил созвал собор изо всяких чинов людей и велел спросить выборных: «Государю с турецким царем за Азов разрывать ли и Азов у донских казаков принимать ли? Если принимать и войну с турками начинать, то ратных людей понадобится много, хлебных, пушечных и всяких запасов надобно будет не на один год: так где взять столько денег?»

Духовенство отвечало, что оно радо войску помогать деньгами, сколько силы станет. Дворяне и дети боярские отвечали, что они служить рады, что Азов надобно принять, для сбора денег пусть государь укажет выбрать из всяких чинов людей добрых человека по два и по три и сделать при сборе денег разницу между богатыми и бедными; если же вдруг понадобятся деньги, то взять патриаршую казну, у архиереев и в монастырях – домовую казну; с купцов и черных людей, с их торгов, промыслов и прожитков взять денег в казну, сколько государю Бог известит, пусть государь велит приказных своих людей счесть по приходным книгам, чтоб государева казна без ведома не терялась; при этом дворяне и дети боярские, указывая на свою бедность, говорили, что дьяки и подьячие, получая денежное жалованье, имея поместья и вотчины, обогатевши от взяток, покупили много вотчин и построили себе дома каменные такие, каких прежде и у великородных людей не бывало; наконец, дворяне и дети боярские жаловались, что пуще турецких и крымских бусурман разорены они московскими несправедливыми судами. Купцы сказали, что они разорились от служб, от последней польской войны, когда с них брали много денег, от иноземцев, немцев и персиан, которые отняли у них торги, и от воевод, которые их грабят; в заключение купцы сказали, что рады служить своими головами, за Царское здоровье и за православную веру помереть.

Но войны не начали: купцы ясно указывали на свое разоренье; служилые люди, указывая на свою бедность, для сбора денег предлагали такие средства, которые трудно было привести в исполнение, а война предстояла опасная и продолжительная; наконец, посланные осматривать Азов донесли, что город этот разбит и защищать его нельзя. Тогда государь послал казакам грамоту с

приказанием покинуть Азов; казаки вышли из города, но прежде не оставили в нем камня на камне.

11. Королевич Вальдемар

В последнее время жизни внимание царя Михаила особенно занимали два тяжелых дела по отношению к Дании и Польше. В 1642 году государь отправил в Данию посла Проестева предложить королю Христиану IV прислать сына своего Вальдемара в Москву для женитьбы на старшей дочери царской Ирине Михайловне. Предложение не было принято, ибо посол объявил, что Вальдемар должен принять православную веру. Несмотря на то, в конце года государь отправил опять в Данию немецкого купца, поселившегося в России, Петра Марселиса с тем же поручением уладить дело о сватовстве. Марселис исполнил поручение: заключен был договор, в котором было сказано, что королевичу в вере неволи не будет и церковь ему будет поставлена по его закону.

В начале 1644 года Вальдемар приехал в Москву, был принят очень радушно, но когда приступили к делу, то необходимым условием брака для него поставили принятие православия; Вальдемар никак не хотел согласиться на это условие, требовал отпуска и, видя, что его намеренно задерживают, покушался тайно уйти из Москвы, причем дело не обошлось без кровопролития.

12. Самозванец Луба

В то самое время, когда в Москве не знали, как быть с Вальдемаром, шли неприятные переговоры с Польшею. После Поляновского мира Михаил отправлял послов к королю Владиславу с постоянными жалобами на то, что польские паны и пограничные державцы пишут титул царский с ошибками; поляки считали это дело неважным, но русские утверждали, что для них это дело главное – оберегать честь государеву, и требовали жестокого наказания виновным, поляки отговаривались, и неудовольствие росло. С своей стороны поляки жаловались, что восставшие против них казаки малороссийские находят убежище в московских владениях.

Наконец в 1643 году отправился в Польшу посол князь Львов с важной жалобою, что поляки укрывают у себя самозванца, который называет себя царевичем Иваном Димитриевичем, сыном тушинского царя от Марины. Открылось, что шляхтич польский Димитрий Луба вместе с маленьким сыном пошел в Москву при войске в Смутное время и был там убит; сироту взял другой шляхтич, Белинский, и привез в Польшу, выдавая за сына Лжедимитрия и Марины, которого будто бы сама мать отдала ему, Белинскому, на сохранение. Когда мальчик вырос, то Белинский объявил об нем на сейме; Лубу отдали на сбережение Льву Сапеге, назначили ему содержание, отдали в русский монастырь учиться; но когда заключен был вечный мир с Москвою, то об нем забыли как о человеке вовсе не нужном, и несчастный молодой человек, которого величали московским царевичем, должен был снискивать себе пропитание службой у частных лиц, и тут еще титул царевича накликал на него страшную беду.

Князь Львов потребовал его выдачи. Польское правительство не соглашалось выдать на явную смерть человека вовсе невинного, паны уверяли посла, что Луба безвреден, немедленно же вступит в духовное звание; Львов отвечал, что и Гришка Отрепьев был пострижен, однако это не помешало ему смутить Московское государство. Наконец король Владислав отправил Лубу с послом своим Стемиковским в Москву и в грамоте своей просил царя отпустить несчастного и ничем невинного шляхтича опять в Польшу, но царь не соглашался, и дело затянулось до самой смерти государя, которая последовала 12 июля 1645 года.

Михаил оставил после себя шестнадцатилетнего сына Алексея Михайловича и трех дочерей.

13. Деятельность Михаила и Филарета для восстановления опустошенного государства

Царь Михаил вступил на престол, когда Московское государство находилось в самом печальном состоянии. Для освобождения государства от врагов внутренних и внешних нужно было войско, для содержания войска нужны были деньги, а казна была расхищена; надобно было наполнять казну податями с городского и сельского народонаселения, но города и села были разорены; жители разбежались: из городов многие посадские люди, чтоб податей никаких не платить, переехали в Москву и в другие города и жили здесь у родни и друзей, из других городов посадские люди присылали просьбы, чтоб им для разоренья во всяких податях дали льготы; иные посадские и уездные люди заложились в закладчики (вошли в зависимость) за бояр и всяких людей и податей никаких вместе с своей братьею, другими посадскими и уездными людьми, не платили, жили себе в покое; другие многие люди присылали жалобы на насилия и обиды от бояр и разного звания людей.

Когда Филарет Никитич возвратился из Польши, то государи созвали собор и приговорили: в разоренные города послать дозорщиков добрых, чтоб они осматривали и описывали все города вправду, без взяток. Сыскивать везде посадских людей чужих городов и отсылать в те города, где они прежде жили; которые заложились за духовенство, бояр и других людей, тех всех отослать также туда, где прежде были, а с тех людей, за которыми они жили, взять подати за все прошлые годы. Чтоб знать, в каком состоянии находится город и как его устроить, взять из каждого города в Москву по человеку из духовенства, по два из дворян и детей боярских, по два из посадских людей, которые бы умели рассказать обиды, насильства и разоренья, какими средствами устроить Московское государство.

Одним из главных препятствий к устроению городов были насилия воевод и приказных людей, так что в 1620 году правительство разослало грамоты, в которых под страхом жесткого наказания запрещало воеводам и приказным людям брать взятки, а городским и уездным жителям давать их. Особенно терпели жители отдаленных

областей, например сибирских, жалобы которых нескоро могли достигать Москвы. Кроме притеснений от воевод и приказных людей жители городов и областей много страдали от разбоев, которых много было и прежде, а теперь должно было быть еще больше после недавних смут и казацкого господства. Желая как можно скорее собрать деньги, начали отдавать на откуп самые мелкие промыслы; это возбудило сильные жалобы, и правительство в 1639 году запретило подобные откупа.

14. Иностранные промышленники

Вследствие всех этих препятствий промышленность и торговля не могли процветать в городах русских; купцы не могли быть богаты, не могли соперничать с купцами иностранными и потому домогались, чтоб правительство запретило последним приезжать во внутренние города государства. Но приезду иностранных мастеров и заводчиков и правительство и народ были рады, потому что они давали хлеб бедным людям и от них можно было научиться полезным ремеслам и промыслам.

В царствование Михаила Феодоровича этих иностранцев приезжало в Москву гораздо больше, чем прежде. Голландский купец Виниус устроил подле Тулы заводы для литья пушек, ядер и выделывания разных других вещей из железа; известный нам Марселис выпросил царскую грамоту для устроения подобных же заводов по рекам Ваге, Костроме и Шексне; выданы были привилегии на известное число лет и другим иностранцам для заведения разных производств, и всем им вменялось в обязанность – русских людей научать и никакого мастерства от них не скрывать.

15. Сельские жители; распространение русских владений в Сибири

Что касается до сельских жителей, то, несмотря на закон об укреплении крестьян, богатые землевладельцы не переставали переманивать крестьян у бедных; последние жаловались, и правительство принимало строгие меры против нарушителей закона о закреплении. В Европейской России народонаселение было так редко, что землевладельцы переманивали льготами и перевозили силой крестьян друг от друга, несмотря на закон, а между тем на востоке, за Уральскими горами, все больше и больше прибавлялось к русским владениям пустынных пространств, требовавших населения; в царствование Михаила русские владения в Сибири увеличились на 70 000 квадратных миль пустынных пространств, ибо прокладыватели путей, казаки, продолжали пробираться по пустынным рекам все далее и далее к Восточному океану и границам китайским, приводя под высокую руку государя рассеянные толпы дикарей, сбирая с них ясак, часто выводя их из терпения своими грабительствами, за которые иногда приходилось платиться жизнью.

Русские люди строили здесь городки, заводили хлебопашество; в сороковых годах государь велел смотреть на реке Лене места, удобные для пашни, и кликнуть клич по охотникам заниматься земледелием, им давали льготы, снабжали лошадьми и земледельческими орудиями. Таким образом, русские люди, отодвинутые Столбовским и Поляновским договорами от образованного Запада, в пустынях Северной Азии полагали начатки гражданственности европейской, ибо приносили с собою христианство.

16. Исправление книг

Русская Церковь, распространяя свои пределы на отдаленном востоке, должна была прежде всего заботиться о чистоте учения и нравственности, сильно страдавшей от недостатка просвещения. С восстановлением спокойствия при царе Михаиле снова началось в Москве книгопечатное дело, прекратившееся вследствие разорения столицы. Но прежде чем печатать церковные книги, нужно было исправить их от грубых ошибок, внесенных намеренно и ненамеренно невежественными переписчиками.

Это исправление в 1616 году поручено было знаменитому троицкому архимандриту Дионисию с двумя товарищами, но невежды, едва знавшие азбуку, обвинили исправителей в ереси, Дионисия мучили особенно за то, что он не хотел дать взятки; и он освободился из заточения только тогда, когда иерусалимский патриарх, приехавший в Москву, указал патриарху Филарету на невинность исправителей. Кроме исправления книг русская Церковь при Михаиле должна была заботиться об исправлении нравственности в духовенстве и мирянах, особенно должна была вооружиться против нравственных беспорядков в Сибири.

17. Просвещение и литература

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи, нововведения строго преследовались: за употребление табаку резали носы; но допущение все большего и большего числа иностранцев внутрь государства, явно высказавшаяся потребность в них, признание превосходства их в науке и всяких промыслах, признание в необходимости учиться у них предвещали скорый переворот в жизни русского общества, скорое сближение с Западною Европою.

При царе Михаиле вызывали из-за границы не одних ратных людей, не одних мастеров и заводчиков: понадобились люди ученые, и в 1639 году вызван был в Москву известный ученый голштинец Адам Олеарий как астроном, географ и геометр. «А нам, – говорит царь в своей грамоте, – такой мастер годен». По царскому указу переведена была с латинского полная космография. С одной стороны, в науке нуждалось государство для удовлетворения самым необходимым потребностям, для охранения целости и самостоятельности своей от иностранцев более искусных и потому более сильных; с другой стороны, нуждалась в науке Церковь для охранения чистоты своего учения, и патриарх Филарет заводит греко-латинское училище.

План города Москвы из книги Адама Олеария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию». 1638 г.

Что касается до литературных памятников, дошедших до нас от времен Михайловых, то первое место занимают здесь летописи и сказания, в которых заключаются известия о Смутном времени: такова летопись, изданная под именем рукописи Филаретовой, также Летопись о многих мятежах и Псковская летопись. Из сказаний замечательны: Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря, принадлежащее знаменитому келарю Авраамию Палицыну, и два сказания, написанных во Пскове: одно принадлежит человеку из партии лучших людей, другое – человеку из партии меньших людей; сказания эти любопытны по различию взглядов не только на псковские, но и на всероссийские события. Из иностранных сочинений о России времен Михайловых

самое замечательное принадлежит упомянутому выше голштинскому ученому Адаму Олеарию.

Глава XXXIV. Состояние Западной России в конце XVI и в первой половине XVII века

1. Иезуиты в Литве и мысль об унии

Обозревши Смутное время и восстановление спокойствия в Московском государстве при царе Михаиле, мы должны обратиться теперь к западной России, где шла также сильная борьба, в решении которой должен был участвовать преемник Михаилов. Мы видели, что западная Россия примкнула к более сильному государству Литовскому, а потом при посредстве Литвы соединилась с Польшею. На первых же порах этого соединения оказались большие неудобства вследствие различия исповеданий, когда при Ягайле и некоторых его преемниках польские католики давали себе волю увлекаться религиозной ревностью и теснить восточное русское исповедание.

И при Ягеллонах подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к восточной России; но при Ягеллонах попытки эти не были постоянны и сильны; иначе пошло дело к концу XVI века, когда были призваны в Польшу и Литву иезуиты для борьбы с распространившимся здесь протестантизмом. Иезуиты благодаря своим ловким приемам ослабили протестантизм, после чего немедленно обратили свое внимание на более опасного врага – на старинное, пустившее в народе глубокие корни исповедание восточное, или русское; против него возбудили они фанатизм католического народонаселения, против него по их внушениям начало действовать правительство, отуманенное фанатизмом, не умеющее разобрать собственного интереса; против него направлены были ими беспокойные силы школьной молодежи; против него говорили они проповеди и писали ученые рассуждения; против него действовали они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской.

Знаменитый проповедник иезуит Петр Скарга издал книгу «*О единстве Церкви Божией»,* где вооружался против русской Церкви и указывал на выгоды, которые должны были произойти для нее от *унии,* т. е. от подчинения папе и принятия католического вероучения, при оставлении прежних обрядов и церковнославянского богослужебного языка. Другой иезуит, известный уже нам Антоний Поссевин, не успевший обратить в католицизм Иоанна Грозного, хлопотал об унии в западной России, для чего просил о заведении училищ для русских и в

Риме, и в Вильне. Мысль о выгоде унии не могла не распространиться между русскими людьми вследствие очень незавидного состояния их Церкви в польских областях.

Правительство, сначала равнодушное, а потом и враждебное, не могло быть внимательно к интересам этой Церкви: оно отдавало не только православные монастыри, но и целые епархии в управление людям, не чувствовавшим никакого внутреннего призвания к подобным должностям. Такие пастыри не могли укреплять паству в вере и нравственности; отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок просвещения. Несмотря на то, западнорусское общество умело найти в себе средства для борьбы с опасным врагом, для поддержания своей старой веры, а вместе с верой и народности, ибо русский человек, отказавшись от православного исповедания, переходя в католицизм, разрывал все связи с своим народом.

Сначала сильную помощь западнорусской Церкви в борьбе ее с католицизмом подали знатные люди, из которых самым деятельным явился князь Константин Константинович Острожский: он сносился с православным Востоком, собирал, издавал церковные книги, заводил училища и типографии. Но потом большая часть знатных людей ослабели в своей ревности, приняли католицизм и ополячились. Обязанность поддерживать русскую веру и народность преимущественно должны были принять на себя *братства.*

2. Братства

Братчины, или братства, представляли явление, общее всем областям русским, и вели происхождение свое из глубокой древности: они состояли в том, что для известного церковного праздника, например для Николина дня, прихожане складывались для устроения общего пира. В Новгороде, Пскове и в городах западной России братства имели большее значение, большие права, чем в России восточной; в городах западной России они особенно развились под влиянием Магдебургского права и цехового устройства, приобрели определенный круг деятельности, прав и обязанностей религиозных, благотворительных: эти братства приучили своих членов к общей самостоятельной деятельности, к общим совещаниям при сохранении строгого порядка, уважения членов друг к другу и к выборным старшинам. И вот когда западнорусская Церковь должна была начать борьбу с господствующей Церковью латинскою, то в братствах нашла готовые точки опоры, и от поднятия религиозной борьбы, религиозных вопросов братства приобрели еще большее значение, вобрали в себя не одних только городских жителей, или мещан, но и дворянство.

В описываемое время самое видное место между братствами занимало братство львовское (во Львове, или Лемберге Галицком), основанное в 1586 году львовскими мещанами, ктиторами (строителями) церкви Успения Богородицы, по благословению антиохийского патриарха Иоакима. По уставу этого братства братья должны были сходиться в известное время и вносить известное число денег, ежегодно выбирать четырех старшин, которые при сложении своих должностей обязаны давать отчет; нарушение уважения друг к другу и другие непристойные поступки немедленно же наказывались по приговору братства; в обществе братья обязаны были наблюдать друг за другом и доносить братству о беспорядочном поведении его членов, зато каждый член имел право рассчитывать на помощь братьев в нужде: братья помогают ему в суде, братья ходят за больным и бедным братом, помогают ему братскими деньгами, в нужде брат получает братские деньги взаймы без процентов, умершего брата все братья провожают до места погребения; покончив свои дела в

заседаниях, братья читают священные книги и скромно друг с другом разговаривают.

Кроме этих правил, общих всем братским, патриарх Иоаким дал львовскому братству право обличать противных закону Христову, истреблять всякое бесчиние в Церкви, дал право всеобщего надзора, из-под которого не был изъят и епископ, право отлучать от Церкви. Братство основало школу, где учились православные дети всякого звания, завело типографию, где печатались книги славянские и греческие, устроило госпиталь. После львовского важное место занимало братство виленское.

3. Причины, заставившие некоторых епископов желать унии

В 1589 году посетил западную Россию константинопольский патриарх Иеремия, возвращавшийся из Москвы. Мирские люди не замедлили подать ему сильные жалобы на церковные беспорядки, виною которых были епископы порочные или нерадивые. Вследствие этих жалоб патриарх удалил главного архиерея, митрополита киевского Онисифора, и на его место посвятил Михаила Рагозу по рекомендации мирских людей.

Письмо антиохийского патриарха о даровании ставропигии Львовскому православному братству

Михаил был действительно человек безупречного поведения, но слабый, бесхарактерный, неспособный занимать первое место в такое бурное время. Самым деятельным, ловким, умным и ученым епископом

западной России в это время был Кирилл Терлецкий, епископ луцкий, но это был больше хороший управитель имений церковных, чем архиерей; по образу жизни, по привычке к самоуправству, неразборчивости средств Терлецкий был похож больше на тогдашнего светского пана, чем на епископа христианского.

Несмотря на то, патриарх дал Терлецкому звание своего экзарха с правом наблюдать за епископами, низвергать недостойных. Это право, отнятое, таким образом, у митрополита, еще более унизило значение Рагозы, возбудило его неудовольствие против патриарха, и, таким образом, вместо порядка внесены были новые причины беспорядка в Церковь. Митрополит был недоволен учреждением экзархата в пользу Терлецкого; Терлецкий был недоволен тем, что, несмотря на звание экзарха, не пользовался полною доверенностью патриарха, который выслушивал на него жалобы других архиереев; во Львове епископ Гедеон Болобан вел соблазнительную борьбу с тамошним братством, не умея никак помириться с правами, данными последнему; наконец Терлецкий рассорился с главным столпом православия, князем Константином Острожским, и в то же время подвергался сильному преследованию со стороны католиков.

Тогда Терлецкий вместе с некоторыми другими епископами решился избавиться от всех бед, грозивших и от своих, и от чужих, – избавиться средством, на которое давно уже указывали иезуиты, – униею. Епископы представили королю Сигизмунду III грамоту, в которой соглашались подчиниться римскому папе, с тем чтоб русская Церковь сохранила в целости все свои обряды и богослужебный язык, а епископам обеспечены были права и вольности, каких они желают.

4. Епископы подчиняются папе

Король с радостью принял это предложение, обещал епископам свои милости, права наравне с католическим духовенством, защиту от восточных патриархов, неотъемлемость должностей. Скоро Терлецкий приобрел себе могущественного союзника в новом епископе владимиро-волынском Ипатии Потее. Потей, возведенный в сан епископа из знатных сановников светских, явился великим подвижником, воздержником, постником, охранителем прав церковных и чуждым суеты мирской, но он был малосведущ в делах церковных, равнодушен к вопросу о различии церквей и тем легче мог быть склонен к унии, что и другие православные, даже сам князь Острожский, желали унии как средства вывести русскую Церковь из тяжкого положения.

Но князь Острожский, переписываясь с Потеем об унии, требовал, чтоб это было соединение всей восточной Церкви с западною, а не одной западнорусскою; Потей же считал это неудобоисполнимым и соединился с Терлецким для приведения в исполнение его плана. Они открыли свой замысел митрополиту Михаилу Рагозе; этот слабохарактерный старик, с одной стороны, видел для себя большие выгоды от унии и боялся сопротивлением ей разгневать короля; с другой стороны, боялся сопротивления православных, боялся рассердить знатных панов, начавши дело тайком от них, и потому начал хитрить: через Потея и Терлецкого сносился с королем, торговался с ним насчет выгод для себя от унии, получал требуемое и в то же время писал православным вельможам и братствам, что не одобряет унии и не принимает в ней никакого участия; обманывал и Потея с Терлецким, не приезжая к ним в назначенное время на совещания.

Но ему нельзя было долго хитрить: князь Острожский выдал послание ко всем православным, в котором в сильных выражениях обличал митрополита и епископов в отступничестве от православия; западная Россия волновалась; видя это, король Сигизмунд спешил покончить желанное для него дело унии: Потей и Терлецкий в конце 1595 года отправились в Рим и там от имени митрополита и своей братьи, епископов, били челом папе, чтоб принял русскую Церковь под свою верховную власть.

5. Брестский собор 1596 года

В Риме торжествовали воссоединение русской Церкви, а в Варшаве на сейме 1596 года князь Острожский с другими православными депутатами требовал свержения епископов Потея и Терлецкого за то, что самовольно подчиняли русскую Церковь папе. Наконец для окончательного решения дела созван был собор в Бресте в октябре 1596 года. Но здесь православные и принявшие унию архиереи не соединились в общем совещании: три раза православные посылали приглашать к себе митрополита и его соумышленников, но они не пришли. Тогда православные, находившиеся под председательством уполномоченного константинопольским патриархом экзарха, грека Никифора, объявили митрополита и всех епископов-униатов лишенными своего сана и поклялись не отступать от восточной Церкви. В то же самое время Рагоза с своими сообщниками предал проклятию духовенство, оставшееся верным православию.

6. Борьба православных с униатами и католиками; распространение просвещения

Так произошла уния, или, лучше сказать, разделение западнорусской Церкви на православную и униатскую. Русские люди, оставшиеся верными вере отцовской, подверглись гонению: православные церкви запирались; в селах паны отдавали их на откуп жидам, так что крестьянин, чтоб крестить ребенка или похоронить мертвого, должен был прежде идти к жиду, который за деньги отпирал ему церковь. Но это гонение, борьба, которую русские люди должны были вести за свою веру и народность с врагом, сильным не одними материальными средствами, возбудили нравственные силы их.

Так как униаты и католики действовали и пером против православия, то православные начали защищаться тем же оружием, издавать книги в пользу православия, против унии и католицизма, вследствие чего явилась обширная полемическая литература; чтоб вести с успехом эту борьбу пером, русские люди увидали необходимость призвать на помощь науку и потому начали сильно стараться о распространении школьного образования; братства усилили свою деятельность. Еще в 1594 году братство киевской Богоявленной церкви завело школу; школа эта сгорела в 1614 году, но в следующем 1615-м богатая женщина Анна Тугулевичевна возобновила ее на свой счет; самым ревностным покровителем и распространителем этой школы сделался с 1631 года Петр Могила, сын молдавского воеводы, сперва архимандрит Киево-Печерской лавры, а потом и митрополит киевский: на его счет молодые люди, миряне и монахи, были отправлены во Львов, Рим и другие иностранные города, славные своими академиями, чтоб потом быть наставниками в киевской школе.

Как лучшие люди западной России понимали свою обязанность в тяжелое время гонения, всего лучше видно из акта, названного Советованием о благочестии (1621 год), где определено: епископы должны проповедовать правую веру, покаяние и благочестивые дела, обходя домы благородных, посылая учеников своих учить в церквах, не дожидаясь, чтоб к ним приходили, кланялись или что-нибудь приносили. Должны возбуждать и приготовлять к мученичеству как

самих себя, так и народ. Писать и печатать в защиту благочестия книги; противникам возражать письменно, но только посоветовавшись с другими, потому что между русскими разномыслие, а у противников крепкое убеждение в своих верованиях и злоба в сердцах на русских. В церквах каждое воскресенье и праздник должна быть проповедь. Учреждать по городам школы и братства. Вызвать с Афонской горы знаменитых русских отшельников, а из России посылать на Афон как в школу духовную.

7. Казаки и их восстания против польского правительства

Но одновременно с этим напряжением нравственных сил западнорусского общества, одновременно с этою борьбою пером и словом шла борьба материальная: ее вели казаки. Западные, малороссийские казаки, признававшие над собою власть польского правительства и носившие в восточной России название черкас, отличались точно таким же характером, как и восточные, московские казаки.

С. И. Васильковский. Запорожец на посту

Они разделялись на городовых казаков, носивших и названия по городам, например полк Переяславский, Черкасский, Миргородский и т. д., и на запорожцев, живших за Днепровскими порогами, в укрепленном местечке, называвшемся Сечью, и управляемых кошевым атаманом. Городовые были более под руками правительства; запорожцы же признавали только по имени его власть и вели одинакий образ жизни с донскими казаками. Кошевой атаман и подчиненные ему куренные атаманы выбирались вольными голосами; свободное от походов время казаки проводили в звериной или рыбной ловле и в пирушках; женщины не допускались в Запорожье.

Между Запорожьем и Доном была тесная связь: казаки из Запорожья свободно переходили на Дон и жили там иные лет по осьмнадцати, и живало их на Дону человек по 100; в Запорожье донских казаков было также очень много. Мы видели деятельность казаков в Московском государстве в Смутное время, видели, как они ссорили Москву с Турциею при Михаиле. Малороссийские казаки своими своевольными нападениями на турецкие берега и громлением турецких кораблей на Черном море точно так же ссорили Польшу с Турциею, но для Польши эта ссора была опаснее по близости границ ее к границам турецким.

Вот почему Польское государство начало стремиться подчинить казаков своим требованиям; эти требования состояли в том, чтоб казаков было ограниченное, известное правительству число и чтоб старшина казацкий находился в непосредственной зависимости от правительства, которое должно распоряжаться всеми движениями казаков. Но казаки не хотели подчиниться этим требованиям; отсюда в конце XVI и в XVII веке мы видим ряд казацких восстаний. Но эти казацкие восстания против Польского государства имели другой исход, чем восстания казаков на востоке против Московского государства. Польское государство носило в себе глубокую рану, которая растравлялась все более и более: то была религиозная борьба вследствие унии, сильное гонение, которому подвергались православные, в соединении с тяжким состоянием, в котором находилось низшее, земледельческое сословие.

В каком положении находились крестьяне, всего лучше видно из того, что паны имели обыкновение отдавать свои населенные земли в аренду жидам с правом казнить смертью крестьян, которые от таких

притеснений бежали в казаки или в пределы Московского государства. Поэтому казаки, восставая против государства за свои казацкие интересы, в то же время как православные русские люди поднимали знамя во имя веры и народности и в интересах низшего, сильно угнетенного сословия; поэтому казацкие восстания встречали сильное сочувствие не только в селах, но и в городах; дело казацкое сливалось с делом священным, народным.

Несмотря на то что казацкие восстания на западе вначале удавались, оканчивались они всегда торжеством Польского государства: предводители этих восстаний или погибали позорной и жестокой смертью, или должны были бежать из родной страны. Государство, по-видимому, достигло своей цели относительно казаков; число их было ограниченно; старшина их, назначенный правительством, находился в полной зависимости от главнокомандующего, или коронного гетмана. Но дела переменились, когда в 1648 году начальником казацкого восстания явился Богдан Хмельницкий. Деятельность этого знаменитого гетмана равно относится и к истории западной, и к истории восточной России, где царствовал преемник Михаилов.

Глава XXXV. Царствование Алексея Михайловича

1. Правление Морозова

Новый царь добротою, мягкостью, способностью сильно привязываться к близким людям был похож на отца своего, но отличался большей живостью ума и характера и получил воспитание, более сообразное своему положению. Воспитателем его был боярин Борис Иванович Морозов, проведший при нем безотлучно тринадцать лет. Молодой Алексей сильно привязался к своему воспитателю; царь Михаил также очень любил и уважал Морозова и, умирая, поручил ему сына. Морозов был человек умный, ловкий, по тому времени образованный, понимавший новые потребности государства, но не умевший возвыситься до того, чтоб подчинить свои частные интересы общему. В самом начале царствования можно было видеть, что правление находится в руках человека, умеющего распоряжаться умно и с достоинством: немедленно были решены два тяжелых дела, оставшихся от предшествовавшего царствования: королевич Вальдемар был с честью отпущен в Данию, Луба – в Польшу.

Узнав о нападениях крымцев на Украину, новое правительство не хотело довольствоваться по-прежнему одною оборонительною войною: велено было воеводам собираться к Дону и идти на Азов; в то же время шли переговоры с Польшею о том, чтоб общими силами действовать против крымцев. Посол короля Владислава вельможа православного исповедания Адам Кисель в витиеватой речи уже славил пред молодым царем московским великое время вечного союза между двумя могущественными славянскими государствами, которые десница Вседержителя создала от одного корня, как два кедра ливанские, прославлял наступление времени, когда славяне соединятся по-прежнему воедино и наполнят весь мир славой своего имени.

Но этим выгодным внешним отношениям в начале царствования Алексея далеко не соответствовало внутреннее состояние Московского государства: народ томился под тяжестью налогов; купечество было бедно вследствие той же причины и вследствие физических бедствий – неурожая и скотского падежа, наконец, вследствие дурного состояния правосудия. В начале 1648 года царь женился на Марье Ильиничне, дочери незнатного чиновника Ильи Даниловича Милославского; Морозов, чтоб упрочить свою силу, женился тогда же на другой дочери

Милославского; этот Милославский, человек высокомерный и жадный, воспользовался своим новым положением, чтоб дать выгодные места родственникам своим, которые принялись наживаться; притом в народе боялись пристрастия царя и правителя к иностранным обычаям; действительно, употребление табаку уже было позволено, только продажа его сделана исключительным правом казны.

Летом 1648 года вспыхнул мятеж в Москве: народ потребовал выдачи судьи Плещеева, получил его и умертвил, умертвил вместе с ним думного дьяка Чистого, разграбив домы их и многих других знатных и богатых людей. На другой день сделался пожар в Москве, после которого вспыхнуло опять возмущение, народ начал требовать самого Морозова и окольничего Траханиотова на смертную казнь: Траханиотова выдали, но Морозова отослали в Кириллов Белозерский монастырь, откуда после, когда все утихло, он возвратился в Москву и пользовался прежним расположением царя; но теперь уже является на сцену новое могущественное лицо в Церкви и государстве: то был Никон.

2. Никон

Никон, в миру Никита, родился в 1605 году, когда для Московского государства началось Смутное время, под впечатлениями которого протекло его детство; родился он в крестьянском быту, в Нижегородской области; младенцем лишился матери; отец дал ему мачеху, от которой малютка терпел большие беды, не один раз жизнь его находилась в опасности. Молодой Никита нашел случай выучиться грамоте, а это было тогда верным средством для худородного человека выйти на вид; обилие нравственных сил, энергия не могли позволить Никите долго оставаться в той среде, где он родился; таланты молодого человека резко выделяли его из толпы, увлекали его вперед, указывали на дорогу иную.

Он поступил в монастырь на искус, но отсюда, однако, он был вызван снова в мир просьбами родственников; он женился и получил священническое место на 20-м году от рождения. Молодой священник был так заметен своими достоинствами, что московские купцы упросили его перейти в Москву. 10 лет жил Никита с женой, но, потеряв всех детей, разошелся добровольно с нею и ушел на Белое море в пустынный Анзерский скит, где и постригся. Слава иноческих подвигов его в северных монастырях достигла Москвы, и когда в 1646 году явился здесь, то произвел сильное впечатление на молодого и религиозного царя.

По желанию Алексея Михайловича Никон был сделан архимандритом московского Новоспасского монастыря. В этом новом звании своем он каждую неделю являлся во дворец беседовать с царем, причем не упускал случая ходатайствовать за утесненных, вдов, сирот. В 1648 году Никон был посвящен в новгородские митрополиты.

3. Уложение

Между тем немедленно после мятежей молодой царь усердно занялся важным делом: 16 июля 1648 года государь советовался с патриархом, духовенством, боярами и думными людьми о том, чтоб выписать нужные статьи из правил апостольских и св. Отцов, из законов византийских, собрать также указы прежних русских государей, справить их со старыми судебниками, а на какие случаи прежних указов нет, написать вновь по общему совету, чтоб Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшего чина, суд и расправа были во всяких делах всем равно.

Соборное уложение 1649 г.

Собрание статей и составление доклада поручено было боярам князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Волконскому и двоим дьякам, Леонтьеву и Грибоедову. Кроме того, велено было выбрать из дворян, купцов и посадских добрых и смышленых людей, чтоб со всеми этими выборными можно было утвердить нерушимо. Так составлено было знаменитое *уложение.*

Сеяние и продажа табаку по-прежнему запрещены, оставшийся у казенных продавцов табак был отобран и сожжен. Купцы получили то, чего давно добивались еще в царствование Михаила: английские купцы высланы были из внутренних городов государства; им позволено было торговать только в Архангельске с платою обыкновенной пошлины; кроме разных злоупотреблений и притеснений русским купцам, англичанам было поставлено в вину, что они «всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти» (1649 г.).

4. Мятеж в разных городах и патриаршество Никона

В Москве попытки некоторых недовольных возбудить снова мятеж против Морозова и Милославского остались тщетными; но вспыхнули мятежи в разных других городах: летом же 1648 года вспыхнул мятеж в Сольвычегодске вследствие насилий, которые позволял себе сборщик податей Приклонский; потом возмутились устюжане вследствие взяточничества подьячего Михайлова, которому мирволил воевода Мих[аил] Васил[ьевич] Милославский; Михайлов был убит мятежниками. Усмирить эти мятежи было легко; труднее было уладить дела в Пскове и Новгороде.

Из присоединенных по Столбовскому миру к Швеции русских областей перебежало много народа в свое прежнее отечество; по договору этих перебежчиков нужно было выдать, но царь никак не решился выдать православных лютеранскому правительству, и заключен был с Швециею новый договор, по которому царь обязался заплатить деньги за перебежчиков и в счет этих денег отпустить в Швецию хлеб из казенных житниц псковских. Эти распоряжения произвели мятеж во Пскове: пошел слух, что изменник Морозов отпускает деньги и хлеб к немцам, которые по согласию с ним скоро явятся под Псковом и Новгородом. Швед Нумменс, который в феврале 1650 года вез деньги из Москвы, был захвачен псковичами, пытан, засажен под стражу; воеводу, князя Львова, и присланного из Москвы для следствия князя Волконского едва не убили, архиепископа Макария два раза сажали на цепь.

А. Д. Литовченко. Алексей Михайлович и Никон перед гробницей святителя Филиппа

Мятеж псковский немедленно отразился и в Новгороде: здесь 15 марта захватили датского посланника под тем предлогом, что он также везет деньги из Москвы к немцам, избили его; стрельцы пристали к мятежникам, малочисленные дворяне не могли оказать воеводе князю Хилкову никакой помощи. Тогда Никон решился действовать духовным оружием: он в Софийской церкви торжественно проклял зачинщиков мятежа. Это возбудило сильный ропот: воспользовались первым случаем, первой жалобою на Никона и двинулись на митрополичий

двор; Никон вышел было к ним уговаривать, но мятежники избили его до полусмерти. Пришла грамота царская с требованием покорности и выдачи зачинщиков, но тщетно уговаривал Никон новгородцев исполнить волю царскую; увещания его оказались действительными только тогда, когда к Новгороду приблизился боярин князь Хованский с отрядом войска: к 20 апреля новгородцы покорились и выдали зачинщиков, из которых только один был казнен смертию для удовлетворения датского посланника; Никон сильно хлопотал о снисхождении.

Он послал было и к псковичам увещательную грамоту, но ответом был грубый отказ; псковичи решились защищаться против Хованского, у которого было очень мало войска, и он не мог вести дружной осады против большого города, хорошо снабженного съестными запасами. Хотя вылазки осажденных против царского войска были неудачны, однако Псков держался до половины августа, когда явились из Москвы духовные лица и выборные из дворян и купцов с объявлением всепрощения. Псковичи принесли повинную и потом добровольно выдали зачинщиков мятежа. Через два года после этих событий (в июле 1652 года) Никон был посвящен в патриархи. Он согласился принять этот сан только тогда, когда в Успенском соборе бояре и народ дали ему клятву «почитать его как архипастыря и отца и дать ему устроить церковные дела».

5. Богдан Хмельницкий и присоединение Малороссии

Никон стал верховным пастырем церкви и главным советником царя в то время, когда Алексей Михайлович должен был решить важный вопрос о соединении Малой России с Великою, или Московским государством. Казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий, давно уже известный своею храбростью и ловкостью в делах, жестоко оскорбленный одним польским чиновником и не нашедший себе управы, в конце 1647 года убежал в Запорожье, оттуда в Крым, уговорил хана дать ему татарское войско и с этим войском явился опять в Запорожье, куда бежали к нему толпы недовольных из Малороссии. Узнавши об этом восстании, два гетмана польских, Потоцкий и Калиновский, пошли весною 1648 года навстречу к Хмельницкому, но потерпели страшное поражение в двух битвах – при Желтых Водах и при Корсуне: оба гетмана попались в плен и отведены были в Крым.

Такое блистательное начало дела взволновало всю Украину: крестьяне поднимались против панов, духовенство проповедовало освобождение православных от притеснителей-католиков, ненависть сословная соединилась с ненавистью религиозной. В это опасное для государства время умирает король Владислав, наступает междуцарствие в Польше, выборы нового короля. Недеятельность правительства, оставшегося без главы, усиливает восстание; вся Украина наполняется загонами, или вооруженными отрядами, составленными преимущественно из восставших крестьян, называвшихся гайдамаками. Жители панских местечек и сел обыкновенно принимали гайдамаков как избавителей, соединялись и вместе разрушали господский дом, умерщвляли панов. Кроме панов ненависть восставших особенно обращалась на жидов, бывших орудиями панских притеснений, также на католическое духовенство и церкви католические.

Поляки платили жестокостями за жестокости: особенно лютостью в мести отличался самый храбрый и искусный из польских предводителей, окатоличившийся и ополячившийся русский вельможа

князь Иеремия Вишневецкий. Между тем Хмельницкий с главными силами поразил осенью поляков под Пилавою, проникнул до Львова в Галиции, взял откуп с этого богатого города. Хмельницкий осаждал Замостье, когда получил весть об избрании нового короля, Яна Казимира, брата Владиславова. Король прислал ему приказание отступить в Украину и там дожидаться польских комиссаров для начатия мирных переговоров. Хмельницкий повиновался; переговоры действительно начались в начале 1649 года, но не могли повести ни к чему: Хмельницкий видел, что он крепок только восстанием народным, и потому когда польский уполномоченный, обещая удовлетворение Хмельницкому и казакам, поставил условием, чтоб они отступились за это от мятежной черни, – пусть крестьяне возделывают поля, а казаки воюют, – то Хмельницкий отвечал: «Теперь уже прошло время для переговоров: выбью из польской неволи народ русский весь. Сперва я воевал за свою обиду, теперь буду воевать за веру православную. Поможет мне вся чернь по Люблин и по Краков, а я от нее не отступлю».

Призвавши на помощь крымского хана, Хмельницкий выступил навстречу польскому войску, которым предводительствовал сам новоизбранный король Ян Казимир. Король был окружен татарами и казаками под Зборовом и находился в самом затруднительном положении, но был спасен союзником Хмельницкого, ханом. Король обещал хану большие деньги вдруг и ежегодно, и хан ушел, выговорив только в пользу союзника, чтоб король простил казаков и принял в свою милость Хмельницкого; с последним заключен был договор, по которому число реестровых казаков определено было в 40 000; город Чигирин отдан гетману казацкому для постоянного пребывания; войска коронные и жиды не будут находиться в местах, назначенных для жительства казаков; иезуитов не будет там, где находятся русские школы; киевский митрополит заседает в Сенате.

Но, несмотря на видимые выгоды договора, Хмельницкий был поставлен в самое затруднительное положение: не с 40 000 казаков только Хмельницкий действовал против поляков; после внесения в реестр 40 000 осталось много лишних, много таких загонщиков, которые погуляли на счет своих панов, а теперь опять должны были возвратиться в прежнее состояние. Хмельницкий принужден был отказаться от союза с чернью; мало того, он должен был вооружиться

против своих верных союзников, должен был казнить смертию тех из них, которые не хотели возвратиться в прежнее состояние и волновались; волнение это все более и более увеличивалось и обращалось против Хмельницкого. Гетман должен был признаться, что Зборовского договора исполнить нельзя; поляки с своей стороны не исполнили условий договора, не дали киевскому митрополиту места в Сенате, и война опять началась.

Хмельницкий опять призвал на помощь крымского хана, но в сражении под Берестечком татарин бежал, следствием чего было поражение казаков. Под Белою Церковью заключен был мир на условиях, далеко не так выгодных для казаков, как зборовские, и главное – число реестровых казаков уменьшилось до 20 000. Следовательно, положение Хмельницкого еще ухудшилось: видя всеобщее неудовольствие и восстание народа в Малороссии, он позволил вписывать в реестр и более 20 000. С другой стороны, малороссияне толпами уходили на левый берег Днепра, в пределы Московского государства. И взоры самого гетмана постоянно обращались туда же, все чаще и чаще посылал он в Москву бить челом, чтоб царь Алексей Михайлович принял Малороссию под свою руку.

С. Ф. Чупрученко. Запорожские казаки в лодке на Днепровских порогах в XVII в.

Но принять Малороссию значило начать войну с Польшею, с которою у Москвы был вечный мир, хотя и продолжались неудовольствия по причине умаления царского титула польскими чиновниками; московское правительство требовало казни виновным, польское не хотело исполнить этого требования. Началась третья война у Хмельницкого с поляками; гетман прислал в Москву с просьбой, что если царю угодно помирить казаков с поляками, то чтоб отправил своих послов к королю немедленно, потому что поляки уже наступают. Летом 1653 года московские послы явились в Польше и потребовали, чтоб виновные в умалении царского титула были казнены; поляки не соглашались; тогда послы объявили, что царь готов простить людей, виновных в умалении его титула, если король перестанет теснить православную веру, уничтожит унию и примет Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору. Поляки не соглашались, и войско их двинулось на Хмельницкого.

Тогда государь послал сказать гетману, что принимает его под свою власть, и 1 октября 1653 года созвал собор из всяких чинов людей, которому объявил о неправдах польского короля и против Москвы, и против Малороссии; объявил, что турецкий султан зовет казаков к себе в подданство, но что гетман лучше хочет быть под властью православного государя. Собор приговорил, что надобно принять казаков, чтоб не отпустить их в подданство к турецкому султану, что надобно объявить войну Польше за притеснения православной веры и за оскорбление царской чести. Тогда государь послал боярина Бутурлина взять с Хмельницкого, со всего войска и со всей Малороссии присягу в верности.

Присяга эта не могла быть взята вскоре, потому что Хмельницкий должен был выступить в поход против поляков, с которыми сошелся на Днестре, под Жванцем, недалеко от Каменца-Подольского. Казаки по-прежнему были в союзе с татарами, по-прежнему татары изменяли казакам: помирились с поляками на выгодных для себя условиях и покинули Хмельницкого. Гетман ушел домой в Чигирин и 8 января 1654 года назначил общую раду (народное собрание) в Переяславле. «Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и все православные христиане! – говорил Хмельницкий на раде. – Видно, нельзя нам жить более без царя, так выбирайте из четырех – царя

турецкого, хана крымского, короля польского и царя православного Великой России, царя восточного, которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем и паном. Царь турецкий бусурман: известно, какую беду терпят от него наши братья – православные греки; крымский хан тоже бусурман: подружившись с ним, натерпелись мы беды; об утеснениях от польских панов нечего и говорить! А православный христианский царь восточный одного с нами благочестия: кроме его царской руки, мы не найдем лучшего пристанища. Кто не захочет нас послушать, тот пусть идет куда хочет: вольная дорога!» Тут закричало множество голосов: «Хотим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!»

А. Д. Кившенко. Богдан Хмельницкий. Присоединение Малороссии

Давши присягу, Хмельницкий со старшинами отправил посольство к царю в Москву просить об утверждении разных прав за Малороссией,

и государь утвердил следующие: войску Запорожскому быть всегда в числе 60 000; казаки имеют право выбирать гетмана; права шляхты и городов остаются прежние; в городах правителям быть из малороссиян, им же и доходы собирать; гетман имеет право принимать иностранных послов, давая об них знать государю, но если эти послы придут с предложениями, вредными для государя, то задерживать их и дожидаться указа царского; с турецким же султаном и польским королем без царского указа не ссылаться.

6. Война с Польшею

18 мая 1654 года царь Алексей выступил сам в поход против Польши по дороге к Смоленску и тотчас же начал получать известия о сдаче городов русскому войску; 5 июля государь приступил к Смоленску; и сюда гонец за гонцом приезжали с известиями о взятии литовских городов разными воеводами и о победах; 10 сентября сдался и Смоленск. Летом следующего 1655 года боярин князь Яков Черкасский разбил литовского гетмана Радзивилла и взял столицу Литвы Вильну, вслед за тем сдались Ковно и Гродно. С другой стороны Хмельницкий с московскими воеводами действовал против поляков на юго-западе, взят был Люблин. С третьей стороны напал на Польшу шведский король Карл X Густав и также имел блистательный успех, овладел Познанью, Варшавою, Краковом.

Польша находилась на краю гибели. Ее спасло столкновение между Москвою и Швециею. Царь Алексей Михайлович был сильно раздражен против Карла X тем, что шведский король перебил у него дорогу, захватил Польшу и, не довольствуясь ею, намеревался вырвать у русских Литву, заводил сношения с Хмельницким. Притом опасно было допустить усиление Швеции на счет Польши, слияние двух враждебных держав в одну. Вот почему Алексей Михайлович поспешил прекратить на время войну с Польшею и начать войну с Швециею. Поляки при этом обещали провозгласить царя наследником польского престола.

7. Война с Швециею

В июле 1656 года сам царь двинулся в поход к заветной цели московских государей, к Ливонии. По завоевании Динабурга, Кокенгаузена и других незначительных мест царь осадил Ригу, но осада была неудачна: в октябре осажденные нанесли сильное поражение русским и заставили их снять осаду; так же неудачна была осада Орешка (Нотебурга) и Кексгольма; только Дерпт был занят московскими войсками. В 1657 году значительных военных действий не было, в мелких же шведы имели большею частью верх; в начале 1658 года было заключено перемирие и подтверждено в конце 1659 года в местечке Валиесаре на 20 лет, причем Москва удержала свои завоевания – Дерпт и другие места, но в 1661 году заключен был вечный мир в Кардисе, по которому царь уступил Швеции все эти места.

8. Смуты в Малороссии по смерти Богдана Хмельницкого и вторая война с Польшею

Причиною желания царя успокоить северо-западные границы были смуты на юге, в Малороссии, которые заняли все внимание Алексея Михайловича. Богдану Хмельницкому очень не нравилось примирение Москвы с Польшею, и, привыкнув к самостоятельности, старый гетман прямо вопреки обязательствам позволял себе сноситься с иностранными государями, враждебными Москве, позволял себе сноситься и с Польшею. Это необходимо вело к разладу. В июле 1657 года Богдан умер, и смерть его послужила знаком к смуте.

Генеральный писарь (заведовавший всеми письменными делами войска) Иван Выговский провозгласил себя гетманом, но полтавский полковник Мартын Пушкарь и запорожцы не хотели иметь Выговского гетманом. Запорожский кошевой атаман Барабаш прислал в Москву весть, что гетман и полковники изменяют, но что вся чернь хочет остаться верною государю. «Мы, – говорили запорожские послы, – Выговского гетманом отнюдь не хотим и не верим ему ни в чем, потому что он не природный запорожский казак, а взят из польского войска на бою; Богдан Хмельницкий подарил ему жизнь и сделал его писарем, но он по своей природе войску никакого добра не хочет». Обнаруживалось разделение на две стороны: сторону старшин, большею частью стоявших за Выговского и склонных к возвращению в подданство польское, обещавшее им больше воли, и сторону черни, которая жаловалась на притеснения от старшин и была привержена к Москве, особенно на восточном берегу Днепра.

Царь находился в самом затруднительном положении: с одной стороны, Выговский прислал в Москву жаловаться на Пушкаря как бунтовщика, с другой – Пушкарь присылал с обвинениями против Выговского, который наконец, несмотря на царское запрещение, пошел на Пушкаря, разбил и убил его. Избавившись таким образом от внутреннего врага и усилив себя союзом с ханом крымским, Выговский в сентябре 1658 года заключил с Польшею договор, которым поддавался королю на выгодных для себя условиях, потому что поляки не были скупы теперь на обещания, лишь бы только приобресть опять

Малороссию. Но многие казаки тотчас же объявили себя за Москву; Выговский стал воевать с ними и с царскими воеводами, объявляя в то же время, что он верен царю и воюет только с своими ослушниками.

Летом 1659 года московский воевода князь Трубецкой был разбит Выговским и крымским ханом под Конотопом. Но как скоро хан вышел из Малороссии, то Выговский увидал против себя всех казаков, которые провозгласили гетманом Юрия Хмельницкого, сына знаменитого Богдана; Выговский бежал в Польшу, а Хмельницкий присягнул царю.

Но этим малороссийские смуты не кончились, а только начинались, потому что началась снова война у Москвы с поляками, которые, оправившись, выгнали шведов из своих владений и, надеясь на смуты малороссийские, не хотели ни провозглашать Алексея Михайловича наследником польского престола, ни уступать Москве все ее недавние завоевания. Эта вторая польская война далеко не была так удачна для Москвы, как первая: осенью 1658 года воевода Юрий Долгорукий разбил и взял в плен литовского гетмана Гонсевского, но в июне 1660 года другой воевода, князь Хованский, потерпел страшное поражение у Полонки от знаменитого польского воеводы Чарнецкого, который прославился освобождением своего отечества от шведов.

На юге боярин Шереметев положил с гетманом Хмельницким двинуться ко Львову двумя разными путями: Хмельницкий, окруженный на этом пути поляками и татарами, передался на сторону короля; тогда все неприятельское войско устремилось на Шереметева и в сентябре окружило его под Чудновом; бывшие при нем казаки передались неприятелю, Шереметев принужден был сдаться и отведен в Кремль в неволю. В 1661 году русские потерпели новые неудачи в Литве и в Белоруссии: потеряны были Вильна, Гродно, Могилев.

Все эти несчастья тяжело отдавались в Москве; войне не было видно конца; тяжкие подати пали на народ, торговые люди истощились. Уже в 1656 году казны недостало ратным людям на жалованье, и государь велел выпустить медные деньги, которые должны были ходить по одной цене с серебряными, как у нас теперь ассигнации. Года два деньги эти действительно ходили как серебряные, но потом начали понижаться в цене, когда в Малороссии после измены Выговского перестали их брать и когда появились фальшивые медные деньги; наступила страшная дороговизна. В июле 1662 года в Москве вспыхнул мятеж по поводу приклеенного на улице письма, обвинявшего в измене

Милославских, Ртищева (которому приписывалась мысль о медных деньгах), богатого купца Шорина. Мятежники двинулись в село Коломенское, где был тогда государь, и на увещание Алексея Михайловича разойтись и предоставить дело ему кричали: «Если добром тех бояр не отдашь, то мы станем брать их у тебя силою». Тогда придворные и стрельцы по приказанию государя ударили на мятежников, и больше 7000 их было перебито и переловлено.

Между тем война продолжалась. В Малороссии Хмельницкий отказался от гетманства, постригся в монахи, и в преемники ему был избран Тетеря, присягнувший королю, но левая сторона Днепра остается за Москвою: здесь в Нежине на шумной раде избран был в гетманы запорожский кошевой атаман Брюховецкий, который скоро после избрания своего увидал у себя на левой стороне самого короля Яна Казимира с поляками и казаками правой стороны. Король воевал удачно в конце 1663 и начале 1664 года: он занял почти всю Малороссию, но успехи его были остановлены под Глуховом, который отлично оборонялся, а между тем князь Ромодановский и Брюховецкий начали успешно действовать против поляков, и король, снявши осаду Глухова, должен был уйти за Десну, потерявши при этом отступлении много народа от голода и холода.

Оба государства, и Московское, и Польское, истощенные продолжительною войною, сильно желали ее прекращения, но продолжительные переговоры не вели ни к чему; Москва после таких пожертвований не могла отказаться от Малороссии и от всех завоеваний; поляки же прямо говорили: для чего нам уступать вам что-либо, когда обстоятельства переменились, когда вы истощены, без союзников, а мы свободны от всех других врагов и в союзе с ханом крымским? Следовательно, мир был возможен только в том случае, когда новый какой-нибудь удар постигал то или другое государство и заставлял его спешить миром с тяжелыми для себя пожертвованиями.

Такие именно удары постигли Польшу. Знаменитый вельможа Любомирский, оскорбленный противниками, в числе которых стояла королева, поднял знамя восстания против короля. Потом преемник гетмана Тетери на западной стороне Днепра, гетман Дорошенко, поддался турецкому султану и этим самым поднимал турок и татар против Польши, которая и должна была поспешить миром с Россиею.

Неизвестный художник. Портрет царя Алексея Михайловича

В 1667 году в деревне Андрусове (между Смоленском и Мстиславлем) Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин заключил с

Польшею перемирие на тринадцать лет и 6 месяцев: царь Алексей Михайлович отказался от Литвы, но приобрел Смоленск, Северскую страну и ту часть Малороссии, которая оставалась за Москвою в последнее время, т. е. по ею сторону (левую) Днепра, на правой стороне Днепра Москва удержала только Киев на два года.

9. Раскол и падение Никона

В то время как шли переговоры о мире с Польшею, царя Алексея занимало самое тяжелое дело в его жизни – суд над патриархом Никоном. Первые годы своего патриаршества Никон продолжал пользоваться неограниченною доверенностью и сильною привязанностью царя Алексея, который называл его «особенным своим другом душевным и телесным». Никон управлял государством во время отлучек царя в походы, причем оказал важную услугу государю, сберегши его семейство во время морового поветрия; Никон назывался великим государем подобно царю – титул, который носил только Филарет Никитич, но не как патриарх, а как отец царский; теперь же опять явились в Москве два великие государя, причем Никон назывался великим государем как патриарх; власть патриарха, таким образом, приравнивалась к власти царской.

Но это небывалое приравнение необходимо возбуждало вопрос о законности его; вопрос этот должен был подняться скоро, потому что Никон не был из числа тех людей, которые умеют останавливаться, не доходить до крайностей, умеренно пользоваться своею властью. С ясным умом Никон не соединял образования, которого негде было получить ему тогда; с необыкновенною энергиею Никон не соединял вовсе благодушия, снисходительности, не умел вносить в отношения свои к людям теплоты и мягкости, примиряющих с превосходством человека, с его влиянием. Он был властолюбив и тем более неприятно давал чувствовать свое властолюбие, что был жесток и вспыльчив, в сердцах не умел владеть самим собою, не умел обращать внимания на то, что говорил и делал. При таких свойствах Никон, разумеется, скоро нажил себе врагов сильных между придворными, между людьми, близкими к царю. Всякий, кто считал себя вправе на какую-нибудь власть, на какое-нибудь влияние, необходимо сталкивался с Никоном, который не любил обращать внимания на чужие права и притязания, который считал для себя унизительным и ненужным приобретать союзников, который не боялся и презирал врагов.

Сама царица, родственники ее Милославские, родственники государя по матери Стрешневы и другие вельможи скоро сделались врагами Никона. К ним пристали и многие из духовных значительных

лиц, оскорбленных крутостью нрава Никона, жестокостью наказаний, которым он подвергал виновных. Наконец, Никон возбудил против себя сильное негодование исправлением книг и наказаниями, которым подвергались люди, не принявшие этих исправлений.

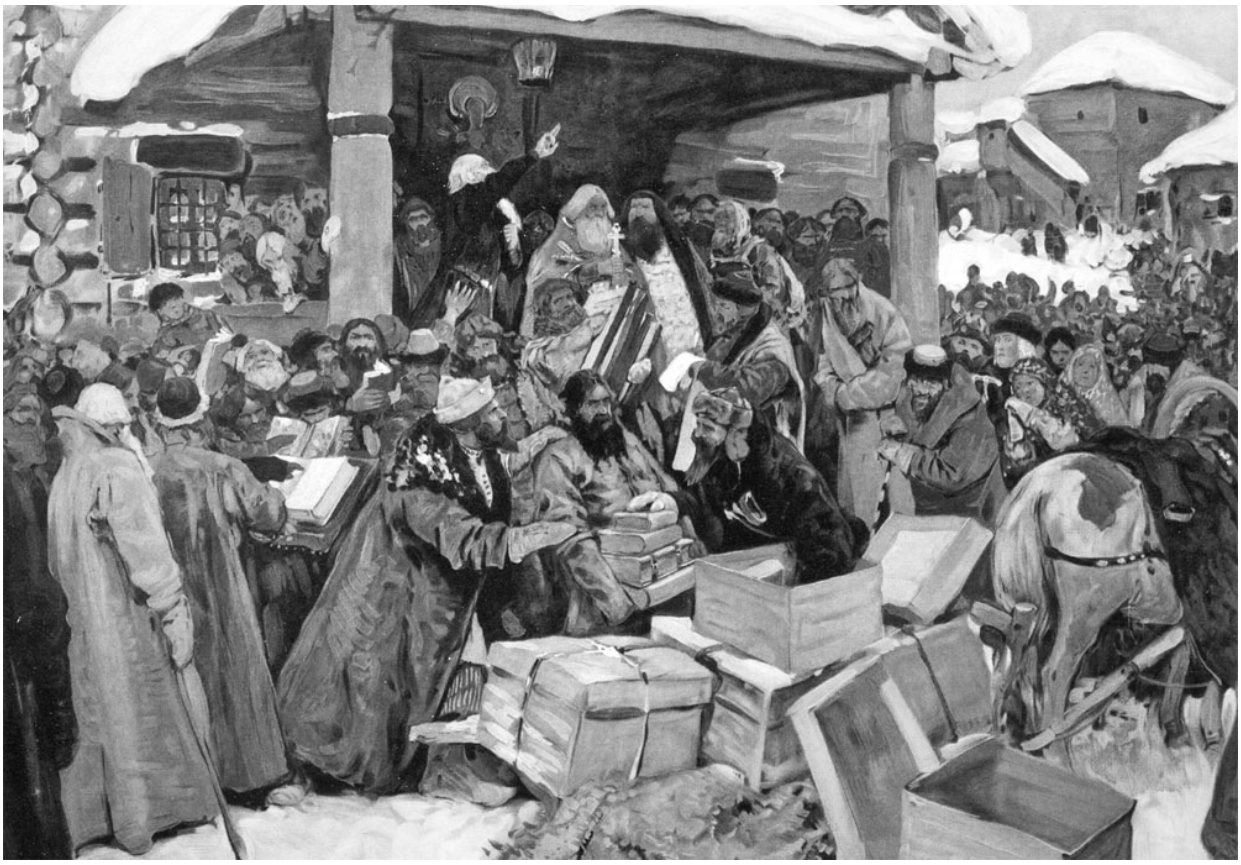
По недостатку образованности в XV и XVI веках в русской Церкви распространилось несколько мнений, которых не допускала православная восточная Церковь, – мнений, касавшихся большею частью одной внешности обрядов, но очень важных в глазах людей, которые по умственной неразвитости придают особенное значение внешнему – обрядам, букве: так, например, что надобно произносить «Исус» вместо «Иисус», служить на семи просвирах, а не на пяти, складывать два пальца, а не три при крестном знамении, не брить бороды и усов и т. п.; такие мнения даже замешались в так называемый Стоглав, т. е. в постановления известного нам собора, бывшего при Иоанне IV, в 1551 году, замешались в богослужебные книги, и когда эти книги начали печататься без надлежащего исправления, то ошибки, вкравшиеся в них, распространились во всем народе, в глазах которого явились освященными.

Мы видели, каким гонениям подвергся архимандрит Дионисий с товарищами за попытку исправить книги; после Дионисия исправление продолжалось, но производилось очень небрежно, без знания дела. Особенно дурно шло дело при патриархе Иосифе, предшественнике Никона: исправители внесли, наприм[ер], наставление о двуперстном сложении в книги самые употребительные (псалтырь, катехизис и т. п.), издали каждую книгу в числе 1200 экземпляров, и вот в несколько лет двоеперстие сделалось господствующим во всей России. Греческие патриархи и другие архиереи, приезжавшие в Москву, заметили эти странности и начали указывать на них; малороссийские ученые монахи, Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, вызванные в Москву для перевода нужных книг с иностранных языков, указывали также патриарху Никону на неисправность прежних изданий.

Д. Вухтерс (?). Портрет патриарха Никона с клиром

Никон созвал собор в 1654 году и предложил вопрос: «Новым ли печатным служебникам следовать или греческим и русским старым?» Собор отвечал, что надобно исправить книги согласно с старыми русскими рукописями и греческими; приступили к исправлению, собрали отовсюду старинные русские рукописи, выписали с Востока старинные греческие, поручили исправление по ним людям знающим и прежде всего издали исправленный служебник. Но против этого Никонова дела тотчас же обнаружилось сопротивление: коломенский епископ Павел с некоторыми другими лицами духовными, большею частью старыми исправителями книг при патриархе Иосифе, явно восстал против исправления и новизн (новшеств, как они называли). Их мнение нашло себе отголосок: не умея понять, в чем дело, привыкши придавать внешности, обрядам великое значение, ужаснулись при слухе, что в священную сферу церковную вводят новшества, велят молиться по-новому, не так, как молились предки, не так, как молились святые угодники и спаслись.

Известно, какое сильное влияние имеют на воображение народное апокалипсические представления: с мыслию о новостях в вере, о перемене веры сейчас же соединилась мысль о последнем времени, об антихристовом пришествии. Эти страхи тем более имели силы, что внушались они людьми, имевшими влияние на толпу, людьми, знающими Писание, начетчиками; в числе этих людей были епископ, протопопы; наказание, которому подверглись эти люди за свое сопротивление собору, еще более усилило их значение, выставив их мучениками за правду, еще более усилило ненависть к Никону как мучителю людей праведных.



С. В. Иванов. Во времена раскола

Таким образом, много ненавистей скоплялось над головою Никона. Придворные враги его успели указать государю, что великий государь патриарх превышает власть свою, успели поселить холодность между ним и царем. Характер Никона давал врагам его все выгоды над ним; оружие было неравное: враги действовали тайно, усильно, постоянно, а Никон, вместо того чтоб при первом признаке охлаждения спешить к царю, стараться отстранить всякое недоразумение, бороться, отражать нападения врагов, – вместо всего этого Никон удалялся и таким образом оставлял своим противникам поле сражения.

Никон был одарен способностью приобретать влияние, но не был способен сохранить приобретенное; он не мог снизойти до средств, которые употреблялись врагами его, не мог снизойти до мысли, что ему должно бороться, защищаться, ему, который должен повелевать. Удаление Никона от царя повело к усилению охлаждения между ними; Никона перестали призывать во дворец в важных случаях, царь стал избегать встречи с ним в праздники, во время патриаршего служения.

Однажды князь Ромодановский пришел в Успенский собор объявить патриарху, что государь не будет к обедне, и между ним и Никоном вышла брань, Ромодановский стал упрекать его в гордости, в присвоении титула великого государя. Никон не захотел терпеть более: 10 июля 1658 года в Успенском соборе после обедни и проповеди патриарх обратился к народу с такими словами: «Ленив я был вас учить, и от этой моей лености сам я и вы покрылись греховными струнами; с этого дня я уже вам не патриарх; многие из вас называли меня иконоборцем, еретиком, будто я новые книги завел, хотели побить меня камнями. Все это делается по моим грехам». Сказавши это, Никон стал разоблачаться; тут поднялся вопль: «Кому ты нас, сирых, оставляешь!» «Тому, кого вам Бог даст», – отвечал Никон. Ему принесли мешок с простым монашеским платьем, но мешок у него отняли и не дали надеть простое платье. Никон пошел в ризницу, написал там письмо к государю, в котором объявлял, что удаляется от гнева царского, и хотел выйти из собора, но его не пустили, и отправили одного из митрополитов донести государю, что делается в соборе. Явился боярин и объявил Никону именем царским, что ему незачем оставлять патриаршества. «Уже я слова своего не переменю», – отвечал Никон и уехал из Москвы в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), им построенный.

Решительный шаг был сделан; Никону трудно было возвратиться, хотя он и желал этого, но царь не шел к нему навстречу с мольбою о прощении, как бы хотелось Никону. Так проходило время, Никон не возвращался в Москву, а Церковь оставалась без патриарха, что не могло обойтись для нее без вредных последствий. Наконец в феврале 1660 года царь созвал собор, где послышалось мало голосов за Никона, который успел между тем сильно раздражить царя резкими выражениями на его счет в письмах к греческим архиереям и выходками, которые позволял себе в своей запальчивости. Положили снестись с восточными патриархами, вызвать их для решения дела. Попытка боярина Зюзина вызвать Никона обманом в Москву и устроить свидание и объяснение между ним и царем не удалась: Никон приехал в Москву, но царь, удержанный врагами его, не пошел на свидание, и Никону велено было ехать назад в Воскресенский монастырь.

В 1666 году приехали в Москву два патриарха – александрийский и антиохийский – и на соборе осудили Никона на низвержение из архиерейского сана и заточение в монастырь за самовольное оставление патриаршества, за самовольные, без собора, низвержения, проклятия и жестокие наказания духовных лиц, наконец, за выходки против патриархов, царя и бояр. Никона заточили в Белозерскую Ферапонтову пустынь.

10. Соловецкое возмущение

Патриархи осудили Никона, но одобрили дело исправления книг. Новоисправленные книги были разосланы всюду, но не везде их принимали: монахи по пустыням, священники по селам продолжали употреблять старые, а в Соловецком монастыре дело дошло до явного возмущения. Узнав, что монахи этого монастыря не принимают новых книг, из Москвы отправили к ним архимандрита с царскою грамотою, но монахи отвечали посланному: «Указу великого государя мы послушны и во всем ему повинуемся, но повеления о новоизданных книгах не принимаем». Всех больше шумел бывший архимандрит Саввина монастыря Никанор, который жил в Соловках на покое; сложивши три первых пальца, он кричал: «Это учение и предание латинское, предание антихристово – я готов пострадать!»

С. Д. Милорадович. Восстание Соловецкого монастыря против новопечатных книг в 1666 г.

Тогда присланный из Москвы архимандрит начал задавать раскольникам страшные вопросы: «Как вам кажется – великий государь царь Алексей Михайлович православен ли?» Те отвечали, что православен. «А повеления его православны?» На это монахи смолчали. «А как вам кажется, – продолжал спрашивать архимандрит, – собор, от которого я прислан, православен ли?» Монахи отвечали: «Патриархи восточные прежде были православны, а теперь Бог весть, потому что живут в неволе, российские же архиереи православны». «А соборное повеление, со мною присланное, православно ли?» «Повеления их не хулим, – отвечали монахи, – а новой веры и учения их не принимаем, держим предание св. чудотворцев и за их предание хотим все помереть». В челобитных своих монахи писали царю: «В новых книгах Никона патриарха вместо *Исуса* написано с приложением лишней буквы *Иисус,* что нам, грешным, страшно и помыслить. Милосердый государь! Помилуй нас, нищих своих богомольцев, не вели нарушить предание прародителей твоих и начальников наших, соловецких чудотворцев!» Монахи удержались при страшных вопросах: не принимая новых книг, не хотели, однако, разрывать ни с Церковью, ни с государством. Но когда возмущение усилилось и когда власть перешла к мирянам, к ратным людям, составлявшим гарнизон монастыря, то эти пошли дальше, объявили, что не хотят молиться за государя, и запрещали монахам молиться за него. Против возмутившихся отправлено было войско в 1668 году.

11. Бунт Разина

Но в то время как осада Соловецкого монастыря тянулась медленно по недостатку средств и энергии у осаждавших воевод, возмущение более широкое и опасное пылало на противоположном конце государства, в низовьях Волги и Дона, где опять поднялись казаки на государство. В 1667 году дали знать государю, что на Дону собираются многие казаки, хотят идти воровать на Волгу. Царь в своей грамоте к астраханским воеводам всего лучше объясняет нам, как составлялись в то время эти казацкие сборища: «В донские городки пришли с Украины беглые боярские люди и крестьяне с женами и детьми, и оттого теперь на Дону голод большой».

Старшины старых донских казаков не сочувствовали этой новоприбылой толпе, этим *голутвенным* людям (голь, голяки), как их тогда называли, и потому голутвенные должны были искать себе особенного предводителя и действовать особо; предводитель нашелся: то был донской казак Степан Тимофеев Разин с братом Фролом. Сперва Разин хотел промышлять, по обычаю, над Азовом, но не был допущен донцами, которые находились в мире с азовцами; тогда Разин решился пробраться на восток, на Волгу и на Яик (Урал), откуда получил приглашение от подобных ему воровских казаков; Разин счастливо пробрался на Яик, взял обманом здешний городок и засел в нем на зиму; царские отряды, высланные против него, были разбиты; на служилых людей и горожан напал страх, пошел слух, что Разин колдун, что его ни ружье, ни сабля не берет и пушки по нем не стреляют; тем с большею охотою собирались в разных местах воровские шайки для соединения с счастливым атаманом.

Весною Разин вышел в Каспийское море, грабил все суда, шедшие из Персии в Астрахань, приставал к персидским берегам, опустошал села, города, разбил персидский флот. В конце лета 1669 года Разин возвратился в устье Волги с огромною добычею; к нему навстречу выплыл из Астрахани отряд царского войска, но вместо битвы воевода послал сказать Разину, что государь простит его, позволит возвратиться спокойно на Дон, если казаки отдадут пушки, взятые из царских судов и городов, служилых людей, забранных неволею, морские суда и пленных персиян.

Мы видели из примера донских казаков, что государство при слабости своей смотрело не так строго на действия казаков, если они обращались только против чужих стран; при слабости государства считалось нужным давать выхода этим беспокойным силам; пример Польши и казаков малороссийских научил, как опасно было удерживать у себя эти силы в далеких украйнах; на устьях Волги воеводы не имели достаточно войска и потому не могли надеяться на верный успех в борьбе с казаками, доведенными до крайности, и притом боялись сочувствия к казакам в своих ратных людях, в стрельцах и в остальном народонаселении, особенно в низших слоях его. Чем необразованнее общество, тем сильнее в его членах стремление обнаруживать, употреблять физическую силу, тем сильнее в них стремление как можно меньше трудиться, а жить на счет чужого труда; подобная жизнь приобретает для них особенную прелесть, особый почет; отсюда у варварских народов презрение к труду, который предоставляется рабам и женщинам, и почет исключительный войне, которая у варваров значит одно и то же, что хищничество. Как в русском украинском народонаселении сильно было сочувствие к казацким подвигам, видно из того, что когда купцы из украинских городов приезжали на Дон к казакам для торговли и узнавали, что казаки сбираются на море громить турецкие берега и корабли, то присоединялись к ним. Тем больше сочувствия к казакам было у холопей и крестьян, которых казачество прельщало вольностью.

Разин принял предложение царских воевод, приехал в Астрахань, принес повинную, но условий, на которых получил прощение, не исполнял, не выдал всех пленных и всех пушек; воеводы не настаивали, потому что удаль, счастье, богатство, щедрость Разина произвели сильное впечатление на астраханский народ. В начале сентября Разин отправился из Астрахани вверх по Волге и на дороге еще начал буйствовать, а когда явился на Дон, то со всех сторон начали сбираться к нему *голутвенные;* он сделался предводителем особого большого войска, не хотел знать старого атамана донских казаков Корнила Яковлева, удерживавшего казаков в покорности государству, и прямо кричал, что пора идти против бояр. В мае 1670 года Разин с своею шайкою поплыл вверх по Дону, переволокся на Волгу; большинство жителей Царицына сдали ему свой город, царский воевода погиб от мятежников.

Отряд стрельцов, высланных против Разина, был разбит, Камышин сдан, в Астрахани между стрельцами и простым народом обнаружилось расположение к знаменитому атаману. Под Черным Яром Разин встретил флот, шедший против него под начальством одного из астраханских воевод, князя Семена Львова, но стрельцы, плывшие на этом флоте, как только увидали Разина, закричали: «Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех наших лиходеев!», начали вязать своих начальников и выдавать казакам. «Будут против меня драться в Астрахани?» – спросил их Разин. Ему отвечали: «В Астрахани свои люди: только ты придешь, тут же тебе город сдадут». И действительно, как только (в июне) разинские казаки приступили к астраханскому кремлю, то сами астраханцы подавали им руки и пересаживали через стены. Когда казаки вошли в город, то чернь бросилась бить людей высших чинов, ограблены были церкви, лавки; Астрахань, как и все города, занимаемые мятежниками, получила казацкое устройство, т. е. жители разделены на тысячи, сотни и десятки под начальством выборных атаманов, есаулов, сотников и десятников, заведен казацкий круг, или старинное вече, начались беспрерывные убийства лучших людей и бражничанье казаков с чернью. Старший воевода князь Прозоровский был сброшен с высокой колокольни; сын его также варварски умерщвлен.

В половине июля Разин, оставив в Астрахани атаманом Василия Уса, поплыл вверх по Волге, взял Саратов, Самару, в которых поступал так же, как и в Астрахани; рассыльные его рассеялись по нынешним губерниям Нижегородской, Тамбовской, Пензенской и дальше, поднимая чернь против лучших людей, обещая везде установить казацкое равенство, но, зная, что в народе крепко уважение к царю и духовенству, Разин распустил слух, что при нем находятся сын царя Алексея Михайловича царевич Алексей (умерший в начале того же года) и патриарх Никон; возмущены были черемисы, чуваши, мордва, татары. Но эти мятежники не дождались к себе Разина; в сентябре подошел он под Симбирск, под которым целый месяц был задержан воеводою Иваном Богдановичем Милославским, а между тем успел подойти к Симбирску князь Юрий Барятинский с царским войском, с солдатами, выученными по-новому, и поразил наголову Разина, который после того ночью, бросив своих союзников – чернь, убежал с

одними казаками вниз по Волге; остальные мятежники бросились было бежать за ним, но были настигнуты и разгромлены царскими войсками.

Обаяние, производимое Разиным, исчезло после первой неудачи: его не впустили теперь ни в Самару, ни в Саратов; приехав зимою на Дон, он хотел было поднять здешних казаков, но не успел: атаман Корнил Яковлев схватил Разина и отослал в Москву, где его казнили 6 июня 1671 года.

В. И. Суриков. Степан Разин

После бегства Разина из-под Симбирска бунт продолжался еще между Окою и Волгою: как в Смутное время, крестьяне убивали помещиков и управителей, составляли казацкие шайки и страшно свирепствовали над лучшими людьми в захваченных ими городах; мордва, чуваши и черемисы также разбойничали. Князь Барятинский поразил мятежников в Алатырском уезде (в ноябре 1670-го); с другой стороны князь Щербатов разбил другую толпу, сбиравшуюся было приступить к Нижнему Новгороду; князь Долгорукий поразил третью под Арзамасом, после чего бунт был утишен; при этом утишении погибло до ста тысяч народа. В Астрахани наместник Разина, Васька Ус, продолжал свирепствовать, пытал и сбросил с колокольни митрополита Иосифа; казаки отправились было вторично из Астрахани вверх по Волге, но вторично потерпели поражение под Симбирском от

воеводы Шереметева. Прежний защитник Симбирска боярин Милославский подступил под Астрахань, которая и сдалась в ноябре 1671 года. Но на севере при осаде Соловецкого монастыря правительство не могло употребить большого войска, и потому эта осада продлилась до 1676 года: 22 января этого года воевода Мещеринов взял наконец монастырь приступом и перевешал мятежников.

12. Смуты малороссийские, война турецкая и кончина царя Алексея

В то время как царь Алексей Михайлович должен был заниматься укрощением мятежа на севере и юго-востоке, смуты не прекращались в Малороссии, по поводу которых Московское государство должно было теперь вступить в борьбу с Турциею. Осенью 1665 года приехал в Москву гетман Брюховецкий вместе с другими начальными людьми малороссийскими и бил челом, чтоб государь принял все малороссийские города, чтоб доходы с них собирались прямо в государеву казну и чтоб государь послал во все города воевод своих с людьми ратными. Так как в Киеве в это время не было митрополита, то Брюховецкий просил, чтоб в митрополиты туда был прислан святитель русский из Москвы, который должен находиться под властью московского патриарха, а не константинопольского, как прежде бывало.

Государь велел за это Брюховецкого милостиво похвалить, пожаловал его в бояре, других старшин, приехавших с гетманом, – в дворяне, все получили богатые подарки; просьбы гетмана были исполнены, кроме просьбы о митрополите: государь не хотел решить такого важного дела без пересылки с константинопольским патриархом. В Москве все – и великороссияне и малороссияне – были довольны, но не были довольны в Малороссии. Прежде всего восстало на Брюховецкого высшее духовенство малороссийское за просьбу о митрополите: духовенство требовало, чтоб ему позволено было выбрать митрополита из своей среды и чтоб митрополит был по-старому под властью константинопольского патриарха, а не московского. Особенно стал действовать против гетмана старый друг его епископ Мстиславский Мефодий, управлявший киевскою митрополиею. Мещане были рады новому порядку, переходу власти к царским воеводам, говорили казакам и старшине их: «Теперь нас Бог от вас освободил, вперед не будете грабить и домов наших разорять».

Но тем более были недовольны казаки, и особенно люди начальные. Запорожье волновалось. Волнения еще более усилились после Андрусовского перемирия: на казаков напал страх, что теперь Москва приберет их к рукам. В 1667 году в Запорожье убили царского

посланника, ехавшего в Крым. В Москве, разумеется, не могли благосклонно смотреть на подобные явления и переменили тон, что еще более пугало и раздражало в Малороссии. Между недовольными оказался и епископ Мефодий, которому не было в Москве прежней чести: попросил он однажды соболей – соболей не дали и при отпуске в Малороссию строго наказали помириться с гетманом. Мефодий действительно помирился с Брюховецким, даже сосватал дочь свою за его племянника, но вместе стал наговаривать гетману на московское правительство, пугать, что московское войско идет в Малороссию разорить все без остатку, что Украину отдают Польше.

Брюховецкий был напуган, приготовлен к измене, а тут новое искушение: Дорошенко дал ему знать, что уступит ему свою булаву и таким образом будет он, Брюховецкий, гетманом обеих сторон Днепра, но прежде всего он должен выжить из Украины воевод московских, отложиться от царя и отдаться под покровительство султана. Брюховецкий, прельщенный честью быть гетманом обеих сторон Днепра, вдался в обман и в январе 1668 года созвал раду в Гадяче, где было положено: отступить от царя Алексея, поддаться султану турецкому, послать за татарами в Крым и выживать из городов воевод московских. Вследствие этого решения в Гадяче 120 великороссиян пали под ножами убийц; воеводы стародубский и новгород-северский погибли защищаясь; в некоторых других городах воеводы были захвачены в плен, остальные успели отбиться. Но Брюховецкий недолго нажил после этого: казаки его передались Дорошенке, который велел убить Брюховецкого.

Дорошенко, ставши гетманом обеих сторон Днепра, действовал удачно против московских войск на левой стороне, но не мог долго пробыть здесь сам и оставил наказным гетмана Многогрешного. Следствием удаления Дорошенко было то, что восточная сторона опять потянула к Москве. Многогрешный завел сношения с государем, настаивая, чтоб воеводы московские были выведены из всех городов малороссийских, ибо от их присутствия здесь произошло все зло. Требование Многогрешного сильно поддерживал черниговский архиепископ Лазарь Баранович. Но с другой стороны, нежинский протопоп Симеон Адамович давал знать, что никак нельзя выводить воевод, что весь народ вопиет, под казацкою работою жить не хочет, что

все говорят: «За государем живучи, в десять лет того мы не видали, что теперь увидим в один год за казаками».

В марте 1669 года созвана была рада в Глухове, где Многогрешный был избран гетманом, после чего постановлено было, чтоб воеводам московским и ратным людям быть только в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре и не должны они мешаться в дела малороссийские; доходы в казну будут собирать малороссияне, как было при Богдане Хмельницком; из этих доходов получают жалованье старшины и казаки, которых остается 30 000; гетман будет жить в Батурине. И двух лет не пробыл Многогрешный на гетманстве: старшины вдруг напали на него, схватили, сковали и отослали в Москву, обвиняя его в сношениях с Дорошенком, в намерении поддаться султану. Свергнутого гетмана сослали в Сибирь, и в июне 1672 года избран был на его место Иван Самойлович.

Между тем вследствие подданства Дорошенкова Турции новая опасная война стала грозить обоим государствам, Московскому и Польскому, ибо султан, принимая в свое покровительство Дорошенка, не думал ограничиваться одною тою областью, где господствовал последний, но объявлял себя повелителем всех казаков, всей Украины, поделенной между Москвою и Польшею.

И. Е. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану

В августе 1672 года гроза разразилась: султан Магомет IV, окончивши войну с венецианами, устремился на Украину, в то время когда в Польше царствовала страшная смута между королем и вельможами, мешавшая быстрому и общему действию; крымский хан и Дорошенко присоединились к султану, который взял Каменец, оплот Польши с юга: церкви христианские были обращены в мечети, улицы мостили образами. В Москве царь созвал собор из духовенства, бояр и думных людей, известил его об успехах султана, о замыслах его идти весною под Киев и спрашивал, что делать. Назначили чрезвычайные сборы, царь объявил намерение принять лично начальство над войском, но до этого не дошло: король Михаил Вишневецкий, преемник Яна Казимира, поспешил заключить мир с султаном, отдавши ему казаков, Каменец и обязавшись платить ежегодную дань. Но сейм отказался утвердить постыдный договор короля своего; война продолжалась, тут-то прославился своими подвигами коронный гетман Ян Собеский.

В 1673 году умер король Михаил. Противная Яну Собескому сторона предложила престол польский сыну царя Алексея царевичу Феодору, но сам царь хотел быть избранным в короли; дело, как и прежде, не могло состояться, потому что поляки не хотели иметь королем некатолика. Избран был Ян Собеский. Между тем в конце 1673 и в 1674 году московские войска вместе с восточными малороссийскими казаками вели счастливо войну с Дорошенком и татарами на западной стороне Днепра. Но плоды этих успехов были потеряны, когда в другой раз явился турецкий султан в Украине: московские войска ушли на свою сторону Днепра, и несчастная западная сторона подвергалась страшному опустошению; когда султан ушел, московские войска опять начали утверждаться на западной стороне, но в это время, 29 января 1676 года, умер царь Алексей Михайлович на сорок седьмом году от рождения.

От первой жены, Марьи Ильиничны Милославской (умершей в марте 1669 года), он оставил двоих сыновей, Феодора и Ивана, и пять дочерей; от второй – Натальи Кирилловны Нарышкиной (на которой женился в январе 1671 года) – сына Петра (родившегося 30 мая 1672 года) и двух дочерей. Наследником своим царь в 1674 году провозгласил царевича Феодора.

13. Подготовка к преобразованию в царствование Алексея Михайловича; Симеон Полоцкий

Мы видели, как и в царствование Михаила Феодоровича чувствовалась потребность в науке, в сближении с иностранцами, которые могли принести в Россию науку и искусства свои. В царствование Алексея Михайловича эта потребность чувствовалась все сильнее и сильнее. В начале царствования боялись перемены старых обычаев на новые, иностранные; этой перемены не последовало, время еще не пришло для того, перемена эта, или так называемое преобразование, подготовлялось только. Чувствовали сильную потребность в науке для Церкви и государства, но из опасения за чистоту веры православной боялись прямо обратиться за нею к иностранцам иноверным и обратились сначала к западной православной Руси, в которой школьное образование, как мы видели, распространилось вследствие борьбы с католицизмом.

Для перевода книг вызваны были в Москву из Киева ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, при дворе явился ученый белорус Симеон Полоцкий, которому государь поручил воспитание сыновей своих. Таким образом, впервые сыновья царя московского получили школьное образование; Симеон Полоцкий был писатель неутомимый; писал против раскольников (Жезл Правления, 1668 года), писал похвальные стихи, или вирши, проповеди, драматические сочинения, предметы для которых брал из священной истории, собирал из иностранных сочинений древних и новых нравственные правила, изречения, описания добродетелей и пороков и все это переводил на русский язык виршами, для того чтоб привлекали приятности к частому чтению и легче удерживались в памяти. Пример из дворца начал действовать: вельможи также начали учить детей своих иностранным языкам, на что Симеон Полоцкий указал в своих виршах: «Был король французский именем Франциск Первый; так как он любил Писание и мудрость (а родители его не любили их, но, подобно варварам, жили в простоте), то немедленно дети знатных людей стали учиться, угождая королевской склонности; таким образом, по примеру

королевскому, мудрость распространилась во всей стране. Обычай есть у людей подражать царю, все любят то, что ему любезно; благо тому царству, в котором царь приемлет благие нравы для исправления всех».

Вследствие присоединения Малороссии и беспрестанных сношений с Польшею в Москве начало распространяться знакомство с польским языком и литературою. Черниговский архиепископ Лазарь Баранович, посвящая царевичам изданные им на польском языке книги, писал государю: «Знаю, что царевич Феодор Алексеевич не только на нашем природном, но и на польском языке читает книги; знаю, что и бояре этим языком не гнушаются, но читают книги и истории польские в сладость».

14. Ордин-Нащокин

В деле этой подготовки к преобразованию из вельмож царя Алексея Михайловича более других замечательны бояре Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и Артамон Сергеевич Матвеев. Сын незначительного псковского помещика, Нащокин стал известен во время шведской войны как храбрый воевода и вместе как человек искусный в ведении переговоров; из дипломатических поручений, исполненных Нащокиным, самым важным было заключение Андрусовского перемирия. Нащокин сильнее других стал провозглашать о необходимости преобразований и указывать на то, как делается в других европейских государствах; начал говорить о необходимости преобразований в войске, о необходимости поднять торговое сословие, высвободить его из-под тяжкой власти воевод, дать ему возможность действовать сообща, богатым поддерживать бедных.

Ставши заведовать иностранными сношениями с титулом «Царственных больших печатей и государственных великих посольских дел сберегателя», Нащокин указывал царю на необходимость преобразования Посольского приказа, наполнения его людьми чистыми, которые были бы достойными представителями России пред иностранцами; обращая внимание на положение России, Нащокин хотел, чтобы она была средоточием торговли между Европою и Азиею: с этою целью заключен был договор с Армянскою компаниею в Персии, по которому эта компания обязалась доставлять в Россию весь шелк, добываемый в Персии; для усиления торговли Нащокин хотел завести флот на Каспийском море, и на Оке, в селе Дединове, построен был первый русский корабль «Орел», но, спущенный по Волге в Астрахань, он был сожжен там во время разинского бунта.

Неизвестный художник. Ближний боярин и воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин

Нащокин учредил почты для заграничной переписки; сперва известия о событиях за границею московское правительство получало чрез своих послов и гонцов, которым наказывалось проведывать, что делается в Европе; понятно, что эти известия были отрывочны, несвоевременны и черпались часто из мутных источников; при царе Михаиле иностранные резиденты доставляли в Посольский приказ сведения о текущих событиях, но странно было бы долго оставаться в зависимости от иностранцев, которые могли сообщать только то, что им нравилось: и вот теперь, при Ордине-Нащокине, стали переводить известия об европейских событиях из иностранных газет, и эти первые русские рукописные газеты, назначавшиеся исключительно для правительства, назывались *курантами.*

Как человек, требовавший преобразований, улучшений, Ордин-Нащокин, разумеется, должен был вступить в борьбу с людьми, которым выгодно было поддерживать старое дурное, ибо при новом лучшем они уже не годились; эти люди, эти дьяки, от которых он хотел очистить Посольский приказ, не упускали случая делать ему неприятности, когда он находился в отсутствии, на посольских съездах, при дворах иностранных, лишали его милости царя; это удавалось делать тем легче, что Нащокин, как человек незнатного происхождения, не имел поддержки между вельможами, да и по характеру своему не мог заслужить их расположения. Узнавши чужое лучшее, Нащокин стал порицать свое худшее, но, порицая дела, он порицал и лица, принял на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда как много было людей сильных, которые не хотели признавать этого превосходства, не хотели быть учениками Нащокина.

По свидетельству иностранцев, Нащокин был человек неподкупный, воздержный, неутомимый, великий политик, не уступавший, быть может, ни одному из министров европейских, подражатель иностранным обычаям. При конце жизни Нащокин постригся в монахи.

15. Матвеев

Артамон Сергеевич Матвеев был сын дьяка, в молодости приблизился к царю Алексею и скоро стал его любимцем; вследствие незнатности своего происхождения Матвеев только при самом конце царствования Алексея Михайловича добился боярского сана; несмотря на то, пользуясь полною доверенностью царя, он участвовал в важнейших событиях царствования и по удалении Ордина-Нащокина заведовал внешними сношениями и делами малороссийскими. И этот-то самый близкий человек к царю отличался приверженностью к новым европейским обычаям: дом его был уже убран по-европейски картинами, часами, но важнее этих внешних изменений были внутренние: к Матвееву гости съезжались на разговор, а не для того только, чтоб есть и особенно пить, как обыкновенно бывало тогда у других, и, что всего важнее, жена хозяина не была затворницею, выходила к гостям и занимала их.

Неизвестный художник. Артамон Сергеевич Матвеев

В этом-то преобразованном уже доме и семействе Матвеева воспитана была Наталья Кирилловна Нарышкина, вышедшая отсюда замуж за царя Алексея. Вследствие влияния Матвеева при дворе явились сценические представления. «Комедийным делом» заведовал иностранец, магистр Яган Годфрид, под руководством которого разучивали роли подьячие и дворовые люди Матвеева; при Ягане Годфриде находился также «перспективного письма мастер». В 1673 году у Ягана Годфрида в Немецкой слободе заведена была школа: учились комедийному делу 26 мальчиков, набранных по приказанию Матвеева из мещанских детей. Предметы комедий брались из священной истории.

16. Ртищев

Наконец, из ближних к царю Алексею Михайловичу людей замечателен постельничий его Федор Михайлович Ртищев. Он устроил подле Москвы монастырь (теперь Андреевская богадельня), где из малороссийских монахов основал ученое братство с училищем; в этом монастыре Ртищев иногда целые ночи просиживал в разговорах с учеными монахами. Он устроил также на свой счет богадельню. Продавая одно из своих сел, Ртищев уменьшил цену с условием, чтоб покупатель хорошо обходился с крестьянами; подарил землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна жителям, а купить ее они не в состоянии; при смерти умолял наследников об одном – чтоб хорошо обходились с крестьянами.

Из описаний Московского государства в царствование Алексея Михайловича особенно замечательны: 1) подьячего Григория Кошихина, который бежал в Швецию и здесь написал любопытное сочинение о России; 2) барона Мейербера, императорского посла, бывшего в Москве в 1661 году.

Глава XXXVI. Царствование Феодора Алексеевича

1. Перемены при дворе в начале царствования

Новый царь, воспитанник Симеона Полоцкого, был очень хорошо, по тогдашнему времени, образован, но ему было только 14 лет, и притом он имел очень слабое здоровье. Рождался вопрос, кому владеть доверенностью царя; начались движения партий. Самым доверенным лицом при царе Алексее, как мы видели, был Матвеев, но Матвеев был самый близкий человек к мачехе царской царице Наталье Кирилловне и ее сыну царевичу Петру; поэтому Матвеев был ненавистен родственникам первой жены царя Алексея, Милославским, и друзьям их; теперь, когда вступил на престол сын Милославской, Милославские и друзья их воспользовались своим временем, чтоб низвергнуть Матвеева; его обвинили в чернокнижии, в нерадении о здоровье царском и сослали сперва в Казань, а оттуда в Пустозерск, лишивши имения и боярства.

Тщетно старик писал к царю и вельможам оправдательные и умилостивительные письма, в которых сравнивал свою участь с участью Велисария и умолял Феодора уподобиться императору Титу, жаловался, что его осудили без суда, не дали очной ставки с обвинителями, что ему с сыном и хлеба на две деньги купить негде в Пустозерске; только в конце царствования участь его была облегчена: его перевели из Пустозерска в город Лух и возвратили ему одну вотчину. Тогда же и умирающего Никона позволено было перевезти с Белого озера в Воскресенский монастырь, но он умер на дороге в Ярославле. Но не Милославским удалось занять самое видное место в царствование Феодора: это место заняли Языков и Лихачев.

2. Война и перемирие с турками

Во время этих придворных перемен на юге продолжалась война с Дорошенком, против которого под Чигирин отправились в 1676 году князь Григорий Ромодановский и гетман Самойлович. Дорошенко, видя невозможность защищаться против них, сдал Чигирин и отказался от гетманства. Но этим дело не кончилось, потому что турки не хотели выпускать из рук своих Украины. В августе 1677 года сорокатысячное турецкое войско осадило Чигирин, осажденные оборонялись отчаянно, а между тем к ним на выручку спешили князь Ромодановский и гетман Самойлович; турки и татары не могли помешать им переправиться через Днепр и, поражаемые с одной стороны этими войсками, а с другой осажденными, ушли от Чигирина.

В июле следующего года вдвое большее число турок опять осадило Чигирин; опять пошли к нему на выручку Ромодановский и Самойлович, но на этот раз не могли помешать туркам истребить Чигирин подкопами. Наконец в начале 1681 года заключено было с турками и татарами двадцатилетнее перемирие, по которому Россия уступила туркам западную украйну, прежние владения Дорошенки, представлявшие пустыню.

3. Уничтожение местничества

После чигиринских походов, кончившихся не так, как бы хотелось, возник вопрос о преобразовании войска. Мы видели, что еще в царствование Михаила Феодоровича не только были приглашены иностранцы в русскую военную службу, но из русских людей были составлены полки, обученные иностранному строю; теперь же возник вопрос о необходимости преобразования в целом составе русского войска. В начале 1682 года царь Феодор Алексеевич поручил рассмотрение этого вопроса князю Василию Васильевичу Голицыну и выборным из военных чинов.

Выборные объявили, что, по их мнению, надобно разделить полки не по-прежнему, на сотни, а на роты, полк должен состоять из 6 рот, каждая рота – из 60 человек, вместо сотенных голов выбрать ротмистров и поручиков, которым между собою не местничаться. Тут же выборные объявили, что необходимо уничтожить местничество не только в ратных, но и в посольских и всяких делах, чтоб всякий от великого до малого чина был беспрекословно на том месте, которое ему государь укажет. 12 января был созван собор из знатного духовенства и членов думы, на котором прочли мнение выборных и царь объявил, что сам дьявол посеял среди русских людей местничество, от которого во всяких делах была большая пагуба, а ратным людям в битвах поражение, что дед его, отец и сам он много заботились об искоренении этого зла, и спросил: «Отменить ли по челобитью выборных местничество или оставить его по-прежнему?» Патриарх Иоаким отвечал, что местничество есть источник всякого зла и потому он со всем духовенством не знает, как благодарить государя за намерение искоренить его; светские члены собора объявили, что согласны с патриархом; тогда государь велел принести разрядные книги и сказал: «Для совершенного искоренения и вечного забвения все просьбы и записки по местничеству приказываем предать огню». Присутствующие сказали: «Да погибнет в огне это богоненавистное, братоненавистное, любовь отгоняющее местничество и вперед да не вспомнится вовеки!» Книги были тут же сожжены. После этого государь объявил, что прикажет составить несколько родословных книг, в которые внесутся фамилии, смотря по их знатности.

4. Славяно-греко-латинская академия

К царствованию же Феодора относится состояние проекта высшего училища, или академии. Монах Тимофей, возвратившись из Греции, рассказал царю о жалком положении православной Церкви на Востоке, происходящем от недостатка образования; тогда Феодор признал необходимым поддержать православие на Руси распространением просвещения; учреждено было училище, где собрано 30 человек детей изо всех сословий; царь писал к патриархам, чтоб прислали в Москву учителей, искусных в греческом и латинском языках и в науках, особенно же твердых в православии; ему хотелось, чтоб это училище объемом преподавания равнялось другим европейским академиям.

Написан был устав для академии, в котором царь говорит, что он, подобно Соломону, вступив юношею на престол, ни о чем не хочет так заботиться, как о мудрости, царских должностей родительнице, всяких благ изобретательнице и совершительнице. Начальник академии, или блюститель, и учители могли быть только русские или греки, и последние должны были иметь от патриархов свидетельство в православии. В ученики академии могли вступать люди всех сословий и возрастов; никто не смел держать домашних учителей иностранных языков, но мог, если хотел, посылать детей своих в академию; ученики, с успехом окончившие свое воспитание в академии, жаловались в приличные чины и как мудрые пользовались особенною царскою милостию. Все ученые иностранцы, приезжавшие в Россию, подвергались испытанию в академии и только вследствие одобрения ее принимались в службу.

Академия должна была смотреть, чтоб иноверцы не распространяли своих учений между православными, блюститель смотрел за поведением всех иностранцев, обратившихся в православие; блюститель и учителя наблюдали, чтоб ни у кого не было запрещенных Церковью книг; всякий уличенный в хуле на православную веру отдавался на суд блюстителю и учителям, и если обвинение оказывалось верным, то преступник подвергался сожжению. Таким образом, новая московская академия, несмотря на то что не была училищем духовным, а всенародным, учреждалась, однако, в видах

церковных, должна была служить Церкви, охранять православие от иноверных учений.

Царь Феодор в 1681 году лишился сына и жены (Агафии Семеновны Грушецкой); несмотря на слабое здоровье царя, Языков убедил его вступить во второй брак с Марфою Матвеевною Апраксиной в феврале 1682 года, но после свадьбы болезнь Феодора усилилась, и он скончался 27 апреля того же года.

А. П. Рябушкин. Московская улица XVII в. в праздничный день

Глава XXXVII. Общий обзор внутреннего состояния Московского государства

1. Определение Московского государства

Под именем Московского государства разумелись северо-восточные русские княжества, соединенные в одно московскими князьями и увеличенные обширными пространствами на востоке вследствие завоевания царств Казанского, Астраханского и Сибирского. Так как не весь русский народ, не все русские области находились под державой московского царя, многие из них находились под властью королей польских и вместе великих князей литовских, то слова: Россия, Русь, Российское царство употреблялись редко; только титулом своим московские государи указывали на это соединение всех русских областей как на что-то естественное и необходимое, случайно, временно нарушенное; они назывались «великий государь, царь и великий князь, всея Руси самодержец». Понятно, что полякам не нравился этот титул: даже при заключении Поляновского мира они хлопотали о его изменении, но в Москве не согласились на это, и царь Алексей Михайлович после удачной войны с Польшею принял титул «всея Великия, Малыя и Белыя Руси самодержца».

2. Отношение его к Востоку и Западу

Московское государство, расположенное на европейской украйне, на границе с Азиею, в удалении от тех держав, которые преимущественно участвовали в европейской истории, отталкиваемое постоянно от Запада враждебными соседями, поляками и шведами, имея свое особое исповедание христианское, занятое внутри трудным делом установления внутреннего порядка при бедности средств, – Московское государство вследствие всех этих причин не входило в систему европейских государств. На востоке оно с торжеством для себя окончило борьбу с ослабевшею, распадшеюся Ордою татарскою; Москва была сильнее своих восточных соседей: ни Казань, ни Астрахань, ни инородцы сибирские не могли ей противустать; только с крымскими разбойниками ей трудно было сладить, потому что обширные степи защищали от нее полуостров и она принуждена была платить ежегодно хану, чтоб удержать его от нападений.

Но во сколько Москва была сильнее восточных варварских народов, во столько же была слабее западных европейских своих соседей, более искусных в деле ратном, и потому в истории Московского государства мы видим, что оно постоянно распространяется на восток и терпит ущерб на западе; только в царствование Алексея Михайловича вследствие присоединения Малороссии и счастливых обстоятельств, при которых была ведена война с Польшею, Москва успела сделать приобретения на западе, и тут же она должна была войти в непосредственные столкновения с Турциею.

3. Правление

Власть в Московском государстве сосредоточивалась в руках великого государя, царя, всея Руси самодержца. Потомки князей и вельмож старинных, бедные средствами, не могли противодействовать этому сосредоточению; они не посылались на долгое время правителями областей, не посылались на долгое время предводителями войск, потому что походы были кратковременные и воеводы сменялись. Жили они постоянно в Москве, имея свои домы подле дворца, в Кремле и подле Кремля, в Китай-городе, и постоянно находились на глазах государя; каждый день рано поутру приезжали они все ударять челом государю, потом приезжали в другой раз после обеда, ввечерни. Писались они холопами государевыми; менее знатные издавна в грамотах к царю писались уменьшительными именами; самые знатные до времен Грозного сохраняли право писаться полным именем, но потом все стали писаться полуименами.

А. П. Рябушкин. Сидение Михаила Романова в Грановитой палате

Самый знатный сан был сан боярина, за ним следовал сан окольничего; знатнейшие дворяне, допускаемые в совет, *в думу* к государю, назывались думными дворянами. Сыновья знатных людей начинали свою службу при дворе в звании спальников и стольников: первые поочередно спали у царя в комнате и прислуживали ему; вторые во время торжественных обедов подавали кушанье царю и гостям его; первая должность как ближайшая к царю считалась почетнее. Сыновья самых знатных людей жаловались из спальников прямо в бояре, менее знатных – в окольничие, и назывались они *ближние* или *комнатные* бояре и окольничие. Государь *думал,* рассуждал о делах с боярами, окольничими и думными людьми, и совет этот назывался *думою;* если же царь хотел посоветоваться о каком-нибудь тайном деле, то призывал в думу только самых близких людей, ближних бояр и окольничих, которые были пожалованы из спальников. В важнейших делах в думу призывались патриарх и другие архиереи, а царь Иоанн Грозный стал призывать и выборных из других сословий, и такое заседание называлось *собором.*

Особенно часты были соборы при царе Михаиле, когда государство после литовского разорения находилось в крайнем затруднении и потому постоянно обращалось к земле, к народу, с требованием средств для своего поддержания; соборы бывали и в начале царствования Алексея Михайловича, но потом, когда государство окрепло по-прежнему, соборы выходят из употребления.

4. Дьяки

Письменная часть находилась в заведовании думных дьяков (государственных секретарей), простых дьяков и подьячих. И в Московском государстве сохранялся старинный взгляд, по которому знатные люди, окружавшие государя, считая себя дружинниками, призванными исключительно к военной службе, службу пером, а не мечом считали для себя унизительною, и потому, как ни важна была должность думного дьяка, люди знатные ее не принимали; обыкновенно в дьяки шли из духовного звания и из торговых людей.

5. Приказы

Управление и суд сосредоточивались в приказах. Государь одному из своих приближенных *приказывал* ведать постоянно одно какое-нибудь дело или несколько дел, однородных или совершенно разнородных, придавал ему в помощь другого или двоих других, для письмоводства являлись дьяки, подьячие, и образовался приказ. Так как приказ имел свои расходы, то для покрытия их приписывались к нему в ведение города или известные разряды податных людей, с которых он собирал подати. С развитием государственной деятельности каждое новое дело вело к учреждению нового приказа, и число приказов увеличивалось все более и более. Во второй половине XVII века их было больше сорока.

6. Государственные доходы. Войско

Вследствие малости народонаселения сравнительно с огромным пространством земли, вследствие незначительного развития промышленности и торговли государственные доходы были малы, не удовлетворяли нуждам государства, беспрестанно увеличивавшимся, особенно когда нужно было вести продолжительные и тяжелые войны, как, например, при царе Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче. Доходы простирались до 1 300 000, кроме сибирской казны, т. е. мехов, присылаемых из Сибири.

Поместья для содержания служилых людей были недостаточны, и потому во время похода они получали жалованье; расходы на войско увеличились, когда в XVII веке увидали необходимость нанимать иностранных солдат; тогда же составились и полки из русских людей, обученные иностранному строю и носившие иностранные названия – рейтары, драгуны, солдаты, но это были только начатки; масса же войска состояла, во-первых, из придворных, которые не теряли прежнего своего военного дружинного значения, ибо все эти спальники составляли государев полк, или гвардию; потом из дворян и детей боярских и городовых казаков: это были ратные люди, жившие обыкновенно в своих поместьях и собиравшиеся на случай войны; стрельцы, составлявшие гарнизоны по городам, исполнявшие полицейские обязанности, жили с семействами своими в особых слободах и в свободное от службы время занимались разными промыслами. При *наряде,* или артиллерии, находились пушкари, жившие также особыми слободами. Кроме этих ратных людей собирались во время войны еще так называемые *даточные* люди и шедшие по своей воле *охочие* люди; набор как даточных людей, также стрельцов и солдат производился с дворов, а не с душ. Наконец, при московском войске находились казаки степные (донские, терские) и татары. Ратные люди выезжали на войну в латах и шлемах, с огненным и лучным боем, т. е. вооруженные огнестрельным оружием и луками. По единогласному свидетельству, московское войско гораздо лучше защищало города, чем сражалось в чистом поле. Это происходило от недостатка военного искусства, оттого, что масса войска не состояла из людей, постоянно находящихся под ружьем.

7. Города и села

Город по-прежнему имел значение крепости, назначенной для защиты окрестного народонаселения от неприятеля. Как только правительство получало весть о вторжении неприятеля в какую-нибудь область, то рассылало приказы выслать из уездов в города семейства служилых людей, дворян и детей боярских, также дворовых людей и крестьян со всем имением и запасами, хлеб прятали по ямам; при этом правительство объявляло, что, кто не поедет в город и попадется в плен, тот пусть выкупается сам, правительство его выкупать не станет, потому что сам виноват. Стены большей части городов были деревянные; под стенами располагались посады, обитаемые посадскими, торговыми и промышленными людьми; как многие города мало разнились от сел, видно из того, что жители их занимались хлебопашеством.

Управлялись города воеводами, назначаемыми от правительства, или выборными правителями, которые обыкновенно носили название губных старост; в выборах участвовали и духовенство, и служилые, и посадские люди, но выбирались дворяне. Дела по воеводскому управлению сосредоточивались в *Съезжей,* или Приказной, *избе.* Посадские люди для своих дел, преимущественно по городовому хозяйству, раскладке податей и т. д., выбирали себе своего старосту, который назывался земский городовой и всеуездный головной староста. Староста один для города и уезда, потому что уездные крестьяне связаны с посадскими людьми общими хозяйственными распоряжениями, сообща раскладывают подати. Дела по управлению земского старосты сосредоточивались в Земской избе; уездные крестьяне присылали сюда выборных людей *к совету.*

Самые богатые торговые люди назывались гостями, потом было разделение на торговых людей гостинной и суконной сотни. Так как посадские люди были главные плательщики податей, то правительству важно было, чтоб число их не уменьшалось и чтоб они не уклонялись от податей. Так издавна старалось оно, чтоб они не переходили в другие сословия, не платящие податей.

Подати платили посадские люди всем миром, по числу дворов, принадлежавших к посаду, *тяглых* дворов; число этих дворов было

известно правительству по переписи, по так называемым *писцовым книгам,* и правительство требовало всех денег со всех дворов, но дворы пустели от вымирания их хозяев, от пожаров, от побегов посадских людей в другие места, и остальные посадские люди должны были платить и за выбывших товарищей своих, что было им очень тяжело. Тяжело было им еще и оттого, что многие желали жить в посадах, промышлять разными промыслами и между тем не быть в числе посадских тяглых людей, быть свободными от податей и повинностей; так торговали казаки, стрельцы, монастырские, архиерейские служки.

А. М. Васнецов. Красная площадь во второй половине XVII века

Дети духовных и сами духовные лица податей не платили; кроме того, чтоб отбыть от податей, многие переходили в частную зависимость, *закладывались,* по тогдашнему выражению, за бояр и других знатных и сильных людей, под покровительством которых торговали, промышляли разными промыслами, не платя податей, богатели, покупали и брали в заклад на посадах тяглые дворы, в Москве и других городах на городской земле устроили себе целые слободы, а посадские люди, не будучи в состоянии соперничать с этими

привилегированными людьми, не платящими податей, беднели, разбегались, отбывая от податей. В царствование Алексея Михайловича приняты были меры для прекращения этих явлений: всем торгующим, к какому бы званию ни принадлежали, велено быть в тягле вместе с посадскими людьми, также запрещено жителям слобод и посадов быть закладчиками за частными лицами. Запрещая на городских землях слободы, населенные закладниками частных лиц, чтоб никого в избылых не было, чтоб все несли ровно государственные повинности, правительство по тому же побуждению, чтоб никого в избылых не было и чтоб не затруднялся сбор податей, строго запрещало переход посадских людей из одного посада в другой; таким образом, посадские люди были прикреплены к месту своего жительства, но то же правительство, опять по финансовым побуждениям, чтоб пополнить московские торговые сотни, переводило волею-неволею богатейших купцов из других городов в Москву. Купцов правительство употребляло в разные должности, например для сбора таможенных и кабацких доходов.

Желая получать постоянные доходы, правительство прикрепило посадских людей к их посадам; желая, чтоб служилые люди, жившие своими поместьями, имели также постоянных работников, постоянные доходы, имели возможность нести государственную службу, правительство прикрепило и крестьян к земле их. Все эти прикрепления произошли от одной причины – от бедности государства, от бедности промышленности и торговли, от недостатка рабочих рук, от несоразмерности народонаселения с огромным пространством земли, когда и без того слабое народонаселение все более и более растягивалось на вновь приобретаемых пустынных пространствах, уходило в казаки.

8. Церковь

С учреждением патриаршества права главного архиерея русской Церкви не увеличились и вообще состояние Церкви в Московском государстве мало разнилось от состояния Церкви в древней России. Выбор патриарха, если царь не имел никого в виду заблаговременно, происходил по жребию из нескольких кандидатов, назначенных собравшимся в Москву духовенством. По случаю важных дел церковных созывались церковные соборы. Как царь в важных делах государственных призывал для совета патриарха и знатнейшее духовенство, так в городах воеводы во всех важных случаях должны были советоваться с архиереями.

Высшее духовенство в Московском государстве пользовалось правом ходатайствовать пред властию гражданскою за несчастных, просить о помиловании виновных или по крайней мере о смягчении наказания; в городах жители, притесненные воеводою, обращались к архиерею с просьбою заступиться за них. В монастырях монахи обыкновенно сами выбирали себе игуменов; священников выбирали прихожане и свидетельствовали письменно перед архиереем, что избранный ими человек добрый. Если по челобитью помещика поставлялся в священники его же крестьянин, то дети этого священника, родившиеся до священства, оставались в крестьянах, но родившиеся в священстве были вольны.

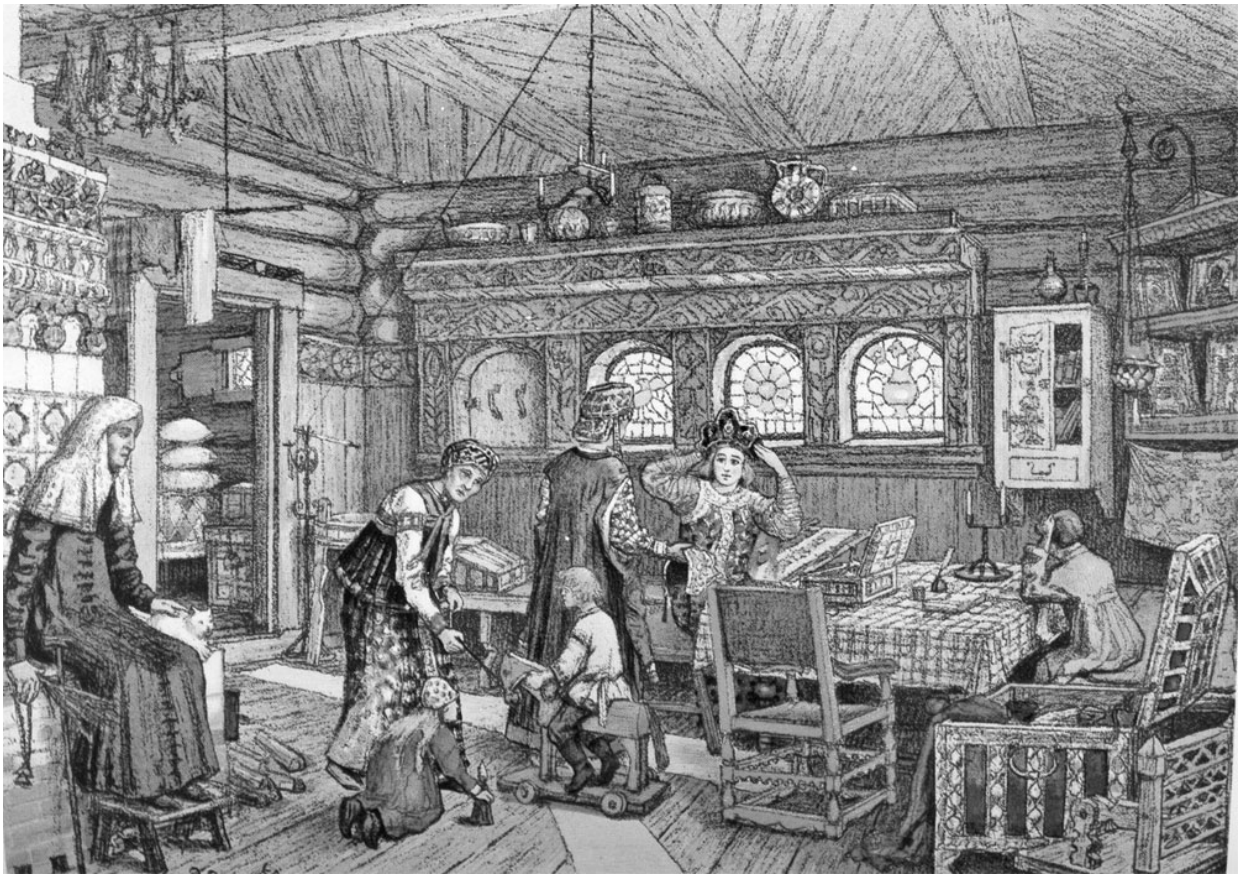
В. Г. Шварц. Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на осляти

Как в XVI веке собор 1551 года обратил внимание на прекращение беспорядков церковных, так в XVII веке этим же знаменит собор 1667 года: он постановил, чтоб в праздники не работали и не торговали, чтоб священники учили детей своих и приготовляли их таким образом на свои места, причем собор в чрезвычайно резких выражениях жаловался на невежество сельского духовенства; священникам и дьяконам не позволено было переходить от одной церкви к другой; запрещалась бродячая жизнь монахов, запрещалось мнимым отшельникам и юродивым бродить по городам и селам; запрещалось духовенству торговать. Тот же собор, отменив постановление собора 1621 года, определил, что католики, обращающиеся в православие, не должны быть перекрещиваемы.

9. Нравы и обычаи

До второй половины XVII века, когда уже иностранные, западные обычаи и взгляды начали, хотя довольно слабо, проникать в высшие слои общества, – до второй половины XVII века те обычаи и поверья, которые мы встречаем теперь в жизни сельского народонаселения, господствовали одинаково и во дворце царей, и в домах вельмож, и в избе крестьянина. Высшие сословия в домашней своей жизни отличались от низших тем, что, имея больше средств, держали своих женщин взаперти. Царицы и царевны жили невидимками; когда выезжали на богомолье, то колымаги их были завешаны тафтою; случалось, что дочери людей значительных до замужеств ни разу и в церкви не бывали; учить грамоте девушек считали совершенно бесполезным. Так как общество по отсутствию просвещения не представляло для женщины достойных развлечений, а только одни сплетни и пересуды, то лучшие люди, заботясь о нравственной чистоте матери семейства, должны были советовать ей совершенное затворничество и полное, исключительное погружение в хозяйственные заботы, как сделал автор Домостроя.

Что касается до мужчин, то отсутствие просвещения, невозможность заниматься наукою, искусством, невозможность принимать участие в судьбах всего современного человечества по отсутствию всем доступных известий политических осуждали их на препровождение свободного времени в удовольствиях грубых: отсюда усиление пьянства во всех сословиях; лучшие люди, правительство церковное и гражданское с благородною ревностью указывали на гибельные следствия этого порока и старались ослабить его, но усилия их не увенчались большим успехом, ибо нельзя было уничтожить порока, не уничтоживши условий, питавших его.



А. М. Васнецов. В горнице древнерусского дома московских времен (XVI–XVII вв.)

Самыми печальными явлениями в Московском государстве были правеж, пытки и жестокие казни. Правеж состоял в том, что неплатящего должника били палками, пока не заплатит; при взыскании казенных недоимок множество людей подвергалось этому правежу; господа за свои долги могли выставлять на правеж холопей своих. Телесным наказаниям, кнуту, батогам (палкам) подвергались люди всех сословий. Чтоб заставить преступника признаться в преступлении и раскрыть все его обстоятельства, употреблялись жесточайшие пытки. Жену, убившую мужа, закапывали в землю, оставя наверху одну голову; гораздо легче наказывался муж, убивший жену; фальшивым монетчикам заливали горло растопленным металлом; еретиков и чернокнижников сжигали.

В удобствах жизни большинство жителей Московского государства очень мало выиграло против предков своих, русских людей XIII и XIV веков. Казна царей была богаче казны князей московских, богаче

золотом, серебром и дорогими каменьями, у них было больше дорогого платья, больше прислуги знатной, больше лошадей, больше колымаг, обитых бархатом и сукном; огромное количество блюд приготовлялось ежедневно на кухне царской; столы людей знатных и богатых также отличались изобилием; вотчины и поместья доставляли много съестных припасов. Богатые люди выказывали свое богатство во множестве холопей и лошадей. Но жилища были тесны и бедны; каменные домы по-прежнему составляли редкость, лавки и столы, покрытые коврами, представляли единственную мебель, образа в окладах – единственное украшение дома.

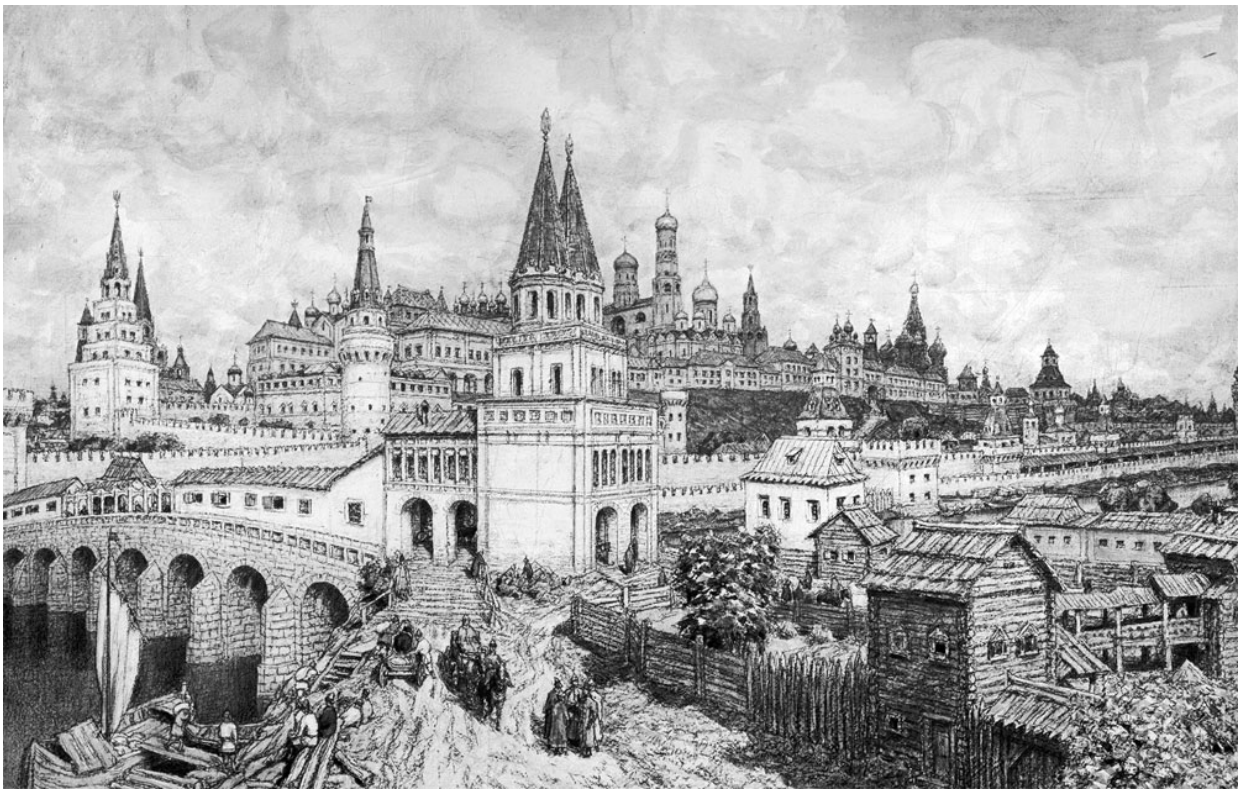
Как нехитры были жилища большинства, видно из того, что деревянные дома, совсем готовые, продавались на рынках. Улицы мостились деревянными бревнами, пожары страшно свирепствовали. Много терпели жители городов от пожаров, много терпели и от предохранительного средства от пожаров: это средство состояло в том, что в летнее время, с мая до сентября, городским жителям запрещалось топить печи в домах и банях, а для приготовления кушанья велено было класть печи в огородах и пустых местах, вдали от жилья. Это особенно было тяжело жителям северных городов, подверженных северным ветрам и стужам среди лета, и по их просьбам позволялось им топить в сумрачные дни, также в назначенные дни недели и в большие праздники.

Редкое народонаселение повсюду, огромные дремучие леса давали большие удобства разбойникам, которые много вредили сельским жителям, много вредили торговле. Даже в самой столице разбои были сильны; на Масленице воры, всяких чинов люди, большими толпами ездили и ходили с оружием, били и грабили встречных.

Особность Московского государства, частые сношения с азиатцами, постоянная враждебность соседних европейских держав дали иностранным сношениям московского двора характер азиатский. В сношениях этих господствовала подозрительность, далеко переходившая пределы приличной и необходимой осторожности. Особенно этот характер в дипломатических сношениях начал господствовать со времен Иоанна Грозного, когда были открыты вредные для государства сношения литовского посла с некоторыми вельможами. На посла смотрели как на человека, приехавшего с враждебными намерениями, приехавшего проведывать, и потому

держали его взаперти, не позволяли ни с кем сноситься, хватали тех, кто приближался к посольскому двору.

Чиновник, приставленный к послу, должен был превозносить пред ним могущество и благоденствие Московского государства; если же посол затрагивал какой-нибудь важный или неприятный вопрос, то пристав должен был отговариваться незнанием. Во время проезда послов через города по улицам, чрез которые они проезжали, приказывалось толпиться народу, одетому в лучшее свое платье, чтоб иностранцы видели везде только людность и богатство. При сношениях и переговорах прежде всего хлопотали о том, чтобы иностранцы не уменьшили и не исказили как-нибудь титул великого государя; это называлось обереганием чести государевой и считалось главным делом. Быть в посланниках не считалось большим почетом, и потому обыкновенно отправлялись сановники второстепенные. Редко, только в случаях особенной важности, преимущественно к польскому двору, назначались великими полномочными послами бояре. В XVII веке появление иностранных резидентов в Москве и московских – при соседних иностранных дворах предвещало уже перемену в характере дипломатических сношений.



А. М. Васнецов. Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века

Много темных сторон находили в Московском государстве иностранцы; свои, русские известия нисколько не скрывают этих темных сторон; громко вопиют против них и Церковь и государство, требуя исправления. Но иностранцы не могли не отдать справедливости способностям русского народа. «Необразованность сковывает этот народ, – говорили они, – как же будет он могуществен и страшен, когда приобретет образование!» Действительно, нельзя не признать нравственной силы народа, который при самых неблагоприятных исторических условиях, в соседстве и в беспрестанной борьбе и сношениях с азиатскими варварами, раскинутый на громадных пространствах, в стране суровой, вдали от моря, вдали от тех европейских народов, которые благодаря стечению разных счастливых условий преимущественно потрудились для гражданственности, успел сохранить свой европейско-христианский образ; трудясь тяжело и скромно при средствах самых скудных, населил громадные необитаемые пространства Восточной Европы и Северной Азии, положил здесь начало европейско-христианской гражданственности; один изо всех славянских народов умел составить могущественное государство; в беспрерывной борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, среди трудной и бедной жизни своей не закоснел нравственно, не утратил способности движения к лучшему.

Окончив с торжеством борьбу с Востоком, успокоиваясь от смут внутренних, бывших в начале XVII века, Московское государство в то же самое время начало все более и более сближаться с Западом, заимствовать от него плоды его цивилизации, хотя отрывочно, односторонне, с колебанием, как обыкновенно бывает в начале дела; а между тем вместе с внутренним усилением потребности сближаться с Западом ослабевали внешние препятствия к этому сближению, ослабевало Польское государство вследствие событий, ознаменовавших царствование Алексея Михайловича; оставалась одна Швеция, которая загораживала Европу от Москвы, которая держала у себя заветные прибалтийские берега. Сломить эту последнюю преграду и удовлетворить так ясно обнаружившейся потребности Московского

государства – сблизиться с Западною Европою – суждено было младшему сыну царя Алексея Михайловича.

Глава XXXVIII. Двоевластие

1. Избрание в цари Петра Алексеевича

Закона о престолонаследии не было; царь Феодор Алексеевич не сделал никакого распоряжения о своем наследнике; старший по нем царевич Иоанн Алексеевич был слаб физически и умственно, и потому здравый смысл требовал, чтоб, минуя его, возвести на престол младшего царевича, Петра, хотя десятилетнего, но одаренного крепостию телесною и большими способностями. Патриарх Иоаким и большинство вельмож были согласны в том, что необходимо провозгласить Петра царем; патриарх велел народу собраться на площади и спросил, кому из двоих царевичей быть на царстве. Раздались крики: «Петру Алексеевичу!» – и патриарх благословил Петра на царство.

2. Царица Наталья и царевна Софья

Но смута не замедлила, потому что были люди, которым была выгодна смута. Новый царь был от второй жены Алексея Михайловича, которая в царствование пасынка Феодора испытала горькую долю, жила в удалении, второй отец ее, воспитатель Матвеев, был сослан; все это сделано было происками родственников первой жены царя Алексея и друзьями их. Но теперь наступило время царицы Натальи: по господствующему обычаю, ей принадлежала опека над малолетним сыном и вместе управление государством; первым ее делом было вызвать Матвеева из Луха в Москву для занятия того места, какое имел он при царе Алексее. Понятно, чего должны были ждать Милославские и друзья их; и вот начали они хлопотать всеми силами, чтоб сын Милославской, царевич Иоанн, не был лишен прав своих и чтоб мачеха его не была правительницею. Но кто же мог действовать тут на первом плане?

Царица Наталья Нарышкина. Илл. из альбома «Российский царственный дом Романовых», 1896 г.

Царевна Софья Алексеевна. Илл. из альбома «Российский царственный дом Романовых», 1896 г.

Иоанн не мог действовать сам за себя, и главную роль взяла сестра его, царевна Софья Алексеевна, которая в женском теле имела мужескую душу. В царствование Алексея Михайловича, как мы видели, новые обычаи проникли во дворец, вследствие чего должен был измениться и взгляд на образ жизни царевен; на них уже перестали смотреть как на обреченных самому строгому затворничеству. Этою переменою, этою небывалою прежде свободою воспользовалась самая способная и энергичная из них, Софья, поспешила выйти в свет, приобрела образование чтением, разговорами с лучшими людьми, сблизилась с одним из самых умных и образованных вельмож, князем Василием Васильевичем Голицыным, приобрела влияние. Тем тяжелее было для нее отказаться от всего этого по смерти Феодора, когда правление переходило к раздраженной мачехе и еще более раздраженному Матвееву; при этой перемене, кроме тяжелого затворничества, из которого она вырвалась было, не представлялось ей ничего впереди; и вот Софья начала искать средств, как бы выйти из беды. Законных средств не было; было одно незаконное: воспользоваться неудовольствием и волнением вооруженной массы стрельцов.

3. Стрелецкий бунт

Эти неудовольствия и волнения стрельцов происходили от беззаконных поступков с ними полковников, которые недоплачивали им царского жалованья, заставляли их работать на себя и т. п. Волнение началось еще при царе Феодоре Алексеевиче; по восшествии на престол Петра стрельцы подали челобитную новому правительству, которое обнаружило слабость: без исследования дела признало полковников виновными, отставило их, подвергло наказаниям; стрельцы разнуздались и начали самовольствовать, составлять казацкие круги, или веча, и по общему приговору свергать с каланчей нелюбимых пятисотенных и сотников. Позволив себе такую разнузданность, стрельцы, однако, не могли не чувствовать, что поступают беззаконно, что правительство, окрепнув, не позволит им долго вести себя таким образом и строго накажет своевольников.

Но вот из дворца им дают знать, что семейство царское ждет от них услуги, за которую они не только получат прощение за прошедшее, но и приобретут право на богатые награды: Софья с соумышленниками своими, боярином Иваном Михайловичем Милославским и двоими братьями Толстыми, постаралась распустить между стрельцами слух, что царевич Иоанн отстранен незаконно, что Нарышкины покушаются даже на его жизнь, что стрельцы должны спасти царевича, отмстить его изменникам, что бояре уже сбирались усмирять их, стрельцов; слухи эти произвели желанное действие между стрельцами, и они получили списки имен главных изменников, которых должно истребить. 15 мая 1682 года утром соумышленники Софьи проскакали по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Иоанна.

Стрельцы взволновались и под звуки набата и барабанов двинулись в Кремль, крича, что идут выводить изменников и губителей царского дома. Подошедши ко дворцу, они стали требовать головы Нарышкиных, погубивших царевича; тогда царица Наталья вывела на крыльцо обоих братьев, Иоанна и Петра, чтоб убедить толпу в их целости и невредимости, причем царевич Иоанн объявил, что никто его не изводит.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Царица Наталья Кирилловна показывает Ивана V стрельцам, чтобы доказать, что он жив-здоров

Смятение начало утихать; Матвеев с патриархом сошел к стрельцам, умными увещаниями успел окончательно их обезоружить и пошел назад во дворец, чтоб успокоить царицу, но тут начальник Стрелецкого приказа князь Михайла Долгорукий вздумал прикрикнуть на стрельцов и грозно приказал им разойтись. Стрельцы снова рассвирепели, бросились на крыльцо, схватили Долгорукого и сбросили его вниз на копья, другие бросились за Матвеевым, который имел ту же участь; придворные в ужасе разбежались и предали дворец и Кремль во власть мятежников. С криком: «Пора нам разбирать, кто нам надобен!» – возвратились стрельцы во дворец и стали везде обыскивать, даже в церквах под престолами, не спрятаны ли где Нарышкины и другие поименованные в их списках лица; если находили, сбрасывали вниз на копья, ошибались, принимали одного за другого и растерзывали. Брат царицы Иван Кириллович Нарышкин успел скрыться, и стрельцы не могли отыскать его на первый день; за

ним приходили они на другой день, опять не нашли, пришли на третий, и царица принуждена была выдать им брата, которого пытали и потом подняли на копья. «Теперь мы довольны, – кричали стрельцы, – дай Бог здоровья царю государю! Пусть он управится с остальными, а мы рады умереть за него».

Стрельцы не думали о перемене в правлении, но об этом думала Софья, которая одна действовала в это время всеобщего ужаса и безначалия. По ее внушениям стрельцы прислали выборных во дворец с требованием, чтоб царствовали оба брата вместе – Иоанн и Петр Алексеевичи; созван был собор из всяких чинов людей (разумеется, московских) и согласился на двоевластие 23 мая; 29-го стрельцы явились с новым требованием, чтоб за молодостию царя правление было вручено сестре их, царевне Софии. Согласились и на это.

4. Раскольничье движение

Софья достигла своей цели: верховная власть в ее руках; Матвеев, деятельнейшие из Нарышкиных истреблены, мачеха отстранена от правления. Но цель была достигнута средством незаконным и опасным; предстояли хлопоты удержать это средство постоянно в своих руках, ибо другие также хотели воспользоваться им для достижения своих целей. Хотели воспользоваться им раскольники, хотел воспользоваться им новый начальник стрельцов, назначенный Софьею, князь Иван Андреевич Хованский. Усмирение соловецкого мятежа, заточение и казни самых ревностных защитников старой веры, т. е. старых книг, не истребили раскола при царях Алексее и Феодоре, и теперь раскольники, находившиеся в стрелецких полках, вздумали воспользоваться стрелецким торжеством, чтоб потребовать от архиереев ответа: «Зачем они старые книги возненавидели, веру старую, истинную, отвергли и возлюбили новую, латино-римскую?»

Явились на сцену старые раскольники, расстриженный за раскол священник Никита прозвищем Пустосвят, монахи снеслись с Хованским, и тот объявил им, что он сам за старую веру, и обещал свое содействие. Большинство стрельцов было не за раскол. «Это дело не наше, а патриаршее», – говорили они. Но Никита с товарищами не унывали, надеясь на покровительство Хованского; раскольники явно, на площадях и торгах проповедовали свое учение, волновали народ, и 5 июля Никита Пустосвят с огромною толпою явился в Кремль, чтоб вызвать патриарха на Лобное место для торжественного спора. Но патриарх не хотел идти на площадь один, без особ царского дома, боясь насилия от толпы, а раскольники не шли во дворец, боясь, что там их перехватают; наконец Софья настояла, чтоб спор был во дворце, в Грановитой палате, в присутствии ее, царицы Натальи и двух других царевен. Раскольники вошли с шумом в палату и стали читать свою челобитную о старой вере, оскорбительную для царей Алексея и Феодора; тщетно Софья унимала их, особенно Никиту, наконец, плача от досады, обратилась к выборным стрелецким и сказала: «Чего вы смотрите! Пригоже ли таким мужикам к нам с бунтом приходить? Нам здесь больше жить нельзя, пойдем в другие города объявлять народу о таком непослушании и разорении». Выборные отвечали, что по

стечению и волнению народа решительных мер против раскольников принять вдруг нельзя, а надобно переждать день. Споры продолжались до вечера; под предлогом позднего времени раскольников отпустили, сказав, что государи завтра учинят им свой указ, и те с торжеством вышли из дворца, крича: «Победили!» Но торжество это было непродолжительно; они были в сильном меньшинстве; Софья распорядилась так ловко, что через неделю предводители раскольничьи были перехватаны, Никите отрубили голову, других заточили, и последователи их разбежались в разные страны.

5. Гибель Хованского

Освободились от раскольников, но оставалось дело более трудное – освободиться от Хованского, который успел привлечь к себе стрельцов потаковничеством всем их желаниям, а стрельцы в благодарность не иначе называли его как отцом и готовы были исполнить все его требования. Видя эту привязанность к себе могущественных стрельцов, Хованский забылся: оскорблял правительницу своим самовольством, вельмож гордостью, унижением их службы, хвастовством своим. Хованский волновал стрельцов; волновал их всякий, кто хотел чего-нибудь добиться; они чувствовали свою вину, знали, что бояре и все лучшие люди ненавидят их, и потому легко верили всяким слухам о мерах, которые будто бы против них предпринимались. Наконец 2 сентября, когда царское семейство было в Коломенском, явился донос на Хованского, будто бы он с помощью стрельцов хочет истребить царское семейство, перебить бояр, посредством раскола замутить землю, поднять простой народ на власти и помещиков и провозгласить себя царем.

В. Г. Перов. Никита Пустосвят. Спор о вере

Современники говорят, что донос этот был выдуман боярином Милославским для скорейшего погубления Хованского. Как бы то ни было, Софья решилась привести в исполнение то, чем грозила во время раскольничьего возмущения: оставить Москву и поднять против стрельцов дворян и детей боярских. Под видом богомолья она выехала из Коломенского в Саввин Сторожевский монастырь, откуда поехала к Троицкому монастырю и остановилась недалеко от него, в селе Воздвиженском, разослав грамоты по городам, призывая служилых людей для усмирения бунтующих стрельцов и Хованского. Хованский вместе с сыном был схвачен на дороге из Москвы к Троице, куда ехал по приглашению Софьи, и привезен в село Воздвиженское.

Тщетно обвиненные требовали суда: обоим, отцу и сыну, отсекли головы. Стрельцы, узнав о гибели своего любимого начальника, сначала взволновались было, но потом, опомнившись, увидали свое бессилие, слышали, что к Троице собралось большое войско, и стали умолять патриарха, чтоб вступился за них; наконец, отправили к Троице выборных умолять царей о пощаде. Пощада была дана с

условием не думать вперед ни о какой смуте, своевольстве и дерзости. Управление Стрелецким приказом Софья поручала человеку деятельному, вполне ей преданному и неопасному по незнатности своей – думному дьяку Шакловитому, который был крестьянского происхождения и из подьячих дослужился до думного дьячества.

6. Внутренние распоряжения Софьи

Правление Софьи, несмотря на кратковременность свою и смутное состояние государства, представляет замечательные узаконения и распоряжения.

Существовал обычай, что должников-неплательщиков отдавали заимодавцам в зажив, пока не отработают занятых денег; теперь озаботились, чтоб при этой отдаче не разлучали жен от мужей, определили, какой сумме должен равняться год работы; заимодавцев велено обязывать записями, чтоб они не позволяли себе жестокостей с этими работниками. Не велено было взыскивать со вдов и детей долгов, если после умерших мужей и отцов их никакого имения не оставалось. Запрещено закапывать в землю жен за убийство мужей, вместо того велено преступницам отсекать головы. За произнесение возмутительных слов запрещено было казнить смертию: после наказания кнутом преступников ссылали. В этих мерах нельзя не видеть большей правды и мягкости против прежнего.

Но мы не найдем этой мягкости в борьбе с раскольниками, против которых поддерживали прежние строгие меры: событие 5 июля, разумеется, не могло содействовать смягчению этих мер. В это время раскольники, освободившись от власти церковной, перестали ограничиваться одним старообрядством; начали появляться среди них разные еретические толки, явились даже изуверы, которые начали побуждать к очистительному, по их словам, подвигу самосожжения и нашли последователей; нераскаянных еретиков жгли, старообрядцев били кнутом. Тогда преследуемые устремились за шведский и польский рубежи, также в степи, на Дон и Куму. Кроме борьбы с раскольниками шла борьба с католическими мнениями; возник сильный спор о том, в какое время совершается пресуществление даров – во время ли призывания Св. Духа или во время произнесения слов Христовых: *приимите ядите* и проч. Второе мнение, по свидетельству патриарха Иоакима, принесено было в Москву молодыми людьми, которые ездили в Польшу учиться по-латыни; это же мнение поддерживал сначала знаменитый Симеон Полоцкий, потом ученик и друг его подьячий Семен (в монашестве Сильвестр) Медведев, оставивший нам любопытные записки о современных событиях. Медведев, человек

«великого ума и остроты ученой», по отзывам современников, сделанный строителем Заиконоспасского монастыря, был другом Шакловитого и сильным приверженцем Софьи. Эти связи давали ему возможность распространять свои мнения, против которых ратовали братья Лихуды, Иоанникий и Софроний, – греки, выписанные в учителя для новой московской академии. Спор Медведева с Лихудами сильно занимал общество: не только духовные, но и светские, даже женщины сходились спорить о времени пресуществления; противники Медведева называли его мнение *хлебопоклонною ересию.*

7. Мир с Польшею

Из дел внешних в правление Софьи самым важным был вечный мир и союз с Польшею, следствием которых была война с Турциею. Как прежде столь долго помехою вечному миру между Москвою и Польшею был Смоленск, так теперь помехою был Киев. По Андрусовскому перемирию Польша уступила Киев Москве только на время, но Москва никак не соглашалась возвратить этого дорогого для России города; с своей стороны Польша только в крайности могла подтвердить навеки Андрусовские уступки. В такой крайности она действительно находилась в описываемое время, когда король ее, знаменитый Ян Собеский, несмотря на свои подвиги, не мог с одними своими силами бороться с Турциею и обратился к московским царям с просьбою о помощи и союзе; в Москве соглашались на союз только с условием вечного мира, который бы закрепил за Россиею Киев и все Андрусовские приобретения. В 1686 году заключен был такой мир, при подтверждении которого слезы навернулись на глазах Собеского: так тяжел был этот мир для Польши и так выгоден, следовательно, для Москвы!

8. Крымские походы

Но за этот выгодный мир надобно было заплатить войною с Турциею: войною, выгодною в союзе с Польшею, империею и Венециею и необходимою, потому что безрассудно было допускать сильную Турцию торжествовать над слабою Польшею. Положено было, что русские войска походом на Крым отвлекут хана от подания помощи туркам. Таким образом, Москва впервые с большим войском решилась искать заклятого врага своего в его жилищах. Но поход на Крым чрез степи был до крайности труден для большого войска.

Любимец Софьи князь Василий Васильевич Голицын выступил в поход весною 1687 года с 100 000-ным войском, к которому присоединился еще гетман Самойлович с 50000 казаков. Русское войско не встречало татар на пути своем, но встретило врага более опасного – степной пожар: лошади от устали и бескормицы на выжженных степях стали падать, люди ослабели от июльского зноя и страшной копоти, которая препятствовала различать предметы. Голицын собрал военный совет, на котором решено было возвратиться. Этою неудачею воспользовались войсковые старшины малороссийские, враждебные гетману Самойловичу, вооружившему всех против себя непомерною гордостью и корыстолюбием; они подали донос Голицыну, что гетман враждебен московскому правительству, и оканчивали донос так: если государи не согласятся на смену гетмана, то войско сменит его само. Софья отвечала, что цари сменяют Самойловича, если он неугоден старшинам и всему войску. Вследствие этого Самойлович был свергнут, причем Голицын едва успел спасти его от озлобленных казаков. Старого гетмана сослали в Сибирь, а на его место был избран Иван Мазепа.

Весною 1689 года Голицын предпринял второй поход в степи с таким большим войском и с новым гетманом Мазепою. На этот раз степи были пройдены благополучно: хан со всеми своими силами не мог помешать русским дойти до Перекопи; не видя никакой выгоды во взятии этой крепости и не видя возможности оставаться здесь далее по недостатку воды, травы и леса, Голицын возвратился назад.

9. Нерчинский договор

Так неблистательно окончилась при Софии турецкая, или, лучше, крымская война. В том же 1689 году заключен был Нерчинский договор с Китаем: русский уполномоченный Головин, имея мало точных сведений о такой отдаленной местности, как Восточная Сибирь, согласился уступить китайцам оба берега Амура, вследствие чего крепость Албазин, с таким мужеством защищаемая казаками против китайцев, была разорена.

10. Детство и воспитание царя Петра

Но в то время как внутри и вне государства Московского привыкли уже видеть Софью в челе управления, во всем к ней относиться, власть ее приближалась к концу. Не опасен ей был старший брат Иоанн, не вступавшийся ни во что, но опасность для правительницы возрастала вместе с возрастанием младшего брата ее Петра. Мы видели печальную судьбу этого ребенка по смерти отца, в царствование Феодора Алексеевича. По смерти Феодора десятилетний Петр недолго был окружен блеском царского величия: за этот мгновенный блеск он с матерью поплатился дорого, и участь царицы Натальи после Стрелецкого бунта не была лучше участи ее при царе Феодоре, несмотря на то что Петр назывался царем и был венчан вместе с братом.

Петр, сын мачехи, был братом нелюбимым всемогущей правительницы, царем *опальным,* так сказать; о воспитании его не заботились. Еще в царствование Феодора стали учить его грамоте, для чего приставили к нему раболепного дьяка Зотова, который ни в умственном, ни в нравственном отношении не мог приобрести влияния над ребенком, рожденным со способностями гениальными. Уроками Зотова воспитание кончилось, и Петр был предоставлен самому себе; самому себе был предоставлен ребенок, который был весь огонь, сгорал ненасытимою жаждою деятельности, обладал пытливостию необычайною: увидит какой-нибудь новый предмет – остановится, немедленно потребует объяснения, не успокоится до тех пор, пока не получит его, мало того, сейчас же сам примется за работу, чтоб приложить узнанное к делу. Петр не ходил, а бегал, говорят современники, и тем всего лучше объясняют нам эту огненную натуру, эту неслыханную в истории деятельность.

Удовлетворения этой деятельности и пытливости Петр не мог найти в пустом, опальном дворце своей печальной матери; там не было человека, подобного Симеону Полоцкому, который мог бы привязать Петра к дому, стараясь сообщить ему в некотором научном порядке собираемые отовсюду разнообразные сведения, который бы приучил его хотя сколько-нибудь к правильному поступанию от одного предмета к другому, умерил несколько его пыл, приучил бы его к более

спокойному созерцанию и нравственным влиянием своим умел обуздать кипучие страсти юноши. Такого человека не находил Петр во дворце своей матери, и никто не заботился сыскать для него такого человека. Скучно, тяжело было Петру во дворце, и он бросился на улицу. Здесь по призыву молодого царя окружила его дружина живых, бойких молодых людей, здесь начались военные потехи, и, разумеется, Петр играл не в стрельцы, а в солдаты; потехи эти принимали все более и более обширные размеры вместе с летами Петра; сформировались два солдатских полка – Преображенский и Семеновский, для наполнения которых кликнули клич по охочих людях; охотников явилось много, явились придворные конюхи и люди разного звания; принимались без разбора, места давались по уменью и ловкости; бросив дворец, молодой царь отказался от старых преданий, от всей обычной дворцовой обстановки; юный и свежий, он отказался от воспоминаний и влияний прошедшего и тем свободнее приготовлялся к деятельности преобразования.

А. Д. Кившенко. Военные игры потешных войск

Но одни потехи воинские не могли исключительно занимать Петра, его мучила жажда знания. Игра в солдаты, образование солдатских полков уже показывали стремление к искусству в деле ратном, к новому

европейскому строю, а представители этого искусства, этого строя были подле: в Москве целая слобода, так называемая Немецкая, была наполнена иностранными наемными офицерами. Сюда-то естественно и необходимо должен был обратиться молодой Петр за искусством, за знанием, здесь открылся для него новый мир, который приковал его к себе навсегда. Эти иностранные офицеры не могли многому научить Петра, между ними не было людей ученых, но это был большею частию народ живой, веселый, бывалый, люди, много видевшие, много испытавшие; они-то в своих рассказах открыли весь западный мир чудес, чудес цивилизации, они-то с увлечением представили ему богатство этого мира в противоположности с бедностию мира русского, они-то распалили в Петре страсть увидать все это самому, перенести все это к себе.

В их-то кругу, бесцеремонном и веселом, отвыкал Петр окончательно от дворцовых обычаев, от обычаев русской старины. Из этих иностранцев более всех подружился Петр с женевским уроженцем Францем Лефортом, привлекшим его своим веселым, открытым и общительным характером; бескорыстие и преданность еще более скрепили эту дружбу; как друг, товарищ любимый, Лефорт имел сильное влияние на Петра.

Чтоб выучиться арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, Петр, будучи 15 лет, отыскал себе учителя, голландца Тиммермана. Прежние царевичи московские не получали научного образования; старший брат Петра получил его, но с церковным характером, посредством духовного лица; Петру не было дано такого духовного наставника, он прямо обратился за наукою к западным иностранцам; отсюда светский характер образования, внесенного после Петром в Россию, тогда как до него наука хотя и была допущена, но допущена под опекою Церкви, как мы видели из устава Славяно-греко-латинской академии при царе Феодоре. Однажды, рассматривая с Тиммерманом в селе Измайлове старые вещи деда своего Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царя Михаила), Петр нашел иностранное судно и сейчас же спросил Тиммермана: что это за судно, где его употребляют, чем оно лучше русских судов? Тиммерман отвечал, что это английский бот, ходит на парусах по ветру и против ветра. Изумленный этою диковиною, Петр спросил: нет ли человека, который бы починил этот бот и показал ему его ход? Тиммерман указал

на голландца Бранта, который удовлетворил желание молодого царя, спустив бот на Яузу. Петр пристрастился к боту, перевез его на Измайловский пруд, потом отправился на Переяславское озеро, чтоб построить там несколько судов. Женитьба на Евдокии Федоровне Лопухиной (в январе 1689 года) не могла отвлечь его от любимого занятия, отвлекла на время смута московская.

11. Низвержение Софьи

Потехи молодого Петра Софья не считала для себя опасными, они удаляли его из Москвы, от дел государственных; приверженцы ее указывали на веселую жизнь Петра, чтоб очернить его перед народом. «Наша государыня (Софья), – говорили они, – беспрестанно Богу молится, а там (у Петра) только на органах да на скрипках играют». Опасна была для них дружина царя, потешные удальцы. Впрочем, ненависть Софьи и приверженцев ее была направлена преимущественно не на Петра, но на мать его, царицу Наталью Кирилловну, которая с двумя главными приверженцами своими, Львом Кирилловичем Нарышкиным и князем Борисом Алексеевичем Голицыным, не переставала выражать неудовольствие на властолюбие Софьи, уже называвшейся самодержицею всея Руси; правительнице переносили все, что говорилось против нее у царицы; Шакловитый, терявший все с падением Софьи, не дрожал ни перед каким средством, чтоб отклонить это падение. «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу известь», – говорил он Софье. Чтоб упрочить свою власть, Софье хотелось короноваться, но холодность, с какою встретили стрельцы это желание, заставила отложить намерение.

Шакловитый раздувал ненависть стрельцов к царице, но стрельцы, которые прежде так быстро подвинулись для спасения царевича, теперь не двигались на убийство царицы. Шакловитый мог прибрать из них не более пяти человек, готовых на все по его приказу, и вечером 7 августа 1689 года, когда Шакловитый собрал в Кремль стрельцов под предлогом защиты Софьи, на которую будто бы Петр придет с своими потешными, двое стрельцов бросились в село Преображенское, где жил тогда Петр, известить царя о грозящей ему опасности. Внезапно разбуженный Петр перепугался, выслушав известие стрельцов, вскочил на коня и помчался к Троице; за ним отправилась царица Наталья с дочерью и невесткою, женою Петра. Туда же бросились все приверженцы его, пошел целый полк стрелецкий Сухарева, за ним пошли другие стрельцы с изветами о всех движениях Шакловитого.

Софья находилась в самом затруднительном положении; все ее старания возвратить Петра в Москву остались тщетными; она послала было патриарха к брату увещевать его к миру, но патриарх остался у

Троицы; руководитель Петра, князь Борис Алексеевич Голицын, распоряжался умно и решительно, и большая часть стрелецких офицеров по приказу Петра ушли к Троице. Видя беду, Софья сама поехала к Троице мириться с братом, но была возвращена с дороги, после чего явились в Москву посланные от Петра захватить Шакловитого, Медведева и сообщников их. Софья тщетно уговаривала стрельцов и народ стоять за нее и за ее приверженцев; стрельцы и народ не двигались в пользу Софьи; служилые иноземцы поднялись из Немецкой слободы к Троице по приказанию Петра, и сами стрельцы наконец заставили Софью выдать Шакловитого, который был казнен у Троицы вместе с своими сообщниками; Софья принуждена была удалиться в Новодевичий монастырь; любимец ее князь В. В. Голицын за потворство властолюбию Софьи и за нерадение во втором крымском походе был сослан с сыном в Пустозерск; Медведев, расстриженный за ересь, был казнен как изменник. Петр начал править государством.

Глава XXXIX. Царствование Петра Великого

1. Деятельность Петра в первые пять лет по удалении Софьи

С 12 сентября 1689 г. началось правление Петра, когда ему было с небольшим 17 лет; имя Иоанна по-прежнему упоминалось во всех грамотах государственных, по-прежнему при торжественных случаях являлся он народу в полном царском облачении, по-прежнему имел полный царский двор и по-прежнему не принимал никакого участия в правлении. Но и сам Петр по молодости в первые пять лет не принимал деятельного участия в правлении, и так как при молодом царе не было вельмож с большими государственными способностями, то в эти первые пять лет не видим ничего замечательного ни во внутреннем управлении, ни в делах внешних.

Петр в это время оканчивал свое воспитание, оканчивал точно так же, как начал: в потехах воинских, в кораблестроении, собирая сведения отовсюду, сейчас же применяя их к делу. Петр работал неутомимо и отдыхал от трудов на веселых пирах с своею компаниею, с приближенными к себе людьми, среди которых первое место занимал Лефорт; потом из иностранцев, более других выдавался генерал Гордон, родом шотландец, вступивший в русскую службу еще при царе Алексее Михайловиче: Гордон не имел блестящих военных способностей, это был храбрый, опытный, добросовестный служака, но при холодности, осторожности, при следах иезуитского воспитания он не мог возбуждать к себе, особенно в молодых людях, такого сочувствия, какое возбуждал веселый, открытый Лефорт. Несмотря на то что молодой царь явно оказывал расположение свое к иностранцам и иностранному, новому, две партии, старая и новая, сильно боролись, и Петр опять по молодости своей не приобрел еще довольно твердости воли, чтоб всегда и во всем давать победу стороне, к которой явно склонялся.

П. Ф. Борель. Царь Петр I Алексеевич

Патриарх Иоаким умер и в духовном завещании своем умолял царей отставить проклятых еретиков-иноверцев от начальства над русскими полками. Относительно избрания ему преемника произошла борьба между партиями: партия новая, и во главе ее молодой царь, хотела видеть на патриаршестве псковского митрополита Маркелла, человека ученого, но старая партия боялась, что ученый архиерей будет благоприятствовать новому, иностранцам, и потому вооружилась против Маркелла, выставляя своего кандидата, казанского митрополита Адриана, убежденного в том, что бритье бороды есть богомерзкая ересь. Петр уступил старой партии, и Адриан был поставлен в патриархи.

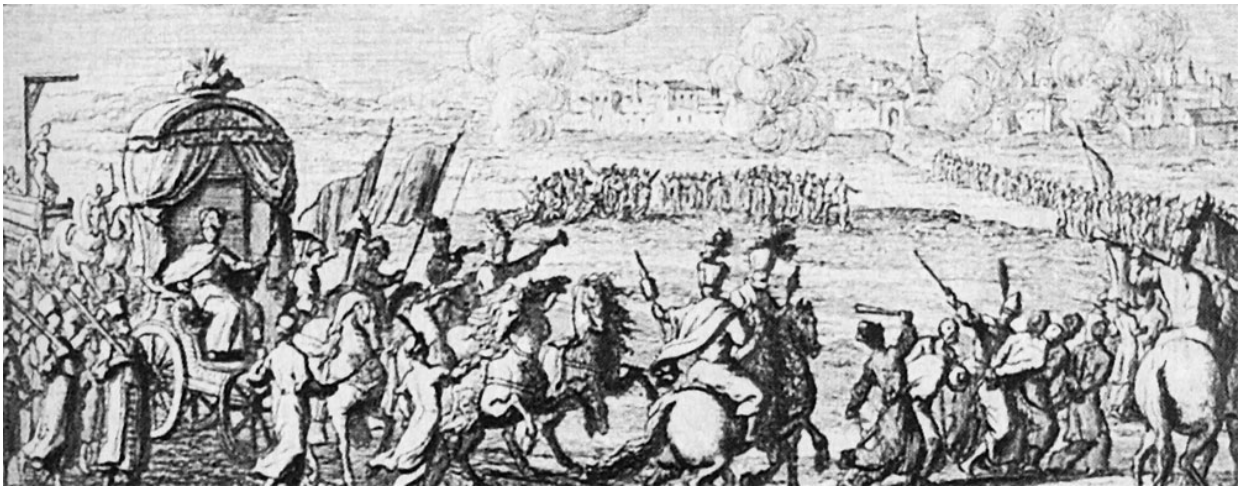
2. Азовские походы

Но торжество старой партии не могло быть прочно: молодой царь в письмах своих подписывался уж Petrus (Piter); в примерных битвах начальник русской стороны князь Феодор Ромодановский назывался генералиссимус Фридрих. Среди воинских потех сухопутных Петр не забывал своих любимых корабликов, которые продолжал строить в Переяславле. «Несколько лет, – пишет Петр, – исполнял я свою охоту на озере Переяславском; наконец оно стало для меня тесно; ездил я на Кубенское озеро; оно было слишком мелко. Тогда я решился видеть прямо море и стал просить позволения у матери съездить к Архангельску; многократно возбраняла она мне столь опасный путь; но, видя великое желание мое и неотменную охоту, и нехотя позволила».

Летом 1693 года он съездил в Архангельск, поплавал по Белому морю, налюбовался на иностранные корабли, заложил свой, русский, другой велел купить в Голландии. В 1694 году, схоронив мать, Петр опять отправился в Архангельск, по возвращении откуда дал большое примерное сражение, известное под именем Кожуховского похода: «Хотя в ту пору, – писал Петр, – как трудились мы под Кожуховым в Марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было; однако эта игра стала предвестницею настоящего дела». Это настоящее дело был поход под Азов летом 1695 года, ибо война с турками, начатая при Софье вследствие союза с Польшею, продолжалась. Отправив боярина Бориса Петровича Шереметева с большим московским войском и казаками малороссийскими против Крыма к низовьям Днепра, сам царь с другим войском отправился водою – Москвою-рекою, Окою и Волгою – до Царицына, откуда сухим путем – до Дона и Доном – вниз к Азову.

Войско отправилось под начальством трех генералов – Головина, Лефорта и Гордона, которые решали дела все вместе, но с согласия «бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева» – так назывался царь в сухопутном войске, во флоте же носил звание *шкипера*. Поход был неудачен по неопытности вождей, по недостатку хороших инженеров: подкопы причиняли больше вреда русским, чем туркам, штурмы предпринимались преждевременно, без единства в движениях. Наконец Петр решился снять осаду и возвратиться в

Москву в ноябре месяце. Величие знаменитых исторических деятелей более всего обнаруживается при неудачах, которые не приводят их в отчаяние, напротив – усиливают их деятельность: в одну зиму по распоряжениям Петра построено было 30 военных судов в Воронеже; для них в Москве царь сформировал морской полк, *регимент,* назначив адмиралом любимца своего Лефорта, а генералиссимусом сухопутного войска назначен был боярин Алексей Семенович Шеин.



Возвращение русских войск после взятия Азова. Гравюра из немецкого «Календаря исторических дат», 1698 г.

В январе 1696 года скончался царь Иоанн Алексеевич, оставив трех дочерей – Екатерину, Анну и Прасковью от брака своего с Прасковьей Федоровной Салтыковой, а в следующем месяце Петр, теперь и по имени единодержавный, отправился в Воронеж, откуда писал: «А мы, по приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица едим хлеб свой». В апреле двинулись войска из Воронежа; *Петр Алексеев* был уже теперь капитаном и начальствовал осмью галерами. Новорожденный русский флот преградил турецкому путь в Азов. Петр днем распоряжался осадою, сам бросал бомбы; ночь проводил на галере, наблюдая за турецким флотом. «Сестрица, – писал он царевне Наталье Алексеевне, – по письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили». Не видя ниоткуда помощи и напуганные отчаянною храбростию казаков, запорожцев и донцов, азовцы сдались 19 июля. Распорядившись укреплением Азова, Петр с торжеством возвратился в Москву, куда въехал в построенные по этому случаю триумфальные ворота.

3. Кораблестроение кумпанствами

Царь недолго отдыхал после Азова; в начале ноября в царской думе было определено, чтоб землевладельцы духовные с 8000 крестьянских дворов, а светские с 10 000 выстроили по кораблю, оснащенному и вооруженному, а торговые и посадские люди – 12 судов бомбардирских, вследствие чего помещики и вотчинники должны были явиться в Москву для соглашения, кому с кем складываться для корабельной постройки, или, как тогда выражались, кому с кем быть в *кумпанстве;* верфи были устроены под Воронежем, мастера вызваны из Венеции, Дании, Швеции и Голландии; выбрано и место для гавани на Азовском море – Таганрог, предположен канал для соединения Волги с Доном (между Иловлею и Камышинкою); наконец, чтоб морское дело утвердилось в русском народе, Петр отправил 50 стольников и спальников в Венецию, Англию и Голландию учиться строению кораблей и управлению ими.

4. Снаряжение великого посольства

Но отправлением молодых людей за границу учиться – мерою, известною уже и прежде, Петр не мог ограничиться. По природе своей, жаждущей знания и деятельности, деятельности физической столько же, сколько и духовной, Петр хотел сам все видеть, все узнать, все сработать; не мог он спокойно дожидаться в Москве, пока посланные за границу возвратятся обученные корабельному мастерству, и не мог рассчитывать, чтоб это обучение вполне соответствовало его желанию. Дело было спешное, Петр не мог и не умел дожидаться, а тут еще издавна воображение его было распалено рассказами о чудесах цивилизации на Западе и человек самый близкий, Лефорт, толковал о необходимости для царя видеть все это самому.

В конце 1696 года определено: отправить великих и полномочных послов, генералов Лефорта и Головина и думного дьяка Возницына, ко дворам: цесарскому, английскому, датскому, римскому, бранденбургскому, в Голландию и Венецию; свита посольская состояла из дворян и волонтеров, в числе последних находился Петр Михайлов – сам царь; управление государством на время отсутствия государя было поручено троим вельможам: Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексеевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому; Москва приказана князю Федору Юрьевичу Ромодановскому; под начальством другого Ромодановского, князя Михайлы Григорьевича, придвинуто было войско к литовской границе: в Польше умер король Ян Собеский и начались выборы; Россия с союзницею своею Австриею хлопотала о том, чтоб не был избран французский принц Конти, союзник султана, и Ромодановский в случае нужды должен был силою действовать против француза и его партии.

5. Заговор Цыклера

В феврале 1697 года все было готово к отъезду великого посольства, когда царь узнал о злоумышлении на свою жизнь Цыклера, Соковнина и Пушкина. Недавние мятежи вскружили буйную голову Цыклера: жаркий приверженец Софьи вначале, он один из первых перешел на сторону Петра в 1689 году, но теперь, озлобленный холодностью государя, готов был сыграть роль Разина, поднять донских казаков и идти разорять Москву. Но заодно с Цыклером были люди знатные – Соковнин и Пушкин, говорившие, что государь погубил их всех, посылает за море; были казаки и стрельцы, которые желали, чтоб казаки разорили Москву с одного конца, а стрельцы – с другого.

6. Поездка Петра за границу

После казни Цыклера и сообщников его великое посольство в марте месяце отправилось из Москвы. В Риге, под которою еще недавно стояли войска царя Алексея, не дозволили Петру осмотреть городские укрепления, что сильно его рассердило. Иной прием встретил Петр у герцога курляндского и курфюрста бранденбургского, которые угощали его по-царски, несмотря на его инкогнито, и удовлетворяли всем его желаниям; курфюрстина бранденбургская София Шарлотта и мать ее София, курфюрстина ганноверская, в письмах своих описывают впечатление, которое произвел на них Петр: он поразил их своими блестящими способностями и вместе неумением сдерживать себя, грубыми привычками, недостатком воспитания.

Приехавши в Голландию, Петр поселился в местечке Сардаме, или Зандаме, где под именем Петра Михайлова записался корабельным плотником на верфи. Но ему недолго дали поработать вволю: разнеслась по Сардаму весть, что молодой московский плотник сам царь, и толпы любопытных начали окружать его. Пробыв неделю в Сардаме, Петр переехал в Амстердам, где с лишком четыре месяца работал на верфи Ост-Индской компании вместе с своими товарищами, волонтерами русского посольства. Для усовершенствования в корабельной архитектуре Петр в январе 1698 года поехал в Англию, где более двух месяцев изучал кораблестроительное искусство в городке Депфорде и принял в русскую службу до 60 разных ученых и мастеров, мореходов же набрал преимущественно в Голландии. В апреле выехал Петр из Англии назад в Голландию и оттуда отправился в Вену; здесь, взявши с императора Леопольда обещание хлопотать, чтоб при заключении мира с турками последние уступили России все ее завоевания, царь хотел отправиться в Венецию, опять для кораблестроительного дела, как вдруг пришла весть о стрелецком бунте, и Петр вместо Венеции поспешил в Москву.

7. Стрелецкий бунт

Стрельцы, которых тщетно возбуждала Софья к восстанию против Петра в 1689 году, когда они спокойно жили в Москве, возмутились в 1698 году и стали звать Софью на царство, когда их стали посылать в дальние и трудные походы. Четыре полка, передвинутые из Азова к границам литовским, в Великие Луки, сильно роптали: «Какая наша служба! Страдаем от бояр, скитаемся через них третий год». Около 200 человек из них убежало в Москву; выгнанные отсюда солдатами, они возвратились в полки с письмом от царевны Софьи. «Теперь вам худо, – писала Софья, – а после будет еще хуже, ступайте к Москве! Что вы стали: про государя ничего не слышно».

В. И. Суриков. Утро стрелецкой казни

Поднялось волнение в полках, начали толковать, что государя за морем не стало, а сына его царевича Алексея хотят задушить бояре, надобно идти к Москве, перебить бояр, немцев, разорить Немецкую слободу. Весною их передвинули в Торопец, откуда велено каждому полку занять отдельные города, а беглых отправить в ссылку; тут

стрельцы открыто взбунтовались, захватили оружие, пушки, выгнали полковников и капитанов, на их место выбрали свою братию и двинулись к Москве. К ним навстречу выступили боярин Шеин и генерал Гордон и 18 июня сошлись с стрельцами под Воскресенским монастырем (Новый Иерусалим), на берегу Истры. Напрасно уговаривали их воеводы покориться; стрельцы в ответ вычисляли свои заслуги, страдание в походах, что пришли, боясь князя Ромодановского, который велел их побить неизвестно за что, и слышно, что к Москве идут немцы, «последуя брадобритию и табаку, во всесовершенное благочестия испровержение». Тогда воеводы велели действовать артиллерии, и после четырех залпов нестройная толпа стрельцов, не имевших предводителя, рассеялась в ужасе, но почти все мятежники были переловлены, начался розыск, пытки, 130 человек было повешено, остальные рассажены по тюрьмам в разных городах и монастырях.

8. Возвращение Петра из-за границы

Между тем царь возвращался из своего путешествия, насмотревшись Европы, насмотревшись чудес ее цивилизации, с твердым намерением пересадить эту цивилизацию в Россию, но для этого необходимо было близкое и непосредственное сообщение России с Западною Европою; для этого необходимо было осуществить намерение Иоанна IV приобресть хотя гавань на Балтийском море. На пути из Вены в Москву, в Галиции, Петр встретился с новым королем польским Августом II, курфюрстом саксонским, и объявил ему о намерении своем воевать с Швециею.

9. Бритье бород и перемена платья

25 августа приехал Петр в Москву, и на другой же день началась стрижка бород у вельмож, первый и для многих самый трудный шаг к расставанию с стариною, потому что борода была знаменем старой партии, враждовавшей с безбородыми иностранцами, сближение с которыми Петр считал необходимым. Сбритием бород наносился сильный удар той узкой, мелкой народности, которая состоит в одном внешнем отличии народа от других народов, которая, отдаляя народ от других народов, препятствует его просвещению, препятствует, следовательно, основывать свою народность на внутренних духовных началах, проявлять свою народность в великих произведениях духа.

Сбритием бород поканчивалось с теми людьми, которые преследовали раскольников, полагавших спасение только в старых книгах, старых обрядах и знаках, и в то же время провозглашали вместе с раскольниками, что брить бороду есть смертный грех. Петр издал указ, что, кто из светских людей не хочет отказаться от бороды, тот должен платить пошлину. Вместе с бородою русские должны были расстаться и с старинною азиатскою одеждою, заменить ее общеевропейскою.

10. Стрелецкий розыск

После этих перемен начался страшный стрелецкий розыск. Петр остался недоволен розыском, который был произведен Шеиным под Воскресенским монастырем и в котором ничего не оказалось об участии царевны Софьи в деле. Велено было прислать в Москву всех стрельцов, рассаженных по городским и монастырским тюрьмам, начались, по обычаю века, страшные пытки; оговорена была Софья и сестра ее царевна Марфа Алексеевна; Петр нарядил над сестрою суд выборных изо всяких чинов людей; Софья и Марфа были пострижены, все стрельцы, участвовавшие в бунте, казнены смертию, кроме несовершеннолетних; стрелецкое войско мало-помалу уничтожено. В сентябре 1698 года пострижена была в суздальском Покровском монастыре и царица Евдокия Федоровна под именем Елены: Петр, при своем воспитании и привычках, привычках к рабочей и походной жизни и к отдыху от трудов с любимой *компаниею,* Лефортом с товарищи, не был привязан к семейной жизни; не могла привязать его к семье воспитанная по старине, в тереме, боярышня Евдокия Лопухина; понятия мужа и жены совершенно разнились; притом же Евдокии не мог нравиться образ жизни Петра, жизни вне семьи; она не скрывала своего неудовольствия, что сильно раздражало Петра, и следствием был развод.

11. Паткуль

Окончив розыск, царь отправился в Воронеж, и в его отсутствие умер Лефорт (в феврале 1699 года). Петр уже нашел в Воронеже корабли, построенные кумпанствами, и весною 1699 года выплыл Доном в море, а в августе отпустил в Константинополь для мирных переговоров посла своего Украинцева на русском корабле, который очень удивил и напугал турок. Петру хотелось кончить поскорее войну с Турциею, чтоб начать войну с шведами, для воспламенения которой хлопотал также знаменитый Паткуль.

Паткуль был ливонский дворянин. Когда в Швеции при короле Карле XI постановлено было отобрать у дворянства все коронные земли, которыми оно владело по грамоте прежних королей, то это постановление распространили и на Ливонию; мало того, от здешних рыцарей потребовали документов, по которым они владели своими стародавними вотчинами и которые трудно было бы отыскать. Ливонское рыцарство начало сильно хлопотать, чтоб не было конфискации имений, или *редукции,* как тогда это называли, и самым ревностным поборником рыцарских прав явился капитан Паткуль, человек с блестящими способностями, образованный, исключительно преданный интересам своего сословия, пылкий, решительный и неутомимый в преследовании раз предположенной цели. Смелою защитою своего дела и движениями, мерами, которые он употреблял в Ливонии для этой защиты, Паткуль очень не понравился в Стокгольме, сюда присоединилась ненависть, которую он успел возбудить к себе в рижском генерал-губернаторе Гастфере, употреблявшем все средства, чтоб повредить ему.

Вследствие всего этого Паткуль был вызван в Стокгольм и предан суду. Видя, что судная комиссия непременно хочет обвинить его в государственных преступлениях, Паткуль убежал из Стокгольма, где заочно приговорили его к смертной казни. Беглец скрывался от поисков шведского правительства, переезжая под вымышленною фамилиею из одной страны Европы в другую, занимался науками и обдумывал план, как бы освободить Ливонию от шведского владычества. Этот план, предложенный Паткулем королю польскому Августу, состоял в том, что Польша, Россия и Дания в одно время вооружились против Швеции:

Польша для возвращения себе Лифляндии и Эстляндии, Россия – Ингерманландии и Карелии, Дания для овладения Голштейн-Ютторпом, которого герцог был женат на родной сестре молодого шведского короля Карла XII.

12. Начало Северной войны, поражение под Нарвою

Август вошел в виды Паткуля и отправил посла в Москву убеждать Петра к союзу против Швеции, прельщая выгодами приобретения балтийских берегов. Но Петр не нуждался в этих убеждениях: он с радостью согласился на союз, который сам прежде предлагал Августу, но объявил, что начнет войну с Швециею только тогда, когда помирится с Турциею. Весною 1700 года короли датский и польский начали войну с Швециею.

В июле русскому послу Украинцеву удалось заключить мир с турками на 30 лет: Азов со всеми старыми и новыми городками оставался за Россиею, и крымский хан отказался от ежегодных поминок, которые до сих пор обыкновенно присылались ему из Москвы. Узнавши о заключении этого мира 18 августа, Петр на другой день издал манифест о войне с шведами и дал приказ войскам двигаться для осады Нарвы. Но Петр вооружился против Швеции, когда оба союзника его, короли польский и датский, уже успели потерпеть неудачи. В то время как датский король старался овладеть Голштиниею, Карл XII в мае месяце явился под стенами Копенгагена, и король датский, чтоб спасти свою столицу, подписал в Травендале 18 августа мирный договор, по которому отказался от союза с Россиею и Польшею, признал независимость Голштинии и заплатил Швеции военные издержки.

Карл XII в сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г. Гравюра Г.-Ф. Ругендаса, нач. XVIII в.

Покончив с Данией, Карл XII поспешил в Лифляндию; известие о приближении его заставило Августа польского снять осаду Риги, но Карл на время оставил в покое этого врага и устремился к Нарве, против русских, у которых было от 35 000 до 40 000 войска, состоявшего большею частию из новобранцев прошлого года; главным начальником был герцог де Кроа, взятый Петром в службу по рекомендации императора Леопольда. У Карла XII было около 8500 войска, но он надеялся быстрым натиском смять неискусные толпы русские, растянутые и к тому же слабые нравственно, ибо у них не было доверия к своим иностранным предводителям. 19 ноября совершенно неожиданно Карл подкрался к русскому войску, опрокинул неприготовленные толпы, захватил артиллерию; иностранные генералы и офицеры спешили отдаться в плен, боясь, что русские солдаты побьют их; только два гвардейских полка (Преображенский и Семеновский) сдерживали напор шведов до самой ночи; Карл вступил в переговоры с русскими генералами и обещал отпустить русское войско с оружием и знаменами, но обещание это не вполне было сдержано. Русские потеряли до 6000 человек.

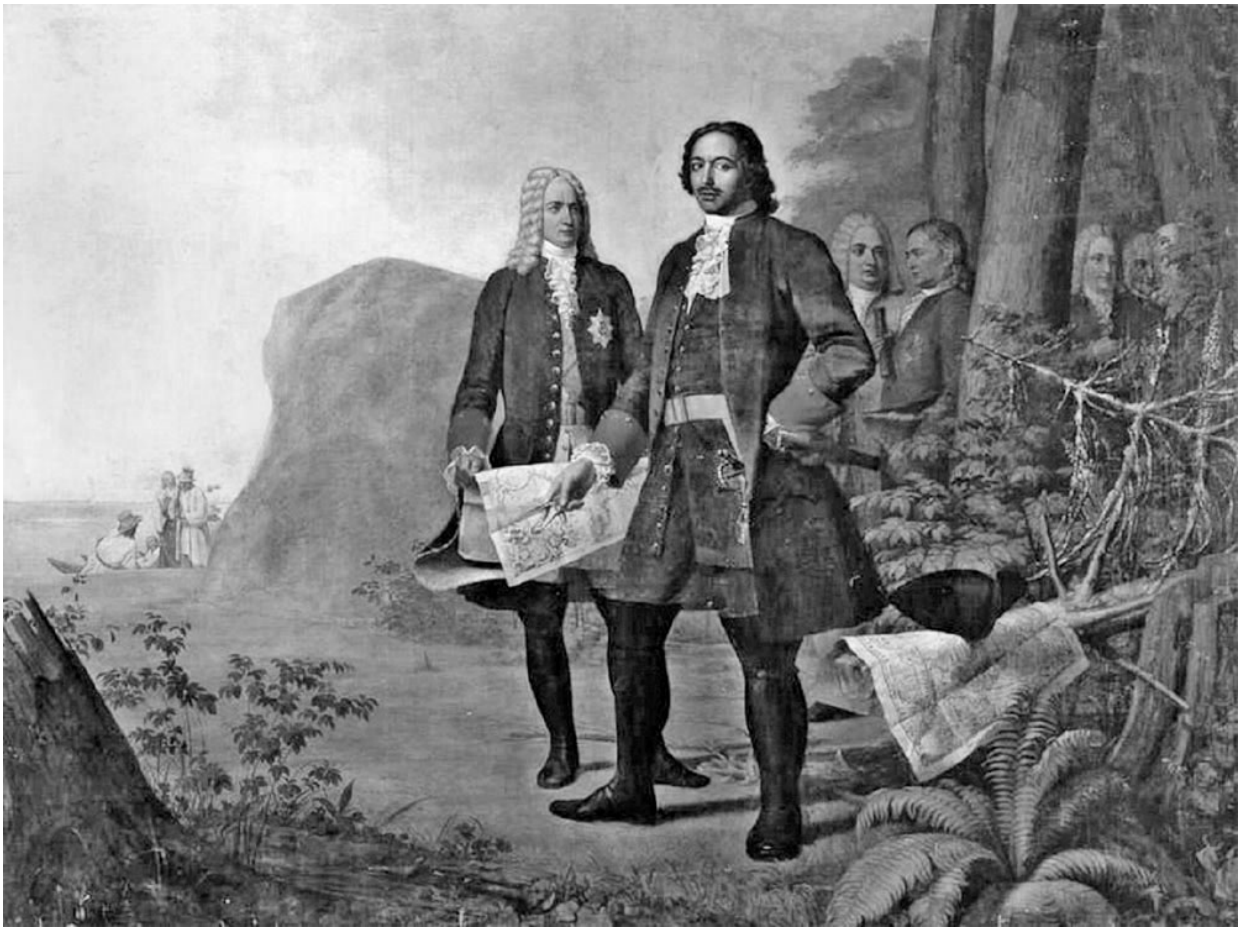
13. Успехи русских в Ливонии; основание Петербурга

Величие Петра выдержало и это страшное искушение. Принужденный вести борьбу в одно время и с врагом внешним, так блистательно доказавшим свое превосходство, и с врагами внутренними, которые возбуждали в народных массах неудовольствие против нововведений, не оправданных, не благословенных успехом, Петр не упал духом и немедленно употребил все средства к более успешному продолжению войны. Обстоятельства также помогли ему, ибо Карл, оставив генерала Шлиппенбаха с небольшим войском для защиты Ливонии, сам обратился против третьего врага своего, Августа польского, и остался на несколько лет во владениях последнего.

Петр как нельзя лучше воспользовался временем, «пока швед увяз в Польше», по его выражению. Почти целый 1701 год прошел в маловажных набегах с обеих сторон; только в декабре Шереметев напал на главные силы Шлиппенбаха и разбил [их] при селении Эрестфер. Летом 1702 года Шереметев, пожалованный в фельдмаршалы за Эрестферскую победу, разбил вторично Шлиппенбаха при мызе Гумельсгофе, после чего русские страшно опустошили всю восточную часть Лифляндии. Разнеслась весть, что шведы хотят овладеть и единственною русскою гаванью на европейском море – Архангельском, и Петр поспешил для его защиты, но слух оказался ложным; тогда Петр прямо из Архангельска отправился к заветной цели своей, туда, где и прежде русские владения соприкасались с морем, но где теперь шведские знамена виднелись на старых русских укреплениях.

Петр осадил Нотебург, древний новгородский Орешек, 11 октября взял его и назвал Шлюссельбургом, Ключ-городом, ибо крепость эта, построенная при истоке Невы из Ладожского озера, действительно служила ключом к морю. Вход в Финский залив защищался маленькою крепостью Ниеншанцем на правом берегу Невы. 1 мая 1703 года крепость эта была взята, срыта, и вместо нее 16 мая заложена новая, ближе к устью Невы, на острове Луст Эйланде: то был Петербург, столица новой России, добившейся до моря, к которому стремилась с лишком сто лет.

Для прикрытия нового приморского городка со стороны моря основана крепость Кронштадт на отмели близ острова Котлина; для нового балтийского флота устроены верфи в Олонце; отобраны у шведов и два остальных русских города – Копорье и Ям; последний назван Ямбургом; в 1704 году взяты Дерпт и Нарва.



А. Г. Венецианов. Петр Великий. Основание Санкт-Петербурга

14. Действия Карла в Польше; бунт в Астрахани; затруднительное положение Петра; Альтранштедтский мир

Между тем Карл XII все кружил за Августом польским. Август был драгоценный союзник для Петра не тем, что усердно помогал ему в войне с шведами: как скоро шведы являлись в одном углу, то он бежал в другой, но тем, что задерживал Карла в Польше. Шведский король никак не решался помириться с Августом, выйти из Польши и ударить на Петра, оставя в тылу Августа, ибо имел полное право не полагаться на его слово; он хотел непременно покончить с Августом, возвести на его место другого короля в Польше и вместе с этим новым союзником окончить войну с Россией, предписав Петру мир в Москве. Паткуль, недовольный Августом, перешел в службу к Петру и в качестве русского царского министра находился при дворе Августа, часть вельмож перешла на сторону Карла, другая держалась Августа. Наконец Карл заставил сейм свергнуть Августа и выбрать в короли познанского воеводу Станислава Лещинского. Но этим Карл не достиг своей цели, ибо Лещинский многим не нравился, и Август имел возможность держаться в Польше.

Желая поддержать союзника, Петр весною 1705 года двинул войска свои к Западной Двине; они перешли эту реку, овладели Курляндиею, Вильною; главные силы, около 35 000, сосредоточились в Гродно, где был устроен большой укрепленный лагерь. Но в то время как борьба на западе становилась все важнее, Петр должен был отделить часть своих сил на отдаленный юго-восток, к Астрахани, где вспыхнул мятеж. Стрелецкий сын Степан бежал из Москвы в Астрахань и три года раздувал здесь мятеж, распуская самые нелепые слухи, будто «установлена тяжкая служба и новая вера, велят кланяться болванам. Русское государство хотят разделить на четыре части, русских девиц всех выдать за немцев; чтоб не допустить до этого, надобно всех немцев, бояр и офицеров солдатских вырубить».

Астраханцы волновались тем более, что терпели от корыстолюбия и насильственных поступков начальных людей, особенно при перемене старого платья на новое. 29 июля 1705 года было сыграно в городе сто

свадеб из боязни, чтоб не пришлось выдавать русских девиц за немцев; ночью на 30-е число вспыхнул бунт, мятежники ворвались в крепость, убили воеводу и несколько офицеров, послали призывные грамоты казакам. Петр немедленно отправил против бунтовщиков фельдмаршала Шереметева, который овладел Астраханью 13 марта 1706 года после сильного бою.

А между тем на западе Карл, воспользовавшись зимним путем, быстро двинулся из Варшавы к Гродно и отрезал русскую армию от мест, из которых она должна была получать продовольствие. Надежда на выручку от союзников пропала для русских, потому что генерал Шуленбург, начальствовавший саксонскими и русскими войсками на границах Польши и Силезии, потерпел сильное поражение от шведов при Фрауштадте. В каком печальном состоянии находился в это время Петр, видно из его писем. «Боже, – пишет он (весною 1706 года, перед Лазаревым воскресеньем), – прибавь тяжести в нашу чашку весов, потому что без этого она перевеситься не может. Мы вместе с приближающимся Лазарем в адской сей горести находимся. Дай, Боже, воскреснуть с ним!» Но, сознавая всю затруднительность своего положения, Петр не отчаивался: он послал в Гродно приказ своим войскам отступить, причем дал подробное наставление, как беспрепятственно совершить это отступление, и благодаря плану Петра армия русская достигла Киева почти без потерь. Карл, оставя литовские болота, обратился опять на запад и вошел в Саксонию, чтоб здесь, в наследственных владениях Августа, нанести ему решительный удар.

Ж.-М. Наттье. Портрет Петра I

Расчет Карла был верен: чтоб спасти Саксонию, Август в сентябре 1706 года заключил с шведским королем мир в Альтранштедте, по которому отказался от польского престола в пользу Станислава Лещинского, отказался от союза с Россиею и не постыдился выдать шведам Паткуля, которого Карл велел колесовать как изменника. Август заключил этот мир тайком от Петра и даже находился при войске Меншикова, когда этот любимец Петра 18 октября разбил шведского генерала Мардефельда при Калише.

15. Карл приближается к русским границам; Булавинский бунт

После Альтранштедтского мира у Карла оставался только один неприятель – русский царь, и Петр, приготовляясь к обороне, употреблял в то же время все средства к заключению мира, искал посредничества иностранных держав, соглашался ограничиться одною гаванью на Балтийском море, но Карл не хотел уступить ничего, хотел заключить мир в Москве, и Петр, не полагаясь на военное счастье, послал приказание укреплять эту столицу. В исходе 1707 года Карл перешел Вислу, в январе 1708 занял Гродно и устремился за русскими войсками, расположенными в Литве; те, согласно плану Петра, постоянно отступали к своим границам, опустошая проходимую ими страну, чтоб затруднять неприятеля недостатком продовольствия.

Но в это решительное время, когда Россия должна была напрячь все свои силы для страшной борьбы, вспыхнуло сильное казацкое возмущение на Дону вроде разинского. Время Петра, которое нам теперь издали представляется таким блестящим, было одним из самых тяжелых времен для русского народа: для ведения продолжительной и трудной войны и вместе для новых учреждений требовались большие пожертвования, а средства страны были скудны; тяжки были рекрутские наборы, налоги денежные, и вот для избавления от тех и от других толпы народа бежали по старому обычаю на Дон, к казакам, вследствие чего оставшимся, разумеется, становилось еще тягостнее. Петр не мог смотреть на это равнодушно и в конце 1707 года отправил полковника князя Юрия Долгорукого с командою на Дон отыскивать беглецов и высылать на прежние жилища. Долгорукий отыскал 3000 беглых, но в это время между казаками начала ходить грамота с увещанием не допускать Долгорукого до исполнения его наказа и бить сыщиков.

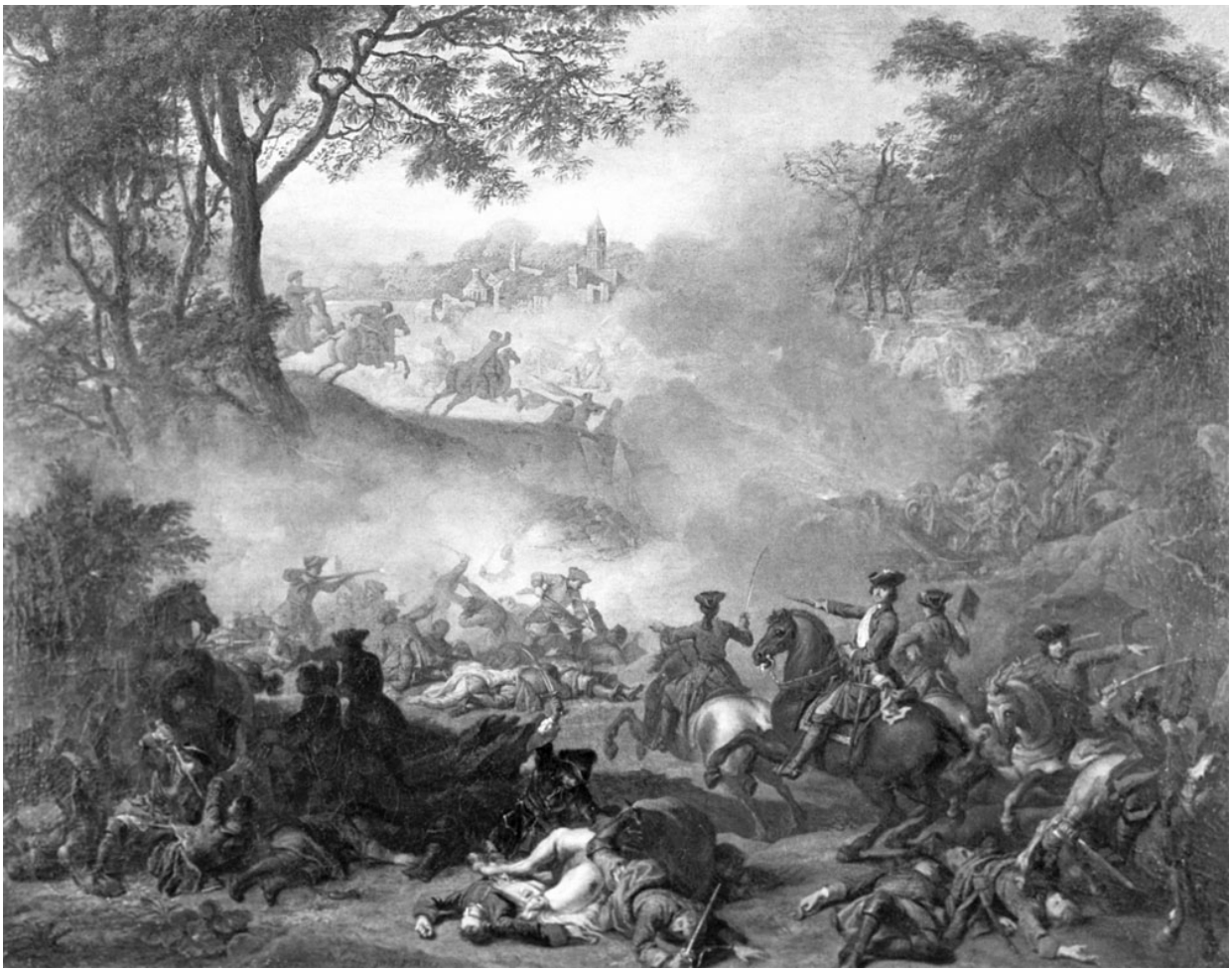
Началось волнение, большая шайка *голутвенных* собралась около бахмутского старшины Кондратия Булавина, который нечаянно ночью напал на отряд Долгорукого и истребил его вместе с предводителем. Разбитый верными казаками, высланными против него атаманом Максимовым, Булавин бежал в Запорожье, откуда весною 1708 года

явился на Хопре и стал рассылать возмутительные письма, провозглашая, что они, казаки, встали за истинную веру христианскую и за благочестивого царя против князей, бояр и немцев, которые отвращают всех от истинной христианской веры. Собравши около себя большую толпу голутвенных, Булавин разбил царское войско и овладел главным городом донских казаков – Черкасском, где казнил атамана Максимова с прочими старшинами и сам провозглашен был атаманом.

Между тем другие начальники мятежнических шаек, Некрасов, Хохлач, действовали по Волге, ограбили Саратов, Царицын, Камышин; товарищ их Голый вырезал Сумский полк и рассылал возмутительные грамоты. «Нам до черни дела нет, – писал он, – нам дело до бояр, а вы, голудьба, все идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые: будут у вас и кони, и ружья, и платья, и денежное жалованье». Волнение распространилось уже до Тамбова. Но торжество Булавина было непродолжительно: товарищ его Драный потерпел поражение от царских войск и погиб в битве; другой отряд мятежников разбит был под Азовом, и между тем главный предводитель войск правительства князь Василий Владимирович Долгорукий (брат убитого Булавиным) приближался к Черкасску. Противные Булавину казаки взяли теперь силу и осадили его в его доме; Булавин сначала защищался, но потом, видя невозможность сопротивления, застрелился (в июле). Черкасск сдался Долгорукому, но бунт не прекратился ранее ноября, потому что надобно было управиться еще с Некрасовым и Голым, действовавшими на Верхнем Дону и на Донце; Некрасов принужден был бежать на Кубань с 2000 казаков и там поддался крымскому хану, Голый бежал, потерпев жестокое поражение. Долгорукий истребил до основания непокорные станицы: «главных бунтовщиков и пойманных изменников, и в прочих юртах от девяти десятого вешали, и оных всех на плотах висящих плыть по рекам пускали, чем преужасный страх всему Дону наведен, и тем наипаче усмирены».

16. Сражение при Добром и Лесной; измена Мазепы

Между тем летом 1708 года Карл XII, разбивши отряд русского войска при Юловчине, занял Могилев, где должен был соединиться с ним генерал Левенгаупт, шедший из Лифляндии с большими запасами. Но, терпя недостаток в продовольствии, Карл не стал дожидаться Левенгаупта и пошел на Мстиславль, через леса и болота, по опустошенному краю, где часть войска его у села Доброго была разбита князем Михайлою Михайловичем Голицыным. Вопреки советам генералов своих Карл не возвратился в Могилев для соединения с Левенгауптом, но направил путь к Украине. Этим воспользовался Петр, нагнал Левенгаупта и поразил при деревне Лесной, на реке Соже, 28 сентября: шведы потеряли 10 000 человек, всю артиллерию и главное – все запасы, которые были так важны для Карла. «Здесь первая солдатская проба была», по словам Петра, потому что здесь в первый раз русские победили шведов, сражаясь с ними в равном числе.



Ж.-М. Наттье. Сражение при Лесной

Карл жертвовал войском Левенгаупта и запасами, торопясь в Малороссию. После Богдана Хмельницкого не было ни одного гетмана в Малороссии, который бы спокойно кончил жизнь свою в гетманском достоинстве. Царь Алексей Михайлович не верил доносам на Выговского; Пушкарь пал жертвою этого неверия, и Выговский изменил, Юрий Хмельницкий изменил, Брюховецкий изменил, Многогрешный был обвинен в измене своими и кончил жизнь свою в ссылке; Самойлович также был обвинен своими и имел ту же участь. Царь Алексей не поверил доносам на Выговского и должен был раскаяться в своем неверии; в деле Многогрешного и Самойловича московское правительство поверило обвинениям – и вот пошли жалобы, что доносы были несправедливы, что правительство наказало верных слуг своих в угоду врагам их. Затруднительно было положение московского правительства относительно гетманов; крайне

затруднительно было положение самих гетманов; гетман выбирался или выкрикивался на шумной раде толпою своих приверженцев, взявших верх, но соперники, враги его, после этого избрания искали всех средств вредить гетману, избранному против их желания, чтоб предохранить себя от злобы врагов, гетман обыкновенно окружал себя наемною стражею, составленною из людей всякого рода, чужеземцев, которые возбуждали против себя ненависть малороссиян; не имея возможности действовать против гетмана насилием, враги старались обнести его в Москве, выставить изменником пред царем.

Гетман находился между двух огней: между требованиями правительства московского, которое хотело, чтоб Малороссия участвовала в общей жизни государства, исполняла обязанности, одинакие со всеми другими частями народонаселения, и между требованиями казачества, которое хотело быть как можно более независимым от государства, исполнять как можно менее обязанностей, им налагаемых. В таком положении был и преемник Самойловича, Иван Степанович Мазепа, старик чрезвычайно умный, ловкий, образованный, приятный говорун в обществе. Петр очень любил его и вполне ему доверял, несмотря на то что на него был целый ряд доносов в измене; доносы эти по своей недоказанности только утверждали Петра в той мысли, что верный ему гетман имеет много врагов. Действительно, пока шведский король был далеко, странно было бы думать, что умный Мазепа захочет изменить русскому царю.

Но обстоятельства переменились: победоносный Карл приближался к русским границам с целью заключить мир в Москве, и сам Петр не считал достижение этой цели невозможным, ибо послал приказ укреплять Москву. Старый Мазепа не мог преодолеть искушения и, полагая невероятным, чтоб Петр с своим неопытным войском вышел победителем из борьбы, завел переговоры с Карлом и новым королем польским Станиславом Лещинским. Донос не замедлил: генеральный судья Кочубей прислал монаха в Москву с известием, что гетман хочет изменить, передаться ляхам; Петр не обратил никакого внимания на донос, в котором видел только мщение Кочубея за личную обиду, нанесенную ему Мазепою, ибо Кочубей не умел смолчать об этой обиде.

В начале 1708 года Кочубей повторил донос вместе с бывшим полтавским полковником Искрою. Повторение доноса, подобно

прежним не подкрепленного никакими доказательствами, навело Петра на мысль, что изменяет не Мазепа, но Кочубей с товарищами, которым хочется свергнуть верного гетмана, чтоб завести смуту в Малороссии. Кочубей с Искрою были вызваны в Витебск, где подали новый, пространственный, но дурно написанный донос. Между прочим, Кочубей доносил, что когда Мазепа был потревожен известием о скором приезде государя, то собрал вооруженных людей; конечно, писал Кочубей, Мазепа при этом имел намерение отстреливаться от государя. Искра объявил, что Мазепа имел намерение при этом убить государя или выдать неприятелю и что он, Искра, слышал это от Кочубея, но Кочубей на очной ставке с Искрою отрекся, что никогда не говорил ему о намерении гетмана посягнуть на жизнь государя; Искра ссылался на жену Кочубея, свидетельницу разговора, Кочубей не признавался. В то время при таких обстоятельствах употреблялась пытка. Искра на пытке сложил свою вину на Кочубея, которого обвинял в заговоре с разными лицами для низвержения Мазепы, а Кочубей на пытке объявил, что доносил на гетмана единственно по злобе, не зная за ним никакой измены. Дело по-тогдашнему было решено: Искра и Кочубей были выданы Мазепе и в июле 1708 года казнены.

На этот раз Мазепа избавился от беды, но положение его затруднялось все более и более, потому что он сделал из себя игрушку обстоятельств, военного счастья, был слабый между двумя борющимися сильными. Из боязни перед победоносным Карлом он вошел с ним в сношения, но в то же время не смел отложиться от Петра, ибо только вступление шведов в Украину могло спасти его от гнева царского. Шведскому королю он должен был обещать помощь казаков, а между тем не смел открыться казакам, не смел явно подговаривать их на шведскую сторону. Хитрость, притворство оставались для Мазепы единственными средствами выпутаться как-нибудь из затруднительного положения. Чтоб не начальствовать войском и не идти туда, куда царь прикажет, он притворился отчаянно больным; но когда Карл вступил в Украину, Мазепа выздоровел, двинулся с небольшим отрядом преданного ему войска, переправился через Десну, 26 октября объявил своему отряду об измене, 29-го соединился с Карлом.

Г. О. Седерстрем. Мазепа и Карл XII на берегу Днепра, или Мазепа и Карл XII после Полтавской битвы

Получив известие об уходе Мазепы, Петр издал манифест с извещением, что гетман изменил и заключил договор с Карлом и Станиславом Лещинским, чтоб Малороссию поработить по-прежнему полякам, а церкви Божии и святые монастыри отдать в унию. Но Петр действовал не одними манифестами: он двинул Меншикова к Батурину, и эта столица гетманская была взята приступом и разорена, после чего 6 ноября в Глухове собралась казацкая рада, на которой был избран гетман стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский, 12 ноября в Глухове малороссийское духовенство, а в московском Успенском соборе великороссийское предало Мазепу проклятию, и чучело его было повешено палачом. Новый гетман Скоропадский выдал универсал, в котором спрашивал малороссиян: «Чего можно ожидать нам, православным христианам, от короля шведского, чужеземца иноверного? Если бы даже он и хотел защищать нас, то как он может

это сделать из такой дали, из-за Балтийского моря? И как он может быть защитником церквей наших, будучи их противником?»

Это обращение к здравому смыслу народа не могло остаться без действия, и шведы вместо ожидаемой помощи встретили в Малороссии народную войну: крестьяне нападали врасплох на шведские отряды, уводили у неприятеля лошадей, прятали от него съестные припасы. Полковники Апостол и Галаган покинули Мазепу и перешли к царю; сам Мазепа, видя, что обманулся в своих расчетах, что Карлу трудно будет заключить мир в Москве, завел сношения с Петром, обещая оказать ему важную услугу насчет шведского короля; Петр принял предложение и обещал полное забвение прошедшего, но Мазепа не нашел средств оказать ему важной услуги и остался при короле.

17. Полтавская битва и успех русских в прибалтийских областях

Мало получил помощи Карл от союзника своего Мазепы, а между тем на помощь к русским явилась могущественная союзница, страшно холодная зима, – так, что птицы падали на лету; доставалось и русским от этой союзницы, но шведы страдали гораздо больше, потому что не имели теплой одежды и обуви, и к весне 1709 года у Карла оставалось не более 30 000 войска, которое он расположил между реками Пселом и Ворсклою с главною квартирою в Будище, к северу от Полтавы. Тщетно Карл ждал помощи из Турции и Польши; только одни запорожцы соединились со шведами, но 14 мая сеча их была взята царскими войсками.

Еще прежде, в конце апреля, Карл осадил Полтаву; безуспешная осада длилась с лишком месяц; 4 июня Петр приехал к своему войску, которое было расположено на левой стороне Ворсклы и отделялось от Полтавы непроходимыми болотами. Чтоб спасти город, не могший защищаться, Петр решился напасть на неприятеля и переправился через Ворсклу; Карл 27 июня двинулся к нему навстречу, в четыре часа утра начался бой и в 11 часов кончился совершенным поражением шведов. Карл едва успел избежать плена: он с Мазепою и с небольшим числом шведов и запорожцев переправился за Днепр и направил путь к турецкой границе, но остальное шведское войско под начальством Левенгаупта принуждено было сдаться Меншикову. Карл XII остановился в Бендерах, отдался под покровительство Турции и начал стараться, чтоб возбудить эту державу к войне с Россиею; Мазепа умер через два месяца по прибытии в Бендеры.

Полтавскою битвою сокрушено было могущество Швеции, которая первенствовала на севере Европы после Тридцатилетней войны; ее место заступила Россия. До Полтавской битвы (преславной виктории, «русского воскресения», как называли ее современники) главная историческая роль принадлежала западным европейским народам племени германского и романского; с Полтавской битвы выступает на историческую сцену Восточная Европа в лице России; в ее же лице получает важное значение и племя славянское. Все побежденное

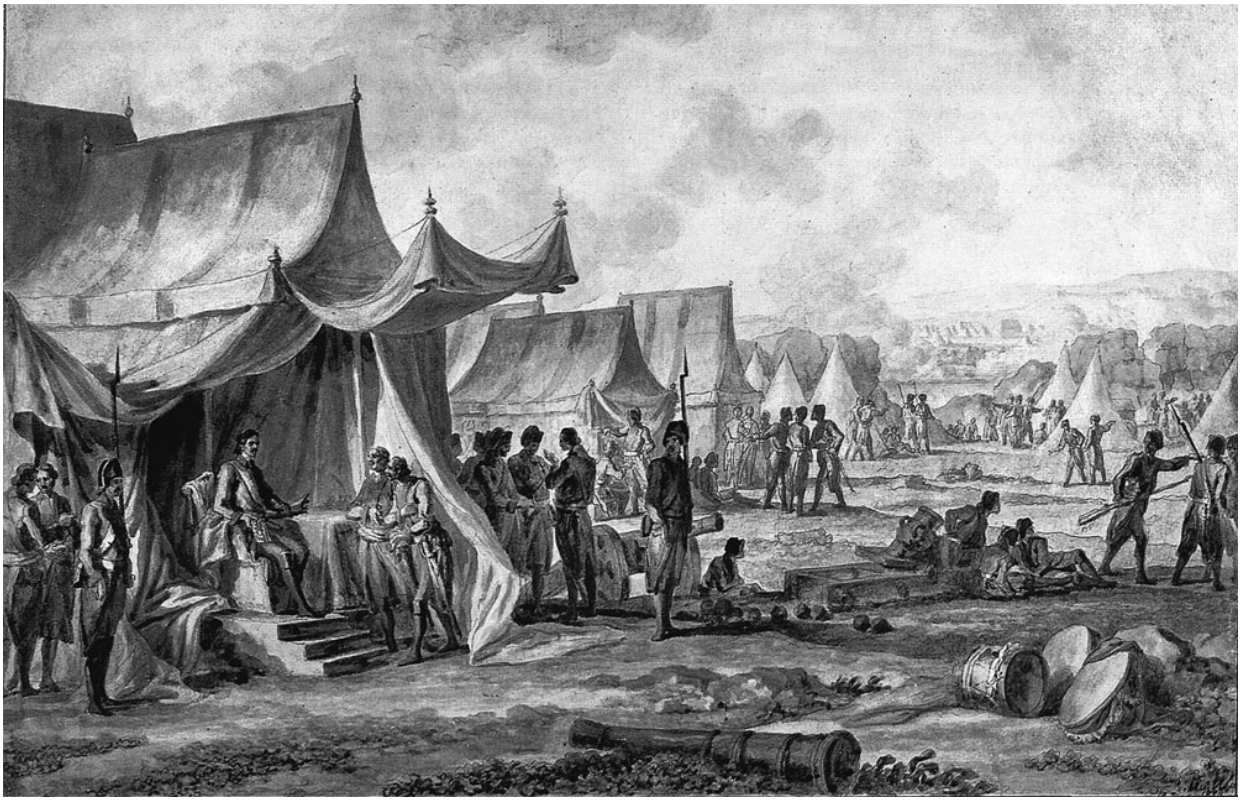
Карлом подняло теперь голову: курфюрст саксонский и король датский спешили разорвать мир с Швециею; Станислав Лещинский не мог без Карла держаться в Польше и должен был выехать в Померанию; Август опять занял престол польский.

Главная сцена действия снова перенеслась на берега Балтийского моря: Рига, Динамюнде, Пернау, Ревель, Выборг, Кексгольм были взяты русскими в 1710 году; тогда же Петр выдал племянницу свою Анну Иоанновну за герцога курляндского. Но в 1711 году Петр должен был покинуть Север, потому что Карлу XII и французскому послу удалось поднять против него Турцию.

18. Война турецкая

Узнавши о заключении посла своего в Семибашенный замок, Петр в начале 1711 года начал готовиться к войне; при этом у него был блестящий план проникнуть в сердце турецких владений с помощью единоверного и большею частью единоплеменного народонаселения. Молдаване, волохи, сербы, черногорцы обещали ему помощь, Август польский также обязался выставить 30 000 войска, так что число одних союзников должно было простираться до 90 000, да русских было 40 000. Петр позволил себе увлечься этими обещаниями и попал в такое же положение, в каком недавно Карл XII находился в Малороссии. Петр шел в Молдавию через степь в летний зной, истомивший его войско; молдавский господарь Кантемир обещал приготовить запасы для русских, но, как слабый между двумя сильными, сначала хитрил, боясь турок, притворился верным султану и объявил себя за Россию только тогда, когда передовые войска царские подошли к Яссам.

Далеко не все вельможи молдавские последовали его примеру, и присоединение Кантемира, хотя «человека зело разумного и в советах способного», так же мало помогло Петру, как прежде присоединение Мазепы мало помогло Карлу; запасы не были приготовлены, и господарь валахский Бранкован вопреки своему обещанию соединился с турками, которые под начальством великого визиря уже перешли Дунай. 9 июля на берегу реки Прута Петр с 38 000 войска был окружен турками, которых было до 200 000. Нападения турок были отбиты с большим уроном для них; несмотря на то, положение русского войска, не имевшего съестных припасов и отрезанного от воды, было отчаянное. На военном совете было решено предложить мир визирю, и тот согласился принять это предложение, потому что, с одной стороны, янычары волновались и не хотели сражаться с русскими, храбрость которых недавно испытали; с другой – пришло известие, что русский генерал Ренне, отряженный Петром, взял Браилов и грозил разрушить мост на Дунае.



М. М. Иванов. Петр I на реке Пруте

Но условия мира, разумеется, не могли быть выгодны для Петра: он должен был возвратить туркам Азов и три построенные им крепости, обязался не вмешиваться в дела Польши и дать Карлу XII свободный проезд в королевство. Уведомляя Сенат о заключении мира, Петр писал: «Хотя это дело и не без печали, потому что должны лишиться городов, на которые столько труда и убытков положено; однако думаю, что этим лишением принесется великое укрепление другой стороны, которая нам несравненно прибыльнее».

19. Продолжение Северной войны; разлад Петра с союзниками, путешествие его во Францию

Эта более прибыльная сторона была война на северо-западе, утверждение на берегах европейского моря. В 1712 и 1713 году русские с союзниками своими, саксонцами и датчанами, продолжали вытеснять шведов из Померании. В том же 1713 году, в начале мая, галерный флот русский, состоявший из 200 судов, вышел из Петербурга в море под начальством генерал-адмирала Апраксина; сам царь начальствовал частью флота в звании контр-адмирала; Гельсингфорс и главный город Финляндии Або были взяты, и абовская библиотека переслана в Петербург. Шведы отступали во внутренность страны, но Апраксин и князь Голицын (Михайла Михайлович) шли за ними по пятам и, поразивши их при Таммерфорсе, заняли почти всю Финляндию.

В 1714 году 25 июля Петр разбил шведский флот при Гангуте и занял остров Аланд; на шведов напал сильный страх: все войска, какие только можно было собрать, стянулись для защиты Стокгольма, между которым и Аландом только 15 миль расстояния, тогда как занятием Нейшлота докончено было завоевание Финляндии.

Петр все более и более укреплялся на восточных берегах Балтийского моря и начинал грозить самой Швеции, а Карл понапрасну тратил время в Турции, стараясь опять поднять султана против царя. Наконец в ноябре 1714 года Карл, пробравшись через Венгрию и Германию, явился в Штральзунде, осажденном союзниками, число которых увеличилось еще Пруссиею и Ганновером. Но его присутствие не спасло этого города в 1715 году; в следующем 1716 шведы потеряли и последнее свое владение в Германии – Висмар. При сдаче этого города произошло столкновение между союзниками, подготовленное мекленбургскими делами.

В начале 1716 года царь выдал другую племянницу свою Екатерину Иоанновну за герцога мекленбургского Карла Леопольда, причем Петр обещал всеми силами содействовать герцогу в получении Висмара и Варнемюнде и поддерживать его как против врагов внешних, так и против собственного его дворянства мекленбургского, с

которым он был во вражде; герцог за это позволил русским купцам жить и торговать свободно во всех своих владениях, строить православные церкви, обязался пропускать чрез свои владения русские войска и устраивать для них магазины на царский счет. Мекленбургское дворянство увидело для себя страшную беду от этого союза и начало действовать всеми силами против царя, выживать русское войско из Мекленбурга, ссорить Петра с союзниками его, пугая последних властолюбивыми его замыслами, намерением утвердиться в Германии.

Р. Портер. Взятие в плен шведского контр-адмирала Эреншельда в Гангутском сражении 1714 г.

Мекленбургское дворянство могло успешно вести свои интриги, потому что один из его членов, Бернсторф, был министром в Ганновере и владел полною доверенностью курфюрста Георга, короля английского; двое других мекленбургцев находились в датской службе и имели большое влияние на короля. Вследствие этого союзники не впустили русских войск в Висмар. Подозрительность, обнаруженная королем датским во время пребывания Петра в Дании с войском, назначенным для высадки на шведские берега, еще более раздражила царя против союзников, особенно против ганноверского курфюрста, английского короля. В конце года он отправился в Голландию, где голштинский министр, находившийся в службе шведского короля, Герц, хлопотал о приведении в исполнение своего плана: примирить Россию с Швециею и соединенными их силами низвергнуть с английского престола Георга I, курфюрста ганноверского, и на его место возвести претендента Иакова III Стюарта, но план был открыт.

Видя, что от прежних союзников нечего ждать помощи, Петр весною 1717 года отправился во Францию для заключения тесного союза с герцогом Орлеанским, правившим во время малолетства Людовика XV; Петру хотелось помолвить дочь свою Елисавету за малолетнего короля. В Париже для царя приготовили комнаты в Лувре, но он отказался от такого великолепного помещения и поселился в простом доме. Французы-современники так описывают наружность Петра: он был высокого роста, очень хорошо сложен, довольно худощав, смугл, глаза имел большие и живые, взгляд проницательный, иногда дикий, особенно когда на лице появлялись конвульсии; движения его были неправильны и порывисты; никакие светские приличия не останавливали его деятельности, вид величия и смелости возвещал государя, который чувствует себя хозяином повсюду.

Гуляя по улицам, он заходил в мастерские к ремесленникам, останавливаясь на всем, везде обнаруживая обширные познания. Вещи только изящные, служащие к удовольствию, мало его занимали, но все, что имело целью пользу, все, что относилось к мореплаванию, торговле, к искусствам необходимым, возбуждало его любопытство, и здесь-то он приводил в изумление верностью взгляда, обнаруживал такую же быстроту в изучении, как и жадность к знанию. Среди города, утопавшего в блеске и роскоши, Петр отличался простотою в одежде:

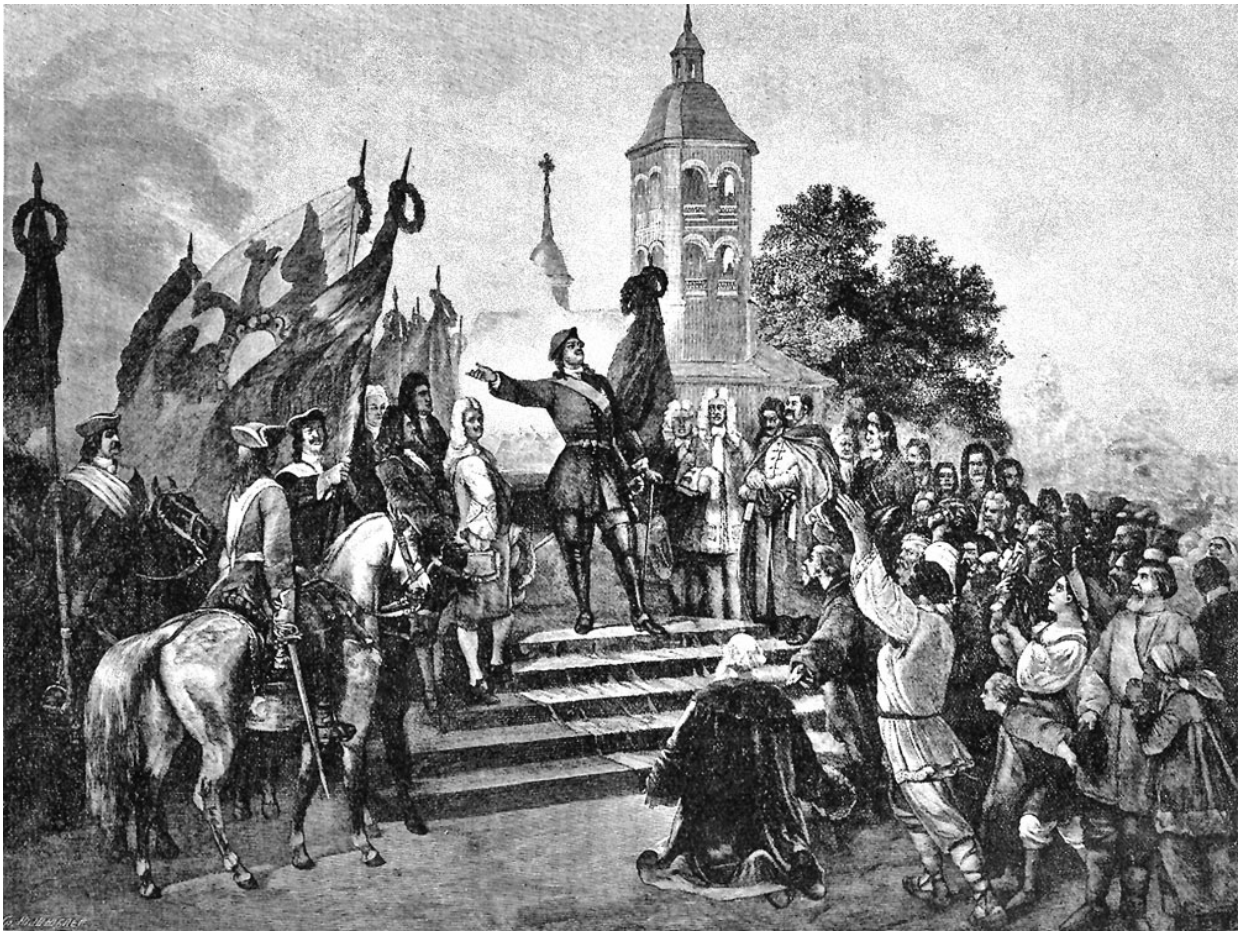
он носил дешевое суконное платье, широкий пояс, на котором висела сабля, круглый и короткий парик без пудры, рубашку без манжет.

20. Окончание Северной войны

Петр не вполне достиг цели своей поездки во Францию, потому что Франция в это время тесно сблизилась с Англиею. По возвращении в Голландию министры, сопровождавшие Петра, имели тайные переговоры с Герцом, который обещал устроить мир между Россиею и Швециею. Вследствие этого весною 1717 года открылись переговоры на Лофоэ, одном из Аландских островов, между уполномоченными Петра, Брюсом и Остерманом, и уполномоченными Карла XII, Гёрцом и Гилленборгом. Здесь было постановлено, что Россия удерживает Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии, за что обязывается помогать шведам не только в возвращении их прежних германских владений, но и в приобретении Норвегии; Август должен был лишиться польского престола, который возвращался Станиславу Лещинскому. Но насильственная смерть Карла XII в декабре 1718 года уничтожила все эти планы. Шведские аристократы захватили в свои руки правление, отстранили от престола сына старшей сестры Карловой, герцога голштинского, и возвели принца гессенского, мужа младшей сестры, казнили Герца и постановили действовать вопреки его планам; вследствие этого заключен был мир с Ганновером, Пруссиею и Даниею и возобновлена война с Россиею. Но истощенная Швеция не могла выставить русским никакого сопротивления: в 1719 году царские войска высадились на берега Швеции и сожгли два города со 135 деревнями; Апраксин опустошил страну в семи милях от Стокгольма; вред, причиненный Швеции этою высадкою русских, простирался до 12 миллионов; в 1720 году опустошение возобновилось.

Наконец 30 августа 1721 года заключен был мир в Ништадте прежними уполномоченными, Брюсом и Остерманом: Швеция отказалась от Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии и части Финляндии. Постоянная цель московских государей, начиная с Грозного, была достигнута, прибалтийские берега приобретены. В Петербурге торжествовали это великое событие маскарадом, продолжавшимся целую неделю. 22 октября Петр слушал обедню в Троицком соборе; по окончании литургии читали подтвержденный мирный договор, псковский архиерей Феофан Прокопович говорил проповедь, исчислял славные подвиги царя, за которые он по

справедливости должен быть назван отцом отечества, императором и великим, после чего канцлер Головкин говорил речь: «Трудом и руководством вашего царского величества мы из тьмы невежества на театр славы всего света и, так сказать, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены». Речь оканчивалась восклицаниями: «Виват, виват, виват Петр Великий, отец отечества, император всероссийский!» Эти слова повторились присутствующими в церкви, повторились и вне ее при звуке труб, литавр, барабанов, пушечной и ружейной пальбы.



А. И. Шарлеман. Петр I объявляет Ништадтский мир на Троицкой площади в С.-Петербурге

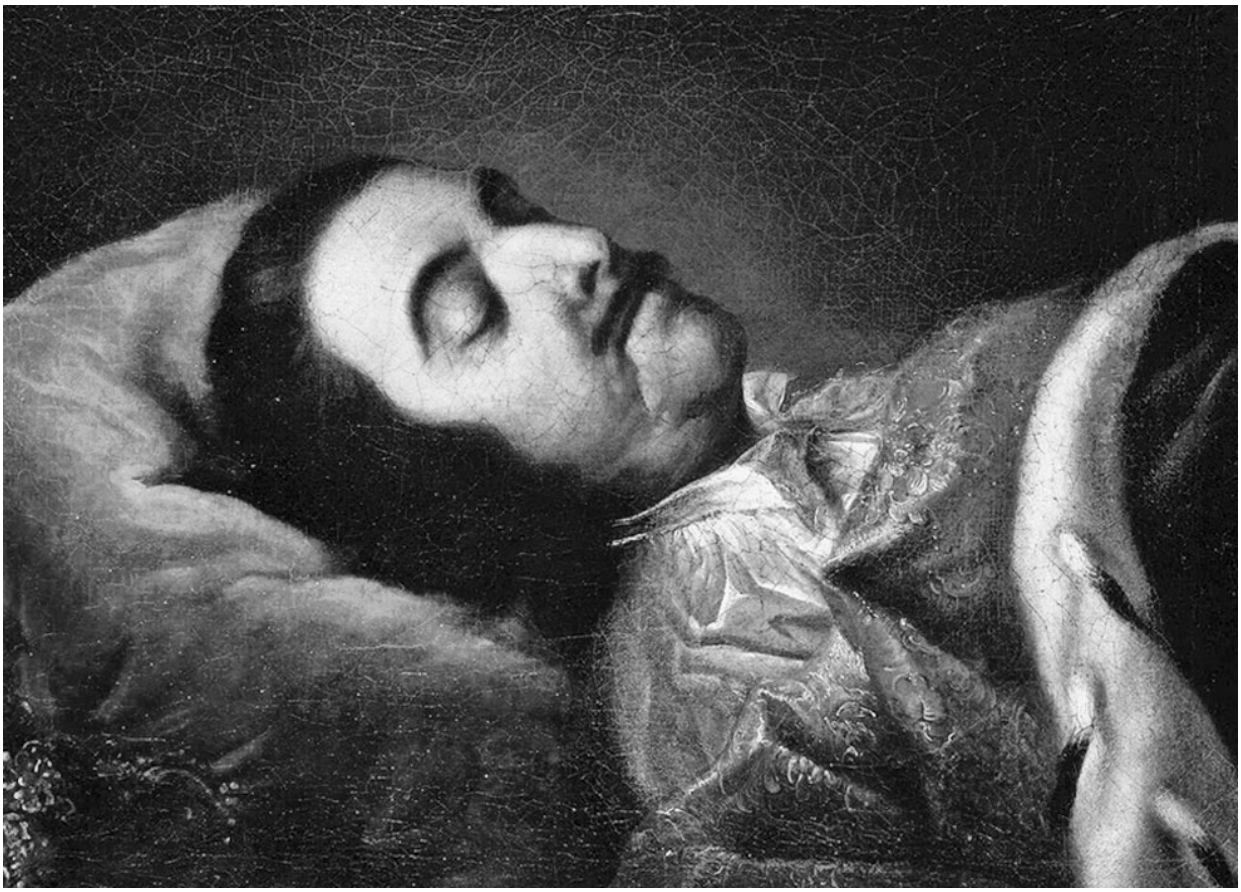
Новый император отвечал сенаторам, что «должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой; надлежит стараться о пользе общей, отчего народ получит облегчение».

21. Война персидская и кончина Петра Великого

Окончив европейскую войну, Петр стал думать об азиатской. Уже давно европейские торговые народы, домогаясь свободного пути по Волге в Каспийское море, к берегам Персии, указывали московскому правительству, что Россия по своему положению должна быть средоточием торговли между Европою и Азиею, и мы видели, что при царе Алексее Михайловиче в Москве была сделана попытка посредством армянской компании сосредоточить торговлю персидским шелком в России. Петр еще в 1716 году хлопотал об отыскании водного пути из Каспийского моря в Индию; соединивши искусственно Балтийское море с Каспийским и утвердившись по Ништадтскому миру на берегах первого, он хотел теперь утвердиться на берегах второго.

Весною 1722 года Петр отправился из Москвы вниз по рекам Москве, Оке и Волге в Астрахань и в июне издал манифест, что начинает войну с Персиею, не получив от бессильного шаха удовлетворения в обиде, нанесенной русским купцам в Шемахе. В июле император выступил из Астрахани с сухопутным войском и флотом; в августе были заняты Тарки; после поражения утемишского султана Махмуда занят Дербент. Но эти успешные действия были остановлены недостатком в съестных припасах, потому что суда, везшие хлеб, были задержаны бурею, и в военном совете решили окончить поход этого года и, оставя гарнизон в Дербенте, возвратиться в Астрахань. В ноябре, отправив полковника Шилова для занятия Гилянской области, Петр поехал обратно в Москву.

Война продолжалась успешно и в отсутствие императора: Шилов поразил персиян при Реште; летом 1722 года генерал Матюшкин взял Баку; осенью посол шаха Тохмаса заключил в Петербурге договор, по которому Петр обещал выслать шаху войско против всех мятежников и утвердить его на персидском престоле, за что шах уступил России города Дербент и Баку с областями Гилянью, Мазандераном и Астрабатом.



И. Н. Никитин. Петр на смертном одре

Между тем жизненные силы оставляли великого императора. Уже давно страдал он тяжкою болезнью, от которой минеральные воды разных стран доставляли только временное облегчение, ибо Петр не щадил себя и плохо исполнял советы медиков. 6 января 1725 года при обряде водоосвящения он простудился, слег в постель и не вставал более: 28-го числа Петра не стало.

Глава XL. Внутренняя деятельность Петра Великого

1. В отношении к Церкви

В 1700 году умер патриарх Адриан; царь отложил избрание нового патриарха и поручил дела по патриаршему управлению рязанскому митрополиту Стефану Яворскому с званием блюстителя патриаршего престола. Этою мерою приготовлялось уничтожение патриаршества и заменение его коллегиальным управлением, которое под именем Святейшего Синода учреждено в 1721 году. В регламенте для этой духовной коллегии, написанном псковским архиепископом Феофаном Прокоповичем, излагалось превосходство нового учреждения и вообще превосходство коллегиального управления; между прочим говорилось, что «от соборного управления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие могут произойти, когда в челе церковного управления находится один человек: простой народ не знает, как различается власть духовная от самодержавной, и, удивленный славою и честию верховного пастыря Церкви, помышляет, что этот правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или еще и больше его, и что духовный чин есть другое, лучшее государство, и если случится между патриархом и царем какое-нибудь разногласие, то скорее пристанут к стороне первого, мечтая, что поборают по самом Боге».

Потом в регламенте излагались дела, подлежащие управлению духовной коллегии: ей вменено в обязанность истреблять все существующие суеверия, для распространения сведений о законе Божием сочинить три книги: 1) о догматах веры, 2) о должностях всякого человека, 3) собрание проповедей св. отцов о догматах и должностях. Каждый епископ по регламенту обязан был иметь в своем доме школу для приготовления священников; обязан был невысоко мыслить о своей чести; чтоб под руки его, пока здоров, не водили и в землю ему не кланялись.

В главе о духовных школах говорится: «Дурно многие говорят, что наука порождает ереси; наши русские раскольники не от грубости ли и невежества так жестоко беснуются? И если посмотреть на мимошедшие века чрез историю, как чрез зрительную трубу, то увидим все худшее в темных, а не в светлых учением временах».

В 1724 году был дан указ Синоду о монахах; здесь определены две цели для монашества: 1) служение страждущему человечеству,

вследствие чего в одних монастырях велено содержать больных, старых и увечных, в других – детей-сирот; 2) образование из себя властей церковных. Еще прежде велено было отсылать бедных отставных военных в монастыри и давать им там жалованье из монастырских доходов. Так как из монастырей появлялись сочинения, направленные против преобразований и преобразователя, то запрещено было монахам писать в кельях, держать чернила и бумагу; если же хотели писать, то должны были это делать в трапезе. Что касается белого духовенства, то священническим и дьяконовским детям велено было учиться в школах, неученых запрещено было посвящать, а велено брать в солдаты.

«Господь дал царям власть над народами, но над совестию людей властен один Христос», – говорил Петр. Вследствие этого взгляда при нем раскольники, если хорошо исполняли свои обязанности в отношении к государству и не распространяли своего учения, могли свободно отправлять свое богослужение, платили только двойной оклад. Наплыв иностранцев и тесное сближение с ними заразили некоторых русских иноверными взглядами: в 1713 году открыто было в Москве общество людей, распространявших крайние протестантские мнения; главным из них был лекарь Дмитрий Тверитинов; цирюльник Форма Иванов дошел до такой степени фанатизма, что в Чудове монастыре рассек образ св. Алексея митрополита.

Митрополит Стефан Яворский. Гравюра нач. XVIII в.

Ревностною распространительницею крайних протестантских мнений явилась одно время женщина Настасья Зима. Эти протестантские движения были остановлены строгими мерами правительства. Иезуиты, за то что пытались распространять католицизм, были изгнаны из России. Раскольничество своею проповедию о недостоинстве Церкви со времен никоновских новшеств производило в толпе колебание, сомнение и холодность к Церкви, к таинствам и общественному богослужению, так что царь почел за нужное повторить указ отца своего, чтоб все посещали церкви по воскресным и праздничным дням и ежегодно были у исповеди, в противном случае подвергались штрафу; также в разные должности могли избираться только те, которые ежегодно исповедовались.

Из церковных писателей времени Петрова особенно замечательны: 1) св. Димитрий, митрополит ростовский, знаменитый сочинением житий святых, или так называемых Четьих-Миней, и потом борьбой с расколом, против которого написал книгу под заглавием *«Розыск о раскольничьей Брынской вере»,* где в первый раз различены и описаны раскольнические секты; 2) Стефан Яворский, митрополит рязанский, блюститель патриаршего престола и первый президент Св. Синода; подобно св. Димитрию, Яворский боролся с расколом, против которого написал книгу под заглавием «Знамения пришествия Антихристова», потому что раскольники указывали на преобразования Петровы как на признаки явления Антихристова; но распространение протестантских мнений Тверитиновым и товарищами его заставило Стефана вступить в борьбу и с протестантизмом, против которого он написал знаменитое свое сочинение «*Камень Веры»;* кроме того, Стефан был известен как проповедник; 3) недруг Яворского Феофан Прокопович, славный проповедник, прославитель дел Петровых и защитник преобразования. Все трое были малороссияне, как почти все церковные писатели этого времени, ибо Малороссия в своих школах имела средства к образованию подобных писателей, а в Великой России этих средств еще не было, школы только основывались.

2. Чины

Петр наследовал от древней России несколько разрядов должностных лиц, не связанных друг с другом общим названием, общими правами, общими сословными интересами.

Издав знаменитую Табель о рангах (1722 года), Петр разделил эти должностные лица на классы; здесь кроме новых названий новость состояла в том, что в каждом классе каждому военному и придворному чину соответствовал чин гражданский, чего, как мы видели, дружинные понятия, господствовавшие в древней России, не допускали. По-прежнему доступ в служащие люди, в чиновничество был открыт каждому. Поместья были смешаны с вотчинами. Так как было признано, что для пользы службы необходимо для служащего известное образование, то дети землевладельцев пред поступлением на службу обязаны были приобрести это образование, обязаны были выучиться грамоте, цифири и геометрии; кто же не выучивался, тому нельзя было жениться.

Чтобы дать средства служилым людям поддержать себя в хозяйственном отношении, Петр в 1714 году учредил майорат, по которому все недвижимое имущество должно было переходить к одному старшему сыну или которого отец изберет; побуждения для учреждения майората были выставлены следующие: 1) один не будет иметь такой нужды притеснять крестьян, как многие, которые, получив малые доли из отцовского наследства, домогаются получить с них как можно больше дохода и разоряют крестьян поборами; 2) при майорате фамилии не будут упадать; 3) младшие дети, не получившие недвижимой собственности, не будут праздны, но трудами своими будут приносить пользу государству. Петр установил орден Св. Андрея Первозванного и женский орден Св. Екатерины.

3. Городские жители

Городские жители разделены были на три разряда: к первым принадлежали банкиры, гости, или крупные торговцы, лекари, аптекари, шкипера, золотых и серебряных дел мастера и живописцы; ко второму – различные торговцы и мастера; оба этих первых разряда носили название гильдий; к третьему разряду принадлежали чернорабочие и наемники. Два первых разряда выбирали себе свое начальство, старосту и помощника его, третий разряд выбирал себе десятских и старшин.

4. Сельское народонаселение

Сельское народонаселение разделялось: 1) на *однодворцев,* образовавшихся из обедневших служилых людей; они, подобно другим крестьянам, обязаны были платить поголовную подать, но сохраняли право владеть крепостными людьми; 2) *половников,* малочисленный класс крестьян, удержавших право перехода от одного землевладельца к другому; 3) *дворцовых,* 4) *монастырских,* 5) *государственных,* 6) *помещичьих* крестьян. Запрещение перехода крестьян строго поддерживалось, потому что причины, произведшие это запрещение, существовали во всей силе. Для поимки беглых было выставлено войско на границе.

5. Иностранцы

Иностранцам обеспечен был свободный приезд в Россию, беспрепятственное занятие торговлею, промыслами, вступление в службу, свободное отправление богослужения; отдавши десятую часть своего имения, иностранец свободно мог выехать из России, кроме принявших православие. Иностранцы, вступившие в службу, получали высшие оклады против русских. В 1721 году издано послание Синода к православным о беспрепятственном вступлении в брак с иноверцами.

6. Законодательство

Недовольный уложением царя Алексея Михайловича, Петр хотел составить новое уложение, основанием которому должно было служить шведское уложение; статьи шведского уложения, которые не шли к России, должно было заменить или взятыми из старого уложения царя Алексея или вновь сочиненными. Но это намерение Петра не было приведено в исполнение. Касательно пыток Петр установил, чтоб не употребляли их во зло, не употребляли в малых делах; правеж был заменен отсылкою на казенные работы.

Так как прежний обычай держать девушек взаперти и не показывать их женихам до самой свадьбы был причиною семейных несогласий, то Петр установил, чтоб за шесть недель до свадьбы было обручение, после которого если жених и невеста не понравятся друг другу, то могут разорвать дело перед свадьбою; велено брать присягу с родителей и опекунов, что они не принуждают неволею детей своих в брак; такую же присягу велено брать и с господ относительно крепостных их людей. Запрещен был страшный обычай, по которому повивальные бабки умерщвляли новорожденных младенцев-уродов.

В 1721 году Петр издал указ: «Продажу людей пресечь, а если нельзя уж совсем, то продавать целыми семьями, а не порознь, как скот, чего во всем свете не водится».

7. Управление

Высшим правительственным местом при Петре был Сенат, учрежденный 22 февраля 1711 года из осьми членов; всем велено было оказывать послушание Сенату, как самому царю; обязанности Сената, по мысли Петра, состояли в следующем: суд иметь нелицеприятный; смотреть за расходами, стараться об увеличении доходов; смотреть, чтоб служилые люди не избегали службы.

При Сенате находился генерал-прокурор, без согласия которого никакое решение Сената не имело силы; во всех важных и затруднительных случаях ему назначался осьмидневный срок, в который он мог совещаться с знающими людьми; если он и тогда не соглашался с мнением Сената, то дело представлялось высочайшему решению. Сенат обязан был выбирать обер-фискала, человека умного и доброго, из какого бы то ни было чина; обер-фискал обязан был тайно надсматривать над всеми делами и, заметив злоупотребление, звал виновного пред Сенат; каждая провинция и каждый город имели своих фискалов, которые избирались и из купечества. Сенат определял в гражданские должности.

Д. Н. Кардовский. Сенат петровского времени

Для розыска политических преступлений учреждена была Тайная канцелярия. Важнейшие дела передаваемы были в *Высший суд.* Вместо прежних приказов по совету знаменитого философа Лейбница учреждены *коллегии,* состоявшие из президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех асессоров. Коллегии были: Иностранных дел, Военная, Адмиралтейская (заведовавшая флотом), Камер-коллегия и Штатс-коллегия (заведовавшая финансами), Юстиц-коллегия, Вотчинная коллегия, Мануфактур-коллегия, Берг-коллегия, Коммерц-коллегия. В 1715 году царь приказал достать все права и положения датских коллегий и их экономические учреждения; получив эти уставы, он усмотрел, что «по одним книгам нельзя будет делать, потому что всех обстоятельств в книгах никогда не пишут».

Поэтому при уставах нужны были опытные люди, которым отправление дел в коллегии было бы за обычай, и вот он велел пригласить из иностранных ученых юристов во всякую коллегию по одному члену. Эти иностранцы должны были отправлять дела

посредством толмачей – неудобство страшное! Чтоб помочь делу, Петр велел русскому резиденту при австрийском дворе пригласить *шрейберов* из чехов и моравов, которые как славяне могли скорее выучиться по-русски; предложено было также шведским пленным, узнавшим уже русский язык, вступить в гражданскую службу при коллегиях. Чтоб приготовить искусных производителей дел в коллегиях на будущее время, в 1716 году отправлено было в Кенигсберг человек сорок молодых подьячих учиться.

Воеводы и приказные люди в городах, особенно в местах отдаленных, по-прежнему продолжали «чинить великие обиды, налоги и грабежи». Петр стремился к тому, чтоб областной правитель не заведовал вместе и судом, как было прежде, и потому в важнейших городах учреждены были надворные суды. Чтоб поднять промышленность, торговлю, увеличить благосостояние городских жителей, Петр счел необходимым освободить их из-под ведомства воевод. Для этого еще в 1699 году в Москве велено было купцов и промышленных людей ведать бурмистрам, бурмистров выбирать им же из среды себя погодно, из этих бурмистров одному помесячно быть президентом, место их заседания названо ратушею; жители же провинциальных городов, если захотят отойти от воевод и приказных людей, могут ведаться по мирским выборам выборными людьми в земских избах.

В 1720 году учреждены были в важнейших городах магистраты, состоявшие из президента и бургомистров, выбираемых горожанами из среды себя; в важных делах магистраты совещались с гражданами первой и второй гильдий. Все городовые магистраты были подчинены Главному магистрату, который подчинен был Сенату и состоял из членов петербургского городового магистрата, которые наполовину были иностранцы; президента назначал сам государь. Данный магистрат обязан был покровительствовать промышленности и торговле; смертные приговоры, произнесенные городовыми магистратами, не могли быть исполнены без утверждения Главного магистрата, который решал также все другие дела, перенесенные к нему недовольными решением городовых магистратов, решал споры между магистратами и гражданами, утверждал членов, избранных в городовые магистраты, доносил Сенату о состоянии городов, сообщал коллегиям получаемые им сведения о промышленности и торговле.

Петр разделил все государство на 12 губерний, губернии были разделены на провинции, которых было 43. Губернии управлялись губернаторами и вице-губернаторами; провинции – воеводами. Губернатор не мог решить ни одного дела без согласия ландратов, выбиравшихся дворянством; губернатор, по мысли Петра, был не властитель губернии, но только президент в совете ландратов.

8. Войско

Все записанные в подушный оклад были обязаны военною службою; купцы могли откупаться от нее, заплативши 100 рублей. Лучшие люди отбирались в гвардию, которая служила школою для дворян: дворянин, не прослуживши рядовым в гвардии, не мог получить офицерского чина. Жалованье войско получало частью деньгами, частью провиантом. Для морской службы брали малолетних, преимущественно солдатских и матросских, детей, из рекрут же брали таких, которых родина была на морских берегах или на берегу больших рек и озер. Были учреждены морские школы, воспитанники которых отдавались потом на купеческие корабли для упражнения. Число сухопутного регулярного войска простиралось до 180 000; флот считал 48 линейных кораблей и 800 мелких судов. В обер-офицерские чины производились не иначе как по выбору и засвидетельствованию всех офицеров полка, и в штаб-офицеры – по выбору и засвидетельствованию генералов и офицеров всей дивизии.

9. Финансы

Преобразование войска, заведение флота, продолжительная и тяжелая война, множество новых учреждений и построек требовали больших издержек, новых источников доходов. Так как прежняя подать с дворов подавала повод к большим злоупотреблениям при переписке дворов, то введена была подушная подать, для чего произведена ревизия, или перечисление, всех подлежащих подушному окладу жителей государства. Из подушного оклада исключены были духовные с детьми, дворяне, отставные солдаты, иностранцы, жители остзейских провинций, башкиры и лапландцы. Для умножения доходов введена была гербовая бумага. В случае крайних нужд государственных у служащих удерживалась десятая часть их содержания. Две трети доходов шло на войско и флот.

Сверх жалованья сановникам велено было со всяких исков брать за труды на канцелярию с правого по 3, а с виноватого по 10 копеек с рубля. В 1710 году доходы простирались до 3 000 000 рублей с лишком, а в 1725 году – до 10 000 000 с лишком.

10. Полиция

Учрежденное Петром полицейское управление сосредоточивалось в Петербурге в руках генерал-полицеймейстера, в Москве – обер-полицеймейстера. В главных городах каждая улица и каждые 10 домов имели своего надсмотрщика, избираемого жителями; все городские жители, начиная с двадцатилетних, составляли стражу, обязанную охранять спокойствие и порядок в городе. В провинциальных городах и уездных полиция была в руках комендантов, магистратов и старост, в уездах – у губернаторов и воевод.

Понятно, что разбои не могли вдруг прекратиться и даже уменьшиться, ибо к старым причинам, оставшимся во всей силе, присоединялись еще новые, прежде всего многочисленные побеги из полков от тяжелой военной службы, к которой не привыкли; так, клинские, волоцкие и можайские помещики били челом, что приезжают вооруженные разбойники многолюдством в домы их, разбивают и жгут села, днем и ночью, бьют и грабят мужчин, уводят женщин, собираются на разбой из многих городов и уездов беглые солдаты и драгуны. В самой Москве ездили разбойники толпами по 30 и 40 человек. Разбои усиливались еще и потому, что правительство вооружилось против бродяг, мнимых калек и нищих: так, с 1712 года запрещено было под страхом жестокого наказания просить милостыню в Москве.

Для предупреждения пожаров домы в городах и селах должны были строиться по установленному чертежу в известном расстоянии друг от друга; в Московском Кремле и Китай-городе велено строить только каменные дома и располагать их по улицам, а не по дворам, как прежде; улицы здесь с 1705 года начали мостить камнем. В 1714 году приостановлено было каменное строение во всем государстве, чтоб тем скорее производилось оно в Петербурге: богатые люди обязаны были строить здесь дома. Для охранения народного здоровья учреждено было в Москве 8 аптек, причем велено было истребить лавки, в которых продавались всякие непотребные травы.

Запрещено хоронить ранее трех дней, кроме знатных особ запрещено хоронить внутри города подле церквей. Велено было устраивать при церквах госпитали для подкидышей.

11. Промышленность и торговля

«Наше российское государство, – говорил Петр, – пред многими иными землями преизобилует, потребными металлами и минералами благословенно, которые до нынешнего времени безо всякого прилежания исканы; причина этому была, что наши подданные не разумели рудокопного дела, частию же иждивения и трудов не хотели к оному приложить». Чтоб заставить неповоротливых землевладельцев прилагать иждивение и труд, Петр обнародовал, что все в собственных и чужих землях имеют право искать и обрабатывать всякие металлы и минералы; если помещики, в чьих землях откроется руда, не могут или не хотят ее разрабатывать, то право их передается другому с уплатою землевладельцу 32 долей прибыли, «дабы Божие благословение под землею втуне не оставалось».

Кто утаит руду или будет препятствовать другим в устроении заводов, тот подвергается телесному наказанию и даже смертной казни. Берг-коллегии вольно было призывать иностранных охотников до рудокопных дел.

Чтоб улучшить хлебопашество, Петр хотел переселить в Россию иностранных поселян для примера своим подданным. Камер-коллегия обязана была собирать сведения о состоянии, натуре и плодородии каждой провинции, заселять пустые земли и всякую пустоту предупреждать осторожным домодержавством. В 1721 году Петр издал указ о снимке хлеба косами вместо серпов.

Убедившись за границею в важности ископаемого топлива, Петр старался разузнать, нет ли где каменного угля в России. Предприняты были меры не только для сбережения лесов, но и для разведения новых.

Начатки виноделия и шелководства в странах прикавказских мы видим еще прежде Петра, но это были начатки слабые, при Петре же эти отрасли сельского хозяйства были усилены; при нем же началось разведение табаку. При Петре заведен лучший в России холмогорский скот, но еще деятельнее заботился Петр об овцеводстве, ибо ему нужно было усилить в России суконные фабрики для снабжения войска: для этого он выписывал овчаров из Силезии и посылал своих учиться туда. Конские заводы начались также при Петре.

А. Ф. Зубов. Санкт-Петербург, вид на крепость

Относительно ремесел Петр следовал своему обычному правилу: выписывал искусных ремесленников из-за границы и посылал русских учиться за границу. В Москве велено было построить рабочий дом для праздношатающихся и при нем завести разные ремесла; велено ввести занятие ремеслами в девичьи монастыри. Что касается до мануфактурной промышленности, то до Петра мы встречаем ничтожное число заводов, тогда как после его смерти находим 233 фабрики и завода, казенных и частных.

Легко понять, как приобретение прибалтийских берегов усилило внешнюю торговлю, но для процветания торговли недостаточно было одних морских берегов, нужны были удобные внутренние пути; для этого Петр соединил водным путем Европу с Азиею, устроил Вышневолоцкий и обводный Ладожский каналы; предположено было соединение Каспийского моря с Черным и Белого с Балтийским, но не было проведено в исполнение при жизни Петра. Проведено было

множество сухопутных дорог, сильно заботился царь об их исправном содержании, но другие мало об этом заботились.

В Камер-коллегию должны были доставляться ведомости об урожае хлеба и о ценах на него, из ближних губерний и провинций – каждую неделю, из дальних – ежемесячно. Также велено было печатать прейскуранты иностранным товарам в знатнейших торговых городах Европы, «дабы знали, где что дешево или дорого». Но всеми этими учреждениями и распоряжениями нельзя было вдруг создать сильную торговлю и промышленность, какой бы хотелось Петру; тому препятствовали неразвитость общества, отсутствие просвещения, отсутствие обеспечении для труда, отсутствие привычек к совокупной деятельности, стремление идти вразброд, отсутствие участия к общественным интересам, что давало людям злонамеренным полную свободу действовать.

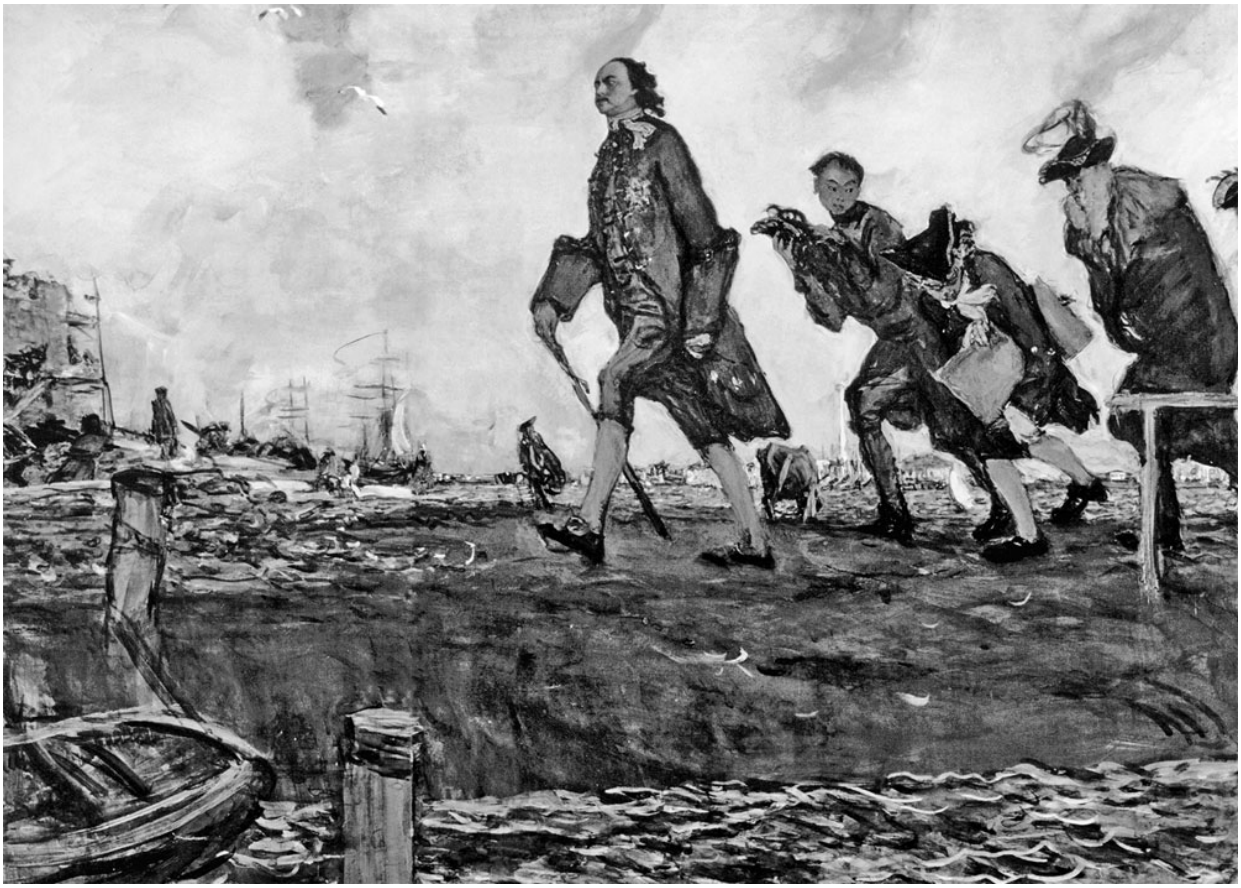
Сильные вельможи захватывали всю торговлю в свои руки; но кроме этого купечество вредило самому себе: среди него самого сильные налагали несносные поборы на слабых, отчего последние приходили в пущую скудость и бесторжицу и по-прежнему «брели розно». И выборные бурмистры позволяли себе казнокрадство и взяточничество не меньше прежних приказных людей.

12. Просвещение

Мы видели, что Петр не только от духовенства, но и от дворянства требовал необходимого общего образования. Чтоб дать средства к его приобретению, во всех провинциях учреждены были элементарные школы, куда учителями посылались воспитанники математических школ московских; по главным предметам преподавания московские школы разделялись на латинские, немецкие, французские и математические. Кроме того, были учреждены Морская академия, инженерная школа, школа для подьячих, где учили цифири, как держать книги, стилю письма, а кто тому не выучится, того к делам не употребляли.

В 1719 году 30 учеников было отослано к доктору Блументросту для изучения медицины, и еще прежде, в 1716 году, отослано было несколько учеников латинских школ в Персию для изучения восточных языков.

По совету Лейбница за год до смерти своей Петр издал указ об учреждении академии: «Учинить академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводились бы книги. Для художеств и наук обыкновенно употребляются двоякого рода учреждения: университет и академия, но в России нельзя следовать тому, что принято в других государствах; надобно смотреть на состояние здешнего государства: одну академию нельзя учредить, потому что она не в состоянии скоро распространять знания в народе; университеты также не для чего заводить, когда нет еще гимназий и семинарий; надобно, следовательно, основать такое учреждение, которое бы из лучших ученых людей состояло; но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать их вперед, но должны также обучать молодых людей наукам публично и потом некоторых людей должны при себе обучать, чтоб они потом могли в свою очередь обучать первым основаниям всех наук».



В. А. Серов. Петр I

По мысли того же Лейбница, назначена была экспедиция для решения вопроса: соединяется ли Азия с Америкою?

В 1722 году велено было изо всех епархий и монастырей собрать древние летописи и грамоты и переписать их. Для распространения образования, налагавшегося как обязанность, требовались учебные книги; на русском языке их не было, надобно было переводить, и потому начались переводы книг инженерных, артиллерийских, механических, исторических; вместо прежних курантов, назначаемых только для правительства, начали для всего народа издаваться ведомости с изложением современных событий. Для печатания светских книг изобретена была особая, так называемая гражданская азбука.

Из литературных памятников Петровского времени больше всего обращают на себя внимание сочинения торгового человека Посошкова «*О скудости и богатстве»,* также доношения его боярину Головину о состоянии войска и митрополиту Стефану Яворскому о состоянии

духовенства. Посошков указывает на вопиющие недостатки общества, требует коренных преобразований и, по понятиям времени, советует употреблять крутые меры: он сочувствует государю-преобразователю и жалуется, что Петр находит мало сочувствия и помощи: «Великий наш монарх на гору сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут: как же его дело споро будет?» Посошков сильно жалуется на невежество русских людей в законе Божием: «В Москве едва сотый человек знает, что такое православная христианская вера, что Бог и в чем состоит Его воля. А между поселянами не думаю найти и одного из десяти тысяч человек». Указывает на дурные привычки, вкореняющиеся с младенчества. «Это проистекает, – говорит он, – от ненаучения младенческого, а всему корень то, что священники у нас неученые». Этим Посошков объясняет распространение раскола и вообще холодность к вере. Потом сильно жалуется на отсутствие правды в судах, на произвол и презрение знатных и сильных людей к низшим: «У нас вера святая, благочестивая, а судная расправа никуда не годится, и указы императорские ни во что обращаются, всяк по своему обычаю делает, и пока прямое правосудие у нас в России не устроится, то никогда мы не будем богаты и доброй славы себе не наживем. Крестьяне, оставя свои домы, бегут от неправды». Жалуется на бедственное положение солдат, получающих чрезвычайно скудное содержание, и на бедственное положение обывателей, разоряемых солдатами. Жалуется на сильные разбои. «В иной деревне, – говорит Посошков, – и много жителей, а разбойников немного придет крестьянину на двор, станут его мучить и огнем жечь и пожитки его явно на возы класть; но соседи, все слыша и видя, из дворов своих не выходят и соседа от разбойников не выручают».

13. Нравы и обычаи

Обычаи времен Петровых в высших слоях общества, преимущественно тронутых преобразованием, разумеется, представляли странную смесь старого с новым: обычаи были так же пестры, как пестр был язык, вобравший в себя множество иностранных слов вследствие приплыва множества новых понятий. Затворничество женщин рушилось при Петре, который обязал вельмож своих давать балы, или так называемые тогда ассамблеи, но жесткость нравов не могла вдруг исчезнуть, и потому женщина, введенная в общество мужчин, иногда сильно страдала от этой жесткости.

Просвещение, которое должно внушить человеку понятие о достоинстве человека и гражданина и заставить его поступать сообразно с этим достоинством, – просвещение только что начиналось и потому не могло еще оказать сильного влияния на смягчение нравов; науку призывали как мастерство, выгодное, необходимое для силы государства и удобств частной жизни; происходила первоначальная черная работа для удовлетворения первым материальным потребностям государства, а такая работа не могла быть благоприятна для духовного совершенствования.

Вот почему иногда самые деятельные работники, самые деятельные сотрудники Петра пятнали себя безнравственными поступками, вот почему и люди самые благонамеренные, видя зло, полагали спасение в одних крутых, жестоких, кровавых мерах, не понимая, что зло искореняется преимущественно духовными, нравственными средствами.

14. Важнейшие деятели Петровского времени

Князь Александр Данилович Меншиков, человек низкого происхождения, сделался самым близким человеком к Петру, который имел в нем даровитого исполнителя своих планов; как человек новый и всем обязанный новому, Меншиков не имел никакого сочувствия к старине и тем более нравился преобразователю.

Но, будучи усердным исполнителем приказаний Петровых там, где эти приказания не сталкивались с его личными интересами, Меншиков приносил в жертву последним интересы государственные и не раз был уличен в лихоимстве; кроме того, он не имел величия духа выдержать искушений необыкновенного счастья, зазнался и думал высокомерным обращением заставить забыть о низости происхождения своего. Искушения были действительно велики, потому что Петр дал своему любимцу положение, которое превышало положение подданного; но в конце жизни своей государь охладел к Меншикову.

Граф Борис Петрович Шереметев, фельдмаршал, один из тех русских вельмож второй половины XVII века, которые прежде Петра влеклись к Западу и его образованию; уже будучи боярином и 45 лет от роду, Шереметев отправился в чужие края для изучения военного искусства и возвратился оттуда в немецком платье, к величайшему удовольствию Петра; военные подвиги его мы уже видели при описании Северной войны; предание сохранило память о его нравственных достоинствах, благотворительности и общительности.

Представителем другого знаменитого старого рода, рода Голицыных, был сенатор князь Димитрий Михайлович, человек большого ума, с твердым и жестким характером; аристократическая гордость его была оскорблена тем, что Петр выдвигал наверх людей низкого происхождения, что эти люди были гораздо ближе к царю и имели больше силы и влияния, чем он, Голицын; князю Димитрию не нравилось также значение, приобретаемое иностранцами в России, и он враждебно столкнулся с Паткулем; наконец, Голицын не мог помириться со вторым браком Петра на ливонской пленнице Скавронской.

Брат князя Димитрия Михайла Михайлович Голицын отличался самым привлекательным характером среди вельмож Петровых;

подобно брату, он не жаловал иностранцев; несмотря на то, даже иностранцы не могли говорить без восторга о его уме, любезности, храбрости и великодушии. Об нем-то рассказывают, что после сражения под Лесным Петр, богато наградивши Голицына, спросил, какой милости еще он желает. «Государь, – отвечал Голицын, – прости князя Репнина!», хотя Репнин и был ему враг. О нем рассказывают также, что, будучи уже фельдмаршалом и отцом многочисленного семейства, он не смел садиться при старшем брате своем, князе Димитрии Михайловиче.

В лучших преданиях нашего прошедшего с именем Петра неразлучно имя сенатора князя Якова Федоровича Долгорукого, знаменитого мужеством гражданским; Долгорукий во имя блага народного решался останавливать великого царя, умевшего сносить величие подданного.

Звание генерал-адмирала носили при Петре граф Федор Алексеевич Головин и после него граф Федор Матвеевич Апраксин. Головин, впрочем, больше занимался иностранными сношениями. После Головина иностранными сношениями заведовал граф Гаврила Иванович Головкин в звании великого канцлера; вице-канцлером был барон Шафиров, оказавший большие услуги, особенно в затруднительных сношениях с Турциею после Прутского мира, но в последнее время царствования Петра вражда Меншикова и Головкина погубили его: лишенный всех должностей, он был сослан.

На дипломатическом поприще особенно были известны: князья Долгорукие, Григорий Федорович и Василий Лукич, граф Андрей Артамонович Матвеев, князь Куракин; на том же поприще начали действовать Артемий Волынский и знаменитый впоследствии Алексей Петрович Бестужев. Подобно Шафирову, из низших слоев общества был выдвинут Петром к важной деятельности даровитый *Ягужинский,* первый генерал-прокурор в Сенате.

Одним из приближенных людей к Петру был граф Петр Андреевич Толстой, действовавший на дипломатическом поприще и по особым поручениям государя; Толстой участвовал в замыслах Софьи, но Петр простил его и приблизил к себе за обширный ум. В финансовом управлении особенно замечателен был Алекс [ей] Александр [ович] Курбатов, человек низкого происхождения, сделавшийся известен Петру проектом о гербовой бумаге.

Охотно принимая на свою службу искусных и даровитых иностранцев, Петр, однако, первые места по управлению поручал русским, и только второстепенные места предоставлял иностранцам. Из последних Петр особенно отличал и возвышал троих: Остермана, Брюса и Миниха.

Барон Остерман был первоклассный дипломат своего времени и оказал много добра своему новому отечеству; ему обязан был Петр выгодными условиями Ништадтского мира; по мнению Петра, Остерман никогда не ошибался в дипломатических делах, но с блестящими умственными способностями Остерман соединял двоедушие, притворство, неразборчивость средств при достижении целей.

Менее Остермана даровитый, граф Брюс в противоположность ему отличался нравственными достоинствами, которыми не могли нахвалиться современники: он был начальником артиллерии, участвовал во всех важнейших сражениях и считался ученейшим человеком в России. Миних вступил в русскую службу только в 1721 году. Петр поручил ему работы по Ладожскому каналу и в 1724 году мог сказать: «Труды моего Миниха сделали меня здоровым».

В числе первых вельмож Петра, в числе первых андреевских кавалеров был гетман малороссийский Мазепа, но мы видели, как окончил он свое поприще. Изменою Мазепы участь гетманства малороссийского была решена в уме Петра, который начал постепенно подготовлять его уничтожение. Скоропадский, человек недалекий, был именно такой гетман, какой был нужен Петру для этого приготовления, т. е. был тенью гетмана. Для предупреждения измены со стороны гетмана и для предупреждения крамолы против гетмана подле него явился великороссийский чиновник «для управления по общему с гетманом совету».

Другим важным шагом к приравнению Малороссии было то, что великороссияне стали делаться землевладельцами в Малороссии; Скоропадский подарил несколько волостей Меншикову и Шафирову. Тот же Скоропадский по желанию государя выдал дочь за великороссиянина Толстого, и зять гетмана получил Нежинский полк; третий шаг: великороссиянин делается полковником малороссийским. В 1722 году учреждена Малороссийская коллегия: велено быть при гетмане бригадиру Вельяминову и шести штаб-офицерам. В этом же

году умер Скоропадский, и преемник ему не был избран, «потому что измены предшествовавших гетманов, как объявил император, не позволяют торопиться важным делом избрания, надобно приискать весьма верного и известного человека».

15. Престолонаследие

Петр оставил после себя много знаменитых людей, с которыми долго и часто будем встречаться в последующей истории; но кого он оставил вместо себя своей новой империи? Мы видели, что воспитание, полученное Петром, не делало его способным к семейной жизни, а жена его Евдокия Федоровна не была способна противодействовать его привычкам и привязать к семейной жизни, следствием чего был развод и насильственное пострижение Евдокии.

Но у Петра от Евдокии был сын Алексей, родившийся в 1690 году. До 9 лет ребенок оставался при матери, недовольной мужем, который был дома редким и не очень веселым гостем; понятно, что это обстоятельство не могло развить в Алексее чувство любви к отцу. Потом мать была удалена в монастырь; Петр по-прежнему был в постоянных отлучках, гостем дома; он заботился о воспитании, т. е. об учении, своего сына, который был способен к учению, был охотник читать, но любимым чтением ею были книги духовные, любимым разговором его был разговор с духовными лицами о делах церковных, об истории и литературе церковной. Как часто бывает, сын вышел не в отца, а в деда и прадеда, был вовсе не способен к этой неутомимой и быстрой деятельности физической, которою отличался Петр. Но Петр именно такую деятельность считал необходимою для довершения начатого им дела, именно такой деятельности хотел от своего наследника.

Это требование, противное природе Алексея, раздражало, ожесточало его все более и более, все более и более возбуждало в нем отвращение от деятельности отцовской, от всех тех нововведений, во имя которых Петр требовал от сына, чтоб он переменил свой характер. Таким разладом между природою сына и требованиями отца спешили воспользоваться люди, которым по разным причинам также не нравилась деятельность Петра и его требования. Алексея окружили приверженцы старины, в беседе с которыми сын находил такое же удовольствие, какое некогда отец находил в беседе Лефорта и подобных ему.

При таких наклонностях к старине Алексей в 1711 году по приказанию отца должен был вступить в брак с принцессою Софьею

Брауншвейг-Вольфенбиттельскою, или, точнее, Бланкенбургскою, которая осталась при прежнем своем лютеранском исповедании. Согласия между мужем и женою не было; Петр сердился за это на одного сына. Софья умерла в октябре 1715 года, оставив по себе двух младенцев – сына Петра и дочь Наталью. Петр, увидавши, что последнее средство привязать сына к новому не удалось, написал Алексею: «Скорбь о будущем заглушает радость мою о настоящих наших успехах, ибо вижу, что ты пренебрегаешь всеми теми средствами, которые могут сделать тебя способным царствовать после меня. Неспособность твою называю я своеволием, потому что ты не можешь извиниться *недостатком разума* и телесной крепости. Мы единственно военными упражнениями выступали из прежней тьмы, дали знать о себе другим народам и заставили их уважать себя, а ты о военных упражнениях и слышать не хочешь. Желаю от тебя не трудов, а охоты. Я человек, подлежу смерти: кому насажденное и отчасти возращенное мною оставлю? Если не переменишься, то знай, что лишу тебя наследства, ибо я за отечество и за подданных моих жизни не жалел и не жалею, то неужели пожалею тебя? Лучше будь чужой добрый, чем свой негодный».

Царевич отвечал на это, что он не способен к управлению государством, почему клянется не иметь видов на престол. Петр отвечал, что не полагается на его клятву, но пусть или переменит свой нрав, или пострижется в монахи. Царевич отписал, что желает пострижения. Но Петр медлил тяжелым делом. Отправляясь за границу в начале 1716 года, Петр дал сыну шестимесячный срок для размышления. Не получая никакого ответа по прошествии этого срока, царь написал сыну, требуя окончательного решения, а если решится переменить поведение, то чтоб ехал к нему за границу. Царевич отвечал, что приедет, и действительно выехал из Петербурга, но вместо того, чтоб ехал к отцу, отправился в Вену к немецкому императору Карлу VI и отдался в его покровительство, говоря, что спасается от жестокого гонения и смерти.

Н. Н. Ге. Петр I допрашивает царевича Алексея

Для избежания поисков отцовских Алексей оставил Вену и укрывался сначала в Тироле, в замке Эренберг, а потом переехал в Неаполь, в замок Сант-Эльмо. Но предосторожности были тщетны: отправленные Петром Толстой и Румянцев отыскали убежище Алексея и потребовали от Карла VI выдачи его, грозя в противном случае войною. Тогда император позволил Толстому ехать в Неаполь и лично уговаривать Алексея возвратиться к отцу. Сначала Алексей никак не хотел возвратиться, но потом согласился ехать с Толстым в Россию, напуганный, с одной стороны, тем, что сам Петр явится в Италию, с другой – полагаясь на отцовское обещание простить его, – обещание, которое отнимало и у Карла VI предлог противиться его возвращению.

В начале 1718 года Алексей приехал в Москву, откуда потом перевезен в Петербург. Петр, вытребовавши у него отречение от престола, простил его, но с условием, чтоб он открыл все

обстоятельства побега и указал людей, советовавших и помогавших ему в этом деле. Начался розыск, вскрылась вражда Алексея к делам отцовским, к людям, окружавшим Петра, к нему самому; наконец, уличены были люди, которые поддерживали царевича в этой вражде, в намерении постричься, с тем чтоб после свергнуть монашество, – Кикин и другие. Открылось, что мать Алексея, невольная монахиня Евдокия, или Елена, только и думала о том, как бы снова вступить в мир с прежним значением, что ростовский архиерей Досифей утверждал ее в этих надеждах своими ложными пророчествами и видениями; открылось, что Евдокия имела сношения с сестрою Петра царевною Марьею Алексеевной и с генералом Глебовым.

Досифей, Глебов, Кикин и несколько других соучастников были казнены; Евдокия заперта в Новой Ладоге, царевна Марья – в Шлиссельбурге. Суд, составленный из высших сановников в числе 124 человек, приговорил Алексея к смертной казни, но приговор не был приведен в исполнение, потому что несчастный царевич умер в своей темнице 26 июня.

Еще в начале 1712 года Петр торжественно вступил в брак с ливонскою пленницею Екатериною Алексеевною, которая в противоположность Лопухиной совершенно была по нем, сопровождала его в походах, умела приноровиться к его образу жизни, взглядам, привычкам; впоследствии Екатерина была и коронована супругом своим. От нее Петр имел двух дочерей: Анну и Елисавету, двое же сыновей, Петр и Павел, умерли в младенчестве. В феврале 1721 года Петр издал указ, в котором говорилось, что государь российский имеет право назначать своим наследником кого ему угодно и в случае, если назначенный окажется неспособным, отрешить его от престола. Феофан Прокопович написал сочинение под названием «*Правда воли монаршей»,* в котором старался доказать разумность этого установления. Но Петр умер, не воспользовавшись своим правом, не назначив себе преемника.

Глава XLI. Царствование императрицы Екатерины I

Вопрос о том, кто должен царствовать после Петра, разделил вельмож на две партии: вельможи старинные хотели, чтоб царствовал малолетний Петр, внук покойного императора, сын несчастного Алексея; в челе этой партии стояли Голицыны. Но вельможи новые, возвышенные Петром Великим, не хотели видеть на престоле сына Алексеева; особенно не хотели воцарения Петра Алексеевича те люди, которые враждебно действовали против отца его. Во главе их были Меншиков и Толстой. В ту самую ночь, как Петр Великий мучился в предсмертных страданиях, вельможи вели сильные споры о том, кому быть его преемником. Князь Димитрий Михайлович Голицын с товарищами предлагал возвести на престол малолетнего Петра, а правление вручить императрице вместе с Сенатом. Но Меншиков, Толстой и Апраксин утверждали, что это поведет к борьбе, волнениям, что единственное средство поддержать значение и славу России – это провозгласить самодержавною императрицею Екатерину, превозносили ее достоинства, указывали на торжественную ее коронацию.

Неизвестный художник. Портрет Екатерины I

Приверженцы Екатерины взяли верх, тем более что гвардия была на ее стороне. Солдаты кричали: «Мы потеряли отца, но у нас осталась мать!» Офицеры говорили, что разобьют головы старым боярам, если они воспротивятся императрице. Новая императрица объявила, что желает совершить все дела, начатые Петром. Действительно, по плану Петра отправлена была под начальством Беринга экспедиция для решения вопроса: соединяется ли Азия с Америкою? Открыта в 1720 году Академия наук; установлен новый орден – Александра Невского, также по мысли Петра; старшая цесаревна Анна Петровна была выдана замуж за герцога голштинского Карла Фридриха, которого еще Петр перед кончиною объявил женихом своей дочери.

Но если спешили привести в исполнение некоторые из намерений Петра Великого, то с другой стороны, решились коснуться самых важных его учреждений: Сенат потерял свое первенствующее значение, ибо над ним учрежден был Верховный тайный совет, в который поступили важнейшие по занимаемым ими должностям сенаторы: Меншиков, Апраксин, Головкин, Толстой, князь Голицын (Димитрий Михайлович). Вместе с русскими вельможами в Верховном совете засел и иностранец Остерман, сделавшийся необходим по своим способностям к постоянному усидчивому труду, к соображению, изучению всех подробностей дела, по своему образованию, знанию иностранных языков. Тут впервые иностранец получил такое важное значение. Потом в Верховный совет введен был герцог голштинский. У Сената и Синода отнят был титул правительствующих. Сенат начал называться высоким.

Члены Верховного тайного совета подали императрице замечания свои, что крестьяне, составляющие большинство народонаселения, приходят в крайнее разорение от великих податей и особенно от угнетения со стороны земских властей и войск и бегут в Польшу, к башкирцам, в Запорожье и в раскол; что производство дел в коллегиях недовольно быстро и правильно, отчего волокиты и разорение просителям; что источники доходов скудны, расходы далеко выше доходов, отчетности в употреблении государственной казны нет никакой. Так как большое число правителей, чиновников и канцелярий найдено обременительным для народа, то приказано было лишних управителей, ненужные канцелярии и конторы по губерниям

упразднить и положить всю расправу и суд на губернаторов и воевод, им же подчинить и городовые магистраты.

Но последним распоряжением относительно магистратов было нарушено важное учреждение Петра Великого, вызванное потребностями общества, которые так сильно чувствовались еще в древней России. Так как прежнее расположение войска по округам найдено разорительным для крестьян, то велено селить полки слободами при городах. Средствами для умножения доходов и уменьшения расходов государственных признаны: сбор недоимок, наложение новых пошлин, уменьшение числа чиновников, убавка жалованья у них, приказным людям некоторых ведомств вместо жалованья велено было довольствоваться доходами от добровольной дачи челобитчиков.

Дело составления нового уложения продолжалось и при Екатерине, но двигалось медленно; для ускорения его в комиссии велено было заседать по два человека из духовенства, из чинов военных, гражданских и из магистрата. Касательно духовенства запрещено было без синодского указа постригать в монахи, кроме вдовых священников и дьяконов. Относительно просвещения кроме учреждения Академии замечательны следующие распоряжения: Петр Великий приказал из всех коллегий и канцелярий доставлять в типографию и печатать известия «о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному»; по смерти великого распространителя народного ведения в коллегиях и канцеляриях нашли, что печатание этих известий дело ненужное, и оставили его. Но Екатерина объявила, что такое сообщение народу известий прекращено неведомо для чего, и приказала возобновить печатание известий. Шафирову, возвращенному из ссылки, поручено было написать историю Петра I, для чего велено было доставлять ему отовсюду нужные известия. Велено было посылать купеческих детей для обучения сперва в Ригу и в Ревель, а потом и за границу. Относительно нравов и обычаев замечательно распоряжение императрицы о надзоре за кулачными боями, потому что бойцы позволяли себе бить противников ножами, камнями и бросать песок в глаза.

В силу постановления Петра Екатерина имела право назначать себе в преемники кого ей было угодно. Большая часть знати и народ были за великого князя Петра Алексеевича. На его сторону стал и

могущественный Меншиков, потому, что поссорился с герцогом голштинским, которого супругу Анну Петровну хотела видеть на престоле противная Петру партия. Чтобы обеспечить свое положение при Петре, Меншиков уговорил императрицу дать согласие на брак его дочери с великим князем. Партия Анны Петровны подверглась сильной опале: глава ее Толстой был сослан в Соловки. Екатерина скончалась 6 мая 1727 года, и Петр был провозглашен императором.

Глава XLII. Царствование Петра II Алексеевича

1. Меншиков

Меншиков перевез молодого императора из дворца в свой дом, приставил к нему своих родных и людей надежных. Немедленно Петр назвал Меншикова генералиссимусом и обручился с его дочерью княжною Марьею Александровною, несмотря на то что двенадцатилетнему жениху вовсе не нравилась шестнадцатилетняя невеста. В письмах к императору Меншиков называл его сыном, подписывался «ваш отец», велел внести в календарь вместе с особами императорской фамилии свое имя и имена членов своего семейства; хотел женить своего сына на сестре императора великой княжне Наталье Алексеевне.

Тяжелый и прежде для всех своим высокомерием, Меншиков стал невыносим теперь, когда сделался правителем полновластным. Но враги Меншикова не имели средств свергнуть его явно и должны были скрыто подкапываться под нею. Воспитателем молодого императора был вице-канцлер Остерман, помощником его – гофмейстер князь Алексей Григорьевич Долгорукий; сын Долгорукого, шестнадцатилетний князь Иван Алексеевич, пользовался сильною привязанностью молодого императора, был неразлучным его товарищем, и он-то успел вооружить Петра против Меншикова. Падение последнего было ускорено опасною болезнью его, которою воспользовались враги.

Когда правитель выздоровел и начал распоряжаться всем по-прежнему, ничего не подозревая, то вдруг 6 сентября 1727 года император объявил, что он не будет более жить в доме Меншикова, а в летнем дворце; 8 сентября бывшему правителю объявлен был арест и отлучение от всех дел, а 9-го велено снять с Меншикова все чины и ордена и отправить на безвыездное житье в Ораниенбург, город Рязанской губернии, ему принадлежавший; имение оставлено за ним.

2. Долгорукий

Правитель пал; немногие жалели об нем. «Прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, – писал один современник другому, Пашков Черкасову, – прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, которого Бог сильною десницею сокрушил, все тому сильно рады, и я, многогрешный, славя св. Троицу, пребываю без всякого страха; у нас все благополучно и таких страхов теперь ни от кого нет, какие были при князе Меншикове».

Но скоро обнаружились явления, которые могли заставить пожалеть и о Меншикове. Тотчас по удалении последнего император объявил себя совершеннолетним, объявил, что будет присутствовать в тайном совете и заниматься делами правления, но все это осталось обещаниями только; учение было прервано, занятия правительственные были не по летам, и одни удовольствия стали исключительным занятием молодого государя. Долгорукие овладели волею Петра; воспитатель его Остерман скоро потерял всякое влияние, его наставления казались скучны: однажды Остерман приступил к Петру с упреками, говорил, что через несколько лет государь сам велит отрубить ему голову, если он теперь не станет указывать ему на ту пропасть, к которой он стремится, и что он, Остерман, оставляет должность воспитателя. Петр растрогался, бросился к нему на шею и умолял не покидать его, но к вечеру возобновил прежний образ жизни.

В. И. Суриков. Меншиков в Березове

Петр чувствовал врожденную ненависть к морю и кораблям, страстно любил охоту и с удовольствием последовал совету тех, которые уговаривали его переехать в Москву (9 января 1728 года). Иностранцы, Остерман с товарищами, смотрели с ужасом на этот переезд, видя в нем шаг к унижению дел Петра Великого, но они напрасно беспокоились: людям, окружавшим Петра II, было не до древней или новой России, а только до личных своих выгод. Тот же самый Пашков, который так радовался свержению Меншикова, должен был теперь писать к тому же другу своему Черкасову: «Новые временщики произвели такую смуту, что мы с опасением бываем при дворе, один другого боится, а крепкой надежды нигде нет».

Некоторые стали тужить о Меншикове; явилось подметное письмо, в котором старались выставить достоинства бывшего правителя и его

необходимость для поправления дел; Меншикова за это велено было переместить из Ораниенбурга в Сибирь, в Березов. Заславши Меншикова в Сибирь, Долгорукие спешили следовать его примеру; они не допускали никого к императору: царица-бабка Лопухина, освобожденная по восшествии на престол внука и перевезенная в Москву, не могла говорить с государем наедине; стали увозить его из Москвы на охоту, и эти отсутствия продолжались по нескольку дней, иногда по нескольку недель; после охоты за роскошным и шумным обедом веселили государя похвалами его ловкости и искусству в стрельбе, перечисляли удачи, радовали планами новых поездок; о делах государственных не было и помина.

В сентябре 1729 года император выехал из Москвы в сопровождении семейства Долгоруких и возвратился не ранее ноября; в это время он дал согласие Долгоруким жениться на Екатерине, дочери князя Алексея, сестре своего любимца. 30 ноября было совершено торжественное обручение. Но это было последнее торжество Долгоруких: император стал видимо тяготиться их опекою, не видался с своею невестою, начал сближаться с Остерманом. Когда тетка его цесаревна Елисавета Петровна жаловалась ему, что она терпит во всем большую нужду, то Петр отвечал: «В этом не я виноват, мои приказания не исполняются, но я найду средства разбить мои оковы».

В самом семействе Долгоруких господствовало сильное несогласие; ждали переворота; он произошел, но не так, как надеялись. 6 января 1730 года император простудился при обряде водоосвящения; открылась оспа, и 19 числа Петр скончался.

3. Дела внешние

Из дел внешних в царствование Петра II вначале занимал вопрос курляндский: здесь по смерти мужа царевны Анны Иоанновны Фридриха Вильгельма правил престарелый и бездетный дядя его Фердинанд. Курляндцы хотели провозгласить его преемником знаменитого Морица Саксонского, побочного сына польского короля Августа II; поляки с своей стороны хотели присоединить Курляндию к своему государству; но Россия воспрепятствовала и тому и другому.

С Пруссиею заключен был договор в случае смерти короля Августа II польского действовать заодно относительно избрания ему преемника. Австрия и Пруссия предлагали разделение Польши. В Азии граф Рагузинский заключил договор с Китаем на реке Буре; выговорено было свободное отправление торговли на пограничной черте в двух местах: в русской слободе Кяхте и в китайской Маймачине; выговорено право отправлять каждые три года караван в Пекин и там торговать беспошлинно, право держать в Пекине 4 духовных лица и 6 молодых людей для изучения китайского языка.

4. Дела внутренние

При Екатерине I, как мы видели, городовые магистраты были подчинены воеводам, а при Петре II, еще при Меншикове, уничтожен Главный магистрат; для суда между петербургскими купцами велено быть троим выборным; иностранных же купцов приказано ведать в Коммерц-коллегии. Под председательством Остермана учреждена была еще предложенная при Екатерине комиссия о коммерции: правительство объявило, что купцы целым городом или поодиночке могут через губернаторов и воевод пересылать в эту комиссию представления о том, что может быть полезно для купечества. Особенная заслуга комиссии состояла в противодействии откупной системе; она же издала вексельный устав.

По-прежнему должно было принимать меры против побега крестьян в Польшу и в степь к казакам и против разбоев: в Пензенской и других низовых областях разбойники ездили многолюдством с ружьями, жгли села и деревни, помещиков и крестьян мучили и грабили; против них надобно было посылать отряды драгунов.

Относительно просвещения в духовенстве надобно было подтвердить указ Петра Великого, чтоб изо всех монастырей высылали молодых монахов в московскую Славяно-греко-латинскую академию, ибо ректор этой академии доносил Синоду, что монахов ниоткуда не присылают и у него только 5 учеников. Наконец, относительно обычаев времени заметим, что при Петре II уничтожен варварский обычай ставить внутри Петербурга каменные столбы, где на кольях втыкали тела и головы казненных преступников.

5. Малороссия

В Малороссии при Петре II восстановлено гетманство. 1 октября 1727 года рада, собранная в Глухове присланным из Петербурга тайным советником Наумовым, провозгласила гетманом шестидесятидевятилетнего старика Апостола, полковника миргородского. Младший сын Апостола отправлен в Петербург заложником; Наумов остался при гетмане для советов в звании министра императорского; на том основании, что на генеральный суд было прежде много жалоб, велено быть в этом суде трем членам из великороссиян и трем из малороссиян под председательством гетмана: кто же будет недоволен решением генерального суда, может бить челом императору в Коллегию иностранных дел; для сбора доходов учреждены два чиновника – один из великороссиян и один из малороссиян, дозволено покупать невеликороссиянам в Малороссии, а малороссиянам в областях великорусских всякого рода недвижимые имения.

Глава XLIII. Царствование Анны Иоанновны

1. Попытки верховников

Рановременная смерть Петра II прежде всего поражала Долгоруких, которые, чтоб поддержать свое значение, схватились было за отчаянное средство: предъявив подложное завещание Петра II, хотели провозгласить императрицею невесту его княжну Екатерину Долгорукую. Но попытка эта, разумеется, не могла удаться; обойден был внук Петра Великого, сын Анны Петровны, герцогини голштинской, обойдена дочь Петра Великого Елисавета Петровна и выбрана дочь царя Иоанна Алексеевича вдовствующая герцогиня курляндская Анна.

Но при этом князь Димитрий Михайлович Голицын предложил ограничить власть императорскую властью Верховного тайного совета; предложение было принято членами того совета, или верховниками, как их тогда называли, и один из них, князь Василий Лукич Долгорукий, отправился к Анне в Митаву с предложением престола под условием ограничения власти. Анна приняла условие. Получив из Митавы подтверждение условия, верховники созвали высшее духовенство, генералитет и дворянство, или *шляхчество,* как тогда говорили, в чрезвычайное собрание и объявили волю новой императрицы ограничить свою власть, представляя это как свободное действие Анны. Присутствовавшие подписались, что «тою Ее Императорского Величества милостию весьма довольны».

Несмотря на это, обнаружилось сильное волнение и неудовольствие на верховников за их своевольное дело. Верховники должны были уступить другим знатным лицам право подавать свои мнения относительно новых форм правления, должны были обещать, что в случае новых государственных важных дел для их обсуждения будут приглашаемы в Верховный совет сенаторы, генералы, члены коллегий и знатное шляхетство, и если дело будет касаться Церкви, то и архиереи. Между прочим верховники настаивали, чтоб резиденция была непременно в Москве.

Г. Бухгольц. Портрет Анны Иоанновны

Между тем в феврале месяце приехала новая императрица в Москву; верховники окружили ее и не допускали к ней никого из людей им подозрительных, но трудно было им бороться с многочисленными и сильными противниками, которые действовали тайно и искусно; приготовившись и давши знать обо всем императрице, приверженцы неограниченной монархии в большом числе съехались во дворец 25 февраля и подали Анне челобитную, в которой просили подвергнуть обсуждению записки, поданные Верховному тайному совету и оставленные им без внимания. Императрица согласилась, но приверженцы неограниченной монархии не хотели терять времени и тут же во дворце решили просить государыню о принятии самодержавия по примеру ее предшественников; вследствие сего императрица разорвала условия, предписанные ей верховниками. В апреле Анна короновалась и в начале 1732 года переехала в Петербург.

2. Падение верховников

Верховный тайный совет был уничтожен. Дело и значение зачинщиков ограничения рушилось, но сначала их оставили в покое, и только впоследствии под разными предлогами одни были сосланы, другие казнены. Умерли в заточении Долгорукие: князь Василий Владимирович, князь Алексей Григорьевич, князь Димитрий Михайлович Голицын; казнены: князь Василий Лукич и любимец Петра II князь Иван Алексеевич Долгорукие.

Князь Иван, когда еще был во всей силе, обручился с дочерью знаменитого фельдмаршала Шереметева Натальею Борисовною; когда со смертью Петра II значение Долгоруких начало падать, родственники советовали Наталье отказать жениху. Но Наталья думала иначе: «Какая радость и честная ли это совесть? Когда он был велик, так я с удовольствием за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему!» Она вышла за Долгорукого и разделяла все его беды: «любя мужа, все сносила и еще его подкрепляла, и никогда не раскаивалась, для чего за него пошла, и не дала в том безумия Богу». Наталья умерла монахинею, оставив записки о своей чистой страдальческой жизни.

3. Немецкая партия

Таким образом, в борьбе друг с другом сошли со сцены знаменитые русские люди, стоявшие наверху, и обнаружилось явление небывалое: до сих пор иностранцы, самые заслуженные и даровитые, имели второстепенное положение, на первом месте стояли русские старинные вельможи или новые люди, выдвинутые Петром Великим, но теперь иностранцы становятся на первом плане, усиливается значение Остермана, Миниха, но вместе с этими людьми, могшими оправдать свое возвышение, возвышаются иностранцы, ничем не замечательные, и первенствующее значение получает любимец Анны курляндец Бирон, или, правильнее, Бирен.

Бирону давно уже хотелось вступить в русскую службу, еще при Петре Великом он искал места при дворе Софьи, жены царевича Алексея Петровича, но был отвергнут как человек низкого происхождения; он успел добиться места при дворе курляндской герцогини Анны, скоро получил здесь первенствующее значение и с тем же значением явился в России, когда Анна стала императрицею. Современники, знавшие Бирона, хвалили его учтивость, внимательность, хорошие манеры, желание всем угодить, любезность, сладкую речь, приятную наружность. Но все эти качества, которые могли доставь ему видное место в обществе, нисколько не сделали его способным занимать первое при государе место в государстве; у Бирона не было вовсе правительственных способностей, и, что было всего хуже, он смотрел на Россию совершенно глазами иностранца.

И. Соколов. Портрет Э. И. Бирона, герцога Курляндского

Иностранцы даровитые, как Остерман и Миних, привязаны к России как месту их блестящей деятельности, хотели быть полезными для России, потому что были способны к тому и желали прославиться принесенною ими пользой, но мелкодушный Бирон не мог иметь таких стремлений; не любил России, презирал русских, хотел пользоваться своим высоким местом только для того, чтоб получить от него как можно больше выгод. С такими взглядами и стремлениями Бирон, разумеется, мог причинить большой вред для России, ибо он был совершенно равнодушен к тому, что делали с этою Россиею люди, ему служившие, его обогащавшие, лишь бы только они служили ему, обогащали его.

4. Бедствия бироновского времени

Главные бедствия, постигшие Россию в бироновское время, были, во-первых, физические – голод и мор; во-вторых, финансовые взыски, производившиеся без всякого сострадания и внимания к обстоятельствам; в-третьих, так как этими мерами вызвано было всеобщее неудовольствие, то стремление Бирона поддержать себя посредством доносов и строгостей произвело новое бедствие и новые неудовольствия. При восшествии на престол Анны недоимки государственных податей простирались до нескольких миллионов. Бирон обратил на это внимание с целью собственного обогащения.

Несмотря на донесения воевод о бедственном положении крестьян, посылались строжайшие указы о неослабном взыскивании недоимок, и так как указы не помогли, то разосланы были гвардейские офицеры с приказанием держать воевод и товарищей их в цепях до уплаты всей недостающей суммы; вследствие таких понудительных мер сборщики действовали уже по чувству самосохранения: у крестьян забирали и продавали все, что только могли найти на дворах; помещики и старосты были отвозимы в город, где и держались под стражею по нескольку месяцев, умирали с голода и от тесноты.

Вследствие ропота лазутчики роились всюду, явилось зло, какого не бывало со времен Годунова. Печальное время омрачилось еще более казнями, заточениями вельмож, Долгоруких, Голицыных, свержениями и наказаниями архиереев. Особенно поразительна была казнь Волынского с товарищами. Артемий Волынский стал известен еще при Петре Великом на дипломатическом поприще, был губернатором в Астрахани, в Казани, при Анне быстро возвысился и сделан был кабинет-министром. Волынский славился большим умом и нестерпимым характером. Беспокойный, тщеславный, заносчивый, постоянно выскакивавший вперед, не терпевший равных, готовый на всякое вопиющее насилие относительно низших, Волынский возбудил против себя сильную ненависть. Будучи губернатором, он стал известен взяточничеством, грабительством и средневековыми, варварскими поступками с подчиненными.

Ставши кабинет-министром, он враждебно столкнулся с Остерманом, задел Бирона, который и решил погубить его. Волынский

подал императрице записку, в которой, изображая черными красками поведение придворных, хотел представить Остермана и других вельмож. Записка произвела неблагоприятное впечатление на императрицу, которой не понравилось, что Волынский хочет ее учить; потом Волынский, по обыкновению своему, избил известного писателя и секретаря Академии Тредьяковского, и когда Тредьяковский пришел жаловаться Бирону, то Волынский, увидав его, снова избил его в самых покоях Бирона. Последний воспользовался этим и начал умолять императрицу, чтоб Волынский был предан суду. «Либо ему быть, либо мне», – говорил Бирон, стоя на коленях пред Анною. И Волынского предали суду, обвинили в государственных преступлениях, подвергли страшной пытке и казнили; двое близких к нему людей были также казнены, другие биты кнутом и сосланы; дети Волынского также сосланы в Сибирь, сына велено отдать в солдаты без выслуги и отправить в Камчатку, дочерей постричь. Ненавидимый при жизни, Волынский приобрел славу патриота по смерти, потому что пал жертвою Бирона.

5. Внутренние распоряжения правительства

Что касается внутренних распоряжений при Анне, то уничтожен был Верховный тайный совет (в марте 1730 г.) и восстановлен Правительствующий Сенат на том же основании и в такой силе, как был при Петре Великом, но скоро вместо Верховного тайного совета явился при императрице Кабинет, члены которого назывались кабинет-министрами. Старое зло, от которого так страдала древняя Россия, продолжалось и в новой; в самом начале царствования императрица должна была издать указ, в котором говорилось, что многие воеводы как посадским, так и уездным людям делают великие обиды и разорения, вследствие чего ведено было сменять воевод каждые два года, и по смене воеводы должны были являться в Сенат с отчетом; если воевода окажется исправным и если в продолжение года жалоб на него не будет, позволено определять его опять в воеводы.

В. И. Якоби. Ледяной дом

И Анна должна была жаловаться, что сочинение Уложения не двигалось вперед, а между тем при несогласных указах бессовестные судьи решали дела неправедно, в пользу которой стороны хотели; императрица велела начатое Уложение немедленно оканчивать и определить к тому добрых и знающих людей, выбрав из шляхетства, духовенства и купечества.

Уничтожен был майорат на том основании, что землевладельцы, желая одинаково наградить всех сыновей и не имея денег для наделения младших, берут лишнее с крестьян или продают деревни свои; в семействах рождается ненависть; считая хлеб и скот за движимое, отдают младшим детям, вследствие чего старшие не могут ничего сделать с землею без хлеба и скота, а младшие – с хлебом и скотом без земли. В 1736 году издано постановление о шляхетской службе: отец, имея двоих или более сыновей, может одного оставить дома для хозяйства, но и этот остающийся дома сын должен быть обучен грамоте и по крайней мере арифметике, чтоб быть годным в гражданскую службу, остальные братья должны вступить в военную службу. Так как до сих пор не было определено, до каких пор шляхтич должен служить в военной службе, то оставлялись старики дряхлые, которые, приехав домой, были не в состоянии более заниматься хозяйством. Теперь определено: всем шляхтичам от 7 до 20 лет учиться, от 20 лет быть в военной службе 25 лет, а 45-ти лет, если захотят, могут выходить в отставку; за болезнями и ранами могут быть отпущены и до этого срока.

Недорослей из дворян, более способных к гражданской, чем к военной службе, велено распределить по коллегиям; секретари обязаны были обучать их приказному порядку, знанию уложения, указов, прав государственных, а два дня в неделю назначались для обучения арифметике, геометрии, геодезии, географии и грамматике. Недорослей, шляхетских детей, обучавшихся в родительских домах, велено было свидетельствовать два раза: после 12 и после 16 лет; и которые после второго свидетельства окажутся невеждами в законе Божием, арифметике и геометрии, таких определять в матросы без выслуги. Эти хлопоты и строгие меры правительства показывают только, как мало было в самом шляхетстве потребности к образованию.

В 1736 году императрица жаловалась, что «многие офицерские, дворянские и других служилых чинов дети не являются к смотру,

укрываются под разными видами, а некоторые вступают в дворовую службу к разных чинов людям и объявляются в разных преступлениях, потому что праздность – всему злу корень; хотя для малолетних велено учредить школы по городам, однако, не желая собственной пользы, от наук убегают и тем сами себя губят». В гвардии при Анне к полкам Преображенскому и Семеновскому прибавлены полки Измайловский и Конный. По настоянию Миниха жалованье иностранных офицеров сравнено с жалованьем русских.

В июле 1731 года по предложению того же Миниха учрежден был в Петербурге кадетский корпус из 200 воспитанников, но после было число увеличено до 360; корпус этот не был чисто военно-учебным заведением: воспитанники его одинаково поступали в военную и гражданскую службу, а некоторые, имевшие особенную склонность к наукам, могли совершенствоваться в них у профессоров Академии наук; военными упражнениями занимали кадет только один день в неделю, «дабы в обучении другим наукам препятствия не было». Обучали грамматике, правильному в письме складу и стилю, риторике, юриспруденции, морали, геральдике, арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, географии, истории (универсальной и *истории немецкого государства,* а не русской).

Средства к просвещению мало-помалу усиливались, но далеко не в такой еще степени, чтоб следствия его могли быть ощутительны в обществе. Извне много было блеска, роскоши, но под этим внешним лоском скрывалось еще много грубости нравственной. Возможность такого характера, каким отличался Волынский, возможность его поступка с Тредьяковским всего лучше обрисовывает нам общество. Полуобразованность всего лучше высказывалась в этой страсти к шутам, которые наполняли дворец и домы вельможеские, в страсти к удовольствиям балаганным, к *штукам,* какою был, например, знаменитый Ледяной дом, построенный во время жестокой зимы 1740 года для празднования свадьбы придворного шута; Тредьяковский должен был участвовать в этом шутовстве, сочинил для него нелепые, непристойные стихи. Такую роль играл академик в Петербурге, а какую роль играли несчастные медики в полках, узнаем из донесения армейского доктора архиатеру (главному медику) Фишеру: «Штаб-офицеры лекарей хотят иметь совершенно в своей команде, употребляют их вместо камердинеров, заставляют парики расчесывать,

а если лекарь пред своим штаб-офицером не захочет показать излишней услужливости и раболепства, то на него нападают, по произволу штрафуют и бесчестят, а которые лекаря у штаб-офицеров в страхе или милости, употребляются вместо камердинеров, такие докторов не слушаются и должностию своею пренебрегают, к больным не ходят, а живут больше при домах штаб-офицерских, другие же, обиженные штаб-офицерами, служить не хотят».

В Малороссии в начале царствования Анны Апостол спокойно гетманствовал до смерти своей, случившейся в 1734 году; преемника ему не дали, а правление поручено было коллегии из шести членов – троих великороссиян и троих малороссиян.

6. Дела внешние

Внешними делами при Анне управлял Остерман. Австрия и Франция наперерыв искали союза с Россией; Остерман убедил императрицу, что австрийский союз гораздо полезнее, ибо Австрия ближе к России и может помогать ей в делах польских и турецких, тогда как от далекой Франции нельзя ждать деятельной помощи. На востоке Россия отказалась от плана Петра Великого относительно утверждения на берегах Каспийского моря: в начале 1732 года были возвращены Персии завоеванные у нее Петром провинции, которые по нездоровому климату своему были кладбищем для русского войска.

Г. А. Афанасьев. Граф Б. Х. Миних. С оригинала Бухгольца

В следующем 1733 году умер Август II, король польский; Россия и Австрия, действуя заодно, хотели видеть преемником Августа сына его, Августа III, курфюрста саксонского, который обещал русскому правительству действовать согласно с ним относительно Курляндии и стараться о том, чтоб Польша отказалась от своих притязаний на Лифляндию. Противником Августа был старый соперник отца его Станислав Лещинский, который теперь вследствие брака своей дочери Марии с французским королем Людовиком XV поддерживался Францией.

Лещинский был провозглашен королем, но приближение русского войска под начальством Ласси заставило его удалиться из Варшавы в Данциг. Пользуясь этим, саксонская партия провозгласила Августа, и Ласси пошел осаждать Станислава в Данциге, но, имея очень мало войска, не мог действовать с успехом. В России нашли, что дело идет очень медленно под Данцигом, и на смену Ласси послали Миниха. И Миних при тех же средствах, какие были у Ласси, не мог скоро подвинуть дела, но когда к нему на помощь подошли сухопутное войско и флот, привезший запасы и артиллерию, то Лещинский бежал и Данциг сдался. Осада этого города, продолжавшаяся 135 дней, стоила русским более 8000 человек.

Скоро для Миниха представилось более блистательное поприще в войне с Турцией, начатой в союзе с Австриею по поводу крымских набегов; Ласси овладел Азовом; в 1736 году Миних взял Перекоп и страшно опустошил всю западную часть полуострова до самого Бахчисарая; в 1737 году Ласси опустошил восточную часть Крыма, и Миних взял Очаков, в 1739 году Миних одержал блистательную победу при Ставучанах, взял Хотин, перешел Прут, хвалясь, что позорный Прут сделал славным, намеревался уже перейти за Дунай. Эти блистательные успехи стоили, однако, очень дорого: походы были трудные, степные, а Миних вовсе не отличался способностью беречь людей. Как трудны были эти степные походы, можно видеть из того, что войско должно было везти с собою воду и дрова.

В то время как Миних торжествовал над турками, Австрия терпела постоянные неудачи и требовала мира, но кроме неудач на склонность Австрии к миру имело влияние еще французское золото. Неравнодушные к нему министры австрийские начали представлять императору Карлу VI, что русская армия, исповедующая греческую

веру, гораздо опаснее для наследственных владений австрийского дома, чем турецкая, потому что большая часть подданных австрийских в Трансильвании, Венгрии, Кроации, Далмации, Истрии исповедуют одну веру с русскими.

Наконец, европейские державы беспокоились, чтоб русские не проникли до Константинополя и не захватили левантской торговли. Австрия приняла посредничество французского посланника в Константинополе Вилльнева; императрица Анна, не видя помощи от союзников, слыша, что персы также хотят заключить мир с турками, устрашенная сильным уроном в войске и обеспокоенная несогласием между предводителями его, сильно желала мира, лишь бы уничтожены были условия постыдного Прутского договора. Мир был заключен в Белграде в сентябре 1739 года: Австрия сделала Турции важные уступки, Россия ничего не приобрела, кроме куска степи между Бугом и Днепром, да еще было постановлено, что турки сроют Азов до основания. Так кончилась война, в которой погибло 100 000 русского войска.

Но в то время как Миних побеждал турок, Бирон без всяких побед и трудов сделался герцогом курляндским. В 1737 году умер последний из Кетлеров, Фердинанд. Узнавши о его смерти, петербургский двор приказал русскому войску из Риги вступить в Курляндию, чтоб поддержать избрание в герцоги Бирона, и Бирон был избран большинством голосов курляндского дворянства, которое прежде не соглашалось признать его дворянином курляндским.

7. Бирон-правитель и кончина императрицы

Новый герцог не поехал в Курляндию, остался в России, где хотел упрочить свою власть и на будущее время. Императрица Анна отказалась вступить в брак и для упрочения русского престола в потомстве царя Иоанна Алексеевича выдала племянницу свою принцессу мекленбургскую (дочь герцога Леопольда и царевны Екатерины Ивановны) за Антона Ульриха, принца брауншвейг-люнебургского; от этого брака в августе 1740 года родился сын Иоанн, который и назначался наследником престола.

Между тем в императрице обнаружились признаки опасной болезни. 5 октября с нею случился сильный припадок. Тут Бирон начал хлопотать, чтоб ему быть регентом во время малолетства Иоанна, и нашел поддержку в кабинет-министрах князе Черкасском и Бестужеве-Рюмине, потом в Минихе; особенно хлопотал возвышенный Бироном Бестужев-Рюмин. В совещании, на которое кроме кабинет-министров были приглашены и другие знатные лица, решили, что нет никого способнее Бирона управлять государством, и определили просить императрицу, чтоб она согласилась на желание народа, приказала герцогу курляндскому управлять государством до совершеннолетия Иоанна, т. е. до 17 лет; просьба была исполнена. 17 октября 1740 года императрица скончалась 46 лет от роду, и все спокойно присягнули императору Иоанну и регенту герцогу курляндскому.

Глава XLIV. Правление Бирона и Анны Леопольдовны

С первых же дней оказалось, что Бирон не крепок на своем регентстве. Бирона терпели как временщика, из уважения ко власти, его возвысившей, теперь не хотели терпеть его как правителя. Поднялся сильный ропот, когда в церквах после императора, его матери и цесаревны Елисаветы Петровны начали поминать неправославного Бирона. По ночам народ начал сталпливаться в разных местах; драгуны разогнали безоружные толпы, но гвардия была против Бирона и громко, публично высказывала свое неудовольствие, свои угрозы. Замысел отделаться от Бирона гражданским путем, как в 1730 году отделались от верховников, не удался: князь Черкасский выдал подполковника Пустошкина с товарищами, предлагавшими ему объявить торжественно, что нация не желает иметь Бирона регентом. За неимением вождя гражданского движения дело должно было решиться войском, у которого был вождь, знаменитый фельдмаршал Миних. Миних захватил Бирона ночью. Анна Леопольдовна провозглашена была правительницею, муж ее принц Антон – генералиссимусом, Миних – первым министром. Бирона лишили имения, чинов, орденов и отправили в Сибирь, в город Пелым.

Свержение Бирона не могло успокоить Россию и только вызывало новый, окончательный переворот. Анна Леопольдовна была совершенно не способна к делам правительственным: целые дни просиживала она во внутренних покоях с неразлучною фавориткою (фрейлиною Мешден). Все должно было, следовательно, сосредоточиваться в руках первого министра – Миниха. Но у правительницы был муж. Принц Антон не хотел уступать Миниху первенства; сам он был мало способен к самостоятельной деятельности, но у него был руководитель, Остерман, давний соперник Миниха. Остерман и принц Антон начали пугать правительницу, убеждать ее освободиться от Миниха как от человека самого опасного, который не остановится ни перед чем. Напугать Анну Леопольдовну было нетрудно. Миних стал замечать, что его выживают, не хотят с ним

заниматься делами: Миних подал в отставку и получил ее (марта 1741 года).

Остерман сделался всемогущим, но ненадолго. Между мужем и женою, между принцем Антоном и принцессою Анною началась ссора, и правительство представило два враждебных лагеря, а между тем внизу слышался сильный ропот, ибо со свержением Бирона порядок вещей не переменился; внешние дела также запутывались.

Чтоб воспрепятствовать России подать помощь Австрии в предстоявшей войне за наследство австрийского престола, Франция действовала против России в Стокгольме, волновала шведскую молодежь, которая хотела непременно отнять у России завоевания Петра Великого и считала это дело легким. Пропустив удобный случай во время турецкой войны, Швеция теперь объявила войну России, выставив в числе причин отстранение от престола цесаревны Елисаветы Петровны и голштинского дома. Но Франция не ограничилась возбуждением Швеции к войне: чтоб изменить политику России, порвать союз ее с Австриею, французский посланник в Петербурге Шетарди принял деятельное участие в перевороте, который должен был низвергнуть правительницу Анну и ее сына.

Переворот мог быть произведен только во имя одного лица – дочери Петра Великого Елисаветы. Число приверженцев Елисаветы было велико, потому что около нее сосредоточивалось национальное движение, но между высшими сановниками из русских не было энергического человека, который бы решился действовать за нее ее именем. Главным действователем является Лесток, лекарь, находившийся при цесаревне. И теперь переворот не мог произойти гражданским путем, надобно было произвести его вооруженною силою, но не было человека, который бы мог принять начальство над нею; Елисавета Петровна сама должна была принять это начальство, сама сделать то, что в пользу Анны Леопольдовны сделал Миних. Легко понять, как ей трудно было решиться на это.

Е. Е. Лансере. Воцарение Елизаветы Петровны 25 ноября 1741 года

Долго медлить, однако, было нельзя: о сношениях Елисаветы с Шетарди через Лестока было узнано, ей грозила страшная опасность. Долго медлить было нельзя и потому, что преданные Елисавете гвардейцы получили приказ выступить в Финляндию против шведов. Ночью с 25 на 26 ноября 1741 года семь преображенских гренадеров явились к Елисавете: «Мы завтра выступаем в поход, матушка! Ты останешься в руках своих лиходеев, нельзя больше ждать ни минуты».

Делать было нечего: Елисавета повела солдат во дворец, и Анна Леопольдовна с семейством была захвачена. В ту же ночь взяты Миних, Остерман, Головкин. Елисавета без всякого сопротивления была провозглашена императрицею. Сперва она хотела бывшую правительницу Анну со всем семейством отпустить за границу, но потом переменила намерение: бывший император Иоанн заключен был в Шлиссельбурге, Анна с мужем и остальными детьми отвезена в Холмогоры, где Анна и умерла в 1746 году. Наряжена была комиссия

судить Миниха, Остермана и других участников прежнего правления; их приговорили к смертной казни, но императрица переменила казнь на ссылку: Остермана сослали в Березов, Миниха – в Пелым, а Бирона возвратили из ссылки и позволили ему жить в Ярославле; Миних в Пелыме жил в том самом доме, который, по его плану, построен был для Бирона.

Глава XLV. Царствование Елисаветы Петровны

1. Лейб-компания и движения против иностранцев

Наказав приверженцев старого правительства, глав господствовавшей при нем немецкой партии, новая императрица щедро наградила людей, помогших ей овладеть престолом. Рота Преображенского полка, особенно участвовавшая в этом деле, получила название лейб-компании, сама императрица назначила себя ее капитаном, унтер-офицеры и рядовые получили потомственное дворянство, деревни и земли. Всеобщее неудовольствие против господствовавших недавно иностранцев выразилось в войске движениями против иностранных офицеров. В Финляндии в действующей против шведов армии обнаружилось волнение, которое грозило привести к печальным последствиям, к истреблению иностранных офицеров, но смелость и решительность генерала Кейта прекратили смуту: он бросился в мятежную толпу, схватил одного из зачинщиков мятежа и послал за священником, чтоб приготовить его к смерти; толпа, пораженная ужасом, рассеялась, и возмутители были наказаны; в самом Петербурге было подобное же волнение.

2. Престолонаследие и главные действующие лица в царствование Елисаветы

Объявив потомство царя Иоанна не имеющим права на русский престол, императрица поспешила упрочить наследство за потомством Петра Великого; она вызвала четырнадцатилетнего племянника своего, сына Анны Петровны, герцога шлезвиг-голштинского Карла Петра Ульриха; он принял православие, назван Петром Федоровичем и в ноябре 1742 года объявлен наследником престола, через шесть месяцев после коронации Елисаветы, которая происходила в Москве 28 апреля.

В. Эриксен. Портрет Елизаветы Петровны

В 1744 году приехала в Россию невеста наследника принцесса София Августа Фридерика Ангальт-Цербстская (родившаяся в Штетине 21 апреля 1726 года), и король прусский Фридрих II устроил этот брак; по принятии православия София Августа была названа Екатериною Алексеевною. Самыми приближенными людьми к императрице были: граф Алексей Григорьевич Разумовский, родом из малороссийских казаков; благодаря милости Елисаветы из придворных певчих он сделался фельдмаршалом и графом; это был человек недаровитый, необразованный, но добрый, прямой, не употреблявший во зло той силы, какую он имел при дворе, не объявлявший притязаний на деятельность, к которой он не чувствовал себя способным.

Больше, чем он, значения в управлении государством имели Шуваловы: граф Петр Иванович, человек с большими дарованиями, но с очень легкою нравственностию, отличавшийся большим искусством притворяться и меняться по обстоятельствам; кроме того, полезную деятельность свою он пятнал корыстолюбием. Родственник его Иван Иванович Шувалов принадлежал к лучшим людям эпохи, был представителем новых, лучших понятий и стремлений.

Начиная с преобразовательной деятельности Петра Великого до сих пор на науку, цивилизацию смотрели преимущественно с внешней, материальной точки зрения, видели в них только средства к увеличению материальных сил государства и удобств житейских, теперь же начали понимать необходимость внутреннего, нравственного преобразования человека и общества, начали понимать, что истинное просвещение состоит в ясном понимании обязанностей человека и гражданина, в признании в каждом человеке достоинства человеческого, в обхождении с людьми по-людски, а не так, как Волынский и подобные ему. При Петре Великом и после него требовали, чтоб человек был способен к службе и чтоб для этого был выучен, знал бы грамоту, цифирь и геометрию; но теперь начинали понимать, что с такою форменною выучкою общество недалеко пойдет, что необходимо нравственное воспитание, просвещенное приготовление человека к жизни гражданской.

Эти новые понятия и требования высказались преимущественно во второй половине XVIII века; но люди, действовавшие во второй половине века, высказавшие новые понятия и требования, начали приготовляться к своей деятельности в описываемую эпоху особенно

благодаря знакомству с французскою литературою, которая приобрела значение литературы общеевропейской распространением гуманных идей, внутренней людскости; и действительно, в царствование Елисаветы нельзя не заметить начала смягчения нравов, пробуждающегося сознания человеческого достоинства. Представителем этих-то новых понятий и требований явился любимец Елисаветы Ив[ан] Ив[анович] Шувалов, человек, отличавшийся не одним вельможным покровительством просвещению, но особенно тем, что в самом себе показал плоды этого просвещения; Ив[ан] Ив[анович] Шувалов умел не запятнать себя ни корыстолюбием, ни мелким честолюбием, внес в свои отношения к другим эту людскость, или «благородное учтивство», как выражались современники, следствие сознания человеческого достоинства в себе самом и в других; современники говорят, что к нему подходили с какою-то радостию.

3. Дела внешние

Внешними сношениями при Елисавете заведовал Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, сделавшийся известным по дипломатической службе еще при Петре Великом и быстро поднявшийся при Анне угодничеством Бирону; он пал вместе с Бироном, но по вступлении на престол Елисаветы приятель его Лесток упросил императрицу вывести его опять на вид и сделать вице-канцлером; канцлером был старик князь Черкасский Алексей Михайлович, по смерти которого Бестужев сделался и канцлером (1742 г.).

Первою заботою нового правительства была война шведская, ибо хотя шведы объявили войну под тем предлогом, что вступаются за права Елисаветы, однако когда Елисавета дала силу своим правам, то мнимые защитники ее войны не прекратили, а требовали той части Финляндии, которая была завоевана у них Петром Великим. Но война эта опять показала только слабость Швеции пред Россиею: русские под начальством Ласси брали город за городом в Финляндии, и в 1743 году заключен был мир в Або, по которому Россия получила провинцию Кюменегорскую и река Кюмень назначена границею между обоими государствами.

Между тем у Бестужева с Лестоком начались враждебные столкновения: Лесток хлопотал о союзе с Франциею и Пруссиею против Австрии и Англии, Бестужев был против этого союза. Шетарди в другой раз приехал в Россию, чтоб поддержать интересы своего двора, т. е. чтоб поддержать Лестока и низвергнуть Бестужева. Но канцлер узнал об этом заговоре против себя и употребил все средства, чтоб отклонить удар и погубить противников; он захватил переписку Шетарди и показал императрице: в переписке говорилось о подкупах, означено было, что Лесток получает от французского двора, наконец, Шетарди в своих письмах отзывался очень невыгодно о самой Елисавете; вследствие этого Шетарди был выслан за границу, а Лесток в последствии времени сослан был в Углич, потом в Устюг.

Россия не могла долго сохранять дружественных отношений к Пруссии. Фридрих II обнаруживал завоевательные стремления, хотел усилиться на счет соседей во что бы то ни стало, не разбирая средств,

грозил русским интересам в Польше, Турции, Курляндии, Швеции. Для охранения этих интересов петербургский двор счел необходимым поддержать против Пруссии Саксонию и Австрию. В октябре 1756 года Фридрих II начал Семилетнюю войну, вторгнувшись в Саксонию и овладев Дрезденом. «Я не боюсь моих врагов, ни Австрии, ни Франции, – говорил он, – если только Россия останется спокойною; но что я буду делать, если придется воевать еще с русскими?» Опасения его сбылись: в 1757 году 83 000 русского войска под начальством Апраксина перешло прусскую границу, Мемель сдался; 30 августа Апраксин разбил наголову прусское войско, бывшее под начальством Левальда, но, вместо того чтоб воспользоваться победою и идти дальше, русский главнокомандующий отступил в Польшу, как будто потерпел поражение.

Посланники австрийский и французский сильно жаловались императрице на этот поступок Апраксина, в котором нельзя было не видеть намерения щадить короля прусского. Императрица велела Апраксину явиться в Петербург и отдать отчет в своем поведении, бумаги ею были схвачены, открылось, что Апраксин действовал с согласия своего приятеля канцлера Бестужева. Апраксин был отдан под суд и умер от удара после первых допросов; Бестужев, обвиненный «в обширных и вредных замыслах, в недоброхотстве к государыне и посягательстве на ее безопасность», был сослан в свою деревню, и граф Михаила Воронцов назначен был на его место канцлером.

В 1758 году русское войско под начальством Фермера вступило во второй раз в Пруссию; казаки, калмыки страшно опустошали неприятельские владения; 14 августа между Дармпцелем и Цорндорфом встретился Фермер с самим Фридрихом II; в том убийственном сражении, возобновлявшемся два раза, русские потеряли до 19 000 убитыми и 3000 пленными, пруссаки потеряли 11 000 человек. В 1759 году предпринят был третий поход в Пруссию под начальством графа Салтыкова: Фридрих II потерпел сильное поражение от русских между Франкфуртом-на-Одере и Кунерсдорфом (1 августа), так что знаменитый король считал себя погибшим и начал думать о самоубийстве как о единственном средстве спасти свою честь. В походе 1760 года русские под начальством Чернышева заняли Берлин, но ненадолго. Поход 1761 года был совершен под начальством Бутурина, в это время в Померании в разных сшибках начал отличаться Суворов;

Румянцев взял Колберг. Средства Фридриха II были истощены, единственная союзница его, Англия, готова была его покинуть, но его спасла кончина императрицы Елисаветы, постигшая ее 25 декабря 1761 года, на 53-м году от рождения.

4. Внутренние распоряжения

В декабре 1741 года Елисавета объявила, что в делах внутренних правления государственного она хочет восстановить во всей силе порядок, бывший при отце ее, императоре Петре I и нарушенный сперва установлением Верховного тайного совета, а потом Кабинета; с этою целию уничтожив последний, она возвратила Сенату его прежнее значение.

Составление Уложения не подвинулось и при Елисавете, хотя придуман был новый способ для облегчения дела, именно составление отдельных частей Уложения было поручено избранным чинам из отдельных ведомств, которых части касались. К слушанию Уложения велено вызвать из каждой провинции выборных из дворянства и купечества. 30 сентября 1764 года издан был указ остановить исполнение смертных приговоров, вместо чего осужденных бить кнутом и ссылать в тяжкую работу: с тех пор смертная казнь в России, кроме политических преступлений, вышла из употребления.

И. Я. Вишняков. Портрет императрицы Елизаветы Петровны

При набожной императрице заботились о доставлении духовенству защиты от светских правителей; освободили домы духовенства от

военных постоев; заботились о чинности богослужения, о приличном состоянии церквей; над иконописцами учреждены смотрители; запрещено продавать иконы без синодского одобрения; правительство обратило внимание, что в крестьянских избах на полках св. иконы стоят в нечистоте, от дыма закоптели, так что и ликов не видно, а многие иностранцы по городам ездят, в избах останавливаются и насмехаются над таким нерадением; вследствие этого велено священникам и архиерейским посланцам смотреть, чтоб крестьяне содержали иконы в чистоте; но при этом правительство сочло нужным прибавить, чтоб при осмотре икон никаких обид крестьянам не делалось и взяток с них не брали.

Вменено в обязанность родителям обучать детей своих Закону Божию, и для этого разосланы катехизисы по епархиям. В 1752 году пущена в продажу вновь напечатанная исправленная Библия. В 1754 году велено выбирать в архиереи и архимандриты из великороссиян: знак, что образование уже распространилось и между великороссийским духовенством. Раскол не уменьшался, и часты были случаи самосожжения: в Устюжской провинции сожгли себя 53 человека зараз; в Сибири сожгли себя 172 человека зараз. В 1761 году издан был указ, чтоб духовные лица воздерживались от неприличных сану их поступков, при следствиях по делам раскола предписывалось употреблять для обращения меч духовный, а не гражданский; поводом к указу послужило то, что в одном доме сгорело 150 человек раскольников, которые объявили, что сожигают себя от грабительства и разорения присылаемых против них команд.

Касательно войска при Елисавете важно было придуманное Петром Шуваловым разделение России на пять частей для сбора рекрут: установлен был ежегодный набор со ста душ по человеку, но не со всего государства, а только с пятой части, так что очередь поставки рекрут доходила до каждого общества и селения через пять лет.

В 1751 году позволено было православным сербам из австрийских владений выселиться в южную Россию; земли, данные этим поселенцам, получили название Новой Сербии; потом позволено было выселиться и из турецких областей, но только людям православного исповедания; из сербов учреждено было четыре полка.

Вместо отсылки отставных офицеров и солдат в монастыри для пропитания в 1758 году велено учредить инвалидный дом в Казани по

образцу парижского; в губерниях Казанской, Нижегородской, Воронежской и Белгородской велено построить богадельни для раненых и увечных солдат; в конце царствования начали хлопотать о приюте вдов и дочерей – сирот заслуженных людей, для этого назначали монастырь в Москве и послали справляться, как подобные учреждения содержатся в чужих краях. В 1760 году для содержания раненых офицеров и солдат учреждена государственная лотерея.

В 1754 году учреждены были государственные заемные банки, один для дворянства, другой для купечества, для того чтоб имевшие нужду в деньгах не разорялись, занимая у частных людей за 12, 15 и 20 процентов, «чего во всем свете не водится», говорит указ. Из банков каждый под залог движимого или недвижимого имущества мог получить до 10 000 рублей под 6 процентов. В 1755 году издан был важный для землевладельцев указ о генеральном межевании во всем государстве, но не приведен в исполнение.

Здание Московского университета (слева) у Воскресенских ворот на Красной площади. Гравюра нач. XIX в.

Для торговли внутренней самым важным распоряжением было уничтожение внутренних таможен и мелочных сборов, число которых простиралось до 17. Правительство сильно хлопотало и об усилении внешней торговли; комиссия о коммерции занималась вопросами: на каком основании учредить конторы при главных гаванях, для каждого товара особенную, как разделить русских купцов на компании, как их привлечь к оптовой торговле выпискою чрез конторы на свои имена товаров из других областей, какие взять предосторожности от контор иностранных и от комиссионеров, как некоторых из русских купцов перевесть для торговли к петербургскому порту, как посылать в чужие края из купеческих детей для коммерческих дел и кредита; рассмотреть фабрики – какие нужны для государства и какие надобно вновь завести; как посылать консулов в иностранные государства, как строить купцам корабли и пользоваться ими – казенным товарам оставаться ли в казенном содержании или в вольной продаже.

Восстановленный Елисаветою во всей прежней силе Главный магистрат объявил купцам всех городов, не захотят ли отпустить своих детей или приказчиков в Голландию учиться коммерции и содержанию контор.

В приведенных распоряжениях обнаруживалась преимущественно деятельность графа Петра Ивановича Шувалова; в мерах относительно просвещения обнаруживается деятельность Ив[ана] Ив[ановича] Шувалова. В 1755 году был основан университет в Москве и при нем две гимназии, по проекту Шувалова. Университет учреждается, говорилось в проекте, для дворян и разночинцев по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются; одна гимназия назначалась для дворянства, другая – для разночинцев. Учредить университет именно в Москве заставили следующие соображения: большое число живущих в ней дворян и разночинцев; положение ее в середине государства, куда каждому легче приехать; дешевизна содержания; возможность каждому почти найти в Москве родственников или знакомых; множество помещиков, которые живут в Москве, платят большие деньги домашним учителям, неспособным и незнающим, иностранцам, которые прежде были лакеями, парикмахерами и т. п.

Московский университет, говорил Шувалов, даст возможность заменить этих иностранцев русскими наставниками, даст возможность

завести и по другим городам училища, от которых «и в отдаленном простом народе суеверия, расколы и тому подобные от невежества происходящие ереси истребятся». В трех факультетах – юридическом, медицинском и философском – новый университет имел 10 профессоров. Домашние учителя-иностранцы должны были подвергаться экзамену. В 1757 году последовало доношение Московского университета о необходимости учредить Академию художеств в Петербурге, в 1758 году – об учреждении гимназии в Казани; Шувалов представил о необходимости учредить гимназии и школы в губерниях, и ему Сенат поручил составление штатов и плана.

В 1761 году велено выдавать двойное жалованье русским лекарям, желающим отправиться за границу для усовершенствования себя в медицине. В Петербурге и Москве учреждены школы для обучения повивальному искусству; учреждены были школы на Украинской линии для обучения однодворческих и ландмилицких детей; в Оренбурге учреждена школа для детей ссыльных.

В проекте Московского университета Шувалов говорил, что благодаря науке, внесенной Петром Великим, в короткое время произошла перемена в нравах и обычаях. Действительно, можно было заметить перемену, преимущественно внешнюю; большой же внутренней перемены к лучшему при слабых начатках просвещения еще не могло быть. Доказательством служило это присутствие внутренних врагов, на которых так горько должна была жаловаться императрица Елисавета в конце своего царствования:

«Законы исполнения своего не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою беззаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают; с каким прискорбием видим мы это и чувствуем, что вкореняющееся зло пресечения не имеет. Несытая алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие – предводительством судей, потворство и упущение – ободрением беззаконникам».

Продолжали свирепствовать и другого рода внутренние враги, разбои в больших размерах не прекращались: в Низовых областях, по Оке до Казани разбойники ходили шайками по 50 человек, разбивали суда и деревни, шедший в Сибирь казенный китайский караван едва отбился от них пушками, и губернаторы и воеводы не обращали на это никакого внимания; в Москве, точно так же как в допетровское время,

господские люди разбойничали днем и ночью. В 1756 году на Оке, выше Нижнего, появилось в двух лодках 80 человек разбойников, отлично вооруженных, с пушками; отправленное против них войско правительства было разбито; в Алатыре разбит был магистрат.

Что касается до Малороссии при Елисавете, то в 1743 году, когда императрица приехала в Киев на богомолье, старшины поднесли ей просьбу о позволении выбрать гетмана, вследствие чего Сенату было велено распорядиться насчет гетманского избрания. Но Сенат медлил, потому что человек, назначенный в гетманы, еще образовывался за границею: то был родной брат Алексея Разумовского, Кирилла Григорьевич; наконец в 1750 году собрана была рада в Глухове, и двадцатидвухлетний Разумовский, бывший уже президентом Академии наук, был избран в гетманы.

Глава XLVI. Царствование Петра III Федоровича

Это кратковременное царствование особенно замечательно двумя постановлениями: о правах дворянства и об уничтожении Тайной канцелярии. В феврале 1762 года издан был манифест, в котором говорилось, что при Петре Великом и его преемниках нужно было принуждать дворян служить и учиться, отчего произошла большая польза, истреблено нерадение к пользе общей, невежество; знание и прилежание к службе умножили искусных и храбрых генералов, также людей, сведущих в гражданских и политических делах, благородные мысли вкоренили в сердцах патриотов беспредельную верность и любовь к государю и великое усердие к службе. «И потому, – заключает император, – мы не находим той необходимости в принуждении к службе, какое до сих пор потребно было».

Чрез несколько дней издан был другой манифест – об уничтожении Тайной розыскной канцелярии. Канцелярия эта получила начало при Петре Великом для розысков о государственных преступлениях, когда шла самая сильная борьба между старым и новым порядком вещей, когда приверженцы старины не щадили преобразователя, возбуждали к нему ненависть распространением в народе самых нелепых против него выдумок. Но при этом вместе с действительными преступниками розыску (пытке) подвергались люди простые, солдаты, крестьяне, передавшие какой-нибудь слух, в сердцах не подумавшие, о ком и о чем идет речь, не привыкшие, особенно в пьяном виде, удерживаться от бранных выражений; приводились в канцелярию и люди невинные, на которых донесено было по злобе; клеветники подвергались такому же наказанию, какое ожидало обвиненных, если бы вина была доказана, но это не прекращало ложных доносов.

В царствование императрицы Анны через Тайную канцелярию прошел целый ряд священников, позабывших отслужить молебны и обедни в царские дни: все они были расстрижены, биты кнутом и сосланы в Сибирь.

В манифесте Петра III говорилось: «Всем известно, что к учреждению Тайной канцелярии побудили Петра Великого тогдашних

времен обстоятельства и не исправленные еще в народе нравы. С того времени год от году меньше становилось надобностей в таких канцеляриях; но так как Тайная канцелярия все оставалась в своей силе, то злым людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные наказания, или клеветать на своих начальников и неприятелей. Поэтому Тайная канцелярия уничтожается навсегда, ненавистное выражение *«слово и дело»* (произносимое обыкновенно доносчиками) не должно значить ничего. Доносы по первому и второму пункту представляются в ближайшее судебное место или к ближнему военному командиру; доносы преступников не выслушиваются; тех, на которых донесено без свидетелей и письменных доказательств, под караул не брать и подозрительными не почитать прежде рассмотрения дела». В столице ведение дел по первым двум пунктам император предоставил себе, чтоб показать пример, «как должно кротостию исследования, а не кровопролитием истину отделять от клеветы и коварства».

Велено было также прекратить исследования о раскольниках-самосожигателях; издан указ о защите раскольников от обид. Раскольникам, бежавшим в Польшу и другие заграничные места, позволено было возвратиться; им отведены были для поселения земли в Сибири, и запрещено их преследовать, «ибо, – говорит указ, – внутри Всероссийской империи и иноверные, яко магометане и идолопоклонники состоят, а те раскольники *христиане,* точно в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно».

В некоторых местах крестьяне, побуждаемые ложными слухами, вышли из повиновения помещикам, издан был манифест о прощении этих крестьян, если принесут раскаяние, и о наказании рассевателей ложных слухов. Опальные прежнего царствования были возвращены из ссылки; в большой милости при дворе явился знаменитый Миних, в котором несчастия и лета не ослабили энергии и честолюбия.

Что касается внешних отношений, то Петр III, питая неограниченное уважение к Фридриху II, тотчас по вступлении своем на престол поспешил прекратить войну с Пруссиею, отказался от всех завоеваний, велел русским войскам, стоявшим в Померании, сдать свои магазины пруссакам, послал вспоможение жителям Пруссии,

разоренным русскими войсками; заключен был тесный союз между Россиею и Пруссиею. Окончив войну с Фридрихом II, Петр III хотел немедленно же начать войну с Даниею вследствие давней вражды между этою державою и герцогством Голштинским.

Окончание одной войны без всякой пользы для России, вследствие личного расположения; приготовления к другой войне, не обещавшей для России никаких выгод, начинаемой из личной вражды; поклонение Фридриху II и всему прусскому; преимущества, оказываемые голштинским войскам и вообще иностранцам, возбуждали неудовольствие, которое увеличивалось вследствие нерасположения Петра III к супруге своей Екатерине Алексеевне, умевшей приобресть уважение и любовь своими блестящими способностями, развитыми образованием, и своею преданностью русским интересам. 28 июня 1762 года вспыхнуло восстание; Екатерина была провозглашена императрицею; Петр после неудавшейся попытки к сопротивлению отрекся от престола в пользу супруги своей, и скоро потом смерть постигла его в загородном дворце, 6 июля, на 35-м году от рождения.

Глава XLVII. Литература от Петра Второго до Екатерины II

1. Общий характер. Кантемир

Так как эпоха преобразования царствованием Петра Великого не кончилась, то все вопросы, поднятые вследствие нового порядка вещей, все столкновения, им порожденные, должны были иметь силу и после Петра, должны были главным образом отражаться в литературе. В литературе отражалась борьба между старым и новым.

Приверженцы старины, раскольники, имели свою тайную рукописную литературу, в которой высказывались обличения новому порядку, прославлялись подвиги и страдания приверженцев старины. Явная, печатная литература исключительно принадлежала приверженцам нового, которые, предоставя церковным писателям ратовать против раскола, с одной стороны, прославляли новый порядок вещей и его виновника Петра, с другой – вооружались против защитников старины.

Таковы сатиры Кантемира, писателя-вельможи, передового бойца в рядах поклонников Петра и нового порядка. Кантемир старается представить в смешном виде людей, толкующих о вреде, какой происходит в обществе от науки, старается показать, что одно своекорыстие заставляет их жалеть о старом времени и порицать новое. Кантемир старался показать важность образования, которое усугубляет природные силы человека, молодого равняет со стариками по мудрости; сатирик вооружается против тех отцов, которые копят богатство и пренебрегают воспитанием детей и потом горюют, когда сын, выросши, делается негодным человеком.

Цель воспитания, цель всех наук и искусств, по Кантемиру, состоит в том, чтоб сердце юноши утвердить в добрых нравах, сделать его полезным отечеству, между людьми любезным и всегда желательным. Прославляя науку, введенную Петром, Кантемир необходимо должен был прославлять самого Петра, через постановление которого мы стали вдруг народом новым, по выражению Кантемира; труд Петра был корнем нашей славы; благодаря этому труду, подвигам, странствиям принесены были к нам из чужих краев приличные человеку нравы и искусства.

2. Ломоносов

Вторым, более громким прославителем Петра и нового порядка был знаменитый Ломоносов, поэт, оратор, ученый, автор грамматики, риторики, отечественной истории, химик, геолог и физик. Мы видели, что Петр, основывая Академию, объявил, что при тогдашних средствах России не может быть трех отдельных учреждений – академии, университета и гимназии и что одно учреждение должно носить этот тройственный характер; действительно, разделения занятий по недостатку средств и людей быть еще не могло, одно учреждение должно было исполнять несколько обязанностей, один даровитый и ученый человек должен был приниматься за несколько разнородных занятий, удовлетворять многим с разных сторон требованиям.

Таков был и Ломоносов. Громадная деятельность Ломоносова, могущественное влияние его на школу и на все последующее образование всего сильнее утвердили тот взгляд, что образованные русские люди обязаны своим бытием Петру; Петр в сочинениях Ломоносова называется богом России; город, им основанный, – священным городом. Для русского человека, изучившего оды и похвальные слова Ломоносова, величественная фигура преобразователя поднялась на недосягаемую высоту и заслонила собою всю предыдущую историю; из этой истории только одно лицо Ломоносов сопоставляет с Петром – Великого Иоанна (Грозного), которого называет примером для Петра; оба героя трудятся вместе для величия России.

Неизвестный художник. Портрет М. В. Ломоносова

Оды и похвальные слова Ломоносова Елисавете суть оды и похвальные слова Петру; похвалы дочери рифмуют только похвалам

отцу. Кроме обычного прославления просвещения и просветителя – Петра в сочинениях знаменитого писателя находим любопытные мысли, или взятые им из тогдашнего общества, или распространенные им в обществе.

Так, Ломоносов указывает две цели для русского оружия: завоевания Турции и Китая. Особенно любопытно рассуждение Ломоносова о размножении и сохранении российского народа в письме к И. И. Шувалову, который был покровителем и другом знаменитого писателя и по его внушениям хлопотал об учреждении Московского университета. В этом рассуждении Ломоносов указывает язвы тогдашнего общества и предлагает средства к их исцелению: Ломоносов вооружается против браков между стариками и молодыми девицами и наоборот, что было тогда в обычае по деревням; говорит против пострижения молодых людей в монахи, требует учреждения воспитательных домов, умножения искусных повивальных бабок, распространения медицинских книг для народного употребления, уничтожения суеверий; вооружается против невоздержания на Масленице и на Светлой неделе; жалуется на недостаточность врачебных пособий в народе и войске; жалуется на кровавые драки, которые происходят между соседями, особенно между помещиками, и единственным средством прекращения этих драк считает межевание; говорит, что нет никакой надежды уменьшить разбои, потому что в России есть глухие пространства без городов на 500 и больше верст – убежище для разбойников и всяких беглых и беспаспортных людей; Ломоносов предлагал по таким местам основать города. Потом Ломоносов указывает на уменьшение народонаселения от побегов крестьян за польскую границу: лучшее средство против этого, по мнению автора, есть кроткое обращение с крестьянами.

В одном письме своем к Шувалову Ломоносов говорит, что он «читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации, сочиняет разные стихи и проекты торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества и должен еще на срок поставить». Русскою историею Ломоносов стал заниматься по предложению Шувалова, который хотел, чтоб он исключительно занялся этим трудом. Но Ломоносов занимался им не по призванию (любимые науки его были физика и химия), и он думал, что стоит только употребить

искусство – и русская история представит деяния, подобные деяниям героев греческих и римских; смотря на историю только как на украшенный витийством рассказ, имеющий прославление геройских подвигов, Ломоносов очень легко обходился с источниками; витиеватое изложение вышло далеко не художественно, но при решении некоторых вопросов из древностей видны проблески сильного таланта. Враждуя с немцами, Ломоносов никак не хотел выводить Рюрика с братьями из Скандинавии и выводил их из Пруссии, делая пруссаков славянами.

3. Труды русской истории

И ученые, менее Ломоносова даровитые, не могли посвящать своей деятельности одному какому-нибудь предмету. Так, известный уже нам Тредьяковский, профессор элоквенции, знаменитый автор «Тилемахиды», переводчик Римской истории Ролленя, писал также историческое исследование о варяго-руссах, которые являются у него жителями острова Рюгена, славянами поморскими.

Но более всех в это время для русской истории потрудился В. Н. Татищев, на деятельности которого также отразился общий характер эпохи, когда дела было гораздо больше, чем рук, когда разделение занятий было невозможно; взявшись за одно дело, видели, что для него необходимо несколько приготовительных работ, одна работа вела к другой, и один деятель должен был вдруг удовлетворять многим потребностям. Управляющий горными заводами, впоследствии астраханский губернатор, Татищев делается первым собирателем и критиком материалов русской истории.

Это случилось таким образом: служа под начальством графа Брюса, Татищев помогал ему в составлении полной русской географии, а потом должен был взять на себя один весь этот труд, но при этом Татищев заметил, что без полной и верной истории нельзя составить полной и верной географии, и вот он начинает заниматься русскою историею: собирает летописи, делает выписки из немецких и польских исторических книг, из книг же, написанных на языках, ему незнакомых, заставляет переводить известия об России. Татищев не хотел писать русской истории, он хотел собрать материалы и показать, как надобно ими пользоваться; труд его, известный под именем «Истории Российской», есть свод летописей, а в примечаниях Татищев сообщает свой взгляд на события и предлагает критику летописных известий.

Важная заслуга Татищева состоит в том, что он дал понятие, как приняться за дело, показал, что такое русская история, какие существуют средства для ее сочинения. Но труд Татищева не был оценен современниками; одним не нравился простой летописный, неукрашенный рассказ, другие вооружались против некоторых резких суждений автора в примечаниях, и книга не была напечатана при жизни Татищева.

Неизданным оставалось в это время «Ядро Российской истории», сочиненное Манкиевым еще при Петре Великом и долго приписываемое князю Хилкову. Исключая древнейший период, события переданы в «Ядре» просто, обстоятельно, почти безошибочно.

Кроме означенных русских людей с пользою занимались русскою историею два иностранца, Байер и Мюллер, призванные в Петербургскую академию. Байер, не знавший по-русски, мог с успехом заниматься только теми вопросами, где мог пользоваться иностранными источниками; он положил начало научному исследованию о происхождении варягов-руси, которых выводил из Скандинавии. Неутомимый Мюллер знаменит особенно как собиратель и издатель материалов исторических и географических.

Но в то время, когда явилась потребность собирания материалов древней русской истории, были люди, которые, записывая события современные, события собственной жизни, оставили нам любопытные известия о новой России, об этом обществе, тронутом преобразованиями. Из этих записок особенно замечательны записки майора Данилова, представляющие любопытную картину нравов и обычаев времени. Здесь мы видим русских дворян второй четверти XVIII века, видим, как богатые дворяне жили, окруженные своими приживальцами – бедными родственниками, как дворянские дети учились грамоте у дьячков, считавших розги единственным средством к успеху, потом поступали в школы, учрежденные правительством, и как в школах этих не было ни порядка, ни присмотра, преподавал пьяный учитель, три раза попадавшийся в убийстве; видим, как служили богатые дворяне, получавшие годовые отпуски по милости полкового секретаря, бравшего за это по 12 человек крестьян с семействами. Видим, как разбойники разоряют помещичьи дома, как воеводы посылают сыновей своих на святках славить по уезду с пятью или более пустыми санями, и как эти сани возвращаются наполненные хлебом и курами.

Сколько важны записки Данилова относительно быта провинциальных дворян, столько же важны записки князя Якова Шаховского относительно высших слоев тогдашнего общества. Шаховской начал свою деятельность при Бироне, слыхал от этого временщика выражение: «Вы, русские»; сильно поднялся при правительнице Анне, рисковал всего лишиться при вступлении на

престол Елисаветы, но удержался, хотя и не с прежним значением; замечательны его служба в звании синодского обер-прокурора, отношения к синодальным членам; в качестве генерал-прокурора Шаховской сталкивался с могущественным Петром Шуваловым, обличал его поступки. Вообще Шаховской представляет утешительное явление: это был гражданин, крепкий верою и сознанием своих обязанностей.

Из записок иностранцев о русских событиях особо замечательны записки Манштейна.

4. Сумароков

В описываемое время появились и литературные журналы. Сумароков, человек тщеславный, сварливый, нестерпимый, писатель недаровитый, но неутомимый и смелый обличитель общественных недостатков, издавал журнал «Трудолюбивая пчела»; содержанием служили оригинальные и переводные стихотворения, рассуждения, например о пользе мифологии и т. п., странные исторические статьи вроде баснословного рассказа о созидании Москвы.

Но важнее те статьи, в которых высказывается уже недовольство крайностями господствующего направления; Сумароков нападает на пестроту русского языка, вобравшего в себя множество иностранных слов, частию чрез заимствование новых понятий у народов чуждых, более образованных, частию по необходимости читать всегда иностранные книги за неимением русских, частью, наконец, от ребяческой хвастливости знанием, которое не все имеют, знанием, которое отличало человека образованного, принадлежащего к высшему сословию, от человека из простонародья. Насмехаясь над пестротою языка так называемых образованных людей, Сумароков насмехался над их поверхностным образованием, насмехался над этими кавалерами-петиметрами, как их тогда называли, которые кричали обо всем, не зная основательно ничего, не умея ничего доказать. Кроме петиметров Сумароков особенно вооружался в своем журнале против подьячих-взяточников.

5. Театр

Мы видели, что театральные представления начались у нас еще при царе Алексее Михайловиче, но эти представления не были публичными. При Петре в Москве являются публичные театральные представления, немецкие и русские; чтоб охотнее ездили в Комедиальную храмину, отменена была проезжая пошлина в ночное время в те дни, когда бывали представления; на сцене прославлялось торжество Петра над домашними врагами, выводились на посмеяние люди и мнения, с которыми боролся Петр, осмеивался раскольник, вооружавшийся против латинских школ, дьячок, откупающий детей от школы, подьячий-взяточник.

С переселением двора в Петербург московский театр мало-помалу прекратился; в Петербурге при Анне и Елисавете видим иностранные труппы; русские пьесы игрались только в Кадетском корпусе. Но при Елисавете явился русский театр в Ярославле, заведенный купеческим сыном Волковым. Волков был вызван в Петербург, где в 1756 году учрежден публичный российский театр; а в 1759 году Волков был отправлен в Москву для учреждения и там театра.

Глава XLVIII. Царствование Екатерины II

1. Внутреннее неустройство. Мирович

Новая императрица прекратила приготовления к бесполезной войне с Пруссиею. Ей нужно было, как говорила она, по крайней мере пять лет спокойствия, чтоб восстановить порядок. Действительно, отсутствие закона о престолонаследии, перевороты, вследствие которых сменялись государи, приучали народ ждать новых перемен, считать их легкими. Быстрое возвышение людей, принимавших участие в переворотах, кружило головы, побуждая к подобным же предприятиям.

В 1764 году подпоручик Мирович вздумал освободить из Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича брауншвейгского и провозгласить его императором, но дело кончилось тем, что караульные офицеры, не находя другого средства помешать Мировичу, убили несчастного Иоанна. Мирович был казнен смертию; народ, отвыкший от подобных зрелищ в царствование Елисаветы, когда увидал голову в руках палача, ахнул в один голос и так сильно вздрогнул, что мост, на котором стояла толпа, зашатался и перила обвалились.

И. И. Творожников. Поручик Василий Мирович у трупа Ивана Антоновича в Шлиссельбургской крепости

2. Дела курляндские

Екатерина не могла пять лет спокойно заниматься внутренним устройством государства: в соседних странах происходили события, которые должны были обратить на себя внимание. Со времен императрицы Анны русские войска постоянно находились в Курляндии; герцог курляндский Бирон из правителей русской империи попал было в Сибирь, потом при Елисавете жил ссыльным в Ярославле, при Петре III возвратился ко двору, но император не хотел возвратить ему Курляндии, которую назначал одному из своих родственников, принцев голштинских, тогда как польский король Август III хлопотал о том, чтоб Курляндия принадлежала сыну его принцу Карлу саксонскому. Но Екатерина по восшествии на престол объявила Бирона единственным законным герцогом курляндским; Карл саксонский должен был бежать от русских войск, и Бирон стал править Курляндиею.

3. Волнения в Польше

Польскому королю Августу III оставалось недолго жить, и предстояли королевские выборы. В Польше в это время боролись две партии: партия придворная, во главе которой стояли всемогущий при Августе III министр Брюль и зять его Мнишек, и партия, во главе которой стояли двое братьев князей Чарторыйских. Последняя партия держалась России; чтоб поддержать своих, Екатерине надобно было действовать против брюлевской, или саксонской, партии, противодействовать ее стремлению возвести на польский престол по смерти Августа III сына его, курфюрста саксонского.

Противиться возведению на престол курфюрста Россия должна была и потому, что это возведение было несогласно с Северною системою, которая служила основанием тогдашней политики петербургского двора. Северная система состояла в том, чтоб северные европейские государства – Россия, Пруссия, Англия, Дания, Швеция и Польша – составляли постоянный союз, противоположный австро-французскому союзу Южной Европы; курфюрст же саксонский, ставши королем польским, мог оттянуть Польшу к австро-французскому союзу. Всего выгоднее для России было возведение на престол кого-нибудь из природных поляков, или *пяста,* как тогда выражались, и именно человека из русской партии, т. е. партии Чарторыйских. Вот почему по смерти Августа III, случившейся в октябре 1763 года, Екатерина выставила кандидатом на польский престол племянника Чарторыйских графа Станислава Понятовского, лично ей хорошо известного. Фридрих II прусский согласился также поддерживать Понятовского за оборонительный союз с Россиею, причем оба обязались не допускать в Польше никаких перемен в ее государственном устройстве.

Как обыкновенно было при королевских выборах, Польша взволновалась борьбою партий, и также по обычаю усобица была прекращена иностранным оружием: Чарторыйские призвали русские войска, которые заставили врагов их бежать за границу. Восторжествовавшая сторона выбрала в короли Понятовского под именем Августа IV (7 сентября 1764 г.).

Но избрание королевское не успокоило Польши: поднялся вопрос о *диссидентах.* Мы видели, что в XVII веке стремление поляков

уничтожить в западной России православие и русскую народность, насильственное введение унии повели сначала к восстаниям по Украине, а потом к продолжительной войне с Россиею, кончившейся тем, что восточный берег Днепра и Киев отошли к Москве, но и на Западной Украине, оставшейся за Польшею, казаки лучше хотели быть под турецким, чем под польским подданством. Одинакая опасность, грозившая со стороны турок, заставила Россию и Польшу заключить мир и союз.

Поляки воспользовались этим союзом, чтоб усилить гонение на православных. В 1718 году в письме к польскому королю Августу II Петр Великий жаловался, что в Польше не обращают внимания на его ходатайство в пользу русских, что в противность договорам православные епархии отданы униатам, что русских насильно обращают в унию. В 1720 году Петр повторил свою жалобу, и король Август издал грамоту о свободе греческой веры в польских областях, но эта грамота осталась без действия. В 1723 году Петр обратился прямо к папе с просьбою положить конец притеснениям и угрозою, что в противном случае и у католического духовенства в России будет отнято свободное отправление веры. Папа уклонился от решения дела; а между тем из Польши приходили вести, что там православных священников бросают в тюрьмы за несогласие принять унию, связывают им руки, секут розгами, режут руки и ноги, иезуиты вторгаются в православные монастыри, забирают образа из церквей, расстроивают погребальные церемонии, ломают свечи и кресты.

Преемники Петра Великого продолжали протестовать против этих явлений, и все понапрасну. В половине XVIII века русским в польских областях было запрещено не только строить вновь, но и поправлять церкви, у русских отняли право быть депутатами на сейме и занимать общественные должности; цензура церковных книг православных была поручена католикам; русские обязаны были платить десятину и другие поборы в пользу католического духовенства, им приказывалось принимать участие в католических церемониях, подчиняться католическому церковному суду.

Ф. С. Рокотов. Портрет Екатерины II

Екатерина не хотела равнодушно смотреть на это. В 1763 году православный епископ белорусский Георгий Конисский подал императрице жалобу на жестокие притеснения, претерпеваемые в польских владениях православными от католиков. Россия и Пруссия

согласились поддержать требования диссидентов, т. е. некатоликов – как православных, так и протестантов, – выговорить для них у польского правительства уравнение, хотя и неполное, прав с католиками. Но желание союзных дворов встретило на сеймах страшное сопротивление. На сейме 1766 года грозились изрубить в куски депутата Гуровского, начавшего речь в пользу диссидентов. Чарторыйские объявили русскому послу в Варшаве князю Репнину, что не могут помогать России во вредном для их отечества деле.

Тогда Репнин получил от своего двора приказание составить конфедерацию между диссидентами, которые должны были обратиться к России с просьбою о помощи, и если Чарторыйские откажутся помогать в деле, то поднять противную им партию и посредством нее провести диссидентское дело.

Вследствие этого весною 1767 года образовалась конфедерация из протестантов в Торне и из православных в Слуцке. Образовалась в Радоме и соединенная польско-литовская конфедерация под предводительством врагов фамилии Чарторыйских. Но эти конфедераты-католики откликнулись на приглашение русского посла, имея в виду русскою помощию свергнуть короля и сделать с Чарторыйскими то же, что те сделали с ними во время своего торжества. Начальные люди конфедерации к диссидентскому делу были равнодушны, а толпа отличалась такою же религиозною нетерпимостию, как и прежде. Поэтому Репнин, чтоб преодолеть это тупое сопротивление, должен был прибегать к военной силе. Краковский епископ Солтык стал в челе религиозного движения: пятнадцать секретарей день и ночь писали его пастырские послания, в которых он призывал Духа Св. на сеймы для мужественного отпора требованиям диссидентов.

На сейме, начавшемся в октябре 1767 года, кроме Солтыка главными противниками России и диссидентского дела явились епископ киевский Залуский и краковский воевода Ржевуский. Репнин велел схватить Солтыка, Залуского и Ржевуского с сыном и отправить в Россию. Все успокоилось. Назначена была комиссия для окончательного решения диссидентского дела и постановила, что все диссиденты шляхетского происхождения уравниваются с католическою шляхтой во всех политических правах, но королем может быть только католик и католическое исповедание остается господствующим. В

феврале 1768 года заключен был между Россиею и Польшею договор, по которому Россия ручалась за сохранение существующего порядка в Польше; следовательно, без вмешательства и согласия России не могло произойти в Польше никакой перемены. Польские послы явились в Петербург благодарить императрицу от имени народа польского и литовского за покровительство.

В Петербурге могли думать, что тяжелое польское дело окончено. Конфедерация как достигшая своей цели была распущена; русские войска вышли из Варшавы, готовились выйти и из королевства, как в марте 1768 года были получены известия о беспокойствах в Подолии. Красинский, брат епископа каменецкого, и Пулавский, адвокат, захватили город Бар и подняли там знамя восстания за веру и свободу; в Галиции образовалась другая конфедерация, под предводительством Потоцкого; в Люблине – третья, под предводительством Рожевского. Но восстание это вовсе не было народным: громкие слова *«вера и свобода»* не производили впечатления на массу; трудно было подниматься за веру, полагаясь только на слова какого-нибудь монаха-фанатика, не видя, кто и как утесняет веру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовались немногие и пользовались для того, чтоб составлять конфедерации то против одного, то против другого, приглашая на помощь чужие войска.

В Варшаве состоялось сенатское решение – просить императрицу всероссийскую как ручательницу за свободу, законы и права республики обратить свои войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников. Репнин двинул войска в разных направлениях, и конфедераты нигде не могли выдержать их напора. Города, занятые конфедератами, – Бар, Бердичев, Краков – были у них взяты, но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератов, которые рассыпались по стране, захватывали казенные деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовного и светского человека. Награбивши денег, шайки эти убегали в Венгрию или Силезию. С самого начала уже было видно, что конфедерация собственными силами не в состоянии была держаться против русских, и потому она ждала спасения только от чужой помощи.

Каменецкий епископ Красинский объехал дворы дрезденский, венский, версальский, проповедуя всюду, что Россия хочет овладеть

Польшею, и какая беда будет от этого всей Европе! Австрия и особенно Франция склонились на сторону конфедератов.

Неизвестный художник. Портрет Ш. Ф. Дюмурье, французского генерала и министра

Главная квартира конфедерации находилась в Тешене, а генералитет, в челе которого находился граф Пац, имел пребывание в Эпериеше (Пряшов в Венгрии). Первый министр Людовика XV герцог Шуазель признал конфедерацию и отправил к ней на помощь

знаменитого впоследствии Дюмурье, который в своих записках оставил нам описание тогдашнего состояния дел в Польше и у конфедератов. По словам Дюмурье, Пац был человек, преданный удовольствиям, очень любезный, но легкомысленный, более смелый, чем храбрый, и более честолюбивый, чем способный. Зато он хвалит генерального секретаря Богуша, который управлял всем. Пулавский был храбрый и предприимчивый молодой человек, но непостоянный, не умевший остановиться ни на одном плане, невежда в военном искусстве, но считавший себя великим полководцем вследствие преувеличенных похвал, которыми осыпали его соотечественники.

Главы конфедерации жили с изумительною роскошью, делали безумные издержки, проводили часть дня за длинными обедами, игра и танцы составляли их исключительное занятие. Они думали, что Дюмурье привезет им сокровища, и были в отчаянии, когда он объявил, что приехал без денег, и прибавил, что, судя по их образу жизни, они в них не нуждаются. Он дал знать Шуазелю, чтоб тот перестал давать пенсии подобным людям, и герцог поступил по его совету. Войско конфедерации Дюмурье нашел еще в худшем состоянии: оно простиралось до 17 000 человек под начальством десятка независимых вождей, несогласных между собою, не доверявших друг другу, иногда вступавших в междоусобные битвы. Все это войско было конное; оно состояло из шляхтичей, которые, считая себя равными, не хотели никого слушаться, отсюда отсутствие всякой дисциплины.

Дурно вооруженные, имевшие дурных лошадей, конфедераты не могли с успехом противиться линейным русским войскам, не могли равняться даже с казаками. У конфедерации не было ни крепостей, ни одного человека пехоты. Шляхтичи или товарищи не хотели держать караулов и посылали для этого крестьян, а сами играли и пили. Но способности и энергия, по замечанию Дюмурье, перешли в Польше от мужчин к женщинам, которые занимались делами, в то время как мужчины вели женоподобную жизнь. Правление в Польше чисто аристократическое, говорит Дюмурье, но у аристократии нет народа, которым бы она управляла, ибо нельзя дать это имя миллионам рабов, прикрепленных к земле; Польша представляет тело с головами и желудками, но без рук и ног; Польша походит на сахарную плантацию и потому не может сохранить независимости; завоеванные части края выиграли с переменою властителей. Эти отзывы человека, который не

имел никакой причины смотреть враждебно на Польшу, всего лучше объясняют нам судьбу этой страны.

4. Первая турецкая война

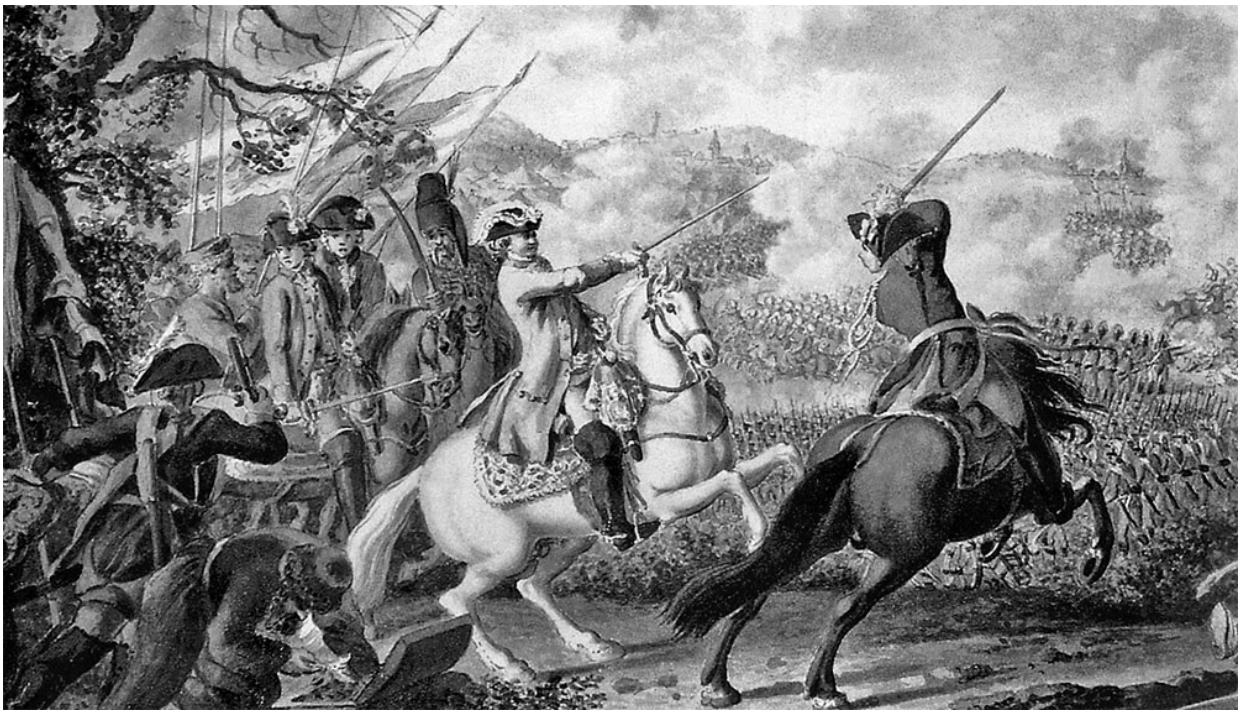
Несмотря на такое печальное состояние дел конфедерации, она продолжалась довольно долго благодаря Турции, которая отвлекла силы России от Польши. В 1768 году одновременно с Барскою конфедерациею вспыхнуло на Украине казацкое восстание под предводительством Железняка и Юнты. Это восстание, известное под именем бунта гайдамаков, напоминало восстание Богдана Хмельницкого в XVII веке. Казаки, провозглашая себя борцами за угнетенное православие, истребляли без милосердия польскую шляхту и жидов; овладев городом Уманью, устлали улицы его трупами, глубокий колодезь наполнили убитыми детьми. Начальник одного из гайдамацких отрядов сотник Шила направился к богатому пограничному местечку Балте, которое только речкою отделялось от татарского местечка Галты.

Гайдамаки, войдя в Балту, перерезали здесь жидов, но когда ушли, жиды и турки из Галты перешли в Балту и стали бить ее православных жителей; гайдамаки, узнав об этом, возвратились и отомстили разорением Галты. Турецкое правительство, давно уже подущаемое Францией, воспользовалось этим происшествием для объявления войны России, и крымский хан получил приказ вторгнуться в русские пределы. Зимою 1768 года татары опустошили Новую Сербию. Россия, занятая польскими делами, на первых порах должна была ограничиться преимущественно оборонительною войною, но в первый же год войны (1769) князю Александру Голицыну удалось разбить великого визиря у Хотина и овладеть этою крепостию. Голицын был сменен Румянцевым.

В первых числах мая 1770 года Румянцев двинулся из зимних квартир, в июне прогнал турок из лагеря их при Пруте и шел вперед, несмотря на ничтожность своего войска в сравнении с войском турецким; 7 июля он нашел стотысячное войско крымского хана в укрепленном лагере на берегу речки Ларги, напал на него, и лагерь достался русским. Вслед за этою победою 21 июля одержана была другая, более блестящая, над самим визирем при Кагуле; у Румянцева было не более 17 000 человек, усталых, голодных; у визиря – 150 000, да с тылу русским грозили татары в числе 80 000.

Победа эта напомнила древнюю историю, когда горсть греков разбивала полчища персидские; обстоятельства были одинакие, и тогда и теперь шла так же борьба между Европою и Азиею, между европейским качеством и азиатским количеством. Занятие нескольких важных крепостей было следствием побед Румянцева.

В то же время русский флот действовал в Средиземном море и Архипелаге. Целью отправления флота было подание помощи греческому народонаселению, готовому восстать против турок. Восстание действительно распространилось быстро по всей Морее. Главное начальство над русским флотом принял граф Алексей Григорьевич Орлов. 24 июня произошел страшный бой в Хиосском заливе; турецкий флот скрылся в Чесменскую гавань, но русский флот напал на него здесь и сжег; героем первой битвы был Спиридов, второй – Грейг. Хиосская и Чесменская битвы могли бы иметь важные последствия, если бы русский флот пошел прямо к Дарданеллам, но он занялся покорением архипелажских островов, а между тем турки с помощью французского агента барона Тотта успели укрепить Дарданеллы, и когда русский флот приступил к ним, то встретил такое сопротивление, что должен был отступить.



Д. Ходовецкий. Сражение при Кагуле

В 1771 году благодаря особенно действиям генерала Вейсмана оба берега Дуная, от Журжи до Черного моря, были заняты русскими войсками. С другой стороны князь Василий Михайлович Долгорукий перешел в Крым. Разбойники, привыкшие в продолжение веков к нечаянным нападениям на чужие земли, не умели защищать свои собственные: в две недели Долгорукий занял весь полуостров. Бывало, в старину гонец за гонцом скакал в Москву с известиями о приближении страшного Гирея к Оке, а теперь вестник за вестником являлся к изумленному петербургскому двору с донесениями о необычайных успехах Долгорукого: на рассвете приедет один, в полдень – другой, пред захождением солнца – третий.

5. Первый раздел Польши и мир с Турциею

С турецкою войной в тесной связи находились дела польские. Чарторыйские и сам король Станислав воспользовались турецкою войною, разделением русских сил, чтоб стать в независимое положение от России, отказались содействовать ей в успокоении Польши, в истреблении конфедерации, выжидая, что перемена военного счастья и заступничество европейских держав за Польшу заставят императрицу русскую отказаться и от диссидентов, и от гарантии существующего государственного порядка в Польше.

Тщетно петербургский кабинет предлагал им издать успокоительное объяснение насчет гарантии и обещал согласиться на ограничение диссидентских прав, если сами диссиденты пожелают пожертвовать некоторыми правами своими для успокоения отечества: король и вельможи не хотели входить ни в какие соглашения, ожидая более благоприятного для себя: времени, когда Россия будет принуждена уступить все; а между тем ни король, ни вельможи не стыдились выпрашивать денег у русских послов. Все, следовательно, зависело здесь от окончания войны турецкой. Россия при своих блистательных успехах, разумеется, не могла окончить ее без вознаграждения.

Екатерина требовала для России только одного небольшого острова на Архипелаге для удобства торговли, но при этом требовала независимости Крыма от Турции и также независимости Молдавии и Валахии; Австрия никак не хотела согласиться на последнее и грозила России войною. Война эта была бы неопасна для России при союзе с Пруссиею, но Фридрих II не хотел помогать России бескорыстно. Он составил план уладить дела без войны и сделал при этом важные приобретения для Пруссии. Еще в 1770 году австрийские войска заняли некоторые польские области; Пруссия последовала примеру Австрии, а в 1771 году Фридрих II обратился к петербургскому двору с предложением, чтоб Россия получила следующее ей по всем правам вознаграждение не от Турции, а от Польши, причем Пруссия и Австрия также возьмут себе польские области; в случае несогласия на это Фридрих II прямо объявлял, чтоб Россия не рассчитывала на его помощь в войне с Австриею.

Предложение было принято, и первый раздел Польши состоялся в 1773 году: Россия приобрела Белоруссию, Австрия – Галицию, Пруссия – Померанию и часть Великой Польши.

С. Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами

Война с Турциею прекратилась в 1774 году. 10 июля подписаны были в русском лагере при Кучук-Кайнарджи условия мира; султан Абдул-Гамид обязался: 1) признать независимость татар крымских, буджакских и кубанских; 2) уступить России Азов, Керчь, Еникуль и Кинбурн; 3) открыть русским купеческим кораблям свободное плавание из Черного моря в Средиземное; 4) предоставить русским подданным в турецких областях все права, которыми пользовались французы и другие наиболее покровительствуемые народы; 5) даровать прощение всем христианам – подданным своим, замешанным в последнее восстание; 6) допустить русских резидентов в Константинополе ходатайствовать перед диваном по делам молдавским; 7) уплатить 4 500 000 рублей за военные издержки; 8) признать императорский титул русской государыни. Румянцев вынес из этой войны прозвание Задунайского, Долгорукий – Крымского, Орлов – Чесменского.

6. Чума и бунт московский

Во время польско-турецкой войны правительство было сильно озабочено внутренними волнениями. В 1770 году в южных пределах России появилась чума: карантинные предосторожности плохо соблюдались; оцепление зараженных местностей было невозможно по недостатку войск. Весною 1771 года зараза показалась в Москве и быстро распространилась, потому что жители не хотели исполнять необходимых предписаний, считая их напрасными притеснениями. Начали кричать, что лекаря морят больных в карантинах, и потому таили зараженных в домах; боясь полиции, сожигавшей вещи после умерших, скрывали трупы в погребах, колодцах, зарывали в садах. В июле и августе умирало до 1000 человек ежедневно.

Главнокомандующий граф Салтыков покинул Москву и уехал в деревню; остался присланный к нему на помощь генерал Еропкин с ничтожными средствами: у него было только 436 человек команды, а между тем праздный народ начинал волноваться, присутственные места были закрыты, лавки заперты, все работы прекратились. Разнесся слух, что бывают чудесные исцеления от образа Боголюбской Богородицы у Варварских ворот, и вот множество народа, больные и здоровые стали толпиться у образа.

Архиепископом в Москве был в то время Амвросий Зертис-Каменский, человек образованный, успевший заслужить почетную ненависть невежд искоренением разных злоупотреблений, особенно уничтожением соблазнительного сборища безместных священников, нанимавшихся для совершения службы в домовых церквах. Узнав о сходбищах у Боголюбской, Амвросий принял меры для их прекращения, велел запечатать кружки с деньгами, палатку, где складывались приношения и продавались, – хотел снять и самую икону. 16 сентября, когда увидали эти распоряжения, в толпе послышались голоса: «Архиерей безбожник, отнимает казну у Божией матери, хочет отнять у народа и самую заступницу; верно, сговорился с докторами морить народ; вольно православным терпеть неправду от начальства: когда б не было курева по улицам да больниц, так давно бы и мор перестал».

В это время раздался набат, чернь начала сбегаться, сама не зная зачем, но скоро нашлась цель. Раздались крики: «В Кремль! В Кремль! Спросим Амвросия, зачем не велит молиться Божией матери! Лекаря кидают отраву в колодцы!» Чернь бросилась в Кремль, в архиерейский дом; не найдя Амвросия, начала все истреблять в его покоях; Еропкину с своей командой удалось очистить Кремль от мятежников, но на другой день они схватили Амвросия в Донском монастыре и убили; истребив два карантинных дома, бунтовщики бросились в Кремль доканчивать разорение архиерейского дома и грабить купеческие погреба, – бывшие под Чудовым монастырем; на увещания обер-коменданта царевича грузинского и бригадира Мамонова отвечали каменьями.

Тогда Еропкин велел своим солдатам стрелять из ружей и пушек и броситься на бунтовщиков с палашами; пьяная толпа обратилась в бегство, но не менее ста человек было убито и 149 схвачено. Оказалось, что бунтовали дворовые люди, купцы, подьячие, фабричные и особенно раскольники. В октябре смертность уменьшилась; в январе 1771-го правительство объявило о прекращении в Москве заразы. Успокоилась Москва, но в степях волновалось казачество.

Э. Э. Лисснер. Чумной бунт

7. Пугачев

Мы видели, что после Смутного времени казаки два раза поднимали мятеж против государства: в царствование Алексея Михайловича под предводительством Разина и при Петре Великом под предводительством Булавина. После Петра в первой половине XVIII века в разных углах казацких являлись самозванцы, но мятеж не разгорался. Наконец в царствование Екатерины II, когда государство внутри и вне выказывалось такою блестящею стороною, казачество собрало последние силы, и запылал страшный мятеж, совершенно сходный с разинским, ибо действователи, приемы их и цели были одинакие.

В царствование Екатерины яицкие казаки несколько раз волновались, к чему также подавали повод несправедливые с ними поступки чиновников. Казаки отказывались идти в погоню за калмыками, покинувшими русские владения вследствие чиновнических же притеснений. Строгие наказания за это ослушание еще более ожесточили казаков: в январе 1771 года они взбунтовались, разбили и убили генерала Траубенберга, учредили у себя новое, свое правительство. Генерал Фрейман, посланный из Москвы против казаков, разбил их, вследствие чего прежнее казацкое правление было уничтожено, начальство поручено яицкому коменданту, зачинщики бунта биты кнутом, 140 человек сосланы в Сибирь, другие отданы в солдаты, и все бежали.

Порядок был по-видимому восстановлен, но казаки замышляли что-то недоброе, намекали на какое-то важное предприятие против государства, которое по-прежнему слыло у них под именем Москвы. «То ли еще будет, – говорили они, – так ли еще мы тряхнем Москвою!» Тайные совещания происходили по степным уметам (постоялым дворам) и отдаленным хуторам; кого-то поджидали, а между тем в России и за границею шла молва, что бывший император Петр III жив.

И вот на Яике явился человек лет тридцати, среднего роста, крепкого сложения, с огненными и проницательными глазами: то был донской казак Емельян Пугачев, два раза беглец, побывавший и на Ветке, в знаменитом раскольничьем притоне; сведав о казацких волнениях на Яике, он явился туда и стал подговаривать недовольных

идти за Кубань и отдаться под покровительство султана; в то же время по совету двоих купцов-раскольников он объявил себя императором Петром III. Но об этом было донесено, Пугачев схвачен, закован в кандалы и отправлен в Казань, куда привезен в январе 1773 года. Здесь были у него друзья-ходатаи, тоже раскольники; с ним обошлись легко, скрыли дело о самозванстве, позволили ходить к знакомым в сопровождении караульного; он подговорил этого караульного и бежал в мае месяце.

Все лето укрывался он по отдаленным хуторам, в сентябре опять объявил себя Петром III; около него собралась шайка из 300 человек, с которыми он пришел под Яицкий городок. Стала повторяться разинская история: казацкий отряд, высланный против самозванца, перешел на его сторону; казаки, хотевшие остаться верными правительству, были перевешаны. Не решившись вступить в борьбу с яицким гарнизоном, Пугачев пошел к Илецкому городку, обещая пожаловать тамошних казаков крестом и бородою, потому что они были раскольники, реками и лугами, деньгами и запасами, свинцом и порохом и вечною вольностию. Казаки последовали их примеру; киргизы обрадовались смуте и приготовлялись безнаказанно грабить, начальникам крепостей и офицерам оставалось погибать мученическою смертию за свою верность правительству.

Средства самозванца быстро увеличивались: в начале октября с 3000 войска, с пушками Пугачев тронулся к Оренбургу. Башкирцы, калмыки, мордва, чуваши, черемисы, как в Смутное и разинское время, перестали повиноваться русскому начальству; господские крестьяне явно показывали свою приверженность к самозванцу, и все Поволжье колебалось. А между тем государство находилось в затруднительном положении: войска были заняты в Турции и Польше, меры против чумы и рекрутские наборы волновали чернь. 5 октября Пугачев осадил Оренбург, желая выморить его голодом; скоро он уже считал у себя 25 000 войска; ядром этого войска были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; около них толпились татары, башкирцы, калмыки, беглые крестьяне, каторжники и всякий сброд, как во времена Болотникова и Разина.

Пугачев почти ежедневно учил свое войско, ежедневно происходили казни, ежедневно отправлялась церковная служба в стане, но самозванец один только раз был в церкви. Шайки разбойников его

ходили во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и дворянское добро. Пугачев не был самовластен среди казаков: при других они оказывали ему наружное уважение, без посторонних обходились как с товарищем. «Улица моя тесна», – говорил Пугачев; те, к кому привязывался он, были немедленно умерщвляемы.

Правительство выслало против мятежников войско под начальством генерала Кара, но, приблизясь к войскам Пугачева, Кар струсил, начал отступать, самовольно покинул войско и под предлогом болезни ускакал в Москву. Императрица писала: «Бог весть, чем это все кончится. Я зачинаю походить приключениями моего века на Петра Великого; но что Бог ни даст, а, по примеру дедушки, унывать не стану». Для поправления дела, испорченного Каром, государыня назначила Александра Ильича Бибикова. Приехавши в Москву, Бибиков нашел дела в дурном положении: жители были в страхе; множество дворян съехалось в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым или угрожаемых возмущением; холопи, ими навезенные, распускали по площадям вести о вольности, об истреблении господ. Чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ждала Пугачева, как во времена Шуйского ждала тушинского вора. 25 декабря приехал Бибиков в Казань; он не нашел здесь ни губернатора, ни главных чинов; большая часть дворян и купцов также бежали в безопасные губернии.

Приезд Бибикова оживил город; выехавшие жители стали возвращаться. Бибиков собрал дворянство, представил ему, как выгоды сословия требуют мер решительных, пожертвований. Дворянство положило вооружить на свой счет войско. Бибиков для ободрения других казался веселым, довольным, а между тем писал к жене: «Зло велико, преужасно! Ух, дурно!»

В самом деле было очень дурно: общее восстание башкирцев, калмыков и других подобных народов пресекало повсюду сообщение. Войско было малочисленно и ненадежно, начальники покидали место и бежали, завидя башкирца или заводского мужика с дубиной. Зима умножила затруднения; селения были пусты, города в осаде, другие заняты пугачевскими войсками, заводы выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска правительства двигались медленно, и тем быстрее распространялся бунт, обхвативший Казанскую, Астраханскую, Нижегородскую губернии, проникнувший в Пермскую.

Но с февраля 1774 года дела стали принимать благоприятный оборот: войска правительства взяли Самару, двигались к Оренбургу на выручку, Пугачев готовился уже к побегу, а казаки думали предать его в руки правительства и тем заслужить прощение. Бибиков писал: «Пугачев не иное что, как чучело, которым играют воры казаки: не Пугачев важен, важно общее негодование». Князь Голицын нанес сильное поражение Пугачеву, который стал уже выбираться из-под Оренбурга. Пораженный в другой раз Голицыным, потерявши все пушки и множество народу, Пугачев только с четырьмя заводскими мужиками успел убежать в уральские заводы. Михельсон взял Уфу и восстановил спокойствие в большой части бунтовавших деревень; приближение Мансурова спасло Илецкий городок, геройски выдержавший страшную осаду: 14 дней осажденные питались одной глиною.

М. И. Авилов. Рабочие уральских заводов привозят пушки Е. И. Пугачеву

Но когда дело казалось уже оконченным, Бибиков умер от страшного напряжения сил. Пугачев опять появился на сцену, окруженный яицкими казаками, башкирцы опять взбунтовались. Преследовать самозванца стало нельзя вследствие распутицы. Пугачев успел перейти Уральские горы, взял несколько крепостей. Четыре раза, пораженный Михельсоном, он переправился через Каму и пошел прямо на Казань, перед которою явился 11 июля; 12-го город был взят и сожжен, но крепость была спасена прибытием Михельсона, который поразил самозванца в семи верстах от Казани. Пугачев отступил, но 18 июля вдруг переправился за Волгу с 500 человек войска: вся западная сторона Волги возмутилась и передалась самозванцу, воеводы бежали из городов, дворяне – из поместий; чернь ловила тех и других и приводила к Пугачеву, который взял Цивильск и пресек сообщение между Нижним и Казанью.

Императрица назначила главнокомандующим графа Петра Ивановича Панина; она думала, что самозванец прямо пойдет к Москве. 27 июля он вошел в Саранск, повесил здесь 300 человек дворян; потом занял Пензу, посадил здесь воеводою господского мужика и пошел к Саратову; взял изменою и этот город и пустился вниз по Волге. 21 августа он подступил к Царицыну, но был два раза отбит и, слыша о приближении войска правительства, спешил далее вниз, но 25 числа в 150 верстах от Царицына он был настигнут Михельсоном и потерпел решительное поражение.

Между тем в Царицын приехал Суворов, принял начальство над Михельсоновым отрядом и пустился в степь, где скитался Пугачев. Самозванец был отовсюду окружен войсками правительства; сообщники решились выдать его, связали и привезли в Яицкий городок, откуда отправили его в Москву, где и казнили.

8. Вооруженный нейтралитет

Первым замечательным событием после Кучук-Кайнарджийского мира был вооруженный нейтралитет. Испанцы, находившиеся в войне с Англиею, объявили Гибралтарскую гавань в блокадном состоянии прежде еще, чем действительно начали осаду, и захватили два русских корабля с хлебом, хотевших войти в гавань. Императрица сильно рассердилась за это на испанское правительство, и английский министр в Петербурге Гаррис поддерживал ее неудовольствие, не говоря, однако, что такое поведение у других держав было исключением, у Англии же было постоянною системою.

Императрица, к большому удовольствию Гарриса, приказала вооружить 15 военных кораблей для защиты русского флага; тогда Панин убедил ее явиться покровительницею всех мелких морских держав и получил поручение составить план для определения прав нейтральных государств. 28 февраля 1780 года явился знаменитый акт, противопоставленный праву сильного, которым до сих пор преимущественно пользовались англичане. План Панина состоял в том, чтоб нейтральные державы вступали в союз с Россиею для защиты оружием морского права, существенные статьи которого были следующие пять: 1) нейтральные корабли могут производить торговлю в гаванях воюющих держав; 2) нейтральный корабль сообщает нейтральность и товарам, которыми нагружен, кроме того случая, когда эти товары суть собственно контрабанда; 3) контрабандою в тесном смысле считается только оружие и военные снаряды; 4) гавань тогда только считается в блокаде, когда она так заперта, что без опасности нельзя кораблю пройти в нее; 5) никакой приговор призового суда не признается действительным, при котором на означенные положения не было обращено внимания.

Г. Сердюков. Панин в 1760-е годы

Объявлением этого акта и требованием русского правительства признать высказанные в нем начала Гаррис приведен был в очень

затруднительное положение: английскому министерству предстояло на выбор или отказаться торжественно от своего прежнего образа действий, или вступить в борьбу с нейтральными державами, ибо Испания и Франция признали обнародованные Россиею положения и определили приводить их в исполнение; Англия начала уклоняться, выжидать время; впрочем, следствием вооруженного нейтралитета была война ее с Голландиею; с Россиею не было явного разрыва, но Англия не упускала случая идти наперекор планам императрицы, возбуждать неприязнь к России в соседних державах.

9. Присоединение Крыма

Между тем Россия должна была готовиться к новой войне с Турциею, которая никак не могла свыкнуться с мыслью, что Крым уже больше не принадлежит ей. По условиям Кайнарджийского мира за султаном оставалось в Крыму религиозное значение как за преемником калифов, но он упорно домогался верховных прав в области гражданской и политической. Россия, разумеется, не могла уступить этим домогательствам, ибо тогда где же была бы независимость Крыма? Вследствие враждебных друг другу влияний с двух сторон – русской и турецкой образовались партии на полуострове и вступили в борьбу друг с другом.

Ханы сменялись вследствие движения партий. Уже в 1775 году свергнут был преданный России хан Сагиб-Гирей и возведен на престол преданный Турции Девлет-Гирей; Россия свергла последнего и возвела на его место Шагин-Гирея. Шагин хотел быть действительно независимым и произвести необходимые для усиления своего государства преобразования, стал вводить при этом новые, европейские обычаи, но этим он возбудил против себя сильную староверческую, турецкую партию, и началась опять усобица, в которой Россия должна была поддерживать Шагина. Такое положение дел становилось час от часу несноснее для России. Война с Турциею продолжалась в Крыму, ежечасно готова была вспыхнуть и непосредственно.

Тем сильнее становилось желание покончить с Крымом, который не мог оставаться независимым, тем охотнее должны были выслушиваться предложения Потемкина, который настаивал на необходимости присоединения Крыма, указывая на легкость и законность этого дела.

Но присоединить Крым нельзя было без войны с Турциею, а для успешности этой войны нужно было обеспечить себя со стороны Австрии. Это необходимо влекло к покинутию прежней *Северной системы,* к перемене союза прусского на австрийский. Союз с Австриею заключить было легко, потому что император Иосиф II хотел во что бы то ни стало приобресть для Австрии Баварию после пресечения тамошней династии и потому заискивал у могущественной России. В мае 1779 года Иосиф II обязался за себя и за преемников

своих гарантировать России все ее владения и все ее договоры с Портою и в случае нарушения договоров с турецкой стороны объявить Порте войну.

В 1782 году вспыхнуло восстание против Шагин-Гирея под предводительством родных его братьев, и хан должен был удалиться в Таганрог. Екатерина обратилась к новому союзнику своему Иосифу II, и тот отвечал, что готов на всякое соглашение с русскою императрицею насчет всех возможных событий, какие могут произойти от крымских смут. Тогда петербургский кабинет в видах войны с Турциею сделал венскому кабинету следующие предложения: «Между тремя монархиями (русскою, австрийскою и турецкою) должно быть навсегда независимое от них государство, образованное из Молдавии, Валахии и Бессарабии под именем Дакии и под скипетром государя греческого исповедания. Россия приобретает город Очаков с областью между Бугом и Днестром и один или два острова в Архипелаге. Австрия приобретает соседственные с нею турецкие области. Если война пойдет с таким успехом, что можно будет изгнать турок из Константинополя, то восстановляется империя Греческая в полной независимости и на престол ее возводится внук императрицы русской великий князь Константин Павлович, который откажется от прав своих на престол русский, ибо две эти короны никогда не должны быть соединены на одной главе».

Иосиф II согласился на эти требования с условием, что Австрия кроме турецких областей, прикрывающих Галицию и Венгрию, получила еще все области венецианские, а Венеция взамен получила бы Морею, Кандию, Кипр и другие острова. Англия, Франция и Испания также должны были получить части из турецких владений. Таков был знаменитый проект, известный под именем греческого.

Шагин-Гирей был восстановлен с помощью России, но смуты не прекращались на полуострове, потому что хан, несмотря на представления России, не переставал преследовать врагов своих. Эти жестокости Шагин-Гирея повели к тому, что он принужден был отказаться от престола, и Крым безо всякого сопротивления присоединен был к России (8 апреля 1783 года).

Ф. де Мейс. Екатерина II, путешествующая в своем государстве в 1787 году. Аллегория

Не нужно много распространяться о всемирно-историческом значении, какое имеет закрепление северных берегов Черного моря за Россиею, т. е. за Европою. Степи, которые так долго служили привольем для кочевых орд, чрез которые проходили почти все народы, опустошавшие европейско-христианский мир, все эти бичи Божии, степи эти вошли теперь в границы европейско-христианского государства, подчинились цивилизации, стали житницею Европы, убежищем для ее колонистов. Управление новоприобретенным краем было поручено Потемкину, получившему прозвание Таврического.

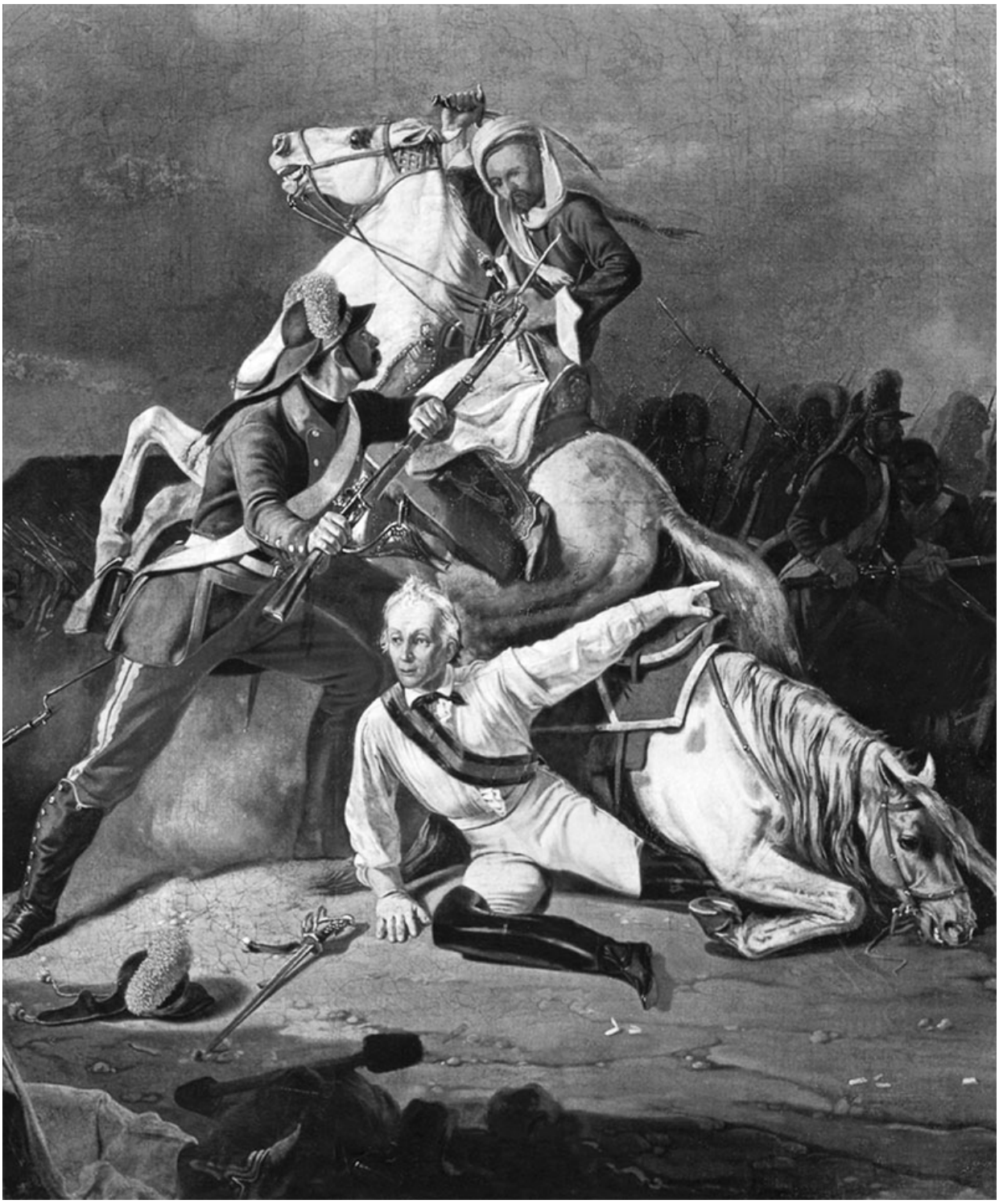
Потемкин уговорил императрицу осмотреть лично Новую Россию. Путешествие Екатерины, предпринятое в 1787 году, было блестящим символом торжества Европы над Азиею, принятия Европою во владение от Азии этих так долго спорных земель. Тут, во время этого путешествия, было много театрального, но многое, что было сделано для Новой России при Екатерине, не было одними декорациями: степи

получили земледельческое народонаселение, основаны города (Екатеринослав, Херсон), заведен черноморский флот.

10. Войны – вторая Турецкая и Шведская

Несмотря на сильное волнение, произведенное в Турции вестью о присоединении Крыма к России, Порта на первых порах нашла необходимым признать это присоединение, что и было сделано конвенциею 28 декабря 1783 года. Но это было только на первых порах. Чем более приходила Турция сама в себя после громового удара, тем яснее сознавала всю важность потери: последнее татарское царство подпало власти русской, подпал этой власти весь северный берег Черного моря, откуда враждебные корабли не преминут при первом случае явиться пред Константинополем, и флот действительно заводился.

Предупредить страшную опасность, кинуться на врага, когда он не ожидает нападения, не приготовился к нему, – вот поступок, который мог быть внушен Порте отчаянием и вместе благоразумием, не говоря уже о чужестранных внушениях. Летом 1787 года русский посол в Константинополе Булгаков получил от Порты ультиматум, которым требовалось: выдача молдавского господаря Маврокордато, удалившегося в Россию; отозвание русских консулов из Ясс, Букареста и Александрии; допущение турецких консулов во все русские гавани и торговые города; признание грузинского царя Ираклия, поддавшегося России, турецким подданным; право для Турции осматривать все русские корабли, выходящие из Черного моря. Булгаков отверг требования, и Порта объявила войну России. Посол был заключен в Семибашенный замок вопреки условиям Кайнарджийского мира.



И. К. Кеппен. Спасение генерал-аншефа А. В. Суворова гренадером Степаном Новиковым в сражении при Кинбурне 1 октября 1787 г.

Россия была застигнута врасплох, положение Потемкина, обязанного защищать Новую Россию, было крайне затруднительно. К

тому же странная беда: любимое его создание, Севастопольский флот, был разбит бурею. Сын счастия пришел в отчаяние, когда увидал, что начинает быть несчастным. Он стал проситься в отставку, писал императрице, что надобно вывести войска из Крыма. Екатерина не смутилась: она отвергла предложение вывести войска из Крыма, указала, что надобно переменить оборонительную войну в наступательную, идти на Очаков или на Бендеры, писала Потемкину: «Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может».

Победа Суворова над турками у Кинбурна несколько ободрила Потемкина, но затруднения увеличивались беспрестанно. 1788 год начался очень печально: к страшной дороговизне присоединились болезни. Австрия как союзница России вступила в войну с турками, но чрез разрушение *Северной системы* союзом австрийским старые союзники становились врагами. Россия хотела заключить тесный союз с Польшею: проект союза заключал в себе гарантии владений; кроме того, в случае военных успехов Польша получала часть Бессарабии и Молдавии.

Но преемник Фридриха II, Фридрих Вильгельм II, или, лучше, министр его Герцберг начал открыто действовать против союза России с Польшею, и та партия в Польше, которая хотела воспользоваться благоприятным временем для реформ в государственном устройстве, предпочла прусский союз русскому. Но Пруссия при этом имела в виду одно – как бы сделать то же самое, что было сделано при Фридрихе II, т. е., не вступая ни с кем в войну, распространить свои владения на счет Польши, Герцберг хлопотал, чтоб Польша уступила Пруссии Данциг, Торн, Познань и Калиш, взяла бы себе за это от Австрии Галицию, Австрия же и Россия пусть вознаграждают себя на счет Турции. Пруссия хотела достичь своих целей путем дипломатии, только грозила войною, но шведский король Густав III спешил воспользоваться затруднительным положением России и объявил ей войну; он думал, что ему легко будет напасть на беззащитный Петербург и вынудить у Екатерины уступку завоеваний Петра Великого.

Но Густав III обманулся в своих расчетах. Екатерину не смутила и эта близкая опасность. Первое морское сражение при острове Хохланде кончилось в пользу русских (6 июля 1788 года; русский адмирал Грейг против шведского герцога Зюдерманландского). В России при виде

опасности произошло сильное народное одушевление, дворяне, города, села добровольно выставляли рекрутов, а в шведском войске в Финляндии офицеры отказались исполнять королевские приказания, выставляя предлог, что несправедливая война с Россиею начата без согласия чинов, вопреки конституции. 1788 год кончился счастливо: 6 декабря Потемкин после продолжительной осады взял Очаков приступом.

М. М. Иванов. Взятие крепости Измаил 11 декабря 1790 года

Но это торжество не оправдало надежд, которые возлагались на него: Турция по наущению Пруссии, Англии и Голландии не заключала мира, несмотря на блистательные победы Суворова при Фокшанах и особенно Рымнике (1789 г.); Дания, хотевшая помогать России против Швеции, остановлена была угрозами Пруссии и Англии; Пруссия и новая союзница ее Польша грозили России войною; Густав III, освобожденный от опасности со стороны Дании, успел приобрести от своего сейма средства к продолжению войны. Война эта и в 1789 году кончилась неудачно для шведов, но они не заключали мира; император Иосиф II умер; от преемника его Леопольда нельзя было ожидать деятельной помощи. В таком положении находились дела в начале 1790 года.

Весною Густав III возобновил неприятельские действия. На море произошли два важных сражения, представившие быструю перемену военного счастия; в первом русские одержали победу над шведским флотом, запертым в Выборгском заливе; во втором потерпели поражение от шведов. Но последняя победа дала только возможность

Густаву с честью окончить войну, для продолжения которой он не имел более средств. 3 августа 1790 года заключен был мир в Верельской долине, на берегах Кюмени: границы обоих государств остались те же, какие были до войны; Густав обязался не вмешиваться в дела турецкие; Екатерина отказалась от права вмешиваться во внутренние дела шведские. Турецкая война, ознаменованная в 1790 году новым торжеством Суворова, взятием Измаила, кончилась в декабре 1791 года миром в Яссах; удержанием Крыма и приобретением Очакова; северный берег Черного моря окончательно закреплялся за Россиею.

11. Перемены в Польше и второй раздел ее

Мы видели, что Польша предпочла прусский союз русскому. Образовалась партия, которая в надежде на крепость этого союза хотела произвести важные внутренние перемены; главами партии были Игнатий Потоцкий, Станислав Малаховский, Коллонтай и итальянец Пиатоли. Несмотря на сильное сопротивление людей, не хотевших никаких перемен, ловкими и решительными мерами партия эта успела произвести переворот 3 мая 1791 года и провозгласила новую конституцию.

Правление вместо избирательного установлялось наследственное; по смерти бездетного Станислава Августа престол переходил к курфюрсту саксонскому и его потомству; законодательная власть оставалась у сената и палаты депутатов, исполнительная – у короля; все дела решались большинством голосов; прежнее единогласие, прежнее право каждого шляхтича своим несогласием (liberum veto) останавливать сеймовые решения, уничтожалось; конфедерации также не признавались более законными. За шляхтою оставлено ее прежнее положение; богатым горожанам открыт был свободный вход в шляхетское сословие: например, купец, заводивший фабрику, входивший в обширное промышленное или торговое предприятие, приобретавший землю, тем самым выходил из городского сословия и делался шляхтичем. Касательно сельского народонаселения землевладельцам позволено было заключать добровольные договоры с крестьянами, и договоры эти имели обязательную силу.

Но этой новой конституции 3 мая не суждено было продолжительное существование. Россия, успокоенная миром с Швециею и Турциею, могла теперь спокойно действовать против Польши; сильно разгоревшаяся французская революция отвлекала внимание европейских правительств от востока на запад; Пруссия сблизилась с Австриею, желая сблизиться с Россиею. Приверженцы старого порядка в Польше – Феликс Потоцкий и Браницкий – обратились с просьбою о помощи к русской императрице и в 1792 году образовали конфедерацию в Тарговище; 100 000 русского войска под начальством Каховского и Кречетникова вступили в Польшу на помощь конфедератам.

Польское правительство обратилось к прусскому королю с просьбою, чтоб он поддержал его, исполнил недавние обещания, но Фридрих Вильгельм II отвечал, что поляки без его ведома и согласия переменили старый порядок на конституцию 3 мая, что они сами могли предвидеть те затруднения, в каких теперь находятся, и т. п. Полякам надобно было защищаться одними собственными средствами. Войско, бывшее под начальством королевского племянника Иосифа Понятовского, с самого начала принуждено было отступать перед русскими. Фаддей Костюшко, прославившийся в североамериканской войне, был выбит Каховским из укрепленного лагеря близ Иханки, между Бугом и австрийскою границею.

Чем далее входили русские в глубь польских владений, тем многочисленнее становились толпы конфедератов; в Литве братья Козаковские, давние приверженцы России, образовали конфедерацию, которая соединилась с тарговицкою. Половина страны находилась во власти русских; король дал племяннику своему Иосифу Понятовскому приказ заключить перемирие и написал к императрице, обещая упрочить польскую корону за внуком ее Константином Павловичем. В Петербурге совет высших сановников, которому Екатерина дала на обсуждение это дело, нашел предложение короля неискренним, вынужденным силою обстоятельств, противным объявлению императрицы, что она хочет восстановить в Польше все по-старому, и могущим навлечь подозрение иностранных держав на русский двор; Екатерина отвечала Станиславу Августу требованием, чтоб он приступил к тарговицкой конфедерации; король повиновался.

Русские заняли Варшаву; конфедераты собрались в Бресте Литовском в сентябре 1792 года и отправили благодарственное посольство в Петербург. Из Бреста главное правление конфедерации перенесено было в Гродно, где Феликс Потоцкий с товарищами занялся составлением новой конституции. Русским уполномоченным был Сивере, знаменитый администратор екатерининского времени. Сивере заставил и короля переехать в Гродно, чтоб присутствовать на сейме, назначенном в этом городе. Король поехал неохотно, ибо предвидел, что дело должно кончиться не одною новою конституциею. Австрия и Пруссия согласились вознаградить себя за издержки на французскую войну тем, что Австрия променивала Бельгию на Баварию, а Пруссия должна была получить вознаграждение на счет Польши.

В январе 1793 года прусский король объявил, что во время войны с Францией ему необходимо заботиться о безопасности своей, тем более что якобинские стремления и волнения умов могут стать очень опасны. Непосредственно после этого объявления прусские войска двинулись в Польшу. В марте прусский король издал новую прокламацию, что так называемая патриотическая партия в Польше, напитанная французским демократическим якобинским духом, несмотря на свое поражение, ведет всюду тайные крамолы, приобретает приверженцев, преимущественно же этим ядом наполнена Великая Польша, вследствие чего он, король, ведя войну с Францией, решился для прикрытия тыла занять польские области; таким образом, были заняты Пруссией Познань, Калиш, Серадж, Ленчица, Ченстохово, Тори, Данциг.

29 марта в Гродно издан был манифест императрицы Екатерины, где говорилось, что низверженная партия нововводителей, не имея средств к явному сопротивлению, старается в недрах Польской республики распространить адское учение, что уже в столице и многих провинциях Польши существуют клубы, находящиеся в связи с парижским якобинским клубом, что императрица русская, король прусский и римский император не нашли другого средства для сохранения общей безопасности, кроме ограничения пределов Польской республики. Границею между Польшею и Россией назначена была линия, проведенная от восточной границы Курляндии мимо Пинска, чрез Волынь к границам австрийской Галиции; Россия получила во владение 4533 квадратные мили с 3 000 000 жителей.

11 июля 1793 года сейм подписал уступку России означенных областей; Пруссия удержала занятые ею земли. Станислав Август обязался ни с кем ни воевать, ни заключать договоров без согласия России; число польской армии уменьшено до 15 000; восстановлен прежний порядок, бывший до 3 мая 1791 года. Уполномоченный Екатериной генерал Игельстром занимал Варшаву русским войском.

12. Третий раздел Польши

Но этим дело не окончилось. Тайное общество, образовавшееся в Варшаве, вошло в сношения с Игнатием Потоцким, Коллонтаем и Костюшкою, которые удалились в Дрезден. Главными членами в этом обществе были: генерал Дзялынский, камергер Венгерский, купец Капостас, родом из Венгрии, сапожник Килинский. В марте 1794 года вспыхнуло восстание в Кракове; учреждено временное правительство, которое объявило войну Пруссии и России; Костюшко провозглашен диктатором и главнокомандующим; восстала и Варшава, где русских, застигнутых врасплох, погибло более двух тысяч человек; Игельстром едва спасся; примеру Варшавы последовала и столица Литвы Вильна.

Костюшко 6 июня потерпел поражение при Щекоцинах от соединенных русских и прусских войск; почти в то же время генерал Зайончек разбит был русскими при Холме. Комендант Венявский без сопротивления сдал Краков пруссакам. Весть о последнем событии подала повод в Варшаве к страшному явлению, напоминавшему сцены современной французской революции: Казимир Конопка воспламенил народ речью, в которой утверждал, что в стенах Варшавы находится много изменников, подобных Венявскому, что их нужно истребить, в противном случае они подадут помощь врагам; рассвирепевшие толпы бросились на тюрьму, где содержались подозрительные для них люди, разломали двери и перевешали многих заключенных.

Между тем к Варшаве подошли русские войска под начальством Ферзена и прусские под начальством самого короля Фридриха Вильгельма II. 12 августа Вильна была занята русскими, и Литва очищена от польских отрядов. Но прусский король снял осаду Варшавы, испугавшись, что в тылу его вспыхнуло восстание в польских областях, принадлежавших Пруссии, и инсургенты потопили в Висле порох, который был отправлен к прусскому войску. Русским одним надобно было оканчивать дело. Румянцев-Задунайский, которому императрица поручила ведение войны, дабы, по ее словам, войско образовалось, услышав, что обожаемый Велизарий снова им предводительствует, – Румянцев велел Суворову соединиться с генералом Ферзеном и идти прямо в Варшаву. На дороге к этому городу

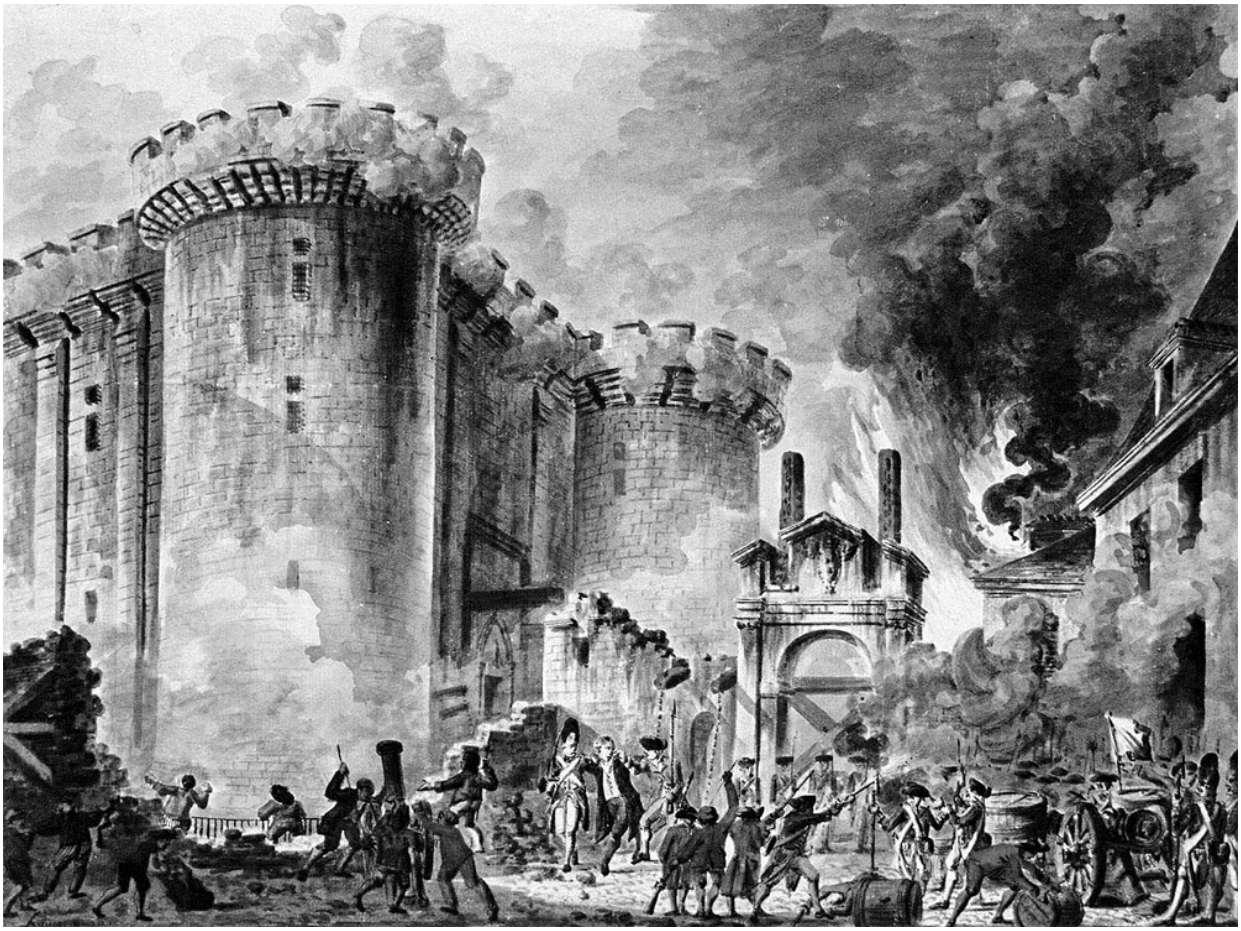
Суворов разбил двух польских предводителей – Сераковского и Мокрановского.

Костюшко спешил предупредить соединение Суворова с Ферзеном и напал на последнего при местечке Мацевицах, в 12 милях от Варшавы, 30 сентября 1794 года; поляки потерпели страшное поражение; Костюшко, бросив свою саблю, сказал: «Finis Poloniae» (Конец Польше!) – и был взят в плен. В самом деле это был решительный день для Польши: последние нравственные силы ее были истощены; вражда партий разгорелась, и после Костюшки не было более человека, который бы своею личностию, общим доверием к себе мог поддержать согласие. Соединившись с Ферзеном, Суворов взял варшавское предместье Прагу страшным штурмом, сопровождавшимся крайним ожесточением с обеих сторон. Взятием Праги война кончилась; главы движения убежали за границу; Станислав Август отказался от престола, переехал в Петербург; вассал Польши герцог курляндский Петр Бирон через год также сложил с себя свое достоинство; области Литовская, Гродненская и Курляндия были присоединены к России; воеводства Краковское, Сандомирское и Люблинское – к Австрии; остальные земли с городом Варшавою – к Пруссии.

13. Отношение к революционной Франции

Когда революционные смуты начали усиливаться во Франции, Екатерина настаивала на том, чтоб европейские дворы оказывали более нравственную, чем материальную, помощь Людовику XVI и роялистам; по ее мнению, «самое существенное заключалось в том, чтоб принцы (братья Людовика XVI) полагались бесконечно более на самих себя и на своих многочисленных приверженцев во Франции, чем на какую-либо внешнюю помощь; восстановление монархии могло сделаться только французскими руками». Но ни король, ни братья его с эмигрантами не были способны действовать по указаниям Екатерины, которая приводила им в пример деятельность Генриха IV; она писала: «Если бы я была на месте принцев и в их летах, то имела бы только в виду поведение Генриха IV, который с ничтожными средствами сделал много, и сделал все, что хотел».

Вследствие неуменья подражать Генриху IV трон его потомка рушился, и революционная Франция начала наступательное движение против других европейских государств; она действовала и против России, поднимая против нее Турцию и Швецию; опираясь на Францию, хлопотали в Константинополе и польские выходцы, особенно Михайла Огинский. В июле 1792 года Россия утвердила договор с Австрией: обе державы обязались помочь друг другу двенадцатитысячным войском, смотря по надобности; 27 июля подобный же договор заключен был с Пруссиею, только вместо войска державы обязались помогать деньгами. В 1793 году, по смерти Людовика XVI, Англия предложила императрице войти с нею в союз, «по необходимости соединиться державам для обуздания революции».



Ж.-П. Уэль. Взятие Бастилии, 14 июля 1789 г.

Трактат был подписан 14 марта: обе державы обязывались помогать друг другу в войне с Франциею, не допускать никого в торговле с нею и не подписывать отдельного мира. Июля 11-го вышел из Кронштадта и Ревеля флот под начальством адмирала Чичагова, назначенный вместе с английскими кораблями крейсировать в Немецком море, чтоб прекратить торговлю Франции и Голландии с их колониями и другими приморскими государствами. Императрица запретила переписку с Франциею, французские журналы и книги; запретила французам приезд в Россию, если не было у них паспортов от французских принцев; оставшиеся в России французы должны были дать присягу, что не признают республиканского правления и не будут иметь сношения с своим отечеством, пока не восстановится там королевская власть.

Императрица признала все распоряжения брата Людовика XVI (графа Прованского, впоследствии Людовика XVIII), когда он принял

звание правителя Франции после заключения в темницу дофина. В феврале 1795 года Англия заключила новый договор с Россиею, вследствие которого Екатерина послала вице-адмирала Ханыкова с 6 кораблями и 6 фрегатами для соединения с английским флотом в Немецком море, чтоб не допустить французский флот соединиться с голландским. В 1796 году, устрашенный победами молодого Бонапарта, император Франц просил Екатерину о помощи; императрица обещала шестидесятитысячную армию, «чтоб с покровительством Божиим приготовить торжество дела, почитаемого ею делом всех монархов», но она поставила условием, чтоб Пруссия послала против Франции такое же число войска и чтоб англичане платили вспомогательные деньги.

Екатерина считала необходимым «искреннее непреложное стремление восстановить французскую монархию как единственное средство водворить прочный мир и для достижения сей цели союзникам немедленно признать Людовика XVIII французским королем и идти прямейшим путем вовнутрь Франции». Предводительство русским вспомогательным корпусом поручено было Суворову, которому велено собрать в Подольской губернии армию и приготовиться к походу в четыре недели. Но смерть императрицы, последовавшая 6 ноября 1796 года, остановила дело.

14. Персидская война

В последнее время царствования Екатерины велась война на юго-восточных пределах с Персиею. Астрабадский хан Магомет, овладев персидским престолом, напал на Грузию, разорил ее, подчинил себе Карталинию, Имеретию и другие области, бывшие под покровительством России. Против персиян отправлен был граф Валериан Александрович Зубов, который действовал очень удачно, но был остановлен смертию Екатерины.

Глава XLIX. Внутренняя деятельность Екатерины II

1. Общий характер и наиболее влиятельные люди

С самого вступления Екатерины II на престол обнаружилась сильная внутренняя деятельность правительства, какой не бывало со времен Петра Великого. Цель у Петра и у Екатерины была одна: цивилизовать Россию по образцу, представляемому западными европейскими государствами, но разность в деятельности этих двух знаменитейших государей XVIII века состояла в том, что Петр, находя то, другое, третье нехорошим в России, лучше на западе Европы, прямо переносил это лучшее, по его мнению, на русскую почву; одно принималось легко на этой почве, другое принималось с большим трудом, требуя новых, более благоприятных для себя условий, иное вовсе не принималось на почве, для него неудобной, не приготовленной историею.

Екатерина же II в своей преобразовательной деятельности руководилась преимущественно началами, добытыми в ее время европейскою наукою, причем постоянно справлялась, что возможно для России по ее особенным условиям. На долю Петра выпала первоначальная, черная, самая трудная работа: он встречал сильное противодействие не только в привычках, но и во взгляде русских людей на его дело. Но прошло полвека, привычек очень много оставалось старых, но взгляды, особенно в верхних слоях общества, изменились вследствие влияния той же науки и литературы западной; нравы смягчались, и потому правительству легче было проводить свои планы, чем при Петре и его ближайших преемниках, когда общество было так еще мало приготовлено к принятию нового, хотя и сильно чувствовало несостоятельность старого.

И. Б. Лампи Старший. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический

Наиболее влиятельными людьми в царствование Екатерины II были: в начале царствования – братья Орловы, князь Григорий Григорьевич и граф Алексей Григорьевич Чесменский. Внешними сношениями заведовал граф Никита Ив[анович] Панин; но кроме внешних сношений ни один из важных внутренних вопросов не решался без Панина; он же был воспитателем наследника престола великого князя Павла Петровича. Панин держался Северного союза, и значение его начало ослабевать, с тех пор как императрица нашла нужным переменить политику и сблизиться с Австриею по делам турецким.

В это время усиливается значение князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, который обращал внимание преимущественно на юг. В конце царствования самым влиятельным лицом был князь Зубов, а внешними сношениями заведовали Безбородко и Марков. Из генерал-прокуроров екатерининского времени всех замечательнее был князь Вяземский; из лиц духовных – московский митрополит Платон.

2. Наказ к сочинению нового Уложения

Мы видели, что ни при Петре, ни после Петра никак не могли сочинить нового Уложения. Екатерина II, по ее собственным словам, «в первые три года своего царствования узнала, что великое помешательство в суде и расправе, следовательно и в правосудии, составляет недостаток во многих случаях узаконении, в других же – великое число оных, по разным временам выданных, также несовершенное различение между непременными и временными законами и паче всего, что чрез долгое время и частые перемены разум, в котором прежние гражданские узаконения составлены были, ныне многим совсем неизвестен сделался; притом же и странные толки (пристрастные толкования) часто затмевали прямой разум многих законов; сверх того, еще умножала затруднения разница тогдашних времен и обычаев, не сходных вовсе с нынешними».

Чтение екатерининского Наказа. Гравюра с рис. В. В. Верещагина, XIX в.

Чтоб устранить этот недостаток, Екатерина со второго года своего царствования начала готовить Наказ, или руководство к сочинению проекта нового Уложения. В декабре 1766 года объявлено было манифестом о намерении императрицы учредить в следующем году в Москве комиссию для сочинения этого проекта. Депутатов в комиссии ведено было выслать из Сената, Синода, всех коллегий и канцелярий по одному; от каждого уезда, где есть дворянство, – по одному; от жителей каждого города – по одному; от однодворцев каждой провинции – по одному; от пехотных солдат и разных служб служилых людей и прочих, ландмилицию содержавших, от каждой провинции – по одному депутату; от государственных крестьян из каждой провинции – по одному; от некочующих народов, какого бы они закона ни были, крещеных или некрещеных, от каждого народа с каждой провинции – по одному депутату; определение числа депутатов казацких войск возложено на высших командиров их. Каждый депутат получал от своих избирателей полномочие и наказ о нуждах и требованиях их общества, сочиненный по выбору пятью избирателями. 30 июля 1767 года последовало открытие Комиссии.

Наказ Комиссии составлен был Екатериною под влиянием положений современной европейской науки; преимущественно Екатерина пользовалась знаменитыми сочинениями Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и Монтескье «Дух законов». В Наказе говорится об общих обязанностях человека как гражданина и о том, что лучшие законы для государства суть те, которые соответствуют его естественному положению и сообразны с нравами народа. Из естественного положения Российского государства выведено, что для него всякое правление, кроме монархического самодержавного, не только было бы вредно, но и вконец разорительно.

«Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подчинены были одинаким законам; вольность есть право делать все то, что законы дозволяют. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями; есть способы, перемену обычаев вводящие: к сему служат примеры (так, во второй половине XVIII века отвергнуть способ действия, господствовавший в начале

века; Петр законом вводил перемену обычаев). Послабление состоит в ненаказании преступления, а не в умеренности наказания. Последуем природе, давшей человеку стыд вместо бича, и пускай самая большая часть наказания будет бесчестие, в претерпении наказания заключающееся. И если где сыщется такая область, в которой бы стыд не был следствием казни, то сему причиною мучительское владение, которое налагало те же наказания на людей беззаконных и добродетельных. А ежели другая найдется страна, где люди инако не воздерживаются от пороков, как только суровыми казнями, опять ведайте, что сие проистекает от насильства правления, которое установило сии казни за малые погрешности. Часто законодавец, хотящий уврачевать зло, не мыслит более ни о чем, как о сем уврачевании, не смотрит на худые отсюда следствия: порок в общенародии остается, от жестокости наказания произрастший; умы народа испортились, они приобыкли к насильству. Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить. Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению. Пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать беззаконного, на силы и крепость свою уповающего. Делать присягу чрез частое употребление весьма общею не что иное есть, как разрушать силу ее. Хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину. Сделайте, чтоб люди боялись законов и ничего бы, кроме их, не боялись. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб просвещение распространилось между людьми. Наконец, самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими есть приведение в совершенство воспитания. В толь великом государстве (российском), распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма вредный для спокойства и безопасности граждан был бы порок – запрещение им различных вер. Нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православною нашею верою и политикою не отвергаемого, которым бы можно всех заблудших овец паки привести к истинному верных стаду. Гонение умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает самые жестоковыйные сердца и отводит их от

заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан».

И эта Комиссия не сочинила Уложения; но о пользе ее говорит Екатерина следующее: «Комиссия Уложения подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно. Она все части закона собрала и разобрала по материям, и более того бы сделала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поехали в армию. Наказ Комиссии ввел единство в правила и в рассуждения не в пример более прежнего. Стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере стали знать волю законодавца и по оной поступать». Лучшим доказательством последнего служило то, что *Тайная экспедиция,* учрежденная вместо прежней *Тайной канцелярии,* действовала совершенно в другом духе, преследования за слова прекратились.

3. Обращение к Сенату; указ о взяточничестве; новые штаты. Ордена

Провозглашая, что пример есть самое лучшее средство для перемены нравов и обычаев к лучшему, императрица в 1763 году обратилась к сенаторам с следующим указом: «Я не могу сказать, чтоб вы не имели патриотического попечения о пользе моей и о пользе общей; но с соболезнованием должна вам сказать и то, что не с таким успехом дела к концу своему приходят, с каким желательно. Причины состоят в том, что присутствующие в Сенате имеют междоусобные несогласия, вражду и ненависть и один другого дел не терпит, а потому и разделяются на партии и стараются изыскать один другому причины огорчительные».

Екатерина с первого дня своего восшествия на престол должна была вооружиться против закоренелого обычая взяточничества. 18 июля 1762 года она уже издала следующий указ: «За долг себе вменяем непреложный и непременный объявить в народе, с истинным сокрушением сердца нашего, что мы уже от давнего времени слышали довольно, а ныне и делом самым увидели, до какой степени в государстве нашем лихоимство возросло, так что едва малое самое место правительства, в котором бы божественное сие действие, суд, без заражения сей язвы отправлялся: ищет ли кто места – платить; защищается ли кто от клеветы – обороняется деньгами; клевещет ли на кого кто – все происки свои хитрые подкрепляет дарами. Многие судящие освященное свое место, в котором они именем Вышнего должны показывать правосудие, в торжище превращают, вменяя себе вверенное от нас звание судии бескорыстного и нелицеприятного за пожалованный будто им доход в направление дома своего, а не за службу, приносимую Богу, нам и отечеству. Сердце наше содрогнулось, когда мы услышали, что новгородской губернской канцелярии регистратор, приводя ныне к присяге нам в верности бедных людей, брал и за то с каждого себе деньги».

Как средство против взяточничества были установлены новые штаты в 1763 году; в манифесте по этому случаю императрица говорит, что прежде «люди не только с некоторым достатком, но ниже имея

дневное пропитание, отсылались к делам, не получая притом никакого жалованья, как бы неимущие в богадельню, для одного только пропитания, а не для исправления дел; и по истине сказать, казалось, что всякий живет только для себя, не помышляя о добре общем».

Для награды за военные подвиги учрежден был орден Св. Георгия, за гражданские – Св. Владимира. Ордена эти отличались от прежних тем, что разделялись на степени и потому могли быть доступны не одним высшим сановникам.

4. Учреждения для управления губерний

В 1755 году обнародованы «Учреждения для управления губерний»; причины новых учреждений были высказаны правительством следующие: «По великой обширности некоторых губерний оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми; в одном и том же месте, где ведомо правление губернии, и казенные доходы, и счеты обще с благочинием или полициею, и сверх того еще уголовные дела и гражданские суды отправляются».

Теперь судебные места были отделены от правлений губернских и мест, заведовавших финансами; суд гражданский отделен от уголовного. В каждом уезде установлены *уездные суды* для дворян, *городовые магистраты* для среднего сословия*, нижние расправы* для однодворцев и государственных крестьян, *казначейства* для сбора и хранения доходов, *нижние земские суды* для полиции. Для поверки и перенесения дел по жалобам над этими низшими местами в каждом губернском городе были высшие: *верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа.*

Кроме того, в губернских городах явились три палаты: *уголовная* для дел уголовных всех сословий; *гражданская* для дел гражданских; *казенная* для финансов. *Губернское правление* сосредоточивало в себе власть – исполнительную и полицейскую. Для дел уголовных особого рода и для полюбовного решения тяжб учреждены в губернских городах *совестные суды.* Для попечения о вдовах и сиротах дворянских и купеческих установлены *дворянские опеки* и *сиротские суды;* для устройства школ, богаделен и сиротских домов – *приказы общественного призрения.*

Россия разделена была на 50 губерний, и при этом новом разделении не было обращено никакого внимания ни на прежнее историческое деление, ни на пространство, а только на количество народонаселения: велено было разделить так, чтоб каждая губерния заключала в себе от 300 до 400 тысяч жителей с подразделением на уезды в 20 000 и 30 000 душ. Две, иногда три губернии вверялись главному управлению генерал-губернатора, или наместника, губернаторы и вице-губернаторы назначались императрицею;

председателей губернских мест и чиновников, заведовавших казенными доходами, избирал Сенат; остальные лица избирались частью губернским правлением, частью дворянством и купечеством.

Новое учреждение как сопряженное с большими трудностями вводилось постепенно, в продолжение 20 лет. В тесной связи с учреждениями губерний находилось всеобщее обмежевание земель, проект которого, как мы видели, был составлен еще при императрице Елисавете. Екатерина в первые годы царствования составила новые правила, вследствие которых приведены были в известность главные, наиболее заселенные земли империи.

5. Финансы

В 1768 году учрежден был ассигнационный банк с капиталом в миллион рублей золотом и серебром; банк этот выпустил сначала такую же сумму билетов под именем ассигнаций; ассигнации должны были приниматься во все платежи казенные и частные. Вторая турецкая война нанесла сильный удар русским финансам, при трехлетнем голоде в Белоруссии и Украине, при необходимости делать закупки хлеба для армии в Польше, отчего большое количество звонкой монеты ушло из империи; количество ассигнаций было увеличено, и они упали в цене, так что в 1795 году ассигнационный рубль равнялся только 68 копейкам серебром.

Вместо кредитных установлений императрицы Елисаветы, дворянского и коммерческого банков, учрежден был при Екатерине государственный заемный банк с капиталом в 33 миллиона, с ссудою за 5 процентов, с разложением уплаты на 20 лет для дворян и на 22 года для городских обывателей.

6. Дворянство

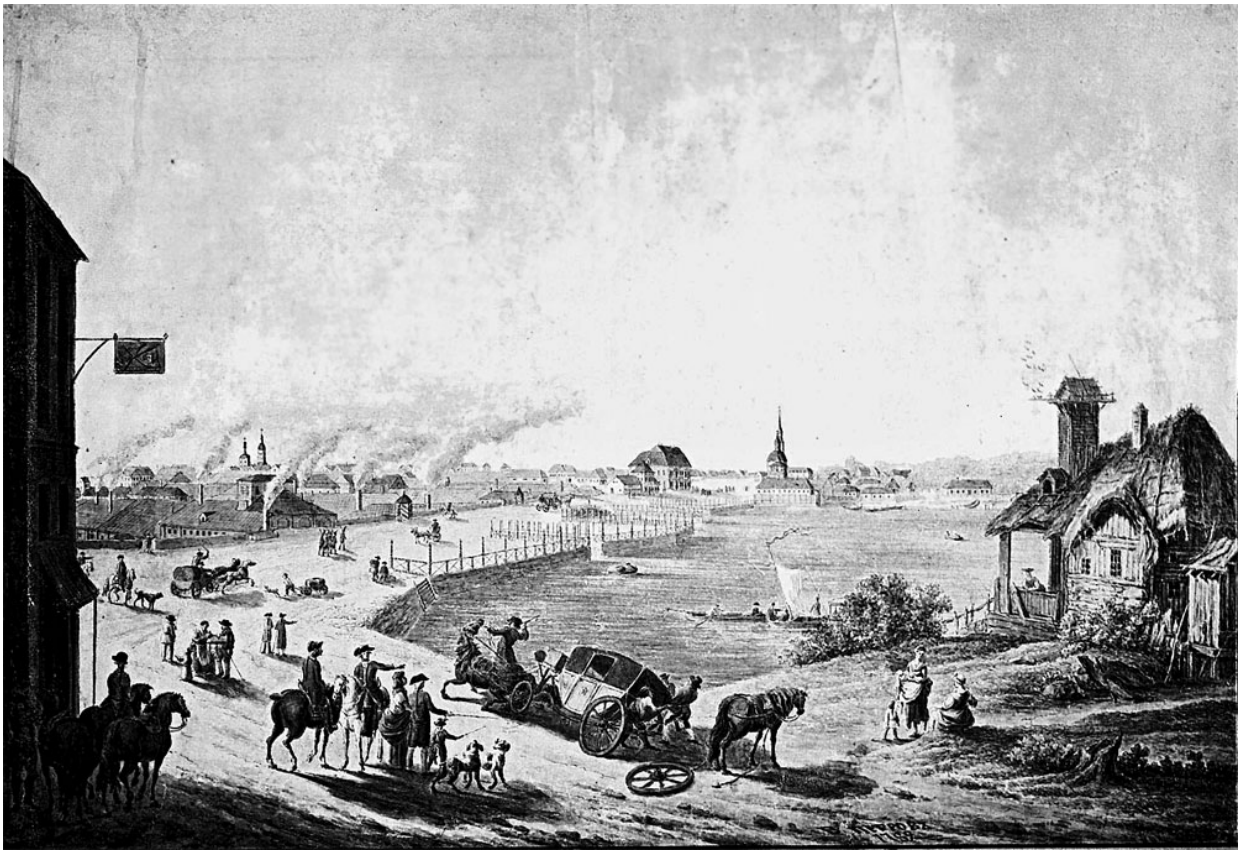
Права, данные дворянству Петром III, были подтверждены; кроме того, в грамоте, данной этому сословию Екатериною в 1785 году, постановлено, что дворянин ни в каком случае не лишается своего звания, кроме судебного обвинения в известных преступлениях, передает его жене и детям, судится только равными себе, свободен от телесного наказания, не платит лично никаких податей и владеет всем, что находится в имении, как неотъемлемою собственностию.

Дворянству дано право выбора из среды своей в разные почетные областные должности; установлено для этого в каждой губернии дворянское собрание; присутствовать в нем может каждый дворянин, но участвовать в выборах может только тот, кто в государственной службе достиг офицерского чина: это должно было заставлять дворянина служить.

7. Города

Одновременно с дворянскою грамотою обнародовано было *городовое положение,* по которому купцы и мещане получили право собственного суда и управления и право выборов в известные должности. Купечество было разделено на три гильдии: к первой принадлежали имевшие капиталы не менее 10 000 рублей; ко второй – имевшие от 1000 до 10 000; к третьей – от 500 до 1000 рублей; имевшие менее 500 рублей названы мещанами.

При Екатерине было основано с лишком 200 городов, более по нуждам управления, чем вследствие естественного развития торгового и промышленного, почему многие из них потом исчезли. В конце царствования Екатерины на пространстве 300 000 квадратных миль считалось 1200 городов.



В. П. Петров. Вид Екатеринбурга в 1789 г.

Учрежденная в 1763 году комиссия для рассмотрения коммерции Российского государства должна была во 1) изыскивать все способы, дабы из империи больше произведений российских в натуре и в деле выпускаемо было; во 2) дабы купечество русское как между собою внутри государства, так и у чужестранных кредит надежный имело. Екатерина велела во всех городах завести хлебные магазины, «дабы, – говорила она, – цена хлеба всегда в моих руках была». Относительно промышленности, начиная с Петра Великого, господствовала система правительственного надзора, учреждены были коллегии мануфактурная и горная, которые именно должны были водворять в России и совершенствовать различные отрасли промышленности; при Екатерине II эта система надзора и направления, даваемого правительством промышленности, прекратилась; закрылись сначала Берг-коллегия, потом Мануфактур-коллегия. Коммерц-коллегия потеряла свое значение, а в конце царствования и совершенно закрыта.

8. Сельское народонаселение; иностранные колонисты

В 1762 году в некоторых местах происходили сильные волнения между крестьянами на основании ложных слухов о свободе от помещиков; при усмирении восставших не обошлось без кровопролития: в Вяземском уезде, в Воскресенском селе князей Долгоруких, крестьяне собрались до 2000 человек для сопротивления военной команде, которая должна была стрелять из пушек, и крестьян побито было 20 человек да не менее переранено. Вначале Екатерина была сильно против крепостного права, в котором видела явление, противное христианской религии. Но мысль о необходимости уничтожения этого права не имела отголоска даже в самых образованных людях; а в Комиссии Уложения депутаты объявили о необходимости позволить духовенству и купечеству иметь крепостных людей.

Относительно земледелия Екатерина в Наказе высказала следующие взгляды: «Весьма бы нужно было подписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы и те бы поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства: тем бы распространилось больше земледелия и число бы народа в государстве умножилось. А ныне иной земледелец лет пятнадцать дому своего не видит, а всякий год платит помещику свой оброк, промышляя в отдаленных от своего дома городах, бродя по всему почти государству. Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничижении или нерачительно производится. Земледелие есть самый больший труд для человека; чем больше климат приводит человека к избежанию сего труда, тем больше законы к оному возбуждать должны; земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять должно; второе есть рукоделие из собственного произращения».

Неизвестный художник. Портрет графа Г. Г. Орлова

В 1765 году по ходатайству Григория Орлова и 15 других «патриотов» учреждено С.-Петербургское Вольное экономическое

общество для поощрения полезных знаний в области экономии и земледелия.

При Екатерине в пустынных, но плодородных пространствах империи явилось особого рода земледельческое народонаселение – иностранные колонисты. В июле 1763 года учреждена канцелярия опекунства иностранных колонистов; издан манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают. Колонистам обещаны были деньги на проезд, всевозможные пособия при обзаведении на избранном месте, беспроцентная ссуда капитала на 10 лет; они были свободны от всякой службы и от всяких податей на 30 лет; они могли судиться по своим законам, свободно исповедовать свою веру, выбирать своих пасторов. На первый раз назначено было 200 000 рублей в год на вспоможение колонистам.

Переселенцы хлынули толпами, преимущественно из Пфальца; в одной Саратовской провинции поселилось до 10 000 семейств. Когда движение остановилось, то в 1774 году число колонистов простиралось до 26 000 человек.

9. Уничтожение гетманства и Запорожья

Вместе с этим населением степей мирными трудолюбивыми колонистами происходило окончательное преобразование в быте старых населенников степей, знаменитых в нашей истории казаков. Начальный человек в Малороссии по-прежнему носил название гетмана, что прямо указывало на его войсковое значение, на историческое значение казачества в этой стране. Со времени преобразования Петра гетман потерял прежнее значение; в продолжение некоторого времени его вовсе не было; потом явились опять гетманы, но отнюдь не с прежним значением; существенной перемены от появления гетмана никакой не происходило, страна привыкла мало-помалу к этому безразличию: есть ли гетман, нет ли его.

При Елисавете назначение гетманом Кирилла Григорьевича Разумовского, человека в Малороссии неизвестного, всего лучше показывало, что гетманство здесь потеряло прежнее значение; при Екатерине II в 1764 году, еще при жизни Разумовского, гетманство было окончательно уничтожено. Порешили и с знаменитым Запорожьем. Мы видели, что Сечь была взята и разорена войсками Петра Великого и бывшие при Мазепе запорожцы должны были бежать, поддаться крымскому хану и основали новую Сечь в Алешках. В царствование Анны им позволено было по их просьбе возвратиться снова под русскую державу на старые места. Но запорожцы недолго могли жить при прежнем широком раздолье своем. Степи начали населяться, и вследствие этого в 1764 году явилась Новороссийская губерния.

Запорожцам стало тесно, потому что при своих промыслах – скотоводстве и звероловстве, без хлебопашества, – они имели нужду в огромных пустых пространствах. Начались столкновения и жалобы. К тому же с возвращением запорожцев появились разбойники, гайдамаки; предводителями гайдамацких шаек были обыкновенно запорожцы. Между тем Запорожье не переставало требовать, чтоб все вновь населенные степные пространства были ему возвращены, т. е. чтоб Новая Россия обратилась в такую же пустыню, какою была до 1740 года. Запорожские уполномоченные твердили: «Все это наше было и есть! Если к нам будут посланы землемеры без ведома Коша, то хоть и повесят их, то нечего будет взять».

Легко понять, как могущественное государство должно было отвечать на запорожские требования и угрозы. Императрица велела Потемкину постараться занять Сечь и все Запорожье вооруженною рукою, и 5 июня 1775 года приказ был исполнен. Запорожье перестало существовать, часть казаков успела уйти из Сечи и пробраться в турецкие владения, где поддалась султану; оставшимся русское правительство позволило или возвратиться на прежние места жительства, или жить в Новой России на правах всех остальных ее жителей. В 1783 году из них составлено было особое ополчение под именем черноморских казаков, а в 1792 году этому черноморскому войску дан был остров Фанагория с землями между Кубанью, Азовским и Черным морем.

10. Меры относительно духовенства

При Екатерине II была приведена в исполнение мысль Петра Великого об отобрании церковных имений. Для этого императрица велела учредить особую комиссию из духовных и светских членов под собственным своим наблюдением. В ноябре 1762 года дана инструкция этой комиссии, где, между прочим, говорилось: «Сорок лет тому уже миновало, как Петр Великий составил духовный регламент и предпринял в нем такие правила, которые бы в простом нашем народе учреждением благоразумно воспитанных и обученных священников прямый путь к исправлению нравов открывали. Но к соболезнованию нашему видим, что столь многие леты уже миновалися, а народ в том же еще пребывает заблуждении».

В исходе 1763 года в комиссию были доставлены описи всем церковным, монастырским и архиерейским землям, ведомости о числе крестьян и количестве доходов; оказалось крестьян 910 866 душ: между прочим, Троицкая лавра владела более чем 120 000 крестьян, Кириллов Белозерский монастырь имел около 35 000. Положено было все эти имения взять из духовного ведомства и поручить так называемой Коллегии экономии, которая должна была собирать с крестьян по 1 р. 50 коп. в год с души; от этой Коллегии экономии происходит употребляющееся и до сих пор название «экономических крестьян».

Для монастырей и архиерейских домов, разделенных на три класса, для ружных церквей и для чиновников синодального ведомства составлены были штаты; что же оставалось за этими расходами, определено на содержание духовных училищ, инвалидных домов, госпиталей; белое духовенство освобождено от сборов деньгами и хлебом на духовные училища; отставных военных запрещено отсылать в монастыри для прокормления, а назначены им для жительства украйные города и пенсии из экономических доходов.

Присоединение западных русских областей по трем разделам Польши было важнейшим событием в истории русской Церкви. Униаты толпами начали обращаться в старое православие. Поляки, не имея возможности препятствовать этому силою, стали внушать, что соединение с русскою империею будет непродолжительно, что западные русские области отойдут опять к Польше, но православное

церковное начальство спешило рассеять эти ложные внушения, успокаивая жителей, что они не потерпят никакой неприятности от обращения к вере предков и что вторичное соединение их с Польшею невозможно. В два года, от 1794 до 1796, более полутора миллиона униатов обратилось в православие.

11. Меры относительно раскола

Соответственно мыслям, высказанным в Наказе о веротерпимости, употреблялись кроткие меры относительно раскольников: тем, которые не чуждались православной Церкви, готовы были принимать священников, но желали только оставаться при старых обрядах и старопечатных книгах, дозволено иметь свои церкви. Особенная раскольничья контора была закрыта, и раскольников велено ведать в общих управлениях без притеснения. В 1782 году раскольники были освобождены от двойного оклада, который с них собирался со времен Петра Великого.

12. Меры для умножения и сохранения народонаселения

Народонаселение империи в конце царствования Екатерины простиралось до 36 000 000. Увеличивали его тем, что призывали раскольников, ушедших за польскую границу, призывали иностранных колонистов. В то же время употребляли меры для его сохранения.

Вместо прежней петровской Медицинской канцелярии учреждена была в 1768 году Медицинская коллегия, которой обязанность состояла в сохранении народа посредством врачебной науки, воспитания русских докторов, хирургов и аптекарей, в надзоре за исправностью аптек; в Москве был департамент этой коллегии. Учреждены были фабрики для хирургических инструментов. Каждый город обязан был иметь городового и уездного врача; русских лекарей для этого недоставало, вызвали многих из Германии по контракту. Приказы общественного призрения имели обязанность учреждать народные госпитали и больницы и надзирать за ними, заводить домы для неизлечимых больных и умалишенных.

В 1768 году введено было оспопрививание; чтоб подать добрый пример, императрица привила оспу себе и четырнадцатилетнему сыну своему, наследнику престола Павлу Петровичу. Ни один лекарь, ни один священник в России не противился оспопрививанию, как это было в Западной Европе. В Петербурге учрежден был особый дом для оспопрививания; сначала денежными наградами приманивали родителей, чтоб они приносили туда детей своих, но скоро это средство оказалось ненужным. В 1772 году оспопрививание начало распространяться даже и между сибирскими инородцами.

13. Меры для народного воспитания

В Наказе своем Екатерина объявила, что самое надежное средство сделать людей лучшими – это усовершенствование воспитания, и потому мы должны ожидать мер для этого усовершенствования. Правила, которыми хотело руководиться правительство в деле воспитания, высказаны в «учреждениях, касающихся до воспитания», составленных Ив[аном] Ивановичем] Бецким, знаменитым устроителем воспитательных заведений в России в описываемое время.

Вот что говорится в этих уставах: «Преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение есть дело, совокупленное с невероятными трудами, а прямая оных польза остается потомству. С давнего уже времени имеет Россия академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не совсем ничего, существительных от того плодов собрано. Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на Провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсем недоставало, о том совсем и помышляемо не было. Из посланных еще при Петре Великом дворян с хорошим возвратились успехом в том, чему они обучаться назначены были; но по возвращении, имея путь и право к большим чинам и заслугам, не могли они в том упражняться. Другие, из подлости (простонародья) к наукам взятые, также весьма скоро успевали в оных, но скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились, отчего и людей такого состояния, которое в других местах *третьим чином,* или *средним,* называется, Россия до сего времени и произвести не могла. Искусство (опыт) доказало, что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены. При таком недостатке смело утвердить можно, что прямого в науках и художествах успеха и *третьего чина* людей в государстве ожидать всуе себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитание.

Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, кои бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие веки. Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоего пола детей, которых принимают отнюдь не старее, как на пятом или на шестом году».

Ф. Я. Алексеев. Вид на Воспитательный дом

В другом месте Бецкий резко выражает различие между заимствованием внешней цивилизации, которое господствовало при Петре и его преемниках, и внутренним совершенствованием посредством просвещенного воспитания, чего начали желать во второй половине XVIII века. «Петр Великий, – говорит Бецкий Екатерине, – создал в России людей; Ваше Величество влагаете в них души». Бецкий признавал необходимым, чтоб воспитатели были русские, ибо дети не могут признавать иностранцев родителями своими. Потом иностранцы

не могут сообразоваться с воспитанниками своими в народных обычаях, религиозных и житейских.

В 1763 году был учрежден в Москве воспитательный дом на 8000 детей; по его образцу в 1767 году учрежден воспитательный дом в Петербурге. В 1764-м в Петербурге в Воскресенском монастыре (Смольный) основано воспитательное заведение для 240 девиц из дворянства, а в следующем году – подобное же для девиц из городского сословия. В 1762 году основаны Инженерный и Артиллерийский кадетские корпуса. При Екатерине же получили начало народные учебные заведения: по плану назначенной для этого предмета комиссии предположено было открыть в уездных городах малые народные училища из двух классов для обучения детей свободного состояния наукам математическим, естественным, словесным, отчасти изящным искусствам; изданы были комиссиею очень хорошие по тому времени учебные книги при содействии педагогов, вызванных из-за границы.

Назначено было основать университеты в Екатеринославле, Пскове, Чернигове и Пензе. Но недостаток денежных средств не позволил привести в исполнение всех этих намерений: и главные народные училища открыты в немногих городах, а университеты – ни в одном.

14. Литературная деятельность Екатерины

Теперь посмотрим, как литература екатерининского времени содействовала народному воспитанию, посмотрим, как автор Наказа, сама императрица, в своих литературных произведениях хотела содействовать этому воспитанию. Здесь нас прежде всего останавливает инструкция князю Салтыкову при назначении его к воспитанию великих князей.

«Высокому рождению их Высочеств, – говорит Екатерина, – паче иных предлежат два великие пути: первый – справедливости, второй – любви к ближнему. Главное достоинство наставления детей состоять должно в любви к ближнему, в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям, в ласковом и снисходительном обхождении ко всякому, в добронравии непрерывном, в чистосердечии, в благодарном сердце, в истреблении горячности сердца, пустого опасения, боязливости, подозрения. Пороки вообще уменьшают смелость и храбрость; добродетели же умножают твердость духа и укрепляют рассудок, истинную его смелость и храбрость. Истинная смелость состоит в том, чтобы пребывать в том, что долг человеку предписывает. Отдалять надлежит от глаз и слуха в младенчестве и от отроков в первые годы все то, что мысли устрашить может, как то: всякие пугалища, душу и ум утесняющие, которыми обыкновенно детей стращают и от коих делаются они робки».

В. Эриксен. Портрет Екатерины II перед зеркалом

С воспитательною целию Екатерина сочиняла нравоучительные сказки: в сказке о царевиче Февее представлено образцовое поведение вследствие воспитания. Екатерина написала также несколько исторических представлений; в представлении из жизни Рюрика этот князь является образцом правителя, и потому он не убивает восставшего против него Вадима, а говорит: «Пусть Рюрик в сей день окажется, каков есть; он, видя винных пред собою, с горячею ревностию возьмется всегда за исследование общему добру причиненного ущерба; но кой час вина уже известна, винный

изобличен и надлежит, вынув меч, приступить ко мщению, тогда меч тот, который не выпал никогда из моей десницы против общих неприятелей, падает из дрожащих рук моих и в винном вижу я лишь человека». В комической опере «Горе-богатырь Косометович» Екатерина осмеяла поведение врага своего Густава III, короля шведского.

15. Общий характер литературы екатерининского времени

Мы видели, что в первой половине XVIII века литература явная, печатная, главною задачею своею считала восхваление нового порядка, введенного Петром, считала необходимым вооружаться против людей, ему противившихся. Но во второй половине века взгляд переменился: общество, развиваясь, почувствовало новые потребности; односторонность, недостаточность, темные стороны господствующего направления обозначились и не могли не возбудить против себя лучших людей.

Отсюда литература екатерининского времени имела задачею: во-первых, провозглашать новые начала, признанные необходимыми для поддержания общества, именно внутреннее совершенствование человека посредством просвещенного воспитания; потом – вооружаться, с одной стороны, против отсталых людей, которые принадлежали более XVII, чем XVIII веку, для которых эпоха преобразования проходила даром; а с другой стороны – вооружаться и против вредных явлений, порожденных господствовавшим направлением эпохи преобразования, вооружаться против людей, принявших одни формы образованности, в нравственном же отношении представлявших самое печальное явление.

16. Сумароков, Фонвизин, Державин

Это направление, как мы видели, уже обозначилось в царствование Елисаветы, обозначилось в сочинениях Сумарокова, который продолжал свою деятельность и при Екатерине. Многочисленные драматические пьесы его играли везде: при дворе, на публичных театрах, в школах; в этих пьесах Сумароков обыкновенно высказывал мысли, которые были тогда в ходу в Западной Европе. Тем же направлением отличались сочинения двух других драматических писателей екатерининского времени: Княжнина и Николева. В многочисленных комедиях своих Сумароков продолжал вооружаться против главных пороков времени и хотя сильно подражал Мольеру, хотя брал у него характеры, однако между действующими у него лицами мы встречаем много русских людей и тогдашнюю обстановку русского общества. Лихоимцы суть главные лица сумароковских комедий, ханжи и педанты взяты из Мольера, но петиметры русские. Сумароков же знакомит нас и с тою сферою, которую описал Данилов в своих записках и из которой вышли «Бригадир» и «Недоросль» даровитого Фонвизина.

Денис Иванович Фонвизин. Илл. из книги «Сочиненія Д. И. Фонвизина. Полное собраніе оригинальныхъ произведеній», 1893 г.

Гавриил Романович Державин. Гравюра Ф. П. Бореля, XIX в.

Сочинения Фонвизина важны для истории общества в том отношении, что в них резко проведена господствовавшая тогда у лучших людей мысль о необходимости создания новой породы людей посредством просвещенного воспитания, мысль, что все зло происходит от недостатка такого воспитания; в сочинениях своих Фонвизин также сильно ратует против двух огней, между которыми стояло русское общество: против пороков и предрассудков, наследованных от допетровской старины, и против вредных явлений, происходивших вследствие одностороннего сближения с западною цивилизациею.

В комедии «Бригадир» в сыне бригадира и в советнице в самом отвратительном виде выставлены следствия привития чужих модных взглядов к людям, не получавшим никакого нравственного воспитания и воспитывающим себя по французским романам. В знаменитом «Недоросле» своем автор представляет урода, произведение старинного грубого, исключительно физического воспитания; но к этому старинному воспитанию присоединено и новое, как требовалось от дворянства в первой половине XVIII века, воспитание форменное, вредное по выбору воспитателя, иностранца, бывшего прежде кучером.

Знаменитейший из поэтов екатерининского времени великолепный Державин, воспевая блистательные победы и торжества, в то же время твердит о необходимости нравственных основ для общества, требует правды и встречает новорожденного внука Екатерины (Александра Павловича) желанием: «Будь на троне человеком!»

17. Исторические труды

Екатерина считала необходимым знание русской истории, при пытливости и многосторонности ума своего сама любила заниматься вопросами из нее; за несколько минут до смерти занималась сочинением «Записок касательно Российской истории». Что же было сделано при ней для русской истории? Старик Мюллер был переведен в Москву, сделан начальником драгоценного архива Иностранной коллегии, где был совершенно в своей сфере. Мюллер издал Татищева, издал «Ядро Российской истории» Манкиева, сообщил много материалов Новикову для его «Вивлиофики», Голикову – для его «Деяний Петра Великого».

Явились попытки из собранных материалов сделать что-нибудь стройное, написать русскую историю, явилась «История Российская от древнейших времен» князя Щербатова. Автор был человек умный, образованный, трудолюбивый, добросовестный, но недаровитый и не приготовленный наукою к своему труду, принимавшийся за него как любитель только. Несмотря на то, труд Щербатова занимает почетное место в нашей исторической литературе. Следя добросовестно и внимательно за ходом событий русской истории, Щербатов останавливался на явлениях особенно поразительных, не похожих на явления, в истории других народов встречающиеся, старался объяснить их, подходил к ним с разных сторон, ошибался, но пролагал дорогу другим, возбуждал спор.

Горячий спор завязался между Щербатовым и Болтиным. Генерал Болтин, человек с сильным дарованием, сделался известен своими возражениями на книгу Леклерка о древней и новой России, вышедшую в Париже в 1784 году. Опровергая Леклерка, который низко ставил древнюю Россию, ее историю, Болтин необходимо должен был защищать ее, находить светлые стороны в этой жизни, в этой истории, к которой так враждебно до сих пор относилась эпоха преобразования, повторявшая, что преобразователь привел Россию из небытия в бытие. Болтину было тем легче принять защиту древней России, что общество, сознавши вредную сторону преобразовательного направления, готово было сочувствовать той жизни, против которой ратовало это преобразовательное направление. Болтин первый высказал положения о

сильной степени развития древнего русского общества, положения, которые потом так часто повторялись.

Так, рассматривая договоры наших первых князей с греками, Болтин говорит: «В тогдашнее уже время имели русские правление, на коренных законах и на непременных правилах утвержденное, народ разделен был на разные сословия, каждое сословие пользовалось особенными правами, преимуществами и отличностями; все вообще имели суд и расправу; успех имели в торговле внутренней и внешней, мореплавании, художествах, ремеслах и в рассуждении тогдашнего века, в нарочитом просвещении» и проч. Темные стороны западного общества, перенесенные в Россию в эпоху преобразования, давали Болтину сильное оружие в защиту старого против нового. Леклерк порицает Уложение за то, что оно дает тиранскую власть мужу над женою; Болтин выставляет порчу семейной нравственности в его время на Западе и в России; Болтин заступается и за русский язык, основываясь на возможности переводов на славянский язык творений отцов Церкви; говорит, что употребление русскими людьми французских слов в разговоре введено не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что называется французским.

По поводу замечания Леклерка, что в древней России запрещен был въезд иностранным ученым в Россию, а русским – выезд за границу для наук, Болтин прямо укоряет новую Россию за перемену к худшему: «С тех пор как юношество свое стали посылать в чужие края, а воспитание вверять чужестранцам, нравы наши совсем переменились, с мнимым просвещением насадились в сердцах наших новые предубеждения, новые страсти, слабости, прихоти, кои предкам нашим были неизвестны: погасла в нас любовь к отечеству, истребилась привязанность к отеческой вере, обычаям. Мы старое позабыли, а нового не переняли и, став непохожими на себя, не сделались тем, чем быть желали. Сие все произошло от торопливости и нетерпения: захотели сделать то в несколько лет, на что потребны века; начали строить здание нашего просвещения на песке, не сделав прежде надежного ему основания. Петр Великий думал, что для просвещения дворян довольно будет заставить их путешествовать по иностранным государствам, но опыт оправдал стариков наших мнение, что вместо ожиданной пользы вышел из того вред. Тогда познал Петр Великий, что

надобно начать хорошим воспитанием, а кончить путешествием, чтоб видеть желаемый плод».

В примечаниях на Леклерка Болтин несколько раз задел и князя Щербатова; тот защищался, это произвело спор, вследствие которого появились два тома примечаний Болтина на историю Щербатова.

Из записок, относящихся к царствованию Екатерины II, самые замечательные – статс-секретарей императрицы: Храповицкого, Державина и Грибовского; записки эти всего ближе знакомят нас с характером Екатерины, ее взглядами и побуждениями; потом записки княгини Дашковой, известной своими близкими отношениями к императрице, своими литературными трудами и бывшей президентом Академии; наконец, записки Порошина, находившегося при воспитании великого князя Павла Петровича и подробно описавшего это воспитание, разговоры воспитателя, Н. И. Панина, и других лиц, посещавших наследника.

Мы видели, что среди мыслящих людей екатерининского века явилось недовольство направлением первой половины столетия, признание его вредной односторонности, но одни из них средством поправить дело признают распространение начал так называвшейся тогда философии, разрушавшей старые предрассудки; другие заподозревают эту философию в том, что она, разрушая предрассудки, с тем вместе подрывает и основание добродетелей; третьи от недовольства эпохою преобразования естественно переходят к мысли, что эта эпоха не права перед обесславленною ею допетровскою Россиею.

Подле этих направлений существовало также направление мистическое. Из людей этого мистического направления особенно замечателен Новиков, начавший свою деятельность изданием сатирических журналов, которых выходило много при Екатерине: цель их была осмеяние тех же недостатков общества, которые осмеивала и комедия. Потом Новиков приступил к изданию сборника исторических материалов, известного под именем «Древней Российской Вивлиофики». В Москве вместе с профессором тамошнего университета Шварцем Новиков основал в 1781 году *Дружеское ученое общество,* целью которого было печатание учебных книг и даровая раздача их по учебным заведениям. Около Новикова собралось много даровитых и трудолюбивых молодых людей, которые занимались

переводами книг и участвовали в изданиях Новикова; в числе этих молодых людей был и Карамзин.

Императрица Екатерина не любила мистиков, не любила тайных масонских обществ, смеялась над их членами в своих комедиях; по ее мнению, было непонятно, зачем люди, объявляющие, что желают добра ближним, окружают себя таинственностью и мраком, тогда как им никто не препятствует делать всевозможное добро без всяких фокусов. Новиков в конце царствования подвергся преследованию по отношениям политическим.

С. Торелли. Екатерина II в образе Минервы

Глава L. Царствование императора Павла Петровича

1. Миролюбивое расположение императора

Под предлогом расстройства во внутреннем управлении новый император объявил, что для России необходимо спокойствие извне, и потому он отказывается от войны с Францией. «Россия (объявлено иностранным дворам), будучи в беспрерывной войне с 1756 года, есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в пренужном и желаемом ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений. Однако же, хотя российское войско не будет действовать против Франции по вышеозначенной и необходимой причине, государь не менее затем, как и покойная его родительница, остается в твердой связи с своими союзниками и чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой Французской республике, угрожающей всю Европу совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия».

2. Причины войны с Франциею

Но из этого самого объявления уже видно, что мир не будет продолжителен, ибо во всевозможных мерах противиться Французской республике первая мера была война. Австрия, доведенная до крайности победами Бонапарта, принуждена была заключить Кампоформийский мир, по которому Франция приобретала Нидерланды, Ионические острова с некоторыми округами на твердой земле, принадлежавшими упраздненной республике Венецианской; Ломбардия поступала в состав республики Цизальпинской вместе с владениями моденскими и тремя областями папских владений. Франция, управляемая тогда Директорией, воспользовалась своим торжеством для того, чтоб еще более распространить свои владения и свое влияние. Воспользовавшись борьбою партий, она заняла своим войском Швейцарию, переименованную в республику Гельветическую; эта республика была независима только по имени; французы делали в ней все, что хотели, а Женева прямо была присоединена к Франции. В Италии французы заняли Рим, провозгласили здесь республику; папа Пий VI отвезен был во Францию. Наконец, Директория делала сильные вооружения, готовясь к какому-то важному предприятию, загадочному для Европы и тем более беспокоившему.

С. С. Щукин. Портрет Павла I

Англия и Австрия обратились к русскому императору, который имел и непосредственные причины к неудовольствию на Францию. Русский консул был схвачен французами на одном из Ионических островов и, несмотря на требование императора, не выпускался из заключения. Польские выходцы нашли во Франции явное покровительство со стороны Директории и начали замышлять восстановление Польши. Толпы этих выходцев собирались в Молдавии с намерением вторгнуться в Галицию. Костюшко, освобожденный императором Павлом из плена с обязательством переехать в Америку, приехал в Бордо, чтоб отправиться за океан, и вместо того возвратился в Париж. Генерал Домбровский в Северной Италии формировал на счет Франции легионы из поляков для будущей польской армии.

С своей стороны французское правительство жаловалось, что русский император принимает в свое покровительство французских изгнанников. Действительно, император Павел принял в Россию 7000 французских эмигрантов, составлявших корпус войска под начальством принца Конде; корпус этот был размещен в Волынской и Подольской губерниях. Сам Людовик XVIII, гонимый отовсюду вследствие мира Пруссии и Австрии с Францией, просил у русского императора убежища себе, своему семейству и сотне верных телохранителей; государь исполнил просьбу, и Людовик XVIII поселился в Митаве, получая по 200 000 рублей ежегодно от русского правительства.

В начале 1798 года распространился слух, что французы намерены отправить флот свой в Черное море для нападения на русские берега. Тогда государь велел вице-адмиралу Ушакову выйти в море; Турции было объявлено, что русский флот будет готов помогать ей против французов; с другой стороны две эскадры отправились для соединения с английским флотом, чтоб крейсировать у берегов Франции и Голландии.

3. Поведение Австрии и Пруссии

Начиная борьбу с Францией, император более всего старался соединить силы Австрии и Пруссии, которые постоянно соперничали, мешали друг другу, думая только о материальных приобретениях, тогда как дело шло совсем о другом, с тех пор как революционная Франция выставила новые начала и стала распространять их. Император Павел старался внушить австрийскому императору и королю прусскому, что тройственный союз между Россией, Австрией и Пруссией тогда только будет крепок, «когда устранятся совершенно всякие неприязненные предубеждения и всякие замыслы на новые приобретения».

Так как обе сильные германские державы – и Австрия, и Пруссия – в своих соглашениях с Францией приносили в жертву собственным интересам интересы мелких германских владений, то император Павел приказывал напоминать им, что с крайним сожалением взирает, когда оба сильнейших государства Германии ищут себе добычи в ущербе малосильным и невинным сочленам империи, и, главное, старался внушить, что «оставшиеся еще вне заразы государства ничем так сильно не могут обуздать буйство французской нации, как тесною между собою связью и готовностью один другого охранять честь, целость и независимость».

4. Союз пяти держав против Франции

Но внушения эти остались тщетными; император Павел, убедившись, что берлинский двор «по господствующему в нем пристрастию к французскому правлению и по закоренелой зависти к венскому двору» вовсе не намерен приступить к союзу, решился действовать заодно с Австриею и велел двинуться на помощь последней шестнадцатитысячному корпусу своих войск; а между тем Бонапарт, отправившись из Тулона для завоевания Египта, захватил (летом 1798 года) остров Мальту, принадлежавший рыцарям св. Иоанна Иерусалимского, которые с 1797 года находились под покровительством русского императора.

Тогда рыцари, собравшись в Петербурге, просили государя принять орден под свое державство; император согласился принять звание великого магистра ордена и дал обещание ограждать его права и стараться возвратить ему прежнее значение. Бонапарт высадился на берега Египта; Турция просила помощи у России, и эскадра Ушакова вступила в Босфор. В Константинополе Ушаков был принят с почестями и торжеством. Подтвердив Ясский договор, Россия и Турция положили помогать друг другу против всякого врага, «но отнюдь не в видах завоевания, а единственно для защиты целости своих владений, для безопасности подданных, для поддержания политического равновесия и для противодействия беззаконным замыслам французского правления». Порта приняла на свой счет содержание русской эскадры.

К этому союзу приступили Англия и Неаполь; на помощь последнему отправлен корпус русских войск через турецкие и австрийские владения в далматский город Зару, откуда неаполитанские корабли должны были перевезти его на берега Италии. Таким образом, к началу 1799 года образовался против Франции союз из России, Англии, Австрии, Турции и Неаполя; цель его была «действительнейшими мерами положить предел успехам французского оружия и распространения правил анархических, принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие».

5. Действия турецко-русской эскадры

Осенью 1798 года союзная русско-турецкая эскадра направилась к Ионическим островам, обещая жителям их, что они по изгнании французов получат самостоятельность; этим отстранялся повод к соперничеству между союзниками; острова были отняты у французов. На сухом пути, в Италии, король неаполитанский Фердинанд IV преждевременно начал борьбу с Франциею и лишился владений своих на полуострове; он должен был удалиться в Сицилию, а Неаполь, занятый французами, переименован был в Парфенопейскую республику.

Тогда Австрия просила императора Павла увеличить число русских войск, назначенных для соединения действия с нею в Италии, просила прислать и главнокомандующего, именно Суворова.

6. Суворов

Мы видели деятельность Суворова во время турецкой, польской войны, во время пугачевского возмущения. В молодости Суворов получил образование, какое только тогда можно было получить, потому что отец, предназначая его по слабости здоровья к гражданской службе, заставлял учиться наукам и языкам, чтение исторических книг развило в нем славолюбие и уяснило для него самого его призвание: он вступил в военную службу. Здесь он подвигался очень медленно. 9 лет был солдатом; прожив так долго вместе с солдатами, он совершенно сроднился с их бытом, с их привычками, языком, привык к жизни простой, которую не покидал до конца. В чинах офицерских Суворов приобрел репутацию отличного кавалерийского офицера, быстрого при рекогносцировке, отважного в битве и хладнокровного в опасности.

Но для Суворова этого было мало: он видел, как быстро шагают любимцы счастья, менее его достойные, но умевшие стать на вид, и он решился обратить на себя внимание, заставить заговорить о себе средством, которое, разумеется, лежало уже в его природе и которое потому употреблено было им с таким успехом; это средство было юродство, которое производит такое сильное впечатление в неразвитых обществах, когда при господстве воображения над мыслящею, поверяющею явления способностию, все странное, выходящее из обычной колеи имеет обаятельную силу, заставляя предполагать что-то высшее, таинственное. Суворов сделался чудаком; отбросив общепринятые формы приличия, он ничего не делал, как другие люди: говорил отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблял свои особые выражения, кривлялся, делал разные ужимки, ходил припрыгивая. Применяясь к солдатскому быту, он довел до крайности свой спартанский образ жизни: вставая с зарею, бегал по лагерю в рубашке, кричал петухом, обедал в 8 часов утра; в одежде также не соблюдал общей формы.

Неизвестный художник. А. В. Суворов с маршальским жезлом

В обращении с подчиненными Суворов создал себе свою систему: строгий к каждому в исполнении обязанностей служебных, он в то же время не боялся сближаться с солдатами, шутил с ними, забавляя их

своими прибаутками. Говоря с подчиненными, требовал от них находчивости и смелости, ответов быстрых и точных; слово «не знаю» было строго запрещено. Вдруг обращался он к солдату или офицеру с каким-нибудь странным, нелепым вопросом, и немедленно же надобно было отвечать ему такою же нелепостью; кто ответил остро, умно – тот молодец, разумник; кто смутился, замнется – тот немогузнайка.

Суворов достиг своей цели: о нем начали говорить; бесчисленные анекдоты о его проделках дошли до императрицы Екатерины; громадная популярность была приобретена им между солдатами, которые видели в Суворове своего и между которыми более, чем в других классах общества, юродство имело обаятельную силу. Во время упомянутых екатерининских войн, в которых Суворов участвовал с таким блеском, он вполне выказал дух своих военных правил: верно рассчитать, где надобно нанести удар, быстрым движением появиться внезапно перед неприятелем, атаковать его смело и решительно – вот простые правила, которые обыкновенно выражал он сам тремя словами: *глазомер, быстрота, натиск.*

Мы видели, что в конце царствования Екатерины Суворов уже был назначен начальствовать над войском, которое должно было идти на помощь Австрии против французов, но смерть императрицы расстроила дело. Преемник ее объявил, что не будет держаться воинственной политики предшествовавшего царствования, и скоро Суворов подвергся даже сильной опале за медленность в исполнении указов императорских относительно преобразований в войске: он был отставлен и велено ему жить в своей вотчине, в глуши Новгородской губернии, под присмотром полицейского чиновника. Здесь он проводил свое время за книгами, внимательно следил за политическими событиями, играл с деревенскими мальчишками, по праздникам в церкви читал Апостол, пел на клиросе и звонил в колокола. Отсюда-то он был вызван в начале 1799 года, чтоб принять начальство над соединенною русско-австрийскою армиею.

А. И. Шарлемань. Торжественная встреча Суворова в Милане

Но Суворов с своими правилами, с своим глазомером, быстротою и натиском вовсе не был таким главнокомандующим, который бы понравился в Австрии, ибо здесь главнокомандующие не могли действовать по своему глазомеру, здесь они должны были исполнять решения придворного военного совета, состоявшиеся заблаговременно в Вене под влиянием первенствующего министра, Тугута, который считал себя знатоком военного дела, вовсе не будучи им.

7. Торжество Суворова в Италии над Моро и Макдональдом

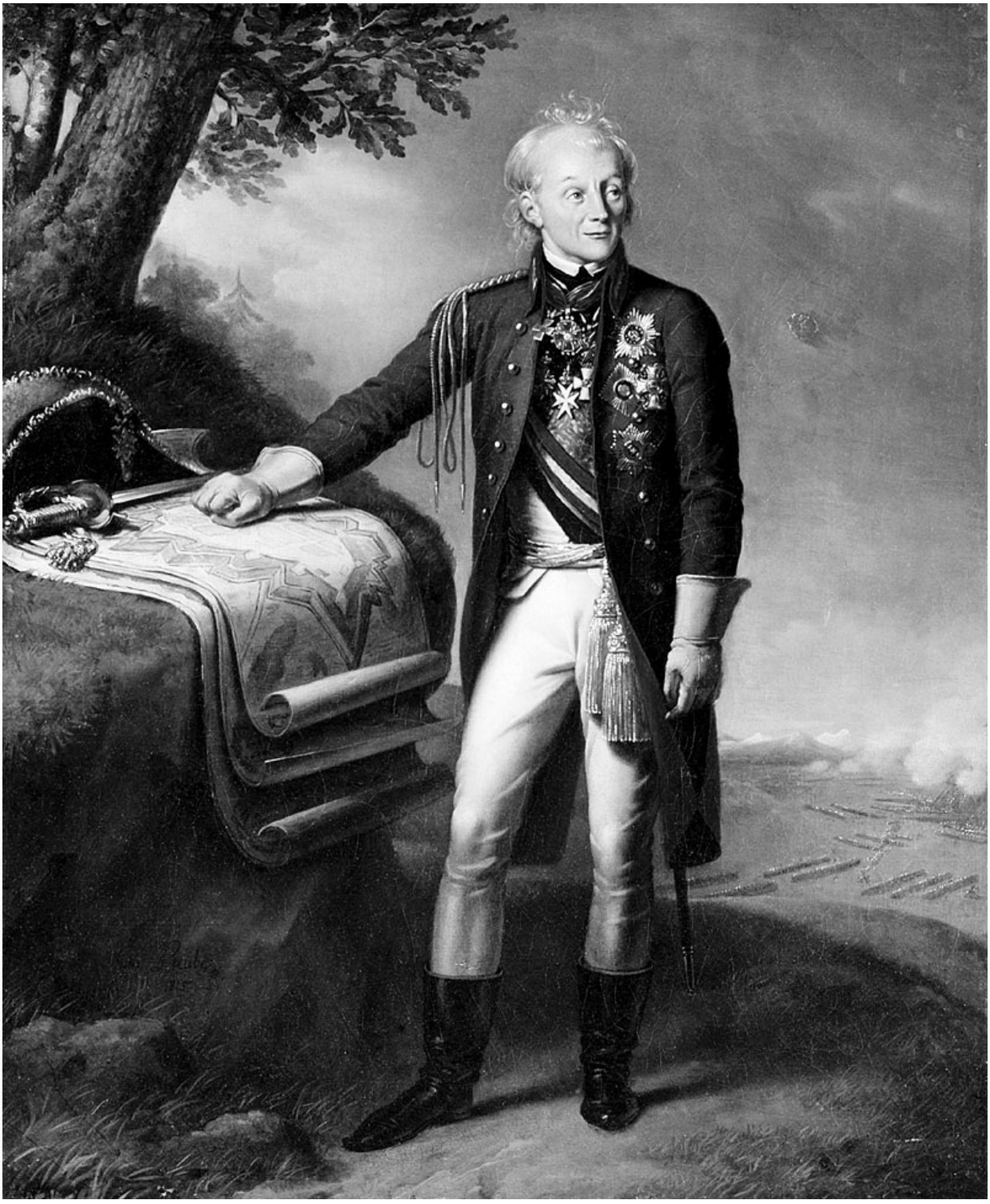
3 апреля Суворов приехал к армии в Верону; 17 числа он перешел реку Адду, поразивши французов в трехдневном бою на ее берегах; 18-го торжественно вошел в Милан, столицу Цизальпинской республики, покинутую французскими чиновниками и приверженцами Франции. Целуя руку у архиепископа миланского, Суворов говорил ему: «Я прислан восстановить древний престол папский и привести народ в послушание монарху его. Помогите мне в святом деле».

Первым распоряжением Суворова в Милане было ниспровержение Цизальпинской республики, что поколебало во всей Италии владычество французов, везде поднимался против них народ; таким образом, в две недели по приезде Суворова к армии положение дел переменилось в Италии. В половине мая был занят Турин; в полтора месяца вся почти Северная Италия была уже очищена от французов, во власти которых здесь оставалась только сильная крепость Мантуа да еще три-четыре крепости; французский генерал Моро должен был отойти за Апеннины и расположился в области Генуэзской, но из Южной Италии шел другой французский полководец, Макдональд. Чтоб не дать ему соединиться с Моро, Суворов поспешил к нему навстречу с необыкновенною быстротою, на реке Тидоне 6 июня вступил в бой, не давши отдохнуть своему войску, и разбил французов. Отброшенный за реку Тидоне, Макдональд отступил к реке Треббии верст на семь назад. Здесь был кровопролитный двухдневный бой (7 и 8 июня); изнуренные зноем итальянского летнего дня, русские едва могли держаться; генерал Розенберг подъехал к Суворову, с тем чтоб посоветовать ему отступление; Суворов лежал в истомлении у большого камня. «Попробуйте сдвинуть этот камень, – отвечал он Розенбергу на его предложение. – Не можете!.. Ну так и русские не могут отступить!» Семидесятилетний старик забыл свою усталость, сел на коня, появлением своим заставил и солдат забыть усталость, и французы были отброшены за реку со страшным для них уроном; ночью Макдональд, найдя невозможным дожидаться нового нападения, начал отступление и тем признал себя окончательно побежденным.

Покончив с Макдональдом, Суворов услыхал о движениях Моро и с такою же быстротою обратился назад против него, но одно его появление заставило Моро отступить без боя.

8. Неприятности Суворова от австрийского правительства

От императора Павла Суворов получал награды и рескрипты в самых лестных выражениях; государь писал, что он изъявляет признательность к великим делам своего подданного, которыми прославляется его царствование. Знаменитый соперник Суворова Моро признавал действия последнего в Италии образцовыми, но недовольны были Тугут и придворный военный совет в Вене. Тотчас после победы на Треббии победитель был огорчен рескриптом императора Франца, который просил Суворова совершенно отказаться от всех предприятий дальних и неверных и о всяком важном предположении своем или действии предварительно доводить до его сведения. Военный придворный совет, с одной стороны, давал Суворову непрошеные уроки в том, что тот сам очень хорошо знал и исполнял, с другой – мешал ему в самых важных распоряжениях: так, фельдмаршал хотел усилить себя пьемонтским войском и приглашал пьемонтцев собираться под свои национальные знамена и сражаться за свободу отечества и законное национальное правительство, но австрийцы никак не хотели согласиться на это и требовали, чтоб пьемонтцы поступали в австрийские полки, на что те никак не соглашались.



К. К. Штейбен. Портрет А. В. Суворова

Австрийцы приписывали успехи Суворова одному слепому счастью, порицали его действия, находя их противными правилам

военного искусства. Зато и Суворов не щадил австрийских генералов. «Служба их, – писал он, – в титлах, амбиции или эгоизме, вредном обществу. Везде гофкригсрат, неискоренимая привычка битым быть… Его римско-императорское величество желает, чтоб, ежели мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену. Военные обстоятельства мгновенно переменяются, для них нет никогда верного плана. Фортуна летит как молния: не схвати за волосы – уже она не возвратится». Австрийцы все хлопотали о сдаче Мантуи; наконец и эта сильная крепость, оплот Северной Италии, сдалась 17 июля; император Павел возвел Суворова в княжеское достоинство с проименованием Италийского.

9. Действия русских в Южной Италии

Между тем русские с успехом действовали и с другого конца в Италии. Французы недолго жили спокойно в Неаполе, или Парфенопейской республике. Республика-мать наложила на республику-дочь такую тяжелую контрибуцию, что народ восстал во имя прежнего правительства, все злоупотребления которого забылись при новых бедствиях и несправедливостях. Тогда король Фердинанд прислал для восставших предводителя из Сицилии кардинала Руффо, который был известен больше как солдат, чем как духовное лицо. Лишь только Руффо явился в Калабрию, как тысячи народа начали стекаться к нему, и он образовал ополчение, которое назвал ратью св. Веры, но эта рать св. Веры наполнялась всяким сбродом, беглыми солдатами, преступниками, и потому успех ее везде сопровождался грабежом, насилиями, буйством и развратом.

Между тем адмирал Ушаков отрядил небольшую эскадру, которая, плывя около берегов, приводила приморские неаполитанские города в повиновение королю Фердинанду; русский капитан-лейтенант Белле высадился на берег с 390 человек войска и с этою горстью успел утвердиться в самой середине неаполитанских владений; Руффо соединился с Белле, и русские офицеры по просьбе кардинала обучали его нестройные толпы; наконец, союзники решились идти к столице. 2 июня ночью русские пробились в Неаполь; узнав об этом, лаццарони бросились на республиканские войска с криком: «Да здравствует король!» Толпы Руффо с яростью ворвались в город; всю ночь продолжались убийства, грабежи и насилия. Однако республиканцы сопротивлялись еще два дня, и только к вечеру 4-го числа роялистам удалось овладеть всем городом. Убийства безоружных, пожары и грабежи продолжались; только с помощью русских кардинал Руффо успел наконец восстановить спокойствие в городе, когда уже более 2000 домов было разорено, когда улицы были завалены трупами и облиты кровью.

10. Победа Суворова при Нови и поход его в Швейцарию

15 августа Белле донес Суворову, что неаполитанское владение освобождено от республиканцев. В это время фельдмаршал уже успел одержать новую блистательную и последнюю свою победу. Французское правительство вместо Моро назначило Жубера главнокомандующим французскими войсками, сосредоточенными в Генуэзской области. Жубер поскакал в армию прямо от венца и, прощаясь с молодою женою, сказал ей: «Ты меня увидишь мертвым или победителем». Жубер расположил свое войско на последних скатах Апеннин, подле городка Нови; Суворов напал на него здесь 4 августа, и французский главнокомандующий был убит в самом начале дела; Моро принял начальство, но не мог спасти своей армии от поражения; победители взяли у него почти всю артиллерию и до 4500 пленных.

В. И. Суриков. Переход Суворова через Альпы

Но в то самое время как Суворов торжествовал над французами в Италии, те под начальством Массены торжествовали над австрийцами в

Швейцарии, а между тем союзные дворы составили новый план ведения войны, по которому в Италии должны были оставаться одни австрийские войска, а Суворов должен был двинуться в Швейцарию и соединиться там с русским корпусом, находившимся под начальством генерала Римского-Корсакова; австрийские же войска, находившиеся под начальством эрцгерцога Карла, по мере вступления русских в Швейцарию должны были выходить постепенно из этой страны.

Но эрцгерцог Карл, не дожидаясь Суворова, поспешил вывести свои войска из Швейцарии, тогда как Римский-Корсаков с 24 000 войска даже и при содействии 20 000 австрийцев, еще остававшихся в Швейцарии, не мог держаться против 70 000 французов; эрцгерцог хотел и эти 20 000 вывести из Швейцарии, как только вступит туда Суворов, а Суворов мог привести с собою только 20 000 русских. В конце августа он приблизился уже к Швейцарии быстрыми переходами.

Не имея точных сведений ни о силах неприятельских, ни о местности нового театра войны, положившись во всем на бывших при нем австрийских офицеров Генерального штаба, знакомых с местностью, Суворов выбрал путь через С. Готард, в ненастную погоду (10–13 сентября), при сильном сопротивлении неприятеля. Русские взобрались на С. Готард с неимоверным усилием, то подсаживая друг друга, то упираясь штыками. Но, взобравшись на гору, надобно было спускаться с нее: при помощи густого тумана русские скатились на французов и обратили их в бегство, но переход чрез Готард стоил Суворову 2000 человек. Препятствия и опасности только начинались: надобно было пройти сквозь узкое и низкое отверстие, пробитое в утесах, загораживающих дорогу на правом берегу реки Рейсы, надобно было перейти знаменитый Чертов мост, арку, перекинутую с утеса на утес на высоте 75 футов над бездною, и каждый шаг при этом должно было покупать кровию.

Преодолевая на каждом шагу страшные преграды природные, встречая везде упорное сопротивление от неприятеля, Суворов достиг Альторфа. Но куда идти далее? Дорога, по которой шли до сих пор русские, прекращалась у Люцернского озера; впереди тропинки, в позднее время года доступные только для смелых охотников, привыкших с малолетства карабкаться по громадным утесам и пустынным ледникам. Но Суворов во что бы то ни стало хочет идти к Швицу, где условился соединиться с Корсаковым, и для этого избирает

самую трудную тропинку к Муттенской долине: погруженные в сырую мглу, солдаты лезут ощупью, не видя ничего ни снизу, ни сверху; обувь у них избилась, сваливается с ног; сухарные мешки совсем опустели, так что нечем подкрепить истощенные силы.

Наконец Суворов достигает Муттенской долины, хочет идти далее к Швицу, но тут получает страшные вести: Корсаков потерпел совершенное поражение при Цюрихе и с огромною потерею отступил к Шафгаузену, а победитель его, Массена, собирает армию к Швицу, чтоб запереть русским выход из Муттенской долины. Массена был твердо уверен, что Суворов со своим 18-тысячным отрядом, окруженный со всех сторон неприятелем, превосходным несравненно в силах, принужден будет положить оружие; выезжая из Цюриха, французский главнокомандующий обещал пленным русским офицерам привести к ним через несколько дней Суворова и великого князя Константина Павловича, находившегося при войске. Суворов хорошо понимал весь ужас своего положения: на военном совете, собранном 18 сентября, он объявил, что со времен Прута русские войска никогда не были в таком безвыходном положении. «Мы среди гор, – говорил он, – окружены неприятелем, превосходным в силах: что предпринять нам? Идти назад постыдно: никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швицу – невозможно: у Массены больше 60 000, у нас нет и двадцати; к тому же мы без провианта, без артиллерии… помощи ждать не от кого… мы на краю гибели! Одна надежда на всемогущего Бога да на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские! С нами Бог! Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!» С этими словами старик бросился к ногам великого князя и облился слезами. Из толпы генералов первый послышался голос Дерфельдена, который ручался за храбрость и самоотвержение войска, готового безропотно идти всюду, куда поведет великий полководец. На совете принято мнение великого князя идти к Гларису и, если неприятель преградит дорогу, пробиться силою.

Решение было исполнено. Французы, имея двойной перевес в силах, вместо того чтоб совершенно истребить и забрать всю армию Суворова, как надеялись, сами потерпели совершенное поражение от корпуса генерала Розенберга в Муттенской долине, в то время как Суворов пробивал себе дорогу чрез долину Кленталь к Гларису. 23 сентября у Глариса собралось все, что оставалось от армии Суворова:

изнуренные беспримерным походом, продолжительным голодом, ежедневным боем, оборванные, босые войска были без патронов, почти без артиллерии; большая часть обоза погибла, не было на чем везти раненых. 26 сентября русские вышли из гор, и страшный поход швейцарский кончился.

11. Разрыв России с Австриею и Англиею

Выведши войско из Швейцарии, Суворов расположил его в Баварии между реками Иллером и Лехом; он еще не считал войну оконченною и готовился к новому походу, но император Павел, приписывая поражение Корсакова преждевременному выступлению австрийских войск из Швейцарии, написал императору Францу, что, недовольный двуличным и коварным поведением австрийского министерства, он разрывает союз; к Суворову государь написал: «Вы должны были спасать царей; теперь спасите русских воинов и честь вашего государя».

Разрыв между Россиею и Австриею сильно встревожил лондонский кабинет: английским послам в Петербурге и Вене предписано было всеми силами содействовать примирению обоих императоров. Гнев императора Павла на венский двор был обезоружен видимым раскаянием, с которым император Франц принял известие о разрыве союза; Павел готов был забыть все неприятности и возобновить переговоры о будущей кампании, но под двумя условиями: чтоб Тугут был сменен и чтоб Австрия отказалась от своих властолюбивых замыслов насчет Италии. Но понятно, что Тугут употребил все усилия, чтоб помешать возобновлению союза, который надобно было купить такою дорогою для него ценою; когда Суворов, переведши свои войска из Баварии в Богемию, написал императору Францу, что по первому мановению русское войско готово опять выступить в поход и он сам – пролить последнюю каплю крови для общего дела, то австрийское правительство дало знать, что продолжительное пребывание русской армии в его владениях будет слишком обременительно для края, а в конце года в Петербурге узнали об оскорблении, нанесенном австрийцами русскому флагу.

Соединенные русские, австрийские и турецкие войска осаждали итальянскую крепость Анкону, находившуюся еще во власти французов; начальник австрийского отряда тайком от русского заключил с французским комендантом договор о сдаче крепости, запретил пускать в нее русских и турок и приказал силою спустить русский и турецкий флаги и поднять один австрийский.

В начале 1800 года Суворов вывел свои войска из Богемии и, простившись с ними в Кракове, отправился в Петербург, где и умер 6 мая.

Порвался союз и с Англиею. Еще в июне 1799-го между этою державою и Россиею заключен был договор, по которому император Павел обязался выставить войско и эскадру; Англия обязалась перевезти русские полки из Ревеля в Англию, присоединить к ним свое войско и взять на себя все издержки экспедиции, целью которой назначалась Голландия, или так названная французами Батавская республика. Русские войска были под начальством генерала Германа, английские – под начальством герцога Йоркского, который был главнокомандующим всеми союзными силами.

Эта экспедиция не имела успеха: в сентябре союзники были разбиты в первом сражении при Бергене, взяли верх во втором; но успех не доставлял никаких существенных выгод: ни войска батавские, ни большинство народа не восставали против французов, которые держались очень упорно; потеряв людей много, нуждаясь во всем необходимом, союзники принуждены были покинуть Голландию и возвратиться в Англию (в ноябре). Здесь русские были приняты не очень дружественно: их поместили на островах Джерсее и Гернсее; они терпели крайний недостаток в самых необходимых предметах, целую зиму оставались без одежды и обуви. Зависть англичан к русским обнаружилась во многих случаях: так, они старались подорвать русское влияние на Ионических островах.

Таким образом, отношения между прежними союзниками становились все более и более неприязненными, и в половине апреля 1800 года император Павел отозвал окончательно своих послов из Вены и Лондона.

12. Мир с Франциею и приготовления к войне с Англиею

Между тем во Франции возвратившийся из Египта Бонапарт уничтожил Директорию и провозглашен был первым консулом. Летом 1800 года он одною победою при Маренго вырвал из рук австрийцев весь край, завоеванный Суворовым в прошлом году. В то же время Россия сблизилась с Пруссиею в видах действовать против Австрии, между обеими державами заключен был договор с обязательством помогать друг другу войском. Относительно Англии император Павел предложил Пруссии, Швеции и Дании возобновить вооруженный нейтралитет, потому что англичане насильничали на морях, объявив в блокаде все берега Франции, Испании и других союзных с Франциею земель; предложение было принято.

Ж.-С. Бартелеми. Наполеон в битве при Маренго

Враждебные отношения к прежним союзникам необходимо вели к сближению с прежним врагом. Еще с первых месяцев 1800 года начались сношения императора Павла с Бонапартом посредством берлинского двора. В июле первый консул дал знать, что, желая сделать угодное императору Павлу, освобождает без всякого размена всех русских пленных, находившихся во Франции; мало того, он не хотел иначе отпустить пленных, которых число простиралось до 6800 человек, как одев их совершенно заново, снабдив полным вооружением и всеми военными принадлежностями. Вследствие этого русское правительство вошло в прямые сношения с французским, причем император Павел дал такой наказ послу своему в Берлине барону Крюднеру: «В особенности поручаю вам соблюдать полную искренность во всех сношениях ваших как с прусским министерством, так и с французскими уполномоченными; объявляйте им прямо и просто мои повеления. Правдивость, бескорыстие и сила могут говорить громко и без изворотов».

Основные статьи мирного договора между Россиею и Франциею были следующие: неприкосновенность владений короля неаполитанского и герцога виртембергского, восстановление короля сардинского (с оставлением, однако, Савойи за Францией), вознаграждение курфюрста баварского, также и других германских владетелей за области их на левой стороне Рейна (отшедшие к Франции) посредством секуляризации духовных германских владений по общему соглашению России, Франции и Пруссии.

Кончилась одна война, начиналась другая – с Англиею. Снова снаряжались эскадры, только что возвратившиеся из похода; к западной границе империи стягивались войска. Атаман Донского войска получил приказание собрать своих казаков с артиллериею и выступить к Оренбургу, откуда двинуться потом чрез Хиву и Бухару на реки Инд и Ганг. Цель экспедиции состояла в том, чтобы разорить торговые заведения англичан в Ост-Индии, освободить из-под их власти туземных владетелей и завести в том крае ближайшие связи с Россиею. Но среди этих приготовлений смерть застигла императора 11 марта 1801 года. На престол вступил старший сын его Александр Павлович.

13. Внутренняя деятельность императора Павла

Самым важным постановлением императора Павла было учреждение об императорской фамилии, определение порядка преемства престола и отношений между членами императорской фамилии (5 апреля 1797 года). Касательно сословий: в 1797 году велено наказывать дворян, гильдейских граждан, священников и дьяконов телесно за уголовные преступления; указ говорит: «Как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается».

Относительно духовенства император Павел выразил желание, «чтоб более священство имело образ и состояние важности сана своего соответственные». Для этого в консисториях велено быть по крайней мере половине из белого священства; также установлены для него знаки отличия; в селах церковные земли велено обрабатывать прихожанам. По всем епархиям позволено было старообрядцам устраивать церкви и снабжать их священниками, рукоположенными от православных архиереев.

В этом деле особенное участие принимал знаменитый своими талантами и просвещением московский митрополит Платон.

Касательно сельского народонаселения: в декабре 1796 года велено было прекратить самовольный переход поселян с места на место в новороссийских губерниях, куда переманивалось много крестьян из внутренних губерний. В 1797 году в некоторых губерниях взволновались крестьяне по ложным слухам о свободе. В том же году запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли с молотка.

Касательно просвещения: учреждены духовные академии в Петербурге и Казани (1797 г.). В 1798 году император «по причине возникших в иностранных училищах зловредных правил отправление туда молодых людей соизволил воспретить, но, чтоб не ограничить этим способов к образованию, позволено было рыцарству курляндскому, эстляндскому и лифляндскому избрать приличнейшее для учреждения университета место и устроить оный». Вследствие этого в 1799 году основан Дерптский университет. Вообще для всех выезд за границу был запрещен. В 1797 году частные типографии были

закрыты и установлена цензура в обеих столицах, в Риге, Одессе и при таможне Радзивилловской; в каждом из этих мест было по три цензора – духовный, гражданский и ученый; пропускались только такие книги, в которых не было ничего закону Божию, правилам государственным и благонравию противного.

В 1800 году запрещен был совершенно ввоз книг и музыкальных нот из-за границы; позволено привозить только книги на тунгусском языке, нужные для богослужения бурятам.

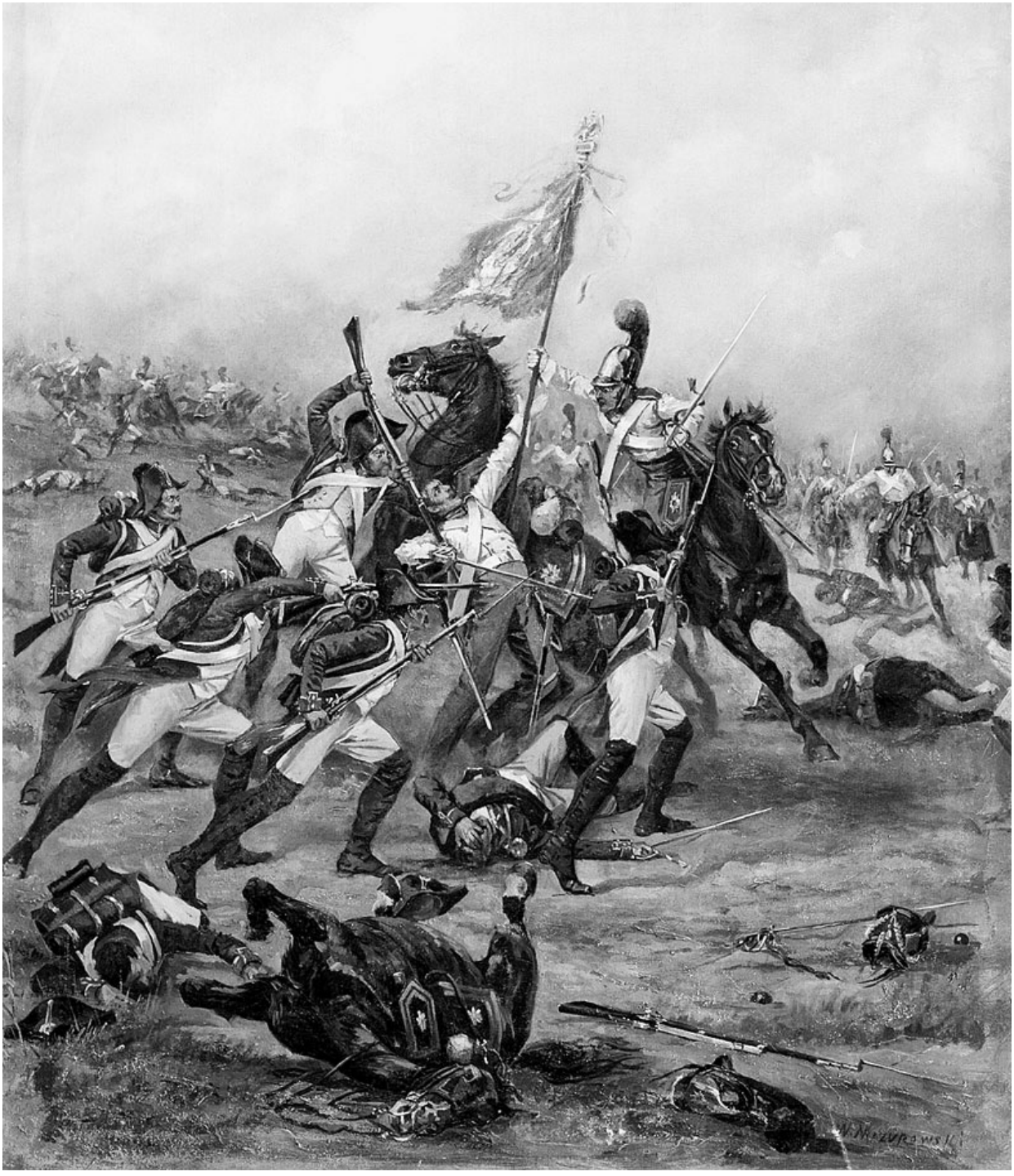
Глава LI. Царствование Александра I

1. Две первые войны с Францией

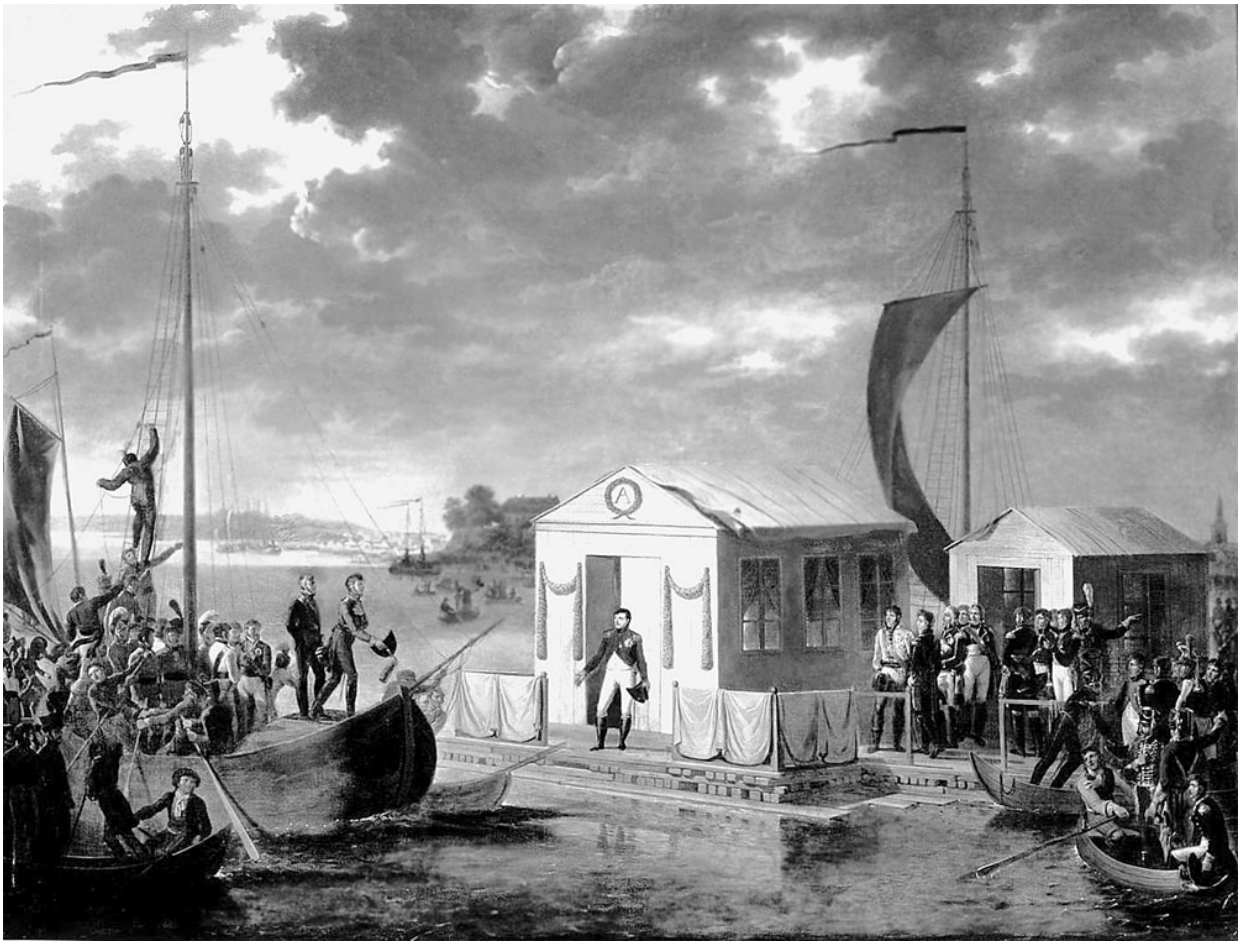
Новый император спешил остановить войну с Англией, не нарушая мира с Францией. Но мир не мог быть продолжителен: первый консул Бонапарт провозгласил себя императором и рядом побед и завоеваний хотел утвердить новую династию среди воинственного народа, возволнованного революцией. Россия, отдаленная от Франции обширными пространствами Средней Европы, могла бороться с нею по примеру, указанному в предшествовавшее царствование, т. е. поддерживая войсками своими соседние державы, Австрию и Пруссию, в постоянном союзе с Англией.

Главная причина неуспеха двух первых войн состояла именно в том, что Россия должна была поддерживать эти державы порознь. В 1805 году она поддерживала одну Австрию, потому что Пруссия никак не согласилась вступить в союз. Австрийцы вследствие своих неловких распоряжений положили оружие при Ульме; вспомогательное русское войско, находившееся под начальством Кутузова, должно было отступать от Инна в Моравию, отбиваясь от напиравшего неприятеля; аустерлицкое поражение завершило несчастную кампанию: Австрия должна была заключить мир в Пресбурге на тяжелых условиях.

Пруссия, сделавши одну ошибку, не присоединившись к союзу в благоприятное время, спешила сделать другую: раздраженная тем, что Наполеон не хотел уважать государство, которое не умело показывать себя ни сильным и решительным врагом, ни преданным другом, Пруссия объявила войну аустерлицкому победителю в 1806 году, когда истощенная Австрия не могла и не хотела приступить к союзу. В один день при Иене и Ауэрштедте прусская армия, считавшая себя непобедимою по воспоминаниям о Фридрихе II, была уничтожена, почти вся Пруссия завоевана была в несколько недель; русские одни должны были бороться с Наполеоном; в битвах при Пултуске и Прейсиш-Эйлау они выставили такое сопротивление, какого до сих пор еще не встречал завоеватель, и после решительной победы своей под Фридландом Наполеон поспешил прекратить кровопролитную войну; поражение под Фридландом и отказ Англии дать требуемую денежную помощь и развлечь внимание Наполеона высадкою на берега Германии или Франции принуждали к миру и Россию.



В. В. Мазуровский. Бой за знамя (Подвиг Конной гвардии при Аустерлице)



А. Роен. Встреча Наполеона и Александра I на Немане 25 июня 1807 года

Мир заключен был в Тильзите в июне 1807 года: из польских областей, принадлежащих Пруссии, образовано было герцогство Варшавское, отданное королю саксонскому, а Белостокская область присоединена к России; император Александр признавал братьев Наполеона королями неаполитанским, голландским и вестфальским, признавал все другие распоряжения императора французов, уступал ему Ионические острова. Оба императора очень сблизились при личном свидании и обязались помогать друг другу во всех своих войнах.

2. Война шведская

Шведский король Густав IV, непримиримый враг Наполеона, рассердился на Россию и Пруссию за Тильзитский мир и выслал их посланников из Стокгольма. За это в начале следующего же года открылась у России война с Швециею. Застигнутые врасплох и рассеянные по всей Финляндии, шведские отряды не могли выставить дружного сопротивления, и в марте вся Финляндия была во власти русских, но у шведов оставался неодолимый Свеаборг; наконец в апреле и эта крепость сдана была своим комендантом. Этим, однако, дело не кончилось, потому что шведы хотели отнять Финляндию у завоевателей, и сначала счастье было на их стороне, но потом осенью граф Каменский разбил шведского генерала Клингспора при Орайвасе; в начале 1809-го русские под начальством Багратиона утвердились на Аландских островах, под начальством Барклая де Толли перешли по льду Ботнический залив и заняли Вестработнию.

Сильный народный ропот вследствие этих несчастий заставил шведского короля Густава IV Адольфа отказаться от престола; преемник его Карл XIII заключил с Россиею мир в Фридрихсгаме 5 сентября 1809 года, по которому Россия приобрела всю Финляндию до реки Торнео с Аландскими островами.

3. Войны турецкая и персидская

Еще в 1806 году Наполеон посредством посла своего генерала Себастиани успел вооружить Турцию против России; в 1807 году война началась, как обыкновенно, с успехом для русских, но была приостановлена вследствие Тильзитского мира; здесь оба императора уговорились, что если Турция не заключит мира с Россиею в течение трех месяцев, то Россия и Франция будут вести заодно войну против Турции и разделят между собою все европейские владения ее, за исключением Константинополя и Румелии. Осенью 1808 года оба императора опять свиделись в Эрфурте, и здесь Наполеон согласился на присоединение Молдавии и Валахии к России.

Ф. Рубо. Живой мост. Эпизод Русско-персидской войны 1804–1813 гг.

Возвратясь из Эрфурта, император Александр потребовал у турок Дунайских княжеств как необходимого условия для заключения мира; султан не согласился, и война возобновилась. С 1809 года она велась

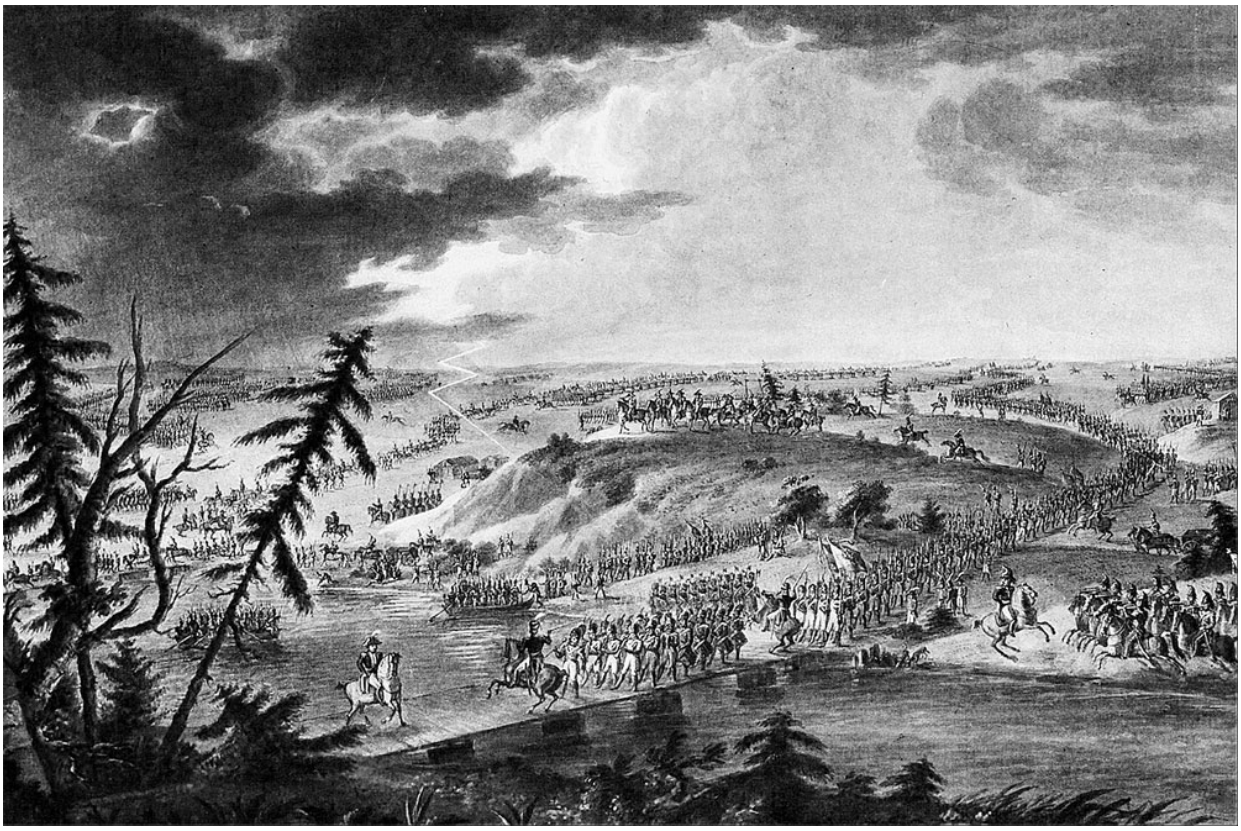
неудачно для русских, но в 1810-м граф Каменский поправил дело: он дошел до Балкан, одержал над турками блистательную победу при Батыне, недалеко от Рущука. В мае 1811-го Каменский умер; преемник его Кутузов, заманив визиря на левый берег Дуная, нанес ему поражение при Слободзее; турецкая армия была уничтожена, и султан согласился на мир, который был заключен в Бухаресте (16 мая 1812 г.): Россия приобрела Бессарабию.

Одновременно с турецкою войною шла война с Персиею, которая хотела воспрепятствовать утверждению русского владычества за Кавказом. Война эта, ознаменованная подвигами князя Цицианова, графа Гудовича, Тормасова и Котляревского, прекратилась не ранее октября 1813 года, когда великие жертвы и торжества в борьбе с Наполеоном не давали обращать большого внимания на подвиги русских людей в отдаленном Закавказье.

4. Причины третьей французской войны

По соглашению в Эрфурте император Александр во время войны Наполеона с Австриею в 1809 году выставил тридцатитысячный корпус своего войска для содействия французам, за что по окончании войны Россия получила от Австрии небольшую часть Восточной Галиции. Наполеон был недоволен нерешительными действиями русского вспомогательного корпуса. С этих пор неудовольствия все более и более возрастали.

Видя, что Наполеон усиливает герцогство Варшавское, император Александр требовал от него обязательства, что Польша не будет восстановлена никогда, но Наполеон уклонялся от этого обязательства. Потом он начал распоряжаться в Европе, как полновластный хозяин, присоединял целые владения или прямо к Французской империи, или к владениям своих братьев. В числе владетелей, лишенных земель своих, находился и дядя русского государя герцог Ольденбургский. Император Александр протестовал, но не получил удовлетворения. В то же время возник и другой спор – по торговле. Наполеон, не имея такого флота, какой нужен был ему для нанесения решительного удара Англии, хотел уничтожить торговлю и благосостояние ее, заперши континент Европы для английских товаров, которые были забираемы и сожигаемы во всех местах, занятых французскими войсками. Россия после Тильзитского мира должна была принять эту так называемую континентальную систему, но не отказалась совершенно от торговли с нейтральными державами: американские суда имели свободный доступ в русские гавани, между тем как английские, покушавшиеся торговать в виде нейтральных, были конфискуемы; этим нанесен был сильный удар русской торговле, вывоз русских сырых произведений уменьшился, вексельный курс и ассигнации упали.



Неизвестный художник. Переправа наполеоновской армии через Неман, 1810-е гг.

Но Наполеон требовал, чтоб и в России введен был тариф, принятый французским правительством, чтоб нейтральные суда не допускались в русские гавани, следовательно, требовал совершенного прекращения русской морской торговли. Император Александр велел отвечать ему, что он намерен свято сохранять союз с Франциею и наносить всевозможный вред общим неприятелям, но что и тарифы и прочие внутренние постановления составляют дело частное, которым каждое государство распоряжается, обращая внимание исключительно на пользы своих подданных. Неудовольствие еще более усилилось, когда в конце 1810 года в России издан был новый тариф: некоторые изделия французских фабрик были запрещены, а другие обложены высокою пошлиною, чтоб ограничить вывоз звонкой монеты во Францию за предметы роскоши.

В 1811 году Наполеон уже показывал явно враждебные намерения относительно России, поднимал на нее Швецию, ласкал польских выходцев, собирал войско. Россия также приготовлялась к защите.

Французская армия простиралась до 600 000 человек; в ее состав входили войска французские, ломбардские, иллирийские, тосканские, неаполитанские, голландские, австрийские, прусские, баварские, виртембергские, вестфальские, баденские, гессен-дармштадтские, бергские, мекленбургские, испанские, португальские и польские. 10 июня 1812 года Наполеон повестил своим войскам, что «Россия увлекается роком! Она не избегнет судьбы своей. Вперед! Перейдем через Неман, внесем оружие в пределы России!» 11 июня французы перешли Неман между Ковно и Гродно.

Император Александр был в Вильне, когда узнал о вторжении неприятеля; немедленно он дал приказ армиям, который оканчивался следующими словами: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!»

Рескрипт, данный на имя графа Салтыкова, президента Государственного совета, оканчивался так: «Я не положу оружие, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

5. Барклай де Толли и Багратион

Число войск, которые Россия могла противопоставить Наполеону, простиралось до 200 000 человек. Они были разделены на две армии, из которых первая находилась в Виленской, вторая – в Гродненской губернии. Главнокомандующим первою армиею был военный министр Барклай де Толли, генерал опытный и сведущий в своем деле. Стремление к уничтожению недостатков и злоупотреблений, существовавших в военном управлении, побуждало его к преобразованиям, приносившим несомненную пользу, но вызвавшим неудовольствие и злобу его сильного предместника, графа Аракчеева, который старался вредить ему при всяком случае.

Дж. Доу. Портрет П. И. Багратиона

Дж. Доу. Портрет М. Б. Барклая-де-Толли

Недоверчивость, одна из главных черт в характере Барклая, заставляла его самого делать то, что он мог бы поручить своим подчиненным, и затрудняла ход дел по управлению войсками. Притом Барклай был сух; у него недоставало способности говорить с русскими солдатами, войско и народ считали его иностранцем, что в народной войне было несчастием. Главнокомандующий был убежден в

необходимости избегать значительного сражения, отступать в глубь страны перед превосходным в силе неприятелем, но такой способ действия был противен народному чувству, вселил уныние в войско, и потому Барклай принужден был скрывать свои намерения, иногда объявлял в приказах вовсе не то, что требовалось обстоятельствами и необходимостью.

Главнокомандующим второю армиею был князь Багратион, любимец Суворова, любимец войска; находясь всегда на виду, вступая в бой первым и выходя из него последним, Багратион не знал на войне усталости; уступая Барклаю в образовании и административной опытности, Багратион превосходил его умением одушевлять войска и говорить с русскими солдатами. Действия двумя отдельными армиями на одном и том же театре войны были неудобны; каждый главнокомандующий обращал внимание только на встречаемые им затруднения и не входил в положение другого.

6. Пожертвования русских в отечественную войну

Главного успеха надобно было ждать от войны народной. 6 июля император Александр издал манифест: «Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют». В Смоленске дворянство изъявило готовность выставить двадцать тысяч ратников для земского ополчения.

11 июля государь приехал в Москву и был встречен с восторгом, здесь дворянство определило выставить 80 000 ратников и пожертвовало до трех миллионов деньгами, а купечество – до десяти миллионов; вообще же Россия выставила добровольно до 320 000 ратников и пожертвовала не менее ста миллионов рублей. Но добровольные пожертвования этим не ограничивались. «Пожалуйста, скажите, служивые, когда придет пора зажигать наши дома», – говорили крестьяне солдатам, готовясь при появлении неприятеля истреблять свои жилища.

7. Смоленск

Между тем кровь уже лилась на западе: 13, 14 и 15 июля у первой армии происходили битвы под Витебском, стоившие дорого обеим сторонам. Барклай отступил от Витебска по дороге к Смоленску. С другой стороны Багратион, выдержавши жестокий бой с маршалом Даву под Могилевом, двинулся также к Смоленску, и 21 июля оба главнокомандующих свиделись в этом городе. По соединении первой армии со второю предпринято было наступательное движение к Витебску, но едва сделано было несколько переходов, как узнали, что Наполеон стремится к Смоленску, чтоб овладеть им врасплох, зайти русскому войску в тыл, отрезать его и от Москвы, и от южных губерний, но русский отряд, бывший под начальством Неверовского, сдержал авангард французской армии при Красном и дал время корпусу Раевского занять Смоленск.

4 августа Раевский с 16 000 отбил приступ двухсоттысячной неприятельской армии; Барклай положил отступать по Дорогобужской дороге, а для прикрытия этого отступления утомленные войска Раевского были сменены корпусом Дохтурова, который должен был оборонять Смоленск до последней крайности. 5 августа Дохтуров с Коновницыным и Неверовским отбил новый приступ, но Смоленск от страшной канонады, от пожара представлял груды развалин. Дохтуров оставил эти развалины и соединился с отступавшею армиею.

Наполеон занял Смоленск, где из 2250 домов уцелело только 350, улицы были завалены телами убитых и раненых. Наполеон увидал, что война в России не будет похожа на войны, которые он привык вести в других странах Европы; посредством пленного генерала Тучкова он попытался завязать сношения о мире, утверждал, что русские ему вовсе не враги, император Александра – друг, что не стоит вести войны из-за кофе и сахара (из-за континентальной системы), что ничего не выйдет хорошего, когда он займет Москву, настоящую столицу России. Ответа ему не было, и он двинулся к Москве.

8. Кутузов

Барклай отступал, но не многие понимали необходимость этого отступления, большинство требовало битвы, кричали о предательстве. Двое главнокомандующих сильно разнились во взгляде: Багратион резко порицал отступление, жаловался, что вся главная квартира наполнена немцами. Император Александр поручил обсуждение дела особому комитету, который решил, что необходимо назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, и выбор пал на шестидесятисемилетнего Михаила Илларионовича Кутузова.

Дж. Доу. Портрет М. И. Кутузова

Кутузов сделался известен при Екатерине: был отличен Румянцевым, любим Суворовым, отличился и как дипломат во время посольства своего в Константинополе, недавно прославился блистательным окончанием турецкой войны, был избран в предводители петербургского ополчения. Осторожность, скрытность, хитрость были главные черты в характере Кутузова. Весть о назначении нового полководца с русским именем была встречена с восторгом в войске и народе. 17 августа он приехал в Царево Займище, где находилась тогда главная квартира обеих армий. «Ну как можно отступать с такими молодцами!» – сказал Кутузов, поздоровавшись с почетным караулом. «Приехал Кутузов бить французов», – говорили солдаты; понесся слух, что огромный орел взвился над главнокомандующим, когда он объезжал лагерь; все ждали битвы, неприятель был недалеко, но на другой день вышел приказ – отступать.

9. Бородино

На этот раз отступили недалеко, остановились у Бородина, в 108 верстах от Москвы. Здесь 26 августа с небольшим сто тысяч русских вступили в бой со 130 000-ою французскою армиею, на рассвете началось сражение, к вечеру, когда оно прекратилось, с обеих сторон выбыло из строя более 100 000 человек. Ночью Кутузов удостоверился в страшном уроне, в невозможности продолжать на другой день битву, как хотел прежде, и отдал приказ отступать за Можайск, к Москве.

10. Оставление Москвы русскими и занятие ее французами

Половиною армии было пожертвовано при Бородине; теперь предстоял страшный вопрос: жертвовать ли остальною половиною для Москвы или пожертвовать Москвою для спасения армии? Кутузов медлил решением этого вопроса. Находясь уже у Вяземки, в тридцати пяти верстах от Москвы, он писал к главнокомандующему столицы графу Растопчину, что намерен дать второе генеральное сражение у Москвы, и действительно разосланы были офицеры Генерального штаба для приискания здесь выгодной оборонительной позиции. 1 сентября русская армия расположилась на биваках в двух верстах от Дорогомиловской заставы; на Поклонной горе на скамье сидел старый фельдмаршал, около него толпились генералы и толковали о невыгоде положения; вечером на военном совете, держанном в деревне Филях, в избе, где остановился Кутузов, решилась судьба Москвы: главнокомандующий велел отступать через столицу на Рязанскую дорогу.

В. В. Верещагин. Конец Бородинского боя

Несмотря на ободрительные афишки Растопчина, Москва была покинута большею частию жителей; наиболее ценное казенное имущество, важнейшие дела из архивов были также вывезены. Оставшиеся жители надеялись, что Москву не сдадут без боя; 1 сентября, когда генералы совещались на Поклонной горе и на Филях, народ толпами стремился на Три горы, думая, что туда явится Растопчин и поведет его на французов, как обещал в своих афишках. Но Растопчин не явился; ночью с 1-го на 2-е число Кутузов дал ему знать о решении оставить Москву. Начали спешить отправлением больных и раненых; пожарные трубы были вывезены; велено разбить бочки с вином на винном дворе, жечь на Москве-реке все барки с казенным и частным имуществом, истреблять комиссариатские запасы;

несколько полицейских оставлены были в Москве, чтоб зажечь ее в разных местах.

2 сентября на рассвете начали проходить русские войска через Москву, за ними следом явились французы. «Так вот он наконец, этот славный город!» – сказал Наполеон, увидавши Москву с Поклонной горы. Подъехав к Дорогомиловской заставе, Наполеон сошел с лошади и прохаживался взад и вперед, ожидая депутации. Депутация не являлась; пришли несколько иностранцев и объявили, что Москва пуста. Переночевав в Дорогомиловской слободе, 3-го числа утром Наполеон переехал в Кремль и поместился во дворце. Но еще накануне начались пожары, и в ночь с 3-го на 4-е число пламя обхватило большую часть города, в полдень 4-го пожар вспыхнул в Кремле, и завоеватель с большим трудом выбрался за город и поместился в Петровском дворце.

А. Адам. Наполеон в горящей Москве

В продолжение трех суток сгорело в Москве три четверти домов; большая часть церквей была разрушена либо разграблена. Почти все

русские, оставшиеся в Москве, были обобраны до рубашки и лишены последней обуви. Многие из них питались кореньями из огородов или мокрою пшеницею, добытою из барок, севших на дно реки. Французы ели не вкуснее: у костров, сложенных из дорогой мебели, разорванных книг и картин, исколотых в щепы икон, кипели котлы, в которых варилась конина; по улицам валялись головы сахару, мешки с кофе, а хлеба почти ни у кого не было.

Покинутие Москвы жителями, сожжение ее озадачили Наполеона. Он оставался тот же, не потерял ничего из своих гениальных способностей, из своей энергии, но он видел себя в совершенно новой сфере, сбился с обычной дороги. Тщетно затрогивал он императора Александра предложениями о мире: ответа не было; тщетно грозился идти на Петербург: угрозы не действовали. Узнав о потере Москвы, император Александр сказал: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества и добрых подданных, пожертвования которых умею ценить».

11. Кутузов в Тарутине; партизаны и народная война

Но отдача Москвы была последнею тяжелою жертвою. В то время как пятинедельная стоянка французов в Москве при сильном грабеже во время пожара довершила беспорядки и неустройства, постепенно развивавшиеся в наполеоновской армии с первого шага ее в пределы России, Кутузов, выступив из Москвы по Рязанской дороге, свернул с нее на Калужскую. 20 сентября он вступил в лагерь при Тарутине за рекою Нарою, прикрыв Калугу, где находились большие склады съестных припасов, Тулу с ее оружейным заводом и обеспечив себе сообщение с южными областями империи. Партизанская война уже началась.

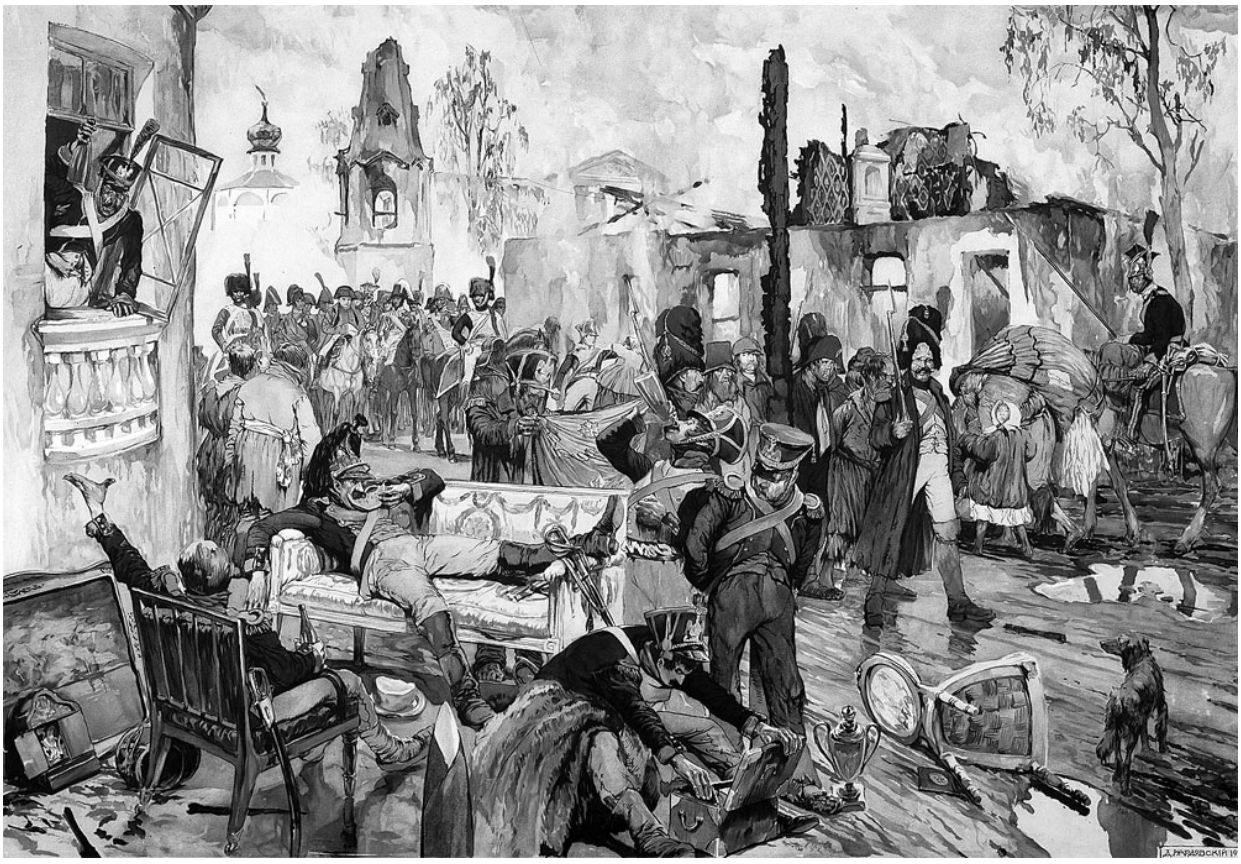
Еще когда русская армия шла к Бородину, гусарский полковник Давыдов предложил начать эту войну, столь выгодную при тогдашних обстоятельствах. Обложив неприятельскую армию в Москве сетью своих постов, партизаны затрудняли французам добывание съестных припасов и навели на них такой ужас, что они решались на дальние фуражировки не иначе как под прикрытием сильных отрядов. Кроме Давыдова из партизанских вождей прославились Фигнер и Сеславин; Фигнер не раз переодевался во французский мундир и, разговаривая с неприятелями, выведывал от них важные известия. Вместе с партизанскою шла народная война. Сычовский уезд Смоленской губернии прославился истреблением множества неприятелей: здесь предводителем восставших жителей был майор Емельянов; в Гжатском уезде вооруженными крестьянами предводительствовал гусар Самусь; смоленские помещики Энгельгардт и Шубин заплатили жизнью за участие в народной войне: французы расстреляли их в Смоленске. Крестьяне Вохненской волости села Павлова действовали против французов на Клязьме под предводительством своего же крестьянина Курина.

Французы в Москве, не имея ни хлеба, ни мяса, стреляли ворон, ели кошек, мясо павших лошадей, вследствие чего терпели от болезней; за недостатком дров, в холодные сырые ночи не разводили огней, отчего опять болезни; а к русскому войску при Тарутине с разных

сторон шли обозы: вследствие огромных пожертвований, доставленных жителями подмосковных и южных губерний, солдаты почти ежедневно имели мясо и вино. С каждым днем русская армия усиливалась, а неприятельская ослабевала. 3 октября Наполеон отправил к Кутузову с мирными предложениями; император Александр, получив об этом донесение, отвечал фельдмаршалу: «В настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество».

12. Выход французов из Москвы

6 октября русские начали действовать наступательно: половина армии под начальством Беннигсена напала на французский авангард, стоявший под предводительством Мюрата на реке Чернишне, верстах в десяти от тарутинского лагеря; русским удалось опрокинуть неприятеля и отнять множество пушек. Наполеон делал смотр своим войскам в Кремле, когда получил весть о сражении при Чернишне. Смущенный переходом русских войск от обороны к наступательным действиям, он прекратил смотр и сделал распоряжение к немедленному выступлению из Москвы.



Д. Н. Кардовский. Москва в сентябре 1812 года

Сам Наполеон выехал из нее 7 октября, в Москве оставлен был маршал Мортье с приказанием зажечь Кремлевский дворец, казармы и все общественные здания, кроме воспитательного дома, взорвать

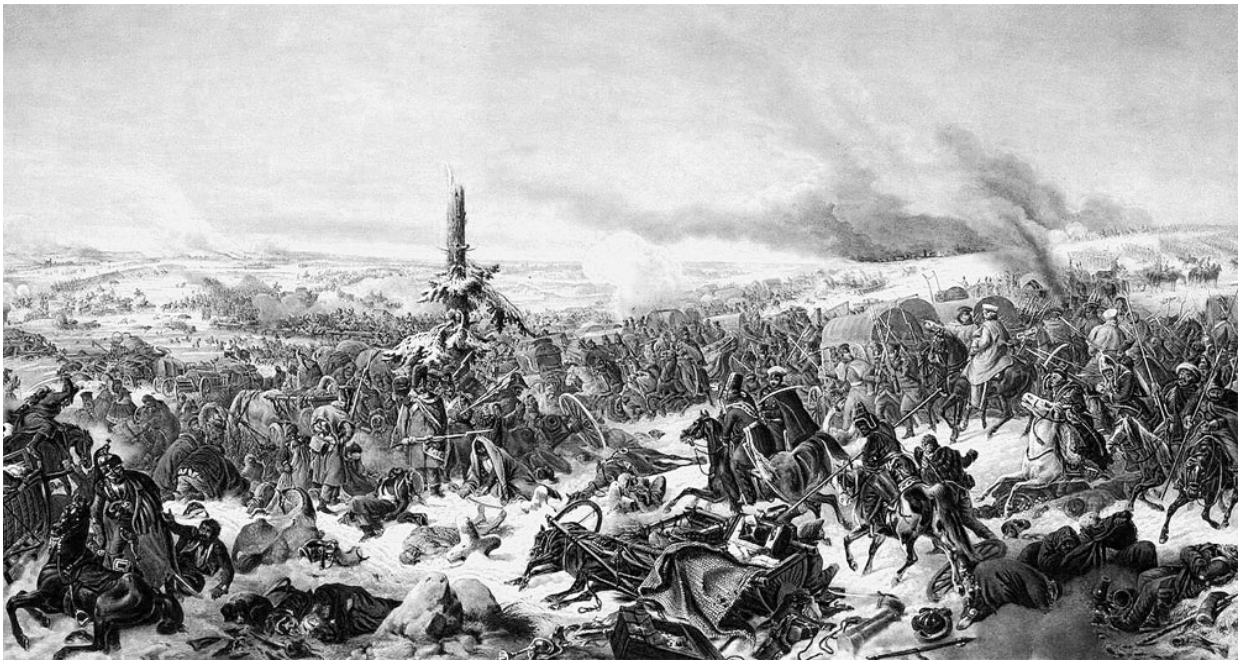
кремлевские стены. В полночь на 11 октября запылал кремлевский Арсенал и другие здания, раздался страшный взрыв, за которым последовали еще шесть; разрушены были дворец, Грановитая палата, часть колокольни Ивана Великого, Арсенал, стены повреждены были во многих местах, но соборы уцелели. 11 октября, тотчас по уходе французов, генерал Иловайский с казаками занял Москву.

13. Битва при Малоярославце и бедственное отступление французов по Смоленской дороге

Между тем Наполеон шел к Калуге. 11 октября французы заняли Малоярославец, но к этому же городу спешили русские из Тарутина, 12-го загорелся бой; Малоярославец несколько раз переходил из рук в руки, наконец после 18-часового боя французы окончательно овладели развалинами города. Ждали генерального сражения между Наполеоном и Кутузовым, но обе армии в одно и то же время отступили в противоположные стороны; Кутузов, отступая, давал неприятелю возможность идти по стране еще не опустошенной; Наполеон двигался к Боровску, чтоб выйти на разоренную Смоленскую дорогу.

Во время этого отступления русские преследовали его с тыла и боков, и холод в последних числах октября начал уже давать себя чувствовать. Генерал Милорадович нанес сильное поражение французам при Вязьме; атаман донских казаков Платов разбил их на реке Вопи близ Духовщины; сражение под Красным с 3 по 9 ноября довершило ослабление неприятельской армии: русские взяли здесь более 26 000 пленных и 126 пушек. Следствия этих битв могли бы быть еще важнее, если б русские действовали решительнее, но Кутузов не хотел рисковать при встрече с первым полководцем века и предоставил холоду и голоду довершить уничтожение неприятельской армии. Морозы особенно начали свирепствовать с 1 ноября: утром при выступлении с ночлегов места расположения армии обозначались трупами, подобно полю сражения; в одну ночь замерзало по 300 человек.

14. Переправа через Березину и очищение России от врагов



П. фон Гесс. Переправа через Березину

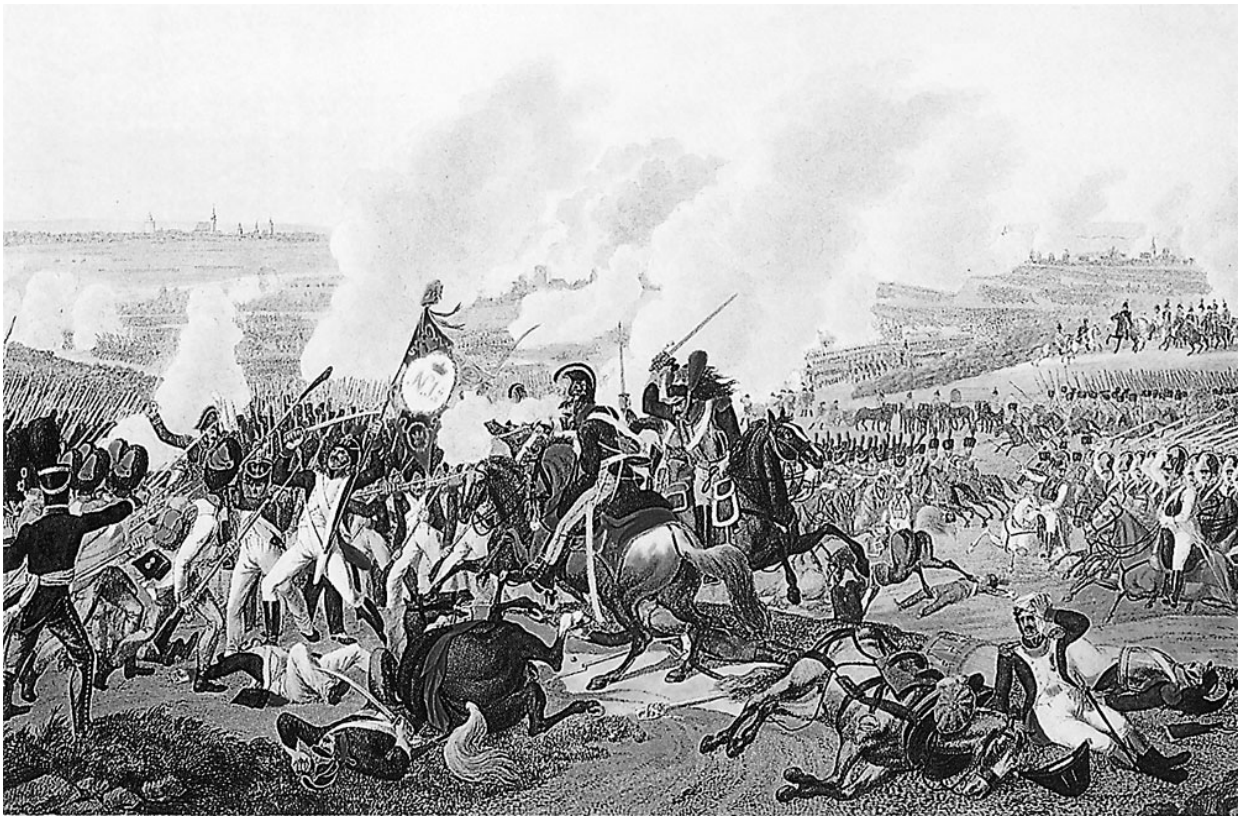
И. М. Прянишников. Эпизод из войны 1812 года

Наполеон спешил переправиться за Березину, но ему на переем шли еще две русские армии: с юга под начальством адмирала Чичагова шла так называемая дунайская армия, действовавшая в турецкую войну; с севера шел граф Витгенштейн, загораживавший сначала французам дорогу к Петербургу и в октябре успевший вытеснить их из Полоцка. По вине Чичагова Наполеону удалось переправиться через Березину, хотя армия его потеряла 20 000 пленными, множество убитыми, почти всю артиллерию и обозы; добыча, набранная в Москве, осталась в руках русских. После Березинской переправы морозы, доходившие до 30 градусов, довершили истребление французов; не доезжая Вильны, Наполеон покинул жалкие остатки своей армии и уехал в Париж.

15. Заграничная война 1813 года

Россия была очищена от врагов, но совершена была только половина подвига: император Александр был убежден, что при тогдашнем положении Европы мир одной России с Франциею был бы только перемирием, и потому России нужно было напрячь все свои силы для поднятия и освобождения Европы от Наполеона. 1 января 1813 года русские войска перешли границу империи, реку Неман, и в начале февраля достигли Одера. Кутузов-Смоленский умер в Бунцлау в апреле; начальство над войском принял Витгенштейн; император Александр находился постоянно при войске.

Пруссия перешла на сторону России, Австрия колебалась, но Наполеон действовал с обычною своею энергиею и весною (20 апреля и 9 мая), поразив союзников в двух битвах при Люцене и Бауцене, заставил отступить к Одеру. Но гений одного человека и силы одного народа не могли ничего сделать против крепкого союза царей и народов, искушенных бедою. После краткого перемирия и неуспешных переговоров на Пражском конгрессе война началась снова, причем Австрия присоединилась к России и Пруссии, Англия обязалась помогать союзникам деньгами и снарядами; Швеция также примкнула к союзу, и наследный принц ее, бывший французский маршал Бернадот, явился с войском в Северной Германии.



Сражение под Лейпцигом. Раскрашенная гравюра К. Г. Раля по оригиналу И. А. Клейна, XIX в.

Силы союзников были разделены на три армии: главную, или богемскую, под начальством австрийского фельдмаршала князя Шварценберга, силезскую под начальством прусского генерала Блюхера и северную под начальством наследного принца шведского. Наполеон поразил главную армию союзников при Дрездене (15 августа), но генерал его Вандам, отряженный в Богемию, в тыл союзной армии, был взят в плен при Кульме (17 августа) благодаря стойкости русских войск, бывших под начальством графа Остермана и Ермолова. Две другие армии, силезская и северная, были также счастливы против маршалов Наполеона; наконец, и сам Наполеон потерпел поражение от сосредоточенных армий союзнических в страшном трехдневном бою при Лейпциге (4, 6, 7 октября): здесь полмиллиона разноплеменного войска билось на пространстве одной квадратной мили при громе 2000 пушек; Наполеон, потерявши около половины своей армии, ушел за Рейн: Германия была освобождена.

16. Война 1814 года

С новым 1814 годом война была перенесена на почву Франции. Наполеон, потерпевший неудачу под Бриенном, поправил было свое положение победами над разделенною силезскою армиею, особенно поражением самого Блюхера при Вошане, но потом Наполеон потерпел неудачу при Лаоне и при Арсиссюроб. Победа союзников при Фер-Шампенуазе открыла им путь к Парижу, к которому они подошли 17 марта. После жестокого боя 18-го числа на высотах Бельвиля и Монмартра, веденного преимущественно русскими, Париж сдался.

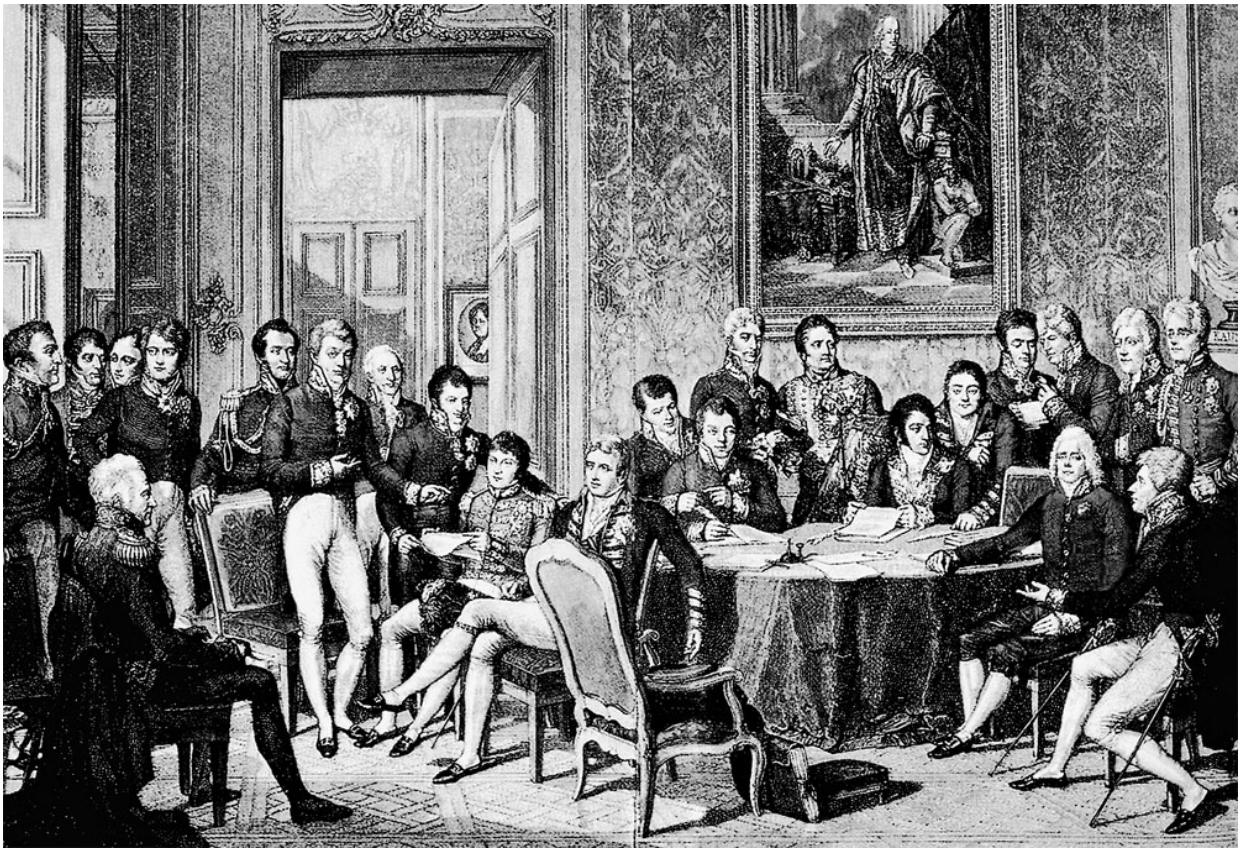
19 марта император Александр вместе с королем прусским торжественно вступил в него и в тот же день обнародовал, что ни он, ни союзники его не намерены входить ни в какие переговоры с Бонапартом или с кем-либо из членов его семейства и представляют самим французам учредить у себя правительство. Вследствие этого французский сенат объявил Наполеона низверженным с престола, бурбонская династия восстановлена и Людовик XVIII провозглашен королем. Наполеон отрекся за себя и за сына своего от престола, сохранил императорский титул и получил в управление остров Эльбу. Парижским договором 18 мая 1814 года Людовик XVIII отказался, с очень небольшими исключениями, от всех земель, присоединенных к Франции со времен революции.

17. Венский конгресс и Ватерлоо

В Париже союзники определили созвать конгресс для окончательного устройства политического состояния Европы. Вследствие этого в сентябре 1814 года съехалось в Вену много владетельных лиц и министров их, и с прибытием императора Александра конгресс открылся. Самым трудным для решения вопросом явился здесь вопрос о судьбе герцогства Варшавского и Саксонии. Император Александр требовал всех польских земель, желая дать Польше особое устройство под своею верховною властию; король прусский требовал себе Саксонии, которой король считался лишенным своих прав за союз с Наполеоном.

Австрия, Англия и Франция никак не соглашались на эти требования и составили тайный союз против России и Пруссии. Дело, однако, уладилось тем, что император Александр согласился взять только часть Варшавского герцогства, т. е. земли, составляющие теперь Царство Польское, и Пруссия удовольствовалась также частию Саксонии.

Между тем, узнавши о сильном неудовольствии во Франции на новое правительство, Наполеон тайно оставил Эльбу, высадился в Южной Франции и быстро прошел до Парижа, не встречая нигде сопротивления; Людовик XVIII должен был бежать из столицы в Бельгию, и Наполеон снова был провозглашен императором. Желая собраться с силами, он дал знать союзникам, что желает мира и готов исполнять все условия Парижского договора, но государи объявили его врагом общего спокойствия, лишенным покровительства законов.



Ж.-Б. Изабе. Венский конгресс

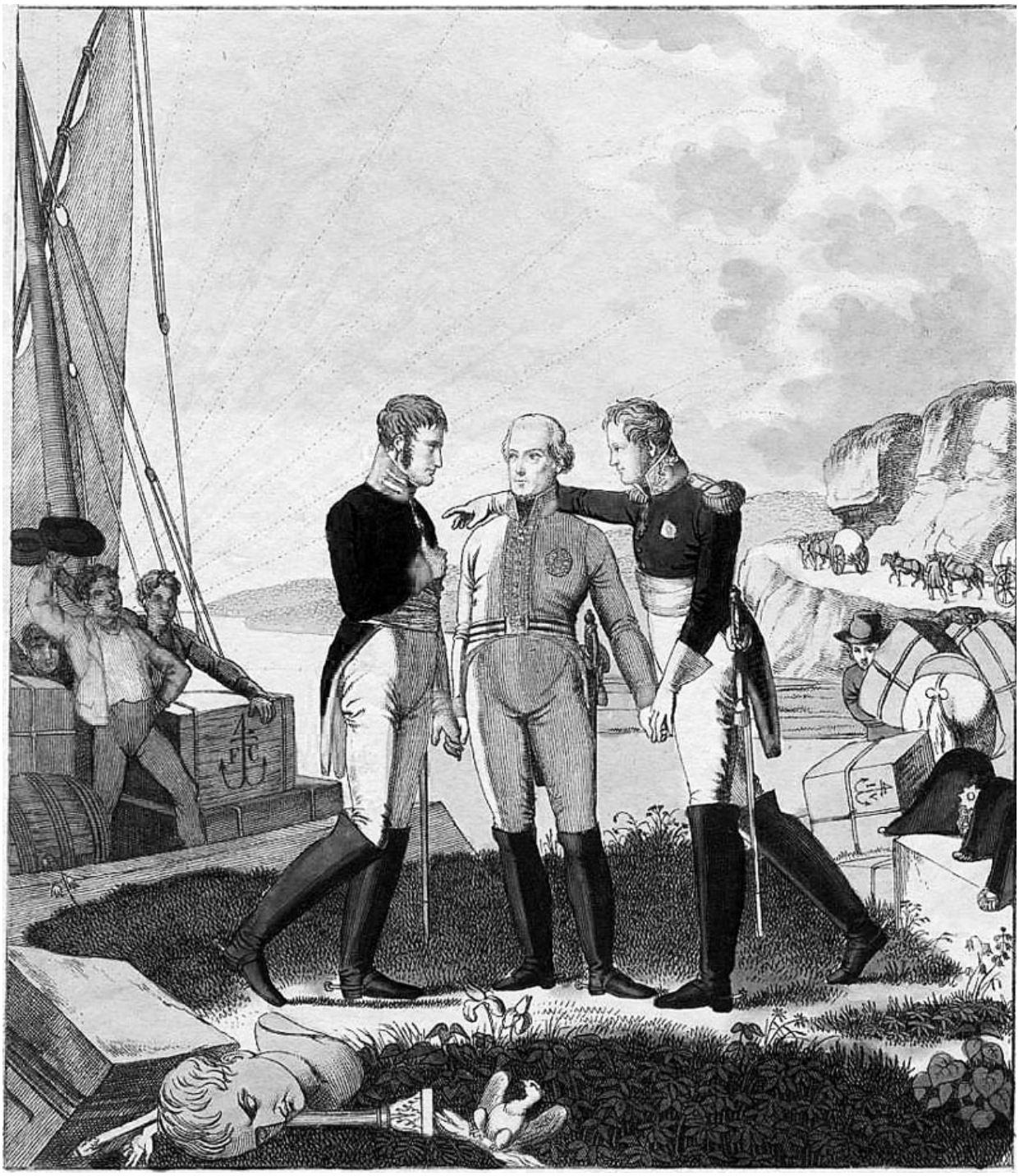
Тщетно Наполеон пытался отвлечь от союза императора Александра, сообщив ему найденный в кабинете Людовика XVIII тайный договор, заключенный против России Австриею, Англиею и Франциею: русский император остался верен общему делу Европы. Немедленно выставлены были против Франции три армии: южногерманские войска под начальством Шварценберга должны были двинуться от Швейцарии, пруссаки с Блюхером – от Нижнего Рейна, англичане и голландцы под начальством Веллингтона – из Бельгии; русское войско, находившееся в это время в Польше, должно было также двинуться на берега Рейна.

Наполеон явился с своим войском в Бельгию, но, проигравши битву против Веллингтона при Ватерлоо, вторично отказался от престола и был отвезен англичанами на остров Св. Елены. Людовик XVIII возвратился в Париж. Второе, стодневное, царствование Наполеона обошлось дорого Франции: кроме урезания границ, она должна была заплатить громадную контрибуцию в 800 миллионов и на семь лет уступить союзным войскам 18 крепостей в северо-восточных

областях; по настоянию русского императора сбавлено было 100 миллионов контрибуции и сокращен срок занятия крепостей двумя годами. В 1818 году на Ахенском конгрессе, где присутствовал император Александр вместе с императором австрийским и королем прусским, решено было вывести войска союзников из Франции.

18. Священный союз и конгрессы: Троппауский, Лайбахский и Веронский; дела польские; восстание греков и кончина императора Александра

14 сентября 1815 года по мысли императора Александра подписан был тремя государями, российским, австрийским и прусским, акт так называемого Священного союза. Вступившие в союз монархи согласились: «Как в управлении собственными подданными, так и в политических отношениях к другим правительствам руководствоваться заповедями св. Евангелия, которые, не ограничиваясь приложением своим к одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и водительствовать их деяниями как единственное средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство. Вследствие сего положили: соединиться узами неразрывного братства и оказывать друг другу во всяком случае, во всяком месте взаимную помощь и доброжелательство, подданных же своих считать как бы членами одного семейства и управлять ими в том же духе братства для сохранения веры, правды и мира».



Ф. Камп. Эра нового мира в Европе. Свобода, торговля и процветание

Следствием союза между сильнейшими государями Европы было прекращение революционных движений, обнаружившихся в разных частях ее. В Испании дурное управление короля Фердинанда VII

произвело волнение в войске, сторону которого принял народ, и король должен был согласиться на ограничение своей власти; то же самое произошло в Неаполе; Португалия и Северная Италия также волновались. Вследствие этого собрался в ноябре 1820 года конгресс в Троппау из уполномоченных России, Австрии, Англии, Пруссии и Франции в присутствии императоров российского и австрийского; потом – в Лайбахе (в январе 1821 года), на который был приглашен и король неаполитанский.

Положено было восстановлять порядок силами союзных войск. Неаполь и Пьемонт были успокоены. Для решения дел испанских собрался конгресс в Вероне в октябре 1822 года, где с согласия пяти держав решено было, чтоб французский король Людовик XVIII послал свое войско за Пиренеи, оно овладело Мадридом и утвердило власть королевскую. На Венском конгрессе (28 мая 1815 г.) было поставлено: «Герцогство Варшавское присоединяется к Российской империи; оно будет безвозвратно соединено с нею своею конституцией под вечным владением императора всероссийского, его наследников и преемников. Его императорское величество оставляет за собою право предоставить этой области, пользующейся особенною администрациею, такое внутреннее очертание границ, какое сочтет приличным. Поляки, подданные России, Австрии и Пруссии, получат представительство и национальные установления сообразно тому роду политического существования, которое каждое из правительств, ими владеющих, найдет полезным и приличным дать им».

12 декабря 1815 года обнародована была конституция, данная императором Александром Царству Польскому: каждые два года на четыре недели собирался сейм для рассуждения о предлагаемых правительством проектах законов. Сейм состоял из двух камер: сената (епископы, воеводы, кастеляны, назначаемые пожизненно государем) и палаты депутатов (из 77 представителей шляхты и 51 депутата от городов и сельских общин). Благосостояние царства быстро и сильно поднялось. В 1788 году доходы республики (до второго раздела) доходили только до 80 миллионов злотых, а теперь превысили 100 миллионов; император Александр уступил все свои доходы в пользу государства. В 1815 году в царстве было едва 2,5 миллиона жителей, а 15 лет спустя – почти четыре миллиона.

Несмотря на то, поляки были недовольны: им хотелось отделения от России и восстановления Польши в прежних ее границах, как было до разделов. Революционные движения, происходившие в Западной Европе, усиливали в поляках желание перемены. Уже первый сейм (открытый 15 мая 1818 года) оскорбил императора разными выходками против министров. На втором сейме образовалась сильная оппозиция, и законы, предложенные правительством, были отвергнуты. Для избежания волнений правительство издало дополнительный акт, по которому публичные заседания назначены были только при открытии и закрытии сейма, обыкновенные же заседания должны были происходить с затворенными дверями.

Отсюда сильные жалобы на нарушение конституции, на неисполнение Венского договора, тогда как Венский договор нисколько не говорил о подробностях конституции. Между желавшими перемены поляками образовались партии: аристократическая, носившая название дипломатической, в главе которой был князь Адам Чарторыйский; эта партия действовала тихо, осторожно, выжидая удобного времени, например когда Россия будет вовлечена в опасную войну; демократическая, или академическая, партия, в которой виднее других был известный ученый Лелевель; эта партия действовала посредством школ и литературы и думала достигнуть своей цели посредством восстания народной массы; военная партия хотела произвести революцию посредством войска, отлично устроенного благодаря стараниям великого князя Константина Павловича. Наконец, образовался целый ряд тайных обществ.

Князь Адам Ежи Чарторыйский. Гравюра, XIX в.

В последнее время своего царствования император Александр был сильно озабочен вопросом греческим. В то время, когда европейские народности, восторжествовав над Наполеоном, низложили начало всемирного владычества, которого не терпит новая христианская история, народность греческая, угнетенная турками, также обнаружила стремление к возрождению. В Вене в 1814 году возникло общество под именем Гетерии, имевшее целью приготовить греков к возрождению посредством образования: располагая большими средствами, оно воспитывало молодых греков в европейских университетах и в самой Греции учреждало народные школы. Один из самых деятельных членов

общества был грек с острова Корфу граф Каподистрия, статс-секретарь императора Александра, знаменитый дипломат своего времени.

Другим ревностнейшим членом Гетерии был генерал русской службы князь Александр Ипсиланти, сын господаря молдавского. Ипсиланти был из числа тех людей, которые долго чего-нибудь не дожидаются: в 1821 году он явился в Молдавию и призвал греков к восстанию за веру и свободу, следствием чего было движение в Морее и на островах Архипелажских. Император Александр, занятый движениями на Западе, изъявил свое неудовольствие на поступок Ипсиланти, но султан не хотел верить искренности этого неудовольствия и обнаружил неприязнь к России: турки в Константинополе произвели страшную резню между безоружными греками, патриарх Григорий и два епископа были распяты в церкви в самое Светлое воскресенье. Русский посол выехал из Константинополя, и русские войска начали собираться на южных границах.

Европейские державы, боясь усиления России на развалинах Турции, успели своим посредничеством задержать войну на четыре года, но не успели образумить турок, продолжавших истреблять христиан. Война была неминуемая, но 19 ноября 1825 года император Александр скончался в Таганроге.

Глава LII. Внутренняя деятельность императора Александра I

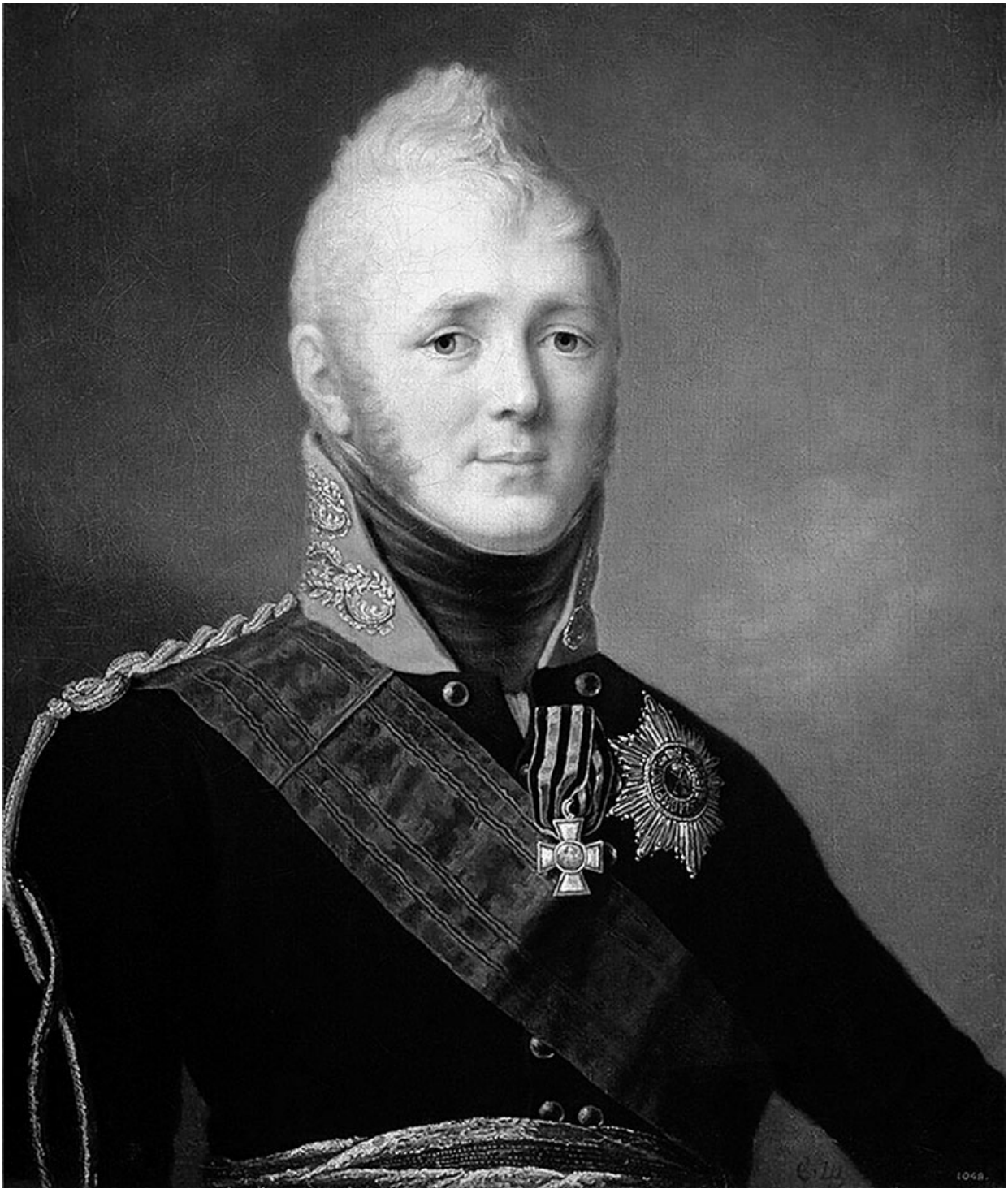
В манифесте о восшествии своем на престол император Александр объявил, что «принимает обязанность управлять по законам и по сердцу Екатерины II, шествовать по ее премудрым намерениям».

Немедленно же издан был указ о свободном пропуске за границу иностранцев и русских, как было до 1796 года; потом о восстановлении дворянской грамоты и городового положения, т. е. отменено телесное наказание относительно дворян и гильдейских граждан; об освобождении от телесного наказания священников и дьяконов; об освобождении в селах прихожан от обязанности обрабатывать церковные земли, ибо эта новая повинность разрывает между прихожанами и духовенством союз мира и любви; уничтожены цензурные постановления предшествовавшего царствования, позволено каждому заводить типографии, как было при Екатерине, а рассматривание книг возложено на гражданских губернаторов, которые употребляют к тому директоров народных училищ. Указом 2 апреля 1801 года уничтожена была Тайная экспедиция; дела ее велено ведать в 1-м и 5-м департаментах Сената. 20 февраля 1803 года – указ об отпуске помещиками крестьян на волю по заключении условий; крестьяне и селения, освобождаемые помещиками с землею, образуют особенное состояние *свободных хлебопашцев;* первый объявил желание отпустить крестьян граф Сергей Румянцев.

И Александр в начале своего царствования должен был издать такой же указ, как и Екатерина: «С сердечным соболезнованием замечаем, что пагубное лихоимство или взятки не токмо существуют, но даже распространяются между теми самыми, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их долженствовали».

Относительно раскольников правительство высказало следующие правила: «И разумом и опытами давно уже дознано, что умственные заблуждения простого народа, прениями и нарядными увещаниями в мыслях его углубляясь, единым забвением, добрым примером и терпимостию мало-помалу изглаждаются и исчезают; увещания должны сами собою и неприметно изливаться к ним из добрых нравов

духовенства, а чтоб все сие имело более действия и чтоб они лучше почувствовали обязанности их к правительству; прежде всего нужно бы было дать им самим приметить, что оно о них печется. Просвещенному ли правительству христианскому приличествует заблудших возвращать в недра Церкви жестокими и суровыми средствами?»



С. С. Щукин. Портрет Александра I

Чтоб дать духовенству больше средств действовать на народ живыми увещаниями, заботились об устройстве духовных училищ; средства для содержания этих училищ увеличены дарованием церквам

исключительного права продавать в них восковые свечи; учреждена была комиссия духовных училищ; в 1814 году обнародованы уставы академий, семинарий и духовных училищ. Что касается образования мирян, то мы видели, что при Екатерине II начали учреждаться главные и малые народные училища, но большею частию они существовали только по имени; при Александре даны были этим училищам средства к действительному существованию, причем главные народные училища названы гимназиями, а малые – уездными училищами; сверх того, для первоначального образования учреждены училища приходские; основаны педагогические институты в Москве и Петербурге для образования учителей; вызваны из-за границы профессора; прежде существовавшие университеты – Московский, Виленский и Дерптский – преобразованы, учреждены новые в Казани и Харькове, потом в Петербурге.

В первое время царствования Александра самыми приближенными к императору лицами были Новосильцев, Чарторыйский, Строганов и Кочубей. Князь Адам Чарторыйский как поляк, имевший постоянно в виду восстановление Польши в ее старых границах, был особенно вреден для России в звании попечителя Виленского учебного округа, способствуя усилению польского элемента в западных русских областях, воспитывая здесь молодое поколение в польском духе. Вместо прежнего Совета, созывавшегося в важных случаях из лиц, назначенных государем, в 1801 году учрежден был постоянный Государственный совет. В 1802 году учреждены министерства.

С 1806 года получает важное значение Сперанский, выдвинутый преимущественно Кочубеем. Деятельность Сперанского, носившего звание государственного секретаря, но считавшегося первым министром, главным образом заключалась в преобразовании Государственного совета, министерств и в мерах для поправления финансов. В 1809 году по мысли Сперанского запрещено было производить в 8-й и 5-й классы чиновников, не имевших университетского аттестата. В 1812 году по причинам неуясненным Сперанский подвергся опале, сослан сперва в Нижний Новгород, потом в Пермь. В 1814 году ему было позволено жить в своей новгородской деревне, потом он был губернатором в Пензе, генерал-губернатором в Сибири. После Тильзитского мира особенным доверием Александра начал пользоваться генерал Аракчеев.

Литература александровского времени славна знаменитым произведением своим – «Историею государства Российского». Первый писатель эпохи, творец нового литературного языка Карамзин посвятил свою деятельность отечественной истории, и все, что мог сделать сильный талант для внешней живописи событий, все было сделано Карамзиным; мечта Ломоносова сбылась: русская история нашла своего Ливия. Что касается до основного взгляда историографа, то Карамзин был представителем екатерининского века, в который окончательно сложились его воззрения: недовольство эпохою преобразования, недовольство внешним заимствованием форм западноевропейской гражданственности, требование внутреннего нравственного совершенствования, перерождения, требование души, чувства, чувствительности, наконец, вследствие недовольства Петровскою эпохою естественное обращение сочувствия к древней России – все это, встреченное нами в екатерининской литературе, отражается и в «Истории государства Российского».

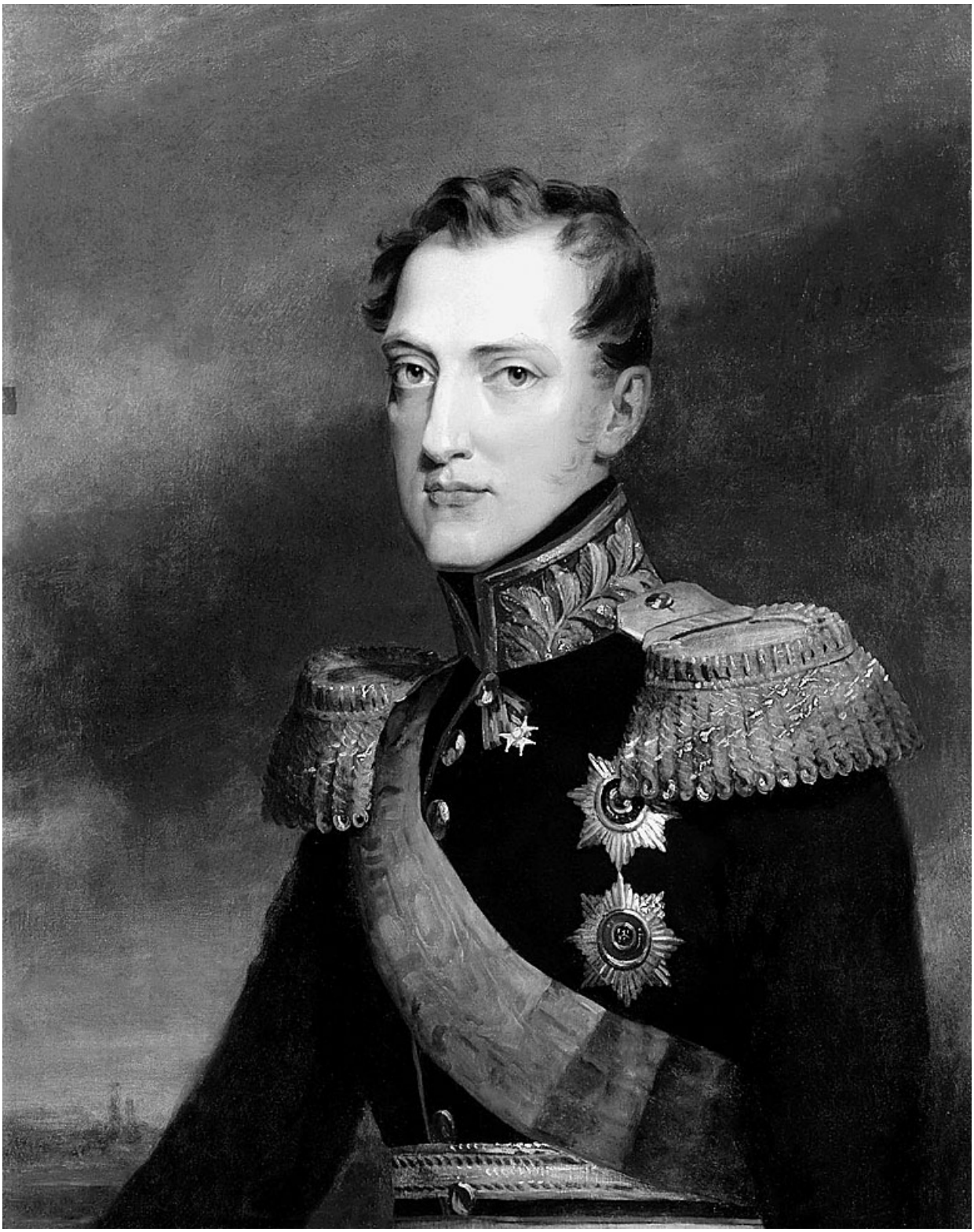
Остановка этой истории на Смутном времени, отсутствие подробной истории XVII века, этого моста между древнею и новою Россиею, надолго должны были способствовать распространению мнения, что новая русская история есть следствие произвольного уклонения от прежнего правильного пути, тогда как именно она была необходимым следствием древней русской исторической жизни.

В царствование же Александра I русская историческая литература приобрела другой важный труд: появился Шлецеров Нестор, образцовый опыт критической обработки известий нашей древней летописи. Талантливый и отлично образованный Шлецер был вызван в Россию Мюллером еще в половине XVIII века и посвятил свою деятельность обработке источников русской истории, к которым пристрастился. Неприятности в академии заставили его покинуть Россию, но среди своих обширных занятий в Германии он не мог забыть любимого Нестора и наконец издал его, уже в XIX веке.

Глава LIII. Царствование императора Николая Павловича (до 1850 г.)

1. Вопрос о престолонаследии и смута 14 декабря

С двадцатых годов XIX века революционное движение обходило Европу; оно созревало повсюду в тайных обществах; в Германии оно обнаруживалось преимущественно в университетах, имевших важное значение в стране; на юге, на полуостровах Пиренейском и Апеннинском, оно вспыхивало в войске; в такой же форме, как на юге Европы, обнаружилось оно и в России. В последние годы царствования императора Александра I в России образовались два тайных общества: на севере, в Петербурге, и на юге, между офицерами расположенной там армии.



В. А. Голике. Портрет великого князя Николая Павловича

Эти общества разнились в направлении: тогда как в Северном мечтали об ограниченной монархии, в Южном мечтали о республике, но в том и другом были люди, готовые на всякие крайние средства для произведения переворота. Император Александр уже в Таганроге перед самою кончиною узнал подробности плана членов Южного общества. Кончина императора и смута, наступившая после этого по вопросу о престолонаследии, внушила членам Северного общества мысль поспешить исполнением своего замысла посредством военной революции.

Смута относительно престолонаследия состояла в том, что так как император Александр не имел детей, то престол должен был принадлежать старшему по нем брату цесаревичу Константину Павловичу, но цесаревич в 1820 году развелся с своею супругою великою княгинею Анною Федоровною, и по этому случаю к закону о престолонаследии было издано дополнительное постановление, что если член императорской фамилии вступит в брак с особою не из царского дома, то он не может передать своей супруге права членов императорской фамилии и дети от этого брака не могут быть наследниками престола.

Цесаревич после своего развода женился на графине Грудзинской (получившей титул княгини Лович) и вследствие этого брака счел нужным отказаться от прав своих на русский престол (1822 г.). Тогда император приказал составить манифест (16 августа 1823 г.), в котором объявлял о добровольном отречении цесаревича и о том, что наследником престола должен быть великий князь Николай Павлович; манифест положен для хранения в московский Успенский собор; три других экземпляра хранились в Св. Синоде, в Государственном совете и Сенате, с тем чтоб в случае кончины императора манифесты, хранившиеся в Успенском соборе и Государственном совете, были вскрыты прежде приступления к какому-нибудь другому действию.

Об этих распоряжениях знали очень немногие, сам великий князь Николай Павлович знал очень неопределенно и вовсе не считал дело решенным. Когда известие о кончине императора Александра достигло Варшавы, то здесь цесаревич Константин Павлович объявил, что императором должен быть не он, а брат его Николай Павлович, и присягнул последнему, но в Петербурге великий князь Николай Павлович, не зная ничего об актах, хранившихся в Успенском соборе и

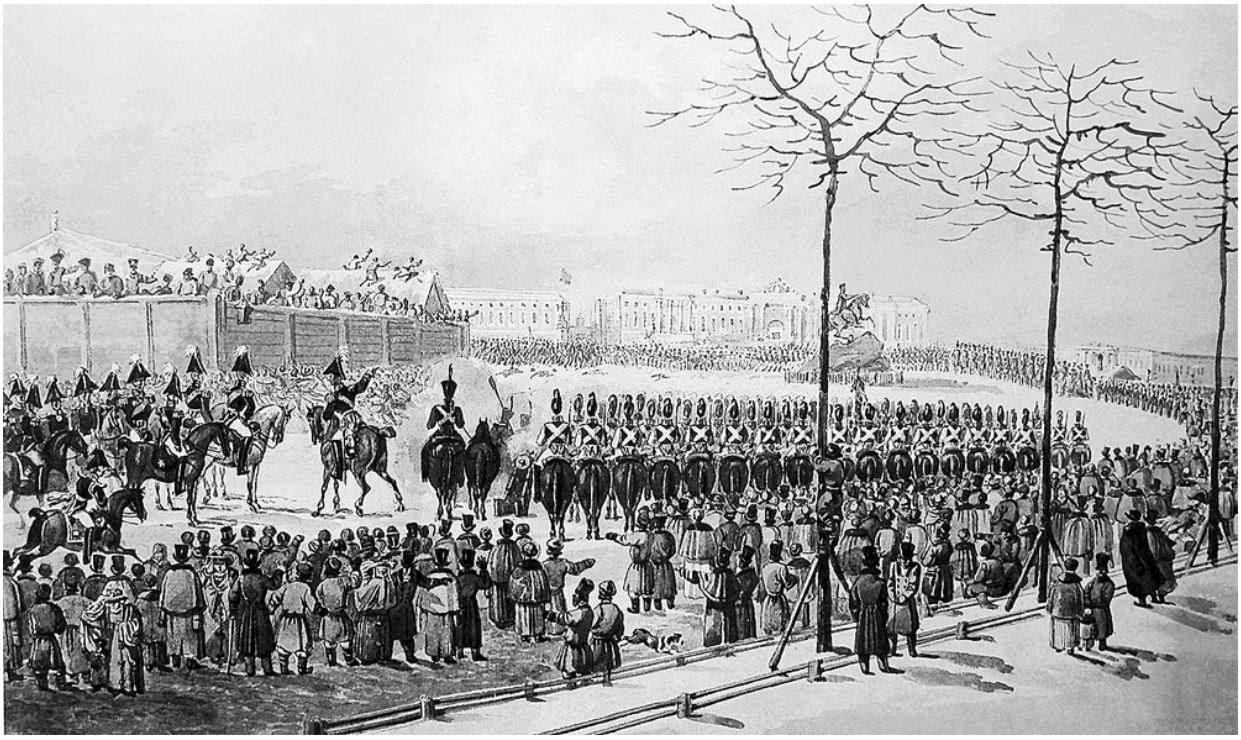
в упомянутых высших учреждениях, счел своею обязанностию присягнуть и других привести к присяге старшему брату Константину как императору и когда узнал достоверно о распоряжении покойного императора, то не согласился остановить присяги, вследствие чего сенатский указ о приведении к ней был разослан по всей империи.

Но в народ уже начали проникать слухи о том, что дело еще не решено сенатским указом, что цесаревич отказывается от престола; недоумение и беспокойство овладели всеми; а между тем в разных частях Петербурга ежедневно собирались члены тайного общества; собрания эти были разрешены генерал-губернатором графом Милорадовичем, который был убежден, что у собиравшихся одни чисто литературные дела. Скоро пришло в Петербург из Таганрога донесение об обширном заговоре в армии на юге, по которому император Александр за несколько дней до кончины велел арестовать несколько лиц. 12 декабря великий князь Николай Павлович получил письмо от цесаревича, в котором тот решительно отказывался от престола, и тогда был составлен манифест о воцарении императора Николая I.

14 декабря было назначено днем для обнародования манифеста и принесения присяги новому императору. Накануне между членами тайного общества положено было действовать, но при этом решении не было единства и определенности, 14-го утром, когда гвардейские полки были приводимы к присяге, в некоторых из них обнаружилось сопротивление; подстрекаемые внушениями заговорщиков, что отречение цесаревича мнимое, солдаты схватились за оружие, изранили офицеров, пытавшихся остановить их, и с криками «ура, Константин!» бросились на Сенатскую площадь в сопровождении черни, бессознательно кричавшей то же самое; к слову «Константин» присоединялось иногда слово «конституция». Граф Милорадович подъехал к мятежникам и стал уговаривать их, но был смертельно ранен двумя заговорщиками. «Пережить 52 сражения и умереть так!» – говорил старый генерал, одна из знаменитостей 1812 года.

Мятежные войска начали стрелять, но верные войска стали все в большем числе сосредоточиваться около императора, выехавшего на площадь. Атаки конницы, направленные против мятежников, не удались; осталась тщетною и попытка высшего духовенства подействовать на них религиозными увещаниями; короткий декабрьский день склонялся уже к вечеру. Император приказал

действовать артиллериею; картечь заставила мятежников обратиться в бегство, и Сенатская площадь была очищена в самое короткое время. Ночью несколько членов тайного общества были арестованы.



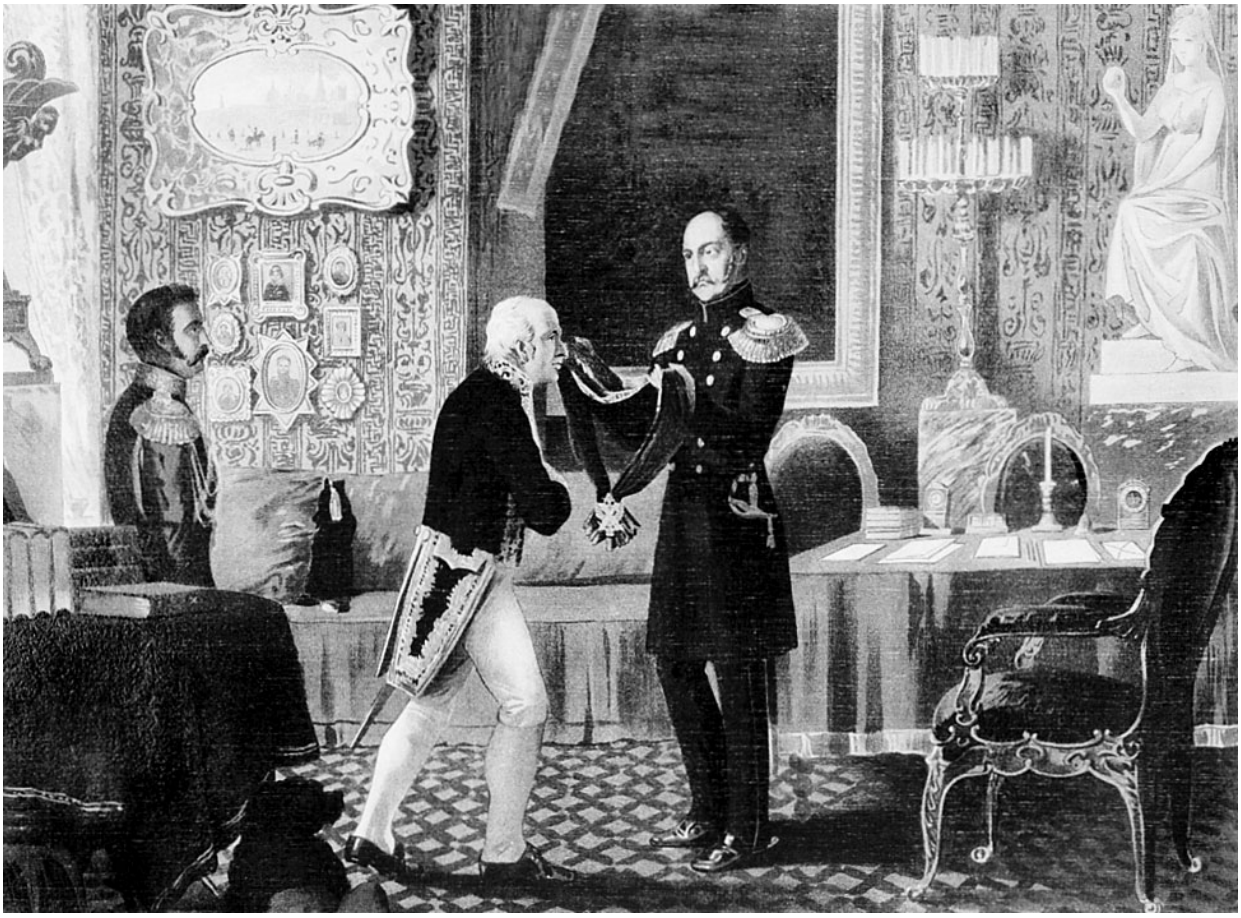
К. И. Кольман. Восстание декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга 14 декабря 1825 г.

Случилось, что по упомянутому предварительному распоряжению в тот же самый день 14 декабря арестованы были 13 членов Южного общества. Но этот арест не остановил движения на юге; другие члены общества, видя, что заговор открыт, решились поднять восстание и возмутили часть войска уверениями, что цесаревич Константин не отказывается от своих прав и призывает каждого русского к их защите. Возмутившиеся заняли Васильков и оттуда направляли путь к Киеву, но были настигнуты войсками правительства и потерпели совершенное поражение. После того как следственная комиссия раскрыла заговор, верховный уголовный суд нашел виновными 121 человека; из них пятеро подверглись смертной казни повешением.

2. Внутреннее распоряжение правительства

Император Николай в самом начале царствования обратил внимание на законодательство. Мы видели, что, начиная с Петра Великого, в каждое царствование предпринимались обширные законодательные работы, и всегда шли они безуспешно относительно главной цели своей, составления уложения; а между тем, чем более развивалось русское общество, тем громче становились вопли на трудности и злоупотребления, порождаемые отсутствием не только уложения, но даже и свода существующих постановлений. Медленность в решении дел была чрезвычайная; по справкам оказалось, что в разных судах империи накопилось 2 850 000 дел и 127 000 подсудимых находилось в заключении; в одной Курской губернии с 1821 года не было приведено в исполнение 660 сенатских указов, кассы не подвергались поверке в продолжение многих лет и отчеты были наполнены неверностями.

Император принял законодательные работы в непосредственное свое ведение, учредил в собственной своей канцелярии особое для них отделение (второе) и поручил его человеку, уже трудившемуся над составлением уложения в царствование Александра I и приобретшему опытность вследствие самых неудач своего дела, Сперанскому. Мысль сочинить уложение была оставлена, и положено составить свод действующих законов, без всякого изменения. Для этого первоначально собраны были по возможности все законы, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича, и в 1830 году издано «Полное собрание законов Российской империи», в 1833 году вышел свод законов действующих, распределенных в книги по главным предметам дел правительственных и судебных. Потом в 1845 году издано уложение о наказаниях уголовных и исправительных.



А. Д. Кившенко. Николай I награждает М. М. Сперанского за составление «Свода законов»

Мы видели, как Петр Великий установил обязательный майорат и как это учреждение было уничтожено при императрице Анне; при императоре Николае позволено было по желанию учреждать майораты. Чтоб остановить стремление промышленных людей в дворянское сословие посредством государственной службы, установлено почетное гражданство; для удобств торговых учреждены коммерческие суды.

Относительно народного просвещения издан новый устав учебных заведений высших, средних и низших. Учреждены были два института: Профессорский для образования молодых людей за границею, с тем чтоб после они могли занимать профессорские кафедры, и Главный педагогический для приготовления преподавателей преимущественно в средние учебные заведения. Вместо упраздненного Виленского университета был учрежден в Киеве университет св. Владимира; учреждены были: Военная академия, Училище правоведения,

Технологический институт. Внимание правительства было сильно обращено на военно-учебные заведения.

Правительственные издания, издания Археографической комиссии и Полное собрание законов послужили важною подмогою при обработке отечественной истории. С 1848 года были приняты особые, по обстоятельствам, меры относительно народного образования: число учащихся в университетах ограничено; отправление молодых людей за границу для усовершенствования образования остановлено; философские кафедры в университетах закрыты.

3. Дела внешние: персидская война

При императоре Александре после Гюлистанского мира шли споры с Персиею о границах. В самом начале своего царствования император Николай получил от командующего на Кавказе генерала Ермолова известие, что персияне питают против России враждебные замыслы и собирают войско. Император отправил генерала князя Меншикова в Персию уладить дело о границах и во всяком случае переговорами выиграть время, нужное для присылки подкреплений Ермолову, но русский посол нашел шаха Фет-Али в лагере, где собрано было 40 000 войска; палатка князя Меншикова была окружена стражею, все сообщения с ним были пресечены, депеши перехватывались.

Сын шаха Аббас-Мирза хотел непременно войны, чтоб воспользоваться замешательствами, последовавшими в России за смертью императора Александра. Муллы призывали народ к священной войне для освобождения мусульманских провинций, угнетаемых русскими, и в половине июля 1826 года персияне перешли границы. Возмутив несколько пограничных ханств, Аббас-Мирза стремился к Тифлису, но в этом стремлении был остановлен сопротивлением крепости Шуши, которая более полутора месяцев задержала под своими стенами неприятеля и дала время генералу Ермолову сделать нужные распоряжения. Отправленные им войска начали удачно действовать против неприятеля, и 13 сентября присланный государем генерал Паскевич нанес персиянам совершенное поражение под Елисаветполем, следствием чего было очищение русских владений от неприятеля.

Армия Аббас-Мирзы. Иллюстрация XIX в.

В 1827 году Паскевич начал наступательные действия; Аббас-Мирза терпел постоянные неудачи; в октябре Паскевич взял Эривань, считавшуюся оплотом Персии, потом Тавриз и Ардебиль. Не видя возможности спасти Тегеран, к которому направлялись русские, шах заключил мир. Договор был подписан 10 февраля 1828 года в деревне Туркманчае: Фет-Али уступил России ханства Эриванское и Нахичеванское, обязался заплатить 20 миллионов рублей серебром контрибуции и дать русским подданным значительные торговые выгоды в Персии. Паскевич получил титул графа Эриванского.

4. Война турецкая

Персияне, воюя с русскими, надеялись на обещанную им помощь турецкую, но напрасно. Мы видели, как натянуты были отношения между Россиею и Турциею в последние годы царствования Александра I по поводу греческого восстания. Император Александр, несмотря на враждебные поступки турок, удерживался от войны с ними; он не хотел усиливать подозрения, что греческое восстание произведено по наущению русского правительства, и так как члены Священного союза высказались решительно против революций и действовали против них вооруженною рукою в Италии и Испании, то император Александр не хотел явиться защитником греческой революции и требовал, чтоб другие державы соединенными представлениями заставили султана дать удовлетворение России и прекратить свирепство турок против греков.

Но султан Махмуд не хотел слышать о вмешательстве христианских держав в его дела с бунтующими подданными, тем более что Австрия и Англия действовали явно в интересах турецкого правительства. Император Николай хотя обнаруживал полное сочувствие к охранительным началам Священного союза, однако не хотел, чтоб Россия долее находилась в несогласных с ее достоинством отношениях к Турции. Вся Европа признавала за Россией право требовать вооруженною рукою удовлетворения за оскорбление своего посланника в Константинополе в начале греческого восстания, за нарушение договоров, за гонение на православную Церковь.

Наконец, английское правительство, видя всеобщее сочувствие к греческому делу у себя и в целой Европе, сочло необходимым переменить политику и начало действовать в пользу греков, к ущербу значения России, естественной покровительницы восточных христиан. В марте 1826 года император Николай велел объявить Порте в последний раз свои требования, состоявшие: во 1) в том, чтоб в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии) восстановлен был порядок вещей, установленный договорами между Россиею и Турциею и нарушенный последнею в 1821 году введением турецких войск под предлогом восстания, 2) чтоб Сербия пользовалась всеми правами, выговоренными ей по Бухарестскому миру, и сербские депутаты,

задержанные в Константинополе, были освобождены; 3) чтоб турецкое правительство оказало полное удовлетворение по прежним требованиям и для окончательного улажения дел выслало уполномоченных на русские границы. Если через шесть недель по получении ноты турецкое правительство не исполнит этих требований, то русский поверенный по делам оставит Константинополь.

Представления посланников важнейших европейских дворов, особенно английского, заставили Порту исполнить требования русского императора, но потом она стала протягивать время, и только в конце июля в Аккермане начались конференции уполномоченных. Дело кончилось тем, что 26 сентября турецкие уполномоченные подписали следующие статьи: 1) Бухарестский договор подтверждается; 2) подтверждаются права и привилегии Молдавии и Валахии; правление в каждом из Дунайских княжеств вручается на семь лет господарю, избираемому дворянским собранием, господарь управляет независимо от Порты при участии совета из бояр и не может быть сменен без согласия России; 3) места на азиатских границах, за которые происходил десятилетний спор, уступаются России; 4) Порта обязывается в течение года уступить сербам все права и привилегии, означенные в Бухарестском договоре; 5) удовлетворяются долговые иски русских подданных на турецком правительстве; 6) русские корабли свободно проходят из Черного моря в Средиземное.

Порта уступила здесь, но не уступила ничего в греческом вопросе, несмотря на требования знаменитого своим настойчивым характером английского посланника Стратфорда Каннинга. Между тем приехал в Константинополь русский посланник Рибопьер, и тогда оба посланника, русский и английский, объявили Порте требования своих дворов относительно греков (февраль 1827 года): Порта удерживает над Грециею верховную власть, Греция платит султану ежегодно дань, но получает совершенно независимое внутреннее управление, причем находящиеся в Греции турки должны выселиться. Порта отвергла требования. Тогда три державы – Россия, Англия и Франция – заключили в Лондоне договор 24 июня (6 июля): условились снова сделать Порте означенные предложения (февральские) и требовать прекращения военных действий с обеих сторон; если которая-нибудь из воюющих сторон не согласится на перемирие в продолжение месячного

срока, то три договорившиеся державы для достижения своей цели принимают соответствующие обстоятельствам меры.

И. К. Айвазовский. Наваринское сражение

И коллективная нота трех держав не имела действия: Порта отвечала, что решилась никогда не допускать чужого вмешательства в свои внутренние дела, и вслед за тем сильный турецкий флот повез в Морею новое войско. В Архипелаге находились тогда три эскадры: английская под начальством адмирала Кодрингтона, французская под начальством Риньи и русская Тейдена; начальники эскадр получили от своих правительств предписание соединенными силами препятствовать продолжению войны. Когда начальник турецкого флота Ибрагим-паша расположился в Наваринской гавани, чтоб оттуда начать действия против греков, то английский адмирал первый явился пред Наварином; потом присоединился к нему французский, и оба вступили в переговоры с Ибрагим-пашою, требовали прекращения военных действий, грозили, что в противном случае будут принуждены истребить турецкий флот, говорили, что Франция и Англия никогда не

действовали враждебно против Турции и теперь вступили в союз только для того, чтоб помешать честолюбивым планам русского императора, который хочет восстановить Восточную римскую империю.

Ибрагим-паша отвечал, что он ничего не знает о тройном союзе и что его обязанность – защищать султана. Ибрагим начал опустошительную войну против греков, а между тем к английской и французской эскадрам присоединилась и русская; союзники дали битву турецкому флоту и в четыре часа истребили его (8 октября 1827 года).

Наваринская битва только раздражила турок и нисколько не ослабила их упорства; посланникам трех союзных держав было объявлено, что покорность греков остается единственным основным условием мира, вследствие чего посланники потребовали своих паспортов. Турки с жаром начали приготовляться к войне, и злоба их преимущественно была обращена на Россию, что высказалось в султанском манифесте. «Известно, – говорилось в манифесте, – что магометане питают врожденную ненависть к неверным; известно, что последние суть враги ислама, и именно русские, которые 60 лет пользуются всяким удобным случаем, чтоб нападать на Турцию, и должны считаться главными врагами Порты. Они составили заговор с своими единоверцами греками, чтоб стереть имя мусульманское с лица земли. Мы заключили с ними вредный для нас договор Аккерманский, но они этим не удовольствовались, вооружили против нас и других франков».

Это было в декабре 1827 года; в апреле 1828-го русский император объявил, что не думает о разрушении Оттоманской империи и о распространении пределов своей, что готов удержаться от войны, если Порта обеспечит прежние договоры и исполнит требования союзников по делам греческим. Ответа не было, и война началась. Русские полки заняли Молдавию и Валахию, в присутствии самого государя перешли Дунай; сильные крепости Браилов и Варна были взяты. С другой стороны, в Азии, граф Паскевич взял штурмом знаменитую крепость Карс, поразил турок под Ахалцыхом и овладел последним с страшным кровопролитием; все это было сделано, по румянцевскому и суворовскому примеру, с самыми ограниченными средствами. Так окончилась в Европе и Азии кампания 1828 года.

В начале 1829 года начала было грозить новая война, персидская: в Тегеране возмутившаяся чернь умертвила русского посланника Грибоедова (знаменитого автора «Горя от ума») с большею частию свиты; шах стал собирать войска на границах, султан спешил войти с ним в переговоры, но шах скоро одумался и прислал внука своего Хозрев-Мирзу в Петербург просить императора предать забвению тегеранское происшествие.

Султан остался одинок. В июне 1829 года Паскевич поразил две турецкие армии и овладел богатым Арзерумом. В Европе за болезнью фельдмаршала Витгенштейна принял начальство над войском граф Дибич. Новый главнокомандующий в мае поразил великого визиря при Кулевче: турки потеряли 5000 убитыми, весь обоз, артиллерию, знамена. После падения Силистрии, заперев разбитого визиря в Шумле, Дибич перешел за Балканы и занял Адрианополь (8 августа).

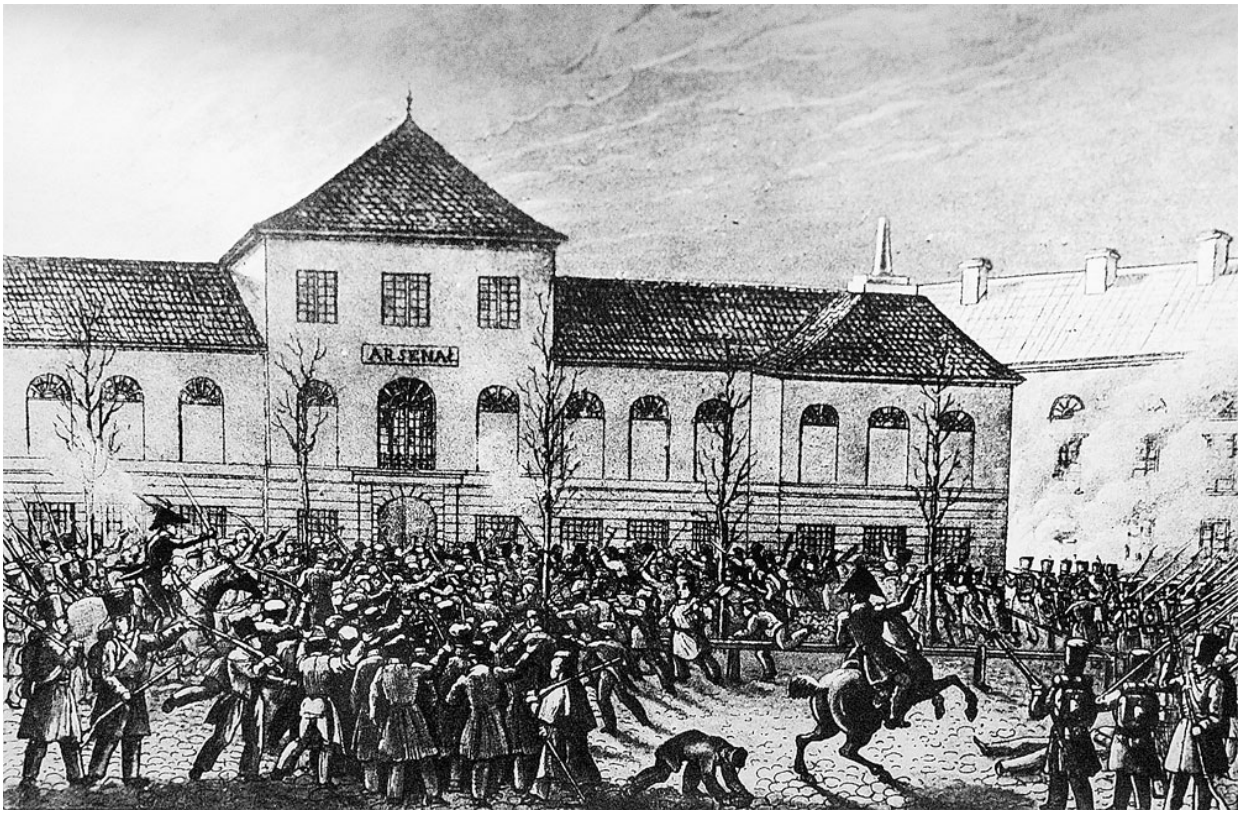
Г. В. Шукарев. Боевой эпизод Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Вся тяжесть войны пала, таким образом, на Россию; ей одной и принадлежала слава освобождения Греции, ибо только успехами русских войск сломлено было упорство Порты относительно требуемого Европою решения греческого вопроса; легкие подвиги французского отряда в Морее не могли иметь никакого влияния. Что же касается до других держав, то в Англии сильно жалели о Наваринской битве, поведшей к разрыву. Англия и Австрия трепетали перед успехами русских войск в Турции и в то же время хлопотали о сокращении пределов будущей независимой Греции. Австрийский канцлер Меттерних предлагал соединенными усилиями четырех держав – Австрии, Англии, Франции и Пруссии – принудить Россию к миру с Турциею и предписать его условия; этому плану воспротивилась Франция: здесь общественное мнение было в то время за Россию, и король Карл X объявил, что если Австрия начнет враждебные действия против России, то Франция объявит войну Австрии.

Еще в 1828 году Порта объявила, что согласна переговаривать о греческих делах с уполномоченными западных держав, и летом 1829 года посланники английский и французский приехали в Константинополь. Когда пришло известие о занятии Адрианополя, Порта, по совету посланников западных держав, решилась просить мира и объявила, что относительно Греции приступает к Лондонскому трактату. 2 сентября в Адрианополе был подписан мирный договор: европейские границы обеих держав были определены рекою Прутом и по соединении ее с Дунаем, этою последнею рекою до Георгиевского устья; острова на Дунайской дельте должны принадлежать России; на азиатской границе Россия удерживала за собою крепости Анапу, Поти, Ахалцых и Ахалкалаки. Молдавия, Валахия и Сербия пользуются всеми привилегиями и вольностями, выговоренными в Аккерманском договоре. Русские подданные пользуются полною свободою торговли в турецких областях; русские корабли и корабли всех находящихся с Турциею в мире наций под торговым флагом свободно проходят через Дарданеллы и Босфор; Турция обязана вознаградить русских купцов за прежние их потери, 1 500 000 голландских червонцев, и выплатить за военные издержки значительную сумму денег.

5. Война с польскими повстанцами

Мы видели, что Россия находилась в дружественных отношениях к Франции. Эти отношения при дружественных же отношениях Пруссии сдерживали постоянно враждебные замыслы Австрии и Англии. Но в 1830 году июльская революция, свергнувшая старшую линию Бурбонов с французского престола, повела к перемене отношений. Новое правительство (Людовик Филипп Орлеанский) как происшедшее из революции уже по этому самому не могло снискать расположение императора Николая, постоянно верного консервативному принципу, тем более что вследствие французской революции возникли революционные движения и в других странах, и главное – в Польше.



Взятие варшавского арсенала в 1830 г. Ксилография, XIX в.

Члены польских тайных обществ входили в сношения с членами русских, толковали о необходимости соглашения, но ограничивались одними толками, ибо цели были разные; русские имели в виду

внутренние перемены в России, а поляки – восстановление независимой Польши в прежних ее пределах. Признания русских заговорщиков снова указали правительству на существование тайных обществ в Польше. Назначена была следственная комиссия для Польши; по признанию арестованных, они имели целью произвести восстание всею народною массою и ввести конституцию 3 мая, как скоро Россия будет занята какою-нибудь опасною войною. Произнесение приговора государь поручил польскому сенату, который не мог действовать беспристрастно в деле, считавшемся польским национальным делом; сенаторы оправдали обвиненных, что послужило поощрением к дальнейшим революционным движениям.

Князь Чарторыйский, возвратившийся из-за границы в Варшаву, и Лелевель стали действовать смелее, особенно когда Россия в 1828 году начала трудную турецкую войну, на которую неодобрительно смотрели другие европейские державы. Подпоручик Высоцкий основал тайное общество из молодых офицеров и воспитанников военных школ. Таким образом, французская революция, вспыхнувшая в июле 1830 года, нашла Польшу готовою подражать примеру Франции, в которой поляки надеялись найти поддержку. Заговорщики рассеялись по областям, составлявшим прежнее Польское королевство, для возбуждения восстания.

В Варшаве городским жителям говорилось, что все войско готово к восстанию, военных уверяли, что все горожане дружно поддержат революцию. 16 ноября 1830 года заговорщики из офицеров собрались и одобрили цели восстания, состоявшие из трех главных пунктов: умерщвление цесаревича Константина Павловича, захват арсенала и обезоружение русских войск. На другой день, вечером 17 ноября, заговорщики ворвались во дворец (Бельведер), умертвили несколько близких к великому князю лиц, но сам цесаревич успел удалиться к войску. Арсенал был захвачен заговорщиками и разграблен; оружие роздано черни, возбужденной криками заговорщиков, что русские режут поляков, жгут и грабят город.

Для показания несправедливости этих криков русские войска были оставлены в бездействии, и таким образом потеряна была возможность утушить восстание в его начале. Ночью князь Любецкий созвал членов административного совета, присоединивши к ним еще несколько влиятельных лиц, и предложил им войти в переговоры с цесаревичем;

великий князь приказал объявить ему, что он отступает и предоставляет полякам самим согласить свои недоразумения.

Русские войска действительно очистили Варшаву, что подняло дух революционеров и отняло значение у существующих властей и людей умеренных. Революционеры начали стремиться к совершенному разрыву с Россиею. Начальство над войском было поручено имевшему по своей службе и характеру почетную известность генералу Хлопицкому, но, видя умеренность действий Хлопицкого и административного совета, революционеры составили патриотическое общество с публичными заседаниями в городской ратуше; цель комитета состояла в том, чтоб направлять общественное мнение и поддерживать революционное движение; Лелевель был назначен президентом общества, которое действовало посредством ежедневной газеты «Патриот», раздаваемой безденежно, посредством зажигательных стихотворений и посредством возбуждения надежд слухами о затруднительном положении России и Пруссии и о готовности Франции и Австрии поддержать польскую независимость.

С самого начала обозначились уже две партии: умеренная, желавшая сохранить связь с Россиею и устройство, данное императором Александром, только с большею правильностию в управлении, и демократическая, требовавшая нового устройства, по началам, провозглашенным во Франции, и восстановления независимой Польши с русскими областями на востоке, с западною Пруссиею и Помераниею, частью Бранденбурга и Силезии на западе. Между тем польская армия, устроенная цесаревичем Константином Павловичем, окончательно перешла на сторону революции, что заставило великого князя с русскими войсками двинуться из окрестностей Варшавы и оставить Польшу; сдана была и сильная крепость Модлин, заключавшая в себе огромные военные запасы, которые дали возможность революционерам вести продолжительную борьбу с Россиею.

Административный совет перестал существовать; образовалось временное правление, замененное впоследствии высшим национальным советом. Генерал Хлопицкий, видя анархические движения демократов, отражавшиеся и в войске, объявил, что слагает с себя звание главнокомандующего; тогда принуждены были провозгласить его диктатором. Против Хлопицкого, к которому

примыкали умеренные, стал Лелевель с товарищами, не выпускавшими из рук направление народных революционных движений, тогда как Хлопицкий старался больше всего о примирении с русским правительством, не имея никакой надежды на успех борьбы с Россиею.

Для переговоров с императором отправились в Петербург князь Любецкий и граф Езерский, тогда как Лелевель требовал возмущения Литвы и наступательного движения на Россию, ибо революция, по его словам, должна нападать, чтоб иметь успех. Партия войны взяла верх, и в январе 1831 года Хлопицкий сложил с себя диктатуру. Когда он настаивал на недостаточности средств Польши к борьбе и ему предлагали усилить войско косиньерами, то он отвечал: «Ведите сами войну с вашими косарями, а мне их и даром не надобно». Собрали сейм, и главнокомандующим был провозглашен князь Радзивил, человек слабый, без военных способностей; избрание его сопровождалось криками: «В Литву! В Литву!»

13 января в заседании сейма возвратившийся из Петербурга граф Езерский сообщил о своем разговоре с императором, который сказал ему: «Я царь польский и хочу им остаться, но я не могу допустить ничего, что имело бы даже вид уступки, в особенности если ее требуют от меня в минуту бунта и с оружием в руках. Могу ли я, законный ваш царь, вступить в унизительные переговоры с моими подданными? Будь я только польским царем, я бы находился теперь среди вас, а как русский император, я должен обратить внимание и на другие интересы; я не могу упускать из виду честь и достоинство великого государства. Возможно ли требовать, чтоб я все предал забвению? Разве в Варшаве не было совершено убийств? Разве не покушались на жизнь моего брата? От меня требуют, чтоб я уступил присоединенные к империи прежде бывшие польские провинции. Такая мысль никогда не могла прийти мне на ум; угрозами еще менее можно достигнуть того, что составляет дело немыслимое. Каким образом я могу одно из государств, стоящих под моим скипетром, возвышать на счет другого? Пусть только поляки положатся на меня, и они будут счастливы».

Император объявил, что в качестве польского царя он считает своею обязанностию подавить возмущение и наказать преступников, и если нация вооружится против него, то поляки своими же пушечными выстрелами низринут Польшу. После этих сообщений Езерского и зажигательных речей, говоренных по их поводу, сейм провозгласил

императора Николая и всех членов фамилии Романовых лишенными польского престола. Учреждено было правительство из 5 членов под председательством князя Чарторыйского. Иностранные правительства более или менее холодно отнеслись к польскому делу, и полякам нужно было самим позаботиться о себе, когда пришло известие, что русские войска перешли границы царства.

Русская стотысячная армия находилась под начальством фельдмаршала графа Дибича-Забалканского. Фельдмаршалу доносили, что «евреи, немцы и среднее сословие встречают русских с радостию как восстановителей порядка, простой народ совершенно равнодушен и желает только покоя, но шляхта и духовенство употребляют все усилия для его возбуждения. Обезоружение хотя и приводится в исполнение в городах беспрепятственно, однако везде находят скрываемое оружие, и предводители, видимо, выжидают только удобного случая удаления русских войск для открытого восстания.

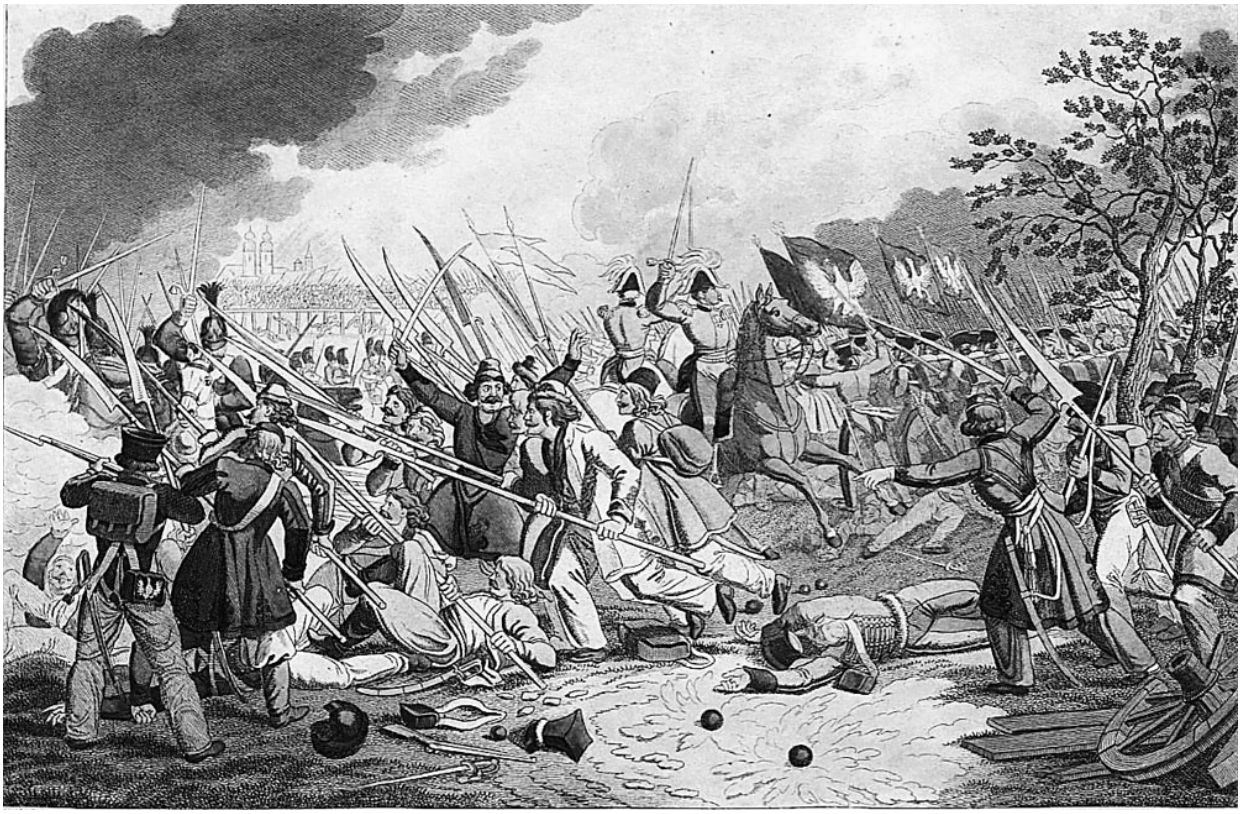
На лицах чиновников и шляхты написана скрытая ненависть, хотя они и встречают русских с полным смирением; если мы будем счастливы в наших действиях, то нам нечего бояться; в случае же неудачи мы должны опасаться всего». 13 февраля в окрестностях Варшавы при селе Грохове произошло кровопролитное сражение, в котором поляки были побеждены; Варшава пришла в ужас; экипажи, наполненные беглецами, спешили за заставу; русские войска готовились к штурму на следующее утро, но вместо штурма отдано приказание об отдыхе. Поляки ободрились, чему много способствовал своею деятельностию новый главнокомандующий Скржинецкий, выбранный на место Радзивилла, доказавшего под Гроховом свою неспособность.

Б. П. Виллевальде. Сражение при Грохове

Фельдмаршал думал, что после гроховского поражения поляки покорятся без дальнейшего кровопролития; действительно, Скржинецкий завел переговоры, но фельдмаршал требовал безусловной покорности, а поляки требовали надлежащих ручательств в прочности своих прав, и переговоры прекратились; революционеры больше всего надеялись на иностранное вмешательство, на помощь Австрии. Поляки воспользовались бездействием русской армии после Гроховской битвы и пополнили свое войско до 80 000 человек.

С открытием военных действий, в новых битвах русская армия терпела численный урон, удалялась от Варшавы, а это уменьшало доверие к главнокомандующему. Литва, возбуждаемая эмиссарами из Польши, при малом числе русских войск, волновалась. В Вильне образовался тайный центральный революционный комитет; россиенская шляхта первая подняла восстание, овладела своим уездным городом и образовала временное правительство, которое объявило, что распространяет свою власть на все области, отнятые русскими, на Курляндию, Лифляндию, Эстляндию, Смоленск, Чернигов

и Киев. Восстание обхватило всю Литву; повстанцы образовали всюду шайки, которые грабили, вешали, расстреливали всех, кто не принимал участия в их деле, освобождали рекрут и арестантов, хватали русских чиновников, овладевали казначейными кассами, оружием, военными запасами, прерывали почтовые сообщения.



Г. Б. Вундер. Сражение под Остроленкой в 1831 г.

Но литовское восстание встречало важное препятствие в том, что не имело средоточия: Вильна была в русских руках и не вышла из них даже и тогда, когда польское войско из царства вошло в Литву: это войско было разбито под Вильною в июне месяце, а в июле поляки были вытеснены из Литвы. Шляхта приготовилась к восстанию на Волыни и в Подолии, но здесь она не могла действовать с успехом, ибо все низшее народонаселение страны и духовенство состояло из русских; шляхта призвала к себе из царства известного польского генерала Дверницкого, но русские войска под начальством генерала Ридигера прогнали Дверницкого в Галицию.

«Вместе с Дверницким счастие нас покинуло», – говорили поляки. Они жаловались на медленность и робость своего главнокомандующего

Скржинецкого. Скржинецкий бросился со всем своим войском на гвардейский корпус, стоявший между Бугом и Наревою, но не нанес ему ни малейшего вреда; гвардия отступила в порядке, а поляки только истомились. 14 мая Скржинецкий встретился с главною русскою армиею при Остроленке и после долгой и упорной битвы потерпел поражение. Между тем Варшава, несмотря на опасности, грозившие ей после битвы при Остроленке, волновалась ожесточенною борьбою партий, аристократической и демократической, по вопросу, нужно ли сосредоточить власть в руках одного или оставить прежнее правление.

Успехи русской армии обеспечивались со всех сторон, но среди ее движения к Варшаве 29 мая граф Дибич умер от свирепствовавшей тогда холеры.

Преемником Дибича был назначен граф Паскевич-Эриванский. 7 июля новый главнокомандующий переправился через Вислу. Между тем на сейме революционная партия взяла верх, потому что в число депутатов введены были повстанцы, бежавшие перед русскими из Литвы, Подолии и Волыни: потерявши все на родине, эти люди только в крайних мерах ждали себе спасения. Варшаву сильно укрепляли, городские жители, ксендзы, женщины должны были участвовать в работах; выпустили бумажные деньги, взяли церковное серебро, жители должны были отдать правительству всю свою серебряную посуду; эти меры возбуждали сильное неудовольствие. Тяготились нерешительным положением и обвиняли главнокомандующего Скржинецкого в медленности, в неумении или нежелании остановить русских, приближавшихся к Варшаве.

Революционная партия, не терпевшая Скржинецкого как умеренного, воспользовалась общим неудовольствием и свергла главнокомандующего. Но наверху все еще оставались умеренные, аристократы, Чарторыйский с товарищами; чтоб низвергнуть правление, революционеры проводили в народ мысль, что слабость правительства виною всех несчастий Польши; надобно действовать энергически, террором, по примеру французских революционеров, против людей равнодушных, желающих примирения. Несколько лиц, в том числе генералы, были заподозрены в измене; суд оправдал их, и, несмотря на то, их держали в заключении. 3 августа вспыхнул мятеж, толпы ворвались в замок, где содержались заключенные, и умертвили их зверским образом.

Правление в ужасе рассеялось; князь Чарторыйский, переодетый конюхом, бежал в лагерь. Толпы продолжали истреблять в разных местах указанных демагогами людей. Для прекращения резни и смуты поспешили провозгласить губернатором Варшавы генерала Круковецкого, который давно уже интриговал и ждал случая захватить власть. Бывшее правление было уничтожено; сейм по образцу Североамериканских Штатов отдал исполнительную власть президенту и ответственным министрам, и президентом был провозглашен Круковецкий. Главнокомандующим был назначен для вида старик Малаховский, но всем распоряжался президент.

В таком положении находились дела, когда граф Паскевич приблизился с войском к Варшаве. Перед приступом испробованы были примирительные средства; полякам дано было знать, что если император немедленно будет признан королем и поляки не будут настаивать на соединении с литовскими и западнорусскими губерниями, то все остальное они легко могут получить. Поляки отвечали, что они подняли оружие за независимость своей нации в границах, которые они в прежнее время завоевали у русских. «На подобные вещи можно отвечать только пушечными выстрелами», – сказал русский фельдмаршал, и 25 августа назначен был штурм.

25 августа русские овладели селением Волею, всего сильнее укрепленным, и первою линиею укреплений. На другой день рано утром происходили личные переговоры между графом Паскевичем и Круковецким. Русский фельдмаршал предложил условия: «Безусловная покорность армии и нации; немедленная сдача Варшавы, моста чрез Вислу и Праги, удаление польской армии в Плоцк». Ответа положили дожидаться до часа пополудни, но сейм провел условленное время в бесполезных прениях, и в половине второго часа военные действия начались. Когда укрепление за укреплением стали переходить в русские руки, то Круковецкий, получивший от сейма полномочие для переговоров, написал в 6 часов вечера письмо государю с изъявлением безусловной покорности.

Но этим дело не кончилось, потому что на сейме сменили Круковецкого, выбрали нового президента, Немоевского, который ушел из Варшавы скоро после своего избрания, и в такой смуте только на рассвете другого дня главнокомандующий Малаховский с генералами обязались очистить Варшаву. В 7 часов утра 27 августа русские полки

вступили в город. Но польское войско, очистив Варшаву, не думало покоряться; при нем находилось и правление с президентом Немоевским; единодушия не было, главнокомандующие менялись; Немоевский, главный виновник сеймовых смут в Варшаве, и теперь был их виновником в войске. Наконец в сентябре Немоевский с другими членами правления ушел за прусскую границу; войско, преследуемое русскими, перешло туда же; другие корпуса перешли чрез австрийскую границу, и война в восемь месяцев была окончена. Граф Паскевич-Эриванский получил титул князя Варшавского.

6. Следствия польского восстания

Следствием восстания была потеря конституции, данной Польше Александром I. Устройство Царства Польского в общих чертах приблизилось к устройству русской империи. В челе управления поставлен Совет, состоявший под председательством наместника из директоров комиссий, соответствующих министерствам империи. Государственный совет, также под председательством наместника, занимался рассмотрением новых законов, годовой сметы доходов и расходов, соображением средств к лучшему устройству края. По указанию опыта уничтожено было главное средство к успеху последующих восстаний, уничтожено было отдельное польское войско.

7. Уничтожение унии

В русских областях, возвращенных от Польши Екатериною II, уничтожено было явление, сильно напоминавшее польское владычество, – уния. Возвращение униатов к вере предков, столь сильное при Екатерине, остановилось в два последующих царствования; католическое движение стало усиливаться, и уния держалась тем крепче, что Церковь униатская в России вместе с Церковию римско-католическою находилась в заведовании одной коллегии. В царствование императора Николая еще в 1828 году управление униатскою Церковию было отделено и сосредоточено в особой коллегии, которая должна была охранять униатскую Церковь от наплыва католических обрядов и обычаев и восстановлять прежние греко-русские уставы и обычаи.

В 1838 году сделан был новый шаг: заведование делами униатской Церкви поручено было обер-прокурору Св. Синода. В 1839 году униатские епископы и знатнейшее духовенство, собравшись в Полоцке, постановили просить государя императора о дозволении униатам «присоединиться к прародительской православной Всероссийской Церкви». Св. Синод определил: по правилам св. отец принять епископов, священников и всю паству греко-униатской Церкви в полное и совершенное общение св. православно-католической восточной Церкви и в не раздельный состав Церкви Всероссийской.

8. Отношения к Турции

Польское восстание имело важное влияние на внешнюю политику России, содействуя более всего охлаждению между Россиею и Франциею. Общественное мнение во Франции было на стороне поляков, и правительство из угождения ему своим неловким вмешательством раздражало русского императора: так, оно старалось склонить другие дворы сделать ему соединенные представления насчет дружелюбного улажения дела с повстанцами; французское правительство толковало, что европейские державы имеют право вмешиваться в польские дела на основании постановлений Венского конгресса.

В палате депутатов произносились враждебные для России речи в пользу Польши; король в тронной речи отзывался о ней сочувственно. Когда получено было известие о Гроховской победе, толпа в трауре по убитых поляках бросала камнями в дом русского посланника и перебила окна. Так как и после утушения польского мятежа Франция продолжала высказывать свое сочувствие к Польше и вообще смотрела на Россию как на главную противницу тех либеральных стремлений, которых считала себя представительницею, то это вело неминуемо к охлаждению между русским и французским правительствами; охлаждение же к Франции вело, естественно, к сближению между Россиею и Англиею, к старанию действовать сообща против Франции, что преимущественно обнаруживалось в восточных делах.

Несмотря на старания западных держав поддержать разрушающееся здание Турецкой империи, чтоб не допускать усиления России, признаки распадения Турции обнаруживались постоянно. Греция стала независимым королевством в 1830 году, а в 1831 году восстал против султана самый сильный магометанский вассал его Мегмед-Али, паша египетский. Египетское войско под начальством сына Мегмедова Ибрагима заняло Сирию и Малую Азию и в двух битвах истребило армию султана. Европейские державы должны были вступиться в дело.

Франция, ввиду того что истощенное правительство султана не устоит пред сильным и энергическим Мегмедом-Али и желая получить важные выгоды при перемене, держала сторону египетского паши;

Англия по соперничеству с Францией желала поддержать султана; того же хотела и Россия, причем не ограничилась одними представлениями у Мегмеда-Али: по просьбе султана русский флот быстро явился пред Константинополем, и 10 000 пехоты расположились лагерем на азиатском берегу. Англичанам и французам это очень не понравилось; сам султан был сильно напуган помощью от страшной руки; французский посланник грозил Порте разрывом, если русские корабли не удалятся из Босфора. Но дело было сделано: Мегмед-Али не решился иметь дела с Россией и отозвал свои войска из Малой Азии, и русское влияние усилилось в Константинополе.

Ф. Крюгер. Николай I со свитой

В 1839 году борьба между султаном и пашою египетским возобновилась, и опять паша торжествовал на сухом пути и на море. Россия вместе с Англиею, Австриею и Пруссиею поддерживала по-прежнему султана (Абдул-Меджида, сына Махмудова), Мегмед-Али должен был согласиться на безусловную покорность султану; Франция осталась одинокою и утратила свое влияние на Востоке. Хотя Россия во всех этих событиях была заодно с Англиею, однако последняя сильно ревновала к влиянию России в Константинополе и не упускала случая усиливать свое влияние.

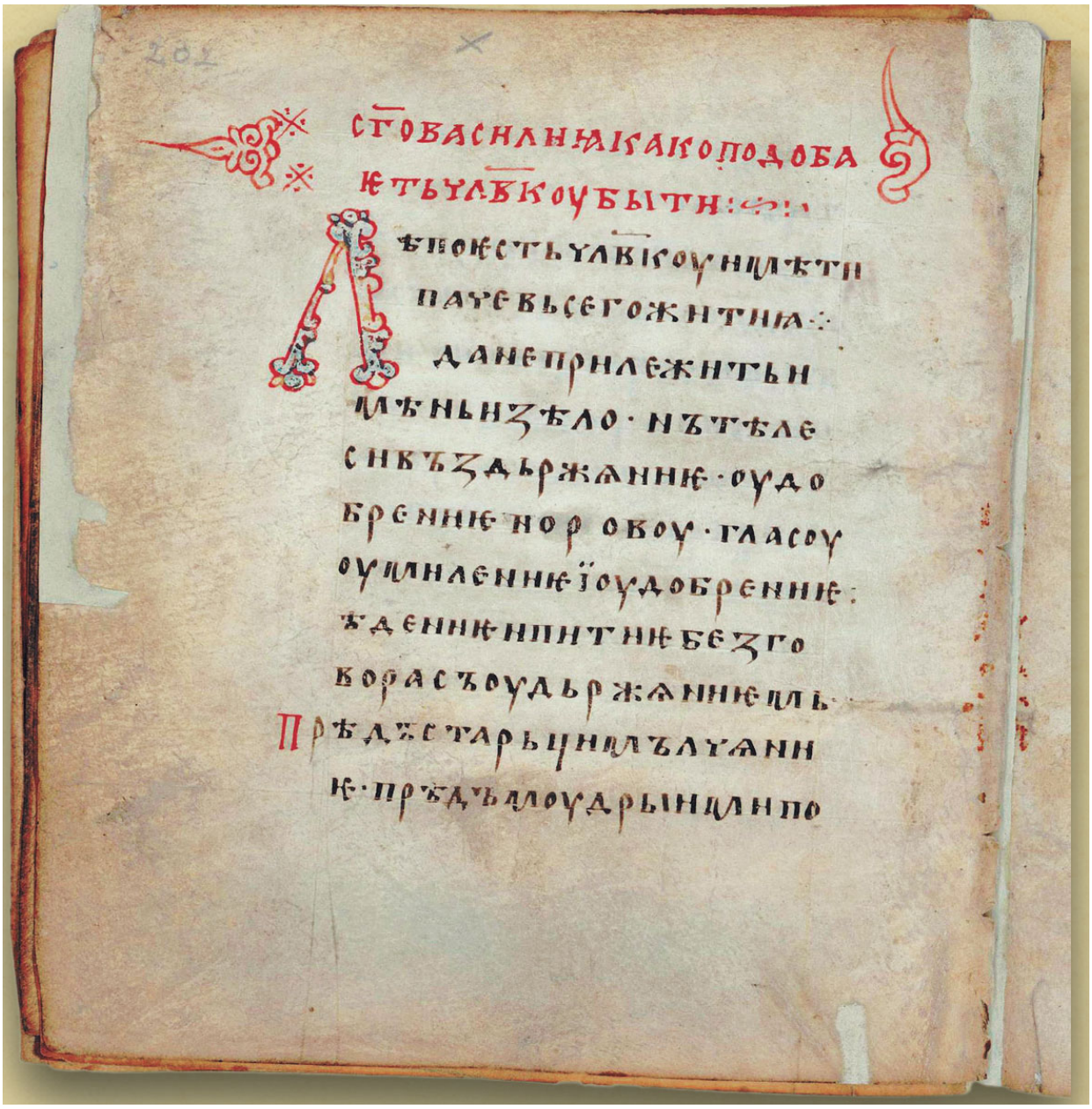
9. Венгерская война

В феврале 1848 года вспыхнула новая революция во Франции; Орлеанская династия свергнута, провозглашена республика, и волнение распространилось по Европе, обхватив и соседние с Россиею государства – Пруссию и Австрию. Польская эмиграция воспользовалась смутою для достижения своих целей. Не имея возможности действовать прямо против России, поляки действовали около, в австрийских владениях, в Дунайских княжествах, особенно сильное участие приняли они в венгерском восстании: успех этого восстания был в их глазах приготовлением к торжеству их собственного дела.

Для противодействия этим планам император Николай ввел свои войска в Дунайские княжества и в 1849 году по просьбе австрийского императора отправил к нему на помощь против венгерских повстанцев войско под начальством князя Варшавского. 1 августа венгерский диктатор Гёргей сдался русскому генералу Ридигеру с 30 000 войска и 120 пушками.

Иллюстрации

А. П. Рябушкин. Пир богатырей у ласкового князя Владимира. 1888 г.

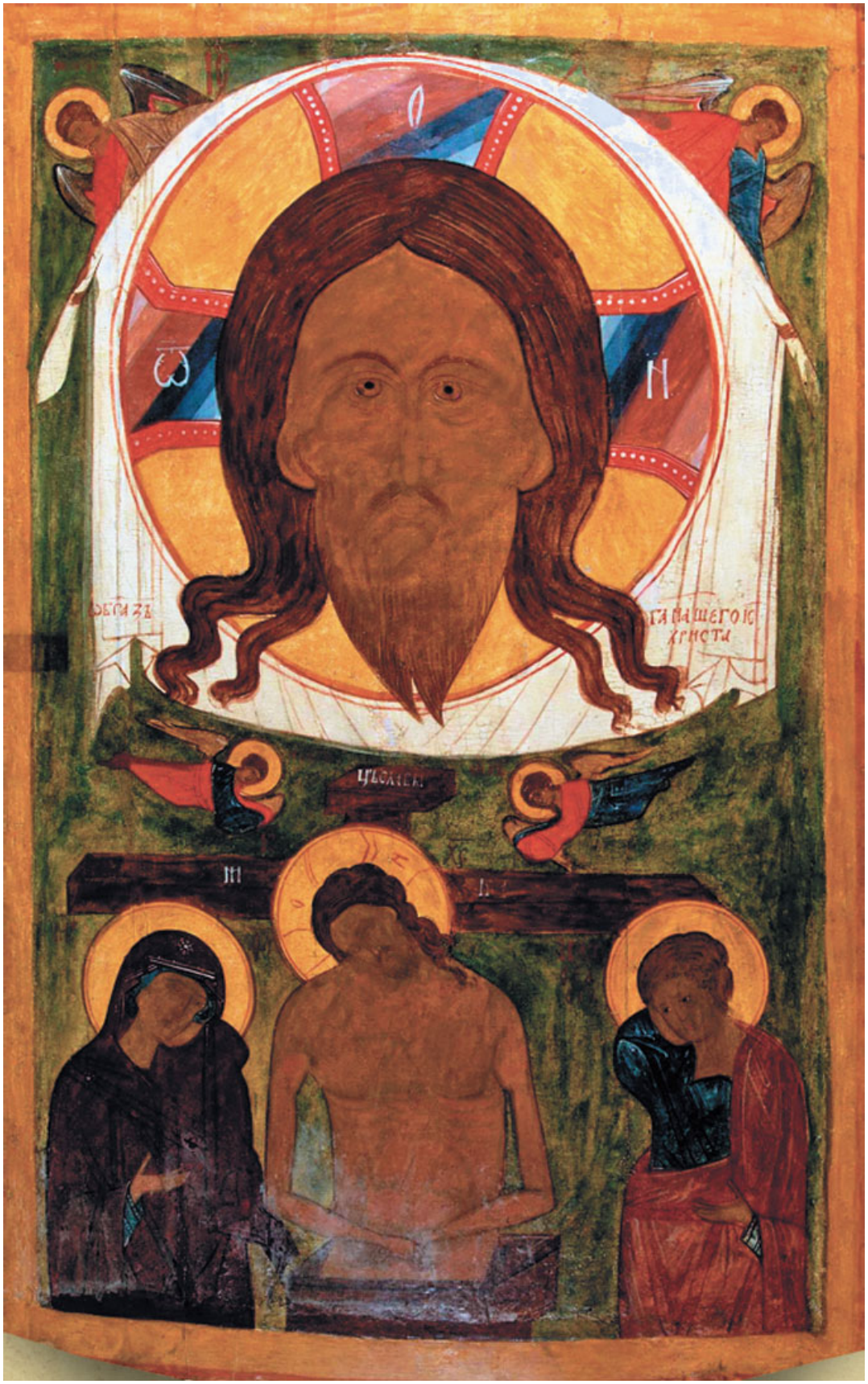


Сборник слов и поучений. Изборник Святослава.1076 г.

Борис идёт на печенегов (1015). Сказание о Борисе и Глебе. Сильвестровский сборник. XIV век

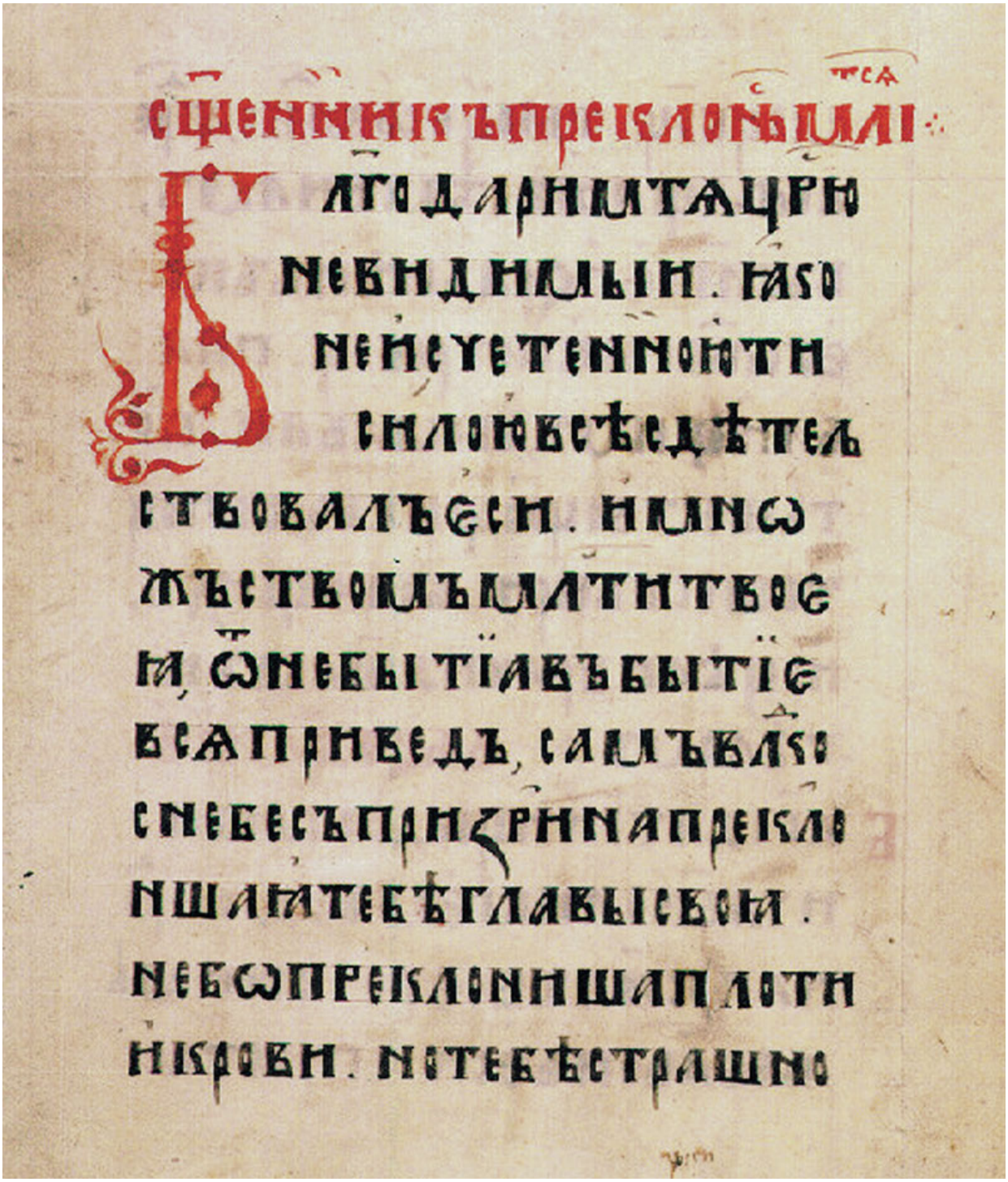
Браслет. XIII – начало XIV вв.

Подвеска-птичка. XI–XII вв., бронза


Ѡ
Н
ОБЕГИ ЗЕ
ГА НАШЕГО ІС
ХРИСТА
ГЦОХТЕК
ІІІ
І

Спас Нерукотворный. Икона. XV–XVI вв.

Дионисий. Алексий, человек Божий. Фрагмент росписи алтарной преграды Успенского собора



Ватиканский служебник Исидора. XV в.

Преподобные Никон Радонежский, Сергий Радонежский, Афанасий Высоцкий и князь Владимир Андреевич Храбрый. Миниатюра вкладной книги Высоцкого монастыря. XIV в.

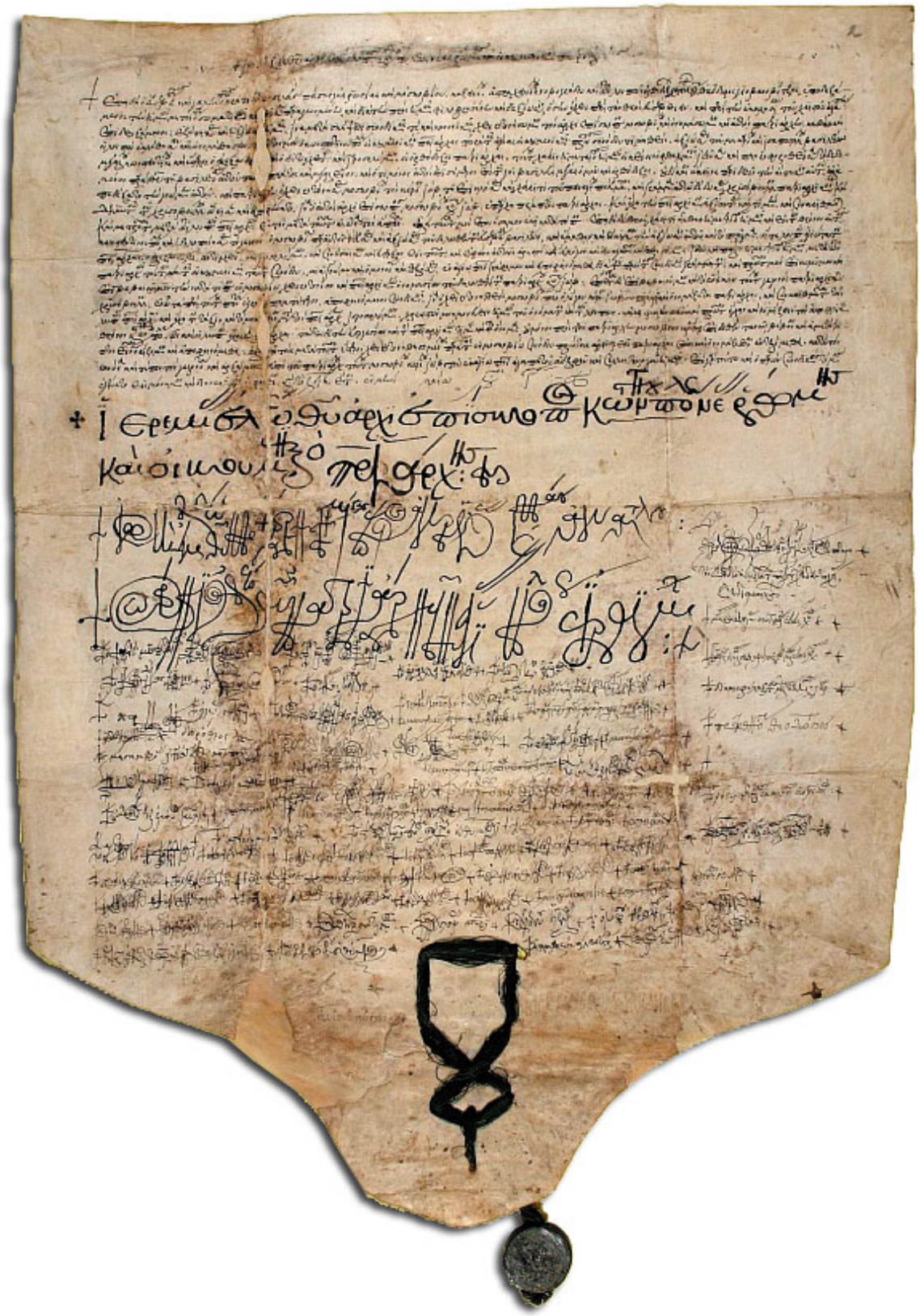
П. И. Коровин. Взятие Казани Иоанном Грозным

Я. П. Турлыгин. Митрополит Филипп и Иоанн Грозный

С. Иванов. Земский собор

М. В. Нестеров. Шутовской кафтан. Боярин Дружина Андреевич Морозов перед Иваном Грозным.

Мартин Кобер. Миниатюрный портрет короля Сигизмунда III Васа



Грамота об утверждении Московского патриархата. 1590 г.

А. Д. Кившенко. Покорение Сибири – битва казаков во главе с Ермаком с татарским войском

ST
DG
R
P
MDL

Ян Матейко. Стефан Баторий и его жена Анна Ягеллонка

Н. В. Неврев. Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма

А. Д. Кившенко. Царь Борис Годунов и дети

Икона Рождество Христово. Конец XVII в.

Икона-складень. Праздники и избранные святые. Конец XVI – начало XVII века

Икона Рождество Иоанна Предтечи. Россия, XVI в.

Нож с ножнами. Россия, Москва, начало XVII в.

А. М. Васнецов. Гонцы. Ранним утром в Кремле. Начало XVII века

Золотой. Между 1598–1605 гг.

К. Лебедев
1912.

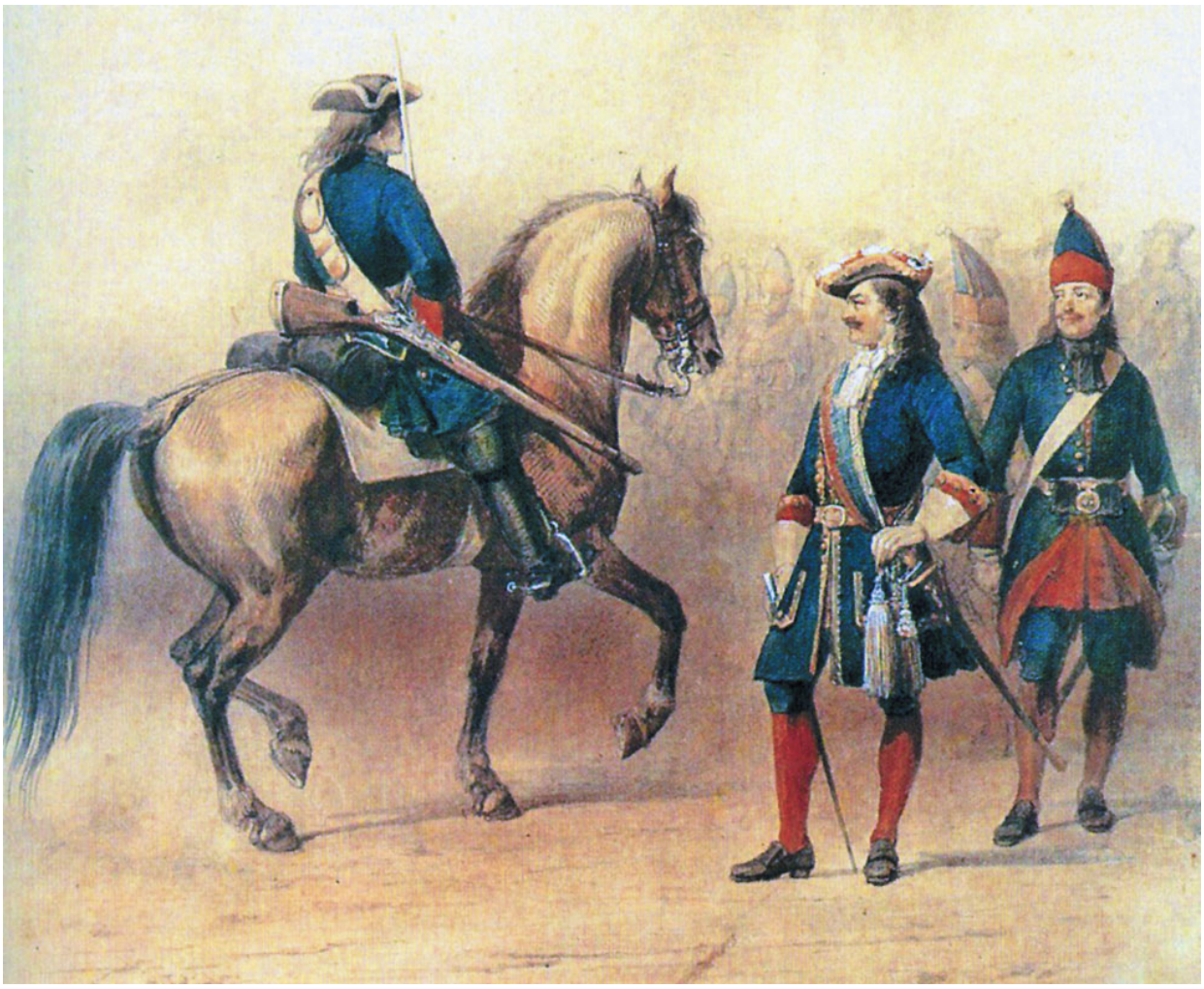
К. Лебедев. Лжедмитрий I и царевна Ксения Годунова.

А. Д. Кившенко. Патриарх Никон предлагает новые богослужебные книги

Булава. Россия, Москва, Оружейная палата, вторая половина XVII в. Принадлежала Богдану Матвеевичу Хитрово

Б. М. Кустодиев. Степан Разин

Беседы на Евангелие от Матфея 1664 года. Первое московское издание сочинения святителя Иоанна Златоуста в переводе преподобного Максима Грека



А. И. Шарлемань. Драгуны времён Северной войны (1720-е годы). 1871 г.

А. М. Матвеев. Портрет Петра I

Кабинет. Первая четверть XVIII в. Дерево, металл

Давид фон Крафт. Портрет короля Карла XII Шведского верхом на коне

Медальон с изображением боя при Кронштадте 14 июля 1705 г. Токарная мастерская (Токарня) Петра I. 1720-е гг.

К. В. Лебедев. Ассамблея при дворе Петра I

Царского Величества указъ

объявляется ради народного всѣмъ извѣстія.

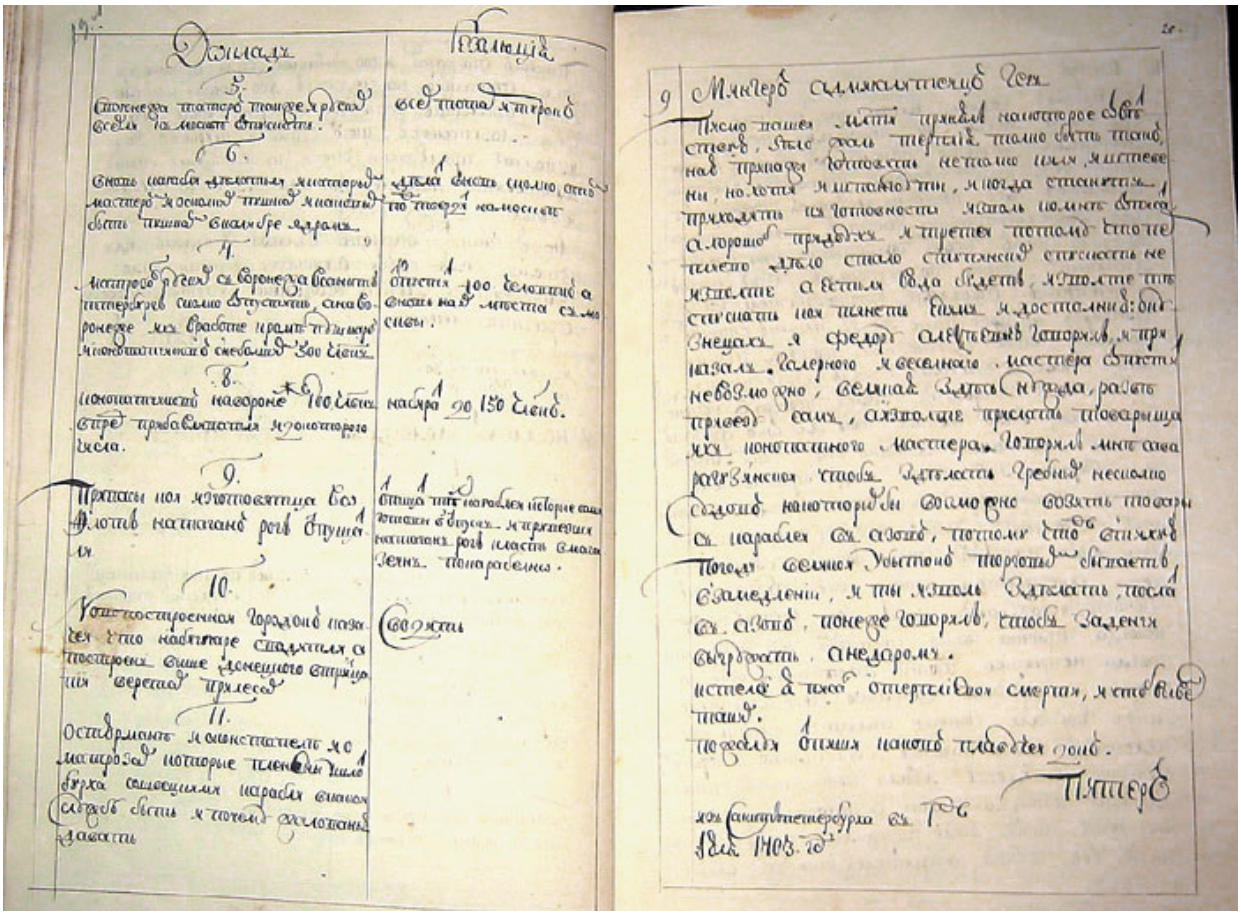
Мы Петръ Первый Царь, и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Между многими по долгу богоданной намъ власти попеченьми, о исправленіи народа нашего, и прочихъ подданныхъ намъ Государствъ, посмотря и на духовной чинъ, и видя въ немъ много нестроенія, и великую въ дѣлахъ Его скудость, несущимъ на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ него получивъ, благопоспѣшества во исправленіи, какъ воинского, такъ и гражданского чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовного, и когда нелицемѣрный онъ судія, воспроситъ отъ насъ отвѣта, о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безъ отвѣтни. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, благочестивыхъ Царей воспріявъ попеченіе, о исправленіи чина духовного, а не видя лутчаго къ тому способа, паче соборного правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому жъ ненаслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ; Уставляемъ духовную Коллегію, то есть духовное соборное правительство, которое по слѣдующемъ регламентѣ имѣетъ всякія духовные дѣла, во Всероссійской Церкви управлять, и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ, всякого чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное правительство, и у него крайней дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія, и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ, довольствоватися, и указовъ его слушать, во всемъ подъ великимъ за противленіе, и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ Коллегіи, должна же есть Коллегія сія, и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свои, яковыхъ правилъ востребуютъ, разные разныхъ дѣлъ случаи, однакожъ дѣлать сіе должна Коллегія духовная не безъ нашего соизволенія; Опредѣляемъ же въ сеи духовной Коллегіи быть именованнымъ здѣ членамъ. Единому Президенту, двоимъ Вице Президентомъ, четыремъ Совѣтникамъ, четыремъ Ассесорамъ.

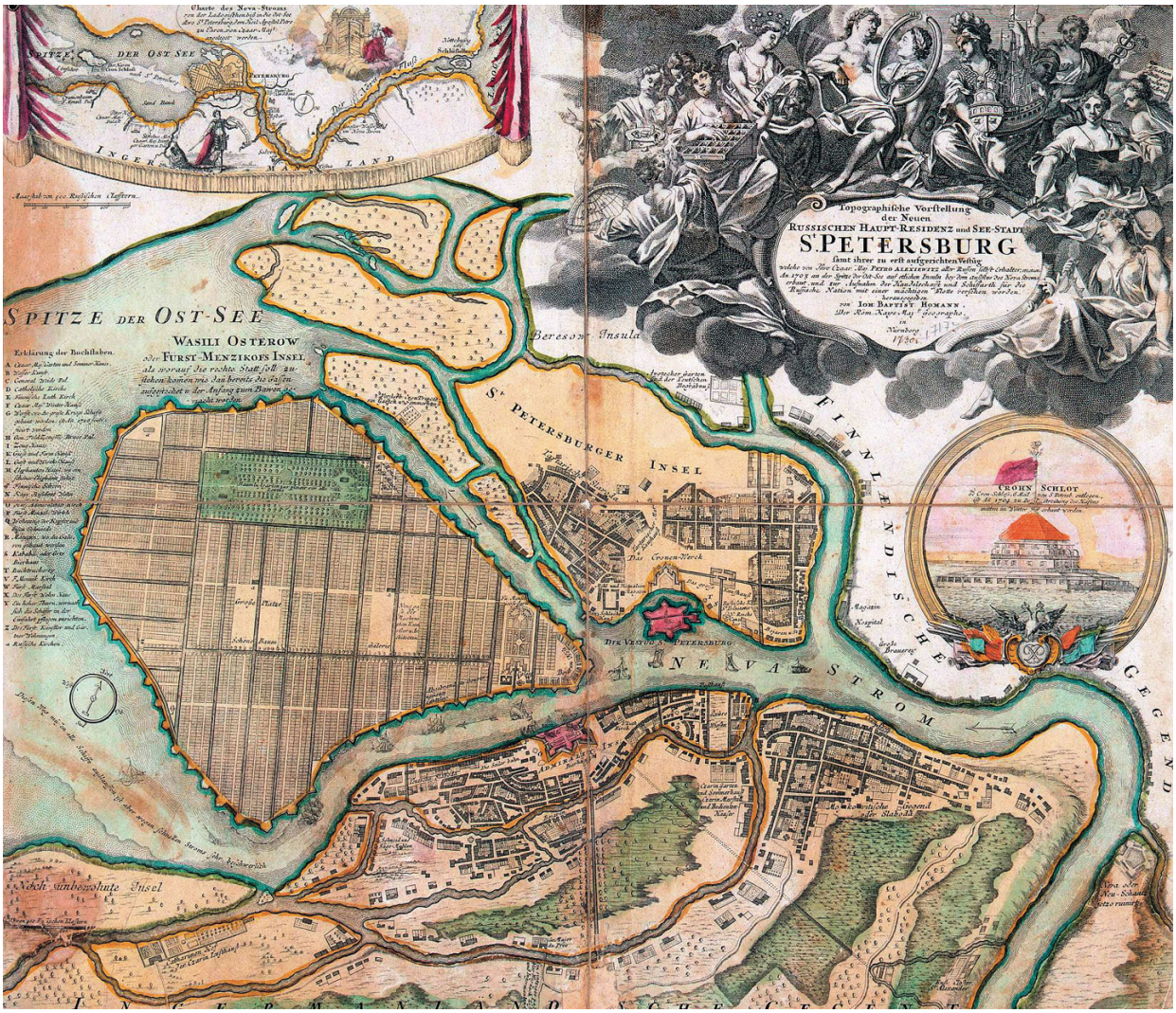
Печатанъ, въ Санктъпітербурхѣ, 1721, Февраля 9 дня.

Подлинной за собственною Его Царского Величества рукою, Генваря 25 дня.

Указ об учреждении Синода. 09.02.1721 г.

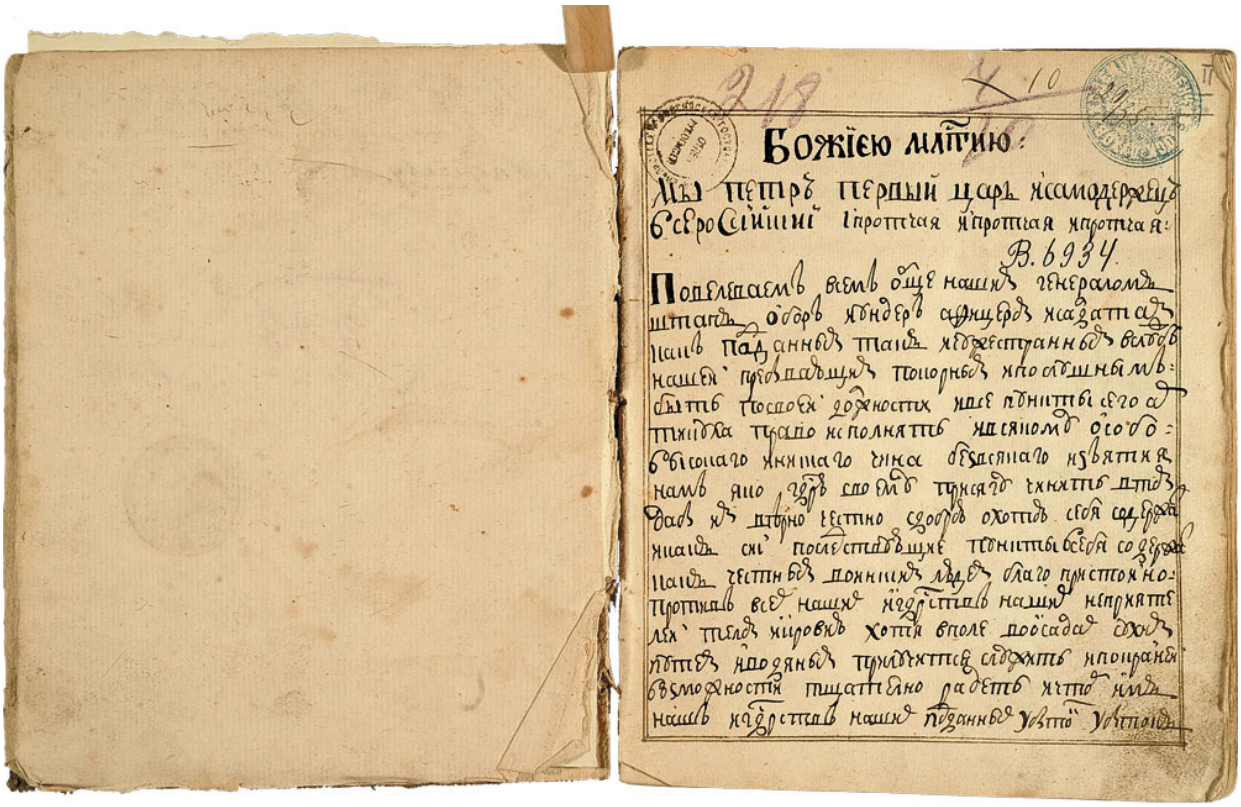


Письмо Петра I главе Приказа морского флота Ф. М. Апраксину о подготовке кораблей к отплытию в Азов



План Санкт-Петербурга. Неизвестный гравер, перв. четв. XVIII в. Германия, Нюрнберг

Один рубль (Петровский рубль). Оборотная сторона. 1724 г.



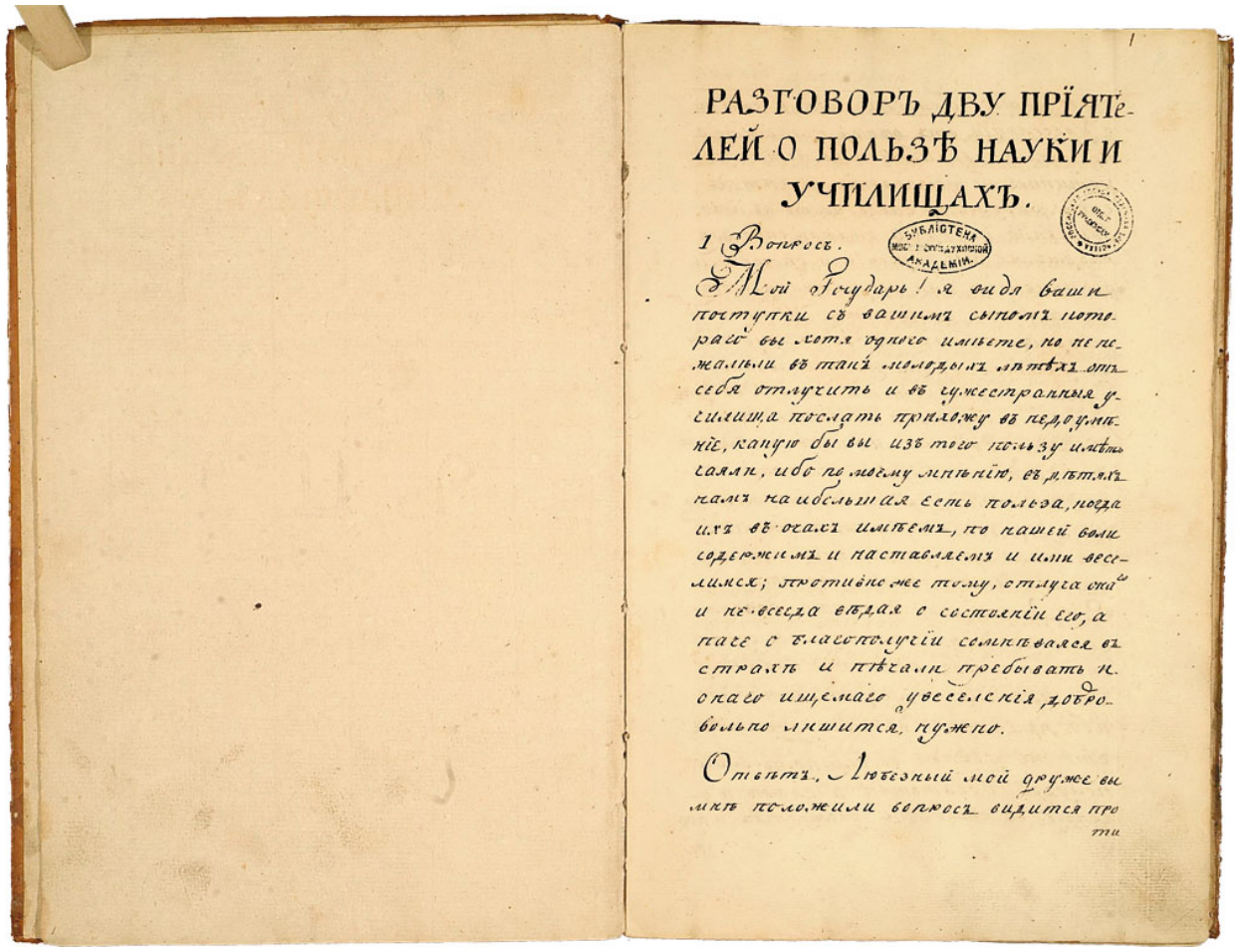
Божіею милостію.

Мы петръ первый царь и самодержецъ всероссійскій и протчая и протчая и протчая.

В. 6934.

Понеличаемъ всемъ обще нашихъ генераломъ штабъ и оберъ и иныхъ офицеровъ и казатцкаго нашего надъ нами и иностранныхъ волостей нашей преславныя монархіи и особливымъ быть послухомъ должностей нашея пункты сего артикула прямо исполнять и паче всего надлежащаго умысла обязанна изъятия нами ясно здравъ смыслъ требуетъ знать и твердо и истинно сохранить охотно свою службу знаючи сие послѣдующее пункты всѣ и каждые наши истинъ должныхъ людей благо пристойно противно всей нашей государственной нашей пользы тѣлесъ и крови хотя в полѣ до сада дохтеръ надлежащей привлекутся служить и по раненія возможностя тщательно радѣть что нашей государственной нашей пользы угодно

Н. В. Неврев. Пётр I в иноземном наряде



РАЗГОВОРЪ ДВУ ПРІЯТЕЛЕЙ О ПОЛЬЗѢ НАУКИ И УЧИЛИЩАХЪ.

1 Вопросъ.

Мой Государь! я видя ваши поступки съ вашимъ сыномъ которой вы хотя одного имѣете, но не желаете въ такихъ молодыхъ лѣтѣхъ отъ себя отлучить и въ чужестранныя училища послать приложу въ недоумѣніе, какую бы вы изъ того пользу имѣть сами, ибо по моему мнѣнію, въ дѣтяхъ нашихъ наибольшая есть польза, когда ихъ въ очахъ имѣемъ, по нашей волѣ содержимъ и наставляемъ и ими веселимся; потомъ же по тому, отлучаемъ и не всегда вѣдая о состояніи его, а паче о благополучіи сомнѣваемся въ страхѣ и печали пребывать и онаго ищемаго увеселенія добровольно лишится нужно.

Отвѣтъ. Любезный мой другъ вы мнѣ положили вопросъ видится про ти

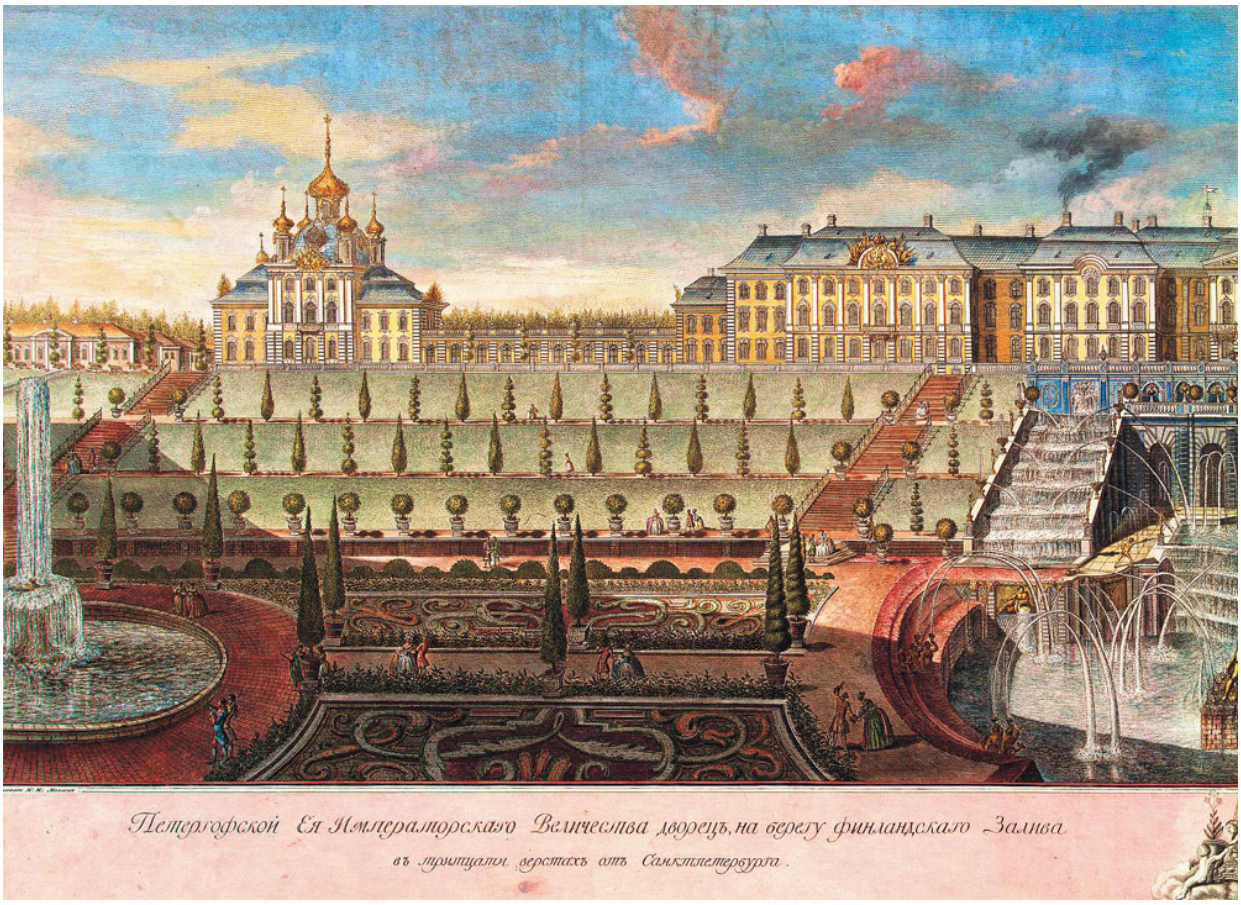
В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. Рукопись. 1780-е гг.

Петр III Федорович (урожденный Карл Петр Ульрих Гольштейн-Готторпский)

А. М. Опекушин. Екатерина II

1141
HO 25

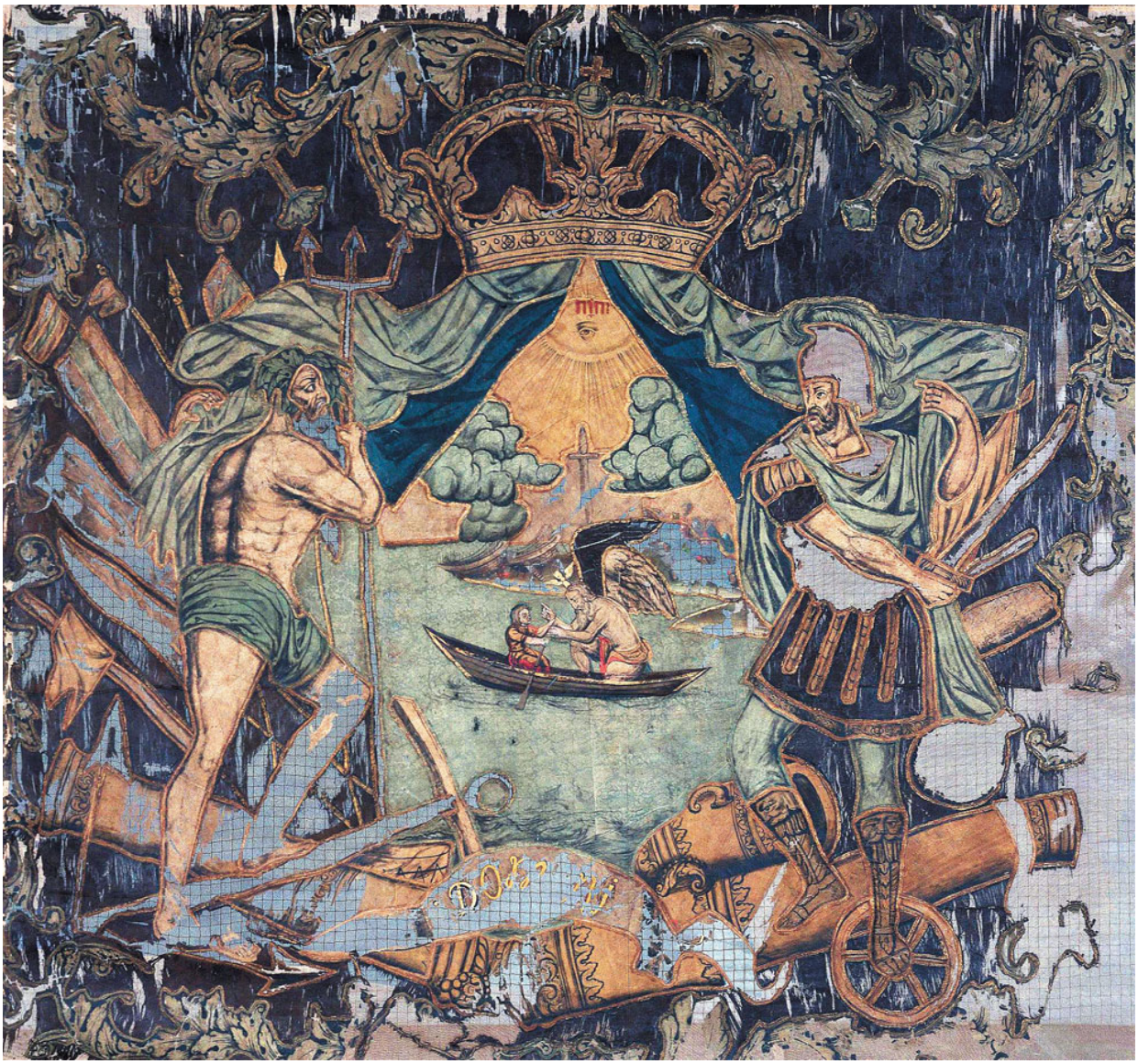
Знак шейный офицера Лейб-кампании. Россия, 1750-е гг.



Вид Большого дворца в Петергофе со стороны Финского залива. Правая часть. 1761 г., гравюра

Сахарница с вензелем императрицы Анны Иоанновны и Государственным гербом. Россия, 1730-е гг.

Шарф, Иоганн Готлиб. Табакерка с портретом графа А. Г. Орлова. 1778 г.



Знамя ротное Лейб-Гвардии Преображенского полка. Россия. 1700 г.

Знамя. Шелк. Россия, 1700 г.

Л. Каравакк. Портрет императрицы Анны Иоанновны. 1730 г.

Г. К. Гроот. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1744 г.

А. Д. Кившенко. Чесменский бой (Граф А. Орлов со штабом на верхней палубе линейного корабля «Три иерарха»)

Allg 1

АНЕКДОТЫ

О

БУНТОВЩИКѢ и САМОЗВАНЦѢ

Емелькѣ Пугачевѣ.

5954.

МОСКВА, 1809.

Въ вольной Типографіи

Ѳедора Любія.

2-й экз.

Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве. Москва. В вольной типографии Федора Любия, 1809 г.

Кубок с вензелем «Е II А» императрицы Екатерины II. Россия, 1770–1780 гг.

Ф. А. Моллер. Штурм Пугачевым Казани

Мундирное платье Екатерины II, по форме армейской пехоты. Россия, 1772 г.

IV 217
226.
3847
S.8278/2
SEMINARIUM HISTORYCZNE UNIWERSYTETU WARSZAWSKIEGO

OEUVRES

POSTHUMES

DE

FRÉDERIC II,

ROI DE PRUSSE.

Z Biblioteki Sztab Woiewódzkich Radomskich dz. Pilarów

TOME II.

BERLIN,

CHEZ VOSS ET FILS ET DECKER ET FILS.

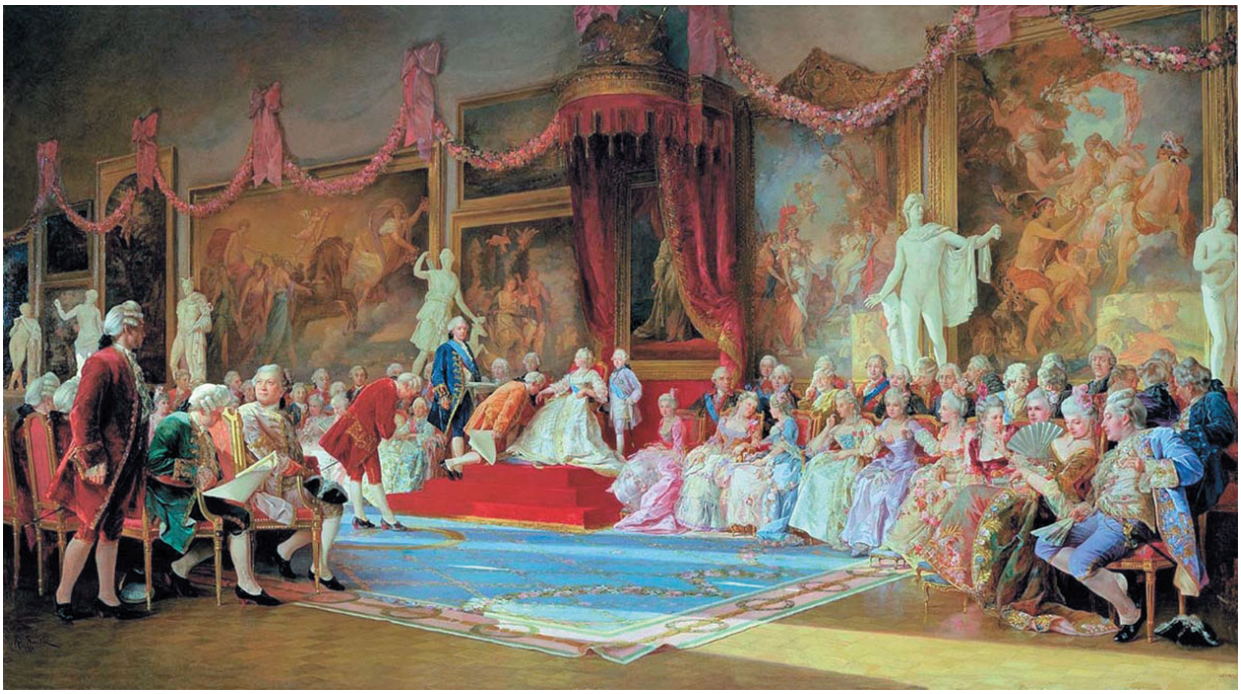
1788.

Фридрих II. Записки моего времени. Издано в Берлине, с подлинных рукописей, 1788 г.

И. К. Федоров. Императрица Екатерина II у М. В. Ломоносова

Робер Лефевр. Портрет Людовика XVIII в коронационных одеждах

Медальер К. А. Леберехт. Медаль в честь императрицы Екатерины II. Лицевая сторона. 1779 год. Серебро



В. М. Якоби. Инаугурация Императорской Академии художеств 7 июля 1765 года

Часы Екатерины II на шатлене. Около 1760 г.

Жан Огюст Доминик Энгр. Бонапарт – первый консул

Жак Доминик Рашетт. Скульптурная группа Ясский мир. Около 1791 г.

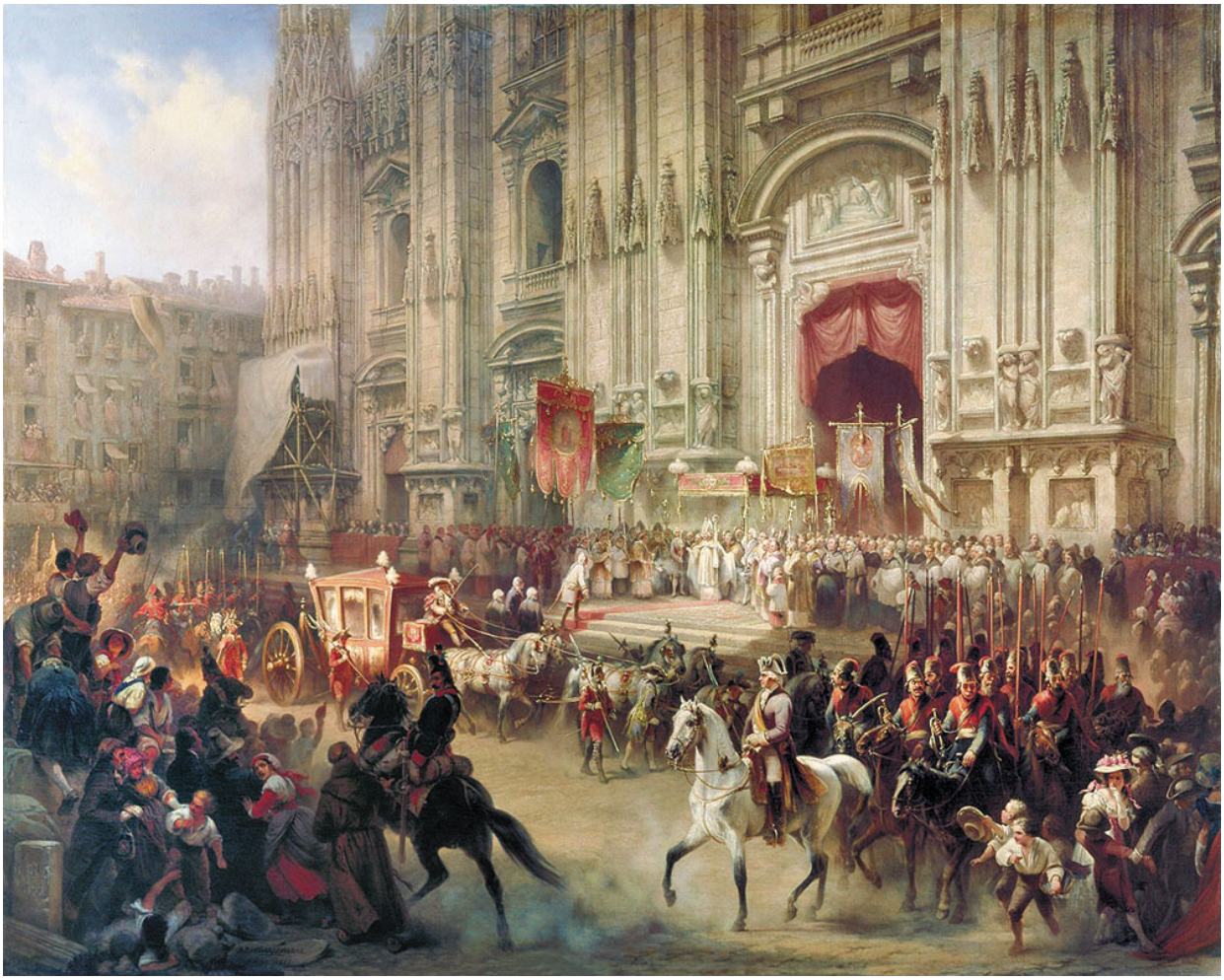
Сабля парадная. Франция. Около 1809 г.

А. И. Шарлемань. Фельдмаршал А. В. Суворов на вершине Сен-Готарда 13 сентября 1799 года

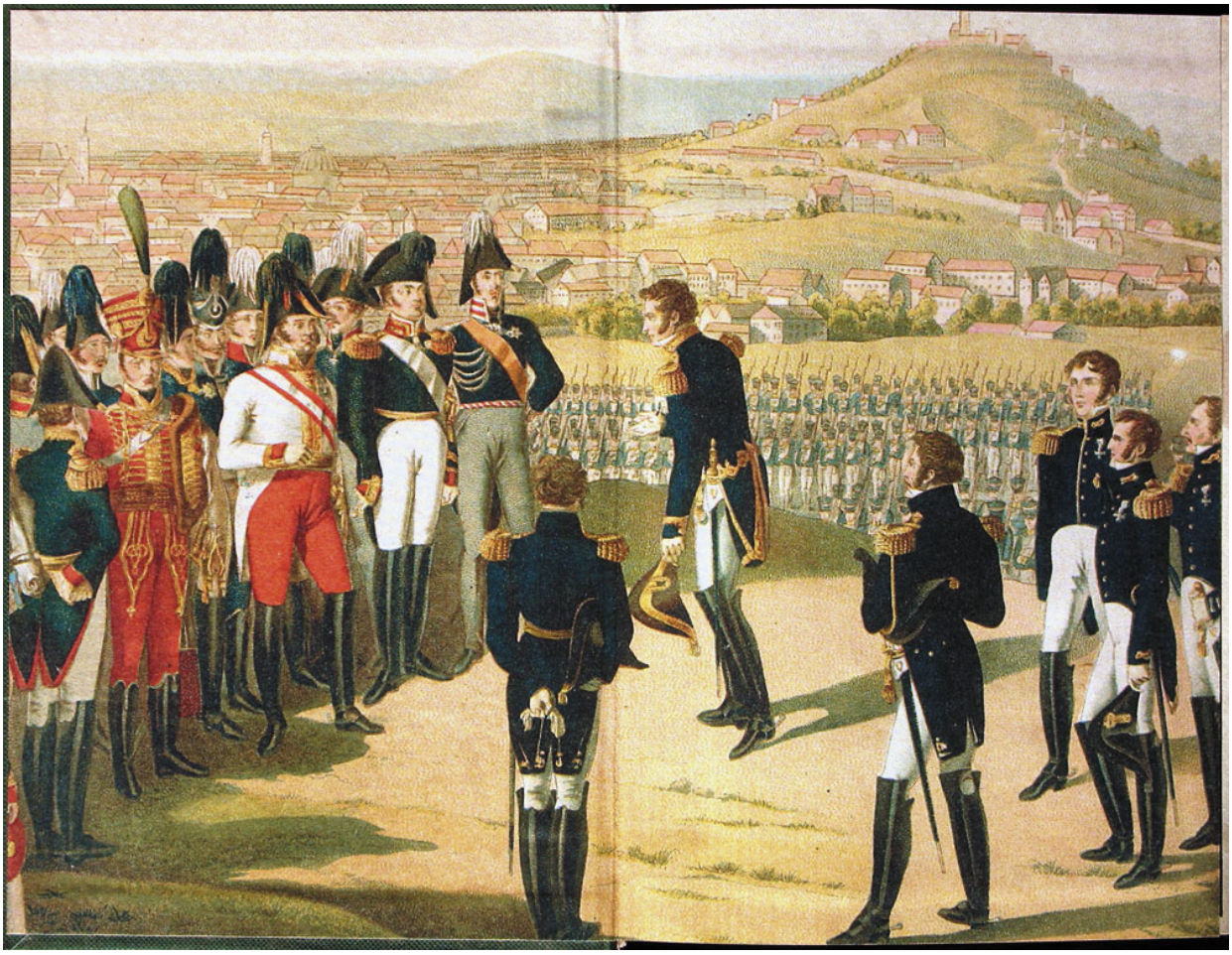
Императорскаго Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса кадетъ.

Кадет Императорского Сухопутного шляхетного и кадетского корпуса. 1793 г.

А. Е. Коцебу. Сражение при Нови 4 августа 1799 года



А. И. Шарлемань. Торжественная встреча А. В. Суворова в Милане в апреле 1799 года



Кульминация правления Александра I – маршал Мармон вручает ключи от Парижа российскому императору. Литография. 1814 г.

Жан-Франсуа Суарон. Портрет Наполеона I в коронационном одеянии. Франция, 1809 г.

Тарелка с изображением двух барабанщиков Роты дворцовых гренадер в Галерее 1812 года. Императорский фарфоровый завод. 1829 г.

Петер фон Хесс (Гесс). Бой под Красным 5 (17) ноября 1812 года

Медальон с портретами трех союзных монархов и полководцев Отечественной войны. 1815 г.

Табакерка с портретом императора Александра I. Первая треть XIX в.